

Антонен ДЕБИДУР

**ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ
ОТ ВЕНСКОГО ДО БЕРЛИНСКОГО КОНГРЕССА
(1814-1878)**

ТОМ I
СВЯЩЕННЫЙ СОЮЗ

Перевод с французского

Вступительная статья *Алексея Леонтьевича НАРОЧНИЦКОГО*

М.: государственное издательство иностранной литературы. 1947

Русский перевод книги А.Дебидура «Дипломатическая история Европы», т. I

сверен Б.Я.Жуховецким по французскому изданию:

A.Debidour «Histoire diplomatique de l'Europe», Paris 1891.

Веб-публикация: **Vive Liberta, 2011**

Тематически связанные материалы

в библиотеке http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

Источники

Французская дипломатия во время Революции: материалы Министерства иностранных дел Франции
Международная политика в документах новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч.1, От Французской революции до империалистической войны

Монографии и статьи

Н.Яковлев. «Дипломатическая революция» накануне Семилетней войны

А.Нарочницкий. Вопросы войны и мира во внешней политике якобинской республики летом 1793 г.

А.Нарочницкий. Робеспьеровский Комитет общественного спасения и нейтральные страны с осени 1793 г. до раскола среди якобинцев

А.Нарочницкий. Якобинская республика и нейтральные государства летом 1793 г.

Е.Коровин. Французская буржуазная революция 1789 года и законы и обычаи войны

Р.Авербух. Политика европейских держав в 1787-1791 гг.

Н.Лукин. Царизм и Французская буржуазная революция 1789 года: по донесениям И.М.Симолина

Н.Краснов. Дипломатические отношения США и Франции и период президентства Дж.Вашингтона

М.Альперович. Франснско де Миранда и предреволюционная Франция

В.Рогинский. Наполеоновская Франция и Швеция накануне Отечественной войны 1812 г.

М.Додолев. За кулисами наполеоновской дипломатии

В.Марков. Иллирийские провинции Наполеона

И.Майский. Наполеон и Испания

П.Ангран. Отголоски восстания декабристов во Франции

И.Звавич. Восстание 14 декабря и английское общественное мнение

Г.Кричевский. Шатобриан и 14 декабря

И.Гуткина. Противоречия европейских держав в первые годы греческой войны за национальную независимость (1823—1826 гг.)

И.Гуткина. Английская общественность и национально-освободительное движение в Греции в 20-х гг. XIX в.

А.Нарочницкий. Международные отношения от Февральской революции до лета 1848 г.

Б.Козьмин. Николай I и Мадзини в 1854 г.

Л.Эртье. История французской революции 1848 г. и Второй республики. Выпуск 1. 1814-1848 гг.

И.Майский. Испания 1808-1918 гг.

О.Орлик. Передовая Россия и революционная Франция: перв. половина XIX в.

М.Ковальская. Италия в борьбе за национальную независимость и единство. От революции 1831 г. к революции 1848-1849 гг.

Р.Авербух. Революция и национально-освободительная война в Венгрии в 1848-49 гг.

Фоссей Дж. Кобб Херншоу. Европейские коалиции, союзы и согласия, 1792-1918 гг.

И.Галкин. Франко-прусская война и Парижская Коммуна. Франция и Германия в 1870-1914 гг.

Некоторые персоналии

ТАЛЕЙРАН де Перигор Шарль Морис

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#Tlr>

ФУШЕ Жозеф

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#fcht>

Буонапарте Наполеоне (НАПОЛЕОН БОНАПАРТ)

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#bonp>

ГИЗО Пьер Гийом Франсуа

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#guizot>

ТЬЕР Адольф Луи

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#thiers>

Шарль-Филипп, граф Артуа, Карл X

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#artois>

Луи Станислав Ксавье (граф Прованский, Людовик XVIII)

http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#louis_xviii

Луи Филипп

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#louis-ph>

Вступительная статья А. Л. Нарочникова**Предисловие А. Дебидура****ВВЕДЕНИЕ**

I. Политика, направленная против Наполеона. — II. Коалиция 1813 г. — III. Конгресс в Шатильоне. — IV. Союзники, Наполеон и граф д'Артуа. — V. Людовик XVIII и трактат 30 мая. — VI. Приготовления к Венскому конгрессу

Часть 1. СВЯЩЕННЫЙ СОЮЗ**Глава первая. ВЕНСКИЙ КОНГРЕСС**

I. Англия, Австрия, Россия, Пруссия и их программы. — II. Второстепенные государства и Франция при открытии конгресса. — III. Талейран и четверной союз. — IV. Распадение коалиции (трактат 3 января). — V. Разрешение саксонско-польского вопроса. — VI. Итальянские дела на конгрессе. — VII. Результаты переговоров к марту 1815 г. — VIII. Возвращение с острова Эльбы. — IX. Декларация конгресса; причины, задерживающие открытие военных действий. — X. Наполеон, Людовик XVIII и дипломатические отношения в течение «Ста дней». — XI. Последние работы конгресса; Германский союз. — XII. Заключительный акт. — XIII. Резюме

Глава вторая. СВЯЩЕННЫЙ СОЮЗ

I. Наполеон на острове св. Елены. — II. Людовик XVIII в Тюильри. — III. Разоружение и разорение Франции. — IV. Союз четырёх великих держав и тайные переговоры. — V. Талейран, Ришелье и конвенция 2 октября. — VI. Александр I и Священный союз. — VII. Трактаты 20 ноября 1815 г.

Глава третья. ГОДЫ МИРА

I. Священный союз и русская политика. — II. Восточный конфликт; Александр I и Махмуд. — III. Испано-американский вопрос. — IV. Александр I, Ришелье и политика 5 сентября. — V. Русский либерализм; первые признаки агитации в Италии «Германии». — VI. Меттерних и секретная нота. — VII. Предварительные переговоры по поводу созыва нового конгресса. — VIII. Конференция и акты, подписанные в Ахене

Глава четвёртая. РЕВОЛЮЦИЯ ВНОВЬ ПЕРЕХОДИТ В НАСТУПЛЕНИЕ

I. Партикуляризм и Священный союз. — II. Революционная Германия в 1819 г. — III. Теплиц и Карлсбад. — IV. Конференция в Вене и заключительный акт 1820 г. — V. Либеральная Франция, Деказ и Ришелье. — VI. Революция в Испании «в Португалии». — VII. Революция в Неаполе и конгресс в Троппау. — VIII. Революция в Пьемонте, восстание в Греции и конгресс в Лайбахе

Глава пятая. ОТ ЛАЙБАХА ДО ВЕРОНЫ

I. Пиренейский полуостров и вопрос о колониях в 1821 г. — II. Греческий вопрос и русские ноты. — III. Ганноверское свидание и Венская конференция. — IV. Распространение революции в Испании, Португалии и Америке. — V. Планы великих держав при открытии конгресса в Вероне. — VI. Веронский конгресс и испанские дела. — VII. Остальные вопросы, которые рассматривались в Вероне. — VIII. Моральное насилие над Францией; конец конгресса

Глава шестая. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЦАРЯ-ИДЕОЛОГА

I. Министерство Виллеля и испанские дела. — II. Реакционная политика 1823 и 1824 гг. — III. Торжество революции в Новом Свете. — IV. Усиление сочувствия к грекам в Англии. — V. Переговоры в Петербурге и смерть Александра I

Глава седьмая. КАННИНГ, НИКОЛАЙ I И ГРЕЦИЯ

I. Восшествие на престол императора Николая I. — II. Русский ультиматум, посольство Веллингтона и протокол 4 апреля. — III. Махмуд и Аккерманский договор. — IV. Каннинг и португальское престолонаследие. — V. Греческий вопрос и Лондонский трактат. — VI. На другой день после Наварина. — VII. Политика Веллингтона. — VIII. Русско-турецкая война. — IX. Происки и неудачи Меттерниха; берлинский двор и зарождение Таможенного союза. — X. Лондонская конференция и протокол 22 марта. — XI. Адрианопольский договор. — XII. Освобождение Греции. — XIII. Утопия Поляньяка

Глава восьмая. РЕВОЛЮЦИЯ И ПОЛИТИКА «ЗОЛОТОЙ СЕРЕДИНЫ»

I. Признание июльской монархии со стороны Европы. — II. Революция в Бельгии и Лондонская конференция. — III. Варшава и Брюссель. — IV. Итальянский кризис в 1831 г. — V. Казимир Перье и меморандум 21 мая. — VI. Леопольд I, бельгийский король. — VII. Обречённая Польша. — VIII. Французы и Бельгия, договор 24 статей. — IX. Анконское дело. — X. Россия и Восток в начале 1832 г.

Глава девятая. «СЕРДЕЧНОЕ СОГЛАСИЕ»

I. Западные государства и северные дворы в 1832 г. — II. Бельгийские дела; трактат 22 октября и осада Антверпена. — III. Восточный вопрос: Махмуд, Мехмед-Али и Николай I; Кутахский и Ункиар-Искелесский договоры. — IV. Политика Священного союза; Теплиц и Мюнхенгрец. — V. Меттерних и контрреволюция. — VI. Португалия, Испания и четверной союз

Глава десятая. ЭВОЛЮЦИЯ ЛУИ-ФИЛИППА

I. Последней поворот политики Талейрана. — II. Луи-Филипп и венский двор в 1834 и 1835 гг. — III. Антифранцузская политика Пальмерстона. — IV. Министерство Тьера и австрийский брак. — V. Моле, Меттерних и Мельбурн. — VI. Бельгийский вопрос; анконский вопрос

Глава одиннадцатая. **НАПОЛЕОН МИРА**

I. Восточный кризис и проекты созыва конференции. — II. Абдул-Меджид и нота 27 июля 1839 г. — III. Сближение России с Англией. — IV. Тьер и Пальмерстон; трактат 15 июля. — V. Война или мир? — VI. Кабинет 29 октября; трудное начало политической деятельности Гизо. — VII. Конец кризиса; конвенция о проливах

Глава двенадцатая. **ТРУДНОСТИ ПРИМИРЕНИЯ**

I. Во что превратилось «сердечное согласие». — II. Право осмотра в 1841 и 1842 гг. — III. Неудача франко-бельгийского таможенного союза. — IV. Французские и английские интриги в Испании; падение Эспартеро. — V. Колониальная политика Луи-Филиппа. — VI. Успехи его дипломатии в Испании и в Греции. — VII. Инциденты в Марокко и на острове Таити. — VIII. Урегулирование права осмотра. — IX. Вопрос об испанских браках. — X. Июльская монархия, венский двор и контрреволюция

Глава тринадцатая. **ПОСЛЕДНЕЕ УСИЛИЕ МЕТТЕРНИХА**

I. Европа и Польша в 1846 г. — II. Испанские браки. — III. Насилие над Краковом. — IV. Неопределённая позиция северных держав. — V. Венский кабинет и революционные партии в Австрии, Германии, Швейцарии и Италии. — VI. Взгляды Гизо и Меттерниха. — VII: Ненадёжное сотрудничество. — VIII. Революционная тактика Пальмерстона. — IX. Бессилие политики предупреждения

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Труд французского профессора А. Дебидура «Дипломатическая история Европы от Венского до Берлинского конгресса (1814—1878)» в двух томах вышел в свет более 50 лет тому назад¹, но пользуется большой популярностью и до настоящего времени. В 1903 г. первая половина его была переведена на русский язык и издана под названием «Политическая история XIX века. История внешних сношений европейских держав с 1814 по 1878 г. Том первый. Священный союз (1814—1847)». Этот перевод положен в основу первого тома настоящего издания; второй том переведен впервые. Выход его в свет особенно важен, так как по дипломатической истории 1848—1878 гг. иностранные общие труды на русском языке не издавались, если не считать книги английского историка Ч. Файфа «История Европы XIX века» (Спб. 1904), в значительной части посвящённой международным отношениям.

Антонэн Дебидур родился в 1847 г. В 1870 г. он добровольцем участвовал в боях с пруссаками в окрестностях Парижа. В 1877 г. вышла в свет его диссертация об анжуйской фронде². В 1878 г. А. Дебидур получил кафедру в Нанси, а в 1890 г. стал главным инспектором народного образования во Франции. В 80-х годах он посвятил себя изучению международных отношений и дипломатии 1814—1878 гг. и в 1891 г. издал свою «Дипломатическую историю Европы». После этого Дебидур занялся историей взаимоотношений церкви и государства во Франции в конце XVIII и в XIX веке и около двадцати лет изучал этот вопрос. Результатом его исследований явились капитальные работы: «История отношений церкви и государства во Франции с 1789 по 1870 г.» и «Католическая церковь и государство

¹ *Debidour, A., Histoire diplomatique de l'Europe depuis l'ouverture du Congrès de Vienne jusqu'à la clôture du Congrès de Berlin, Paris 1891, t. 1—2.*

² «La fronde angevine, tableau de la vie municipale au XVII siècle, P. 1877.

при Третьей республике»¹. Дебидур — сторонник отделения церкви от государства и светского образования, хотя отнюдь не был непримиримым врагом клерикализма. Его труды по истории церкви во Франции послужили историческим обоснованием половинчатых мероприятий по отделению церкви от государства, проведённых радикальным министерством Рувье в 1905 г. В 1906 г. Дебидур получил в Сорбонне кафедру истории христианства в «новейшее» время (т. е. после 1789 г.) и с неизменным успехом выступал с чтением лекций. В последние годы жизни (он умер в феврале 1917 г.) А. Дебидур был занят продолжением «Дипломатической истории Европы» и написал ещё два тома, доведя изложение событий до 1916 г.²

Из всех трудов Дебидура первые две книги его «Дипломатической истории Европы (1814—1878 гг.)» принесли ему наибольшую известность и общеевропейское признание. В них наиболее полно отразились его политические симпатии, метод исследования, эрудиция и литературное дарование.

Политические взгляды Дебидура определились в 70-х годах XIX века, когда на его глазах произошёл крах Второй империи, была подавлена Парижская Коммуна и велась ожесточённая борьба за укрепление буржуазной республики во Франции. Дебидур — буржуазный либерал, близкий к радикальным кругам. Он республиканец, питающий симпатии к национально-освободительным и объединительным движениям, к буржуазным преобразованиям и даже к революциям 1848—1849 гг. Как и подобает буржуазному либералу, Дебидур, разумеется, не упускает случая заметить, что революции 1848 г. шли дальше, чем ему казалось бы нужным, и что если они всё же принесли пользу Европе, то это произошло, несмотря на их крайности, «излишества» или, как он выражается, их «частичные и временные ошибки». Нечего и говорить, что Дебидур совершенно игнорирует отношение революционеров-демократов и основоположников научного коммунизма — Маркса и Энгельса к вопросам внешней политики, так же как он игнорирует историческую роль пролетариата и отношение его к дипломатии и войнам XIX века. Дворянско-династическая политика самодержавно-крепостнического царизма, Пруссии и Австрии и бонапартистская диктатура

во Франции, а также реакционная политика римской курии являются предметом его осуждения. В центре его внимания находятся те отношения между государствами и те дипломатические переговоры, которые привели Европу от наполеоновского владычества к преобладанию в 70—80-х годах XIX века шести великих держав, или, как он выражается, к «гекзархии» Англии, России, Франции, Австрии, Пруссии и Италии. Такую «директорию» шести держав, взаимно «уравновешивающих» друг друга, Дебидур считает прогрессом по сравнению с диктатурой одной из них при Наполеоне.

Следует вспомнить, что после франко-прусской войны в течение трёх десятилетий Западная Европа переживала сравнительно «мирный» период развития, когда переход к империализму ещё только начался и война в Европе казалась Дебидуру маловероятной. К тому же к 1890 г. уже наметилось русско-французское сближение, которое, по его мнению, уравновешивало непомерно возросшую мощь Германии и Тройственного союза. Несмотря на отсутствие симпатий к царской России, Дебидур считал, что сближение с нею Франции отдаляло военную опасность.

В 1890 г., заканчивая первые две книги своей «Дипломатической истории Европы», Дебидур рассматривал победу буржуазного строя в XIX веке и увеличение в Европе числа сильных, самостоятельных великих держав как явление положительное. Он делает вывод, что «с 1814 г. до наших дней»¹ отношения между европейскими государствами в известной мере улучшились, а количество причин, способных нарушать всеобщее спокойствие, в значительной мере сократилось». Пусть великие державы присвоили себе право силою диктовать свою волю малым странам, но если они «хорошо уживаются друг с другом, они фактически охраняют спокойствие; они сдерживают друг друга, к великой выгоде малых государств». Образование сильных государств из раздроблённых ранее Германии и Италии сделало, по мнению Дебидура, невозможными прежние войны их могущественных соседей за преобладающее влияние в разъединённых мелких итальянских и немецких княжествах и тем устранило много поводов к столкновениям. «Таким образом, — пишет Дебидур, — в результате образования этих двух государств в настоящее время меньше шансов, чем в прошлом, на то, чтобы всеобщий мир был нарушен. К тому же, следует полагать, что Германия и Италия, наделённые той силой, которую всегда даёт объединение, гораздо больше способствуют

¹ «Histoire des rapports de l'église et de l'état en France de 1789 à 1870», Paris 1898; «L'église catholique et l'état sous la troisième République», t. 1—2, Paris 1906—1909.

² «Histoire diplomatique de l'Europe depuis le Congrès de Berlin jusqu'à nos jours», t. 1—2, Paris 1916—1917.

¹ Т. е. до 1891 г., когда вышел в свет труд Дебидура.

благоденствию Европы и даже всего мира, чем кучка обеспокоенных своею слабостью и своим эгоизмом мелких государств, из которых они когда-то состояли». Дебидур полагал, что если бы ирландцам, славянам Австро-Венгрии, полякам и другим национальностям удалось получить широкую автономию или создать свои государства, а Франции вернуть Эльзас и Лотарингию, то Европа ещё более выиграла бы. Ход истории XIX века ведёт, по мнению Дебидура, к торжеству «принципа национальностей» и «принципа народного суверенитета», главным провозвестником которых явилась, по его мнению, Франция. Дебидур считал, что будущая победа этих начал и взаимное «уравновешивание» сильных национальных государств серьёзно затруднят возможность завоевательных войн.

Легко заметить, что в этих рассуждениях Дебидура перед нами выступает буржуазно-либеральная или даже радикальная концепция исторического развития с характерной для неё переоценкой значения буржуазной демократии, якобы устраняющей опасность завоевательных войн. Концепция эта не оригинальна: она лишь повторяет обычные взгляды французских и других историков либерально-республиканского направления и, разумеется, ни в коей мере не может удовлетворить советского читателя. (Научное освещение процесса развития международных отношений в XIX веке с учётом новейших документальных публикаций и исторических исследований читатель найдёт в коллективной работе «История дипломатии» под редакцией академика В. П. Потёмкина.)

В концепции Дебидура правильна и приемлема для нашего читателя лишь характеристика национально-объединительных движений и буржуазных преобразований XIX века как явлений прогрессивных, но автор питает необоснованные надежды на устойчивость того, что он называет «европейским равновесием», и явно преуменьшает потенциальное значение для Франции германской угрозы. Дебидур ещё не видел в 1890 г. начавшегося перехода к империализму и роста военной опасности в связи с обострением неравномерности развития капиталистических стран и борьбы их за рынки сбыта и сырья, которая должна была неизбежно привести и к политической реакции и к мировой войне.

В известном смысле можно говорить о том, что Венский конгресс создал систему взаимно уравновешивающих друг друга государств, но система эта держалась на реакционных устоях и просуществовала лишь около 35 лет, в течение которых она беспрепятственно испытывала различные потрясения.

Объединение Италии и объединение Германии, а в особенности захват последней Эльзаса и Лотарингии обострили политическое положение в Европе. Военно-политический перевес оказался на стороне бисмарковской Германии. Как указал Маркс, с этого времени военная опасность превратилась в «европейскую институцию»¹. Борьба против Парижской Коммуны на время заслонила собой в глазах французской буржуазии германскую угрозу, и возможно, что именно это обстоятельство вызвало ту недооценку её, которую мы замечаем в последних главах труда Дебидура.

Хотя Дебидур старается быть «объективным» и «беспристрастным», в его построениях сказывается его французский буржуазный национализм со свойственными последнему переоценкой роли Франции в международных отношениях и явным умалением значения Англии и в особенности России. Дебидура нельзя упрекнуть в пристрастии к империи Наполеона I или к авантюрной внешней политике Второй империи, но тот же буржуазный национализм делает его чрезмерно снисходительным к французской завоевательной политике и заставляет его забывать непреложный факт, что Наполеон I подавлял и уничтожал самостоятельность вполне жизнеспособных национальных государств, а Наполеон III использовал национальные движения в Италии и Германии лишь в целях политической спекуляции и для осуществления своих завоевательных стремлений. Возращение Франции к границам 1792 г. по решению Венского конгресса Дебидур признаёт величайшей «несправедливостью» и «унижением» для Франции; он даже считает несправедливым возврат награбленных французами во время наполеоновских войн произведений итальянского, голландского и бельгийского искусства их законным владельцам. Но несмотря на некоторые проявления национализма, Дебидур несравненно выше по своему относительному беспристрастию и объективности, чем такие грубо шовинистические немецкие историки международных отношений, как Зибель или Бранденбург.

* * *

То обстоятельство, что труд Дебидура до сих пор сохраняет ценность в качестве общего пособия и может быть полезен советскому читателю, объясняется не общей его концепцией, а прежде всего весьма умелым и удачным под-

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XXVI, стр. 68.

бором громадного фактического материала, добросовестным и, поскольку это позволяли автору доступные в то время источники, точным и хорошо упорядоченным изложением. По обилию фактов, биографических справок о европейских дипломатах и по детальности изложения труд Дебидура может считаться ценным справочным пособием. Но это не просто справочник, а в то же время живо и интересно написанная книга. Своё изложение Дебидур ведёт ясным и лёгким языком, достигая простоты и понятности при объяснении наиболее сложных и запутанных дипломатических комбинаций.

Чтобы понять всю ценность книги Дебидура и её место среди других общих работ по истории международных отношений, следует учесть, что общих обзоров дипломатической истории 1814—1878 гг. в исторической литературе имеется очень немного. Изучение этого периода международных отношений значительно отстало от изучения более поздних десятилетий 1871—1914 годов, которые после первой мировой войны привлекали внимание историков всех стран и были освещены такими подробными публикациями секретной дипломатической переписки, какие до сих пор отсутствуют для периода с 1814 до 1870 г. Известный труд английского профессора Ч. Файфа «История Европы XIX века» (1792—1878) содержит гораздо меньше фактических данных о европейской дипломатии, чем книга Дебидура. Он все же в основном посвящён общей гражданской истории, тяжёловесен по изложению и даёт узко одностороннее освещение событий с точки зрения английского либерализма, что в особенности проявляется в идеализации Пальмерстона и Гладстона. Можно упомянуть другой английский обзор европейской дипломатии профессора Моуата (*Mowat R. V., History of European Diplomacy 1815—1914, L. 1922*), но этот обзор необычайно сжат и в противоположность книге Файфа настолько лишён основных фактов общей гражданской истории, что может быть понят лишь очень хорошо подготовленным читателем. Освещение событий у Моуата ещё более узконационалистическое, чем у Файфа; в его книге в отличие от Файфа сказываются симпатии автора к политике английских консерваторов, в частности Дизраэли. Односторонней апологией британской дипломатии отличается и коллективная «Кембриджская история британской внешней политики»¹, хотя в ней использованы новейшие фактические данные из публикаций, изданных после появления в свет труда Дебидура. Немецкие историки вовсе не создали удобо-

читаемого обзора европейской дипломатии XIX века, который получил бы общее признание. Из работ на немецком языке можно указать лишь на соответствующие главы общего десятитомного труда швейцарского либерального профессора А. Штерна «История Европы от трактатов 1815 г. до Франкфуртского мира 1871 г.», законченного изданием в 1921 г.¹

На французском языке кроме книги Дебидура имеется ещё «Руководство по внешней политике» Эмиля Буржуа², первое издание которого появилось в начале XX века. Это — пособие, ещё более богатое фактическим материалом, чем работа Дебидура, ещё более обстоятельное и точное, но оно крайне трудно для чтения по своей словарно-энциклопедической сжатости и сухости изложения. Труд Э. Буржуа написан с либерально-буржуазной точки зрения, но без оттенка радикализма, свойственного Дебидуру. Это руководство представляет большую ценность для справок, но в нём читатель не найдёт того живого и легко понятного изложения, которым отличается книга Дебидура, занимающая среди подобных ей общих трудов весьма видное место.

* *
*

В предисловии к своему труду Дебидур говорит, что он не ставит себе целью проследить дипломатическую жизнь Европы во всём разнообразии её проявлений и в частности оставляет в стороне правовую сторону дипломатии. Дебидур указывает, что его книга написана с целью «рассказать в связной систематической форме не всё, чем занималась дипломатия с 1814 по 1878 г., а лишь то, чем она в течение этого периода способствовала восстановлению и укреплению общего мира в Европе или чем она его нарушала».

Дебидур совершенно правильно отмечает, что после разгрома наполеоновской империи, во время Венского конгресса, сложилась общеевропейская система государств, связанных между собой договорами. Решения этого конгресса он рассматривает как выражение диктатуры четырёх главных победителей Наполеона — России, Англии, Австрии и Пруссии. Через некоторое время (на Аахенском конгрессе 1818 г.) к этому «концерту» четырёх великих держав была допущена Франция, и таким образом в Европе установилось «пятивластие» (пентархия) этих государств, которое затем, после объединения Италии, превратилось в «шестивластие»

¹ Stern, A., Geschichte Europas seit den Verträgen von 1815 bis zum Frankfurter Frieden von 1871, Bd. 1—10, Stuttgart—Berlin.

² Bourgeois, E., Manuel Historique de politique étrangère, t. 1—3; Paris 1925—1927 (t. 1—2, 9-me éd; t. 3, 18-me éd.).

¹ Ward, W. and Gooch G. P., Cambridge History of British Foreign Policy, Vol. 1—3. N. Y. 1922—1923.

(гекзархию). Большие вопросы европейской политики зависели главным образом от этих шести крупных государств, и автор останавливается на роли в европейской дипломатии средних и малых государств лишь в тех случаях, когда они участвовали в переговорах или кризисах, имевших общее значение.

Таким образом, в центре внимания Дебидура — развитие *всей системы европейских международных отношений*, и это, разумеется, лишь увеличивает ценность его труда. Дебидур правильно рассматривает развитие международных отношений после Венского конгресса с точки зрения борьбы национально-освободительных и объединительных стремлений против трактатов 1815 г. Он показывает, как эта борьба осложнялась исконным соперничеством держав, их желанием сохранить и увековечить выгодное для них политическое равновесие и обеспечить себе территориальные и политические выгоды и приращения.

* *
*

Свой труд Дебидур разделил на две части в соответствии со своим представлением о двух периодах в развитии международных отношений 1814—1878 гг. Первая часть имеет подзаголовок «Священный союз» и охватывает 1814—1847 гг. Под политикой, или системой «Священного союза» автор понимает не столько известный акт 1815 г., составленный Александром I и подписанный другими христианскими государями европейского материка, сколько всю ту систему отношений европейских государств, которая была установлена «трактатами 1815 г.» и которая имела целью обуздать завоевательные стремления побеждённой Франции, восстановить повсюду, где это было возможно, дворянско-абсолютистскую реакцию и гарантировать державам — победительницам Наполеона их территориальные приобретения, не считаясь с национально-освободительными революционными стремлениями народов Европы.

Нельзя не признать правильным мнение Дебидура, что система отношений, созданная Венскими договорами 1815 г., сохранялась в своих основных чертах до революций 1848—1849 гг. Точнее было бы сказать, что хотя революции 1848 г. и подорвали её основы, но в 1849—1850 гг. эта система была восстановлена в результате контрреволюции и реакции. Лишь в 50—60-х годах она была окончательно разрушена под напором быстрого развития капитализма и трёх важнейших событий: Крымской войны, объединения Италии и объединения Германии.

Правильно отмечая реакционный и враждебный национально-освободительным движениям характер системы Священного союза, или «системы 1815 г.», что для Дебидура одно и то же, автор впадает, однако, в буржуазный национализм, когда в своём изложении он не проводит различия между действиями победителей Наполеона, направленными на обуздание завоевательных стремлений Франции, и политикой их в деле защиты дворянской реакции и осуществления их собственных завоевательных целей. Стремление французской буржуазии сломить систему договоров 1815 г., чтобы вновь открыть себе путь для завоеваний, Дебидур без всякого основания полностью сблизает с делом национального освобождения народов Европы.

Вторая часть труда Дебидура охватывает годы 1848—1878. Её главная тема — ниспровержение «системы 1815 г.» в результате революций 1848 г., Крымской войны, объединения Италии и объединения Германии, т. е. крушение того, что он в первой части называет политикой Священного союза.

И в первой и во второй части Дебидур ведёт изложение в строго хронологическом порядке, стараясь найти и показать читателю взаимную связь одновременных событий в различных частях Европы. Он отказался от более лёгкого приёма — изучать отдельно каждый из больших европейских вопросов, которыми занимались дипломатические круги в XIX веке. Вместо того, чтобы отдельно рассматривать внешнюю политику России, Франции, Англии, Австрии, Германии, Италии и других стран, он прослеживает их вместе в их взаимодействии. Такой способ изложения делает книгу Дебидура особенно оригинальной и отличает его труд от упомянутых выше общих работ Э. Буржуа, Моуата и других авторов.

Дебидур так поясняет цель и значение своего метода изложения событий: «Сначала может и не притти в голову, — пишет он, — что революции в Греции, Испании и Америке в известный период, безусловно, связаны между собой и что в другие периоды дела таких государств, как например, Польши, Дании, Германии и Италии, весьма тесно переплетаются и что вместе с тем в них замешаны все великие державы. Но внимательное изучение делает нас более проницательными. Зачем же разъединять факты, которые, будучи оторванными друг от друга, лишены всякого смысла? Зачем без особой надобности нарушать их хронологическую и причинную связь?». Конечно, способ изложения, принятый Дебидуром, несколько затрудняет изучение книги для начинающих. Чтение его труда требует известной предварительной подготовки и знания политической карты Европы XIX века.

Второе большое достоинство книги Дебидура заключается в том, что он не ограничивается описанием дипломатических отношений между государствами, а стремится связать события дипломатической истории с внутренней жизнью европейских стран. «У всех государств, — замечает он, — существует такая тесная связь между их внутренней и внешней политикой, что было бы по меньшей мере легкомысленно пытаться объяснить вторую, не считаясь с первой. Французская дипломатия не могла следовать одинаковым правилам и иметь одинаковые тенденции при июльской монархии и при режиме 1852 г. Позиция Англии по отношению к Европе неодинакова при виггах и при тори, при Рэсселе и при Ливерпуле или Пиле, при Гладстоне и при Дизраэли. В концерте великих держав Пруссия Бисмарка не может говорить и действовать так же, как Пруссия Гарденберга. Австро-венгерский дуализм Андраши неизбежно должен иметь иную программу внешней политики, чем старая Австрия Меттерниха».

Несмотря на всю правильность приведённых выше замечаний Дебидура, читатель не должен, конечно, забывать, что автор — либерально настроенный буржуазный историк, от которого нельзя ожидать ясного и последовательного объяснения внешней политики европейских держав интересами их правящих классов. Дебидур почти не интересуется экономической стороной международных отношений, к тому же очень мало исследованной в то время, когда он писал свою книгу. У него нет единого и последовательного метода объяснения связи между внутренней и внешней политикой. Перемену направления дипломатии отдельных европейских держав он объясняет то интересами, то идеологией их правительств или государей. Дебидур проводит различие между личной династической политикой и политикой дворянской реакции, с одной стороны, и политикой либеральной и национальной — с другой, но он идеализирует европейский либерализм XIX века, не понимая его классовый буржуазный ограниченный. Он явно преуменьшает реакционность Бисмарка, а также агрессивность и враждебность политики Пальмерстона по отношению к демократическим движениям, разоблачённой ещё Марксом¹. В тесной связи с этой идеализацией европейского либерализма стоит и отрицательное отношение Дебидура к «излишества» революции 1848 г.

Излагая в хронологической последовательности и во взаимной связи дипломатическую историю Европы, Дебидур

не достиг одинаковой полноты и глубины в освещении внешней политики всех великих держав. Он изучил по преимуществу французские источники и литературу и очень хорошо осведомлён также в вопросах внешней политики итальянских государств, римско-католического двора, Австрии и Пруссии. Но его знакомство с английскими источниками носит гораздо более ограниченный характер, а Россию он знает ещё меньше. Правда, русские источники были почти неизвестны в то время, когда Дебидур писал своё исследование. Англии и России Дебидур отвёл в своём труде гораздо меньше места, чем требовала действительная роль этих держав в международных отношениях.

Дебидур подробно перечисляет использованные им источники и литературу в примечаниях к каждой главе своего труда. При всей громадности этого материала он далеко не полон. Автор и сам сознавал, что ему недоставало многих источников. Несмотря на большую проделанную им работу, он скромно пишет, что смотрит на свою книгу лишь как на «набросок более обширного труда», которому он хотел бы посвятить «остаток своей жизни». Современный читатель должен помнить, что в 1891 г., когда Дебидур издал свою книгу, многие очень важные и теперь хорошо известные источники не были ещё опубликованы. Дебидур не знал и не мог использовать ни «Воспоминаний» Бисмарка, ни мемуаров Талеярана, ни бумаг Нессельроде. Он не мог учесть и материалы позднейших публикаций из германских, русских и французских архивов.

* * *

В рамках небольшой вступительной статьи нельзя, разумеется, перечислить все недостатки и достоинства отдельных глав книги Дебидура и внести все необходимые уточнения и добавления, которые позволяют сделать современное состояние исторической науки. Настоящая статья на это и не претендует. Тем не менее, важнейшие замечания по отдельным разделам этого труда могут быть бесполезны для читателя.

В изложении истории Венского конгресса Дебидур допускает обычное у французских историков преувеличение роли Талеярана на конгрессе и преуменьшение значения деятельности английской дипломатии, достаточно освещённой новейшими английскими исследованиями¹. Дебидур, например,

¹ См. Webster C., The Congress of Vienna, L. 1920; его же «The Foreign Policy of Castlereagh 1815», 1931. **ДИПЛОМАТИКА**

не отмечает того, что секретный союз Англии, Франции и Австрии против России и Пруссии был подготовлен во время конгресса при активнейшем участии не только Талейрана, но и Кэстльри.

Политике России в 1815—1822 гг., т. е. во время конгрессов Священного союза, Дебидур уделяет много внимания и правильно подмечает стремление Александра I помешать Пруссии как можно более ослабить и унижить Францию. Весьма положительной стороной этих глав книги Дебидура является то, что в них достаточно полно показана реакционная политика Австрии и Пруссии и роль Меттерниха в Священном союзе в 20-х годах XIX века.

Первые главы II тома «дипломатической истории Европы», посвящённые международным отношениям во время революций 1848—1849 гг., принадлежат к числу самых лучших во всём труде и до настоящего времени наименее устарели. В этих главах хорошо выяснено отношение Франции, Англии и царской России к перспективе объединения Германии и, в частности, к вопросу об установлении в Германии прусской гегемонии. Автор показывает контрреволюционную сущность прусской политики в Германии и завоевательные замыслы Пруссии в отношении Шлезвига и Голштинии, которые были тогда пресечены вмешательством Франции, Англии и Николая I. Дебидур останавливается также на грубом национализме и враждебности германской буржуазии и венгерского дворянства по отношению к славянам и итальянцам в 1848—1849 гг., и его книга помогает понять значение национального вопроса в судьбах революций этих лет. Реакционная и националистическая позиция германской буржуазии и венгерских деятелей по отношению к славянам явилась одной из важных причин неудачи революций 1848—1849 гг. Она дала возможность силам реакции использовать в своих целях буржуазно-националистические движения славян, которые не могли ждать от германской буржуазии удовлетворения их национальных чаяний и признания политической независимости Чехии и других областей. В статье «Пражское восстание» Маркс отметил этот пагубный для исхода революций 1848 г. национализм германской буржуазии. «Революционная Германия, — писал Маркс, — должна была, особенно в отношении соседних народов, отречься от всего своего прошлого. Вместе со своей собственной свободой она должна была провозгласить свободу тех народов, которые доселе ею угнетались. А что сделала революционная Германия? Она совершенно подтвердила и освятила старое угнетение Италии, Польши, а затем и Богемии при помощи немецкой военщины. Кауниц и Меттерних со-

вершенно оправданы. И после этого немцы требуют, чтобы чехи им доверяли! И после этого осуждают чехов за то, что они не желают присоединиться к нации, которая, освобождаясь сама, в то же время угнетает и оскорбляет другие нации!»¹.

Недостатком этих глав является некоторая недооценка автором значения интервенции царской России в Венгрии для поражения революций 1848—1849 гг., но западноевропейскую контрреволюцию и реакцию в области дипломатии 1848—1850 гг. он показал весьма удачно и с большой полнотой.

Анализ внешней политики Наполеона III, Кавура и Пальмерстона в период объединения Италии составляет одну из самых интересных и подробных глав книги Дебидура. Но Дебидур не мог полностью показать роль в этом вопросе России, которая серьёзно облегчила разгром Австрии в войне 1859 г.: Александр II 3 марта 1859 г. заключил соглашение с Наполеоном III о дружественном по отношению к Франции нейтралитете и устно пообещал выставить у русско-австрийских границ несколько корпусов, чтобы сковать силы Австрии. Эти факты стали в точности известны лишь в результате опубликования (в журнале «Красный архив» № 88, 1938 г.) документов из русских архивов.

Следует отметить недостаточное внимание Дебидура к польскому вопросу в международных отношениях 1830—1831 и 1863 гг.² Бегло касаясь этого вопроса, Дебидур допускает неточности и ошибки. Он преувеличивает «бескорыстие» симпатий французской буржуазии к полякам. На деле французская буржуазия и французское правительство желали восстановления Польши в границах 1772 г. вовсе не из идейного сочувствия к национальному делу поляков, а для того, чтобы создать себе из Польши вассала и союзника на востоке Европы и ослабить Россию.

Неосновательно также утверждение Дебидура, что Горчаков в 1863 г. не верил в возможность войны России с западными державами из-за Польши. На самом деле в России велись приготовления к войне, и в русских правительственных кругах войну считали весьма возможной. Ничем не может быть подкреплено и утверждение Дебидура, будто бы ответы Горчакова на ноты западных держав по польскому вопросу в 1863 г. были внушены ему Бисмарком.

Дебидур совершенно недостаточно освещает отношение

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VI, М.—Л. 1930, стр. 185.

² Кстати, отметим ошибочность утверждения Дебидура, будто конституция 1815 г. была гарантирована Польше Венским конгрессом.

царской России к объединению Германии и причины нейтралитета России во время войны Пруссии с Данией и Австрией в 1864 и 1866 гг. Особенно старается Дебидур не подчёркивать то обстоятельство, что благоприятное отношение царской дипломатии к усилению Пруссии в 60-х годах XIX века, при Наполеоне III, было в значительной мере обусловлено враждебностью к России французской и английской политики не только в польском вопросе, но и в вопросе о Парижском мире, к пересмотру которого русская дипломатия настойчиво стремилась с 1856 до 1878 г. Недавние публикации документов из русских архивов (см. «Красный архив», т. 93, 1939 г.) раскрыли и другие причины невмешательства царизма в войны Пруссии с Данией и с Австрией, а именно: финансовая и военная отсталость России, внутренние осложнения в связи с реформами 60-х годов, боязнь за положение в Польше в случае войны или конфликта с Пруссией и т. д.

Неясным остаётся у Дебидура и вопрос об отношении Англии к политике Бисмарка и к объединению Германии, несмотря на то, что переписка Пальмерстона даёт на этот вопрос совершенно ясный ответ: английское правительство в то время стало желать усиления Пруссии в противовес Франции и России и не помешало ей захватить Шлезвиг и Голштинию, разбить в 1866 г. Австрию, а в 1870—1871 гг. и Францию.

Излагая дипломатическую историю франко-прусской войны 1870—1871 гг., Дебидур разоблачает авантюризм внешней политики Второй империи, но, как и в предыдущих главах, он недостаточно оттеняет тот факт, что нелепым и упорным сопротивлением всем попыткам России добиться восстановления своих прав на Чёрном море Наполеон III и французская буржуазия сами толкали Россию на позицию благожелательного Пруссии нейтралитета и заставляли её не желать и даже опасаться победы Франции. Тем не менее царизм не желал такого сокрушительного разгрома Франции, какой она испытала в 1870—1871 гг. Дебидур ошибочно изображает дело так, будто бы даже после падения Второй империи русская дипломатия была безусловно враждебна Франции и что осенью 1870 г. приехавшего в Петербург Тьера там просто дурачили. На деле русская дипломатия не желала чрезмерного ослабления Франции, и царь выразил Пруссии неудовольствие слишком большим размером контрибуции, которую она требовала от Франции. Дебидур умалчивает о том, что без этого давления России Тьеру не удалось бы добиться снижения контрибуции с 6 до 5 млрд. франков.

Дебидур много пишет о различных «ошибках» правительства национальной обороны, образовавшегося после Седанской катастрофы и падения Второй империи, но он умалчивает о классовом характере политики этого правительства, которое Маркс заклеил как правительство «национальной измены». Почти ничего не сказано у Дебидура и об уступках, которые Тьер сделал Бисмарку за его согласие вернуть из плена французских солдат для кровавого подавления Парижской Коммуны. Между тем известно, что Бисмарк потребовал за это более выгодных для Германии условий в вопросе о французской контрибуции — сокращения сроков платежей и оккупации ещё нескольких департаментов Франции в качестве залога до окончательной уплаты. Видимо Дебидур не желал показывать, как французская буржуазия из ненависти к рабочему классу предавала в 1871 г. национальные интересы своей страны.

Несомненно устарели последние главы книги Дебидура — о дипломатии 70-х годов XIX века, в частности о балканском кризисе и русско-турецкой войне. Цели русской дипломатии и разногласия в русских правительственных кругах по вопросу о положении на Балканском полуострове и вся история переговоров и соглашений России с Австро-Венгрией в 1876 и 1877 гг. известны в настоящее время гораздо полнее и точнее, чем это изложено у Дебидура¹. Читатель может исправить и дополнить его изложение соответствующим разделом II тома «Истории дипломатии» под редакцией академика В. П. Потёмкина, где он найдёт и библиографические указания.

Положительной стороной последних глав книги Дебидура является отсутствие у него идеализации английской и австрийской политики на Балканах. Он хорошо показывает, как Англия и Австро-Венгрия содействовали угнетению турками славян Балканского полуострова и как обе эти державы воспользовались русско-турецкой войной, чтобы без единого выстрела получить огромные преимущества и осуществить частичный раздел Турции во время Берлинского конгресса.

В заключительной главе своего труда Дебидур касается предпосылок русско-французского сближения в 80-х годах XIX века, но ошибочно считает Россию стороной, наиболее заинтересованной в союзе, и приписывает ей инициативу предложения его ещё в 1886 г., что совершенно не отвечает действительности. Предложение заключить союз с Россией

¹ См. соответствующие томы известного издания «Die Grosse Politik der europäischen Kabinette», мемуары гр. Игнатьева, материалы, изданные в «Красном архиве» (в особенности т. I) и т. д.

исходило от Франции, нуждавшейся в нём более, чем Россия. Со времени появления книги Дебидура франко-русский союз породил обширную литературу и документальные публикации. «Дневник» В. Н. Ламздорфа, ближайшего советника русского министра иностранных дел Гирса¹, может дать читателю гораздо более точную картину русско-французского сближения, чем книга Дебидура.

В заключение отметим, что перечисленные выше основные пробелы и недостатки труда Дебидура не снижают его достоинств. Выпускаемая в свет на русском языке его «Дипломатическая история Европы от Венского до Берлинского конгресса», несомненно, поможет советскому читателю подробно изучить фактическую историю международных отношений XIX века и явится ценным пособием для преподавателей, студентов и для всех интересующихся историей международных отношений.

А. Нарочницкий

¹ Ламздорф В. Н., Дневник 1886—1890 гг., М.—Л. 1926, 1891—1892 гг., М.—Л. 1934. См. также «Историю дипломатии» под редакцией акад. В. П. Потёмкина, т. II, Госполитиздат, 1945. Авторы: проф Хвостов В. М. и Минц И. И. Там же см. библиографию.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Название этого труда требует пояснения. По правде говоря, никакого другого автор не мог взять для своей книги. Но он не скрывает от себя, что такое чересчур общее и несколько неопределённое заглавие может легко подвергнуться критике, если с самого начала не указать читателю вполне ясно, что именно составляет предмет этой книги. Автор прежде всего желает избежать упрёка, что обещал больше, чем хотел и мог дать.

Если дипломатия, по определению Клюбера, есть «искусство хорошо вести дела публично-правового характера между государствами», то отсюда следует, что она без всяких исключений и оговорок распространяется на все регулярные отношения, которые могут поддерживать между собой правительства, на все вопросы, по которым они заинтересованы притти к соглашению путём переговоров или трактатов. Тогда история дипломатии, если она претендует на полноту, совпадала бы по содержанию с международным правом и должна была бы неотступно следовать за ним, отражая всё его многообразное и сложное развитие. Такая работа, хотя бы и ограниченная пределами Европы и XIX веком, потребовала бы целой жизни, и двух томов для этого было бы, безусловно, недостаточно.

Действительно, задача дипломатов состоит не только в том, чтобы заключать договоры, подготовляющие, предупреждающие или заканчивающие войну. Дипломаты призваны регулировать между государствами экономические отношения, которые имеют столь большое значение. Они, например, устанавливают соглашения о торговле, таможенных пошлинах, железных дорогах, почте и телеграфе, денежных знаках, о литературной, художественной и промышленной собственности. Им приходится разрешать такие деликатные вопросы, как право убежища и выдача преступников. В эпоху, когда соображения гуманности имеют почти такое же значение, как и политические соображения, они стремятся уничтожить рабство, изыскивая наиболее действенные меры для борьбы с торговлей рабами. Право

войны (морской и сухопутной) также почти ежечасно бывает предметом их разногласий и споров: регламентировать применение силы, устанавливать принципы, которые должны уважаться даже пушками, договариваться относительно обращения с ранеными, с пленными, об их обмене и освобождении, о праве нейтральных государств, о морских призах, о шпионаже, об охранных грамотах, о пиратстве, о партизанской войне, о законных условиях блокады, об эмбарго и, наконец, обо всём том, что так или иначе имеет отношение к вооружённым конфликтам между нациями, — все эти вопросы, конечно, занимают далеко не последнее место в стоящей перед ними задаче. Добавлю ещё, хотя бы только для памяти, о переговорах, которые скорее по форме, чем по содержанию, относятся к международной политике и которые имеют целью обеспечение неприкосновенности дипломатических агентов, установление их ранга, их атрибутов, их власти или уточнение программы и полномочий конференций и конгрессов. Эти переговоры нередко бывают довольно щекотливыми и усложняющими отношения между державами.

В предлагаемом здесь повествовании я не задавался целью проследить дипломатическую жизнь Европы в этом почти бесконечном разнообразии её проявлений. Я только исследовал в отношениях между кабинетами всё то, что со времени Венского конгресса и до Берлинского могло содействовать установлению, укреплению или расшатыванию политического равновесия в этой части земного шара. Всё, что не имело, как мне казалось, непосредственного или хотя бы отдалённого отношения к этому большому вопросу, я оставил в стороне. Таким образом, эта история написана с целью рассказать в связной и систематической форме не всё, чем занималась дипломатия с 1814 по 1878 г., а лишь то, чем она в течение этого периода способствовала восстановлению и укреплению общего мира в Европе или чем она его нарушала.

То, что называется европейским равновесием, есть такое состояние моральных и материальных сил, которое на всём пространстве от Уральских гор до Атлантического океана и от Ледовитого океана до Средиземного моря так или иначе обеспечивает уважение к существующим договорам, к установленному ими территориальному размежеванию и к санкционированным ими политическим правам. Это такой порядок, при котором все государства сдерживают друг друга, чтобы ни одно из них не могло силой навязать другим свою гегемонию или подчинить их своему господству. Ничего подобного не было в начале XIX века. Европа, на три чет-

верти завоёванная или поставленная в зависимое положение, находилась под угрозой очутиться в полном подчинении у Французской империи.

Но после падения Наполеона его единоличная диктатура была заменена своего рода дипломатической олигархией, многоголовой директорией, которая взялась совместно поддерживать всеобщий мир. Первое время это было объединение четырёх великих держав, больше всех других способствовавших низвержению завоевателя: Австрии, Великобритании, Пруссии и России. Франция, сначала не допущенная в этот концерт, в скором времени получила возможность принять в нём участие. Впоследствии к этим державам присоединилось ещё одно перворазрядное государство — королевство Италия, которого не было в 1815 г. и которое образовалось посредством объединения отдельных своих частей. «Пятивластие» (пентархия) превратилось в «шестивластие» (гекзархию). Перечисленные государства не всегда жили в полном согласии. Иногда между некоторыми из них возникали жестокие конфликты. Одни из этих государств усилились и приобрели большее влияние, чем прежде, другие пришли несколько в упадок и утратили прежний авторитет. Но ни одно из них не претерпело такой утраты сил, чтобы другие могли уничтожить его или исключить из своего объединения. Все они продолжают существовать, порою гарантируя спокойствие в одинаковой мере своим соперничеством, как и своим согласием.

Имея перед собой эту грозную группу, второстепенные государства, хотя номинально они оставались независимыми, вынуждены были согласиться на некоторого рода медиатизацию. Уже три четверти столетия *великие державы* суверенно решают вопросы общего характера, нередко и вопросы *частного характера*, если только одна или несколько из этих держав в том заинтересованы. Остальных или не спрашивают, или делают это только для вида, причём все они допускаются к обсуждению лишь тех вопросов, которые их непосредственно затрагивают. Поэтому каждому, кто желает объяснить *европейскую* политику с 1814 г. и до наших дней, достаточно проследить шаг за шагом действия указанной правящей группы и никогда не упускать из вида никого из её членов. Это я и старался делать в моём труде, который только что закончил. Что же касается средних и мелких государств, то их я выводил на сцену лишь в тех случаях, когда им приходилось играть какую-нибудь роль в переговорах или кризисах, результаты которых имели значение для всей Европы.

Интерес, представляемый этой историей, заключается в описании тех посягательств и изменений, которым подвергалось и, повидимому, будет ещё подвергаться политическое здание, воздвигнутое в 1815 г. Венским конгрессом. В ту эпоху народы требовали свободных учреждений, а национальности добивались независимости и естественных границ. Победители Наполеона не удовлетворили этих желаний. На демократию был наложен запрет. Чтобы подавить её или бороться с ней, монархи образовали своего рода союз взаимопомощи. Это, по их мнению, должно было установить моральное равновесие, необходимое для сохранения общего мира. Что же касается материального равновесия, то они его строили на совершенно произвольном дележе территорий, считаясь только со своими удобствами и интересами — к тому же плохо понятыми, — и совершенно игнорируя желания населения. Так они положили начало политике Священного союза. На первых порах она была всеильной, но через несколько лет революция пробила в ней брешь; затем, в особенности начиная с 1830 г., политика Священного союза потерпела ряд неудач, но всё же так или иначе держала в своих руках Европу до всеобщего потрясения 1848 г.

Эта дата является отправным пунктом для второй части настоящего труда. С неё начинается новая эра, когда после победы, одержанной над режимом, навязанным Европе в 1815 г., режим свободы постепенно распространяется, и национальности начинают выявлять себя. Революция после 24 февраля решительно возобновила свою прерванную работу, причём иногда ей помогает кое-кто из её злейших врагов, заинтересованных в том, чтобы использовать её. Прежняя политика, несомненно, ещё не сложила оружия. Она, быть может, ещё долго будет продолжать борьбу. Но новое право одержало уже столько побед и совершило за последние сорок лет столько завоеваний, что его окончательное торжество представляется только вопросом времени, и господство в Европе ему, видимо, обеспечено.

Взявшись рассказать столь драматическую, волнующую и на первый взгляд столь запутанную историю обоих только что указанных периодов, я главным образом старался быть точным и ясным и вместе с тем — искренним и правдивым. Я полагаю, что мне нет надобности особенно распространяться для оправдания того метода, которому я строго следовал с начала до конца, и того чувства, которое постоянно владело мной при составлении этого труда.

Что касается метода, то на первый взгляд может показаться, что проще всего было бы рассматривать отдельно

(как это обыкновенно до сих пор делали) каждый из больших европейских вопросов, интересовавших дипломатические круги в XIX веке. Это, пожалуй, было бы проще всего; но по зрелом размышлении приходишь к выводу, что такой метод не является самым законным и самым совершенным.

По-моему, было бы неправильно рассматривать отдельно такие государства, как Россия, Турция, Германия, Австрия, Италия, Франция и др., для того, чтобы лучше проследить их историю; ведь они всё время не переставали оказывать друг на друга самое сильное, порою даже исключительное влияние. Изображать как нечто совершенно обособленное их политики, которые в действительности перекрещиваются, спутываются или совершенно сливаются, было бы, по-моему, ошибочным приёмом, не позволяющим как следует ознакомиться с событиями и правильно судить о них.

Например, сначала может и не притти в голову, что революции в Греции, Испании и Америке в известный период безусловно связаны между собой и что в другие периоды дела таких государств, как, например, Польша, Дания, Германия и Италия, весьма тесно переплетаются и что вместе с тем в них замешаны все великие державы. Но внимательное изучение делает нас более проникательными. Зачем же разъединять факты, которые, будучи оторванными друг от друга, лишены всякого смысла? Зачем без особой надобности нарушать их хронологическую и причинную связь? История — не анатомическое препарирование, а воскрешение, и жизнь, которую она стремится вернуть мертвецам, заключается в правильном, согласованном взаимодействии всех органов, а не в функционировании одного какого-нибудь органа. Вот почему, желая изобразить европейскую дипломатию с 1814 г., я начал с того, что вывел на сцену всю Европу или по крайней мере все державы, которые ею управляли, и почему я считал нужным, чтобы они непрерывно оставались там в течение всего моего повествования. Я тщательно проследил, никогда не нарушая хронологического порядка, эту общую политику, которую я хотел сначала понять сам, а затем ясно изложить читателю. Я старательно выискивал в ней основные её элементы и, вместо того чтобы отделять один от другого при помощи тех обманчивых анализов, которые фальсифицируют историю, я соединил их в ряд синтезов, которые, смею надеяться, позволят оценить эту политику с достаточным знанием дела. Я исследовал скрытые пружины этой политики и, вместо того чтобы оставить их изолированными и бездействующими, я связал их между собой, я восстановил, как умел, их расположение

и мысленно привёл снова в движение сложный механизм, часть которого они недавно составляли.

Великие державы почти всегда будут в этом повествовании на первом плане, и ни одна из них не сможет совершенно ускользнуть от внимания читателя. Кроме того, хотя я ставил себе целью описать и объяснить только их дипломатические отношения, всё же я не считал возможным совершенно отвлечься от всего, что касается внутренней политики каждого из этих государств. У всех государств существует такая тесная связь между их внутренней и внешней политикой, что было бы по меньшей мере легкомысленно пытаться объяснить вторую, не считаясь с первой.

Французская дипломатия не могла следовать одинаковым правилам и иметь одинаковые тенденции при июльской монархии и при режиме 1852 г. Позиция Англии по отношению к Европе неодинакова при виггах и при тори, при Расселе и при Ливерпуле или Пиле, при Гладстоне и при Дизраэли. В концерте великих держав Пруссия Бисмарка не может говорить и действовать так же, как Пруссия Гарденберга. Австро-венгерский дуализм Андраши неизбежно должен иметь иную программу внешней политики, чем старая Австрия Меттерниха. Все государства, большие и малые, не могут испытывать внутренние неурядицы, сдвиги и изменения без того, чтобы это не сказывалось на их внешней политике. Вот почему я часто считал нужным связывать при помощи кратких, но точных объяснений резкие повороты, совершавшиеся в дипломатии держав, занимающих сколько-нибудь заметное место в этой истории, с изменениями их внутреннего положения. Смею думать, что читатель извлечёт некоторую пользу из этих сопоставлений.

Что касается умонастроения, в котором я находился, приступая к этой работе, и в котором я продолжаю находиться, заканчивая её, то мне нет надобности особенно распространяться на эту тему. С первых страниц этой книги можно видеть, что организация, навязанная Европе в 1815 г., представляется мне противоестественной. По-моему, она могла только атрофировать и обесплодить силы, развитие и свободное проявление которых способствуют успехам общей цивилизации. Революция, которая уже на три четверти уничтожила эту организацию, принесла, по-моему, пользу Европе, следовательно, и всему миру, несмотря на свои излишества, свои заблуждения, свои частичные и временные ошибки. Если читатель не вынесет из этой истории того же поучения, что и я, то он всё же, надеюсь, согласится признать, что я писал её честно, без утайки, без желания угождать кому-нибудь или уязвить кого-нибудь. Хотя я больше

всего люблю свою страну и хотя с детства я служу под знаменем, которому, если на то будет божья воля, сохраню верность до самой смерти, я нигде в этой книге, думается мне, не сделал уступок духу партийной предвзятости или патриотическому эгоизму, который был бы в известной мере простителен после несчастий, перенесённых Францией. Я не хотел выступать в роли защитника интересов какого-нибудь народа или какой-нибудь партии. Я просто хотел воздать должное всем.

Впрочем, я полагаю, что если хочешь оказать услугу друзьям, то не следует умалчивать об их недостатках, ошибках, слабостях и неудачах, так же как и о достоинствах, силе и успехах их противников, а надо прежде всего решительно говорить им всю правду, какова бы она ни была. Я внимательно исследовал все источники, каково бы ни было их происхождение, если только они были серьёзны. Всё, что я мог найти по части официальных документов, корреспонденций и мемуаров, относящихся к моей теме, я собирал, изучал, отнюдь не полагаясь на то, что истина всецело содержится во французских документах; при всякой возможности я прибегал к иностранным источникам. Я не указываю здесь источники, но подробно перечисляю их в примечании к каждой главе. Это позволяет убедиться, что я приложил все усилия к тому, чтобы быть хорошо информированным и чтобы судить о людях и делах с чувством меры и справедливости, как это приличествует историку.

Я сознаю, что в конечном итоге эта книга весьма неудовлетворительна и несовершенна. Это лишь набросок более обширного, более *документированного* труда, которому мне хотелось бы посвятить остаток моей жизни. Но я могу сказать, что она была старательно подготовлена и добросовестно написана. Я хотел бы, чтобы в том виде, в каком она получилась, она заслужила снисходительную оценку людей, которые не требуют, чтобы историк угождал их национальным симпатиям и политическим страстям, и которых не оскорбляют и не отталкивают мужественные уроки истории.

А. Дебидур

ВВЕДЕНИЕ

I. Политика, направленная против Наполеона. — II. Коалиция 1813 г. — III. Конгресс в Шатильоне. — IV. Союзники, Наполеон и граф д'Артуа. — V. Людовик XVIII и трактат 30 мая. — VI. Приготовления к Венскому конгрессу.

(1812—1814)

I

Европа никогда не видала и, вероятно, никогда не увидит условий, столь благоприятных для создания новой, обеспечивающей мир политической организации, какие представились ей в 1814 г. благодаря крушению наполеоновской империи. Предстояло переделать всю политическую карту этой части света. Война смела все дотоле существовавшие трактаты. Не оставалось ни одного государства, которое не было бы призвано изменить свои границы. Люди умеренного образа мыслей, не собираясь воскрешать старую утопию с вечном мире, всё-таки считали возможным создать устойчивое равновесие между державами при помощи справедливого распределения их сил. С падением общего притеснителя, говорили они, в Европе нет больше ни победителей, ни побеждённых. Франция не должна больше внушать ни зависти, ни опасения. Её вчерашние противники могут протянуть ей руку; от этого они только выиграют. Народности, участвовавшие в борьбе против Наполеона, стремились к восстановлению своих государств. Немцы, итальянцы, поляки и многие другие народы боролись во имя независимости и свободы. Государя обещали им оба эти блага. Совершенное единодушие, повидимому, царило между монархами и народами, гарантируя этим последним, что всеобщее замирение не осуществится им в ущерб и без их содействия.

Трудно сказать, как повернулось бы дело, если бы правительства четырёх великих держав, только что перед тем уничтожившие Империю, искренне помирились с Францией

и если бы нации свободно могли обсудить на Венском конгрессе, чего требуют их интересы. Однако историк должен констатировать, что с самых первых дней великого союза монархи имели совсем иного рода план; этот план они сначала хранили в тайне, но затем, когда одержали победу, уже не старались скрывать его¹. Этот план заключался в том, чтобы заменить в Европе одно владычество другим и поставить на место французской диктатуры диктатуру четырёх монархов. Если они упрекали Наполеона за неуважение к правам государей и народов, то отнюдь не потому, что сами намеревались быть впоследствии более совестливыми. Было бы, конечно, несправедливо не признать искреннего желания держав установить устойчивое равновесие между собой и своим согласием содействовать сохранению мира. Но ещё вопрос, можно ли признать наилучшим средством для осуществления этих благих намерений решение изолировать Францию, отобрать все её завоевания и произвести раздел добычи, сообразуясь только с собственной выгодой.

II

Как бы то ни было, но можно с уверенностью утверждать, что ещё задолго до падения Империи план действий держав был построен именно в вышеуказанном смысле. И все державы, конечно, неуклонно следовали бы ему, если бы некоторые из них — как мы это увидим дальше — не были принуждены отклониться от заранее намеченного пути вследствие не зависевших от них обстоятельств.

Из четырёх великих держав, которые мы имеем в виду, только две объединились против Наполеона в 1812 г.: с одной стороны, Россия, которая заключила мир с Турцией² нарочно

¹ Фридрих Генц, секретарь конгресса, преданный всей душой Меттерниху, выражается следующим образом в докладе 12 февраля 1815 г.: «Те, кто в момент созыва Венского конгресса хорошо понимал его характер и значение, не могли заблуждаться относительно направления, в котором он будет действовать, каково бы ни было их мнение о его результатах. Громкие фразы о «переустройстве социального порядка», «обновлении политической системы Европы», «прочном мире, основанном на справедливом распределении сил», и т. д. и т. д. произносились с целью успокоить народы и придать этому торжественному собранию некоторый характер достоинства и величия: но истинной целью конгресса был делёж наследства побеждённого между победителями». (*Metternich, Mémoires, v. II, p. 474.*)

² По Бухарестскому договору от 28 мая 1812 г.

для того, чтобы иметь возможность противопоставить французам все свои силы, и склонила к союзу Швецию¹ обещаниями предоставить ей Норвегию; с другой стороны, Англия, которая господствовала над морями, занимала Португалию, поддерживала против Франции восстание испанцев, а также располагала Сардинией, Сицилией и Ионическими островами. Вся или почти вся остальная Европа волей-неволей следовала за победителем. Год спустя Франция оказалась совсем одинокою и подверглась вторжению миллиона неприятельских солдат. Тотчас после отступления Наполеона из Москвы Пруссия, сгоравшая от желания отомстить за старые унижения, бросилась в объятия России (договор, заключённый в Калише 28 февраля 1813 г.). Позднее присоединилась к России Австрия, которая после неискреннего посредничества² сбросила с себя маску, объявила войну Франции (12 августа) и присоединилась к коалиции по договору в Теплице (9 сентября). Составленный таким образом четверной союз делал бесполезным всякое сопротивление; он сокрушил Наполеона под Лейпцигом. Ему не стоило также большого труда — то обещаниями, то угрозами — лишить Наполеона поддержки тех маленьких немецких княжеств, которые до этого времени были его союзниками³. В декабре союз склонил Швейцарию допустить нарушение её нейтралитета. С другой стороны, он поднял восстание в Голландии. Он же добился того, что наши войска были оттеснены за Пиренеи. Наконец, с одной стороны, союз заставил нашего самого верного союзника, датского короля, заключить мир со Швецией, которая только что перед тем отняла у него Норвегию⁴, а с другой стороны, склонил неаполитанского короля Мюрата изменить императору, обещав оставить за ним королевскую корону⁵. Франция подверглась вторжению врагов, но Наполеон, отстаивая каждую пядь земли, всё ещё не соглашался на чрезмерные требования победителей.

¹ По договору 24 марта 1812 г. (Договор был заключён 5 апреля по новому стилю. Дебидур даёт только старый стиль. — *Прим. ред.*)

² Это видно из признаний Меттерниха (см. его автобиографию в т. I его мемуаров); мы выяснили этот вопрос в нашей работе «*Études critiques sur la Révolution, l'Empire et la période contemporaine*» (р. 285—289).

³ Он привлёк на свою сторону последовательно Баварию, Вюртемберг, великие герцогства Баденское, Гессенское, герцогство Нассау, курфюршество Гессенское и т. д. договорами, подписанными в Риде (8 октября 1813 г.), Фульде (2 ноября), Франкфурте (20, 22, 23 ноября и 2 декабря) и т. д.

⁴ Договор, подписанный в Киле (14 января 1814 г.).

⁵ Договор, подписанный в Неаполе (11 января 1814 г.).

Эти условия были намечены союзниками во всяком случае с августа 1813 г., т. е. со времени вступления Австрии в число членов военной тетрархии (четверовластие), процесс образования которой изложен нами выше. Они могут быть сведены к трём пунктам:

1) Упразднение или преобразование вассальных государств, созданных Наполеоном или следовавших его политике, и возвращение Франции к границам на 1 января 1792 г.

2) Раздел территорий, которыми можно будет благодаря этому располагать, — с тем расчётом, чтобы одна часть их образовала новые или усилила уже существующие государства, предназначенные сдерживать Францию в её новых границах, а другая — увеличила могущество четырёх великих союзников или же государств, находящихся под их покровительством.

3) Устранение Франции от участия в переговорах, которые будут происходить по поводу этого раздела.

Конечно, эти непомерные требования не могли быть заявлены открыто ни до Лейпцигской битвы, ни в первые дни после неё. Пока Наполеон не был изгнан из Германии, пока союзники не перешли через Рейн, им необходимо было соблюдать осторожность; необходимо было скрывать те требования, которые могли дорого обойтись коалиции в том случае, если бы новый поворот судьбы опять позволил Наполеону диктовать ей условия. Но недавно опубликованные мемуары Меттерниха не оставляют сомнения относительно того, что союзники, подписывая договор в Теплице, имели намерение обойтись с Францией и Европой именно так, как они это сделали на следующий год. Правда, австрийский канцлер¹, который так хорошо умел лгать, что, по выражению Наполеона, был почти великим дипломатом, предложил было императору в ноябре 1813 г. естественные границы Франции, т. е. Рейн и Альпы, под условием отказа от всех остальных территорий. Предложение это было бы вполне приемлемым, если бы оно было добросовестным.

¹ Меттерних-Винбург (Клемент-Венцеслав-Лотарь, граф, позднее князь), герцог де-Портелла и пр., родился в Кобленце 15 мая 1773 г.; секретарь своего отца на Раштадтском конгрессе (1798—1799); посланник Австрии в Дрездене (1801), потом в Берлине (1803); посол во Франции (1806); канцлер Австрии и министр иностранных дел с 8 октября 1809 г. по 13 марта 1848 г.; умер в Вене 5 июня 1859 г. Сын его князь Рихард Меттерних опубликовал очень обширный и поучительный сборник: «Мемуары, документы и различные рукописи», оставленные канцлером, в 8 томах («*Mémoires, documents et écrits divers*», Paris, Plon 1880—1884).

Но дело в том, что этим хотели только выиграть время, обмануть несчастную нацию, утомлённую своим вождем, и отвлечь её от него призрачной надеждой на почётное соглашение. «Хорошо изучив общественное мнение Франции, — говорит Меттерних, — я был убеждён, что следует польстить национальному самолюбию французов упоминанием о Рейне, Альпах и Пиренеях как о естественных границах Франции, дабы не только не ожесточать их, но, наоборот, показать им приманку, на которую все польстятся. С целью лишить Наполеона всякой поддержки и в то же время подействовать на дух армии я, кроме того, рекомендовал соединить принцип естественных границ с предложением немедленно начать переговоры. Мой проект был одобрен императором Францем¹, и тогда я представил его на усмотрение русского императора² и прусского короля³. Оба они опасались, как бы Наполеон не дал согласия на моё предложение и этим энергичным приёмом не вышел из тяжёлого положения, не потеряв в то же время надежды на возможность нового поворота военного счастья. Я сумел внушить этим двум государям своё убеждение, что Наполеон никогда добровольно не согласится на моё предложение...»

Существовало ещё одно более веское обстоятельство, мешавшее такому соглашению: Англия ни за что не хотела его, и хитрый дипломат прекрасно знал это. Таким образом, когда Наполеон, доведённый до крайности, сообщил союзникам (2 декабря 1813 г.), что он согласен вступить с ними в переговоры на указанных условиях, но что предварительно ему необходимо перемирие и уверенность в солидарности британского правительства со взглядами союзников, то союзники больше месяца уклонялись от ответа. За это время были заняты войсками Эльзас, Лотарингия и Франш-Конте; союзники находились в 50 милях от Парижа. Только тогда императору сообщили, что мирная конференция может быть открыта (в январе 1814 г.) и что город Шатильон-на-Сене выбран местом собрания полномочных представителей главных воюющих держав.

¹ Франц II, император германский, родился во Флоренции 12 февраля 1768 г.; наследовал отцу, императору Леопольду II, в 1792 г.; император Австрии под именем Франца I с 1806 г.; умер 2 марта 1835 г.

² Александр I, сын Павла I, внук Екатерины II, родился в С.-Петербурге 12 декабря 1777 г.; русский император с 1801 г.; умер в Таганроге 1 декабря 1825 г.

³ Фридрих-Вильгельм III, старший сын и наследник Фридриха-Вильгельма II, родился 3 августа 1770 г.; король Пруссии с 1797 г.; умер 7 июня 1840 г.

III

Конгресс, открывшийся в Шатильоне 4 февраля 1814 г., был дипломатической комедией: в это время Наполеон во главе горсточки людей давал союзникам в Шампани одно сражение за другим; ни одна из договаривавшихся сторон не явилась на этот конгресс с искренне миролюбивыми намерениями. Французский император отправил на конгресс своего министра иностранных дел Коленкура, герцога Виченцкого¹, как лицо, пользовавшееся уважением союзных монархов и в особенности Александра I. Коленкуру было, в сущности, предписано стремиться не столько к тому, чтобы заключить мир, сколько к тому, чтобы затянуть переговоры до того момента, когда военное счастье вновь улыбнётся Наполеону. Ему было неизвестно, что союзники, водворившиеся в ту пору уже в самом сердце Франции, намеревались — после формального отказа Англии присоединиться к франкфуртским предложениям — продиктовать ему тот унижительный ультиматум, который мы вкратце уже изложили. Назначение второразрядных дипломатов в качестве представителей в Шатильоне² уже само по себе свидетельствовало о том, что державы придавали конгрессу очень малое значение и не только не надеялись на успешное окончание переговоров, но даже, может быть, и не очень его желали.

Александр, который не мог простить Наполеону его вступление в Москву, желал во что бы то ни стало войти во главе своей армии в Париж. Благодаря его преднамеренной медлительности союзники только 17 февраля официально сообщили Коленкуру свои предложения, хотя тот ожидал их уже с 5 февраля. Между тем Коленкур, который в первых числах февраля после поражения при Ротьере³ был уполномочен императором на крупные уступки, получил в конце того

¹ Коленкур (Арман-Огюстен-Луи, маркиз) родился в 1772 г. в Коленкуре (департамент Эн); посол в С.-Петербурге в 1801 г.; адъютант первого консула и дивизионный генерал в 1805 г.; обер-штальмейстер императора, герцог Виченцкий; снова послан в Россию (1807); сенатор и министр иностранных дел (1813); вновь призван Наполеоном на министерский пост в период «Ста дней» (1815); член исполнительной комиссии (июнь—июль 1815); скончался в Париже в 1827 г.

² Представителями четырёх великих держав были: граф Стадион — от Австрии, лорд Эбердин, лорд Каткарт и сэр Чарльз Стюарт — от Великобритании, барон Гумбольдт — от Пруссии и граф Разумовский — от России.

³ 1 февраля 1814 г.

же месяца противоположные инструкции, так как несколько побед, одержанных над коалицией, снова дали Наполеону надежду утратить её. Поэтому герцог Виченцкий в свою очередь медлил с ответом. И вот именно тогда представители четырёх великих держав, решив не идти более на уступки, подписали (1 марта 1814 г.) в Шомоне трактат, являющийся смертным приговором для Империи и достойным предвестником Священного союза.

Этим торжественным соглашением Австрия, Англия, Пруссия и Россия принимали на себя обязательство не складывать оружия до тех пор, пока Франция не подчинится их требованиям, причём каждая из четырёх держав обязывалась содействовать осуществлению общего их плана всеми своими силами или по меньшей мере армией в полтораста тысяч человек. Они обязались, кроме того, не вступать в переговоры иначе, как сообща. Главнейшие их требования были: Франция будет возвращена к своим территориальным границам на 1 января 1792 г., а все земли, находящиеся за этими пределами, будут изъяты из сферы её влияния; прежнее Голландское королевство будет соединено с бельгийскими провинциями и образует на северном фланге французов королевство Нидерландское; с востока за Францией будет наблюдать Германия, преобразованная в независимую конфедерацию; Швейцария также составит федерацию, и нейтралитет её будет гарантирован Европой; равным образом Италия будет разделена на несколько отдельных государств, изъятых из сферы влияния Франции (но подчинённых, прямо или косвенно, австрийскому владычеству); Испания будет возвращена Фердинанду VII¹; Англия сохранит под своей властью Мальту² и, кроме того, острова св. Маврикия, Бурбонские, группы островов Святых, Табаго и другие колонии, отнятые у Империи; наконец, Франция не будет иметь никакого права вмешиваться в вопросы раздела остальных отвоёванных у неё земель. Кроме того, из крайней предосторожности, четыре державы установили двадцатилетний срок действия союза, и каждая из них обязалась предоставлять в распоряжение других, даже после полного замирения,

¹ Наполеон сам незадолго до этого заключил договор с этим государем и отпустил его в его владения (трактат в Валенсе 11 декабря 1813 г.), как будто бы он мог сделать его искренним союзником после того, как изменнически взял его в плен и шесть лет продержал в заключении. Само собой разумеется, что, получив свободу и возвратившись в Испанию, Фердинанд VII не стал считаться с договором, заключённым с французским императором.

² Англия завладела этой важной позицией в 1800 г. и с тех пор не покидала её.

армию в 60 тысяч человек для обороны в случае нападения.

При наличии такой программы Коленкур мог бороться только для очистки совести. Затравленный союзниками, он кончил тем, что представил (15 марта) со своей стороны контрпроект, из которого было видно, что его государь не отказался ещё ни от границы по Рейну, ни от Итальянского королевства, ни, тем более, от права принимать участие в политическом переустройстве Европы. Четыре дня спустя союзники сообщили ему, что конгресс закрыт и что спорные вопросы будут решены силой оружия.

Тщетно Наполеон, которого к тому времени безвозвратно оставило военное счастье¹, приказал своему уполномоченному принимать и подписывать всё, что предложат; союзники отвечали, что уже слишком поздно, и в воззвании, опубликованном в Витри (25 марта), изложили мотивы, побудившие их прервать переговоры.

Их непримиримость, так долго остававшаяся скрытой, обнаружилась теперь во всей полноте; это происходило от того, что они были, с одной стороны, уверены в том, что победят и даже свергнут Наполеона, а с другой — потому, что Бурбоны, давно уже собиравшиеся с их помощью вернуться на французский престол, представлялись им гораздо более сговорчивыми относительно условий будущего мира. 25 января в Лангре русский и австрийский императоры, прусский король, их министры и представители Англии приняли в принципе решение произвести Реставрацию². Не желая компрометировать себя открытым выступлением в пользу Бурбонов, союзные государи разрешили им в феврале вернуться во Францию вслед за войсками коалиции. Граф д'Артуа поселился под кровительством держав в Нанси, а герцог Ангулемский переехал в Бордо. В начале марта прибыл из Парижа Витроль, один из наиболее деятельных их агентов, и стал убеждать царя, что столица ждёт его, что она примет его как освободителя, что вместе со всей остальной Францией она требует Бурбонов, что содействие

¹ Он не имел успеха в сражении при Лаоне (8—10 марта); союзники быстро двигались к Парижу; австрийцы заняли Лион (9 марта), а англичане — Бордо (12 марта).

² Меттерних пишет («Мемуары», т. I, стр. 182), что на этом собрании дело шло о том, чтобы «притти к какому-нибудь решению относительно будущей формы правления во Франции». «Падение Наполеона, — продолжает он, — было неизбежно. Всякий мир, который заставил бы его вернуться к прежним границам Франции или который бы только отнял у него завоевания, сделанные им до прихода к власти, был бы лишь смешным перемирием и был бы отвергнут им самим».

Талейрана¹ обеспечено и что тем самым делу легитимизма гарантирован полный успех. Вот почему в конце этого месяца, несмотря на отчаянные манёвры Наполеона, желавшего увлечь союзников по направлению к Лотарингии, они решительно направили свои главные силы к Парижу, уничтожая одним ударом Империю и императора.

IV

Известно, чем всё это кончилось. После вступления в Париж союзники пригласили его жителей «свободно» высказаться по вопросу о желательном для них образе правления, указав, впрочем, на те города, где Бурбоны были уже признаны без всякого голосования. Они объявили к тому же, что впредь не согласятся вести переговоры ни с Наполеоном, ни с кем-либо из его родственников. Они прибавляли, что если Франция вновь возвратится к «благоразумному образу правления» и, таким образом, даст «гарантию спокойствия», то они будут уважать неприкосновенность её «прежней территории» и даже, «может быть, сделают ещё больше», так как для благополучия Европы нужно, чтобы Франция была «великой и сильной». Как могли парижане не броситься при этих обстоятельствах в объятия Бурбонов? И они бросились, — впрочем, без особенного энтузиазма. Несколько дворян кричали на улицах: «Да здравствует король!» Сенат не постеснялся провозгласить низвержение Наполеона, а Франция, желая мира, не препятствовала этому.

Несколько дней спустя император, думавший сначала о том, чтобы защищаться, а затем решивший условно отречься от престола, был предан Мармоном и подписал безусловное отречение. Александр, рыцарски великодуш-

¹ Талейран-Перигор (Шарль-Морис), князь Беневентский, родился в Париже 13 февраля 1754 г.; представитель французского духовенства (1780); епископ Отенский (1 октября 1788 г.); депутат духовенства в Генеральных штатах (1789); член директории Сенского департамента (январь 1791 г.); несколько раз отправлен с дипломатической миссией в Англию (1791—1792); эмигрировал (1792—1795); послан с поручением в Пруссию (1795—1796); член Института (1797); министр иностранных дел (15 июля 1797 г. — 20 июля 1799 г. и 22 ноября 1799 г. — 9 августа 1807 г.); князь Беневентский (5 июня 1806 г.); великий канцлер государства (1808); член совета регентства (январь 1814 г.); президент временного правительства (1 апреля 1814 г.); министр иностранных дел (12 мая 1814 г. — 25 сентября 1815 г.); обер-камергер Людовика XVIII и Карла X; посол в Лондоне (сентябрь 1830 г. — ноябрь 1834 г.); умер в Париже 17 мая 1838 г.

ный, потому что он был победителем, потребовал, чтобы с Наполеоном продолжали обходиться, как с монархом¹.

В договоре, заключённом союзниками в Фонтенебло (11 апреля 1814 г.), было постановлено, что Наполеон получит остров Эльбу в пожизненное суверенное владение, что французское государство назначит ему содержание в 2 миллиона франков, что семья его будет обеспечена земельной рентой в 2 500 тысяч франков; наконец, что герцогства Парма, Пьяченца и Гвасталла будут отданы императрице Марии-Луизе с переходом затем к её сыну.

Экс-император ещё не успел покинуть Фонтенебло, как Бурбоны уже заняли его место в Тюильри. Граф д'Артуа, брат Людовика XVIII, явился несколько раньше этого последнего и, к несчастью для Франции, в течение нескольких недель пользовался властью наместника. Этот человек был воодушевлён благими намерениями, но отличался глупостью и отсутствием всякого опыта, несмотря на свои 57 лет; он был так рад вернуться во дворец своих предков, что счёл нужным показать себя признательным по отношению к коалиции, которая снова открыла ему двери этого дворца. Впрочем, несмотря на это, он считал себя хорошим французом. Поэтому, когда союзники, будто бы из сострадания к нашей Франции, занятой и разграбляемой их же войсками, дали ему понять, что он может одним росчерком пера сократить страдания своей родины, то он, не колеблясь, последовал их доброму совету. Ему было указано, что он заслужит благодарность Франции, если в ожидании мира освободит её от иностранной оккупации. Каким путём? Очень просто: пусть он прикажет французским войскам очистить те крепости, которые они занимают за пределами прежних границ Франции. Таких крепостей насчитывалось пятьдесят три; некоторые из них (например, Гамбург, Антверпен, Мантуя) были первоклассными стратегическими или морскими пунктами. В них находилось 12 тысяч пушек, линейные корабли, арсеналы и бесчисленное количество складов, с помощью которых можно было вести войну в течение многих лет. При наших несчастьях они были единственным способом борьбы с чрезмерными требованиями наших победителей. Сохранив их в своей власти, мы, конечно, были бы принуждены терпеть оккупацию ещё несколько месяцев. Но мы могли бы

¹ Меттерних, так льстивший до того Наполеону и устроивший ему брак с австрийской эрцгерцогиней, находил теперь «весьма неуместным» великодушие царя. Он кончил тем, что согласился на договор в Фонтенебло, но заметил при этом: «Я подписываю своё имя под договором, который приведёт нас к войне менее чем через два года».

тогда по крайней мере отдать их только по мирному договору и в обмен на важные территориальные компенсации. Этот колоссальный залог, бывший в наших руках, позволял нам в крайнем случае выждать созыва обещанного дипломатами конгресса, на котором предполагалось перестроить политический уклад Европы; мы могли бы подписать мир только на конгрессе и воспользоваться при этом теми разногласиями, которые неизбежно должны были возникнуть между союзниками. Этим мы могли бы оказать противодействие приговору, обрекавшему нас на бессилие и изоляцию. Но этого не сумел понять граф д'Артуа. Может быть, коалиция также дала ему понять, что в противном случае Людовик XVIII, бывший ещё далеко от Парижа, не получит позволения скоро вернуться в Тюильри. В конце концов наместник подписал без сопротивления конвенцию 23 апреля, которая предписывала войскам немедленно очистить пятьдесят три крепости и тем самым поставила Францию в необходимость вести переговоры с победителями, будучи совершенно изолированной и без оружия.

v

Несколько дней спустя Людовик XVIII вступил на французскую территорию. С первых же шагов ему пришлось столкнуться с требованиями своих союзников. Император Александр I, который в это время очень увлекался либеральными идеями и хотел доказать, что если он и отнял у Франции её завоевания, то вовсе не собирается поработить её, заставил Людовика XVIII пообещать, а вскоре после этого и дать своим подданным конституционную хартию. Эта фантазия отнюдь не нравилась всем союзникам, в особенности же австрийскому императору и его министру Меттерниху¹. Но Александр I в это время был всемогущ; пришлось преклониться перед его волей. Французский же король был вознаграждён тем искренним желанием помочь Франции, которое русский император проявил при заключении мирного договора. Русский самодержец, твёрдо придерживавшийся, как это мы увидим ниже, традиционной политики своих предшественников относительно Оттоманской империи, уже в это время мечтал о том, что Франция может впоследствии стать для него ценной союзницей и парали-

¹ «Вы предполагаете, ваше величество, — сказал он Людовику XVIII, — что основываете монархию; на деле же вы косвенно продолжаете дело революции».

зовать неизбежное противодействие Англии его планам. Поэтому, не настаивая на существенном изменении продиктованных нам условий, он добивался их смягчения. Союзники, говорил он, могут и должны уступить Людовику XVIII больше, чем они готовы были уступить Наполеону, так как реставрация Бурбонов даёт Европе реальные гарантии порядка и спокойствия; в общих интересах Бурбоны должны стать достаточно сильными, дабы не страшиться новых революций; иностранцы не должны причинять им унижения, которое лишило бы их навсегда популярности.

Для Франции было весьма выгодно, что именно в этот момент могущественный голос заставил союзников отнестись к ней с умеренностью. Большинство членов коалиции было весьма далеко от подобных мыслей. Само собой разумеется, что все союзники и в их числе сам царь желали, чтобы Людовик XVIII подписал договор немедленно. Тщетно указывал один из его советников¹, что заключение договора может быть отложено до конгресса. Союзники угрожали, что не покинут Парижа до тех пор, пока мир не будет подписан. Король, желавший поскорее стать хозяином у себя дома, приказал Талейрану, получившему пост министра иностранных дел, поспешить с окончанием переговоров. Этот дипломат, у которого руки были связаны, делал всё, что мог. Он с успехом протестовал против чрезмерных требований Пруссии, которая добивалась не только признания недействительными всех долгов, сделанных ею во Франции, но ещё и уплаты крупной контрибуции²; вырвал у Англии несколько колоний, которых та не желала отдавать; добился некоторых выгодных изменений нашей границы на севере и востоке и, что важнее всего, настоял на том, чтобы Франция была допущена на конгресс. Союзники, правда, принудили его заранее согласиться на все важнейшие постановления конгресса и выговорили себе право устранить Францию от участия в решении наиболее крупных вопросов. Но суть дела в данный момент заключалась в том, чтобы попасть на конгресс; этой уступкой Талейран очень умело воспользовался. Из всего этого можно заключить, сколь полезным оказалось для Франции влияние России внутри коалиции.

И всё же Парижский трактат, подписанный 30 мая 1814 г., был очень тягостен и унижителен для Франции; в этом

¹ Генерал Дессоль.

² Пруссия просила только себе 132 миллиона; она ничего не получила. С другой стороны, союзники все вместе требовали 182 миллиона; они удовлетворялись в конце концов 25 миллионами.

можно убедиться из того беглого обзора его содержания, к которому мы теперь переходим.

Этот мирный договор, заключённый правительством Людовика XVIII с Австрией, Испанией, Великобританией, Португалией, Пруссией и Россией, содержал в себе две части: опубликованную и секретную.

Первая состояла из 33 статей и устанавливала прежде всего новые границы Франции. Франция возвращалась к тем пределам, в которых она находилась на 1 января 1792 г.; кроме того, за ней признавалось право на некоторые местности, вклинившиеся в её территорию (как Авиньон, графство Венессен, Монбельяр, Мюльгаузен), и в добавление к этому она ещё расширялась: на севере посредством приобретения Бомона и Шимэ, на востоке — Ландау, на юго-востоке — Шамбери (с частью его округа и округа Аннеси). С другой стороны, Англия должна была вернуть нам колонии, за исключением Табаго, Сен-Люси, Иль-де-Франса, островов Родриго и Сейшельских; за это Франция обязывалась не укреплять своих индийских владений. Кроме того, она получала обратно право рыбного промысла на Ньюфаундленде и в заливе св. Лаврентия. Наоборот, Великобритания сохраняла почти все свои завоевания и в частности драгоценную позицию на Мальте. Вооружение морских крепостей, возвращённых Францией, должно было быть разделено на три части, из коих Франции причиталась только одна. Затем некоторое число статей было посвящено регулированию денежных вопросов и частных интересов, которые могли вызвать споры между договаривающимися государствами. Трактат высказался в принципе за свободу плавания по Рейну, предоставляя конгрессу выработать соответствующий режим и подчинить тому же режиму и другие международные реки. Он постановлял также — и это было отнюдь не маловажной частью договора, — что Голландия, отданная под власть Оранского дома, получит приращение территории; что немецкие государства будут независимыми и образуют федерацию; что Швейцария останется суверенным государством, а Италия будет составлена из суверенных государств, за исключением тех территорий, которые отойдут к Австрии. Что же касается конгресса, то он соберётся через два месяца в Вене, куда пришлют своих представителей все участвовавшие в последней войне державы, — «для учинения распоряжений, кои должны довершить постановления трактата 30 мая».

Секретная часть этого трактата, очевидно, имела целью предупредить возможные поползновения Франции вести наступательную политику на конгрессе. Она начиналась со сле-

дующего, весьма знаменательного заявления: «Распределение территорий, от которых его христианнейшее величество отказывается в силу статьи 3 опубликованного договора, и отношения, которые должны лежать в основание системы длительного и прочного политического равновесия в Европе, будут установлены на конгрессе согласно принципам, уже принятым союзными державами, и соответственно общим положениям, изложенным в нижеследующих статьях». Затем следовали статьи о том, что австрийские владения в Италии будут простираться до Тессина и По; что Сардиния получит Геную, которая станет порто-франко; что державы гарантируют политическую организацию, которую Швейцария установит у себя «под их руководством и согласно выработанным ими принципам»; что все территории между Францией, Северным морем и рекой Маасом будут отданы Голландии; что будет объявлена свобода плавания по реке Шельде; что территории, лежащие между рекой Маасом и левым берегом Рейна, послужат для увеличения Голландии и для вознаграждения Пруссии и других германских государств и т. д.¹

Таким образом, Франция не только сильно уменьшалась в размерах, в то время как враждебные государства значительно увеличивались за её счёт, но победители, кроме того, образовывали и укрепляли вокруг неё кольцо из государств, которые должны были сдерживать её и следить за ней. Франции приходилось в принципе согласиться без спора с этими постановлениями. Что касается раздела, которому союзники предполагали подвергнуть остатки добычи, то об этом они хранили глубочайшую тайну, ничего не говоря о Польше и Германии и почти не упоминая об Италии; они предполагали решить без нас территориальные и политические вопросы, касавшиеся этих трёх стран.

VI

Из этого видно, в каком смысле четыре великие союзные державы собирались помириться с Францией. Не имея возможности ни уничтожить её, ни унизить до положения второстепенного государства, они хотели по крайней мере держать Францию как бы в карантине и сделать её неспособной противодействовать их политике. Лучшим доказательством

¹ Одновременно с главным договором 30 мая Франция заключила несколько частных договоров, по которым приняла на себя специальные обязательства по отношению к отдельным державам.

недоверия и тревог, которые Франция всё ещё внушала им, служило то обстоятельство, что императоры австрийский и русский и король прусский тотчас же после заключения трактата 30 мая отправились в Лондон и возобновили там с принцем-регентом¹ (29 июня 1814 г.) заключённый в Шомоне четверной союз на случай нового наступления с нашей стороны. В это же самое время, или немного позже, Англия заставила Испанию (единственное из второстепенных государств, бывшее в состоянии взять сторону Франции) заключить договор (5 июля 1814 г.), по которому мадридский кабинет, кроме значительных торговых преимуществ, давал лондонскому обещание, что «семейный договор»² не будет возобновлён.

Четыре державы заключили, кроме того, в июне договор (принятый 21 июля принцем Оранским)³, в силу которого Бельгия должна была быть соединена с Голландией и образовать королевство Нидерландское. На севере наш старинный союзник, датский король⁴, был окончательно лишён своих прав на Норвегию, которую он одно время надеялся получить обратно⁵.

Короче говоря, к моменту открытия Венского конгресса казалось, что судьбы Европы зависят всецело от четверного союза. Уменьшенная в своих размерах, окружённая со всех сторон и связанная по рукам и ногам Франция, по всей видимости, была приведена в состояние полного бессилия.

¹ Георг IV, король Англии, старший сын Георга III, родился в 1762 г.; женился в 1795 г. на Каролине Брауншвейгской; принял регентство в 1811 г.; стал королём 28 января 1820 г.; умер 26 июня 1830 г.

² «Pacte de famille» («семейный договор») — тесный союз, заключённый в 1761 г. четырьмя государствами, находившимися в то время под властью государей из дома Бурбонов (Франция, Испания, Неаполь, Парма); этот союз продержался до революции.

³ Вильгельм Нассауский, принц Оранский, родился в Гааге в 1772 г., изгнан из Голландии французами в 1794 г.; король Нидерландов по Парижскому, Лондонскому и Венскому трактатам (1814—1815); потерял Бельгию во время революции 1830 г., отрёкся от престола в 1840 г.; умер в Берлине в 1843 г.

⁴ Фридрих VI (сын и преемник Христиана VII) родился в 1768 г.; регент в 1784 г.; король в 1808 г.; умер в 1839 г.

⁵ В то время как Бернадотт следовал за союзной армией вплоть до пределов Франции, Христиан-Фридрих принц Датский отправился в Норвегию, где был принят с энтузиазмом и провозглашён сначала регентом (февраль 1811 г.), а потом королём (апрель). Но шведы, нравственно поддерживаемые великими державами, обещавшими им также материальную поддержку, не замедлили вернуть потерянное. По договору в Моссе (14 августа) Норвегия подчинилась, а немного времени спустя (4 ноября) — под условием сохранения своей конституции и автономии — избрала в короли Карла XIII Шведского.

Всё заставляло предполагать, что союзники могут приступить к дележу 32 миллионов отнятых у неё подданных, не встречая противодействия, по крайней мере серьёзного. Но для того чтобы выполнить эту последнюю часть своего задания, союзникам необходимо было сохранить то единодушие, которым они отличались до победы. Между тем, несмотря на видимое согласие, у них существовали коренные различия во взглядах и резкие противоречия интересов. Их единодушие повело к унижению Франции; последующие же их разногласия дадут теперь ей возможность восстановить, хотя бы на время, свой авторитет¹.

¹ Источники: *Angeberg* (comte d'), *Le Congrès de Vienne et les Traités de 1815*; — *Beugnot*, *Mémoires*; — *Castlereagh* (lord Londonderry), *Correspondence of Robert, second marquis of Londonderry*; — *Cornwall Lewis*, *Histoire gouvernementale de l'Angleterre de 1770 à 1830*; — *Gentz* (F. de), *Dépêches inédites aux hospodars de Valachie pour servir à l'histoire de la politique européenne, de 1813 à 1828*; — *Gervinus*, *Histoire du XIX siècle*, t. I et II; — *Hardenberg* (prince de), *Mémoires*; — *Haussonville* (comte d'), *Dernières négociations de l'empire, ouvertures de Francfort et conférences de Châtillon* (*Revue des Deux Mondes*, 15 janvier 1861). — *Hyde de Neuville* (baron), *Mémoires et Souvenirs*; — *Lefebvre* (Armand), *Soulèvement de l'Allemagne après la guerre de Russie* (*Revue des Deux Mondes*, 1-er janvier, 1-er février 1857); — *Lytton Bulwer* (sir Henry), *Essai sur Talleyrand*; — *Marmont*, *duc de Raguse*, *Mémoires*, t. V; — *Mémoires tirés des papiers d'un homme d'Etat*, t. XII; — *Metternich* (prince de), *Mémoires, documents et écrits divers*, t. I et II; — *Napoléon I-er*, *Correspondance*, t. XXIV à XXVIII; — *Pertz*, *Das Leben des Ministers Freiherrn von Stein*; — *Thiers*, *Histoire de l'empire* (éd. in-4°), t. III et IV; — *Vaulabelle* (Ach. de), *Histoire des deux Restaurations*, t. I; — *Viel Castel* (baron de), *Histoire de la Restauration*, t. I; — *Lord Castlereagh et la Politique extérieure de l'Angleterre de 1812 à 1822* (*Revue des Deux Mondes*, 15 mai 1854); — *Vitrolles* (baron de), *Mémoires*, t. I; — *Wellington* (Lord), *Dispatches*; t. XI, XII; *Supplementary dispatches*. — Кроме этих отдельных источников, здесь я один раз для всех глав указываю два больших собрания договоров Мартенса и Клерка (de Martens, de Clercq).

ЧАСТЬ I

СВЯЩЕННЫЙ СОЮЗ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВЕНСКИЙ КОНГРЕСС

I. Англия, Австрия, Россия, Пруссия и их программы. — II. Второстепенные государства и Франция при открытии конгресса. — III. Талейран и четверной союз. — IV. Распадение коалиции (трактат 3 января). — V. Разрешение саксонско-польского вопроса. — VI. Итальянские дела на конгрессе. — VII. Результаты переговоров к марту 1815 г. — VIII. Возвращение с острова Эльбы. — IX. Декларация конгресса; причины, задерживающие открытие военных действий. — X. Наполеон, Людовик XVIII и дипломатические отношения в течение «Ста дней». — XI. Последние работы конгресса; Германский союз. — XII. Заключительный акт. XIII. Резюме.

(1814—1815)

I

Для ясного понимания дипломатических осложнений, возникших на Венском конгрессе, нужно прежде всего дать себе точный отчет относительно тех интересов, которые пришлось защищать на конгрессе каждому из союзных государств.

Англия намеревалась прежде всего упрочить и расширить морское и торговое своё превосходство. Недавние завоевания удвоили размеры её колониальной империи¹. Но собственные её колонии всё же не составляли достаточно большого рынка для сбыта продукции её промышленности. Поэтому обширные владения за морем, ещё остававшиеся во власти некоторых государств², представляли для Англии ценные рынки, которые она стремилась захватить; этим объясняется происхождение обременительных трактатов, которые она навязала или намеревалась навязать Португалии и Испании; нет другого объяснения также и для тайных английских происков в колониях этих двух королевств, из коих одни были уже в состоянии открытого восстания,

¹ Войны революционной и императорской эпох дали ей возможность захватить Гельголанд, Мальту и Ионические острова — в Европе, Капскую колонию — в Африке; Иль-де-Франс и острова Сейшельские — в Индийском океане, остров Цейлон — около Индостана, а в этой последней стране — Майсур, Дели, Непал и пр.; Тасманию — в Океании, Сен-Люси, Табаго, Тринидад — в Антильских островах и пр. и пр.

² Испании, Португалии, Нидерландов.

а другие должны были не сегодня-завтра восстать; эмансипация этих колоний должна была представить большие выгоды для Англии¹. Отменив в своих владениях торговлю неграми уже с 1807 г., она отчасти из филантропии, но главным образом из эгоистических побуждений желала проведения этой реформы повсюду, чтобы предохранить некоторые свои колонии от опасной конкуренции. Поэтому она собиралась упорно отстаивать теперь в Вене, как прежде в Париже, требования, осуществление которых сулило ей и выгоду и славу. Но самое верное средство сохранить за собой то важное положение в мире, которым она обладала, заключалось, по её мнению, в том, чтобы сдерживать и нейтрализовать оппозицию Франции и России. Первая из этих двух держав внушала ей сильное опасение своим флотом и торговлей; вторая, имея постоянные виды на Константинополь, угрожала вытеснить её на Востоке. Чтобы держать в руках и ту и другую, британское правительство, коротко говоря, желало следующего: Нидерландское королевство, созданное нарочно для того, чтобы стеснить Францию и нанести ей экономический ущерб², должно расширить свои владения за Маасом до Рейна и даже дальше, если возможно. А предполагавшийся тогда брак наследного голландского принца с единственною дочерью принца-регента³ должен был ещё более укрепить и без того очень тесные связи, соединявшие Голландию с Великобританией. С другой стороны, Нидерланды должны были сблизиться в Германии с Ганновером⁴, родовым владением английских королей; Ганновер же должен был сделаться королевством и получить значительные земельные приращения. Что касается Пруссии, то вместо рейнских земель, которые она желала получить и из которых ей будет дана лишь незначительная часть, — ей должно быть предоставлено всё Саксонское королевство, которого она добивалась больше всего; король же Саксонии, находившийся в плену со времени Лейпцигского сражения, будет низложен за то, что слишком долго оставался верным Наполеону. Взамен этого огромного подарка Англия не потребует от берлинского двора никакой жертвы.

¹ См. далее, гл. III, IV, V и VI.

² Присоединение Бельгии являлось также удобным способом для вознаграждения за наш счёт Голландии, только что потерявшей Капскую колонию и Цейлон (Англия захватила и не возвращала их).

³ Принцесса Августа-Шарлотта родилась 7 января 1796 г.; 2 мая 1816 г. она вышла замуж за принца Леопольда Саксен-Кобургского (ставшего впоследствии королём Бельгии) и умерла от родов 5 ноября 1817 г.

⁴ Ганноверская династия царствовала в Англии с 1714 г.

Напротив, Пруссия получит обратно все части старой Польши, которые она когда-то присвоила. Ибо если следует стеснить Францию на западе, то столь же необходимо сдерживать на востоке и Россию, так как русский император задумал восстановить—исключительно к своей выгоде—королевство Польское. По тем же соображениям Австрия вернёт себе всё то, что она прежде отняла у этой несчастной страны. Таким образом, Россия будет оттеснена за Вислу. Германия не будет объединена (это сделало бы её слишком опасной), а будет поставлена под коллективный контроль Австрии и Пруссии, между которыми установится тесная солидарность. Наконец, Австрия будет иметь довольно сильное влияние в Италии; не настолько сильное, чтобы господствовать там безраздельно (Англия этого совсем не хотела), а именно такое, чтобы составить там противовес Франции. Таким образом, вся Центральная Европа, образуя группу связанных между собой государств, будет своим взаимным сцеплением и сопротивлением поддерживать то равновесие, о котором мечтало британское министерство.

Из всех великих держав Австрия теснее других была связана своими интересами с Англией. Венский двор подобно лондонскому стремился к тому, чтобы не дать Франции и России выйти за их пределы. Первому из этих государств Австрия собиралась противопоставить Нидерланды, а затем организованную на федеративных началах Германию, мелкие князья которой, обладая землями на Рейне, имели бы особый интерес следить за Францией. Швейцария будет сделана нейтральной¹. Это можно будет сделать под видом поддержки, оказываемой политике Франции. Что касается Италии, то господство над нею будет осуществляться через посредство Милана, Венеции, Модены, Пармы, Флоренции и Неаполя, причём по возможности не будет допущено восстановление там французского влияния. На востоке предполагалось дать отпор панславизму и для этого воспрепятствовать восстановлению Польши под властью царя; постоянно бдительностью надеялись, вероятно, уберечь от посягательств России Дунай. До сих пор нет особенно заметного несогласия между Лондоном и Веной. Но по вопросу о Пруссии политика Меттерниха не могла вполне совпадать с политикой Кэстльри². Если Австрия

¹ Австрия, как и Франция, поддерживала аристократические притязания Бернского кантона против новых кантонов (Во, Ааргау); подобно Франции, она стояла за то, чтобы узы, связывавшие Швейцарскую конфедерацию, были по возможности слабее.

² Кэстльри (Роберт-Генри Стюарт, второй маркиз Лондондерри, виконт) родился в Маунт-Стюарт (графство Даун в Ирландии) 18 июня

не хотела видеть русских в Кракове, то тем более не хотела она видеть и пруссаков в Дрездене. Саксония под властью Фридриха-Вильгельма казалась ей нарушением германского равновесия: богемские ущелья и дорога к Вене становились в этом случае открытыми для самых опасных и закоренелых врагов Габсбургов. Кроме того, такое поглощение второстепенного государства могло повлечь за собой ещё и другие подобные действия со стороны державы, которая давно уже стремилась к господству в Германии и не стеснялась в отношении аннексий. Не лучше ли будет, если Пруссия, получив обратно свою часть Польши и оставив в покое Саксонию, расширит свои владения на Рейне? Этим путём она окажется в соприкосновении и, следовательно, в антагонизме с Францией. А это будет явно выгодно для Австрии, которая отвлечёт в сторону Франции внимание и силы своей соперницы. Впрочем, Меттерних не думал предоставить Пруссии безраздельную гегемонию в Западной Германии. По его мысли, Пруссия не должна была переходить за Майн. В Южной же Германии предполагалось образовать в противовес Пруссии государство, которое, так же как и Пруссия, было бы вооружено против Франции и вместе с тем обладало бы достаточной силой, чтобы в случае надобности помешать Пруссии подчинить себе конфедерацию. Указанным государством должна была стать Бавария, которая, возвратив Австрии всё то, что отняла у неё во времена Наполеона¹, получила бы на обоих берегах Рейна, от Нижней Франконии до границ Лотарингии, обширную, богатую и непрерывно простирающуюся территорию; таким образом, она оказывала бы давление на Вюртемберг и великое герцогство Баденское, со всех сторон окружённые её владениями, и установила бы контроль над Рейном, держа гарнизон в сильной Майнцской крепости². Что же касается руководства германской федерацией, то, разумеется, Австрия не собиралась делить его с Пруссией. Она нисколько не помышляла о восстановлении в свою пользу прежнего императорского достоинства, давно ставшего пустым титулом; она хорошо сознавала, что теперь объединение Германии

1769 г.; член ирландской палаты общин (1789), английской палаты общин (1794); хранитель тайной печати Ирландии (1797); один из главных авторов Акта об Унии; член тайного совета и председатель комиссии контроля (1802); военный министр с 1805 по 1806 г. и с 1807 по 1809 г.; министр иностранных дел с 1812 по 1822 г.; лидер палаты общин с 1812 г.; умер 12 августа 1822 г.

¹ Тироль, Зальцбург, часть Верхней Австрии.

² Подобное соглашение было предложено официально, как это явствует из конвенции, заключённой в Париже 3 июня 1814 г. между Австрией и Баварией.

могло осуществиться только к выгоде её соперницы. Поэтому тайным её желанием даже тогда, когда она утверждала противное, было создание как можно более слабой федеральной власти. Ибо чем меньше был бы затронут партикуляризм, которым так дорожили небольшие германские государства, тем легче было бы Австрии оказывать своё мощное влияние на каждое из них в отдельности. Таким образом, создавая оплот одновременно против России, Пруссии и Франции, господствуя одновременно и в Германии и в Италии, охраняя неприкосновенность Балканского полуострова, Австрия смотрела на себя, как на основу того великого здания, которое призван был воздвигнуть конгресс.

После всего изложенного нет необходимости подробно излагать планы России. По главным вопросам они были диаметрально противоположны планам Австрии и Англии. Император Александр I, поднявший на ноги всю Европу своим сопротивлением Наполеону (в 1812 г.), а затем энергичным переходом в наступательное движение, не без основания полагал, что без него великий Союз не мог бы осуществиться и тем более выйти победителем. Он думал и открыто заявлял, что Европа хоть чем-нибудь должна заплатить ему за показанный им пример и за принесённые им большие жертвы. И единственной наградой, которую он, с несколько, пожалуй, напускной экзальтацией, просил, — было право заглазить великую несправедливость, допущенную его бабкой Екатериной II, путём воссоединения под его скипетром в одно государство с конституционным образом правления великого герцогства Варшавского, недавно занятого его войсками, и всей остальной Польши. Как видите, это был дешёвый способ благодетельствовать поляков. Александр был, с одной стороны, чрезвычайно зол на короля Саксонского¹, владевшего раньше великим герцогством Варшавским и находившегося в союзе с Наполеоном, а с другой стороны, он был связан тесной дружбой с королём Фридрихом-Вильгельмом; поэтому он не только не противился планам Пруссии относительно новых территориальных приобретений, но горячо их поддерживал. Польский и саксонский вопросы представлялись для него тесно связанными. Убеждённый в том, что он всегда сумеет держать в подчинении берлинский двор, он желал, чтобы Пруссия могла оказывать энергичное воздействие на Германский союз. Кроме того, он не прочь был распространить границы Пруссии до горных проходов

¹ Фридрих-Август I родился в Дрездене в 1750 г., король Саксонии в 1806 г., великий герцог Варшавский с 1807 до 1813 г., умер в 1827 г. Его преемником был его брат Антон I (родился в 1755 г., умер в 1836 г.).

Богемии, дабы она явилась постоянной угрозой для Австрии и сама находилась под её непосредственным наблюдением. Что же касается венского двора, то император надеялся воздействовать на него прежде всего при помощи своей союзницы (Пруссии), затем — при помощи Польского королевства и, наконец, пожалуй, при помощи Франции, которую он мог бы в случае надобности противопоставить Австрии и Италии. Совершенно обезопасив себя со стороны Балтийского моря завоеванием Финляндии, достигнув по Бухарестскому договору¹ Дуная и по Гюлистанскому² — Армении, он полагал, что скоро ему можно будет, наперекор Англии, обратить все свои силы на Восток. Уничтожение Оттоманской империи было его затаённой мечтой. Но он не сумел скрыть её достаточно искусно, и сент-джемский кабинет давно уже разгадал его намерения.

Нам остаётся ещё изложить политические планы Пруссии, государства, в то время гораздо менее значительного, чем перечисленные, но деятельного, энергичного, склонного к завоеваниям; его скрытые честолюбивые замыслы не были тайной для дипломатов. Поднявшись весьма высоко во мнении Европы благодаря успехам Фридриха II, Пруссия со времени Иенского сражения в несколько месяцев потеряла всю свою славу и влияние. Раздроблённая Тильзитским трактатом на отдельные куски и сохранившая лишь незначительную часть своих владений, она сумела за несколько лет незаметно оправиться от своих неудач и в 1813 г. дала такие доказательства своей жизнеспособности, что её пришлось отнести попрежнему к числу великих держав. Она подала Германии сигнал к восстанию против Наполеона и первая показала пример. Бурная вспышка патриотического чувства заставила забыть всё её недавнее бессилие. Уже в это время германский народ, инстинктивно склонявшийся к объединению, начал обращать свои взоры к Берлину, Фридрих-Вильгельм III и его советники Гарденберг³,

¹ По этому договору он приобрёл Бессарабию и устья Дуная.

² Этот договор, заключённый с Персией в 1813 г., отдал России в пределах Кавказа: Аблазию, Гурнию, Имеретию, Мингрелию, Ширван и Дагестан.

³ Гарденберг (Карл-Август, князь) родился в Эссенроде (Ганновер) 31 мая 1750 г.; находился на службе у герцога Ганноверского, потом у герцога Брауншвейгского, у маркграфа Байрейтского и Ансбахского, наконец, у прусского короля (1791); в 1795 г. назначен вести переговоры о мире в Базеле; прусский министр иностранных дел (август 1804 г.); после Аустерлица замещён Гаугвицем; снова призван на министерский пост после Иенского сражения (1806); опять уволен после мира в Тильзите (1807); государственный канцлер (1810); умер в Генуе 26 ноября 1822 г.; оставил после себя мемуары.

Штейн¹, Гнейзенау самым настойчивым образом призывали его к завоеванию национальной независимости и политической свободы. Таким образом, Пруссия, не решаясь высказать это открыто, стремилась к гегемонии в Германии. Недаром проявляла она к Франции, к своему, так сказать, «наследственному врагу», дикую ненависть, которую, казалось, ничем нельзя было утолить. Пруссия открыто жаловалась на то, что с Францией поступили слишком снисходительно по трактату 30 мая². Выдвигая требование держать гарнизон не только в Кёльне, но и в Майнце и Люксембурге, она добивалась для себя роли часового на передовых постах в рейнских провинциях. С другой стороны, она просила, чтобы ей отдали всю Саксонию, утверждая, что саксонский король — изменник, не заслуживающий никакого снисхождения. Саксонские владения могли превосходно округлить Пруссию и представляли для неё первоклассную стратегическую позицию против Австрии. Поэтому, чтобы получить Саксонию, Пруссия с готовностью отказывалась почти от всех своих прежних владений в Польше. Она претендовала ещё на многие другие земельные приращения — в Померании, в Вестфалии и вообще повсюду, где она с выгодой для себя могла связать свои раздроблённые владения. Она не переставала повторять, что в 1813 г. ей обещали довести число её подданных до 10 миллионов и даже больше. Таким образом, Пруссия была готова забирать всё, что можно, руководствуясь только своими выгодами и правом сильного. Но, конечно, она не хотела, чтобы другие германские государства получали пропорциональные приращения. В частности, она противилась всеми силами осуществлению планов Баварии. Что касается Австрии, то под личиной

¹ Штейн (Генрих-Фридрих-Карл, барон) родился в Нассау 26 октября 1757 г.; зачислен на службу в Пруссии в 1778 г.; главный советник горного ведомства (1793); президент счётных палат Везеля, Гамма, Миндена (1797); назначен главным начальником департамента косвенных налогов, таможен, фабрик и торговли (1804); уволен в январе 1807 г.; опять назначен в июле 1807 г., снова уволен по требованию Наполеона как враг Франции (ноябрь 1808 г.); главный организатор «Союза добродетели» («Tugendbund»); поступил в 1812 г. на службу в Россию; правитель отвоёванных в 1813 г. немецких земель, ещё раз уволен в результате интриг Австрии и партии абсолютистов; член прусского Государственного совета (30 апреля 1827 г.), умер в Фрухте 29 июля 1831 г.

² Общественное мнение в Германии и особенно в Пруссии сильно упрекало коалицию за то, что она поступила с Францией слишком снисходительно. Ставили вопрос о том, почему союзники не потребовали с неё возвращения дани, наложенной в своё время Наполеоном на разные германские государства. Требовали также возвращения Эльзаса, этого «колена, которым Франция прижимает Германию».

доброжелательства к ней Пруссия прилагала старания к тому, чтобы занять её место и затем использовать исключительно в своих интересах ту федеративную организацию, которую предполагалось дать Германии. Впрочем, хорошо понимая, что у неё нет ни сил, ни средств для борьбы с соперницей без чужой помощи, она делала пока вид, что следует на буксире за Россией, — в ожидании того момента, когда можно будет её одурачить.

II

Из всего предшествующего следует, что в момент открытия конгресса четыре союзные державы далеко не были согласны между собой относительно плана государственного переустройства Европы. Только одна мысль, казалось, разделялась всеми ими, и эта мысль заключалась в том, что они — самые могущественные державы, что Европа — в их руках и что никто не может помешать им распоряжаться по своему произволу.

Конечно, существовавшие между ними разногласия были совершенно очевидны. Не подлежало сомнению также и то, что требования их встретят законный протест. Но кто мог воспользоваться этими разногласиями и дать победу протестующим? Ведь те народности, участь которых должна была вскоре решиться, не имели представителей на конгрессе¹. Такие большие и славные государства, как Польша и Венеция, были фактически уничтожены и не были даже приглашены защищать на конгрессе свои интересы. Генуя была допущена только для того, чтобы выслушать свой смертный приговор. Даже королям бесцеремонно отказывали в приглашении на конгресс. Густав IV², лишённый шведского престола, тщетно добивался восстановить себя на престоле. Датский король, казалось, явился на конгресс только для того, чтобы своим присутствием санкционировать раздробление собственной монархии. Легат папы, Консальви³, бегал по передним и униженно вымаливал несколько провинций, не надеясь получить их. Толпы мелких германских князей наводняли Вену. Каждый думал только о том, как бы угодить и отстоять свои интересы, хотя бы в ущерб своему соседу. Многие не стыдились выклянчивать небольшое увеличение своих владений на несколько тысяч душ населения

¹ Только монархи и их министры представляли там Европу.

² Сын и преемник Густава III, родился в 1778 г.; король с 1792 г.; в результате заговора низложен шведским сеймом в 1809 г. и осуждён на пожизненное изгнание; умер в С.-Галлене в 1837 г.

³ Консальви (Геракл) родился в Риме в 1757 г.; кардинал; статс-секретарь при Пие VII с 1800 до 1806 г.; вёл переговоры при заключении конкордата 1801 г.; главный министр папского престола с 1814 до 1823 г.; умер в 1824 г.

или несколько квадратных миль земли; другие хлопотали только о том, чтобы не лишиться того, что имели. Наконец, третьи (медиатизированные¹ князья) выбивались из сил в своём стремлении вновь сделаться суверенами; впрочем, на них никто не обращал внимания.

Но если мелкие государства заботились только о себе и были слишком слабы, чтобы пытаться нарушить солидарность великого Союза, то имела ещё первостепенная держава, которая, будучи лишена права просить что-либо для самой себя, тем авторитетнее могла выступать в качестве посредницы, когда среди союзников начинались разногласия. Это была Франция, которой суждено было, несмотря на всё своё падение, восстановить в несколько месяцев — при помощи мудрой дипломатии — своё прежнее политическое значение и принудить Европу, ещё недавно столь высокомерно, с ней считаться.

Людовик XVIII, в своё время унижавшийся перед коалицией, с тех пор как сделался королём Франции, понял, чем он обязан Франции и чего он может требовать, пользуясь обстоятельствами. Так как некоторые монархи — саксонский король, испанские, пармские и неаполитанские Бурбоны — приходились ему родственниками, он решил энергично поддерживать на конгрессе их права. Впрочем, он был достаточно умён для того, чтобы придать своим заботам о родственниках характер политики, которой не приходится стыдиться, политики, полезной как для Франции, так и для остальной Европы, и вполне достойной. Во всяком случае у его представителя на конгрессе хватало ума на двоих. Французскую делегацию на конгрессе возглавлял не кто иной, как Талейран. Этот человек, игравший в своей жизни столько ролей, умел при случае сыграть и роль честного человека. Никогда, наверно, его невозмутимое хладнокровие, хитрость и удивительная непринуждённость дипломата-вельможи не находили себе лучшего применения, чем во время Венского конгресса: он покинул этот конгресс почти реабилитированным перед историей.

Его инструкции, составленные им же самими по соглашению с его государем, выдвигали как основной принцип то положение, что завоевание само по себе не даёт никаких прав; что ни одной короной, ни одной территорией нельзя распоряжаться до тех пор, пока её законный обладатель

¹ Большое число мелких германских государств в 1803 г. было отдано во владение другим государствам (например, Пруссии, Баварии, Вюртембергу и пр.), владения которых окружали их территорию и которые были таким образом щедро вознаграждены за потери, которые заставила их понести Французская республика на левом берегу Рейна.

формально от неё не отказался; что, следовательно, всякое законное правительство, глава коего не отрёкся от престола или части своих владений, должно иметь своего представителя на конгрессе; что владения такого государя должны быть уважаемы в случае спора и возвращены ему, если они были у него отняты. Эта теория, разумеется, не имела ничего общего с теорией, провозглашавшей права национальностей. Людовик XVIII устами Талейрана ратовал в Вене за «законные права» королей, а не за права народов. На конгрессе не было демократов. Ссылки на революционные принципы не встретили бы там сочувствия, и уж, конечно, не от французского короля можно было ожидать их защиты. Но, оценивая всю совокупность обстоятельств, можно с уверенностью сказать, что Франция, провозглашая принцип «легитимизма», являлась в Вене единственной защитницей в известной мере идеи справедливости.

Другие державы опирались в общем только на грубое право силы. Талейран понял, что исходя из только что изложенного основного принципа, он может сгруппировать вокруг себя все те второстепенные государства, которым угрожало насильственное поглощение, и образовать из них лигу слабых, которая вскоре превратится в крупную силу. Добавим ещё, что, говоря с монархами, стоявшими не менее Людовика XVIII за «божественное» право, Талейрану не приходилось опасаться, что его основной принцип станут оспаривать. Для борьбы с ним они могли только прибегать ко всяким увёрткам и ухищрениям. Но этим оружием он владел лучше, чем кто-либо. К тому же всегда мог наступить момент, когда разногласия позволят разъединить союзников; а если бы такой момент заставил себя ждать, то Талейран был вполне подходящим человеком для того, чтобы ускорить его приближение.

Приказания короля, предоставлявшие ему, впрочем, широкую свободу действий, гласили, что в Германии он должен озаботиться сохранением Саксонии не только по династическим соображениям, указанным выше, но ещё и потому, что нужно было во что бы то ни стало остановить угрожающее усиление Пруссии¹. Царю (Людовик XVIII его не любил и избегал сближения с ним²) Талейран должен был помешать

¹ Приказано было также воспрепятствовать приобретению ею Майнца и Люксембурга.

² Людовик XVIII не забывал, что Александр в 1807 г. заставил его покинуть его владения; что Александр несколько лет был в тесном союзе с Наполеоном; что он отнёсся весьма неблагоприятно к мысли о восстановлении Бурбонов и требовал обнародования хартии. Император очень поддерживал проект брака своей сестры, великой княжны Екатерины, с герцогом Беррийским. Но французский король принял его

в осуществлении его планов, касавшихся Польши, ввиду связи последних с планами Пруссии. Наоборот, Талейран должен был поддерживать Австрию и её германских союзников, особенно Баварию¹. Но, соглашаясь с венским двором по общегерманским вопросам, он должен был энергично противопоставить Австрии французское влияние в Швейцарии и особенно в Италии. В этой последней надо было поддерживать против Австрии Савойский дом и дом Бурбонов, требовавший себе Парму, Тоскану и Неаполь. Но главным образом надо было настаивать на замещении Мюрата Фердинандом IV², так как Мюрат, поддерживаемый на престоле Австрией, являлся узурпатором и должен был быть немедленно свергнут. Что касается Англии, то пока не следовало играть ей наруку, но при необходимости нужно было уметь сблизиться с нею и сделать всё возможное, чтобы рассеять её упорное недоверие.

III

Для данного момента лучше этих инструкций ничего нельзя было придумать. Но нужно было уметь ими пользоваться, а главное иметь возможность для этого. В тот момент, когда монархи и их представители собрались в Вене, т. е. в середине сентября 1814 г.³, союзники, несмотря на

предложение так холодно, что Александр I обиделся и отказался от своего намерения.

¹ Бурбоны поддерживали Баварию по традиции, так как Бавария была католическим государством и неоднократно заключала с Францией династические браки (в частности, при Людовике XIV); Бурбоны уже издавна пытались воспользоваться ею как противовесом Австрии в Южной Германии, а в 1814 г. они собрались противопоставить Баварию главным образом протестантской Пруссии.

² Фердинанд IV родился в 1751 г.; второй сын испанского короля Карла III; наследовал после него неаполитанский престол в 1759 г.; изгнан французами; нашёл себе убежище в Сицилии (1799), откуда немного позднее он опять вернулся; снова был изгнан в 1806 г., восстановлен австрийцами в 1815 г. Как король Обеих Сицилий известен под именем Фердинанда I. Умер в 1825 г.

³ Кроме австрийского и русского императоров и прусского короля, на Венском конгрессе присутствовало много других монархов и князей. Восемь держав, подписавших Парижский трактат, были представлены на этом великом сборище следующими дипломатами: 1) *Австрия* — князь Меттерних, барон Вессенберг (кроме того, кавалер Генц, придворный советник, бывший секретарём конгресса); 2) *Испания* — граф Лабрадор; 3) *Франция* — князь Талейран, герцог Дальберг, граф Латур-Дюпэн (вместе с д'Отеривом и Ла Бенардьером, которые были секретарями-редакторами); 4) *Великобритания* — лорд Кэстльри, лорд Веллингтон, лорд Кленкарти, лорд Каткарт и лорд Стюарт (не считая Стрэтфорда-Каннинга, одного из членов комитета по швейцарским делам); 5) *Португалия* — граф Пальмелла, Д. А. Сальданада-Гама и Д. Лобо-да-Сильвейра; 6) *Пруссия* — князь Гарденберг.

скрытые разногласия, были ещё весьма солидарны по вопросу о судьбе Франции. Опасаясь её вмешательства в те важные вопросы, для решения которых они собрались, союзники приняли все меры к тому, чтобы устранить её от участия в серьёзных работах и оставить за собою исключительное право распорядиться на конгрессе. Доказательством этого могут служить два столь важных протокола, подписанных представителями Австрии, Великобритании, Пруссии и России 22 сентября, т. е. до прибытия Талейрана. Из этих протоколов видно, что четыре союзные державы, недобросовестно истолковывая договор 30 мая (1814 г.), намеревались захватить в свои руки руководство конгрессом или, вернее, сделать это собрание совсем ненужным, поскольку они имели намерение решать между собой все наиболее важные вопросы, волновавшие тогда Европу. Они решили заключить между собой предварительное тайное соглашение относительно раздела свободных земель и предполагали не сообщать своих постановлений другим государствам, за исключением Франции и Испании, которым для соблюдения формы разрешалось представить свои возражения. Кроме того, было постановлено, что в таких действительно спорных вопросах, как польский, германский и итальянский, с Францией будут совещаться только по достижении полного (т. е. бесповоротного) согласия между союзниками. Это было равносильно провозглашению принципа, что международное право станет отныне просто правом сильного.

Лишь только эта программа стала известна французскому министру, который, по его собственному выражению, «умел садиться как следует»¹, он заговорил с представителями чет-

барон Гумбольдт (Вильгельм); 7) *Россия* — князь Разумовский, граф Штакельберг, граф Нессельроде (и, кроме того, барон Штейн, барон Анштер и граф Каподистрия для швейцарских дел и работ статистической комиссии). (8-я держава — Швеция — пропущена Дебидуром. — *Ред.*). У всех остальных государств Европы, за исключением Оттоманской империи, тоже были свои представители на конгрессе: *Дания* — два графа Бернсторф; *Генуя* — маркиз Бриньоль; *Модена* — князь Альбани; *Неаполь* — герцоги Кампо-Кьяро и Кариати; *Папская область* — кардинал Консальви; *Нидерланды* — барон Гагерн и барон Ворстонден; *Сардиния* — маркиз Сен-Марсан и граф Росси; *Сицилия* — командор Руффо и герцог Серра-Каприола; *Швейцарский сейм* — И. Рейнгарт, И. Монтенах и Вриланг (многие швейцарские кантоны прислали также своих особых представителей); *Бавария* — князь Вреде и граф Рехберг; *Ганновер* — графы Мюнстер и Гарденберг; *Саксония* — граф Шуленбург; *Вюртемберг* — граф Винцингероде и барон Линден. Все германские государства — большие и малые — также имели представителей. Точно так же имелись представители от медиатизированных княжеств, от некоторых князей, городов и общин в Германии и Италии.

¹ Эти слова выражают его высокое мнение о своём происхождении. равно как о своей ловкости и дипломатической решительности.

верного союза очень решительным тоном. Он в энергичной форме указал им, что четыре державы не имеют более причин именоваться «союзниками», так как мир уже заключён; что созданные государства могут быть не равны по силе, но что они все равны по своим правам; что только конгресс, т. е. совокупность этих государств, может принимать обязательные для них решения, причём эти решения должны быть принимаемы свободно, а не по принуждению; что поэтому недопустимо намерение некоторых государств объединиться в особую группу для того, чтобы продиктовать конгрессу готовые решения и заставить принять их. Ввиду всего этого Талейран счёл нужным обратиться за помощью к второстепенным государствам. И его призыв, само собой разумеется, был услышан. В течение нескольких дней большинство этих государств, несмотря на все попытки запугать их, явным образом сгруппировалось вокруг Франции, так что союзникам пришлось пойти на уступки. Впрочем, они сделали это с величайшею неохотой. 8 октября Талейран принудил их подписать декларацию, согласно которой общее заседание конгресса назначалось на 1 ноября, а до этого времени должны были происходить конфиденциальные переговоры между великими державами, дабы вопросы, подлежащие обсуждению, были как следует подготовлены. Кроме того, предполагалось назначить особый комитет для выработки программы занятий и выбрать по каждому из подлежащих решению дел комиссию (из представителей заинтересованных государств); в этот комитет должны были войти не только Австрия, Великобритания, Пруссия и Россия, но и прочие державы, подписавшие Парижский трактат, т. е. Франция, Испания, Португалия и Швеция; роль комитета должна была ограничиваться формулировкой предложений, а право обсуждения и принятия по ним решений предоставлялось конгрессу; наконец, имеющие быть принятыми постановления должны были быть согласны с принципами международного права. Эти последние слова вызвали целую бурю. Гарденберг, представитель Пруссии, вскочил в крайнем возбуждении и, стукнув кулаком по столу, закричал: «Международное право? К чему это? Зачем говорить о том, что мы будем действовать согласно международному праву? Это само собой разумеется». «Я ему ответил, — пишет Талейран, — что если это само собой разумеется, то будет ещё лучше разумеется, если мы упомянем об этом. Гумбольдт тогда закричал: «При чём тут международное право?» — на что я ответил: «Без него вы не присутствовали бы здесь».

В общем протокол 8 октября был первым значительным успехом Франции. Впрочем, не следует его преувеличивать.

Успех был пока только моральный. Союзные державы постарались уменьшить его практическое значение. По их вине было потеряно много времени. Начались бесконечные балы и увеселения. Меттерних старался делать вид, что проводит дни и ночи в светских развлечениях и легкомысленных похождениях¹. Поэтому 1 ноября конгресс не открылся; вернее сказать, он и вовсе не открывался, так как в сущности ни одного общего заседания созвано не было. Что же касается распорядительного комитета из восьми держав, то союзники ещё долгое время старались управиться без его участия; и только с декабря, т. е. с того времени, когда некоторые из них, как мы увидим дальше, были вынуждены воспользоваться содействием Франции, он мог ознаменовать свою деятельность полезными работами.

IV

Мрачный гений Меттерниха затеял очень сложную интригу, успех которой позволил бы союзникам замкнуться в своей «четверной» политике и не допустить Францию на конгресс. Эта интрига заключалась в том, чтобы вместе с Англией постараться разъединить Пруссию и Россию и таким образом с большей лёгкостью расстроить планы России относительно Польши, а затем помешать и Пруссии в её германских планах. Поэтому он поручает Кэстльри объяснить царю (он не хотел делать это сам, так как боялся показаться слишком заинтересованным в этом вопросе), что объединение

¹ Вот что мы читаем в переписке Талейрана: «Тот, кто управляет австрийскими делами и имеет претензию вершить делами Европы, считает самым верным признаком превосходства своего ума легкомыслие, которое он доводит, с одной стороны, до нелепости, а с другой — до прямого бедствия, если принять в соображение, что оно проявляется министром великого государства и при таких обстоятельствах, как нынешние... Три четверти дня он проводит на балах и празднествах... Его искусство заключается в том, что он заставляет нас терять время, думая, что этим он выигрывает его...» Латур-Дюпэн писал: «Что можно ожидать от человека, который в самом затрунительном положении, в каком только можно оказаться, употребляет большую часть своего времени на пустяки; который не боится утруждать себя репетициями «*Vache de Surêne*» и со дня открытия конгресса очень много времени провёл в совершенном безделье?..» Со своей стороны Гени писал немного позднее господарю Валахии: «Манера Меттерниха вести дела такова, что чрезвычайно трудно, если не невозможно, при разсуждении с ним о каком-нибудь вопросе добиться известной последовательности. Но ещё большее неудобство заключается во всём складе его жизни, в неправильном распределении времени, в неупорядоченности его поступков, в его наклонностях, в его светских отношениях, в чрезвычайной его доступности и любезности и, наконец, во множестве других мелочей, которые нет возможности изложить».

Польша под его властью противоречит прежним принятым им на себя обязательствам и является опасным для мира в Европе¹. В то же время он объявляет князю Гарденбергу, что в крайнем случае согласится на присоединение к владениям Фридриха-Вильгельма всей Саксонии. Такое же заверение делает прусскому министру и английский уполномоченный. Но при этом ставится следующее условие: Пруссия получит Саксонию как земельное приращение, а не как компенсацию, и должна будет служить оплотом против России, а не быть её союзницей; совместно с Австрией и Англией она воспрепятствует императору восстановить в свою пользу великое герцогство Варшавское. Вместе с тем Меттерних тогда же (14 октября) созвал комиссию по германским делам и предложил ей проект конфедерации, по которому управление Германией делилось между Австрией и Пруссией²; это было с его стороны новым средством польстить Пруссии и перетянуть её на свою сторону. На самом же деле он рассчитывал вот на что: когда Пруссия благодаря ему помешает намерениям русских, Александр, при его обидчивости и гордости, которые были Меттерниху хорошо известны, не замедлит поссориться с Фридрихом-Вильгельмом, и прусский король не сможет рассчитывать на помощь царя в борьбе с Австрией. А Австрия тогда откажет Пруссии в предоставлении ей Саксонии, ссылаясь на сопротивление Баварии и других второстепенных государств Германии³ (сопротивление, втайне поощряемое самой же Австрией); для Австрии не составит также труда лишить, по возможности, свою соперницу влияния на будущую Германскую конфедерацию: 1) потому что Бавария и Вюртемберг, в сущности солидарные с ней, энергично противятся австро-прусскому дуализму; 2) потому что многочисленная и шумливая группа мелких германских государств, которая уже в этот момент (22 октября) просит Австрию восстановить императорский титул, будет очень склонна

¹ Английский министр указал на это императору в трёх отдельных меморандумах. Александр I отнёсся к ним чрезвычайно неблагоприятно и ответил на них, по выражению Меттерниха, «плоскими аргументами».

² В эту комиссию входили уполномоченные только от Австрии, Пруссии, Баварии, Ганновера и Вюртемберга.

³ Второстепенные германские государства в общем чувствовали себя солидарными с Саксонией и не хотели позволить Пруссии захватить её, дабы не создать весьма опасного прецедента. В ноте, составленной от их имени, мы читаем: «Если Германия — ключ к политическому зданию Европы, то Саксония — краеугольный камень Германской федерации. Вынуть этот камень — значило бы поколебать новое здание в его основах; мы думаем, что выразим единодушное мнение всей германской нации, если смело заявим: без свободы и независимости Саксонии не может быть прочной Германской федерации».

не признать авторитета германской комиссии, куда эти государства произвольно не допущены.

Этот хитрый замысел не удался именно вследствие своей сложности. Прежде всего Бавария и Вюртемберг оказали с самого же начала сильное противодействие проекту австро-прусской конфедерации, а первое из этих государств с такой энергией потребовало как *conditio sine qua non* сохранения Саксонии, что Пруссия, соглашавшаяся было отстраниться от России, стала, наоборот, стремиться к сближению с ней. Что же касается царя, то Талейран взбудоражил его, намекнув, что Франция в сущности может не препятствовать его намерениям относительно Польши. Правда, Талейран очень энергично настаивал на том, чтобы Саксония была возвращена своему королю¹. Но такая настойчивость французского министра вызвала ещё большее раздражение у надменного самодержца. Приведённый в негодование одновременными попытками Меттерниха привлечь Пруссию на свою сторону, он лично отправился к Фридриху-Вильгельму, с жаром напомнил ему о тех услугах, которые он сумел ему оказать, — о священных обязательствах, которые он от него получил, и о тяжёлых испытаниях, поражениях и победах, в которых они участвовали вместе. Этим он добился от него формального обещания считать впредь Пруссию и Россию совершенно солидарными относительно Саксонии и Польши. Тотчас же русские войска очистили Саксонию, которую немедленно заняла прусская армия; а великий князь Константин, брат Александра I, призывая поляков к защите своей национальности, овладел великим герцогством Варшавским (6—8 ноября). Это привело в сильное волнение всю Германию; она энергично протестовала против грубых приёмов Пруссии, решительно потребовала для мелких государств права

¹ 23 октября между царём и Талейраном произошла следующая бурная сцена. «У меня в Варшавском герцогстве двести тысяч человек, пусть попробуют выгнать меня оттуда. А Саксонию я отдал Пруссии, Австрия на это согласна». — «Не знаю, — сказал я (это говорит Талейран), — согласна ли на это Австрия. Трудно этому поверить, до такой степени это противоречит её интересам. Впрочем, разве согласна Австрия может сделать Пруссию обладательницей того, что принадлежит саксонскому королю?» — «Если саксонский король не откажется от своих прав добровольно, он будет отправлен в Россию и умрёт там. Один король уже нашёл там свой конец...» — «Я едва сдерживал свое негодование. Император говорил быстро: «Я думаю, что Франция мне кое-чем обязана. Вы мне постоянно говорите о каких-то ваших принципах. Международное право для меня — ничто, я не знаю, что это такое. Какое мне дело до всех ваших грамот и трактатов?.. Моё слово для меня выше всего. Я его дал, и я его сдержу... Саксонский король — изменник». — «Государь, эпитет «изменник» никогда не может быть приложим к королю...»

участвовать в составлении проекта федеральной конституции наравне с крупными и добилась прекращения на несколько месяцев работ германской комиссии (с 16 ноября).

Талейран, своими тайными происками немало сам способствовавший всем этим ссорам, начал тогда выступать в роли полезного посредника. Его авторитет начинает быстро расти, тогда как положение Меттерниха становится всё более и более затруднительным. Благодаря Талейрану Комитет восьми около середины ноября приступает к серьёзным делам. По его настоянию на очередь ставится итальянский вопрос, и через несколько недель он добивается для Сардинии, оплота Франции, таких результатов, которые должны были оградить её от тайных замыслов Австрии¹. В это же время его начинают приглашать на совещания о швейцарских делах, от которых его сначала пытались отстранить. А немного спустя, в декабре, он уже явился инициатором трёх важных комиссий, тотчас же энергично начавших свою работу. Этим комиссиям поручено было изучить вопросы, касавшиеся: 1) торговли неграми, 2) свободы судоходства по международным рекам и 3) рангов дипломатических агентов².

Но все эти успехи не удовлетворяли французского министра. Он желал, чтобы двери конгресса, пока лишь полуотворенные для Франции, широко перед ним распахнулись. Англия и Австрия всё более и более чувствовали необходимость содействия Талейрана. В начале декабря отношения санкт-петербургского и берлинского кабинетов, с одной стороны, венского и лондонского — с другой, сделались до такой степени натянутыми, что разрыв казался неизбежным. Гарденберг

¹ Сардинский король Виктор-Эммануил I имел только дочерей; старшая из них была замужем за герцогом Моденским, принцем австрийского происхождения, находившимся под сильным влиянием венского двора. По законам королевства престол после его бездетного брата, Карла-Феликса, должен был перейти к младшей ветви, т. е. к принцу Савойско-Кариньянскому Карлу-Альберту. Последний пользовался поддержкой со стороны Франции, которая и добилась 25 ноября признания его прав.

² Первый из этих вопросов волновал особенно Англию. Уничтожив со своей стороны в 1807 г. торговлю неграми, она добивалась того, чтобы за ней последовали и другие державы (этим объясняются те договоры, касавшиеся торговли неграми, которые она навязала Франции, Испании и пр.). Что же касается свободы судоходства по международным рекам, то трактат 30 мая (статья 6) установил её в принципе для Рейна, добавив, что эта свобода должна быть распространена конгрессом на все вообще судоходные воды, разделяющие или пересекающие различные государства, «для того чтобы облегчить общение народов и сделать их менее чуждыми друг другу». Европу занимал также вопрос о ранге дипломатических агентов, так как вопросы, касающиеся разных формальностей и этикета, имеют, как известно, в дипломатии большое значение.

с небывалым высокомерием требовал себе всей Саксонии. Единственная уступка, на которую соглашались Пруссия и Россия, состояла в том, что первая предлагала саксонскому королю в виде компенсации территорию в Вестфалии с населением в 350 тысяч душ, а вторая отказывалась от городов Торна и Кракова, предлагая превратить их в республики¹. Обе противные стороны явно вооружались. Войска сосредоточивались на границах. Меттерних, недавно ещё выражавший своё согласие отдать Фридриху-Вильгельму всю Саксонию, теперь соглашался уступить не больше чем пятую её часть.

Причиной, побудившей Меттерниха сделаться таким решительным, был не только официальный протест германских монархов, которые в ноте 7 декабря отрицали право Пруссии захватить в свои руки Саксонию. Этот протест имел, конечно, своё значение, но сам по себе он всё-таки не был достаточен для того, чтобы позволить венскому двору говорить с такой резкостью. Дело заключалось в том, что Меттерних, боясь проиграть партию, решил обратиться за содействием к Талейрану. Последний уже давно предлагал свою помощь Меттерниху. Сначала австрийский министр не отвечал ни да, ни нет; потом он стал делать вид, будто ему кажется, что Франция только хочет скомпрометировать его, поспорить с Россией и Пруссией, чтобы затем остаться в затруднительном положении, и что она не имеет ни желания, ни возможности поддерживать его до конца. Но посол Людовика XVIII затребовал у своего монарха новых полномочий, которые и были получены им в ноябре. С этого момента он мог обещать венскому двору не одну только моральную поддержку; он мог доказать, что «это говорилось неспроста». Тогда Меттерних выразил сомнение относительно бескорыстия Франции, так как, по его мнению, она должна была мечтать о каком-нибудь земельном приращении. Талейран не переставал успокаивать его, и когда австрийский канцлер, делая ещё один шаг вперёд, сообщил ему свою ноту 10 декабря, французский уполномоченный, в первый раз «официально»² допущенный к обсуждению саксонского и польского вопросов, не преминул заявить, что его монарх заботится только о торжестве принципа легитимизма и об установлении в Европе надлежащего равновесия

¹ В этот момент русский император так сильно был раздражён против Меттерниха, что не разговаривал с ним и даже высказывал намерение вызвать его на дуэль.

² До этого времени он мог кое-что знать только по некоторым намёкам и по секретным сообщениям.

и не ищет ни для себя, ни для своего государства никакой специальной выгоды.

Это заявление было направлено не только по адресу Австрии, но и Англии, державы ещё более недоверчивой, чем первая. На все предложения Талейрана Кэстльри отвечал одно и то же: «Ах, если бы мы только могли быть уверены в том, что Франция не имеет намерения снова завладеть Бельгией и левым берегом Рейна!» Французская нота 19 декабря окончательно рассеяла все его опасения. Впрочем, в этот момент британское правительство, убедившись за несколько недель до того, что Пруссию и Россию разединить будет невозможно, не имело более причин уступать Саксонию Фридриху-Вильгельму; напротив, оно склонялось теперь к тому, чтобы Пруссия увеличилась не на границах Чехии, а в бассейне Рейна; дело в том, что влияние царя на гаагский двор¹ с некоторого времени стало усиливаться и, следовательно, Англия была уже не так заинтересована, как прежде, в расширении Нидерландов. Единственное, что ещё удерживало англичан от заключения с Австрией и Францией того договора, который уже давно предлагал Талейран, была война с Соединёнными Штатами, несколько парализовавшая Великобританию. Но эта война как раз приходила к концу. Между обеими сторонами уже начались переговоры. Они закончились 24 декабря 1814 г. заключением мирного договора в Генте, что и дало Англии полную свободу действий. Тотчас же Кэстльри, колебавшийся до этого момента, изъявил готовность подписать договор, и 3 января 1815 г. Талейран получил, наконец, удовлетворение, заключив желанный союз между Францией, Австрией и Англией.

Согласно этому знаменательному договору три государства, полагая «необходимым, по причине недавно проявившихся притязаний, позаботиться о средствах для отражения всякого нападения, которому собственные их владения или владения одного из них могут подвергнуться из-за ненависти к тем предложениям, которые они, согласно принципам справедливости и равенства, считали своим долгом внести и защищать...», вступили в тесный союз между собой и обязывались поддерживать друг друга в случае войны, (каждое — корпусом в 150 тысяч человек) и не заключать сепаратного мира. Как мы видим, это было равносильно расторжению четверного союза; большего триумфа французская политика не могла одержать на Венском конгрессе.

¹ Принц Оранский, наследник нидерландского короля, должен был, как это мы видели, жениться на единственной дочери принца Уэльского. Но ввиду нежелания этой принцессы и её матери этот проект не осуществился. Теперь он задумал жениться (что немного позже действительно и случилось) на сестре императора Александра I.

V

Хотя переговоры трёх держав и заключение договора происходили тайно, однако Пруссия и Россия, конечно, не могли не подозревать грозившей им опасности. Большая твёрдость, проявленная их противниками, и, может быть, некоторое намеренное разглашение заставили их в конце декабря несколько сбавить тон. 29 декабря у них начались совещания с Австрией и Англией по вопросу о Саксонии и Польше. Первоначально не предполагалось приглашать на эти совещания Францию, но Кэстльри 7 января потребовал, чтобы она была допущена. Это требование английского представителя ясно показало им (если у них ещё были какие-нибудь сомнения по этому вопросу), что против них составлено между Веной, Парижем и Лондоном что-то вроде коалиции. Разногласия, ещё накануне столь острые, немедленно смягчились. Воинственное настроение явно уступило место миролюбивому.

Уже 30 декабря санкт-петербургский и берлинский кабинеты сочли необходимым пойти на некоторые уступки. Конечно, они попрежнему требовали всей Саксонии и противились предполагаемому расширению Баварии¹. Но теперь они уже отдавали саксонскому королю 700 тысяч душ на левом берегу Рейна. Царь уступал не только Краков и Торн, но, кроме того, Тарнополь, чтобы удовлетворить Австрию, и часть Познани, чтобы вознаградить Пруссию за уступки в области Рейна. Меттерних, в сущности совсем не желавший войны и очень довольный, что ему удалось напугать своих противников, начал ловко маневрировать с целью склонить царя на свою сторону и отвлечь его от его союзника. Эта тактика была как раз противоположна той, которая оказалась столь безуспешной в октябре. На этот раз он имел большой успех. Он хорошо понимал, что Александр I, надеясь в будущем сделать из Франции союзницу России, ни за что не захочет совершенно поссориться с ней и что если венский двор согласится сделать ему значительную уступку в Польше, то он не станет особенно отстаивать интересы Фридриха-Вильгельма. Уступка эта должна была заключаться в предоставлении царю большей части Варшавского герцогства (с правом организовать его по своему

¹ Если царь препятствовал осуществлению желаний мюнхенского двора, то не только из желания угодить Пруссии. Находясь в тесных родственных связях с баденским и вюртембергским царствующими домами, он не хотел, чтобы вследствие территориальных приращений, которых требовал себе король Максимилиан, эти два государства оказались почти окружёнными со всех сторон баварскими владениями.

усмотрению); Австрия же должна была потребовать для себя только Гарнопольский округ и Восточную Галицию. Краков становился вольным городом. Пруссия получала Торн и Данциг; сверх того Россия должна была отдать ей всё герцогство Познанское; зато саксонский король сохранял свой трон и уступал Фридриху-Вильгельму только две пятых своих владений (северную часть с 800 тысячами жителей); взамен берлинский двор должен был получить компенсацию в Вестфалии и в особенности на левом берегу Рейна. Наконец, Бавария не получала Майнца, но он не доставался также и Пруссии; Люксембург тоже не переходил к Пруссии, дабы не вызывать тревоги у Франции¹.

Александр I согласился на такое распределение без особых возражений, особенно после того, как Талейран был допущен на совещания. Наоборот, его союзник сопротивлялся больше месяца. Но все выверты Гарденберга, все софистические его расчёты, имевшие целью доказать невыгодность такого проекта для Пруссии, оказались тщетными. После ультиматума, предъявленного ему Меттернихом (28 января) в довольно надменной форме, он продолжал некоторое время торговаться, требовал, чтобы ему дали Лейпциг, но, получив отказ, удовольствовался Торгау. Как бы то ни было, но 10 февраля он должен был согласиться на компромисс, одобренный Александром I. Оставалось только решить, какие части западной Германии будут служить компенсацией для Пруссии (это оказалось делом относительно лёгким), и добиться согласия саксонского короля на уступку северных провинций (что было уже не так легко). Бедный король, освобождённый из заключения, был препровождён в Пресбург, куда были командированы Меттерних, Талейран и Веллингтон (только что заменивший Кэстльри) для того, чтобы вразумить его. Но он упорствовал вплоть до марта. Тогда пять великих держав, которые теперь были солидарны, решили не церемониться больше с ним. Людовик XVIII считал, что сделал достаточно для своего родственника, вернув ему корону. Ценой тяжёлой, но тем не менее неизбежной территориальной уступки он добился признания принципа «легитимизма» и кое-как упрочил равновесие в Германии. Войны удалось избежать. Франция, которой сначала чурались, как прокажённой, сумела войти не без чести в число участников конгресса. И Талейран и его монарх могли испытывать чувство удовлетворения по поводу таких успехов.

¹ Оба эти города должны были стать федеральными крепостями Германии.

VI

Но если у Талейрана и Людовика XVIII не оставалось никаких серьёзных требований по отношению к Германии, то итальянские дела не переставали живо интересоваться их, и тот авторитет, который французское правительство только что перед тем приобрело на конгрессе, давал им надежду устроить эти дела к своей выгоде.

В Италии, осуждённой дипломатами оставаться простым географическим понятием, обширные территории, отнятые у Франции, ждали своего раздела; союзники охотно обогатились бы в этом деле без Франции. Австрия желала, чтобы этот делёж был произведён исключительно в её интересах: владея доброй половиной Италии как собственностью, она желала установить над остальной частью, разбитой на мелкие государства, протекторат, почти равносильный полному обладанию. Венеция и Ломбардские провинции до Тессина и По обеспечивались за Австрией Парижским трактатом. Тосканский трон был возвращён собственной властью императора Франца I его брату, великому герцогу Вюрцбургскому¹, а моденский — его двоюродному брату, эрцгерцогу, главе дома Эсте. Парма ещё не была передана Марии-Луизе, и венский двор настаивал на том, чтобы по отношению к ней договор в Фонтенебло был соблюден в точности. Таким образом, Австрийская империя должна была простираться вплоть до самого центра полуострова: никто ведь не считал самостоятельными княжества, отданные младшим отпрыскам Габсбургского дома. Если на севере полуострова венский кабинет допустил присоединение Генуи к Сардинии, то он имел в виду не столько укрепить это государство против Франции, сколько округлить наследство, которое уже рассчитывал получить. Он надеялся в недалеком будущем благодаря родственным связям прибрать к рукам наследство короля Виктора-Эммануила и его брата Карла-Феликса². Что касается папы, то в конце 1814 г. австрийцы удерживали из его владений Романью и, повидимому, не собирались её возвратить; с другой стороны, они даже

¹ Герцог лишился престола в 1801 г. по Люневильскому трактату. Парижский и мадридский дворы требовали, чтобы Тоскана была отдана инфанте Марии-Луизе, вдове принца Пармского (происходившего, как и она, из Бурбонского дома), которая, сделавшись по милости Наполеона королевой Этрурии, по его же приказу была в 1807 г. лишена престола.

² Относительно сардинского наследства ещё не было принято окончательного решения. Во всяком случае Австрия собиралась просить для герцогини Моденской те части этого наследства, которые не были строго подчинены салическому закону.

обещали Мюрату предоставить ему легатства¹. Впрочем, в Неаполе шурина Наполеона царствовал только по их милости. Для них он был вассалом, и поддерживать его на троне было, очевидно, в их интересах.

Однако почти с самого начала конгресса Австрии пришлось считаться с Францией, которая не хотела, чтобы Италия сделалась австрийской провинцией. В ноябре, когда Меттерних почувствовал, что ему не удастся обойтись без нашей помощи по вопросу о Саксонии и Польше, он тотчас же понял, что за эту помощь придётся платить. Вот тогда-то Талейран и был допущен к обсуждению итальянского вопроса, а сардинское наследство было заранее обеспечено вопреки австрийским притязаниям за савойско-кариньянской ветвью. В то же самое время и немного позже французский министр, тесно сблизившись с испанским уполномоченным Лабрадором², стал энергично отстаивать права инфанты Марии-Луизы, экс-королевы Этрурии, на трон Тосканы и Пармы³. Правда, он не очень надеялся на успех, по крайней мере относительно первого из этих государств; но эти притязания были для него могущественным средством добиться путём взаимных уступок удовлетворения самого страстного из желаний Людовика XVIII: изгнания Мюрата и возвращения неаполитанского престола престарелому Фердинанду IV. Французский король, непоколебимый защитник легитимизма, с самого начала конгресса добивался низвержения *узурпатора*. И для Европы и в особенности для правительства Реставрации наполеоновские симпатии Мюрата не могли, само собой разумеется, служить залогом спокойствия. Меттерних, предпочитая отдать Неаполь скорее Мюрату, чем двоюродному брату Людовика XVIII⁴, поддерживал

¹ По секретному пункту трактата 11 января 1814 г.

² Лабрадор (Педро-Гомес-Гавела, маркиз) родился в Валенсии-де-Алькантара (Эстремадура); был испанским посланником во Флоренции в царствование Карла IV; сопровождал Фердинанда VII в Байонну и прожил во Франции от 1808 до 1814 г.; уполномоченный Испании на Венском конгрессе (1814—1815); посланник в Неаполе, потом в Риме; поддерживал дон Карлоса после смерти Фердинанда VII (1833); в 1843 г. опубликовал «Mélanges sur sa vie publique et privée». Умер в Париже в 1850 г.

³ Инфанта оспаривала этот престол в пользу своего молодого сына, ссылаясь на права своего мужа. Она была дочерью Карла IV испанского; родилась в 1782 г.; в 1798 г. вышла замуж за Людовика Бурбонского, сына герцога Пармского, который в 1801 г. получил королевство Этрурское в обмен за своё герцогство. Овдовев в 1803 г., она была лишена Наполеоном своих владений (в 1807 г.). Решением Венского конгресса она получила Лукку в ожидании Пармы, на которую её сын мог предъявить права только после смерти экс-императрицы Марии-Луизы. Сама она умерла в 1824 г.

⁴ Людовик XVIII и Фердинанд IV происходили оба от великого дофина (умер в 1711 г.), сына Людовика XIV.

этого *чужака*, ссылаясь на то, что тот покинул Наполеона и помогал коалиции, а также на то, что в сущности Австрия и Англия признали его и обещали ему свою помощь. На это Талейран возражал, что они не должны были, а следовательно и *не могли* признать Мюрата. Он протестовал против того, чтобы уполномоченных Мюрата рассматривали как правомочных послов. В декабре, в тот момент, когда Меттерних и Кэстльри начали всё более и более проникаться сознанием необходимости союза с Францией, министр Людовика XVIII становится ещё более настойчивым. Он даёт понять, что его государь решил во что бы то ни стало покончить с королём Неаполя, в крайнем случае путём войны. Он вовсе не настаивает на том, чтобы Австрия сама свергла Мюрата с престола; пусть только конгресс развяжет руки Франции, — этого будет достаточно; пусть он просто признает Фердинанда IV законным королём Неаполя. Людовик XVIII берётся открыть последнему ворота его столицы. Само собой разумеется, что Австрия не желаетпустить наши войска через Италию. «Но этого вовсе и не нужно, — возражает наш представитель, — дозвоьте нам только атаковать Мюрата с моря». Однако недоверчивый австрийский министр продолжает упорствовать. С другой стороны, и английское правительство вовсе не желает подобной экспедиции; для него удобнее, чтобы Фердинанд IV, владея только Сицилией, не мог обойтись без английской помощи и чтобы Людовик XVIII не имел никакого влияния в Неаполе. Ввиду всего этого нельзя ожидать, чтобы поднятый Францией вопрос был легко разрешён. Раздосадованный французский король в своих письмах объясняет оказываемое ему сопротивление причинами весьма двусмысленного свойства¹.

¹ Говорили, что Меттерних, который ещё со времени своего посольства во Франции (1806—1809) сохранил нежные отношения с Каролиной Бонапарт, женой Мюрата, был лично заинтересован в судьбе королевы и проявил даже некоторую страстность в этом деле. «Одной знакомой даме (писал Талейран 25 ноября) он сказал, что, как бы его ни мучили с этим неаполитанским вопросом, он ни за что не уступит; что он не посягнёт на положение человека, который сумел завоевать любовь своих подданных, и что к тому же он страстно любит королеву и находится с ней в постоянной переписке. Всё это и даже больше говорилось на этот счёт в замаскированной форме...» Немного позже Людовик XVIII жаловался, что император австрийский проявляет мало готовности уладить с ним неаполитанские дела; при этом он следующим образом выражался в письме к своему первому уполномоченному (7 января 1815 г.): «Говорят о принятых обязательствах и требуют, чтобы я доказал факт их несоблюдения; но не в этом заключается всё зло, а в другом, самом постыдном, что когда-либо видела история; ибо если Антоний позорно покинул свой флот и свою армию, то, по крайней мере, рабом Клеопатры стал он сам, а не его министр».

Однако в январе Англии и Австрии пришлось подписать тройственный союз с Францией. Тюильрийский кабинет становится более настойчивым, чем когда бы то ни было. Посредством во-время найденных и, кажется, слегка подделанных документов он доказывает венскому и лондонскому дворам, что Мюрат в 1814 г. вёл двойную игру и что даже после своего вступления в коалицию он продолжал переговоры со своим зятем. Он указывает на следующие, почти доказанные факты: что *узурпатор* даже и теперь ведёт переговоры, с одной стороны, с Наполеоном, а с другой — с главарями карбонаризма; что ещё не далее, как в декабре, был открыт большой заговор, имевший целью поднять всю Италию против австрийского господства; что никакие обязательства более не связывают державы с Мюратом и что давно пришло время покончить с ним, если они не желают оказаться вынужденными сами отбиваться от его нападения. Для того чтобы убедить своих союзников, Франция выдвигает, наконец, ещё более решительные аргументы. Если Фердинанд IV не будет восстановлен в Неаполе, то ему придётся дать какую-нибудь компенсацию; таковой могут быть только Ионические острова. А между тем эти острова заняты Англией, и она ими очень дорожит. Пусть же Англия уступит желаниям Франции — и острова останутся за ней. С другой стороны, Франция и Испания дают понять Австрии, что в крайнем случае они откажутся от своих притязаний на Тоскану; что они оставят Парму экс-императрице Марии-Луизе, по меньшей мере пожизненно. Людовик XVIII, очень влиятельный в Швейцарии, прибавляет, что он перестанет добиваться от имени этой республики Вальтелины и предоставит её венскому двору, видевшему в ней необходимое дополнение к Ломбардии. Но *conditio sine qua non* для всех этих уступок есть низвержение узурпатора.

Таков был торг, таинственно совершавшийся в январе и феврале 1815 г.; в своих беседах с Кэстльри¹ Людовик XVIII лично торопил с заключением сделки. В этот момент формальный трактат уже совсем был готов к подписанию. Русский император, желая создать в Италии противовес австрийскому влиянию в лице Франции, ничего против него не возражал; он даже поддерживал его. Венский двор, желая по крайней мере сохранить за собой все выгоды, связанные с этим договором, и воспрепятствовать нашей армии снова показаться на полуострове, стягивает

¹ Этот министр, отправляясь в Англию для участия в парламентской сессии, в начале февраля 1815 г. остановился на несколько дней в Париже. В Вене его заменил Веллингтон.

в феврале к Ломбардии все войска, собранные ранее в Чехии и Галиции. В марте Австрия рассчитывает иметь на берегах По полтораста тысяч солдат. Не без основания беспокоенный этой мобилизацией, Мюрат, ссылаясь на плохо скрываемые угрозы Франции, также переводит свои войска на военное положение и просит у Австрии позволения перейти через Среднюю Италию, для того чтобы иметь возможность остановить в Альпах солдат Людовика XVIII. Венский двор отвечает (26 февраля), что проход будет закрыт для обеих сторон. Но его нота является угрожающей лишь по отношению к неаполитанскому королю. Судьба Мюрата бесповоротно решена. Таким образом, в этот момент, несмотря на некоторые необходимые уступки, французская политика уже почти восторжествовала в итальянском вопросе, так же как в саксонском.

VII

Одновременно с этим Талейран, впрочем в согласии с Меттернихом, заставляет комиссию по швейцарским делам усвоить его основные взгляды по вопросу о восстановлении Швейцарии¹, по возможности парализует усилия Англии, направленные к тому, чтобы вырвать у Испании и Португалии согласие на немедленное уничтожение торговли рабами², регулирует, к общему удовлетворению, вопросы дипломатического этикета³ и при помощи своего сотруд-

¹ 8 марта Талейран известил Людовика XVIII, что швейцарский вопрос в принципе решён. 20-го числа того же месяца главные державы подписали *декларацию*, которой они обещали гарантировать вечный *нейтралитет Швейцарии в ее новых границах* (прямая выгода для Франции), как только швейцарский сейм примет условия реорганизации этой страны, содержащиеся в декларации.

² Восемь держав подписали 8 февраля *декларацию* (она составляет приложение № 15 к Заключительному акту конгресса), в которой они торжественно осуждали торговлю рабами и объявляли о своём намерении добиваться её уничтожения. Они прибавляли, что ввиду необходимости «сชาติ по соображениям справедливости» некоторые интересы, привычки и даже предубеждения они не могли «наперёд установить срок, который каждое государство сочтёт наиболее подходящим для окончательного уничтожения торговли неграми». В тот же самый день Талейран писал Людовику XVIII, что Испания и Португалия получили отсрочку на восемь лет (для Франции по Парижскому трактату была установлена отсрочка на 5 лет).

³ Регламент 19 марта 1815 г. (приложение № 17 к Заключительному акту), принятый восемью державами, разделяет дипломатических агентов на 3 класса: 1) послы, легаты или нунции, которые одни только имеют представительный характер, 2) посланники, министры или другие лица, аккредитованные при государях; 3) поверенные в делах, аккредитованные при министрах иностранных дел. Он уста-

ника Дальберга почти приводит державы к соглашению о свободе навигации по международным рекам¹.

В общем в начале марта Венский конгресс вопреки ожиданиям и желаниям правительств, создавших его, дал громадный результат: он восстановил престиж Франции. Собирались всё устроить без её участия и ничего не сумели устроить. Она расторгла четверной союз, заставила принять своё посредничество, вернула себе положение великой державы. Если бы ничто не помешало работе конгресса, её, без сомнения, ожидали бы ещё новые успехи; во всяком случае они были возможны. Ни по одному из спорных вопросов ещё не было принято окончательного решения; некоторые из них были едва затронуты.

И вот тогда совершенно неожиданно, как по мановению волшебного жезла, всё снова оказалось под вопросом: и будущее Франции и судьба Европы; разрешение спорных вопросов, оставшихся нерассмотренными, было отодвинуто дипломатами на второй план; снова образовалась тетрархия против Франции, которая опять стала общим для неё врагом.

Меттерних рассказывает, что 7 марта он лёг спать около трёх часов утра; минутой спустя лакей принёс ему запечатанный конверт; он чувствовал себя настолько усталым, что некоторое время медлил его распечатать. Однако мысль, что в депеше может быть что-нибудь важное, не давала ему уснуть. Он сломал печать и прочёл. Австрийский консул в Генуе извещал его, что Наполеон только что покинул остров Эльбу.

VIII

Высказываясь в 1814 г. против выбора острова Эльбы как резиденции для низложенного императора, Меттерних, надо сознаться, был до некоторой степени прав. Было несколько опрометчиво поместить бок о бок с Италией и Францией человека, ещё столь популярного в обеих этих странах и никогда особенно не церемонившегося нарушать свои

навливают, что дипломаты, посылаемые с чрезвычайными миссиями, не должны иметь никакого преимущества по рангу; что в каждом государстве будут установлены правила церемониала для приёма агентов разных классов; что родственные узы или союзы, заключаемые между дворами, не будут давать преимущества дипломатическим агентам; наконец, что агенты будут занимать в каждом классе место по дате официальной нотификации об их прибытии.

¹ Основные принципы в этом вопросе и правила относительно свободы судоходства по Рейну, Неккару, Майну, Мозелю, Маасу и Шельде были установлены 24 марта 1815 г.

клятвы. Фонтенеблоский договор также не мог быть для него нерушимой заповедью. Действительно, за всё время пребывания на Эльбе у Наполеона не было другой мысли, кроме как вернуть себе трон, с которого он был свергнут изменой и войной. Ведя, с одной стороны, переговоры с итальянскими патриотами и Мюратом, опасения которого были ему известны; поддерживая, с другой стороны, тесные сношения с недовольными во Франции (а число этих последних росло с каждым днём благодаря промахам Реставрации), он ждал своего часа, т. е. момента, когда ему достаточно будет появиться, чтобы перед ним открылась дорога на Париж.

У Бурбонов имелось в распоряжении несколько способов обезопасить себя от его замыслов: во-первых, хорошо управлять страной; во-вторых (что не исключало первого), честно выполнять по отношению к знаменитому изгнаннику Фонтенеблоский договор. Они пренебрегли обоими этими способами и применили третий, который, несомненно, был как нельзя более пригоден для того, чтобы в самом непродолжительном времени снова привести Наполеона во Францию. Не говоря уже о том, что они, казалось, поставили себе задачей довести своей глупой реакционной политикой до отчаяния народ, совершенно отвыкший за 25 лет революций от старого режима, — они демонстративно показывали, что считают совершенно недействительными все те обязательства по отношению к бывшему императору, которые приняла коалиция и которые они сами санкционировали. Так, например, новое французское правительство не заплатило ни одного су из 2 миллионов франков, назначенных Наполеону на содержание. А на конгрессе Талейран от имени Людовика XVIII оспаривал у Марии-Луизы и её сына торжественно обещанные им герцогства Парму, Пьяченцу и Гвасталлу. Затем Людовик XVIII не обнаруживал никакого желания заплатить деньги, обещанные родственникам Наполеона и принцу Евгению. Но, без сомнения, обстоятельством, побудившим «человека с острова Эльбы» действовать немедленно, были неоднократные и бестактные попытки Людовика XVIII добиться интернирования Наполеона в каком-нибудь отдалённом месте, где бы с ним обращались как с военнопленным. Переписка Талейрана с его государем во время конгресса показывает, что Людовик не переставал с сентября 1814 г. по март 1815 г. требовать удаления Наполеона. Сначала французский министр имел мало успеха: некоторые державы ничего не имели против того, чтобы страх перед побеждённым героем частично парализовал Бурбонов. Но позднее они сами поддались чувству страха

и серьёзно отнеслись к мысли перевезти императора на Азорские острова или на остров св. Елены. Наполеон был осведомлён об этих интригах и решил предупредить их, покинув остров Эльбу. К несчастью, он не ограничился возвращением себе свободы; он был не в силах противиться преступному желанию отвоевать свою империю, и его не остановила мысль, что он подвергает опасности и может погубить Францию и самого себя.

В нашу задачу не входит описание триумфального шествия Наполеона с момента высадки его с горсточкой приверженцев в заливе Жуан до того дня, когда он вернулся в Тюильри, куда его внесли на плечах ветераны (1—20 марта 1815 г.). Нация, измученная Реставрацией, не сопротивлялась ему потому, что он сулил ей свободу и мир, и в особенности потому, что он олицетворял в её глазах революцию. Бурбоны издали боролись с ним громкими фразами и принимали позы героев, но потом, вопреки совету Талейрана¹, обратились при его приближении в постыдное бегство.

Вернёмся теперь к Венскому конгрессу, потому что только оттуда Наполеону и грозила серьёзная опасность.

IX

После нескольких дней смятения, когда нельзя уже было сомневаться в том, что Наполеон высадился на берег Франции и быстро двинется на Париж, единодушно было решено поставить его вне закона и призвать всю Европу к войне с ним до полной его гибели. Представители восьми держав, подписавших в предыдущем году Парижский трактат, собрались вместе и по настоянию Меттерниха и Талейрана опубликовали яростную декларацию (13 марта), которая должна была отнять у императора всякую надежду на соглашение.

«Державы, — гласила эта декларация, — объявляют... что Наполеон Бонапарт поставил себя вне законов гражданских и общественных и, как враг и нарушитель всеобщего мира, предаётся в руки общественного возмездия...»

¹ Этот дипломат, как и Жокур (временно исполнявший в это время должность министра иностранных дел), был того мнения, что король не должен покидать Парижа, и, тем более, Франции; «главным образом необходимо избегать того, — писал он Людовику XVIII, — чтобы ваше величество казалось изолированным; а также того, чтобы интересы нации и дело короля представлялись чем-то отличным друг от друга, тогда как они составляют одно и то же».

Представители держав прибавляли, что их правительства готовы общими усилиями обеспечить Европу «от всякой попытки снова обречь народы на анархию и революционные бедствия». Правительства, заявляли они, исполнены твёрдой решимости сохранить в неприкосновенности Парижский трактат и все санкционированные им решения, равно как и те постановления, которыми они в будущем дополнят и упрочат этот трактат.

Для Людовика XVIII подобные уверения должны были быть очень приятны, потому что этим Европа обеспечивала за ним корону и королевство. Но в сущности всё это были пока только слова. Несколько дней спустя великие державы, видя, что приходится воевать, заключили формальный договор, которым санкционировали свои обязательства; он был подписан 25 марта в Вене и по существу своему являлся простым повторением Шомонского трактата. Австрия, Великобритания, Пруссия и Россия взяли на себя инициативу этого договора и заключили его в качестве главных сторон, без участия других. Четверной союз, таким образом, восстанавливался. Талейран и представители других государств были просто приглашены присоединиться к нему. Почти все европейские державы, одна за другой, поспешили откликнуться на этот призыв. Министр Людовика XVIII первый присоединился к договору (27 марта). Он сделал это тем охотнее, что этот трактат в точных выражениях гарантировал не только решения конгресса, но и договор 30 мая.

Казалось, что после столь ясно сформулированных соглашений война должна была вспыхнуть тотчас же. Однако только через два с половиной месяца Наполеон обменялся первыми выстрелами с мощным союзом. Причины этого промедления необходимо изложить несколько подробнее.

Вполне понятно, почему Наполеон вопреки своей обычной тактике в данном случае не атаковал первым. На другой день после 20 марта он не мог бы мобилизовать и 20 тысяч солдат. К тому же не вся Франция высказалась в этот момент в пользу государственного переворота, возвратившего ему трон: роялистские симпатии в западных департаментах сильно поддерживались герцогом Бурбонским, а в южных — герцогом и герцогиней Ангулемскими. Только в конце апреля трёхцветное знамя было повсюду восстановлено, и только в первых числах июня император собрал армию, способную выступить в поход. К тому же Наполеон, хорошо понимавший общественное настроение, прекрасно знал, что в этот момент французская нация прежде всего желала мира. Даже те, кто приветствовал его возвращение, не простигли бы ему вызывающего образа действий по отношению

к Европе. Поэтому, каковы бы ни были его затаённые желания, он после своего возвращения делал вид, что относится к трактату 30 мая с полным уважением. Он говорил, что пришёл только за тем, чтобы возвратить Франции свободу; что его возвращение не должно вызывать подозрения у держав, так как он не нарушит мира ни с одной из них. По его указанию в этом смысле были составлены (2 апреля) ответ Государственного совета на декларацию 13 марта, нотификация иностранным дворам о его возвращении на трон и объяснения по поводу случившегося, которые Коленкур, снова занявший пост его министра иностранных дел, должен был 4 апреля дать иностранным правительствам. Наполеон старался отвлечь царя от большой коалиции, сообщив ему найденную им копию трактата от 3 января; он делал авансы Англии; послылал в Вену многочисленных эмиссаров: Монтескую¹, Флао², Стассара³, Монрона; требовал, чтобы ему возвратили сына; непрестанно заявлял о своих мирных намерениях и всячески старался уверить в этом Европу. Это не мешало ему энергично готовиться к войне, но он желал, чтобы в день её объявления никто не мог упрекнуть его в том, что он сам сделал её неизбежной.

Был ли он искренен? — может быть. К несчастью, Европа, которую он так долго угнетал и так часто обманывал, уже

¹ Монтескую-Фезансак (Амбруз-Анатоль-Огюстен, граф), сын графини Монтескую, воспитательницы Римского короля, родился в Париже 8 августа 1788 г.; ординарец Наполеона I (1809); был изгнан во время второй Реставрации; адъютант герцога Орлеанского (1816); почётный кавалер герцогини Орлеанской (1823); исполнял дипломатические поручения в Риме и Неаполе (1830); маршал (1831); депутат от департамента Сарты (1834, 1837 и 1839); пэр Франции (1841); умер в 1878 г.; автор поэтических произведений, теперь совершенно забытых.

² Флао-де-ла-Биллардри (Огюст-Шарль-Жозеф, граф), родился в Париже 21 апреля 1785 г., сын графини Флао, впоследствии графини Сузской; адъютант Мюрата (1805); прикомандирован к генеральному штабу генерала Бертье; имперский барон; бригадный генерал и адъютант Наполеона (1813); пэр Франции во время «Ста дней»; изгнан во время второй Реставрации; после июльской революции восстановлен в своих правах; посланник в Берлине (1831—1832); оберштадтмейстер герцога Орлеанского (1837); посол в Вене (1841—1848); член совещательной комиссии после 2 декабря 1851 г.; сенатор в 1853 г.; умер в 1870 г.; от его связи с королевой Гортензией родился в 1812 г. сын, впоследствии герцог Морни.

³ Стассар (Госвен-Жозеф-Огюстен, барон), родился в Малине 2 сентября 1780 г.; префект во время Империи; докладчик в Государственном совете по особо важным делам во время «Ста дней»; депутат Генеральных штатов в Нидерландах (1821—1830); член национального конгресса в Бельгии (1830); губернатор провинции Намюр (1830) и Брабант (1834—1839); член бельгийского сената (1831—1847), потом президент его; послан с дипломатическим поручением в Турин (1840); автор многочисленных учёных трудов; умер в Брюсселе 10 октября 1854 г.

не хотела больше верить ему. В Вене бесповоротно было решено не вступать с ним ни в какие переговоры. И только крупные осложнения принудили союзников отложить на время ту военную экзекуцию, которая по трактату 25 марта казалась столь близкой.

В этот момент (в апреле) русская армия находилась в Польше. Русские войска, по всем расчётам, могли дойти до линии военных действий только в конце июня. Прусские войска были готовы и ждали только приказа. Но, поскольку они должны были напасть на Францию с севера, они могли действовать только совместно с англо-голландскими войсками, а последние составляли пока лишь небольшой отряд в Бельгии. Впрочем, Веллингтон заявлял, что он не рискнёт двинуться на нашу границу до тех пор, пока австрийская армия не будет в состоянии перейти Рейн и поддержать его. А между тем как раз в этот момент новая неожиданность заставила венский двор направить главные свои силы в Италию.

Мюрат не послушался совета Наполеона, который тот дал ему при отъезде с Эльбы, — ничем не рисковать и впредь до новых распоряжений ограничиваться только стойким сопротивлением, которое удерживало бы австрийскую армию, предназначенную для Ломбардии, по ту сторону Альп. Узнав об успехе императора, Мюрат потерял голову и решил, что император просто желает обмануть его и помешать ему распространить свою власть на всю Италию, что момент весьма благоприятен для действий, что Австрия, утраченная и не сводящая глаз с Франции, быть может, не станет мешать ему. Словом, 30 марта он выпустил хвастливую прокламацию, призывая итальянцев к оружию, и двинул свои войска. Через несколько дней он уже был почти на границе Ломбардии. Но на этот раз венский двор решил не церемониться и сразу его остановил. Полтора ста тысяч австрийцев без труда принудили к отступлению небольшую неаполитанскую армию (8 апреля). Шесть недель спустя Мюрат, разбитый наголову, покинул столицу, и Фердинанд IV, связанный с этого момента навсегда с венским двором¹, возвратился на неаполитанский трон.

¹ Договором 12 июня 1815 г. он обязался доставить Австрии 25 тысяч войска и не давать своим подданным конституции без согласия этой державы. В этом договоре содержатся следующие знаменательные слова: «Их величества обязуются сим договором хранить в Италии мир и оберегать своих подданных и свои государства от новых потрясений и от опасности неблагоприятных нововведений, которые могли бы этому способствовать; Великие державы решили, что его величество король Обеих Сицилий, устанавливая управление королевством, не допустит перемен, которые были бы в противо-

Закончившаяся таким образом кампания была очень непродолжительна. Однако этого было достаточно, чтобы не позволить императору Францу I раньше июня принять участие в общесоюзном наступлении против Наполеона. За время этой кампании венская дипломатия всячески маневрировала по отношению к Франции, чтобы оттянуть время открытия военных действий. Одно время она даже старалась сделать войну ненужной, но не путём примирения с «корсиканским чудовищем», а тем, что участвовала или делала вид, что участвует в некоторых партийных интригах, которые при помощи внутренней революции могли бы низвергнуть императора.

X

В чью пользу должно было произойти низложение Наполеона? Вопрос этот разрешался Австрией и Англией без малейших колебаний. Эти обе державы в глубине души питали расположение к одному только Людовику XVIII; как бы то ни было, но последний в известной мере и прежде приносил пользу их политике и в будущем мог им ещё пригодиться. Поэтому они твёрдо решили вторично способствовать его реставрации и даже сделать её неизбежной. Но пока они не считали нужным высказывать свои намерения по следующим двум соображениям: во-первых, Бурбоны были явно непопулярны во Франции, и поэтому, не одержав над ней полной победы, было неблагоприятно навязывать их ей; во-вторых, было если и невеликодушно, то выгодно использовать их бедственное положение и делать вид, что державы собираются покинуть их: в этом случае можно было рассчитывать, что они тем дороже заплатят за поддержку коалиции.

Людовик XVIII после той ошибки, которую он сделал, бежав из своего государства в Гент, являлся теперь, как и до 1814 г., только претендентом на французский престол, всецело зависевшим от держав, помощи которых он добивался. Те из них, которые прежде особенно поддерживали его, объявили теперь, что не могут принять на себя официального обязательства восстановить его на троне. Кэстльри, тайным образом заверяя короля в своём личном к нему расположении, мотивировал свою сдержанность тем, что проект новой войны встречает оппозицию в английском пар-

речи с прежними учреждениями или принципами, принятыми его императорским и апостолическим величеством относительно внутреннего устройства его итальянских провинций».

ламенте, а также тем, что не следует отпугивать французский народ. Выражения, в коих по совету Кэстльри принц-регент (25 апреля) утвердил трактат 25 марта, исключали всякую мысль о том, что сент-жемский кабинет пожелает навязать Франции какое-нибудь определённое правительство¹. Венский двор несколько дней спустя опубликовал аналогичное заявление, столь же искреннее. Россия и Пруссия также заявили, что у них нет намерения насиловать волю Франции. Последние две державы не так уж были довольны Людовиком XVIII, чтобы желать во что бы то ни стало восстановления его на троне. Берлинский двор к тому же никогда не мог простить той чрезвычайной, по его мнению, снисходительности, которая была проявлена по отношению к Франции Парижским трактатом.

Так как эта нечестивая и коварная нация так мало оправдала снисходительность, проявленную по отношению к ней союзниками, то на этот раз следует обойтись с нею по заслугам². Она не хочет признавать своего короля? — тем

¹ По поводу трактата 25 марта, на который напали виги, в палате общин 28 апреля произошли довольно бурные прения. Кэстльри защищался, но для того чтобы получить одобрение большинства палаты, был вынужден слухавить и даже немного солгать, уверяя, что он отнюдь не думает насиловать волю Франции. Несколько дней спустя его брат Чарльз Стюарт успокаивал от его имени гентский двор. «Для того чтобы, — говорил он, — соблюсти необходимое приличие, Кэстльри пришлось говорить так, как он это сделал, и его речь выдержана в тех принципах, которые мы только и можем высказывать публично. Однако наши пожелания и наши усилия направлены на пользу короля; мы желаем его успеха, мы в нём не сомневаемся, но мы не можем выйти за пределы условий трактата и заявления держав».

² Вот что писал в своей прокламации прусский генерал-губернатор рейнских провинций (15 апреля 1815 г.): «Эта нация, так долго гордившаяся своими победами, но принуждённая склонить своё гордое чело перед германскими знамёнами, опять начинает угрожать спокойствию Европы. Она осмелилась забыть, что ещё год тому назад, будучи хозяевами её столицы и её провинций, мы, собственно, должны были вознаградить себя разделом её территории: необходимость и законность этой меры вполне оправдывались всеми теми жертвами, которые понесены были нами для освобождения Германии. Страна, столь преданная анархии, будет угрожать Европе позорной гибелью, если все храбрые тевтоны не вооружатся против неё. Сегодня мы выступаем не для того чтобы навязывать ей монархов, которых она отвергает... а для того, чтобы поделить эту нечестивую страну и вознаградить себя справедливым разделом её провинций за все жертвы, понесённые нами в течение 25-летней борьбы с её бесчестьем...» Затем Грюнер предлагает, чтобы союзники после победы завладели так называемыми национальными имуществами и обратили их в фонд награждения военнослужащих. «Таким образом, германские монархи и граждане найдут в этой войне против тирании следующую выгоду: первые приобретут подданных, приведённых силою наших законов к должному повиновению,

лучше. Ей были сделаны уступки из уважения к нему, а теперь их можно будет не возобновлять. Договор 30 мая будет признан недействительным; Франция будет разделена и навсегда вычеркнута из списка великих держав. Подобным образом, и даже в ещё более резкой форме, выражались в эту эпоху прусские патриоты, слова которых находили отзвук во всей Германии. Что касается русского правительства, то оно вовсе не присоединялось к этим неистовствам. Александр всегда в глубине души питал слабость к Франции; но это чувство отнюдь не распротранялось на Людовика XVIII и вообще на всю старшую ветвь дома Бурбонов. Он повторял всем и каждому, что прекрасно их знает, что они все — бестолковые и злые люди. Герцог Орлеанский¹, говорил он в это время (конец апреля 1815 г.), гораздо больше подходит для Франции, чем брат Людовика XVI; и если значительная партия пожелает возвести его на престол, то он отнюдь не склонен становиться ему поперёк дороги.

В самом деле, некоторые интриганы намеревались тогда возвести на французский престол того, кто впоследствии сделался Луи-Филиппом. Небольшой заговор в его пользу был даже устроен перед 20 марта. Другие только помышляли о том, чтобы заменить Наполеона, — которого снова принудили бы отречься от престола, — его сыном, от имени которого можно было учредить регентство. Во всех этих заговорах принимал участие Фуше, первейший из изменников, которого Наполеон имел неосторожность назначить министром полиции и который, видя непрочность его власти, только и думал о том, как бы обеспечить себе видное положение в государстве.

Именно с Фуше в течение всего апреля и мая 1815 г. и вёл тайные переговоры Меттерних, уполномоченный на то

а вторые — плодородные земли в стране, которую будут держать в должном страхе наши штыки». В то же время «Рейнский Меркурий» под влиянием Штейна писал так: «Нужно уничтожить эту шайку в 500 тысяч разбойников... нужно объявить войну всей нации и поставить вне закона весь этот бестолковый народ, для которого война является насущной потребностью... Весь свет не будет пользоваться миром до тех пор, пока будет существовать французский народ; пусть его превратят в бургундов, невстрийцев, аквитанов и т. п.; они передерутся между собой, но зато мир будет спокоен навеки».

¹ Сын Филиппа-Эгалите и впоследствии французский король под именем Луи-Филиппа I. Он родился 6 октября 1773 г. в Париже, умер в Клермонте (Англия) 26 августа 1850 г. Относительно его молодости и поведения в эпоху революции и империи см. мою работу «Etudes critiques sur la Révolution, l'Empire et la période contemporaine», p. 231—258.

государями коалиции; он делал это, повидимому, только с целью выиграть время и обмануть этого плута. Честных агентов (как Монтескью, Флао, Стассар), являвшихся в Германию для защиты интересов Наполеона, Меттерних безжалостно гнал. Но когда явились другие агенты (как Монрон), начинавшие свою речь от имени императора, но затем дававшие понять, что хочет сделать и что считает возможным сделать французский министр полиции, Меттерних сделал более доступным. Один из его самых ловких агентов, барон Оттенфельс, был даже послан им под ложной фамилией в Базель, для того чтобы переговорить там с эмиссаром Фуше. Но заговор был открыт императором, и хотя свидание в Базеле состоялось, однако оно не привело ни к какому результату¹.

Такой мошенник, как Меттерних, ничем не рисковал в подобной игре. Прежде всего он выиграл на этом несколько недель времени, необходимого Австрии и Англии для мобилизации своих армий против Наполеона. Затем ему удалось так запугать Людовика XVIII, что тот совершенно забыл о своих обязанностях по отношению к Франции. Жалкий гентский двор со страхом узнавал об этих происках, которые в конце концов могли помешать «законному» королю снова воссесть на трон. Этот двор боялся герцога Орлеанского, Наполеона II, регентства. Талейран вовсе не считал нужным успокаивать Бурбонов и выяснять им истинные намерения четырёх великих союзных дворов. Таким путём, повидимому, он хотел или набить себе цену, или, может быть, обеспечить себе отступление и переход в другой лагерь². Вот почему Бурбоны, совершенно отчаявшись в возможности новой реставрации и новой даровой помощи коалиции, согласились купить её поддержку ценой таких уступок, которые до сих пор остались мало отмеченными историей, но должны быть осуждены со всею строгостью.

В декларации 13 марта и в трактате 25 числа того же месяца союзники официально заявили, что они воюют только

¹ Свидание происходило в мае между Оттенфельсом, принявшим имя Вернера, и советником Флери-де-Шабуллоном, представившимся в качестве агента Фуше, но бывшим в действительности эмиссаром Наполеона. Герцог Отрантский оправдался, как мог, перед императором и притворился, что готов вести его игру. Но он не замедлил уведомить о всём происшедшем Меттерниха и вскоре затеял новую самостоятельную интригу.

² Талейран не пользовался большой любовью у Людовика XVIII, которому он навязал себя. Его ненавидели любимец короля де-Блака и ещё более граф д'Артуа и вся эмигрировавшая с ним партия царедворцев. Талейран платил им тем же. Без сомнения, он уже тогда ничего бы не имел против восшествия на престол герцога Орлеанского.

с Наполеоном, что они вовсе не объявляли войны французской нации и что, следовательно, постановления трактата 30 мая будут за ней во всяком случае обеспечены. Но в момент подписания первого из этих документов Людовик XVIII был ещё на троне, а в момент появления второго — союзники не знали, что он покинул Францию. Когда стало известно, что он — утративший силу беглец, то заговорили совершенно иным тоном. Пруссия заявила, что французский народ является сообщником Наполеона, раз он не отверг его; поэтому он вместе с императором должен быть поставлен вне закона и не может ссылаться на Парижский трактат. Остальные члены коалиции, не высказываясь в столь резкой форме, как Пруссия, всё же без труда стали на ту же точку зрения. Таким образом, Людовику XVIII было дано понять, что если он желает получить от своих союзников моральное обязательство восстановить его на троне, то он должен согласиться на пересмотр трактата 30 мая.

Эта сделка, на которую французский король и его уполномоченный некоторое время не решались пойти, в конце концов всё-таки состоялась. Об этом с несомненностью свидетельствуют отдельные места из доклада секретаря конгресса Генца, в котором 12 мая опровергался обнародованный Государственным советом от имени Наполеона манифест от 2 апреля.

В этом докладе говорилось, что относительно внутренних дел «державы не считают себя вправе навязывать Франции правительство; но они никогда не откажутся от права воспрепятствовать тому, чтобы под названием правительства утвердился во Франции очаг беспорядков и волнений, опасных для остальных государств. Они готовы признавать свободу Франции постольку, поскольку она будет совместима с их собственной безопасностью и общим спокойствием Европы...»

Так как союзники, очевидно, не желали республики, так как они не считались серьёзно ни с герцогом Орлеанским, ни с регентством и в то же время выражали намерение низложить Наполеона, то приведённые фразы не могли возвещать ничего иного, кроме принудительного восстановления на троне Людовика XVIII.

Кроме того, в том же самом докладе по поводу будущих сношений Франции с Европой говорится так: «В настоящее время не может быть и речи о сохранении трактата 30 мая; его надлежит пересмотреть. Державы считают себя поставленными по отношению к Франции в те самые условия, в каких они были 31 марта 1814 г...»

Этот документ не был опубликован. Он и не мог быть опубликован. Но уполномоченные восьми держав, принимавших участие в Парижском трактате, подписали его. Между ними был и Талейран, у которого было так мало чувства нравственного достоинства, что в письме к Людовику XVIII (17 мая 1815 г.) он объявил себя удовлетворённым.

Только тогда (в последних числах мая) союзные армии начали двигаться вперёд, и война сделалась неизбежной. Из этого видно, при сколь печальных для Франции обстоятельствах начиналась эта война и сколь губительным оказалось для неё возвращение Наполеона. Ещё незадолго перед этим Франция внушала уважение всем своим противникам; а теперь вся Европа, объединившись против неё, угрожала больше, чем когда-либо, её политической независимости и территориальной неприкосновенности.

XI

Ко времени открытия военных действий союзники сочли чужным ускорить работу конгресса, которая, по необходимости, велась несколько вяло начиная с марта месяца. Было желательно во что бы то ни стало закончить совещания, придать окончательную форму уже принятым решениям и выработать те из них, которые ещё оставались спорными. Европа нуждалась в полном восстановлении, прежде чем она могла напасть на своего противника. Державы добивались, чтобы между ними не оставалось никаких серьёзных недоразумений к началу новых переговоров с Францией. Уладив в Вене всё как следует, они имели бы перед собой только одну задачу — сокрушить побеждённую нацию так, чтобы она не могла впредь вмешиваться в дела других держав или пользоваться их разногласиями.

Различные комиссии, действовавшие от имени конгресса, получили приказ поскорее закончить порученные им дела. Почти все спорные вопросы были разрешены союзниками наспех; хорошо ли, дурно ли — это было неважно: главное заключалось в быстроте работы и доведении её до конца. Саксонский король, находившийся в плену в Пресбурге, в течение двух месяцев упорствовал, не принимая соглашения, по которому у него отнималась значительная часть его владений. Прежде чем согласиться и присоединиться — как от него требовали — к трактату 25 марта, он настойчиво добивался своего освобождения. Ввиду его упорства ему, наконец, заявили, что обойдутся и без его подписи; его

королевством будет управлять Пруссия, а сам он останется пленником до тех пор, пока не скажет «да». Несчастный государь, не чувствуя себя достаточно сильным для борьбы, в конце концов покорился. Сначала он торжественно отказался от великого герцогства Варшавского, окончательный раздел которого был утверждён двумя трактатами 3 мая 1815 г., из коих один был заключён между Россией и Австрией, а другой — между Россией и Пруссией. Затем он принуждён был договором, заключённым непосредственно с берлинским двором (18 мая), уступить последнему две пятых своих собственных владений. Вопросы, интересовавшие Пруссию, относительно территорий, лежавших вне Саксонии и Польши, были вскоре урегулированы соглашениями с Австрией и Баварией (28 мая), с Ганновером (29 мая), с Нассау, Нидерландами (31 мая), с Саксен-Веймаром (1 июня), с Данией (4 июня) и с Швецией (7 июня). В то же самое время другие соглашения определили границы небольших германских государств¹. Государства, медиатизированные в 1803 г., остались таковыми, несмотря на свои настойчивые жалобы; другие государства были впервые медиатизированы именно теперь (например, княжества Изенбург и Лейен). Участь и границы Нидерландов были установлены трактатом 21 мая. Накануне были разрешены — торжественным соглашением пяти великих держав — вопросы, касавшиеся Сардинии. Несколько дней спустя (27 мая) Швейцария приняла выработанные для неё конгрессом условия её территориальной и политической реорганизации и получила, таким образом, от Европы гарантию своей независимости и нейтралитета. Что касается Италии, то между державами не состоялось окончательного соглашения относительно Пармского герцогства. Оно было предоставлено Марии-Луизе только в пожизненное владение, и его дальнейшая судьба не была ещё определена. За недостатком времени решение этого незначительного вопроса было отложено². Чтобы не затягивать конгресса, было также отложено

¹ За исключением Баварии, которая, не имея уже более поддержки со стороны Франции, получила от Австрии не удовлетворявшие её предложения в качестве компенсации за то, что она должна была вернуть; во всяком случае эти уступки были ничтожны в сравнении с ранее обещанным. Поэтому мюнхенский двор отказывался вернуть венскому двору Иннфиртель и Гаусрюкфиртель. Только значительно позже (в 1816 г.) он согласился принять поставленные ему условия.

² Этот вопрос был разрешён только 10 июня 1817 г. в трактате, заключённом между Австрией, Испанией, Францией, Великобританией, Пруссией и Россией. По этому трактату Парма после смерти экс-императрицы должна была перейти к экс-королеве Этрурии. Последняя тем временем получала во владение Лукку.

решение участи Ионических островов, протектората над которыми добивались и Австрия, и Англия, и Россия.

Но прежде чем закрыть конгресс, державы сочли всё-таки нужным дать Германии, жестоко обманутой в своих надеждах на объединение, хоть некоторое подобие союзной конституции. Как мы знаем, комиссия по германским делам 16 ноября 1814 г. прервала свои работы. В тот момент, когда Наполеон покинул остров Эльбу, она ещё не собиралась возобновить их. Мелкие правительства Германии в числе тридцати четырёх объединились и предложили (20 декабря) восстановить имперскую власть в пользу Австрии. Так как всегда эта власть сводилась почти к нулю, то понятно предпочтение, оказанное ими именно этой форме федерального руководства. Но венский двор прекрасно понимал, что голый титул без власти будет для него бременем, затруднением, а не преимуществом. С другой стороны, он прекрасно понимал, что если потребовать для будущего императора серьёзных полномочий, то второстепенные государства, так ревниво оберегавшие свою независимость, и в особенности Пруссия, так мало расположенная к Австрии, будут всеми силами противодействовать ему. Поэтому, по мнению Вены, было выгоднее оставить этот проект без последствий, потворствовать партикуляризму германских государей, тщательно поддерживать в них боязнь прусских замыслов и под видом защиты иметь над этими государями фактическую гегемонию без внешних атрибутов власти. Так как они, вступая в союз, собирались пожертвовать для общего блага только самую незначительную часть своего суверенитета, то Меттерних вовсе не предлагал им образовать настоящее «союзное государство» с органами власти, свойственными великой нации; австрийский канцлер просто предлагал постоянный союз без высшей и неоспоримой власти. Составленный им и разосланный в конце декабря проект был в большей своей части принят германскими государями, ибо соответствовал их собственным желаниям. Но он плохо отвечал стремлениям германского народа; последний требовал сильной власти, которая мощно двинула бы его вперёд, а ему предлагали нечто вроде равновесия между бессилием и бездействием. Планам Меттерниха Гарденберг противопоставил два проекта Гумбольдта (февраль 1815 г.); хотя в последних и заключалось много общего с австрийским проектом, но всё-таки в них была подчеркнута необходимость укрепить будущую конфедерацию тремя следующими способами: 1) прочной военной организацией, 2) учреждением союзного суда и 3) гарантией минимума свободных учреж-

дений каждому из государств, входящих в состав союза. Но Австрия, не высказываясь против этих проектов, стала всё более и более затягивать дело. Мелкие государства снова заявили протест (2 февраля) против выработки союзной конституции без их участия. Короче говоря, наступил март, а вопрос ещё не подвинулся ни на шаг вперёд. В это именно время Наполеон опять появился во Франции. Необходимость вооружить против него всю Германию заставила конгресс как можно скорее принять решение по данному вопросу. Второстепенные германские государства (Вюртемберг, Бавария и множество других мелких), получив предложение присоединиться к трактату 25 марта и доставить свои контингенты войск, поспешили сделать это (апрель—май 1815 г.), показав тем самым, что в галлофобии они нисколько не уступают Пруссии. Но они согласились продать свою помощь за цену, которая в глазах берлинского двора должна была показаться чрезвычайно большой. Для того чтобы получить эту помощь, пришлось пообещать им, что союзная конституция ни в чём не затронет их суверенных прав.

Но одного обещания было мало; необходимо было его подкрепить принятием без дальнейших промедлений проекта конституции, основанной на австрийской программе. Последнее обстоятельство очень обрадовало венский двор. Весьма вероятно, что если бы Пруссии пришлось иметь дело только с мелкими немецкими государствами, то она сумела бы без лишних уступок запугать их и увлечь за собой. Но она была принуждена сообразовываться также с Австрией, которую в это время подозревали в желании действовать заодно с Фуше и возвести на французский престол Наполеона II и которая тайно способствовала распространению этого слуха. Для того чтобы Меттерних без дальнейших отсрочек послал, наконец, войска своего государя к Рейну, пришлось дать ему почти полное удовлетворение по германскому вопросу. Все германские правительства (не только пять важнейших, как это было сделано первоначально) были приглашены составить комиссию, которая собралась 23 мая и с этого времени непрерывно обсуждала союзную конституцию. В пятнадцать дней вся эта огромная работа, которой раньше так долго боялись, была закончена, вернее сказать, сделана на скорую руку. Вопросы, представлявшие наибольшие трудности, были обойдены молчанием. Разрешение их откладывалось на будущее время. Своей гибкой и неопределённой фразеологией договор придал вид искреннего соглашения тому, что в сущности заключало в себе зародыш будущих размолвок, раздоров и весьма серьёзных осложнений. Мет-

терних, по своей привычке, счёл, что он выиграл дело потому, что сумел выиграть время. Для полного господства над Германией существенным, по его мнению, условием являлось приведение её в состояние полного бездействия. Поэтому новая конституция, обрекавшая Германию на необходимость в лучшем случае топтаться на месте, должна была доставить ему почти полное удовлетворение.

Акт 8 июня 1815 г., установивший «Германский союз» состоит из 20 статей, из которых 11 первых, являясь по своему характеру постановлениями международного права, были включены в заключительный акт Венского конгресса; остальные статьи относятся к организации и «внутренним» правам Германии.

Договор, заключённый всеми владетельными государями и вольными городами, устанавливал между ними «постоянный Союз» (вопрос о союзном государстве уже более не поднимался). Целью этого Союза является поддержание «внешней и внутренней» безопасности всей страны, а также независимости и целостности отдельных входящих в состав Союза государств; о правах нации совершенно умалчивается. Члены Союза как таковые должны пользоваться одинаковыми правами; не может быть поэтому речи ни о едином целом, ни о центральной власти. Управление делами Союза должно быть вверено не представителям германского народа, а союзному сейму, на котором заседают одни только «уполномоченные» отдельных государств¹; таким образом, сейм должен быть простым собранием дипломатов. Председательство на сейме должно было принадлежать всегда Австрии. Правда, каждое государство могло вносить предложения, обсуждение коих было обязательным. Обыкновенный сейм превращался в *общее* собрание, или так называемый пленум, всякий раз, когда требовалось «постановить новые или в чём-либо изменить прежние основные законы Союза, или принять меры, затрагивающие существо самого союзного акта, или

¹ Уполномоченные в числе 17 человек (по одному от крупного государства или от группы мелких государств): 1) Австрии, 2) Пруссии, 3) Баварии, 4) Саксонии, 5) Ганновера, 6) Вюртемберга, 7) Бадена, 8) курфюршества Гессенского, 9) великого герцогства Гессенского, 10) Гольштейна и Лауенбурга (от датского короля), 11) Люксембурга (от нидерландского короля), 12) великогерцогских и герцогских саксонских домов, 13) Брауншвейга и Нассау, 14) Мекленбург-Стрелица и Мекленбург-Шверина, 15) Ольденбурга, Ангальта, Шварцбургга, 16) Гогенцоллерна, Лихтенштейна, Рейса, Шаумбургга, Липпе, Вальдека, 17) вольных городов (Любека, Франкфурга, Бремена, Гамбургга).

ввести новые учреждения, или сделать какие-либо распоряжения, касающиеся общегерманских интересов». Число голосов в этом случае устанавливалось в 69, и оно должно было быть распределено сообразно с размерами владений каждого государства¹. Сейм должен был рассмотреть, надлежит ли предоставить несколько коллективных голосов «медиатизированным» князьям; это было обещание довольно неопределённое, которое так и осталось обещанием. Сейму предоставлялось также право решать большинством голосов, какие вопросы должны быть рассматриваемы на его пленарном собрании. Он же должен был готовить проекты и дела, подлежащие обсуждению. Все вопросы решались простым большинством голосов в обыкновенном собрании и большинством $\frac{2}{3}$ — в пленарном собрании сейма. Однако требовалось «единогласие» при решении дел, касающихся 1) установления коренных законов; 2) основных государственных учреждений Союза; 3) различных прав; 4) дел религиозных. Из всего этого видно, что Австрия добилась своего: наделив Германию конституцией, чрезвычайно мало её объединявшей, она обрекла её на полный застой. Порядок решения дел устанавливался сеймом, который должен был открыться во Франкфурте 1 сентября 1815 г. Это собрание прежде всего должно было выработать основные законы и органические учреждения Союза, «имевшие отношение к его воен-

¹ Голоса были распределены следующим образом: 1) Австрия (в качестве уполномоченной провинций верхней и нижней Австрии, Штирии, Каринтии, Крайны, австрийского Фриула, Триеста, Тироля, Форарльберга, Зальцбурга, Чехии, Моравии, австрийской Силезии, Гоген-Герольдзек, каковые только и были включены в Германский Союз) — 4 голоса; 2) Пруссия (в качестве уполномоченной включённых в Союз провинций: Померании, Бранденбурга, Силезии, Саксонии, Вестфалии, Клеве-Берга и Рейнской провинции) — 4 голоса; 3) Бавария — 4 голоса; 4) Саксония — 4 голоса; 5) Вюртемберг — 4 голоса; 6) Ганновер — 4 голоса; 7) Баден — 3 голоса; 8) курфюршество Гессенское — 3 голоса; 9) великое герцогство Гессенское — 3 голоса; 10) Гольштейн-Лауенбург — 3 голоса; 11) Люксембург-Шверин — 2 голоса; 12) Брауншвейг — 2 голоса; 13) Мекленбург-Шверин — 2 голоса; 14) Нассау — 2 голоса; 15) Саксен-Веймар — 1 голос; 16) Саксен-Гота — 1 голос; 17) Саксен-Кобург — 1 голос; 18) Саксен-Мейнинген — 1 голос; 19) Саксен-Гильдбурггаузен — 1 голос; 20) Мекленбург-Стрелиц — 1 голос; 21) Ольденбург — 1 голос; 22) Ангальт-Дессау — 1 голос; 23) Ангальт-Бернбург — 1 голос; 24) Ангальт-Кётен — 1 голос; 25) Шварцбург-Зондсгаузен — 1 голос; 26) Шварцбург-Рудольштадт — 1 голос; 27) Гогенцоллерн-Гехинген — 1 голос; 28) Гогенцоллерн-Зигмаринген — 1 голос; 29) Лихтенштейн — 1 голос; 30) Вальдек — 1 голос; 31) Рейс-Шлейц — 1 голос; 32) Рейс-Грейц — 1 голос; 33) Шаумбург-Липпе — 1 голос; 34) Липпе — 1 голос; 35) Любек — 1 голос; 36) Франкфурт — 1 голос; 37) Бремен — 1 голос; 38) Гамбург — 1 голос.

ным, внешним и внутренним делам» (по этим существенным вопросам союзный акт не содержал никаких постановлений); наконец, члены Союза обязывались не только охранять целостность всей Германии, но и защищать каждое из государств, входящих в состав Союза. В случае объявления войны Союзом никто из его членов не мог вступать в отдельные соглашения с неприятелем. Но все они сохранили право заключать союзы, лишь бы они не были направлены против Германского союза или отдельных его членов (разумеется ясно, что подобная оговорка могла и должна была на практике создать бесчисленные затруднения?). Что касается войн между германскими государствами, то они были воспрещены. В случае спора между двумя союзными правительствами последние обязаны были представить свои разногласия сейму, который сначала должен был попытаться разрешить их «путём посредничества»; если же понадобилось бы вынести судебный приговор, «то произнесение оно поручалось сеймом аустрегалльному судилищу»¹. Таким образом, Союз не имел ни регулярно функционирующей судебной власти, ни верховного суда; точно так же конституция не определяла ни судопроизводства, ни порядка исполнения решений аустрегалльного суда.

Во второй части союзного договора, в статье, трактующей о «верховных судах», прежде всего бросается в глаза то обстоятельство, что составители проекта не решились установить в Германии «единообразную судебную практику». «Во всех государствах Союза, — читаем мы далее, — будут учреждены собрания земских чинов»; не говорится «должны быть учреждены» и не определяется даже срок учреждения, так что некоторые правительства получали возможность на неопределённое время отложить созыв чинов. Ни слова не говорится о «конституции», о «народном представительстве», о разделении властей. Говорится только о «земских чинах», т. е. о собраниях наполовину феодальных, и без указания их компетенции. Что касается прав «медиатизированных князей и непосредственно имперского дворянства», то таковые были обеспечены за ними союзным актом, но в такой форме, что они сводились к одним только внешним почётным отличиям и социальным привилегиям. Доходы, долговые обязательства и пенсии, признанные в 1803 г. за лишёнными своих владений князьями и членами Тевтонского

¹ Термин «аустрегалльный суд» восходит к XIV веку и применялся к судебно-третейской процедуре для разрешения споров, возникавших между владетельными князьями, прелатами, городами и рыцарями. — Прим. ред.

ордена, были сохранены. Была также провозглашена гражданская и политическая свобода различных «христианских» исповеданий. Относительно евреев сейм обязан был выработать меры для утверждения за ними «гражданских прав», «с тем чтобы и они приняли на себя исполнение всех обязанностей прочих граждан». Что касается вообще «прав подданных», то права эти ограничивались весьма незначительной сферой: германские граждане имеют право покупать недвижимости на всём пространстве Германского союза без уплаты специальных пошлин; переселяться из одного государства в другое; поступать на службу отдельных государств, входящих в состав Союза, но без нарушения обязанности военной службы по отношению к своему родному государству; вывозить своё имущество из одного государства в другое, не платя особых пошлин, «если только это не будет воспрещено состоявшимися соглашениями» (последняя оговорка отчасти уничтожает предоставленное право). Вот и всё. Однако необходимо добавить, что союзный акт сулил ещё «единообразные узаконения относительно печати и мероприятия, гарантирующие авторов и издателей от контрафакции» (перепечатки без их согласия). Но где же была та «свобода печати», которой требовала вся нация? О ней старательно умалчивали. Где, наконец, было то единство таможенного и торгового законодательства, которого добивалась вся Германия и которое позднее должна была дать ей Пруссия? В данный момент союзные государства только заявляли, что они «оставляют за собой право» обсудить на сейме «способы установить порядок судоходства и торговых сношений в соответствии с принципами, одобренными на Венском конгрессе». Да и этому скромному обещанию суждено было, как мы увидим дальше, остаться совершенно мёртвой буквой.

Таков знаменитый компромисс, создавший «Германский союз». Всякий, кто прочитает союзный акт, не может не признать, что его авторы, за исключением Австрии, рассматривали этот компромисс только как неизбежное зло. Что касается германского народа, не принимавшего участия в этом деле, то такая бесплодная конституция с самого начала не могла ему внушить иное чувство, кроме желания заменить её договором, более соответствующим его национальным стремлениям.

XII

После того как было завершено это произведение, так плохо удавшееся, но которого лучше сделать не могли, конгресс поспешил разойтись, так как война, ставшая неизбежной, поглощала всё внимание и в Бельгии уже готовы были загреть пушки. Конгресс поторопился закончить свои работы подписанием «Заключительного акта 9 июня 1815 г.». Этот документ, предназначенный быть основной хартией Европы (сколько раз потом нарушали эту хартию!), был составлен главным образом Генцем. Он был облечён в форму общего трактата, заключённого восемью державами, подписавшими Парижский договор; все остальные были приглашены присоединиться к нему.

Венский трактат был только простым воспроизведением тех основных соглашений, которые были раньше заключены между отдельными державами и которые мы излагали выше. Редактор при составлении этого документа связал в одно целое принципиальные постановления, с которыми мы уже познакомились, а относительно деталей и второстепенных соглашений сделал ссылки на отдельные договоры, приложенные к Заключительному акту. Здесь мы вкратце изложим главные результаты конгресса в том самом порядке, в каком они были представлены на утверждение Европы.

Прежде всего великое герцогство Варшавское уступает русскому императору, за исключением Торна и Познани, отошедших к Пруссии¹, Кракова, обращённого в республику², и Восточной Галиции, переданной Австрии (вместе с ней отошли также соляные копи Велички, округа — Злочев, Бережаны, Тарнополь и Залещик). Русскому императору предоставлялось установить для Польши по своему усмотрению особое управление и пределы её территории. Поляки, подданные России, Пруссии и Австрии, получают национальные учреждения³. Навигация объявлялась свободной по всем рекам и каналам старой Польши.

¹ С территорией, предназначенной соединить Силезию с Пруссией в собственном смысле.

² Под протекторатом и с гарантией трёх северных дворов.

³ Австрийский император и прусский король весьма плохо исполнили это обязательство. Что же касается русского императора, то он выполнил его как нельзя более охотно: он создал из уступленных ему провинций Царство Польское и дал ему конституцией 27 ноября 1815 г. квази-парламентский режим, которым, впрочем, поляки полностью никогда не пользовались и которого несколько лет спустя их совсем лишили.

Королевство Саксонское сохраняет своё существование, но две пятых его владений отходят к Пруссии (вся северная часть, включая в неё часть Верхнего Лауцица, весь Нижний Лауциц, избирательный округ с графством Барби, княжество Кверфуртское, Тюрингенский округ, часть округов Мерзебурга, Наумбург-Цейтца, Мейссена, Лейпцига, Мансфельда и Геннеберга саксонских; в общем 20 тысяч квадратных километров и 800 тысяч жителей).

Пруссии возвращаются все те земли, которыми она владела в 1806 г.¹ Она приобретает кроме польских и саксонских провинций, указанных выше, Данциг, шведскую Померанию, большую часть Вестфалии; кроме того, к ней же отходит обширная и густо населённая территория по левому берегу Рейна, простирающаяся вплоть до пределов Франции и Нидерландов, в том числе Кёльн, Кобленц, Аахен, Трир и т. д.

Прежнее курфюршество Ганноверское, родовое владение английского короля, восстанавливается и превращается в королевство; к нему прибавляются восточная Фрисландия, несколько вестфальских и гессенских округов; от него отходит только Лауенбург, переданный Пруссией Дании взамен отнятой у неё шведской Померании. В новом королевстве за Пруссией обеспечены военные дороги и особые торгово-навигационные привилегии.

Прусская монархия, кроме того, округляет свои владения посредством обмена территорий с несколькими мелкими государствами (Ольденбург, Мекленбург-Стрелиц, Саксен-Веймар и т. д.); наконец, она приобретает город Ветцлар и несколько медиатизированных владений.

Король баварский получает великое герцогство Вюрцбургское и княжество Ашафенбургское². Князь-примас (прежде великий герцог Франкфуртский) не получает своих владений: ему будет дана денежная компенсация. Франкфурт объявляется вольным городом; но вопросы, касающиеся его конституции, подлежат решению сейма. Великий герцог Гессен-Дармштадтский получает на левом берегу Рейна Майнц

¹ В том числе княжество Невшательское и графство Валанжен, части Швейцарского союза.

² Это далеко не составляло всего того, что было обещано венским двором в 1814 г. Поэтому король баварский удерживал силой Зальцбург, Иннфиртель и Гаусрюкфиртель и отказывался их возвратить до тех пор, пока Австрия не даст какого-нибудь эквивалента. Он их возвратил только в 1816 г. по тому самому трактату, по которому Австрия уступила ему часть своих приобретений на левом берегу Рейна. Благодаря этому Баварское королевство оказалось состоящим из двух территорий, разделённых между собой Вюртембергом и великим герцогством Баденским.

и территорию с населением в 140 тысяч; ландграф Гессен-Гомбургский восстанавливается в своих владениях. Наконец, прежние департаменты Саара, Монт-Тоннера, Фульда и Франкфурта в большей своей части предоставляются в распоряжение Австрии; в её же пользу медиатизировано княжество Изембургское.

За этими территориальными постановлениями следуют 11 первых статей германской союзной конституции; содержание их мы изложили выше.

Затем идут постановления, касающиеся Нидерландов. Последние получают некоторые приращения в районе нижнего Мааса и Рейна; нидерландский король взамен своих немецких владений¹, уступленных Пруссии, получает лично для себя великое герцогство Люксембургское. Это государство будет членом Германского союза, и столица его будет считаться союзной крепостью.

Затем несколько статей посвящено Швейцарии, которая впредь будет состоять из 22 кантонов, в том числе трёх новых (Женева, Валлиса, Невшателя). Австрия и Сардиния уступают ей несколько небольших территорий; державы гарантируют финансовые и другие соглашения между кантонами, а также неприкосновенность Швейцарии и конституцию, которую она выработает по указаниям конгресса².

Что касается Италии, то король сардинский получает обратно все свои владения, за исключением двух частей Савойи, уступленных Швейцарии и Франции. Зато он приобретает прежние императорские ленные владения и Геную со всеми её землями под условием сохранения за этим городом некоторых выговоренных для него вольностей. Его наследство будет переходить мужскому потомству по нисходящей линии, а если прекратится его род, перейдёт к Савойско-

¹ Зиген, Диц, Дилленбург, Гадамар.

² В силу этой конституции (принятой 7 августа 1815 г.) Швейцария вместо того, чтобы сделаться, как она того желала, союзным государством, стала лишь союзом 22 государств; каждое из них было совершенно независимо, и только по вопросам иностранной политики, мира и внутреннего порядка они действовали сообща. Не было ни союзной армии, ни центрального правительства. Каждый из трёх кантонов — Берн, Цюрих и Люцерн — по очереди в продолжение двух лет являлся *руководителем* союзных дел, столица такого кантона была местом собрания сейма. Родовые и кантональные привилегии были сохранены. Существование монастырей было гарантировано. Кантоны могли, как и прежде, доставлять иностранным государствам наёмников. Они могли попрежнему свободно распоряжаться своими конституциями (которые в общем были очень аристократичны) и т. д.

Кариньянскому дому¹. Австрия получает обратно все свои владения 1805 г. и приобретает на Адриатическом море Рагузу². Затем, кроме Венеции, к ней отойдёт Ломбардия до Тессина и По, а также Вальтелина, Бормио и Кьявенна, уступленные кантоном Граубюнден. Австрия возвращает папе Романью и тем восстанавливает целостность Папской области. Эрцгерцог Франц Эсте получает обратно герцогства Модену, Реджио и т. д., подлежащие в известных случаях возврату австрийскому дому. Императрица Мария-Луиза сохраняет за собой Парму, Пьяченцу, Гвасталлу; порядок их возврата будет определён впоследствии. Эрцгерцог Фердинанд³ возвращается в Тоскану, получает Президы, Пьомбино, остров Эльбу и пр. Экс-королева Этрурии получает княжество Лукку (которое впоследствии может отойти к великому герцогу Тосканскому) и приобретает право на пенсию. Наконец, король Фердинанд IV восстанавливается в Неаполе и признаётся королём Обеих Сицилий.

Державы заканчивают эту часть акта обещанием оказать своё посредничество в споре Франции, Испании и Португалии относительно Гвианы и Оливенсы⁴.

¹ Виктор-Эммануил I и его брат Карл-Феликс были уже в преклонном возрасте и не имели сыновей. Поэтому восшествие на престол молодого Карла-Альберта, главы Савойско-Кариньянского дома, казалось довольно близким.

² В XVIII в. этот город был маленькой, довольно цветущей республикой. Наполеон овладел ею в 1806 г. В 1815 г., несмотря на свои протесты, она не могла вернуть себе независимость.

³ Этот государь приходился братом австрийскому императору Францу I. Родился во Флоренции 6 мая 1769 г., получил в своё владение великое герцогство Тосканское, когда его отец, Леопольд, сделался германским императором (1790). Люневильский трактат 1801 г. принудил его отдать Тоскану в обмен на герцогство Зальцбургское, которое оставалось за ним только четыре года. По Пресбургскому трактату (1805) он получил в компенсацию курфюршество Вюрцбургское. Венский конгресс, наконец, возвратил ему Тоскану. Он умер во Флоренции 18 июня 1824 г.

⁴ Договор 30 мая 1814 г. устанавливал, что Франция получит обратно Французскую Гвиану, «какой она была до 1 января 1792 г.». Но относительно этой колонии между лиссабонским и парижским кабинетами шёл спор, восходивший к началу XVIII в. В самом деле, Утрехтский трактат (1713) устанавливает границы Французской Гвианы до Ояпока или реки Винцент-Пинсон. А между тем это два совсем разных водных пути, находящихся очень далеко друг от друга. Территория между ними являлась, таким образом, предметом спора. Заключительный акт Венского конгресса обязывает (статья 107) Португалию передать территорию до Ояпока, между 4 и 5° северной широты. Но и это постановление страдало неясностью. Пришлось ещё вести новые переговоры, и только в 1817 г. колония была возвращена. Но и тогда вопрос не был окончательно решён, и спор до сего времени тянется между Францией и Бразилией (к ней перешли права

Затем Венский конгресс санкционирует постановления, принятые 24 марта, относительно *свободы судоходства по международным рекам* и объявляет, что все относящиеся сюда вопросы будут окончательно разрешены по законам справедливости комиссиями, назначенными прибрежными государствами; трактат применяет установленные им принципы к Рейну, Неккару, Мозелю, Шельде и Маасу.

Изложение своих решений конгресс заканчивает подтверждением всех трактатов, конвенций, регламентов и частных актов, помещённых в приложениях к Заключительному акту. Затем конгресс приглашает все заинтересованные державы присоединиться к акту и делает оговорку относительно употребления французского языка в этом документе, указывающую, что это не должно «служить прецедентом».

XIII

Таковы были те основные положения, которыми Венский конгресс хотел заменить в Европе наполеоновский режим. Не трудно указать, какие недостатки мешали ему обеспечить длительный мир и равновесие.

Прежде всего Франция должна была подчиниться условиям, неприемлемым для неё, главным образом потому, что она, одна из всех великих держав, возвращалась к границам 1792 г. Все её враги увеличивали свои территории, преимущественно за её счет; и при этом они не желали признать, что Франция считает себя униженной уже самым фактом их расширения. Они подвергали её строгому надзору и связывали её, так сказать, по рукам и по ногам. Что же удивительного, если она впоследствии стремилась оказать противодействие.

Что касается четырёх великих союзных держав, то можно ли сказать, что они, хотя бы в своих взаимных отношениях, достигли устойчивого равновесия? Читатель уже видел выше, до какой степени их споры и взаимные несогласия в течение некоторого времени смущали всю Европу. Если под конец конгресса они и казались почти солидарными, то это вызывалось необходимостью противопоставить Наполеону видимость единства; на время они замолчали о своих разногласиях; этого, конечно, нельзя назвать единомыслием.

Португалии). — Оливенса была уступлена Португалией Испании по Бадахосскому трактату (1801); последняя отказалась вернуть её в 1815 г. и владеет ею до сих пор.

Англия оказывает давление на Францию посредством Нидерландов, на Германию — посредством Ганновера¹.

Она властвует без соперников на Атлантическом и Индийском океанах; она предписывает свои законы на Средиземном море, опираясь на Гибралтар, на Мальту и на Ионические острова (над ними она в скором времени установит протекторат). Испания и Португалия находятся почти в зависимости от неё; благодаря английскому влиянию их обширные колонии вскоре станут независимыми, а конгресс, чтобы избежать осложнений, даже не потрудился обсудить возможность такого положения.

Россия через Финляндию грозит Швеции; её польские владения врезаются в самое сердце Германии; в Австрии она организует пропаганду панславизма; кроме того, она давит всей своей тяжестью на мелкие германские дворы, следующие за царём и по политическим и по родственным соображениям. В Бессарабии Россия доходит до Дуная и почти открыто готовится к крушению Оттоманской империи. Австрия, столь заинтересованная в сохранении Турции, тщетно старается вместе с Англией поднять на конгрессе восточный вопрос². Царь отказывается гарантировать неприкосновенность государства, гибель которого входит в его план. Чтобы сохранить мир, на этом не настаивали. Эта роковая беспечность делает неизбежными те восточные осложнения, которые впоследствии три или четыре раза уже потрясали всю Европу и которые и теперь могут возобновиться ежеминутно.

Австрия приобрела двадцать восемь тысяч квадратных километров территории и четыре миллиона подданных. Но, составленная из различных элементов, она навсегда обречена быть лишённой крепкой внутренней связи. Даже расширение её пределов только ослабляет её. Не говоря уже о России и Пруссии, которые следят за ней и грозят ей на востоке и на севере, — она в собственных своих пределах должна выдерживать натиск непокорных народностей (Венгрия, Чехия и др.), которые ей не удаётся онемечить. И, словно ей недостаточно этих затруднений, она создаёт себе ещё новые своими притязаниями на гегемонию в Германии, с одной стороны, и в Италии — с другой. Меттерних, воображая, что он действует очень умно, добивается, чтобы

¹ Личная уния Великобритании с Ганновером (государство, подчинённое салическому закону) продолжалась до 1837 г., т. е. до восшествия на престол королевы Виктории.

² Это подтверждают почти на каждой странице письма Генца к валахскому господарю во время конгресса.

Габсбурги, которым и без того трудно управлять у себя дома, были вершителями судеб во Франкфурте и в Милане. Таким образом он только подготавливает новые революции и делает возможными Сольферино и Садову.

Что касается восстановленной с таким трудом Пруссии, то, разорванная нарочно на два куска, она прежде всего стремится соединить их, она как бы обречена на политику завоеваний и аннексий. То, что она получила, только придаст ей силы, чтобы взять ещё больше. В Германии она не успокоится, пока не вытеснит Австрию, на Рейне её постоянной мечтой будет — ослабить и унижить Францию.

Венский конгресс погрешил не только против предусмотрительности и мудрости. Это верховное судилище, собранное для того, чтобы установить господство права в Европе, допустило самые чудовищные насилия как по отношению к королям, так и по отношению к народам, оно послужило для бессовестных правительств примером, который с тех пор нашёл слишком много подражателей. Обращение, которому подвергся в 1815 г. король саксонский, было предвестником ещё более крутых мер, принятых в 1866 г. по отношению к королю ганноверскому и другим государям. Почему следовало уважать права датской монархии в 1864 г. больше, чем в 1814 г.? Что касается народов, то стоит вспомнить бельгийцев, принесённых в жертву Голландии, Геную, отданную Пьемонту, Венецию, Рагузу, проданных Австрии, поляков, поделённых между тремя державами, Италию, связанную по рукам и ногам, Германию, цинично обманутую, Грецию¹, презрительно отвергнутую; стоит вспомнить, сколько народов было оскорблено в своём национальном чувстве, сколько революций стали вследствие этого необходимыми. Пожалуй, приходится сказать, что труды Венского конгресса, несмотря на добрые намерения их авторов, заслуживают строгого осуждения. Дипломаты 1815 г. потратили целый год на то, чтобы наделить Европу дурными законами². Потребуется

¹ Греки, уже созревшие для независимости, пытались обратиться внимание Венского конгресса на их участь. Они имели при царе покровителей, готовых оказать им всяческую услугу: царицу, братьев Ипсиланти и в особенности министра Каподистрию; последний через Антимоса Газиса и других посредников поддерживал сношения с греками. Александр Стурдза представил русскому императору докладную записку о восстановлении Греции; последний принял её благосклонно. Но Австрия и Англия не хотели даже, чтобы греческий вопрос был поставлен на обсуждение конгресса.

² Нужно заметить, что державы, подписавшие Заключительный акт, совершенно не гарантировали своих постановлений. Австрия хотела было этого; её уполномоченные постоянно настаивали на необходимости «обеспечить путём общей гарантии безопасность и права каждого государя, невзирая на величину его владений. Без этого, — говорил Генц, —

более столетия, чтобы исправить то зло, которое они ей причинили¹.

не было никакого смысла предпочитать общий договор частным соглашениям». Оппозиция Англии и России помешала Австрии провести свой план. Генц не скрывает в письмах своего недовольства Заключительным актом. По его мнению, это было только временное соглашение. «Трактат полон многих недостатков и недосмотров; в нём преобладают детали и отрывочные замечания. Весь труд имеет характер чего-то временного, а не вечного, как оно должно было быть. Однако... сколько трудных деталей, сколько неразрешимых вопросов, сколько спорных желаний теперь разрешено и удовлетворено к общему согласию. Ничто не мешает европейским кабинетам впоследствии построить более грандиозное здание на той почве, которую расчистил трактат».

¹ *Источники*: *Angeberg* (comte d'), le Congrès de Vienne et les Traités de 1815; — *Cantù*, Histoire des Italiens, t. XI; Della Indipendenza italiana, t. I; — *Castlereagh* (lord Londonderry), Correspondence of Robert, second marquis of Londonderry; — *Constant* (Benjamin), Mémoires sur les Cent-Jours; — *Cornwall Lewis*, Histoire gouvernementale de l'Angleterre de 1770 à 1830; — *Deventer* (van), Cinquante années de l'histoire fédérale de l'Allemagne; — *Flassan* (de), Histoire du congrès de Vienne; — *Fleury de Chaboulon*, Mémoires; — *Gentz* (F. de), Dépêches inédites aux hospodars de Valachie pour servir à l'histoire de la politique européenne, t. I; — *Gervinus*, Histoire du XIX siècle, t. I et II; — *Haussonville* (comte d'), le Congrès de Vienne, l'empereur Alexandre et le prince de Talleyrand, le traité du 3 janvier 1815 (Revue des Deux Mondes, 15 mai 1862); — *Hyde de Neuville*, Mémoires et Souvenirs; — *Klüber*, Akten des Wiener Congresses; Uebersicht der diplomatischen Verhandlungen des Wiener Congresses; — *Lytton Bulwer* (sir Henry), Essai sur Talleyrand; — *Metternich* (prince de), Mémoires, documents et écrits divers, t. I et II; — *Napoléon I-er*, Correspondance; — *Pallain*, Correspondance inédite du prince de Talleyrand et du roi Louis XVIII pendant le congrès de Vienne; — *Pertz*, das Leben des Ministers Freiherrn von Stein; — *Pradt* (de), du Congrès de Vienne, 1814 et 1815; — *Rochechouart* (comte de), Souvenirs sur la Révolution, l'Empire et la Restauration; — *Schoell*, Recueil de pièces officielles relatives au congrès de Vienne; — *Thiers*, Histoire de l'empire (éd. in-4°), t. IV; — *Vaulabelle* (Ach. de), Histoire des deux Restaurations, t. I et II; — *Viel-Castel* (baron de), Histoire de la Restauration, t. II et III; — Lord Castlereagh et la Politique extérieure de l'Angleterre de 1812 à 1822 (Revue des Deux Mondes, 1-er juin 1854); — *Villemain*, les Cent-Jours; — *Vitrolles* (baron de), Mémoires, t. II et III; — *Wellington* (Duke of), Supplementary dispatches, relating to India, Ireland, Denmark, Spanish America, Spain, Portugal, France, Congress of Vienna, Waterloo and Paris; etc.

ГЛАВА ВТОРАЯ

СВЯЩЕННЫЙ СОЮЗ

I. Наполеон на острове св. Елены. — II. Людовик XVIII в Тюильри. — III. Разоружение и разорение Франции. — IV. Союз четырёх великих держав и тайные переговоры. — V. Талейран, Ришелье и конвенция 2 октября. — VI. Александр I и Священный союз. — VII. Трактаты 20 ноября 1815 г.

(1815)

I

Трактат 25 марта 1815 г. восстановил и укрепил европейский четверной союз, пришедший было в расстройство вследствие политики Людовика XVIII и Талейрана. Заключительный акт 9 июня, разрешавший — хорошо ли, плохо ли — наиболее жгучие политические вопросы момента, вновь позволил четверному союзу изолировать Францию, надолго отняв у неё всякую возможность нарушать спокойное существование этого союза. Вскоре благодаря решительной победе при Ватерлоо союзники оказались в состоянии во второй раз диктовать свои условия Франции и заручиться по отношению к ней новыми гарантиями, которые они теперь признали необходимыми.

Главную гарантию союзники усматривали в низложении Наполеона, в том, чтобы отнять на будущее время у него и его семьи всякую возможность тревожить спокойствие Европы. В этом отношении их задача оказалась очень лёгкой, так как в значительной части она была выполнена самими французами. Едва Наполеон вернулся в Париж с известием о своём поражении, как он принуждён был отречься от престола; в противном случае ему всё равно грозило бы низложение. Представители народа не сумели понять того, что в этот момент не следовало сводить счёты с императором, каковы бы ни были его ошибки и даже преступления; не сумели понять и того, что в этот момент единственным средством для борьбы с иноземным вторжением и новыми требованиями врагов могло быть только оставление во главе нашей армии такого вождя, как он. Палата представителей,

под влиянием Лафайета, объявила его лишённым престола. Палата пэров, несмотря на то что Наполеон имел в её составе многочисленных друзей, не поддержала его. Спустя четыре дня после Ватерлоо Наполеона уже не было на французском троне; с Наполеоном же II, его сыном, объявленным им своим наследником, никто серьёзно не считался ни во Франции, ни за границей. Исполнительная комиссия, образованная 22 июня с Фуше во главе¹, обязала Наполеона оставить Париж 25 июня. А 29-го того же месяца комиссия выслала императора из Ла-Мальмезона, куда он сначала удалился, и отправила его в Рошфор с целью помешать неприятелю, находившемуся недалеко от столицы, захватить его в свои руки, а равно и с целью предупредить всякую попытку императора снова встать во главе войск². Комиссия надеялась, что из Рошфора Наполеон сумеет легко перебраться в Америку или в иное безопасное место.

Но коалиция уже не довольствовалась одним только устранением Наполеона от власти; она желала во что бы то ни стало захватить его самого, дабы держать его впредь под верной охраной. Это намерение союзников было всем хорошо известно; Наполеон также не мог его не знать. Если впоследствии он протестовал против измены и вероломства, упрекал Англию в том, что она заманила его в ловушку, и таким образом способствовал созданию легенды, существующей и по сию пору, то беспристрастная история должна восстановить истину. А истина заключалась в том, что на первую же просьбу исполнительной комиссии о заключении перемирия главнокомандующие великой коалиции ответили требованием (25 июня) выдать им Наполеона в качестве военнопленного. То же требование, но в более торжественной и внушительной форме, было высказано представителями союзных государств³ в ноте 1 июля, которая заканчивалась следующими словами: «Три державы⁴ считают существенным условием мира и подлинного спокойствия, чтобы Наполеон Бонапарт был на будущее время лишён возможности нарушать покой Франции и Европы; ввиду событий, происшедших в марте текущего года, державы вынуждены потребовать выдачи им Наполеона Бонапарта, чтобы подчинить

¹ Другие члены этой комиссии были: Карно, Кинетт, Коленкур и генерал Гренье.

² Наполеон, находясь уже в Ла-Мальмезоне, просил назначить его главнокомандующим французской армии, с титулом генерала, единственно с целью отражения врагов, обещая сейчас же после победы сложить с себя все полномочия. Но понятно, что Фуше не мог не отнестись скептически к предложению, исходившему от такого человека.

³ Вальмоден, Каподистрия и Кнезебек.

⁴ Австрия, Россия и Пруссия.

его их надзору». Не могло быть поэтому ни малейшего сомнения относительно участи, ожидавшей великого победённого, если бы союзникам удалось захватить его в свои руки. И действительно, коалиция не проявила ни малейшего колебания, когда Наполеон, покоряясь злосчастной судьбе, сам отдался в руки англичан (15 июля). Согласно протоколу 28 июля, обращённому 2 августа в формальный договор, четверо союзников решили: 1) считать экс-императора военнопленным; 2) поручить специальный надзор за ним британскому правительству; 3) предоставить каждой из четырёх держав содержать своего комиссара в месте, назначенном для водворения Наполеона, и 4) предложить французскому правительству также прислать своего представителя. В силу именно этого соглашения Наполеон, с которым его победители обращались бесцеремонно, но вовсе не вероломно, был отвезён на остров св. Елены. Там он находился под общим надзором агентов Австрии, Великобритании, Пруссии, России и Франции. Что же касается его родственников, то их как людей менее опасных не сочли нужным высылать слишком далеко; согласно протоколу 27 августа¹ союзники приняли меры к тому, чтобы эти родственники были интернированы в различных государствах под ответственность местных правительств и под надзором всей коалиции

II

Если на следующий день после Ватерлоо союзники были вполне согласны между собой относительно дальнейшей участи Наполеона, то не менее согласны они были и относительно образа правления, который надлежало установить во Франции вместо империи.

Для вида они ещё продолжали твердить, что не намерены принуждать французов к чему-либо силой, но такими уверениями можно было обмануть только глупцов. Коалиция не собиралась вести переговоры ни с Наполеоном II, ни с герцогом Орлеанским. Президент исполнительной комиссии Фуше прекрасно это понимал. Хотя он и говорил громкие фразы о национальной независимости и о необходимости требовать гарантий, однако уже с момента вступления в эту должность он вошёл в тайные сношения с некоторыми

¹ В силу этого акта, который был выполнен только наполовину, Жером должен был быть интернирован в Вюртемберге, Люсьен — в Римской области, Жозеф и его семейства — в России, Мюрат с семейством — в Австрии, экс-королева Гортензия — в Швейцарии, «под надзором четырёх дворов и его величества христианнейшего короля».

агентами Людовика XVIII, твёрдо решив продать себя, но продать возможно дороже. И действительно, коалиция не желала видеть правителем Франции никого иного, кроме Людовика XVIII. Посланные к союзным государям представители временного правительства тщетно называли имена других кандидатов, уверяя, что Франция не желает Бурбонов. На эти заявления никто не обращал ни малейшего внимания. Коалиция даже отказалась войти в переговоры о мире с правительством, которое не считалось законным; и Веллингтон, в качестве доверенного лица коалиции, несколько раз в последних числах июня заявлял и официальным представителям комиссии и личным агентам Фуше, что единственным решением, мыслимым при данных обстоятельствах, было бы немедленное и безусловное восстановление в правах Людовика XVIII, так как союзные державы не потерпят других кандидатов. Тон его заявлений к тому же становился всё более и более категоричным, по мере того как англо-пруссские войска стали проникать в глубь нашей страны и приближались к Парижу. Людовик же XVIII возвращался следом за победителями и двигался вперёд одновременно с ними.

Когда союзные войска появились под стенами Парижа, Веллингтон заговорил так ясно, как никогда. «Я полагаю, — объявил он эмиссарам Фуше, — что раз союзники признали правительство Наполеона незаконным, узурпаторским, то всякая власть, проистекающая от него, должна также считаться недействительной и незаконной. Таким образом, палатам и временной комиссии остаётся только подать немедленно в отставку и объявить, что они взяли на себя власть и ответственность с единственной целью сохранить общественное спокойствие и целостность королевства Людовика XVIII». Впрочем английский генерал соглашался гарантировать, что вновь восстановленный король возьмёт герцога Отрантского в министры полиции. Такого заявления было достаточно для того, чтобы Фуше совершил ещё одну измену.

Но если союзники согласны были снова возвести Людовика XVIII на французский трон, то всё-таки они не упустили случая заручиться по отношению к нему такими предосторожностями и гарантиями, которые должны были надолго сделать его послушным исполнителем их требований.

Прежде всего коалиция навязала королю министерство с продиктованной ею программой, так как для союзников было весьма важно, чтобы Людовик XVIII как составом своего кабинета, так и своими политическими декларациями дал французскому народу некоторое удовлетворение и тем обеспечил восстановленной королевской власти хоть какие-нибудь шансы на более или менее продолжительное суще-

ствование. Талейран не только из-за его революционного прошлого, но и вследствие его двусмысленного поведения в последние дни конгресса не внушал Людовику XVIII большой симпатии и доверия. Его ненавидели и принцы¹ и вся клика крайних роялистов, представителем которых в министерстве был до того времени соперник Талейрана, Блака. Наконец, надменные замашки, тон человека, считающего себя незаменимым, манеры мажордома, усвоенные им с некоторого времени², до такой степени неприятно действовали на короля, что он при первом свидании с Талейраном (в Монсе 23 июня) не только не поручил ему руководства новым кабинетом, но даже предложил — сухо и не без иронии — подать в отставку. Но 24 часа спустя всё изменилось. Тем временем Веллингтон успел повидаться с Людовиком XVIII. Результатом его разговора с королём было то, что Талейран, приглашённый в Камбрэ, получил пост первого министра, добился отставки Блака и заставил короля подписать прокламацию, предназначенную для успокоения Франции. Выражения, в которых была составлена эта прокламация, вероятно, должны были показаться потомку Людовика XIV в высшей степени унижительными. Восходя снова на престол, король открыто признал, что он не мог не сделать и, действительно, наделал ошибок; объявлял, что он соглашается на всё то, что будет служить для блага Франции, что легитимизм вовсе не исключает возможность свободы, но свободы разумной и упорядоченной; что хартия будет сохранена и что нация получит новые гарантии в единстве и солидарности министерства и в *безупречной и спокойной деятельности совета министров*. Далее Людовик XVIII торжественно подтверждал, что ни десятичные сборы, ни феодальные налоги не будут восстановлены и что лица, купившие национальные имущества, не должны испытывать никакого беспокойства. Но если король давал амнистию всем своим подданным, восставшим против него после 23 марта³, то он не скрывал, что лица, принявшие сторону узурпатора до этого дня, или по крайней мере наиболее заметные среди них, должны понести кару

¹ Граф д'Артуа и его два сына, герцог Ангулемский и герцог Беррийский. Талейран неоднократно порицал их политические симпатии и старался побороть их влияние.

² Незадолго перед тем Талейран обратился к королю с длинным письмом, в котором он со всей резкостью отмечал ошибки, совершённые правительством Реставрации, просил образования нового министерства, действительно однородного, конституционного и свободного в своих действиях, и требовал отставки Блака.

³ День, когда король покинул французскую территорию и тем как бы освободил своих подданных от присяги.

по всей строгости закона. Для союзников, и особенно для англичан, было весьма удобно, чтобы Людовик XVIII имел такого министра, с которым можно было бы легко сговориться об условиях мира; кроме того, они считали необходимым, чтобы нация в массе своей смотрела на возвращение короля без отвращения и без страха; тем не менее они считали политически целесообразным, как увидим ниже, на некоторых примерах, которые получили бы широкую огласку, нагнать страх и тем заставить на долгое время стушеваться партию революции и империи.

Впрочем назначение Талейрана и прокламация, подписанная в Камбрэ, были, по мнению союзников, лишь нравственными гарантиями. Им нужны были ещё и материальные гарантии. Пруссия же удовольствовалась бы одними последними, так как она, нисколько не интересуясь ни Людовиком XVIII, ни устойчивостью нашего правительства, думала только о том, как бы разорить и раздробить Францию. Коалиция соглашалась восстановить Людовика XVIII на престоле, но она не хотела, чтобы он был в состоянии уклониться от исполнения предложенных ему мирных условий. Поэтому, возводя его снова на трон, она постаралась поставить его в совершенную невозможность противиться коалиции.

Прежде всего союзники настояли на занятии Парижа военной силой, прекрасно понимая, что, владея столицей, они будут держать в руках всю Францию. В распоряжении исполнительной комиссии оставалось 100 тысяч человек хорошего войска. Однако она сочла бесполезным защищать столицу. Военной конвенцией 3 июля она обязалась удалить французскую армию за Луару и предоставить англо-пруссским войскам занять столицу с 4 по 6 июля. Этого потребовали Веллингтон и Блюхер. Фуше уступил по всем пунктам; этой ценой он добился места в министерстве Талейрана. 7 июля исполнительная комиссия и палаты были распущены, а на следующий день Людовик XVIII, эскортируемый иностранными войсками, совершил свой печальный въезд в Тюильри — скорее как пленник, чем как монарх.

III

Казалось бы, что союзники, заинтересованные в скорейшем возвращении домой, должны были тотчас же начать переговоры о мире. А между тем в течение почти двух с половиной месяцев они ничем не выказали желания вступить в переговоры по этому вопросу с новым французским правительством.

Это промедление объясняется, с одной стороны, тем ужасом, который всё ещё внушала им Франция, даже побеждённая и покорная, а с другой стороны, — теми мерами предосторожности, которые союзники считали нужным принять, для того чтобы довести её до абсолютной невозможности сопротивляться их воле. В руках коалиции находились северные и восточные департаменты, а также Париж; это уже являлось достаточным залогом. Но всё-таки она не считала себя хозяином положения до тех пор, пока луарская армия находилась в боевой готовности и пока защищались некоторые крепости Эльзаса, Лотарингии и Фландрии, не желавшие открыть неприятелю ворота¹. Поэтому она потребовала, чтобы до начала переговоров приказом короля были распущены все оставшиеся у Франции войска, за исключением национальной гвардии и жандармерии, необходимых для полицейских надобностей. Людовик XVIII и его министры тщетно пытались сделать кое-какие возражения. Министры коалиции заявили, что, если их требование не будет выполнено, трёхсоттысячная армия немедленно двинется к Луаре. Продолжение войны при подобных условиях грозило Франции гибелью. Король уступил. Приказ о роспуске войск был подписан 16 июля. Но для приведения его в исполнение нужно было прибегнуть к целому ряду предосторожностей и даже к хитрости. Те 100 тысяч солдат, которые только что перед тем покинули Париж, имели лишь одно желание — сражаться. И поэтому трудно было приступить к их разоружению, пока они были сплочены в одно целое. Маршал Даву, командовавший этим войском, и маршал Макдональд, занявший его место, должны были, не поднимая большого шума, приступить к раскассированию корпусов, дивизий и бригад *под предлогом уменьшения тесноты в лагерных помещениях*. Мало-помалу были разъединены батальоны и роты, — и *луарские разбойники* были разосланы маленькими группами по домам. Но эта операция продолжалась почти шесть недель. Гарнизоны осаждённых городов, также подлежавшие роспуску, продержались одни до начала, другие — до конца августа. К этому времени Франция была, наконец, совершенно обезоружена.

У неё не было больше солдат. Но у неё оставались ещё её прославленные генералы. Коалиция решила уничтожить некоторых из них. Веллингтон не устыдился предать в руки мстительных роялистов тех людей, которые ещё вчера честно сражались с ним в открытом бою. У Людовика XVIII нехватило

¹ Крепость Гюнинген, героически защищаемая Барбанегром, сдалась только 26 августа, после нескольких дней бомбардировки.

ни великодушия, ни смелости для того, чтобы защитить этих людей. Хотя последние и перешли в лагерь неприятеля, но всё-таки они должны были быть для него неприкосновенными, потому что они составляли гордость, надежду и оплот Франции. Ней, Друо, Клозель и многие другие были внесены 24 июля в проскрипционные списки, которых ватерлооские победители не должны были составлять, а потомуку Генриха IV не следовало бы подписывать¹.

В то время как наши последние войска покидали свои лагеря, союзники со всех сторон наводняли нашу беззащитную страну своими армиями, в этот момент уже ненужными. Коалиции казалось, что у неё никогда не будет достаточно войска для полного господства над нацией, хотя и обезоруженной, но даже своими последними конвульсиями всё ещё внушавшей крайнее беспокойство и недоверие. Поэтому ещё долго после Ватерлоо можно было видеть, как войска великой коалиции двигались к Альпам и к Рейну, переходили границы Франции и затем занимали её департаменты, увеличивая собою и без того внушительное количество её победителей. К середине августа во Франции насчитывалось 1135 тысяч человек иностранных войск, а в конце этого месяца прибыли ещё новые полки. Даже испанский король, связанный узами родства с Людовиком XVIII и не принимающий никакого участия в войне, — и тот пожелал присоединиться к этой общей погоне за добычей: он послал отряд занять Руссильон. Правда, в этом случае французский король возмутился и пригрозил, что окажет сопротивление. У союзников (трепетавших при одной мысли о возможности восстановления луарской армии) хватило совести согласиться с королём: они запретили Фердинанду VII послать хотя бы один полк на северные склоны Пиренеев.

Союзники решили, прежде чем открыть переговоры о мире, не только оккупировать Францию, но ещё и как следует обобрать её. После Ватерлоо в течение нескольких недель они просто-напросто грабили страну, замечая наших префектов военными губернаторами, захватывая общественные кассы и самовольно производя реквизиции как у частных лиц, так и у целых городов. Только 24 июля они согласились установить демаркационную линию, дальше которой их войска не должны были продвигаться, и восстановить в за-

¹ В первом из этих списков были помещены имена 19 доблестных слуг Революции и Империи; их должны были судить военным судом, и, таким образом, их неминуемо ожидала смертная казнь. Во втором списке находились имена других 38 лиц, подлежащих заключению в тюрьму, где они должны были находиться в распоряжении властей впредь до окончательного решения их участи.

нятых департаментах гражданскую власть. Тем не менее они продолжали свои поборы и в начале августа весьма откровенно заявили французскому министерству, что не сделают ему никаких предложений относительно заключения мира, пока им не будет гарантирована путём прелиминарного соглашения уплата 50 миллионов франков, которые они требовали для выдачи жалования войскам за время с 15 июля по 15 сентября. Пришлось согласиться на это требование, и указанная сумма была им обещана договором, подписанным 10 августа. Но когда наступил первый срок платежа (25 августа), французское министерство должно сознаться в своём бессилии. Вопреки состоявшемуся соглашению генералы коалиции продолжали взимать налоги от имени своих государей. Две трети Франции находились во власти неприятеля и ничего не платили королю. Остальная часть пребывала в состоянии полной анархии. Требования государства подданные противопоставляли непреодолимую инертность. Вот что писал Талейран в докладе, предназначенном для представителей четверного союза: «Как может народ смотреть без опасения на своё будущее и как может он всецело возлагать свои надежды на королевское правительство, если поведение союзных генералов способно вызывать у него сомнения относительно истинных намерений держав... если иностранные армии, которых король отрёкомендовал как своих союзников и которых не раз даже называли дружественными, — теперь становятся в прямо противоположные отношения (к французскому народу); если народ не испытывает никакого облегчения и всё ещё вынужден нести крайне тяжёлое бремя налогов военного времени?.. Как может королевское министерство организовать управление страной, если его переписка систематически перехватывается? При помощи каких средств может оно заставить уважать королевский авторитет, когда создаётся впечатление, что авторитет этот не признают? Как успокоить страсти, если умы всё более и более озлобляются под влиянием страданий? Как внушить народу доверие, если нет возможности давать обещания, не опасаясь, что они не смогут быть выполнены?».

Союзников мало тронули эти красноречивые сетования. Наоборот, уже в конце августа они потребовали, сверх обещанных 50 миллионов, ещё 186 200 тысяч франков на обмундирование и снаряжение оккупационных войск и на пополнение их конского состава. Министр финансов барон Луи тшетно протестовал. Необходимо было покончить с этим. По договору 7 сентября союзные державы получили всё то, чего они требовали; для обеспечения первых уплат, следо-

вавших по договору, король путём декрета в отсутствие палат (т. е. совершенно незаконно) приказал сделать принудительный заём в 100 миллионов франков. В то же время союзники потребовали от Франции больше, чем денег: я имею в виду возвращение произведений искусства, которые были собраны в Луврском музее за 20 лет счастливых войн и большая часть которых была уступлена Франции на основании трактатов и оставлена в её владении в 1814 г. (нота Кэстльри от 11 сентября). Тщетно Талейран доказывал, что такое требование является вопиющим насилием и что оно заденет самолюбие нации сильнее всех других оскорблений¹. Веллингтон приказал своим солдатам силой взять эти сокровища, составившие гордость Франции. Своё поведение он объяснил в письме, в котором мы находим следующие строки, откровенно рисующие отношения коалиции к нашей стране: «...Нет основания оказывать *особую милость* французскому народу; его чувствительность — не что иное, как *узвлённое тщеславие*. Кроме того, желательно по целому ряду соображений — в интересах и Франции и остальных государств — предупредить французский народ, если он этого ещё не знает, что Европа сильнее его и что... *день возмездия должен наступить*. Итак, по моему мнению, не только было бы несправедливо со стороны государей оказывать в данном случае особую милость французскому народу за счёт своих подданных, но было бы и не политично принести такую жертву, так как они упустили бы при этом удобный момент *преподать французской нации великий моральный урок...*»²

IV

В то время, когда Веллингтон писал эти строки, четверной союз решил, наконец, начать переговоры о мире с восстановленным им на троне государем. Руководители коалиции не могли до бесконечности затягивать своё пребывание в Париже не только потому, что их призывали домой собственные дела, но главным образом потому, что они начинали побаиваться (и не без основания), как бы их войска, находясь в постоянном соприкосновении с французским населением, не заразились опасными революционными идеями. Они считались также и с тем обстоятельством, что побеждённая нация, доведённая до крайности притеснениями победителей, могла в конце концов потерять терпение, восстать и тем вызвать гибельный для всей Европы кризис. А что

¹ Нота 19 сентября.

² Письмо к лорду Кэстльри, 23 сентября 1815 г.

терпение французского народа не безгранично, это было для них ясно из ставшего им известным доклада Фуше. Этот доклад предназначался, собственно, для короля, но в начале сентября был (без сомнения, преднамеренно) сделан достоянием гласности. В нём министр полиции писал: «Тот день, когда население лишится всего своего имущества и когда его разорение будет окончательным, — можно будет считать началом нового порядка вещей, потому что тогда не будет ни властей, ни повиновения; слепая ярость займёт место покорности; одно только отчаяние будет руководить людьми; с обеих сторон начнётся опустошение; грабёж будет ответом на грабёж; каждый шаг иностранных солдат обогрится кровью; для Франции тогда будет менее позорно самой погубить себя, чем дозволить это сделать иностранным полчищам... Народ в 30 миллионов может исчезнуть; но в этой беспощадной борьбе не одна могильная плита прикроет рядом и угнетённых и притеснителей».

Итак, наступил психологический момент для переговоров. Союзники к тому же успели договориться между собой о тех условиях, которые они собирались продиктовать Франции. Но они пришли к этому соглашению не без труда; им потребовалось почти три месяца переговоров для того, чтобы выработать, наконец, общую программу. С 12 июля в Париже были организованы совещания представителей четырёх союзных держав для установления основных положений ультиматума, с которым предполагалось обратиться к побеждённым. С тех пор обсуждение этого серьёзного вопроса не прекращалось, но совещания всё время происходили в большой тайне. Само собой разумеется, что французское правительство, игравшее в данном случае роль жертвы, не было допущено в число членов совещания. Что же касается второстепенных государств, принимавших участие в войне и имевших несомненное право участвовать в выработке условий мира, то они тщетно добивались приглашения на совещания. На их повторные заявления представители четверного союза ответили 10 августа очень кратким меморандумом, в котором без всяких околичностей было сказано, что великие державы не считают нужным исполнить их желание и что им ничего не будет сообщено до тех пор, пока четыре державы не придут между собой к соглашению относительно тех *принципов, которые должны регулировать их отношения к Франции, и относительно тех требований, которые будут предъявлены этой державе*. Из этого видно, что союзники, наученные горьким опытом Венского конгресса, на этот раз принимали строгие меры к тому, чтобы

общий враг не мог, прямо или косвенно, вмешаться в их переговоры и воспользоваться при случае их разногласиями.

Такая предосторожность была вполне благоразумна, ибо четыре державы были теперь не более, чем в 1814 г., солидарны во взглядах и желаниях относительно умиротворения, к которому они стремились. Самая могущественная из них, монарх которой больше, чем кто-либо, имел оснований быть недовольным Людовиком XVIII, проявляла значительно меньше недоброжелательства по отношению к Франции, чем все остальные. Мы имеем в виду Россию. Из этого не следует, что император Александр I не затаил в глубине сердца злобы по отношению к французскому королю и в особенности к его министру за противодействие, оказанное ему на конгрессе. Но помимо того, что довольно великодушный по своей природе Александр I продолжал относиться к французскому народу попрежнему с большой симпатией и уважением, следует вспомнить, что у него была навязчивая мысль разрешить в своих интересах восточный вопрос, стоявший уже в это время на очереди. Предвидя, что Австрия и в особенности Англия окажут ему прямое противодействие, Александр I был склонен щадить самолюбие тюильрийского кабинета, дабы иметь его в случае надобности на своей стороне. Не приходится удивляться тому относительно доброжелательству, которое его представитель советовал трём остальным державам проявить по отношению к Франции. В меморандуме, помеченном 28 июля, этот дипломат (Каподистрия, по происхождению грек, т. е. человек больше, чем кто-либо иной, заинтересованный в унижении Турецкой империи) доказывал, что война велась не против французской нации, но исключительно против узурпатора; что трактат 30 мая должен быть принят за основу будущих соглашений; что главной целью коалиции было восстановление Людовика XVIII на троне; что и справедливость и прямой интерес коалиции требуют укрепления власти этого монарха, а не её ослабления. «Мы погубим всё дело реставрации этой монархии, — говорил он, — если станем принуждать короля к таким уступкам, которые в глазах французского народа явятся наилучшим доказательством недоверия, проявляемого европейскими державами к устойчивости их же собственного дела». Нельзя допустить, чтобы Людовик XVIII сделался ненавистным своему собственному народу, расплачиваясь за своё восстановление на троне кусками территории. Доводить Францию до крайности, посягая на её целостность, — значило бы вызвать революцию или оправдать её. В заключение русский уполномоченный советовал коалиции ограничиться следу-

ющим: 1) возобновлением Шомонского трактата на определённый срок, с оговоркой, что Наполеон и члены его семейства навсегда лишены права занимать французский престол; 2) занятием войсками некоторого количества наших крепостей на то время, пока французское правительство не приобретёт достаточной в глазах Европы устойчивости и пока смежные с Францией государства не усилят своих оборонительных линий.

Подобные предложения не могли приттись по вкусу всем остальным державам. Особенно раздражали они прусское правительство. Ещё в 1814 г. берлинский двор горько жаловался на то, что с Францией обошлись слишком мягко. После Ватерлоо он стал требовать против неё беспощадных мер. Прусские патриоты всё ещё помнили и Йену и Тильзит. На этот раз они добивались полной мести¹. Они со снисходительным вниманием прислушивались к недостойным требованиям второстепенных германских государств, из коих некоторые в своё время были благодетельствованы Наполеоном, а теперь с особенным ожесточением добивались разгрома Франции². Если бы коалиция послушалась представителей этих жадных дворов, а также представителей Нидерландов, которые были не менее требовательны, то наша страна кроме понесённого разорения была бы уменьшена почти на одну шестую часть своей территории. Франция лишилась бы Фландрии, Геннегау, части Шампани, Лотарингии, Эльзаса, Франш-Конте, Бургундии, т. е. более чем 4 700 тысяч душ населения. Представители Фридриха-Вильгельма III прекрасно понимали, что столь преувеличенные требования не могли быть предъявлены на совещаниях. Поэтому Гумбольдт и Гарденберг полагали, что проявят чрезвычайную умеренность, если потребуют, чтобы у Франции отняли только Эльзас, крепости по Маасу, Мозелю и Саару, а также крепости первой линии, расположенные вдоль бельгийской границы. Зато они потребовали от Франции уплаты Пруссии 600 миллионов франков в качестве вознаграждения за военные издержки и столько же — соседним с нею государствам в качестве субсидии на постройку крепостей против Франции. Они не скрывали, как мало интересуется их участь Людовика XVIII. По их мнению, проявлять великодушные по отношению к Франции было бы

¹ «Я покорнейше прошу ваше величество, — писал Блюхер прусскому королю вскоре после Ватерлоо, — напомнить дипломатам, чтобы они вторично не утопили в чернилах то, что куплено солдатской кровью».

² В частности королевство Вюртембергское настойчиво требовало отнятия у Франции Эльзаса и Лотарингии, как «необходимых для безопасности Германии».

чистейшим безумием. Францию нужно было просто лишить всякой возможности вредить Европе, а для этого необходимо установить для неё границу, в пределах которой она могла бы только обороняться. «Не упустим, — говорили они, — момента, столь благоприятного для заключения прочного и продолжительного мира. Сегодня мы в силах сделать это. Само провидение ниспослало нам эту возможность». И затем, обнаруживая своё глубокое непонимание истинных чувств французского народа, они добавляли: «Нация, у которой эгоизм преобладает над патриотизмом, сочтёт для себя менее тяжёлым уступку земель, чем уплату денег, потому что податное бремя падёт на каждого в отдельности, а уступка нескольких департаментов — лишь на всех в совокупности и на правительство».

Что касается австрийских министров, то они также не обнаруживали никаких нежных чувств по отношению к Франции. Их не огорчило бы, если бы Пруссия взяла Лотарингию; ими владело макиавеллистическое желание навсегда поссорить Пруссию с Францией и этим создать для первой затруднения, которые не позволили бы ей действовать против Вены. Они столь же охотно *скомпрометировали* бы и Баварию, отдав ей Эльзас. Правда, им было бы ещё приятнее устроить в этой провинции эрцгерцога Карла¹. Но ни то, ни другое решение не было одобрено Пруссией. Поэтому в конце концов Австрия не считала нужным особенно энергично поддерживать притязания Пруссии на Лотарингию, тем более что эти притязания не нравились и Нидерландам. Необходимо добавить, что Меттерних, не желая больше рисковать возможностью вызвать ссору между венским и с.-петербургским дворами, принимал во внимание то расположение, которое царь проявлял по отношению к Франции. Поэтому его ответ на меморандум Каподистрии носил чрезвычайно неясный характер. Его выводы были достаточно эластичны для того, чтобы дать ему впоследствии возможность, смотря по обстоятельствам, примкнуть либо к русской, либо к прусской программе. Так, он высказался за то, чтобы первая линия наших крепостей была *уступлена*

¹ Эрцгерцог Карл, родившийся в 1771 г., был братом австрийского императора Франца I. В 1796 г. он с честью командовал австрийской армией против Моро и Журдана, а в 1797 г. — против Бонапарта. В 1799 г. он снова боролся с Журданом, воевал с Массеной в Швейцарии, впал в немилость и был назначен губернатором Богемии; в кампанию 1805 г. он опять выступил против Массены в Италии, а в 1809 г. продержался больше с достоинством, чем с успехом, против Наполеона. Своим относительно либеральным образом мыслей он навёл на себя немилость императора. Вторую половину своей жизни он провёл как бы в отставке и умер, почти забытый, в 1847 г.

или *скрыта*, но давал понять, что удовольствуется одним скрытием. Вообще же, он признавал в принципе необходимость достаточно продолжительной военной оккупации и умеренного возмещения причинённых убытков.

Как же относилась ко всем этим притязаниям Англия? В течение всего августа месяца её политика была весьма нерешительна и двусмысленна. Первый министр Великобритании¹, как и принц-регент, одобрял почти без оговорок программу Пруссии. «Союзники, — писал он 11 августа, — имеют право на те территориальные приращения, которые они сочтут необходимыми для собственной своей безопасности; при всех заботах об упрочении во Франции законного правительства Англия не должна забывать, что успех в этом отношении является весьма ненадёжным и что поэтому легче принять меры предосторожности против Франции, чем сделать её миролюбивой и спокойной». Но Веллингтон и Кэстльри, находясь в Париже, прекрасно разбирались в русской политической игре, доказывали лорду Ливерпулю, что английское правительство, продолжая прилагать все усилия к предупреждению нового революционного взрыва во Франции, в то же время должно создать противовес влиянию царя, а для этого лучшим средством является соперничать с ним в предупредительности по отношению к Людовику XVIII. Ливерпуль сначала не соглашался. Но его уполномоченные продолжали настаивать на своём. Сама Россия предоставила в их распоряжение неопровержимый довод, дав понять, что она согласна на то, чтобы Ионические острова, судьба которых ещё не была решена², были отданы под протекторат Англии. Начиная с этого времени, сент-джемский кабинет присоединился, почти без оговорок, к русской программе, и Кэстльри категорически заявил в ноте 2 сентября, что если Франция, отклонив прусский ультиматум, возьмётся за оружие, то Великобритания не примет участия в новой войне.

¹ Лорд Ливерпуль. Этот государственный деятель, глава партии тори, родился в 1770 г. Член палаты общин (1791) в качестве представителя городка Рай; статс-секретарь иностранных дел в министерстве Аддингтона (1801); заключил Амьенский трактат (1802); сделался министром внутренних дел в кабинете Питта (1804) и в 1812 г. был приглашён занять пост первого лорда казначейства (главы правительства); последнюю должность занимал до 1827 г. Умер в 1828 г.

² Вопрос об Ионических островах, как увидим ниже, был разрешён только в ноябре 1815 г. На Венском конгрессе был поставлен вопрос о передаче их всех вместе или в отдельности под власть либо Фердинанда IV, короля Сицилии, либо Мюрата, либо принца Евгения (находившегося под специальным покровительством царя).

Австрия, до того времени находившаяся в состоянии колебания, без труда примкнула к лондонскому и санкт-петербургскому дворам. Но берлинский двор оказал сильное сопротивление. В Париж был вызван Штейн, самый ярый из галлофобов; ему было поручено убедить императора Александра I. Но, несмотря на то, что Штейн пользовался большим доверием русского царя, все его усилия оказались почти напрасными. На прусские требования, проникнутые чувством мести и захватническими стремлениями, император ответил самыми незначительными уступками. Эльзас был оставлен за Францией; число крепостей, подлежащих передаче, было значительно уменьшено; сокращена была также и цифра контрибуции. Гарденбергу пришлось от имени своего государя уступить. Но он уступил не без протеста и счёл нужным объявить (в ноте 8 сентября), что на Пруссию во всяком случае нельзя возлагать ответственность за те бедствия, которые могут последовать в результате предполагаемого соглашения.

V

Коллективный ультиматум, выработанный коалицией четырёх держав на совещании 16 сентября и сообщённый 20 числа того же месяца правительству Людовика XVIII, был всё-таки очень тягостен и унизителен для Франции. Сущность его заключалась в том, что трактат 30 мая будет в основных своих чертах сохранён в силе, но что Франция должна будет уступить: на северной границе — крепости Конде, Филиппвиль, Мариенбург и Живе; на восточной границе — крепости Саарлуи, Ландау, Жу и Эклюз; на юго-восточной границе — оставшуюся за Францией по мирному трактату 1814 г. часть Савойи. Кроме того, Франция должна была скрыть Гюнинген, уплатить 600 миллионов франков в качестве возмещения военных расходов, 200 миллионов на постройку крепостей вдоль своей границы; она должна была удовлетворить иностранных кредиторов, вознаградить коих она обязалась ещё по Парижскому трактату. Наконец, она была обязана содержать в течение 7 лет на свои средства войска коалиции числом до 150 тысяч человек в крепостях: Бушэн, Камбрэ, Мобеж, Ландреси, Кэнуа, Авен, Рокруа, Лонгви, Тионвиль, Битш, Фор-Луи и др. Союзные государи оставляли за собой право прекратить оккупацию по истечении трёх лет, если к тому времени состояние Франции не потребует продолжения этой меры.

Хотя Людовик XVIII и Талейран в период Ста дней и надавали, вероятно, немало обещаний союзникам, но теперь

они твёрдо решили не идти без сопротивления под ярмо. Французский министр, как и его государь, ничего не имел против иностранной оккупации, потому что она во всяком случае являлась гарантией для правительства Реставрации. Он соглашался также признать принцип вознаграждения за военные убытки; но он решительно отвергал мысль о новых территориальных уступках. Самое большее, на что соглашался Талейран, сводилось к возвращению того, что было присоединено к прежней Франции трактатом 30 мая, т. е., например, части Савойи, признанной за нами по этому договору. Он даже попытался оторвать от коалиции Сардинию, возвратив ей эту часть территории отдельным трактатом (19 сентября). Но лишь только союзники узнали о существовании этого акта (два дня спустя после его заключения), они объявили его не имеющим силы, и сардинский уполномоченный граф Ревель¹ был принуждён покориться их решению. Ответ Талейрана (21 сентября) на ультиматум не имел никаких шансов быть принятым коалицией. В этом ответе глава французского кабинета занимается утомительными разглагольствованиями о праве завоевания, утверждая, что оно не имеет никакого отношения к данному случаю, ибо для завоевания необходимы военные действия между овладевающим и «владельцем»; под словом «владелец» Талейран подразумевал «законного государя»; а так как в последней войне законный французский государь был не врагом, а союзником коалиции, то у него и нельзя было требовать никакой части его владений. Не ограничиваясь этим, Талейран приводил ещё и другие доводы: благо Европы, укрепление общего мира, необходимость шадить королевскую популярность. Но все эти хитросплетения разбились о твёрдое решение держав. 22 сентября ему ответили, с надменной иронией, что его притязания совершенно неприемлемы. «Нижеподписавшимся, — писали министры четверного союза, — очень трудно понять, на чём собственно могло бы быть основано такое различие (старой и новой французской территории)... Невозможно предположить, чтобы гг. уполномоченные желали применить в нынешних переговорах доктрину так называемой «неприкосновенности» французской территории. Они прекрасно знают, что эта доктрина, выдвинутая руководителями и защитниками революционной

¹ Ревель (Игнас-Таон), граф де Пра-Лунго, родился в 1760 г. в Ницце; в 1792 г. был сардинским министром; затем с отличием служил в сардинской армии; в 1797 г. был назначен посланником при французском правительстве, отказавшемся его признать; до 1814 г. прожил в отставке, потом был губернатором Генуи, посланником во Франции, сардинским вице-королём, наконец, губернатором Турина, где и умер в 1835 г.

системы, составляла один из самых возмутительных разделов того произвольно выдуманного кодекса, который они желали навязать Европе. Возводить в принцип право Франции беспрепятственно расширять свои владения, приобретать провинции и присоединять последние к своей территории — путём завоевания или в результате трактатов — и одновременно признавать за одной только Францией привилегию неприкосновенности её прежних владений — это значило бы совершенно уничтожить идею равенства и взаимности между державами....»

Необходимо признать, что логика была на стороне союзников. Талейран, несомненно, не обманывался на этот счёт и, кажется, не возлагал большой надежды на успех своей аргументации. Если он ещё говорил такие громкие фразы и так, повидимому, энергично противился раздроблению Франции, то это приходило лишь потому, что он уже считал свою отставку неминуемой. Уверенный в неизбежности падения, он желал уйти по крайней мере с честью, может быть, даже создать убеждение, что его падение было вызвано исключительно его патриотизмом. Известно, что этот человек не внушал Людовику XVIII никакой симпатии. Последний только поневоле пользовался его услугами, ожидая удобного случая, чтобы от него избавиться. А случай этот вскоре не замедлил представиться благодаря ультрароялистским выборам в августе 1815 г. Бесподобная палата, воодушевлённая слепой и жестокой ненавистью ко всему тому, что имело хоть какую-нибудь связь с Революцией и Империей, должна была открыть свои заседания. Было очевидно, что Талейран не будет в состоянии управлять, при помощи собрания, в котором большинство ненавидело его. 19 сентября был уволен в отставку Фуше. Очередь Талейрана была близка. При его подорванном авторитете он не мог рассчитывать на поддержку со стороны иностранных правительств. Русский император, лично озлобленный против Талейрана за сопротивление, оказанное им на Венском конгрессе, готов был всячески содействовать его падению. Предупреждённый об этом, Талейран тщетно пытался сблизиться с императором, предлагая пригласить в состав кабинета двух французских вельмож им любимых — герцога Ришелье и графа Поццо-ди-Борго¹; из них один долгое время состоял на русской

¹ Ришелье (Арман-Эмманюэль дю Плесси, герцог), внук маршала Ришелье, родился в Париже 25 сентября 1766 г.; эмигрировал в эпоху Революции; находился на русской службе в должности губернатора Одессы (1803), затем Новороссийского края; вернулся во Францию в эпоху Реставрации; первый камергер (1814); министр иностранных дел

службе, а другой продолжал ещё состоять на ней и в тот момент. Способствуя падению Талейрана, Александр I руководился желанием отомстить ему и одновременно заменить его на посту главы кабинета кем-нибудь из друзей России. Император очень ясно намекал Людовику XVIII, что если бы герцог Ришелье был сделан главой министерства, то он (Александр) употребил бы всё своё влияние на то, чтобы смягчить для Франции условия ультиматума. Прусский король, так же как и Александр I, недовольный Талейраном, действовал в том же направлении. Что касается венского и лондонского дворов, то они ясно понимали, что если они вздумают поддерживать окончательно осуждённого министра, они рискуют утратить своё влияние при французском дворе. Видя, что Людовик XVIII склоняется на сторону России, они желали вернуть его симпатии не угрозами или упрёками, а предупредительным отношением к нему. Поэтому они отнюдь не противились перемене министерства, которую замышлял король. 21 сентября вечером Талейран получил в очень сухой форме отставку. 26 числа того же месяца новый кабинет был уже сформирован. Он состоял, правда, исключительно из умеренных роялистов, но таких, которые никак не были связаны с революцией. Во главе кабинета был поставлен герцог Ришелье, получивший портфель министра иностранных дел.

Герцог Ришелье был человеком в высшей степени порядочным. Мало знакомый с механизмом парламентского правления, он был, однако, проникнут самыми прекрасными намерениями и не менее предан своей родине, чем королю. Не обладавший большим честолюбием, он вовсе не добивался должности министра, в особенности в разгар переживаемого Францией тяжёлого кризиса. Если он принял на себя неблагодарную обязанность заключить трактат, при одной мысли о котором у него разрывалось сердце, — то лишь потому, что он надеялся при помощи личного к нему расположения русского царя сделать этот трактат менее тягостным для своего отечества.

и глава французского кабинета (сентябрь 1815 г.); вышел в отставку в декабре 1818 г.; снова призван на пост председателя Совета (февраль 1820 г.); вторично в отставку (декабрь 1821 г.); умер 17 мая 1822 г.

Поццо-ди-Борго (Карл-Андрей, граф) родился в 1768 г. в Поццо-ди-Борго, близ Аяччо (Корсика); член Законодательного собрания в 1791 г.; партизан у Паоли в 1793 г.; находился на русской службе; тайный советник при Александре I; исполнял различные дипломатические поручения, позволявшие ему способствовать падению Наполеона, его личного врага; русский посол во Франции (1814—1835), затем в Англии (1839); умер в Париже в 1842 г.

И он не ошибался: Александр I честно сдержал своё слово. По категорическому и почти повелительному требованию этого монарха в ультиматум союзников были внесены значительные и выгодные для Франции поправки. 2 октября французское правительство и коалиция пришли к соглашению относительно основных пунктов мирного договора и подписали протокол, в котором заранее объявлялось, каковы будут главные условия этого договора. В силу этого прелиминарного соглашения мы уступали крепости: Филиппвиль, Мариенбург, Саарлуи и Ландау; кроме этого, мы обязывались скрыть крепость Гюнинген. Но за нами сохранялись крепости Конде, Живе, Жу и Эклюз. Мы возвращали сардинскому королю часть Савойи, оставшуюся за нами по трактату 30 мая. Контрибуция, которой требовали союзники, была уменьшена с 800 до 700 миллионов франков. Срок военной оккупации был сокращён до 5 лет и мог быть доведён даже до 3 лет, если только это позволит состояние королевства. Из этого видно, насколько приход к власти Ришелье и его влияние на царя оказались благотворными для Франции.

VI

Мирные условия в основных своих чертах были, таким образом, намечены. Оставалось только договориться относительно отдельных деталей и порядка выполнения договора. Эта работа потребовала у дипломатов ещё несколько недель. Союзные государи не стали дожидаться окончания переговоров. Но император Александр I не хотел, чтобы они покинули Париж, не упрочив тесные, связывавшие их с давних пор узы торжественным заявлением, изложенным в письменной форме. Вот тогда-то он и заставил их подписать знаменитый акт, известный под именем *Священного союза* и, конечно, не имевший — по своей неопределённости и малой практичности — ни того смысла, который ему приписывала публика, ни того значения, которое затем вложили в него некоторые государственные деятели. Эта мистическая декларация, датированная 26 сентября 1815 г., была, по видимому, внушена царю баронессой Крюденер¹, с которой

¹ Крюденер (Варвара-Юлия Фитингоф, баронесса) родилась в 1764 г. в Риге (Лифляндия); вышла замуж в 1782 г. за барона Крюденер, русского дипломата (умершего в 1802 г.), последовала на ним в Венецию, затем в Копенгаген; в молодости прославилась лёгкостью поведения; жила с 1796 по 1803 г. в Лозанне, где сблизилась с г-жами Неккер, Сталь, Рекамье; написала несколько романов, пользовавшихся в своё время известностью, а в зрелом возрасте впала в мистическое и страстное благочестие, граничившее с иллюминизмом. Будучи представлена

он в это время часто встречался. Эта недюжинная женщина, проведя довольно легкомысленную молодость, впала в восторженное благочестие, доходившее до исступления. Ей не стоило большого труда увлечь своего могущественного и впечатлительного друга. Александр I написал начерно текст трактата, г-жа Крюденер исправила его, и только тогда он передал своё произведение императору австрийскому и королю прусскому.

Этот странный документ начинается с выражения благодарности провидению за только что оказанную им милость трём союзным государям. Решив отныне положить в основу своих взаимных отношений истины христианской религии, они объявляют затем, что настоящий акт имеет своим предметом «открыть пред лицом Вселенной их непоколебимую решимость как в управлении вверенными им государствами, так и в политических отношениях ко всем другим правительствам, руководствоваться не иными какими-либо правилами, как заповедями сея Святые Веры, заповедями любви, правды и мира, которые, отнюдь не ограничиваясь приложением их единственно к частной жизни, должны служить, напротив того, непосредственно управлять волею царей и водить восторженно всеми их деяниями, яко единое средство, утверждающее человеческие постановления и вознаграждающее их несовершенство...» За этим изложением политических убеждений следует обязательство, принятое на себя тремя договаривающимися монархами, оставаться связанными «узами действительного и неразрывного братства», почитать себя «как бы единоземцами», подавать друг другу «во всяком случае и во всяком месте» «пособие, подкрепление и помощь», в отношении же к подданным и войскам своим всегда смотреть на себя как «на отцов семейства», видеть в руководимых ими народах только членов «единого народа христианского», управлять ими сообразно с учением Христа и заботиться о том, чтобы и подданные прониклись теми же стремлениями, что и государи. В заключение учредители Священного союза приглашали формально присоединиться к их союзу все те державы, которые пожелают торжественно признать его принципы.

в мае 1815 г. Александру I, она приветствовала его как ангела, избранного для выполнения на земле воли всевышнего; она имела некоторое время большое влияние на этого слабого и неустойчивого человека. Позднее она принялась в Швейцарии и Германии за проповедь евангелия; проповеди эти показались тогдашним правительствам революционными, и её стали несколько преследовать. В 1818 г. она удалилась в свои поместья в Лифляндию; с энтузиазмом ратовала начиная с 1820 г. за греков. Умерла в 1824 г. в Карасубазаре (Крым).

Имел ли русский император, пуская в обращение эту неопределённую и по существу своему безвредную фразеологию, какую-нибудь заднюю мысль? Не скрывала ли аффектация, с которой он говорил о «христианской нации» и о солидарности, необходимой между всеми членами этой нации, какого-нибудь плана крестового похода против турок? Англичане были склонны так думать. С другой стороны, не составлял ли этот тесный союз трёх самодержавных государств, этот призыв, обращённый ко всем остальным монархам, это обещание помогать друг другу «во всяком случае и во всяком месте» — угрозы, направленной против народов и свободы? Общественное мнение истолковало Священный союз именно в указанном смысле; и это толкование до сих пор не без основания остаётся преобладающим. В то время император Александр I, несомненно, был далёк от мысли стеснять народную свободу; в 1815 г. он сильно увлекался либеральными идеями; он пожелал, чтобы Франция имела хартию; он собирался дать Польше конституцию¹ и, к великому ужасу Меттерниха, поощрял пропаганду конституционных идей в Германии, Италии и в других странах. Но ни для кого не было тайной непостоянство его характера; поэтому не сомневались, что его пламенный мистицизм и грозное могущество легко могут быть обращены на служение контрреволюции во всей Европе. Немало беспокоила общественное мнение также и та поспешность, с которой примкнули к Священному союзу монархи, наиболее враждебно относившиеся к принципам 1789 г. Вслед за королём прусским и императором австрийским к акту 26 сентября вскоре присоединились: короли французский, испанский и главы почти всех европейских правительств². Правда, некоторые из них делали вид, что не придают этому акту значения и подписывают его только для того, чтобы доставить удовольствие царю в его невинной фантазии. Все они заявляли, что подобного рода провозглашение политических догматов является только платоническим проявлением похвальных чувств и что в таких выражениях нельзя заключать надёжный политический союз. Меттерних в своих мемуарах говорит, что, по мнению самого автора Акта, последний должен был быть только *моральною манифестацией* и что для остальных участников *он не имел даже и этого значения*. «Доказательством, — добавляет он, — может слу-

¹ Император ввёл конституцию в действие в ноябре 1815 г. Но он не очень строго соблюдал её; его преемник бесцеремонно уничтожил её после восстания 1830 г.

² Английский принц-регент заявил, что принципы, на которых основано управление его страны, не позволяют ему подписать такой договор.

жить тот факт, что впоследствии в отношениях между европейскими кабинетами вопрос о Священном союзе никогда не вставал и никогда не мог встать. Одни только враждебные абсолютизму партии старались извлечь из этого акта выгоду, пользуясь им, как оружием, для того чтобы оклеветать самые чистые намерения своих противников...»

Высказываясь подобным образом, австрийский министр играет словами и насмехается над читателем. Конечно, конвенция 26 сентября не имела, выражаясь политическим языком, определённого объекта и не создавала правового обязательства. Конечно, монархи не могли считать текст этого соглашения имеющим силу закона. Но, с другой стороны, неоспоримо и то, что конвенция 26 сентября сделалась исходной точкой коллективной политики великих держав, политики, получившей осязательную форму и провозглашаемой именно начиная с 1815 г., а также, что эта политика имела главной целью подавление принципов революции. Истинный смысл Священного союза следует искать не в туманной фразеологии Александра I и г-жи Крюденер; его следует искать в значительно более ясных решениях и договорах, о которых мы скажем ниже, и прежде всего в далеко не туманных и проникнутых самой крайней практичностью условиях, которыми союзники определили в ноябре 1815 г. участь Франции и её будущие отношения с Европой. Действительно, в мерах, принятых союзниками в эту эпоху по отношению к нашей стране, особенно бросается в глаза их старание устранить *революционную опасность*, их твёрдое желание отвлечь эту опасность мерами строгого надзора за главным очагом революции, откуда она могла бы снова распространиться по всей Европе, их очевидное стремление подчинить Францию надзору и заставить её, в случае необходимости даже и силой, возвратиться опять на путь *долга*, если бы ей вздумалось восстать против принципа *легитимизма*. В этом отношении Александр I, либерал, якобинец, как назвал его Меттерних, держался столь же определённых взглядов, как и сам Меттерних.

VII

Переговоры, последовавшие за подписанием протокола 2 октября, довольно быстро привели к заключению целого ряда частных соглашений, из которых одни должны были превратиться в официальные договоры с Францией, а другие предназначались для того, чтобы дополнить общие постановления Заключительного акта или упредить союз четырёх

великих держав. Так, например, 13 октября был выработан порядок уплаты военного вознаграждения, которого потребовала коалиция. Было установлено, что контрибуция будет внесена в пятилетний срок посредством 15 взносов в 46 $\frac{2}{3}$ миллиона каждый; уплата отдельных взносов должна была производиться раз в четыре месяца, начиная с 1 марта 1816 г.; уплата обеспечивалась залогом в 7 миллионов ренты, представлявшей капитал в 140 миллионов. Французское правительство обязывалось, кроме того, «выполнять все соглашения, заключённые им с различными союзными державами относительно обмундирования и снаряжения их армий». В то же время конференция определяла до самых мелочных подробностей условия содержания оккупационного корпуса; в результате для Франции получался ежегодный налог в 150 миллионов или, в лучшем случае, в 130 миллионов франков. Несколько позднее союзники договорились между собой относительно состава оккупационного корпуса, выбора главнокомандующего и линии поведения, которую ему надлежало указать. Было решено, что каждая из четырёх великих держав доставит 30 тысяч человек и что остальные участники коалиции дадут также 30 тысяч. Главное командование корпусом было возложено на Веллингтона, который давно уже пользовался репутацией человека твёрдого и решительного. 3 ноября он получил инструкции от союза. Эти инструкции не оставляют ни малейшего сомнения относительно намерения союзников держать Францию под своей опекой и в случае надобности подавлять все революционные попытки с её стороны. Действительно, из этих инструкций видно, что послы четырёх великих держав обязаны были составить в Париже нечто вроде наблюдательного комитета и извещать Веллингтона о настроении умов и положении дел во Франции. Что касается права вмешательства, то оно было подтверждено в весьма недвусмысленной форме.

«Августейшие монархи, — читаем мы в этом документе, — крайне нерасположены к тому, чтобы возлагать на свои войска полицейские и административные обязанности внутри Франции; однако, принимая во внимание высшие интересы, побуждающие их утвердить на французском троне законного государя, они формально обещали королю поддерживать его своими военными силами против всякого революционного движения... Их величества предоставляют на ваше полное усмотрение судить о том, когда и каким образом вы сочтёте уместным приказать действовать находящимся под вашим начальством войскам».

В тот же самый день, когда были подписаны эти инструкции (3 ноября), четыре союзных кабинета установили рас-

пределение отнятых от Франции городов и территорий¹ и разработали меры, необходимые для приведения в полный порядок оборонительной системы смежных с Францией государств и в особенности Германского союза. Филиппвиль и Мариенбург были присоединены к Нидерландам; Саарлуи — к Пруссии, которая, кроме того, получила между Мозелем и Рейном часть страны, предназначавшейся прежде Австрии (под условием создать там владения для некоторых германских государей²). Ландау был отдан Австрии; последней державе было, впрочем, предоставлено право передать этот город с частью прежних департаментов Саара и Монт-Тоннера Баварии взамен Гаусрюкфиртеля и Иннфиртеля, возвращения которых Австрия всё ещё не могла добиться³. Австрия же должна была отдать остальную часть своих владений на левом берегу Рейна, т. е. территорию с 140 тысячами населения вместе с городом Майнцем, великому герцогу Гессен-Дармштадскому, чтобы вознаградить его за перешедшее к Пруссии герцогство Вестфальское. Швейцария получала Версуа и небольшую часть области Жэ; наконец, сардинский король получал обратно французскую часть Савойи. Из обещанной Францией военной контрибуции в 700 миллионов франков — 137,5 миллиона предполагалось обратить на постройку оборонительных укреплений в соседних с нею государствах. Для этой цели Нидерланды должны были получить 60 миллионов, Пруссия — 20, Бавария — 15, Сардиния — 10, Испания — 7,5; 5 миллионов были назначены на усиление обороны города Майнца. Последний, а равно Ландау и Люксембург объявлялись федеральными германскими крепостями; в то же время Германский союз получил 20 миллионов на постройку четвёртой крепости в области верхнего Рейна.

Оставшаяся часть контрибуции, т. е. 562,5 миллиона франков, согласно протоколу, подписанному 6 ноября, должна была быть разделена между союзными державами таким образом: предварительно выделили по 25 миллионов франков в пользу Англии и Пруссии, наиболее способствовавших победе при Ватерлоо; Испания получила 5 миллионов,

¹ Это касалось не только земель, уступаемых по последнему трактату, но и нескольких территорий, оставленных французами в 1814 г., относительно которых ещё не состоялось окончательного решения.

² Великого герцога Мекленбург-Стрелицкого, великого герцога Ольденбургского, князя Гессен-Гомбургского, герцога Саксен-Кобургского и, кроме того, медиатизированного графа Паппенгейма. Эти владения были им обещаны 54-й статьёй Заключительного акта Венского конгресса.

³ Вопрос об обмене территориями между Австрией и Баварией был окончательно разрешён только 14 апреля 1816 г. Мюнхенским трактатом.

Португалия — 2, Швейцария — 3, Дания — 2,5; из остающихся 500 миллионов — 400 распределялись поровну между четырьмя великими державами, а 100 — между остальными членами коалиции, соразмерно численности предоставленных каждым из них войсковых сил; но нидерландский король отказывался от своей части (28 миллионов), и она должна была быть разделена поровну между Австрией и Пруссией¹.

Конференции пришлось также выработать порядок рассмотрения и ликвидации долговых обязательств Франции в отношении подданных английского правительства и всех других союзных государств; уплата их была уже обещана Францией трактатом 30 мая. Эти две категории долгов должны были быть рассмотрены комиссарами, назначенными заинтересованными сторонами; в качестве гарантии уплаты союзники потребовали два взноса в 3,5 миллиона франков ренты каждый.

Наконец, двумя протоколами, подписанными 5 и 7 ноября, была определена ещё нерешённая дотоле участь Ионических островов и были дополнены постановления Заключительного акта относительно Швейцарии. Острова были преобразованы в республику под протекторатом Англии, которая должна была послать туда лорда верховного комиссара и гарнизон. Что касается Швейцарского союза, в котором только что перед тем (7 августа 1815 г.) была принята новая конституция, составленная в желательном для союзников духе², то он получил торжественное признание своего нейтралитета.

После заключения всех этих договоров коалиция всё-таки ещё не успокоилась. Трактат, который она навязывала Франции, казался ей недостаточным для предохранения Европы от новых потрясений. Поэтому тетрархи решили связать себя новым договором; таковой был действительно ими заключён, и по духу своему он являлся подлинным выражением Священного союза. В самом деле, по этому договору дворы австрийский, великобританский, прусский и российский объявляли, что они опять вводят в силу постановления трактатов 1 марта 1814 г. и 25 марта 1815 г. и образуют постоянную лигу с целью надзора за Францией. Они навсегда устраняли от управления этой страной Наполеона и членов его семьи. Если будет нужно, они прибегнут для этого к силе. «И так как революционные волнения, — добавляли они, — могут снова начать раздирать Францию и тем самым угрожать

¹ Таким образом, Пруссия должна была получить 139 миллионов, Англия — 125, Австрия — 114 и Россия — 100.

² Эта конституция обеспечивала за аристократией её привилегии и не давала Швейцарии ни союзной армии, ни даже, строго говоря, союзного правительства. Она была совершенно преобразована в 1848 г.

спокойствию других государств, то высокие договаривающиеся стороны торжественно признают своей обязанностью усугубить старания с целью охраны в подобных обстоятельствах спокойствия и интересов собственных народов; они обязуются в случае повторения такого несчастного происшествия обсудить совместно с его христианнейшим величеством меры, необходимые для безопасности их государств и общего спокойствия Европы». Кроме того, четыре державы заявляли, что союз будет продолжать своё существование и после эвакуации французской территории. И, наконец, для того чтобы показать, что они намерены превратиться в своего рода европейскую директорию, они брали на себя обязательство «устраивать в заранее назначенные сроки съезды, посвящённые рассмотрению великих общих интересов и мер, наиболее способных обеспечить в каждый данный момент спокойствие и благоденствие народов и мир Европы».

20 ноября 1815 г. был подписан этот трактат, представлявший серьёзную угрозу не только для одной Франции, но и для всех цивилизованных народов. В тот же самый день союзники довели о нём до сведения герцога Ришелье нотой, в которой угроза была лишь слегка прикрыта советами благоразумия, расточаемыми правительству Людовика XVIII. Во второй ноте этому министру были сообщены инструкции, данные 3 ноября герцогу Веллингтону и предоставлявшие ему право вооружённого вмешательства в наши дела. В этот же день заставили Ришелье подписать мирный трактат и 4 приложения к нему¹. Не без глубокой скорби выполнил этот благородный человек требуемую формальность, точно это была последняя горсть земли, брошенная в могилу славы и могущества его родины. «Я только что подписал трактат, — сказал он одному из своих друзей, — за который собственно говоря я должен был бы нести голову на эшафот». А на следующий день (21 ноября) он писал графу Деказу: «Всё кончено; вчера — полумёртвый, полуживой — я подписал этот злополучный трактат. В своё время

¹ Эти приложения носят следующие названия: 1) конвенция, заключённая соответственно статье IV главного трактата и относящаяся к уплате денежного вознаграждения, следуемого от Франции союзным державам; 2) конвенция, заключённая соответственно статье V главного трактата и относящаяся к определению военной линии, подлежащей занятию во Франции союзной армией; 3) конвенция, заключённая соответственно статье IX главного трактата и относящаяся к рассмотрению и ликвидации долгов, лежащих на французском правительстве; 4) конвенция между Францией и Великобританией, заключённая соответственно статье IX главного трактата и относящаяся к рассмотрению и ликвидации притязаний подданных его величества короля британского.

я клялся не делать этого и сказал об этом королю. Но несчастный монарх со слезами стал заклинать меня не покидать его; с этого момента я больше не колебался. Смею думать, что при данных обстоятельствах никто не мог бы добиться более благоприятных для Франции результатов; Франция, гибнущая и изнемогающая под неприятельским гнётом, повелительно требовала немедленного освобождения».

Несколько дней спустя (25 ноября) министр со слезами на глазах представил трактат и дополнительные соглашения Бесподобной палате. Последняя не могла не разделить с ним его патриотической скорби. Действительно, казалось, что Франция навсегда вычёркивается из списка великих держав. Европа, так же как и она, казалась порабощённой. Священный союз торжествовал. Но дальнейший ход событий показал, что Священный союз сильно заблуждался, считая возможным в течение неопределённого времени держать Францию в стороне или под опекой; не менее ошибался он, когда полагал, что сможет навсегда воспрепятствовать проявлению в Европе национального духа и любви к свободным учреждениям¹.

¹ *Источники: Angeberg* (comte d'), le Congrès de Vienne et les Traités de 1815, t. II; — *Castlereagh* (lord), Correspondence of Robert, second marquis of Londonderry; — *Crétineau-Joly*, Histoire des traités de 1815 et de leur exécution; — *Gentz* (F. de), Dépêches inédites aux hospodars de Valachie, t. I; — *Gervinus*, Histoire du XIX siècle, t. I et II; — *Gagern* (baron de), la Seconde paix de Paris; — *Hardenberg* (prince de), Mémoires; — *Hyde de Neuville*, Mémoires; — *Lytton Bulwer*, Essai sur Talleyrand; — *Metternich* (prince de), Mémoires, documents et écrits divers, t. I et II; — *Müffling* (général de), Mémoires; — *Rimbaud*, le Duc de Richelieu en Russie et en France (Revue des Deux Mondes, 1-er décembre 1887); — *Rochechouart* (comte de), Souvenirs; — *Sorel* (Albert), le Traité de Paris, du 20 novembre 1815; — *Thiers*, Histoire de l'empire (ed. in = 4°), t. IV; — *Vaulabelle* (Ach. de), Histoire des deux Restaurations, t. II et III; — *Viel-Castel* (baron de), Histoire de la Restauration, t. III et IV; Lord Castlereagh et la Politique extérieure de l'Angleterre de 1812 à 1822 (Revue des Deux Mondes, 1-er juin 1854); — *Villemain*, les Cent Jours; — *Vitrolles*, Mémoires t. III; — *Wellington* (lord), Supplementary dispatches; etc.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ГОДЫ МИРА

I. Священный союз и русская политика. — II. Восточный конфликт; Александр I и Махмуд. — III. Испано-американский вопрос. — IV. Александр I, Ришелье и политика 5 сентября. — V. Русский либерализм; первые признаки агитации в Италии и Германии. — VI. Меттерних и секретная нота. — VII. Предварительные переговоры по поводу созыва нового конгресса. — VIII. Конференция и акты, подписанные в Аахене.

(1815—1818)

I

Меттерних часто хвастал тем, что он не только единолично создал трактаты 1815 г., но ещё и дал Европе мир на тридцать три года. Он знал, однако, лучше чем кто-либо, как преувеличено было это утверждение. Общий мир, о котором он говорил, продолжался без перерыва только три года с небольшим. Он начался с момента подписания дипломатических актов 20 ноября 1815 г. и кончился на следующий день после Аахенского конгресса. Да и в течение этого непродолжительного времени он поддерживался только благодаря тому, что четырём союзным державам необходимо было оставаться, хотя бы для вида, солидарными, дабы обеспечить исполнение обязательств, возложенных на Францию. Прибавим к этому, что и в период 1815—1818 гг. первые проблески того острого кризиса, от которого дипломаты не захотели или не сумели избавить Европу, уже не ускользали от внимания государственных деятелей, обладавших некоторым опытом. А с 1818 г. всё равновесие, построенное с таким трудом, начинает серьёзно колебаться ввиду обострения некоторых проблем, решение которых было легкомысленным образом отложено венскими политиками, несмотря на то, что они сознавали их важность. Перед Священным союзом грозно встают вопросы — восточный и испано-американский; в несколько лет они расшатывают самые основы этого союза. С этого же времени начинают появляться знаменательные признаки движения, говорящего о растущих требованиях народов, обманутых

в своих надеждах на свободу, и национальностей, оскорблённых в своих мечтах о самостоятельном существовании.

Как ни странно, но всё же неоспоримо, что первый, кто стал подкапываться под Священный союз, был сам инициатор этого знаменитого акта. В тот отрезок времени, которому посвящена настоящая глава, именно личная политика царя больше всего наносит ущерб согласию кабинетов и этим облегчает распространение революционных и конституционных идей. Человек нерешительного и путаного ума, Александр I, впрочем, не вполне сознавал тот вред, который он приносил своему детищу, и те противоречия, в которых он болезненно бился до конца своей жизни. Страстный, но нерешительный и слабый, эгоист, не лишённый в то же время и великодушия, он подпадает, или по крайней мере кажется подпадающим, одновременно под самые противоположные влияния. Он хочет и в то же время не хочет. Он искренен, когда утверждает, что готов всем пожертвовать для общих интересов великого Союза, но в то же время он не может отречься от некоторых личных планов, с которыми эти интересы находятся в непримиримом противоречии. Он самодержец и хочет остаться таковым; божественное право царей для него — догмат; а между тем он настроен либерально или по крайней мере считает себя либералом. Следствием подобного состояния является то, что он никогда, ни в одном направлении не доходит до конца намеченной им программы: он всегда колеблется в момент принятия окончательного решения. Он не осуществит ни одного из своих планов. Он, правда, не будет воевать со своими прежними союзниками, но он будет так мешать некоторым из них или так беспокоить их, что в результате внушит им неискоренимое к себе недоверие; он не освободит народов и кончит даже тем, что поведёт борьбу против них; но того, что он сделает, будет достаточно, чтобы вызвать волну освободительного движения, которой другие сумеют воспользоваться лучше него.

II

У Александра I, как и у всех русских государей с начала XVIII в., была навязчивая мысль — ускорить разложение и окончательное падение Османской империи. Если в 1812 г. он не довёл до конца успешные действия против султана Махмуда¹, то он поступил так исключительно ввиду

¹ Махмуд-хан, сын Абдул-Гамида I, брат Мустафы IV, родился в Константинополе в 1785 г.; возведён на престол в 1808 г. русскими пашой Мустафой-Байрактаром; умер в Константинополе 1 июля 1839 г.

предстоявшей борьбы с Наполеоном. После уничтожения французской империи и восстановления мира на западе он, со свойственным славянину мистическим упорством, снова принялся за старый «турецкий» проект Екатерины II. В это время Россия уже господствовала на Чёрном море благодаря своему положению на Крымском полуострове; она оказывала давление на Южный Кавказ и могла напасть на Малую Азию с тыла; она хозяйничала на Дунае благодаря тому, что владела его устьем; признанное за ней право протектората над Молдавией и Валахией каждодневно предоставляло ей поводы вмешиваться в дела Порты. То толкование, которое Александр I да и все русские давали Кучук-Кайнарджийскому миру¹, побудило его ещё больше расширить свои притязания и принять на себя роль посредника между оттоманами и всей массой христианских подданных султана. По его мнению, на него была возложена миссия покровительствовать последним и, в случае необходимости, освободить их. Какими средствами следовало разрешить восточный вопрос в том виде, как он ему представлялся? Этого он не знал, но он имел твёрдое намерение воспользоваться обстоятельствами и даже создать таковые для того, чтобы иметь возможность осуществить свои планы; уже с конца 1815 г. он слишком многозначительно и упорно устремлял свои взоры на Константинополь, так что и Порты и заинтересованные в её защите державы не могли не испытывать тревоги.

Турецкое правительство не могло спокойно отнестись к тому, что русский император демонстративно опубликовал в феврале 1816 г. акт Священного союза, авторством которого он гордился и в котором христианские государства подчеркнута изображались в виде единой политической семьи, тогда как Османская империя молчаливо исключалась из

¹ Согласно условиям этого мира (он был заключён в 1774 г.) Порты (ст. 7) обещала «твёрдую защиту христианскому закону и церквям анаго»; она признавала (ст. 8), что «как духовным, так и светским Российской империи подданным да позволено свободно посещать святой град Иерусалим и другие места, посещения достойные; далее (ст. 14), Российскому высочайшему двору позволяется «воздвигнуть в части Галата публичную греко-российского исповедания церковь, которая всегда под протекцией оной империи министров остаться имеет», наконец, ещё (ст. 7) Порты «дозволяет министрам Российского императорского двора делать по всем обстоятельствам в пользу как воздвигнутой в Константинополе церкви, так и служащим оной — различные представления». Это и есть те уступки, которыми пользовался петербургский кабинет для предъявления выраженной потом так смело претензии на распространение политического и религиозного протектората над всем христианским населением Турции.

европейского концерта. Опасаясь, что под этой благочестивой фразеологией скрывается поползновение объявить крестовый поход, Порты обратилась за объяснениями к венскому и лондонскому дворам; но те смогли разуверить её только наполовину. Тогда Порты обратилась к царю; однако полученные от него мирные заверения нисколько не успокоили её относительно грозившей ей опасности. И в самом деле, как можно было поверить отсутствию у этого монарха задних мыслей о войне, когда, несмотря на восстановление общего мира, он всё-таки держал свою грозную армию на военном положении? Все остальные державы сокращали контингенты своих войск до возможного минимума, а Александр I к концу 1816 г. ещё располагал армией в 640 тысяч человек, готовых выступить в поход. В то же время он не только отказывался выполнить те условия Бухарестского мира, которые были для него тягостны (в частности эвакуировать несколько крепостей, которые он незаконно сохранил за собой на Чёрном море с 1812 г.), но ещё с раздражением упрекал Порту в неисполнении ею своих обязательств, ссылаясь на своё право получить военную дорогу на юге Кавказа и требовал для сербов обещанных им прав¹. В Константинополе появился в качестве посла личный друг царя барон Строганов. Он снова начал переговоры по главным спорным пунктам и принял по отношению к Дивану² намеренно надменный тон, который, конечно, не мог способствовать мирному разрешению спора. До этого момента правление султана Махмуда было сравнительно счастливым, и он даже считал себя призванным преобразовать Турецкую империю; поэтому он не склонен был уступить притязаниям России. Переговоры, таким образом, ни к чему не привели. Русскому дипломату и турецким министрам пришлось в продолжение многих лет состязаться в мелочных спорах и хитрых словопрениях. Ни одна из сторон не хотела ни уступить, ни принять на себя ответственность за оконча-

¹ Избавившись в 1813 г. от Кара-Георгия, турки мечтали больше о мести, чем о том, чтобы даровать сербам ту автономию, которую им посулил Бухарестский трактат; турки так жестоко обходились с сербами, что последние в 1815 г. снова восстали под предводительством Милоша Обреновича (родоначальника позднее царствовавшей у них династии). Провозглашённый своими соотечественниками князем (в 1817 г.), этот искусный и энергичный политический деятель добился от Порты признания за ним власти, которую он захватил, но тем не менее он продолжал готовить свой народ к полной эмансипации, которая стала совершившимся фактом лишь в наши дни.

² Диван — тайный совет при султанах, состоявший из высших сановников Турции и заседавший под председательством великого визиря. — *Прим. ред.*

тельный разрыв. В ожидании возможности действовать царь просто старался оставить открытым свой спор с противником. Он надеялся извлечь из этого спора при удобном случае хороший повод к войне, а потому совсем и не собирався мирно покончить его; это было не в его интересах. Ещё больше тревоги внушал Турции тот факт, что Александр I весьма благожелательно принимал в России некоторых агитаторов, открыто готовивших под его покровительством восстание христиан в Османской империи. Бывший руководитель сербского восстания Кара-Георгий¹, находившийся в изгнании с 1813 г., провёл целую зиму (1816—1817) в С.-Петербурге и оттуда поехал в свою страну, чтобы ещё раз призвать её к оружию. В большой милости у царя были также и греки. Два брата Ипсиланти², которым предстояло в 1821 г. подать грекам сигнал к восстанию, были его адъютантами. Преданный всей душой, как и они, делу освобождения своей родины, уроженец острова Корфу Каподистрия³ был одним из его министров. Можно себе представить, какие советы он постоянно ему давал. Под

¹ Кара-Георгий, или Чёрный Георгий, родился близ Белграда около 1770 г.; стал во главе сербов в 1804 г. с целью бороться против янычар, от которых ему и удалось освободить свою родину; заставил султана в 1807 г. признать автономию сербского народа; два года спустя соединился против турок с русскими, которые в 1812 г. не поддержали его; в 1813 г. он принуждён был бежать; вернулся на родину в 1817 г.; разжёг там восстание, но почти тотчас же был схвачен и выдан своим соперником Милошем Обреновичем в руки турок; казнён по приказанию белградского паши, который отправил его голову в Константинополь.

² Они принадлежали к очень известному роду, который претендовал на происхождение от Комненов. Старший из них, Александр, родился в 1783 г.; рано поступил на русскую службу; в Дрезденском сражении (1813) потерял руку, около 1820 г. стал во главе *гетеристов*, как будет видно из дальнейшого, подал в 1821 г. сигнал к восстанию греков; был вынужден немного позднее бежать и скрыться на австрийской территории, где он был заключён в тюрьму до 1827 г.; умер в Вене в 1828 г. Его младший брат, Дмитрий, родился в 1793 г. и в молодости своей тоже был на русской службе; играл важную роль в войне за освобождение Греции, особенно в 1821—1823 гг., командовал войсками восточной Греции при Каподистрии с 1828 по 1830 г.; умер в Навплии в 1832 г.

³ Каподистрия (граф Иоанн-Антоний) родился на острове Корфу в 1776 г.; воспитывался в Падуе и Венеции; был министром Ионической республики с 1802 по 1807 г.; атташе при русском министерстве иностранных дел (1807), а потом при русском посольстве в Вене (1811); был, в качестве дипломатического агента, прикомандирован царём к дунайской армии (1812); русский посланник в Швейцарии (1813); представитель России на Венском конгрессе (1814—1815); назначен Александром I вместе с Нессельроде управлять министерством иностранных дел (1816); в фиктивной опале (1822); президент Греции (1827); убит в Навплии братьями Мавромихалис 9 октября 1831 г.

влиянием этого деятельного и искусного дипломата император не только разрешил основать *гетерию*, но ещё и поощрял развитие этого обширного греческого союза, возникшего с 1814 г. на русской территории, а начиная с 1817—1818 гг. представлявшего по своим размерам и проводимой им политике серьёзную угрозу для турецкого правительства. При посредстве своих журналов, книг и брошюр *гетеристы* почти открыто готовили в это время восстание греков. Русские агенты шныряли по Морее и Кикладским островам. Греческие патриоты ездили в Россию за инструкциями или со своими планами и предложениями. Словом, замыслы Александра I относительно Турции не могли быть тайною ни для одного европейского двора.

Особенно озабочены были этой политикой две великие державы — Австрия и Англия; они-то и старались всеми силами помешать ей. Венский кабинет, и без того уже сильно недовольный тем, что Россия заняла устья Дуная, не мог относиться хладнокровно к постепенному распространению её влияния на придунайские народности (до Белграда включительно) и к подстрекательству греков на восстание, которое могло повлечь за собой полное уничтожение власти мусульман в Европе. Меттерних поэтому не переставал следить за Востоком в описываемые нами годы. Его доверенный Генц поддерживал постоянную переписку с господарями Валахии, обходными путями сообщал Порте о русских происках и предостерегал её от всяких неосторожных и неблагоприятных действий. Австрийский интернунций¹ в Константинополе также постоянно уверял султана, что венский и лондонский дворы не оставят его без поддержки и поэтому он должен питать к ним полное доверие; что, с другой стороны, ему следует воздерживаться от всяких оскорбительных слов или действий, которые дали бы России желанный для неё повод к войне. Что касается британского кабинета, то он занимал по отношению к Порте почти такое же положение; но советы его были ещё более настойчивыми. Политические деятели, воспитанные в школе Питта, смотрели на сохранение Оттоманской империи как на вопрос жизни или смерти для Англии. Поэтому лорд Кэстльри, министр иностранных дел, прилагал большие усилия в Константинополе и в других столицах к тому, чтобы расстроить тайные замыслы царя, касавшиеся Турции. Правда, ему стоило некоторого труда заставить прислушиваться к его советам недоверчивое и гордое турецкое правительство, усматривавшее в английской помощи чуть ли

¹ Этот титул обозначает представителя венского двора в Константинополе на то время, когда там нет посла.

не протекторат и конечно с неудовольствием смотревшее на захват Ионических островов Великобританией¹. Но если Махмуд не мог смириться до такой степени, чтобы считать законным захват Корфу, то он всё-таки не мог не признавать пользы английского соседства. Ионические острова были передовым постом, откуда английское правительство могло внимательно следить за русскими происками в христианских провинциях Турции, дабы вмешаться в удобный момент. С Ионических островов оно наблюдало также за Грецией и держало её в узде: отсюда оно могло в несколько дней переправить свой флот в Дарданеллы и к Константинополю. Царю это было хорошо известно. И только поэтому он остерегался скомпрометировать себя грубым и преждевременным разрывом с Турцией.

III

Но если английская политика очень мешала Александру I, то и он со своей стороны не упускал случая отплатить Англии. Его дипломатические интриги преследовали английский кабинет по всей Европе, каждодневно причиняя ему новые заботы и затруднения. Царь, например, с подчёркнутой настойчивостью начал выдвигать вопрос об уничтожении пиратства на Средиземном море, что ставило Англию в крайне затруднительное положение. Обуздать и сделать невозможным морской разбой, которым промышляли варварийские племена уже много веков, было для «великой христианской семьи», по словам царя, насущной необходимостью и долгом. Сент-джемский кабинет не мог утверждать противоположного; а между тем указанные племена были турецкими подданными, и всякое нападение на них могло быть истолковано как замаскированное начало крестового похода против Турции. Англия предпочитала получить это дело всецело или почти всецело в свои руки. Но Александр I открыто заявлял о своём желании принять в этом деле участие и даже требовал в декабре 1816 г., чтобы вся Европа вместе с ним вооружилась против корсаров². Англичане не могли

¹ Лишь после довольно долгого сопротивления (оно засвидетельствовано Генцем и Меттернихом, которые осуждали это сопротивление) султан согласился присоединиться к этому договору; взамен островов он получил обратно некоторые пункты эпирского и албанского побережья, занятые англичанами.

² Он официально предложил, чтобы европейские державы согласились, — если Порты не даст им достаточных гарантий против варварийских государств, — рассматривать без предупреждения всякое вооружение этих государств как *casus foederis* и истреблять самое оружие

допустить, чтобы русский флот проник в Средиземное море. Они трепетали при мысли, что царь замышляет приобрести себе в этих местах морскую станцию, подобно тому как они сами завладели Гибралтаром и Мальтой. Их опасения не были, впрочем, лишены основания. Приблизительно в марте 1817 г. в Европе распространился слух, что Испания только что обязалась по тайному соглашению передать России Пуэрто-де-Маон; эту грозную пристань прежде долгое время занимала Англия, всё ещё горевашая о её потере¹. Сильное беспокойство овладело всеми министерствами иностранных дел, а в особенности лондонским и венским. Кэстльри и Меттерних тотчас набросали проект тройственного союза между Англией, Австрией и Пруссией с целью обуздать, в случае необходимости силой, царскую политику захватов. Русские министры, когда их запросили относительно конвенции, отрицали её существование. А между тем она была уже выработана. Но Александр I не решился порвать со Священным союзом, и вскоре о конвенции перестали говорить. С этого момента самодержец пытался иным способом нанести удар британскому могуществу и британским интересам.

Если Фердинанд VII в деле Менорки обнаружил такую готовность идти навстречу желаниям царя, то это происходило только потому, что Татищев, русский посол в Мадриде, приобрёл расположение короля своим одобрением его внутренней политики (столь мало, однако, достойной одобрения)². Это произошло также и потому, что Россия обещала Фердинанду VII помочь в разрешении — в возможно более выгодном для Испании смысле — тех вопросов внешней

и все природные и искусственные средства, кои могли бы помочь им возобновить запасы этого оружия. Из этой ноты довольно ясно можно было заключить о намерении Александра I занять некоторые господствующие пункты на Средиземном море.

¹ Она владела островом Меноркой с 1708 по 1756 г., с 1763 по 1782 г. и с 1796 по 1802 г.

² Фердинанд VII (сын Карла IV) родился в 1784 г., умер в 1833 г. В 1808 г. Наполеон лишил его престола, держал на положении пленника и вернул ему свободу только по договору, заключённому в Валуе 11 декабря 1813 г. Этот государь отличался низостью души и ограниченным умом. Воссевши снова на троне, он ответил на героическую верность, которую испанский народ проявлял по отношению к нему в течение шести лет, самой гнусной и глупой тиранией. Он отменил конституцию, которую кортесы, заседавшие в Кадисе, дали Испании в 1812 г., восстановил абсолютизм и инквизицию, призвал обратно изгнанных иезуитов, без разбора преследовал либералов, заполняя тюрьмы людьми, возбуждавшими подозрения, всюду воздвиг эшафоты и управлял страной исключительно при помощи шпионажа, доносов и террора, не сумев принять ни единой меры, способной поднять упавший престиж испанской монархии.

политики, которые представляли в этот момент чрезвычайный интерес для этой державы.

С 1810 г. испанские колонии в Америке находились в состоянии открытого восстания, и ничто не давало основания думать, что метрополии удастся без чужой помощи вернуть их под свою власть. Собрав в 1815 г. все свои силы, Фердинанд VII был в состоянии послать в Америку армию всего в 20 тысяч человек. Под начальством Морильо она добилась сначала некоторых успехов в Венесуэле и Новой Гренаде, но вскоре, под влиянием опустошений, вызванных войной и болезнями, была вынуждена покинуть завоёванную часть территории. Боливар¹, дважды изгнанный, дважды возвращался и вёл успешную кампанию на всём протяжении от Каракаса до Боготы (1816—1817). Около того же времени на Тукуманском² конгрессе организовалась Аргентинская конфедерация. Франсия³ в Парагвае пользовался фактически полной независимостью. Сан-Мартин подготовлял окончательное освобождение Чили. Всё верхнее Перу взялось за оружие. Испанская власть держалась ещё только в нижнем Перу, в Мексике и на Антильских островах. Да и там её положение сильно пошатнулось. К довершению всех затруднений португальское правительство, которому мадридский кабинет, несмотря на настояния нескольких великих держав, упорно отказывал в возвращении Оливенсы, решило вознаграждать себя занятием Восточной Полосы⁴, находившейся в зависимости от провинций Ла-Платы, и присоединило её к Бразилии (1816—1817). Из этого можно заключить, что при таких обстоятельствах добрые услуги Александра I были не совсем бесполезными для Фердинанда VII.

К тому же царь считал для себя выгодным защищать Фердинанда VII не только от инсургентов в Америке, но и от Португалии. Что касается последнего государства, то он просто-напросто предложил (в начале 1817 г.) Священному

¹ Боливар (Симон), названный освободителем, родился в Каракасе 24 июля 1783 г.; помощник Миранды с 1812 г.; диктатор Венесуэлы в 1813 г.; президент Колумбии (1819); диктатор (1824), затем президент (1825) Перуанской республики; умер 11 декабря 1830 г.

² Этот конгресс открылся 25 марта 1816 г. и объявил 9 июля независимость соединённых провинций Ла-Платы.

³ Франсия (Хосе-Гаспар-Родригес) родился в Асунсьоне в 1758 г.; доктор канонического права, профессор теологии, затем адвокат в своём родном городе; секретарь Парагвайской хунты (1811); консул (1813); диктатор на три года (1814); пожизненный диктатор этой республики (1817); управлял ею, пользуясь почти неограниченной властью, вплоть до своей смерти, т. е. до 20 сентября 1840 г.

⁴ Этим именем обозначали громадную территорию между Рио-де-ла-Плата и бразильской провинцией Рио-Гранде-до-Сул; столицей её было Монтевидео.

союзу напасть на него и занять его территорию, с тем чтобы она служила испанскому правительству в качестве залога или компенсации. Это предложение натолкнулось на категорический отказ Англии, так как оно шло совершенно вразрез с её интересами. Как известно, Португалия уже больше столетия находилась в политической и экономической зависимости у Великобритании. Покинутая на волю судьбы своим монархом, бежавшим в 1807 г.¹ в Бразилию и всё ещё проживавшим там, Португалия, как британское владение, защищалась от Наполеона английскими силами. Лорд Бересфорд пользовался там властью настоящего вице-короля. Сент-джемский кабинет уже давно был всемогущ и в Лиссабоне, и в Рио-де-Жанейро. Он не мог допустить нападения на Лузитанскую империю, которую он эксплуатировал как своё владение, и не мог примириться с раздроблением этой империи в пользу государства, прямо подчинённого влиянию России и Франции². Англия не одобряла также усиления Бразилии за счёт присоединения части испанских колоний, так как она вовсе не желала, чтобы португалыцы когда-либо могли обойтись без её помощи. Поэтому она сделала двору Рио-де-Жанейро серьёзные представления насчёт занятия Восточной Полосы и заявила, что не намерена поддерживать его властолюбивые притязания на Ла-Плату³. А с другой стороны, она с такой энергией протестовала против всякого нападения на Португалию, что царь ещё раз должен был уступить.

Впрочем, Александр I, уступив по этому вопросу, немедленно стал грозить английскому правительству в другом отношении. По наущению Татищева Фердинанд VII обратился в середине 1817 г. к Священному союзу за помощью против

¹ Иоанн, принц Альгарви (родился в Лиссабоне в 1769 г.), старший сын португальской королевы Марии I, был регентом с 1792 г., т. е. с того времени, когда его мать сошла с ума; при приближении Жюно, которому Наполеон поручил занять Португалию, он покинул Лиссабон и удалился в Бразилию. В 1815 г. он обратил эту колонию в королевство, не отделяя её от Лузитанской империи. По смерти матери, 16 марта 1816 г., он наследовал ей в качестве короля под именем Иоанна VI. Вернулся в свои европейские владения лишь в 1821 г. и умер в 1826 г.

² Не следует упускать из виду довольно тесное родство, связывавшее Людовика XVIII с Фердинандом VII. Оба они происходили от великого дофина, сына Людовика XIV. Кроме того, несколько браков в течение XVIII в. ещё больше упрочили связь между французским и испанским королевскими домами.

³ Королева Карлотта, супруга Иоанна VI и сестра Фердинанда VII, безуспешно пыталась в своё время заставить кадисские кортесы назначить её испанской регентшей. Теперь она при помощи интриг добивалась обращения провинций Ла-Платы в самостоятельное королевство, собираясь захватить его трон. Впрочем, уже с 1816 г. Тукуманский конгресс сделал осуществление подобной программы очень мало вероятным.

своих подданных, поднявших восстание в колониях. Шесть месяцев спустя (в январе 1818 г.) царь отправил великим европейским державам меморандум, имевший целью побудить их к принятию коллективных мер против восставших колоний. Можно себе представить, как отнеслась Англия — а её именно царь и имел в виду — к такому проекту. В сущности, политика британского кабинета скорее склонялась к тому, чтобы тайно помочь испанским колониям в Америке в их борьбе за независимость, чем к тому, чтобы возвратить их под власть метрополии. Уже больше ста лет Великобритания подкапывалась под колониальное могущество Испании¹. Теперь революция, имевшая целью уничтожить соперничавшую с ней империю и создать целый ряд небольших республик, которые неминуемо должны были обратиться в политических и коммерческих вассалов Англии, давала последней возможность окончательно реализовать свои давнишние планы. Кэстльри и Ливерпуль были ещё слишком связаны своей приверженностью к принципу власти и уважением к дипломатическим приличиям и потому отказывались открыто одобрить восстание испано-американцев против законного своего монарха, которому лондонский двор некогда даже покровительствовал. Но, с другой стороны, они оба были истыми англичанами и, следовательно, страстно желали победы мятежникам. Само собой разумеется, они отклонили предложения и Александра I и Фердинанда VII. В крайнем случае они предлагали Фердинанду VII попрежнему² частное посредничество Англии, требуя у испанского короля возвращения Оливенсы и преобразования его колоний в одно или несколько независимых государств, престолы которых должны были занять принцы его династии. Они знали, что это предложение будет отвергнуто с негодованием, и не придавали ему особенного значения. Зато они очень энергично действовали в пользу восставших. С поверенным в делах Аргентинской конфедерации Ривадавией обращались в Лондоне так, как будто бы эта республика была уже официально признана. Боливар и другие предводители восстания непрерывно получали из Лондона, Ливерпуля и с Ямайки³ помощь деньгами, провиантом и оружием; английские добровольцы в большом количестве спешили присоединиться к восставшим; наиболее выдаю-

¹ Она воевала с Испанией с 1701 по 1713 г., с 1719 по 1720 г., с 1726 по 1727 г., с 1739 по 1748 г., с 1761 по 1763 г., с 1779 по 1783 г., с 1796 по 1802 г. и с 1803 по 1808 г.

² То-есть так же, как в 1814 и в 1815 гг.

³ Главное владение англичан в Карибском море.

щийся из этих добровольцев, адмирал Кокрэн¹, открыто предлагал им свои услуги; а министерство ничего против него не предпринимало.

IV

Итак, в Америке, точно так же как и на востоке, Англия парализовала усилия, проявляемые царём. Но в то же время Александр I сильно беспокоил её (как и Австрию) своей возрастающей дружбой с французским правительством. Союз с Людовиком XVIII казался ему, не без основания, гораздо более ценным и желательным, чем союз с Фердинандом VII. Поэтому он и стал действовать в таком направлении, чтобы этот союз в известный момент не ускользнул от него. Лично он не питал ни особенной дружбы, ни особенного уважения к Бурбонам, получившим обратно свой трон из его рук и отплатившим ему за это на Венском конгрессе столькими неприятностями. Быть может, он отнёсся бы пассивно даже к замещению главы Бурбонов другим принцем, чьё имя некоторые заговорщики называли в 1816 г.² Но он не хотел также и того, чтобы Франция подверглась вторичной революции. В данный момент он стремился к тому, чтобы правительство Реставрации вело себя достаточно умеренно, не вызывало новых внутренних волнений и набиралось сил, чтобы быть ему полезным в будущем. Людовик XVIII мог, очевидно, укрепиться на престоле, только отмежевавшись от партии ультра-роялистов, составлявших большинство в Бесподобной палате и компрометировавших его перед народом своими реакционными стремлениями. Поэтому в то время, как Татищев в Мадриде сквозь пальцы смотрел на бессмысленную и жестокую тиранию Фердинанда VII и его камарильи, — Поццо-ди-Борго, русский посол в Париже, имел инструкции

¹ Кокрэн (граф Александр-Томас) родился 14 декабря 1775 г.; исключённый из английского флота и палаты общин после наделавшего шум процесса, он поступил на службу в республике Чили, где ему поручили командование флотом (1818); уволенный в отставку в 1823 г., он принял командование над бразильским флотом, а затем (в 1827 г.) — над греческим. Вернувшись в Англию и получив по смерти отца титул графа Дэндональда (1831), он был принят обратно в британский флот (1832), был произведён (1842) в чин вице-адмирала и в 1847 г. назначен главнокомандующим английским флотом в портах Северной Америки и Вест-Индии. Умер в 1860 г.

² Речь шла о Вильгельме, принце Оранском, родившемся в 1792 г., старшем сыне нидерландского короля Вильгельма I, коему он наследовал в 1840 г.; он умер в 1849 г. В 1816 г. он женился на великой княжне Анне Павловне, сестре Александра I. Он был честен, отважен и властолюбив. Некоторые французские эмигранты, жившие тогда в Брюсселе, замыслили воспользоваться его именем для низложения

поддерживать конституционные принципы и бороться против противников хартии. Добившись в сентябре 1815 г. важного назначения для своего друга, герцога Ришелье, Александр I прилагал все свои старания к тому, чтобы он смог дольше удержаться на министерском посту. Ришелье, убеждённый, но разумный роялист, отличался по свойствам своего характера умеренностью и лояльностью в одинаковой степени. Он недолюбливал хартию, но обладал достаточно здравым смыслом, чтобы понять, что без неё для монархии нет спасения. Чрезвычайные законы, месть, ссылки и, наконец, *белый террор* заставляли его опасаться за будущее того режима, коему он служил. Партия *ультра-роялистов* и их вождь граф д'Артуа ненавидели его, называли якобинцем и открыто подкапывались под него. Благодаря вмешательству союзных держав, заинтересованных в том, чтобы во Франции опять не произошло волнений, и в особенности благодаря вмешательству России Ришелье не только удержался у власти, но даже избавился на некоторое время от своих шумных противников. После нескольких предупреждений, прямо или косвенно исходивших от Поццо-ди-Борго, Людовик XVIII понял ту опасность, которой грозила ему безумная политика Бесподобной палаты, и 5 сентября 1816 г. распустил это собрание. Новые выборы немедленно же дали более здравомыслящее представительство, в котором буржуазный и конституционный элементы оказались в большинстве. Удачно скомбинированное министерство¹ оказалось в состоянии в течение 1817 и 1818 гг. последовательно и полезно поработать над восстановлением Франции; несколько хороших законов было вотировано в тот период². Доверие, внушённое им Европе, было уже в феврале 1817 г. настолько велико, что иностранный оккупационный корпус, состоявший

Людовика XVIII. Они рассчитывали на то, что русский император будет поддерживать своего зятя. Один из них, адвокат Тест, поехал в 1816 г. в Варшаву и представил свой фантастический проект великому князю Константину, который сообщил его царю. Последний не отверг его наотрез. Ордонанс 5 сентября, о котором речь будет ниже, побудил Александра I отказаться от осуществления этого проекта.

¹ Этот кабинет был составлен 26 сентября 1815 г. следующим образом: глава кабинета и министр иностранных дел — герцог Ришелье; министр внутренних дел — граф Воблан; военный — герцог Фельтрский; морской — граф Дюбушаж; финансов — граф Корветто; полиции — граф Деказ; юстиции — граф Барбе-Марбуа. Позднее, Воблан и Барбе-Марбуа были замещены Ленэ и графом Дамбрэ (8 мая 1816 г.). Умеренная партия ввела в кабинет ещё маршала Гвион-Сен-Сира, 23 июня 1817 г. заместившего Дюбушажа, и графа Моле. Назначенного 24 сентября морским министром, в то время как Гвион-Сен-Сир перешёл в военное министерство.

² В том числе: избирательный закон 5 февраля 1817 г. и закон 10 марта 1818 г. — о реорганизации армии.

по договору 20 ноября из 150 тысяч человек, был, по настояниям русского правительства, уменьшен до 120 тысяч. С этих пор Ришелье мог надеяться, что полное освобождение французской территории произойдёт не позже конца следующего года.

V

Если политика царя носила в Испании абсолютистский характер, а во Франции конституционный, то в других странах она была открыто либеральной; и это обстоятельство сильно огорчало Меттерниха. Этот государственный деятель считал очень неудобными для себя действия Александра I, поощрявшего, по его словам, развитие революции и притом умевшего быть достаточно хладнокровным для того, чтобы поощрять её развитие только во владениях своих соперников. Встретив на Востоке препятствия со стороны Австрии, Александр I мстил ей тем, что восстанавливал против этой державы народные массы. Италия, связанная по рукам и ногам венским двором, мечтала об освобождении. Россия, повидимому, поощряла её через многочисленных своих агентов, посылавшихся ею на Аппенинский полуостров, присутствие и успехи которых Меттерних, к своему крайнему неудовольствию, констатировал в 1817 г. во время продолжительного путешествия, совершённого им по Италии. Идеи конституционной свободы, которые австрийский министр считал давно уже подавленными, возрождались повсюду, где действовали агитаторы. *Секты* всюду подкапывались под установившийся порядок; карбонаризм стал приобретать новые формы. В Германии многие монархи (например, саксен-веймарский, баденский, вюртембергский), находившиеся благодаря семейным связям¹ под сильным влиянием царя, дали или собирались дать своим подданным конституции, конечно, не чересчур демократические, но всё-таки достаточные для того, чтобы население получило понятие о парламентском образе правления. Агенты *Библейского общества*, основанного Александром I в России, щедро распространяли по всей Центральной Европе евангелия на местных языках, ободряли обездоленных, бедных и угнетённых и, по словам Меттерниха, зажигали не свет, а пожар. Эгерия царя, баронесса Крюденер, проповедывала в Швейцарии христианские идеи о равноправии, не сознавая, может быть, всего их зна-

¹ Александр I был женат на дочери великого герцога Баденского; Карл-Фридрих, наследник саксен-веймарского великого герцогства, и Вильгельм I, вюртембергский король (с 1816 г.), были женаты на сёстрах царя.

чения; австрийский канцлер во всяком случае считал их смертельно опасными для принципа власти. Наконец, инициатор Священного союза, казалось, выставлял себя в качестве примера для всех монархов, вводя в действие согласно своим обещаниям польскую конституцию и давая понять, что в известный момент и сама Россия, быть может, получит аналогичное благодеяние (февраль 1818 г.).

Весьма серьёзное брожение, начавшее распространяться во многих государствах и внушавшее Меттерниху опасение, что вскоре разразится буря, было, впрочем, следствием не столько тех обещаний, которые в своё время даны были населению этих государств, сколько того крайнего гнёта, который возводился некоторыми правительствами, так сказать, в догмат. Не говоря уже о мелких германских и итальянских государствах, где восстанавливали, как святыню, самый крайний деспотизм и самые устарелые привилегии, — правительства трёх великих держав стали брать на себя по отношению к царю роль поборников реакции в Европе. Это были Англия, Пруссия и Австрия. Без сомнения, английские министры, принуждённые у себя дома относиться с уважением к парламенту, не могли во внешних сношениях открыто объявлять себя противниками конституционных начал. Но они нигде их не поддерживали. В Италии и в других государствах они спокойно принесли их в жертву желаниям венского двора. Кэстыльри соблюдал приличия, но в сущности шёл тем же путём, что и Меттерних. Последний со своей стороны без всякого труда склонил на путь контрреволюции прусского короля Фридриха-Вильгельма III, трусливого и богобоязненного монарха, страшившегося новых идей и колебавшегося исполнить обещание относительно конституции, которое он дал своему народу, когда призывал его к оружию¹. Этот монарх, значительно охладевший по отношению к России после недавних заигрываний царя с Францией², с каждым днём всё больше и больше подпадал под влияние австрийского министра, не перестававшего пугать его опасностью «якобинства», которую он изображал как неизбежную и смертельную угрозу для Пруссии, для Австрии и всей вообще Германии. Такие люди, как Штейн, Гарденберг и Гумбольдт, меньше страшившиеся слова «свобода», стали терять своё значение при берлинском дворе. Прошли два долгих года, а обещанная конституция всё ещё не появлялась на свет; король не говорил больше о разделении власти с народом, а предлагал Пруссии только провинци-

¹ 22 мая 1815 г., незадолго до битвы при Ватерлоо.

² В 1814 и особенно в 1815 г.

альные сеймы с совещательным голосом в политических делах (к тому же эти сеймы должны были быть учреждены очень скоро¹). Что касается Австрии, то её император не был связан никакими обещаниями. Самая мелочная (и часто нелепая) централизация была, по его мнению, идеалом правления. Мешать подданным думать и желать и, вопреки плану Иосифа II, строго поддерживать между ними обособленность в отношении языка и законов, чтобы тем самым обессилить разнородные национальности, управлять которыми он призван был судьбой², — вот к чему сводилась до конца его царствования политика Франца I, встретившая поддержку его великого канцлера. Не удивительно поэтому, что венский и берлинский кабинеты, проникнутые такими идеями, вовсе не были расположены покровительствовать на союзном сейме во Франкфурте национальным стремлениям Германии, пользовавшимся популярностью в народе. Это собрание, в котором, впрочем, были представлены одни только монархи, открыло свои заседания впервые 5 ноября 1816 г.³ Первые два года его существования были, если так можно выразиться, продолжительным топтанием на месте. Ничего, решительно ничего не было сделано для обеспечения Германии основных свобод, гарантий союзного правосудия или даже торжественно обещанных экономических реформ. С большим трудом в сентябре 1818 г., накануне Аахенского конгресса (потому что Союз не мог оставаться без войска в такой момент, когда Франции возвращалась свобода распоряжаться своими силами), сейм принял основы военной организации, детали которой он, впрочем, ещё долго обсуждал впоследствии. Если мы вспомним, что союзный акт 8 июня 1815 г. требовал единогласия при голосовании основных или органических законов, то легко поймём причину подобного бессилия. Не менее легко поймём мы также и то глубокое раздражение, которое начало распространяться в Германии под влиянием австро-прусской политики. Чем дольше продолжался этот вызывавший разочарование режим, тем больше росло недовольство образованных классов, поднявшихся в 1813 г., как один человек, во имя общей родины и свободы. Университеты становились очагами заговоров. «Буршеншафт» и другие подобные общества стали покрывать своими разветвлениями всю Германию. Молодёжь доходила в своём возбуждении до фана-

¹ В 1823 г.

² Это намерение ясно выражено в переписке Меттерниха (см. том III его «Воспоминаний» — «Mémoires et écrits divers», passim.).

³ Под председательством графа Буоль-Шауэнштейна, уполномоченного Австрии.

тизма. Сторонники деспотизма и раздробленности Германии обрекались на позор и посрамление. Скоро им стали грозить даже смертью. На Вартбургском съезде в октябре 1817 г.¹ уже сжигали их произведения. Не примутся ли после этого за них самих?

VI

Во всяком случае Меттерних утверждал это, когда непременно умолял императора Александра I помочь ему положить конец состоянию умов, столь тревожному для всех монархов и, по его мнению, в немалой степени вызванному русской политикой. Он изображал Александру I в самых мрачных красках то революционное брожение, которое из Италии и Германии грозило, по его словам, охватить всю Европу и подвергнуть опасности все престолы. Что будет, если в непосредственной близости от такого количества горячего материала вспыхнет самый страшный очаг якобинства — Франция? Кто в Европе спасётся тогда от пожара? Время не терпит; вскоре союзные войска будут выведены из классической страны революционных идей. Всё будет проиграно, если самый могущественный из монархов не откажется до того времени от самонадеянной и непоследовательной политики, нарушающей спокойствие мира и ежедневно возбуждающей смелость демагогов. Следует по возможности скорее и без оговорок возвратиться к политике большой коалиции, получить от Франции новые гарантии и предоставить ей только кажущуюся свободу действий. Не один Меттерних, впрочем, говорил таким языком. Прусские и английские министры были настроены не менее пессимистично. И их заклинания начинали действовать на царя. Известия же, полученные им из Парижа в середине 1818 г., тоже могли сильно испугать его и повлиять на изменение его политики. Граф д'Артуа, наследник Людовика XVIII, обратился к нему в это время через одного из своих доверенных лиц, барона Витроля, с «секретной нотой»², в которой

¹ Многочисленные депутации съехались из разных частей Германии праздновать трёхсотлетие Реформации и четвёртую годовщину Лейпцигского сражения.

² В то же время *крайние*, которые имели — или воображали, что имеют — на своей стороне часть королевской гвардии, составили заговор с целью похитить министров и заключить их в Венсенский форт. После этого они должны были потребовать у короля назначения нового кабинета, составленного из их собственных предводителей, и в случае отказа объявить его неспособным к правлению и призвать к власти под именем регента или генерального наместника его брата, графа д'Артуа. Это была

он изображал королевство стоящим на краю гибели — вследствие деятельности революционной партии; необходимо немедленно заменить министерство Ришелье новым кабинетом, который откровенно и решительно проводил бы роялистскую политику (можно представить себе, что это могло означать на языке «крайних»); хорошо было бы даже продлить военную оккупацию, ибо если эвакуация состоится в 1818 г., то партия порядка не сможет поручиться, что за этим не последует взрыв якобинства, способный поколебать всю Европу.

Само собой разумеется, что Ришелье и его коллеги знавшие об этом своеобразном выступлении, приняли все меры для того, чтобы успокоить и царя и других монархов. Но им не удалось совершенно изгладить впечатление, сохранившееся в душе Александра I. Последний, конечно, не переставал доверять министерству, которому он был крестным отцом. Но с этого момента он стал поддерживать его гораздо более вяло, чем раньше. Он не признал положение Франции настолько серьёзным, чтобы требовать продления оккупации, в которой не видела надобности ни одна из союзных держав. Он продолжал стоять за то, чтобы победённым при Ватерлоо позволили с почётом вернуться в число членов европейского концерта. Он любил их и желал иметь в них со временем союзников. Но пока он считал полезным поддерживать предложение Меттерниха о принятии новых мер предосторожности против них. Подобно тому как, не отказываясь окончательно от своих планов относительно Востока и Америки, он отступил перед вызванными им же препятствиями, этот непостоянный и легкомысленный человек без особой борьбы с самим собой перешёл на путь контрреволюции, сохраняя платоническое влечение к свободе. Он стал направлять свои усилия на то, чтобы охладить пыл немецких патриотов. Он стал просить Ришелье об изменении избирательного закона 1817 г. в пользу аристократии. Он стал, наконец, вопреки своим собственным намерениям, принаравливаясь во время аахенских совещаний к программе Меттерниха и Кэстльри. Впрочем, это ещё не был последний поворот его политики.

так называемая *Conspiration du bord de l'eau* по имени той террасы в Тюильри, где обыкновенно прогуливались самые ярые приверженцы этой партии. Этот заговор был раскрыт к концу июня 1818 г. министерством, которое получило также сведения и о ноте Витроля и опубликовало её немного позднее под названием «Секретная нота, излагающая поводы и цель последнего заговора».

VII

Со времени подписания трактата 20 ноября Франция не переставала добросовестно и точно исполнять все те обязательства, которые наложил на неё четверной союз. Займы — очень тягостные — дали ей несколько раз возможность покрыть громадный дефицит её бюджета, аккуратно производить срочные платежи по контрибуции и ускорить уплату ещё не погашённых иностранных долгов. Последний вопрос, возбудивший очень долгие и сложные переговоры, был окончательно разрешён в конце апреля 1818 г. Ликвидация указанных долгов обошлась Франции в 500 миллионов франков. Но после этой операции союзники не могли больше настаивать на продолжении оккупации страны, которая в ближайшем будущем должна была окончательно расплатиться с ними; нельзя было также настаивать на продолжении военной защиты правительства, которое само было в состоянии защитить себя. Благодаря закону Гувинг-Сира¹ французская армия быстро восстанавливалась. Поэтому помощь иностранных войск становилась для Людовика XVIII ненужной. Следует при этом добавить, что четыре державы начинали находить опасным для своих солдат соприкосновение с населением страны, где ещё столь жив был дух революции и откуда они могли занести на родину губительные для монархического принципа идеи². Поэтому уже в начале 1817 г. решено было в принципе не откладывать эвакуации далее конца следующего года. Но прежде чем окончательно установить срок этой эвакуации, представители европейского концерта оставили за собой право обсудить на одном из тех торжественных собраний, периодичность которых предусматривалась трактатом 20 ноября, насколько общее положение дел во Франции позволяет окончательно снять с неё опеку, присвоенную себе союзниками. После заключения в апреле 1818 г. финансовых договоров было решено, что такое дипломатическое совещание состоится в Аахене в сентябре.

¹ Этот закон возобновил рекрутский набор, отмену которого Бурбоны необдуманно обещали в 1814 г.; он определил мирный контингент армии в 40 тысяч человек; освободил от военной службы тех, кто являлся опорой своей семьи; допускал замещение; освобождал от службы молодых людей, вытянувших удачный жребий; предписывал, чтобы производство в чины совершалось вплоть до полковника, главным образом по старшинству, и организовал запас, в который зачислялись на шесть лет унтер-офицеры и солдаты после шести лет действительной службы.

² Это опасение в то время высказывали некоторые из их дипломатических агентов.

Но недостаточно было назначить день созыва конгресса. Надо было ещё, чтобы вся Европа точно знала, какие державы будут допущены на него и какие вопросы будут на нём обсуждаться. Это были серьёзные вопросы, которые дебатировались кабинетами уже больше года. В течение 1817 г. царь, веривший в пользу конгрессов для всех времён и всех народов, несколько раз настойчиво предлагал созвать собрание с неограниченной программой и такое же полное, как в Вене в 1814 г. Это было бы ему выгодно. Он, например, стоял за допущение Испании на конгресс — в надежде, что вопрос о колониях будет обсуждён и разрешён в желательном для него духе, т. е. вразрез с желаниями Англии. Британский кабинет, действовавший, к тому же, заодно с венским и берлинским дворами, боявшимися замыслов царя, очень энергично отверг его предложение. Царю указали, что дело шло о переговорах с Францией, с одной только Францией; что, хотя и побеждённая, она была всё-таки достаточно сильной для того, чтобы разъединить на Венском конгрессе четверной союз; что она, вероятно, начнёт этот маневр снова, если допустить на конгресс вместе с нею второстепенные государства, из коих некоторые заинтересованы в том, чтобы стать под её защиту, и если согласиться на обсуждение таких вопросов, по которым члены двора в данный момент не имеют никаких шансов столкнуться между собой. И даже если бы Франция и не стала во главе этих второстепенных государств, то всё-таки не следует дозволить им нарушать своими новыми претензиями или новыми ссорами порядок и мир, так недавно восстановленные в Европе. Достаточно, если в их отсутствии не будут касаться их специальных интересов. Эти предостережения долгое время не действовали на Александра I. Но когда ему стало ясно, что Англия, Австрия и Пруссия не собираются уступить, то он подчинился. Таким образом, было постановлено, что переговоры состоятся только между четверным союзом, с одной стороны, и французским правительством — с другой. Циркуляр 25 мая объявил второстепенным государствам об этом решении четырёх великих дворов в очень категорической форме. Некоторые протестовали, другие заявили о своём неудовольствии. Испания открыто и не без горечи упрекала Россию в том, что она покинула её. Но, несмотря на это, европейский концерт не изменил своего решения.

Итак, Франция ещё раз должна была, изолированная и бессильная, предстать перед солидарным и не доверяющим ей четверным союзом. А последний был склонен сделать

для вида несколько уступок, но вовсе не собирався предоставить Франции полную свободу действий.

VIII

Ришелье в сопровождении Рейневаль¹ и Мунье² отправился 20 сентября в Аахен, где он застал Фридриха-Вильгельма, Франца I и Александра I с их министрами, а также английских уполномоченных³. Его приняли с большим почётом. Переговоры относительно эвакуации продолжались всего несколько дней. Вопрос был решён заранее, и союзники тем более старались по этому вопросу угодить французскому правительству, что он не имел ровно никакого значения для их политики. Протокол 2 октября, обращённый 9-го в официальную конвенцию, объявил Людовику XVIII, что иностранные гарнизоны покинут крепости не позже 30 ноября того же года⁴. Эта новость обрадовала всю Францию, полагавшую, что она никогда не освободится от опеки, которая была ещё более унижительной, чем разорительной. Нация, в продолжение четырёх лет так жестоко расплачивавшаяся за политические эксцессы Наполеона, думала, что наступил конец её бедствиям, и полагала, что, окончательно примирившись с членами четверного союза, она сможет отныне вместе с ними и как равная им пользоваться своими правами великой державы. Она не совсем ошибалась в том отношении, что её прежние враги не могли дольше исключать её из европейского концерта. Но она преувеличивала степень своей реабилитации, так как союзники не соглашались допустить её в свою среду иначе, как в качестве государства

¹ Рейневаль (Франсуа-Максимилиан-Жерар, де) родился в Версале в 1778 г.; во время Консульства и в начале Империи — атташе при французских посольствах в Швеции, в России и в Португалии; первый секретарь посольства в С.-Петербурге (1807—1812); секретарь миссии и церемониймейстер на Шатильонском конгрессе (1814), первый секретарь посольства в Лондоне (1814); директор канцелярии министерства иностранных дел (1815); помощник статс-секретаря (1820); посланник в Пруссии (1821), затем в Швейцарии (1825); исполняющий временно обязанности министра иностранных дел (1828); посол в Вене (1829), посол в Испании и пэр Франции (1832); умер в Мадриде в 1836 г.

² Мунье (Клод-Филипп-Эдуард, барон), сын члена Учредительного собрания, родился в Гренобле в 1784 г.; аудитор при государственном совете (1806); интендант в Саксен-Веймаре, затем в Нижней Силезии (1808); управляющий зданиями короны (1813); член государственного совета (1815); председатель комиссии по ликвидации иностранных долгов (1817); пэр Франции (1819); главный директор управления департаментами и полиции (1821); умер в Пасси в 1843 г.

³ Кэстльри, Веллингтон и Каннинг.

⁴ После уплаты всей контрибуции (т. е. ещё 265 миллионов франков).

низшего ранга, и не желали ни прекращать своих вооружений против неё, ни отказаться от надзора за ней.

В конце сентября герцог Ришелье предложил союзникам преобразовать их четверной союз в пятерной путём формального соглашения, которым Франция и другие перво-классные державы солидарно гарантировали бы европейский мир, приняли бы на себя одинаковые обязанности и признали бы за каждой одинаковые права. Одна только Россия поддержала герцога Ришелье¹. Другие дворы притворились глухими. Правда, Англия, которую неотвязно преследовал призрак франко-русского соглашения, ответила через Кэстльри и Каннинга², что если крайние обстоятельства и заставили её отказаться по отношению к Франции от принципа невмешательства, являющегося основой всей её политики, то всё же она не может признать ни за французским, ни за каким другим правительством права вмешиваться в её внутренние дела, хотя бы и на началах взаимности. Австрия и Пруссия, конечно, одобрили этот ответ, да и царь высказался бы в том же смысле, если бы он был откровенным. Британский кабинет в ноте 10 октября отметил, что прежде всего следует установить не меру того участия, которое побеждённые при Ватерлоо будут принимать в дальнейшем в политике великого союза, но направление той политики, которую великий союз должен будет проводить относительно Франции, чтобы помешать ей злоупотреблять своей свободой. Он указывал солидарно с венским и берлинским дворами, что Франция, больше чем когда-либо, представляет собой очаг революционных и разрушительных страстей, что даже в настоящий момент она подаёт очень тревожный пример своими выборами, в значительной степени благоприятными для левой оппозиции³. Словом, после нескольких

¹ Нота Каподистрии 15 октября.

² Каннинг (Джордж) родился в Лондоне в 1770 г.; избран в члены палаты общин под покровительством Питта в 1793 г.; помощник статс-секретаря (1796); основатель журнала «Анти-якобинец» (1797); комиссар по индийским делам (1798); казначей флота (1804—1806); министр иностранных дел (апрель 1807 г. — сентябрь 1809 г.); посланник в Португалии (1814—1816); председатель департамента индийских дел (1816—1820); в отставке (1820); посланник в Швейцарии; назначен генерал-губернатором Индии; призван снова в министерство иностранных дел (1822); первый лорд казначейства (глава правительства) в феврале 1827 г.; умер в Чясуике 8 августа 1827 г.

³ Пятая часть состава палаты депутатов, подлежащая в 1818 г. переизбранию, состояла из 55 депутатов, из которых 36 были сторонниками министерства, 13—ультра-роялистами и 6—либералами. Вместо них 20 и 26 октября были выбраны 28 сторонников министерства, 1 ультра-роялиста и 23 либерала (в том числе Лафайет, Манюэль и генерал Грене).

недель переговоров уполномоченные четырёх союзных держав пришли к соглашению, которое и изложили в конвенции, подписанной 1 ноября и воспроизводившей целиком общие положения, принятые державами в Шомоне 1 марта 1814 г. и в Париже 20 ноября 1815 г. Согласно этому протоколу, четыре державы сохраняли в силе свой прежний союз и обязывались, если в том явится надобность, соединить свои войска для поддержания установленного ими во Франции порядка вещей в тех случаях, «когда в этой стране произойдёт какое-либо волнение, могущее оказаться опасным для спокойствия или безопасности её соседей». Правда, английские министры, желая оградить себя от нападков парламента, который не одобрил бы заключения договора, столь общего и в то же время столь категорического, поставили условием, что их правительство будет считать за *casus foederis* лишь появление на троне какого-либо члена семьи Напартов; во всех же других случаях они оставляли за собой право обсудить, может ли смута, переживаемая Францией, действительно нанести удар спокойствию соседних государств и общей безопасности Европы. Но эта оговорка была сделана лишь для формы, по крайней мере со стороны Кэстльри, который в 1818 г., как и в 1815 г., был сторонником (в душе, если не на словах) той реакционной формы Священного союза, о которой мечтал Меттерних.

Четыре державы не опубликовали этого договора, не желая унижать Францию в тот именно момент, когда они делали вид, будто возвращают ей свободу действий; но они немедленно сообщили его герцогу Ришелье. По заключении договора они сочли возможным принять Людовика XVIII в число членов европейского концерта, не беря на себя, однако, по отношению к нему никаких положительных обязательств и специально оговаривая, что он обязан будет вместе с ними защищать установленный в Европе с 1815 г. порядок вещей. Никакого нового договора подписано не было. Но нота, которую они препроводили французским уполномоченным, приглашала его христианнейшее величество «отныне присоединиться своими советами и силами» к австрийскому, английскому, прусскому и русскому монархам для соблюдения новых трактатов. Людовик XVIII, которому обеспечивали его престол, конечно, не решился отклонить это приглашение. Поэтому министр короля ответил 12 ноября, что его монарх, принося благодарность четырём дворам, уполномочивает его отныне принимать вместе с ними участие в разработке мер, имеющих обеспечить «соблюдение существующих трактатов и установленных ими

и признанных всеми европейскими государствами отношений».

Как мы видим, Франция была допущена к участию в концерте великих держав лишь с заднего крыльца. Даже в тот момент, когда союзники, казалось, протягивали ей руку для большей предосторожности составляли план операции на случай войны с Францией. Впрочем, они держали этот документ в тайне так же, как и протокол 1 ноября.

То же самое они сделали и с протоколом, подписанным 15 ноября и устанавливавшим соглашение пяти великих дворов. В самом деле, представлялось неблагоприятным говорить слишком громко о том праве, которое присваивали себе, чувствуя свою силу, державы, собиравшиеся хозяйничать в Европе и направлять её, не считаясь с её желанием, посредством периодически созываемых конгрессов, сопровождаемых в случае надобности и военными экзекуциями, по путям, намеченным Священным союзом. Правда, в этом акте было сказано, что союзники не станут решать вопросов, касающихся какого-либо государства, иначе как по повелению формального со стороны последнего приглашения. Но Франция была дана лишь на бумаге; пятерный союз держав под руководством Австрии игнорировал нации и рассчитывал в случае надобности устроить так, чтобы приглашение было получено.

После этого Аахенский конгресс пустил по всей Европе широковещательную декларацию, помеченную, как и протокол, 15 ноября и предназначенную для того, чтобы успокоить все кабинеты относительно замыслов великих держав. В этой декларации было сказано, что союз будет особенно заботиться о «строгом соблюдении принципов международного права»; что он будет всегда подавать «пример правосудия, согласия и умеренности»; наконец, что все силы союзных монархов будут направлены к тому, чтобы «покровительствовать мирным искусствам, увеличивать внутреннее благосостояние своих государств и пробуждать те религиозные и нравственные чувства, которые так сильно ослабли под влиянием печальных событий последнего времени».

В этих последних выражениях проскальзывала основная забота союзников, заключающаяся в том, чтобы непрерывно и повсеместно противодействовать принципам революции. В сущности, самым явным следствием конгресса было то, о чём не было сказано ни слова: взаимное страхование государств против их народов. В своих заявлениях дипломаты конечно, громко протестовали против обвинения в том, что они будто бы злоумышляли против свободы. На самом же

деле, они ничего другого и не делали; и если по этому вопросу были возможны какие-нибудь сомнения, то они все исчезают при чтении следующих строк, написанных Генцем, который был секретарём на Аахенском конгрессе и лучше, чем кто-либо, знал всю подоплёку дела:

«На этом конгрессе не обсуждались вопросы ни об образе правления, ни о системе представительства, ни о сохранении или изменении привилегий дворянства, ни о свободе печати, ни о религии. Депутаты тщательно избегали давать повод недоброжелательству и болтливости включением в официальные акты таких заявлений, которые соответствовали их тайным же мнениям но которые не могли быть изложены открыто из опасения вызвать неприятные толки и враждебную критику. Они сделали даже больше. Монархи и министры поняли, что именно предписывал им их общий интерес. Они живо чувствовали необходимость взаимного доверия и согласия более тесного, чем то, которое могут установить трактаты; они пожертвовали своими второстепенными интересами; и заставили замолчать все остальные соображения перед лицом необходимости предохранить власть от крушения путём избавления народов от их собственных заблуждений. Не вступая в излишние договоры, они заключили тесное соглашение относительно того, как бороться с надвигающейся грозой».

Из этого отрывка видно, что Священный союз, несмотря на уверения Меттерниха, не был пустым словом; что народы были вполне правы, относясь к нему всерьёз и видя в нем крестовый поход против революционных принципов. Из него видно также, что Священный союз ожидал в недалёком будущем грозного наступления (со стороны революции). Дальнейшее изложение покажет, что он не так уже ошибался в этом отношении. Оно покажет также, с большей полнотой, чем это возможно было сделать в настоящей главе, каковы были те внутренние причины, которые должны были в ближайшие годы обессилить и в конце концов разрушить Священный союз¹.

¹ Источники: Castlereagh (lord Londonderry), Correspondence; — Crétineau-Joly, Histoire des traités de 1815 et de leur exécution; — Gentz (F. de), Dépêches inédites, t. I, — Gervinus, Histoire du XIX siècle, t. II—VIII; — Hardenberg (prince de), Mémoires; — Hubbard (G.), Histoire contemporaine de l'Espagne, t. II; — Hyde de Neuville, Mémoires et Souvenirs, t. II; — Lesur, Annuaire historique, 1818; — Metternich (prince de), Mémoires, documents et écrits divers, t. III, — Vaulabelle (Ach. de), Histoire des deux Restaurations, t. IV; — Viel-Castel (baron de), Histoire de la Restauration, t. IV, V, VI, VII; — Lord Castlereagh et la Politique de l'Angleterre de 1812 à 1822, etc.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

РЕВОЛЮЦИЯ ВНОВЬ
ПЕРЕХОДИТ В НАСТУПЛЕНИЕ

I. Партикуляризм и Священный союз.—II. Революционная Германия в 1819 г.—III. Теплиц и Карлсбад.—IV. Конференция в Вене и заключительный акт 1820 г.—V. Либеральная Франция, Деказ и Ришелье.—VI. Революция в Испании и в Португалии.—VII. Революция в Неаполе и конгресс в Троппау.—VIII. Революция в Пьемонте, восстание в Греции и конгресс в Лайбахе.

(1818—1821)

I

В период с 1818 по 1821 г. Священный союз проявил наибольшую энергию и смелость в проведении контрреволюционной программы. Но даже в этот период в его политике вовсе не сказывалось того единства во взглядах и той спаянности, которых можно было бы ожидать от государств, объединённых под таким громким названием. Каждая из держав, входивших в его состав, соглашалась бороться с общим врагом не иначе, как в удобное для себя время, в подходящем месте и сообразно со своими частными интересами. Разногласия, зависть и соперничество, с грехом пополам остававшиеся скрытыми в мирное время, всё более обнаруживались, по мере того как повсеместно разрасталось революционное волнение, которое, казалось, должно было пробудить у государей именно чувство солидарности.

С этих пор отмеченный нами партикуляризм стал обнаруживаться даже у того из союзных правительств, которое провозглашало себя самым ревностным защитником старого порядка и которое наиболее настойчиво ратовало за сохранение и поддержание союза. Мы имеем в виду Австрию.

II

Пробуждение национальностей и успехи либеральных идей казались венскому двору опасными, где бы они ни проявлялись. Но особенно необходимой признавал он борьбу с этим злом в Германии. Рассматривая Германию как необходимое

добавление к своим владениям и добиваясь в ней исключительного преобладания, венский двор не мог согласиться на то, чтобы выгодами, которые он извлекал от репрессий в этой стране, воспользовались державы, заинтересованные в ограничении его влияния в Германском союзе. Само собой разумеется, что он ни за что в мире не обратился бы за помощью, например, к Франции. Не хотел он также и вмешательства России, которую находил и без того опасной для себя в других местах. Даже Англию хотел он устранить от германских дел, несомненно, из боязни, что британское влияние, распространяясь из Ганновера всё далее и далее по Германии, образует в конце концов противовес его собственному авторитету. Ещё более оснований было у Австрии для того, чтобы действовать без помощи Пруссии, так как скрытое и настойчивое противодействие со стороны последней не могло не беспокоить венский двор. Тем не менее нельзя было обойтись без её услуг. Меттерних хорошо сознавал, что если он не приобщит Пруссию к проводимой им политике реакции, то берлинскому кабинету не останется ничего более, как взять на себя руководство революционным движением. Он предпочёл поэтому иметь Пруссию с собой, а не против себя. Выгода от этого ожидалась двоякая: с одной стороны, Меттерних заставлял Пруссию служить интересам Австрии, а с другой — делал её непопулярной. Таким образом, в течение всего 1818 г. и даже раньше он не останавливался ни перед какими жертвами для того, чтобы привлечь на свою сторону короля Фридриха-Вильгельма и убедить его в необходимости объединить его силы с силами императора Франца для подавления *якобинского варварства*.

Этого государя, проникнутого до мозга костей доктринами абсолютизма, убедить было нетрудно. Меттерних привлёк на свою сторону даже Гарденберга, не столько, может быть, силой своих доводов, сколько вежливым запугиванием. Со времени Аахенского конгресса план германской контрреволюции был вчерне набросан австрийским министром по соглашению с прусским канцлером¹. У Фридриха-

¹ Это можно доказать ссылкой на два его меморандума, с которыми он обратился 14 ноября 1818 г. к Витгенштейну, снесшись предварительно с Гарденбергом. В первом из них он стремился показать, что *представительная система* окажется роковой для прусской монархии, что Фридрих-Вильгельм не должен связывать себе руки, что он в достаточной степени исполнит свои обещания, если восстановит *прежние местные провинциальные учреждения*, т. е. если он создаст провинциальные ландтаги, которые, не будучи организованы по одному общему типу и не имея никакой связи между собой, будут носить чисто совещательный характер и будут выполнять только админи-

Вильгельма, человека неустойчивого, за всю свою жизнь не сумевшего принять ни одного бесповоротного решения, в начале 1819 г., повидимому, снова появились либеральные поползновения. Он снова заговорил, хотя и робко, о том, что следует, наконец, дать народу хартию, обещанную в 1815 г., — опять назначил министром Гумбольдта¹, бывшего перед тем в опале, а теперь поддерживавшего короля в его новых планах. Этот министр был уполномочен выработать план конституции. Штейн обсуждал с ним основные её положения. Эту эволюцию можно понять, если мы вспомним, что некоторые немецкие государи, в сущности столь же мало разделявшие принципы 1789 г., как и прусский король, старались в это время избавиться от гегемонии Вены или Берлина и приобрести расположение немецкой нации, добровольно даруя подданным парламентский образ правления. Уже в 1816 г. так поступил великий герцог Саксен-Веймарский, и вскоре его примеру последовали некоторые из его соседей². Баварский король, обманутый в своих надеждах на увеличение территории своего государства — надеждах, ещё недавно поддерживавшихся Австрией, желал завоевать народные симпатии, которых лишился Фридрих-Вильгельм, и ввёл в действие с 26 мая 1818 г. конституцию, без сомнения, мало демократическую, но всё-таки являющуюся серьёзной победой партии революции. Великий герцог Баденский, всё ещё находившийся под страхом, что у него отнимут несколько провинций в пользу Баварии, поспешил опубликовать значительно более либеральную конституцию (22 октября 1818 г.)³. Король юртембергский, общий их сосед, счёл необходимым составить в 1817 г. акт, который

стративные функции, без права инициативы. Во втором меморандуме он очень нападал на университеты, куда, по его мнению, молодые люди шли усваивать революционное учение, на гимнастические общества, которые с его точки зрения являлись очагами якобинства, на свободу печати, которую давно пора было, по его мнению, обуздать.

¹ Гумбольдт (Вильгельм), поэт, критик, филолог, государственный деятель (брат Александра Гумбольдта), родился в Потсдаме 22 июня 1767 г.; прусский министр-резидент в Риме (1802); тайный советник и начальник департамента духовных дел и народного просвещения (1808); посланник в Вене (1810); представитель Пруссии на конгрессе в Праге (1813), затем в Шатильоне (1814) и на конгрессе в Вене (1814—1815); чрезвычайный посланник в Лондоне (1816); министр и член комиссии по составлению прусской конституции (1818), уволен в отставку 31 декабря 1819 г.; с этих пор посвятил себя всецело наукам; умер 8 апреля 1835 г.

² В частности герцог Саксен-Кобург-Саальфельдский в 1816 г. и герцог Саксен-Гильдбурггаузенский в 1818 г.

³ Она признавала, например, принцип ответственности министров и принцип публичности парламентских прений.

он сделал бы основным законом своей страны, если бы некоторые протесты не принудили его отложить исполнение этого плана. Вот почему прусский король, боясь утратить всякое влияние в Германии в том случае, если он не последует, хотя бы для вида, подобным примерам, стал также склоняться на сторону уступок.

Но Меттерних, глубоко встревоженный, стал доказывать ему, что он погубит себя своей слабостью; что не следует принимать в соображение революционные идеи; что для немецких агитаторов суть дела заключается не в том, чтобы установить в различных государствах Союза парламентский образ правления, каковой уже сам по себе является отвратительным учреждением, но в том, чтобы разрушить все троны, уничтожить все власти, привести в расстройство все сословия и ввести в объединённой Германии кровавое господство демагогии. Некоторое волнение, в самом деле, стало проявляться, если не в южной Германии, где подданные были до известной степени удовлетворены, то во всяком случае в средней и северной её частях, где абсолютизм, бюрократизм и феодализм, восстановленные во всех деталях, держали себя всё более и более вызывающе, не считаясь с духом времени. В этих частях Германии университеты, пользуясь благодаря своим старинным привилегиям почти неограниченной самостоятельностью, сделались очагами пропаганды, опасной для монархической власти. Пресса, поставленная в некоторых небольших государствах¹ в сравнительно благоприятные условия, распространяла унитарные и демократические доктрины, которые, если и не увлекли широкие народные массы, то во всяком случае воспламеняли до фанатизма учащуюся молодёжь. Политические ассоциации размножались и начинали объединяться между собой. Иенская «Буршеншафт», основанная в 1816 г., превратилась в октябре 1818 г. в федерацию, в которую массами вступали студенты почти всех университетов. На этих собраниях доходили до утверждения, что цель оправдывает средства, что все роды оружия хороши против изменников и тиранов и что не только восстание, но и убийство отдельных лиц может быть в некоторых случаях похвальным делом.

¹ В особенности в великом герцогстве Саксен-Веймарском. В это время конституционные принципы защищались с большим блеском «Немезидой» Лудена, «Архивом государственной конституции» («Staatsverfassungssarchiv») и «Изидой» Окена, «Журналом оппозиции» («Oppositionsblatt»), «Новым Рейнским Меркурием», «Другом народа» («Volksfreund») Виланда в Рейнских провинциях «Рейнский Меркурий», «Дозорный» («Wächter») и другие крайне патриотические издания давали тон прессе, обращавшей на себя внимание главным образом нападками на Францию.

Никто из окружающих Фридриха-Вильгельма не решился называть преувеличениями зловещие предсказания Меттерниха с того дня, когда узнали об убийстве Коцебу, весьма известного, но в это время очень непопулярного писателя, которого студент Карл Занд хладнокровно заколол кинжалом в Маннгейме 23 марта 1819 г.¹ Австрийский министр, путешествовавший в это время со своим монархом по Италии, был крайне взволнован этим событием; но он утешал себя тем, что в общем убийство это пришлось даже кстати; ибо излишнее зло в конце концов порождает добро, и теперь прусский король не сможет уже закрывать глаза на опасность революции. Вся его переписка в течение апреля, мая и июня 1818 г. вертелась вокруг необходимости как можно быстрее водворить спокойствие в Германии энергичными реакционными мерами. Нужно во что бы то ни стало задушить *якобинство*. Когда некоторые государи, вроде великого герцога Саксен-Веймарского, как будто поощряли новаторов, то Меттерних в своих обвинениях и угрозах ставил их на одну доску с революционерами. Это — «клика», с которой не следует церемониться. Нужно без промедления лечить Германию калёным железом от гангрены. Впрочем, если Меттерних сильно расположен к жестоким мерам, то его корреспондент и постоянный вдохновитель, Генц, свирепствует ещё больше. Этот дипломат, остававшийся в Вене и наблюдавший все события вблизи, становится под влиянием страха совсем несговорчивым и не перестаёт рекомендовать министру жестокие и поспешные меры, уверяя, что без них не будет спокойствия не только в Германии, но и во всей Европе. В конце концов именно Генц диктует своему шефу, сам оставаясь всё время в тени, ту весьма

¹ Коцебу (Август-Фридрих-Фердинанд) — немецкий драматический писатель и публицист; известен с молодых лет своей плодовитостью и живостью пера; человек тщеславный и непостоянный. Родился в Веймаре в 1761 г.; очень молодым поступил на службу в России; назначен в 1792 г. председателем суда в Эстляндии, вернулся в Германию, был два года директором королевского театра в Вене (1798—1800); явился снова в Россию, был сослан в Сибирь за памфлет, но вскоре возвращён; стал директором немецкого театра в С.-Петербурге и произведён в на-дворные советники (1801); затем переехал в Веймар (1802); после Йенского сражения поехал в С.-Петербург, где редактировал издания, враждебные Франции; был прикомандирован в 1812 г. к русской армии в качестве официального корреспондента; способствовал своими статьями в 1813 г. восстанию в Германии и приобрёл некоторое политическое значение. В 1814—1816 гг. был русским генеральным консулом в Пруссии. В 1817 г. ему было поручено Александром I доставлять периодические сведения о состоянии общественного мнения в Германии. Он писал свои донесения в духе, совершенно противоположном стремлениям немцев того времени. Вследствие этого он стал жертвой негодования университетской молодёжи.

практическую и чёткую программу контрреволюции, которую этот тщеславный государственный деятель вскоре будет выдавать за своё собственное произведение.

III

Меттерних сначала хотел провести при помощи союзного сейма те строгие репрессивные меры, которые, по его мнению, вызывались обстоятельствами. Генц, не без основания, возражал, что это собрание, всегда лишённое единодушия и бессильное, погубит дело своей медлительностью, а может быть, даже и по злой воле некоторых его членов. Лучше выработать эти меры помимо и независимо от сейма и затем сообщить их ему в повелительной форме, так что сейму останется только принять их к сведению. По его мнению, нужно было вызвать прусского короля, войти с ним в секретные переговоры и затем, когда берлинский и венский дворы придут к окончательному соглашению, собрать для вида конференцию, на которую обе великие немецкие державы пригласят остальных членов Союза не столько для того, чтобы обсуждать с ними новые законы, сколько для того, чтобы навязать их им. Два секретных совещания должны быть созваны последовательно, одно в Карлсбаде, другое — в Вене. Карлсбадское совещание, более неотложное, имело целью немедленно изыскать репрессивные меры против поднимающегося в данный момент волнения в Германии; на это заседание Австрия и Пруссия пригласят не более 4 или 5 второстепенных государств. Совещание в Вене, на котором все члены Союза будут иметь полномочных представителей, будет посвящено выработке основного закона, который дополнит, приспособит к обстоятельствам и изменит в определённом направлении союзный акт 1815 г.

Программа Генца была принята Меттернихом, который по возвращении в Вену поспешил отправиться в Богемию; туда же приехал в конце июля и Фридрих-Вильгельм. Прусский король, даже и после убийства Коцебу выказывавший некоторое нежелание стать на тот путь, на который хотел его увлечь австрийский министр, прибыл в Теплиц под свежим впечатлением нового покушения революционеров. За несколько дней перед тем¹ председатель нассауского регентства Ибелль едва не пал от руки убийцы. В то же самое время происходили бурные собрания в различных местах Германии, особенно же в великом герцогстве

¹ 1 июля.

Гессен-Дармштадтском, где они повторились ещё несколько раз. Прусское правительство уже раньше закрывало журналы, отрешало от должности профессоров, арестовывало популярных писателей и подчиняло университеты и всякие общества драконскому надзору. Но всего этого было недостаточно. Меттерниху нужно было, чтобы Фридрих-Вильгельм принял личное участие в австрийской политике; поэтому, дабы предупредить всякие возражения с его стороны, он категорически заявил прусскому королю, что если он не примет программы императора Франца, то последний предоставит его собственной участи и выйдет из числа членов Германского союза. Если Пруссия, говорил он, не желает быть правительством, достойным этого имени, то ей стоит только заявить об этом; если она желает погибнуть, то из этого вовсе не следует, что и Австрия должна погибнуть с нею вместе. В таком случае последняя «замкнётся в самой себе и будет проводить в интересах собственного спасения политику, совершенно отличную от той, которой она придерживалась до сих пор». Эти заявления он был уполномочен сделать своим государем, который спустя несколько дней писал ему ещё следующее: «Если мы потерпим неудачу... то нам надо обособиться и действовать как австрийское государство и как того будут требовать интересы моих подданных. Если вы сочтёте нужным, вы можете открыто выступить с этой угрозой».

Была ли серьёзна эта угроза? Мы не знаем. Во всяком случае тактика Меттерниха имела удивительный успех. Бедный прусский король, столько натерпевшийся от превратностей судьбы, так боялся революции и так сильно трепетал при мысли, что ему придётся бороться с нею в Германии собственными силами, что, не обращая внимания ни на какие другие соображения, он на долгое время стал покорным приверженцем своего могущественного соседа. Для того чтобы понять, почему берлинский двор в течение нескольких лет, начиная с этого момента, ничем не давал знать о своём существовании и почти рабски следовал за политикой своей соперницы, нужно помнить о секретных переговорах в Теплице и о том испуге, под влиянием которого Фридрих-Вильгельм III подчинился первому министру Австрии.

В три дня (с 29 июля по 1 августа) Меттерних заставил прусского короля целиком принять его программу. Король дал клятвенное обещание не только отказаться от своего проекта конституции с представительным образом правления, но и содействовать по мере сил упразднению парламентаризма во всей Германии. После того как обе великие

державы договорились, чтобы продиктовать свою волю конфедерации, занавес был поднят, и комедия, подготовленная Генцем, могла начаться.

Первый акт прошёл блестяще, и Генц мог испытывать полное удовлетворение. Совещания в Карлсбаде начались 7 августа. Кроме Австрии и Пруссии, в них участвовали следующие государства: Саксония, Ганновер, Бавария, Баден, Нассау, Вюртемберг, Мекленбург, курфюршество Гессенское и Саксен-Веймар. Уже 30 августа совещания закончились. Какие дебаты происходили на них, какие конфликты там возникали,— публика в точности не знала, так как они держались в секрете и протоколы не были опубликованы. Но результат этих дипломатических совещаний вскоре стал известен. Решения, принятые в Карлсбаде и представлявшие собою не что иное, как ультиматум, уже раньше продиктованный Австрией и Пруссией, были переданы Меттернихом вместе с обстоятельным докладом Франкфуртскому сейму; последний переработал их к 20 сентября в федеральные законы на основании инструкций, которые все члены этого собрания получили от своих правительств.

Первое из этих постановлений определяло временный порядок для исполнения решений, принятых сеймом; с этой целью были предоставлены широкие полномочия комиссии из пяти членов, избираемых из состава сейма и сменяемых каждые 6 месяцев; этой комиссии было поручено поддерживать авторитет закона или мирным путём, или силой оружия, если в том окажется надобность. Второе постановление гласило, что университеты впредь должны быть подчинены наблюдению и распоряжению куратора или комиссара, назначаемого для каждого университета монархом данной страны. Этот чиновник должен был следить за *духом* преподавания, ему было предоставлено право возбуждать преследование против учащихся и учащих; исключать их и даже подвергать тюремному заключению. Германские правительства обязывались друг перед другом удалять профессоров и студентов, которые будут им указаны кураторами как опасные люди; будучи удалены из одного университета, они лишались права поступить в какой-либо другой. Всякие тайные или неутверждённые правительством общества, в частности буршеншафт, подлежали преследованию и закрытию; лица, избличённые в участии в этих обществах, лишались права поступления на государственную службу. После этого очередь была за прессой. Её положение было определено третьим декретом: отныне, впредь до издания окончательного закона (который надлежало выработать не позже, как в течение 5 лет), периодические издания и печатные произ-

ведения объёмом менее 20 печатных листов подлежали во всей Германии предварительной цензуре; на остальные издания распространялась только карательная цензура. Каждое государство было обязано в случае жалобы одного из союзников преследовать от своего имени автора произведения, опубликованного в пределах его территории; если же оно отказывалось, то сейм мог учинить расправу от имени Союза. Кроме того, сейм мог по своему собственному усмотрению преследовать издания и налагать на них запрещения; эти запрещения не подлежали обжалованию. Писатель, который своими смелыми статьями вызывал запрещение журнала, не имел права в течение 5 лет принимать участие ни в каких других изданиях. Наконец, ответственность за преступления по делам печати несли не только главные редакторы, но также издатели и владельцы типографий. Таковы были меры на будущее время. По отношению к прошлому в последнем постановлении сейма предусматривалось создание следственной комиссии из семи членов, назначенных федеральной властью. На этот грозный совет была возложена миссия расследовать «факты, происхождение и разнообразные разветвления революционной пропаганды и демократических союзов», нарушавших спокойствие монархов. Все государства (Германского союза) обязаны были всячески помогать следственной комиссии в её работе; все местные власти были ей подчинены; она могла требовать ареста всякого заподозренного лица и в случае неисполнения её распоряжений переносить дело на решение сейма.

IV

Это драконовское законодательство немедленно было введено в действие и на долгое время установило в Германии господство крайнего террора. Но, как мы уже говорили, Австрия и Пруссия видели в нём только временное средство для борьбы с опасностью. Для того чтобы обеспечить и упрочить спокойствие и на будущее время, эти два государства стали изыскивать такой постоянный закон, который дал бы им возможность толковать и применять в духе их политики союзный акт 1815 г. Эта конституция, как мы уже знаем, привела Германию к полному бессилию и не обеспечивала стране правительства, т. е. центральной власти, способной желать, решать и действовать. Не надо забывать, что Австрия постаралась придать этой конституции именно такой характер в тот момент, когда она боялась замыслов Пруссии, и хотела помещать ей играть главенствующую роль

в Союзе. Но теперь, когда терроризированный берлинский двор покорно следовал за венским, последний начинал склоняться к тому, чтобы создать из сейма действительно сильную власть, облечённую законодательными и исполнительными функциями, с помощью которых он вскоре подчинил бы своей воле всю Германию. Он не скрывал, что германская конституция, преобразованная в таком смысле, будет являться для него в первую очередь средством уничтожить или видоизменить в более монархическом духе местные конституции, которые были дарованы некоторыми германскими государями. Карлсбадские постановления должны были предупредить насильственную революцию; совещания в Вене должны были, по мысли Меттерниха, предупредить возможность даже и легальной революции.

Второй акт пьесы не доставил австрийскому министру такого же удовлетворения, как первый. Если два главных немецких двора вошли теперь в соглашение для притеснения мелких, то последние, приведённые сначала в замешательство, сблизились затем для совместного противодействия и стали обращаться за помощью к иностранным державам; что касается этих держав, то если не все из них были расположены поддерживать их, то все не без удовольствия наблюдали за ослаблением в Германии неограниченного авторитета Австрии и Пруссии. Европа имела некоторое основание беспокоиться при мысли о возможности осуществления такой программы, которая позволяла бы этим двум державам, территориально и по своей политике не укладывавшимся целиком в рамки Германского союза, пользоваться по своему усмотрению и в своих собственных интересах всеми силами Союза. Поэтому берлинский и венский дворы в октябре 1819 г., т. е. ко времени открытия новой конференции, сочли нужным обратиться ко всем иностранным правительствам с циркулярами самого успокоительного характера относительно своих намерений. Они заявляли, что действовали до сих пор исключительно в интересах поддержания всеобщего спокойствия и сохранения порядка, созданного договорами 1815 г.; они собираются только продолжать эту политику.

После подобных уверений Франция и Англия, каковы бы ни были их скрытые чувства, ничем не проявили таковых. Иначе было с Россией: к концу года она заняла довольно враждебную позицию в отношении Австрии. Император Александр в октябре месяце принимал в Варшаве своего шурина, короля вюртембергского, который, наспех обнаружив (26 сентября) обещанную подданным конституцию, для того чтобы она отныне стала совершившимся

фактом, поехал просить у императора покровительства во имя свободы, монархического принципа и Священного союза — трёх принципов, одинаково дорогих для царя. Последний понимал не так, как Меттерних, тесный союз, который он намеревался установить между государями мистическим актом 1815 г. По его мнению, этот договор означал, что союзные государи должны считать себя одинаково заинтересованными во всех политических затруднениях, какие могут возникнуть в любом пункте Европы; всякое столкновение между несколькими государствами неизбежно должно вызвать коллективное вмешательство всего союза, который один только вправе определять исход конфликта; с другой стороны, возмущение подданных против своих государей он считал недопустимым, но добровольные уступки государей своим подданным были — с его точки зрения — законны и должны были свято соблюдаться. Александр I, побуждаемый просьбами остальных членов Германского союза, был склонен употребить своё влияние для ограждения интересов второстепенных государств, которым угрожали Австрия и Пруссия; это влияние в случае необходимости могло быть поддержано многими сотнями тысяч солдат.

Открытое сосредоточение русских войск в Польше за последние месяцы 1819 г., казалось, свидетельствовало о его воинственных намерениях, и венский двор осторожно потребовал у него объяснений по этому поводу. Разумеется, он ответил самыми пылкими уверениями в преданности своему верному союзнику императору Францу, но войск не распустил. Собирался ли он действительно напасть на Австрию? Держал ли он свои войска для того, чтобы воспользоваться ими на Востоке, где начинали собираться грозные тучи? Возможно и то и другое. Выжидая момента, когда обстоятельства принудят его действовать, он в декабре циркуляром Нессельроде открыто поощрял южногерманские государства в их оппозиции австро-прусским планам; более того, в январе он без всяких обиняков предложил английскому правительству вмешаться вместе с ним (в германские дела) и оказать помощь тем государям, независимости которых угрожала программа Меттерниха. Вюртембергский король, чувствуя за собой прочную поддержку, не ограничивался тем, что упорно отстаивал свою позицию на совещаниях в Вене, а стал требовать в марте месяце, чтобы решения, которые будут приняты, подверглись ещё раз обсуждению, притом вполне свободному, в союзном сейме. Идя далее, он потребовал даже, чтобы эти мероприятия, являвшиеся дополнением к акту, который был рассмотрен от имени Европы

Венским конгрессом, были тоже представлены на рассмотрение и утверждение всей Европы.

Читая письма Меттерниха, нельзя даже себе представить, с какими серьёзными трудностями ему пришлось бороться на совещаниях в Вене. Этот тщеславный и хитрый дипломат имел привычку вывёртываться из всех затруднений не только при помощи лжи, но и при помощи притворной уверенности, которая не только обманывала его современников, но способна также ввести в заблуждение и потомство. Он усвоил тактику притворяться тем более довольным, чем меньше у него было к тому оснований, и тем более торжествующим, чем сильнее была оппозиция, которую он встречал, и чем большая опасность грозила его политике. Поэтому нельзя принимать всерьёз его бахвальства и тех уверений в своей непогрешимости, которые он расточает себе на каждой странице. Истина заключается в том, что если его проекты были без возражений приняты в Карлсбаде, то в Вене произошло нечто совсем иное. Совещания, на которые вместе с представителями Австрии и Пруссии были приглашены представители и от других германских государств, начались 25 ноября 1819 г. Они закончились только 15 мая 1820 г. принятием *заключительного акта*, который далеко не отвечал ни желаниям, ни надеждам Меттерниха. Британский кабинет, не особенно склонный, по обыкновению, сообразовываться с личными взглядами царя, отклонил приглашение этого государя; озабоченный в это время демократической пропагандой в Англии¹, он не счёл нужным уделять много внимания вопросу о развитии конституционных идей в Германии. Но, опасаясь больше всего конфликта между Австрией и Россией, который мог зажечь пожар на Востоке,

¹ Континентальная система принудила главные европейские государства обходиться без английских продуктов и способствовать развитию национальной промышленности. Кроме того, сельскохозяйственный кризис, вызванный неурожаями 1816 и 1817 гг., особенно сильно свирепствовал именно в Великобритании, где стоявшие тогда у власти торч покровительствовали только крупному землевладению и поэтому противились ввозу хлеба из-за границы, поддерживая цены на хлеб на уровне 60 шиллингов за квартал (около 36 франков за гектолитр). Ввиду этого рабочее население пришло в крайнее возбуждение. Вожди народного движения требовали реформы конституции; некоторые требовали даже введения всеобщего избирательного права. Министерство приостановило действие Habeas corpus — ограничило личную свободу. Эти грубые меры вызвали в различных городах, главным образом в Бирмингеме и Манчестере (в августе 1818 г.), бурные восстания, которые были усмирены с исключительной жестокостью и на которые парламент ответил драконовскими законами в виде «Шести актов» (ноябрь 1819 г.), достойных Карлсбадских постановлений.

британский кабинет счёл нужным секретно побудить Меттерниха к серьёзным уступкам. Эти уступки пришлось, впрочем, сделать также и для того, чтобы Вюртемберг и государство, стоявшие на его стороне, отказались от обращения к сейму и к Европе (апрель 1820 г.). В общем акт 15 мая, превращённый немного позже во Франкфурте в основной закон Германского союза (8 июня), был только пересказом той расплывчатой и столь мало пригодной для создания настоящего правительства конституции, которую германские государи приняли в 1815 г. Правда, в ней было сказано, что никакая конституция не должна противоречить федеральному пакту и умалять суверенитет, повсюду воплощённый в личности государя. Но если этому последнему угодно будет разделить с народом свой суверенитет, то как, спрашивается, можно препятствовать ему в этом? Существующие конституции остались в силе, и было постановлено, что они могут подвергаться изменениям только законными путями. Если мы примем во внимание, что многие из них прямо противоречили тем или иным постановлениям основного закона, то нам будет ясно, что последний в целом ряде случаев лишался почти всякого значения применительно к этим конституциям. Конечно, Заключительный акт предусматривал случаи спора отдельных союзных государств между собой, а также и возможность их сопротивления постановлениям сейма. Но какие меры устанавливал он в предвидении этого? Он не учреждал федерального суда, а предписывал в каждом таком случае применять *аустрегальную* процедуру и столь сложные и медлительные меры по исполнению решений, что они лишь за редкими исключениями являлись сколько-нибудь действенной санкцией. Ни одно немецкое государство не имело права во время войны вступать в соглашение с врагами Союза, но, с другой стороны, нельзя было и самый Союз принудить вопреки его воле помогать Австрии или Пруссии в их частных спорах с иностранными государствами. Наконец, хотя сейм и был объявлен суверенным, но второстепенные государства сумели довести его до полного бездействия и просто смешного бессилия благодаря тому пункту, который требовал единогласия при голосовании всяких мер, касавшихся общих интересов Германии и имевших сколько-нибудь существенное значение¹. Итак, в 1820 г. федеральная конституция могла столь же мало, как и в 1815 г., создать для Германии твёрдое руководство и обеспечить ей вместе с подлинно нацио-

¹ См. выше, стр. 88.

нальными реформами органические законы, которых ей не доставало. В 1815 г. Австрия желала, чтобы Германия не могла двинуться вперёд; теперь она не могла двинуть её ни вперёд, ни назад. Почти полвека эта часть Европы была обречена на такое положение, и не венскому двору суждено было изменить его.

V

Если австрийская политика встречала противодействие в Германии, то в то же самое время русская встречала его в других странах, где царь был особенно заинтересован в борьбе с революцией. В 1819 г. внимание и бдительность Александра были обращены главным образом в сторону Франции. Успехи либерализма в этом государстве причиняли ему беспокойство и приводили его в дурное расположение духа; он даже нисколько не старался скрывать этого. Не смея этого высказать, он в глубине души сожалел о том, что не мог попрежнему иметь первенствующее влияние на тюильрийский кабинет. Герцог Ришелье покинул свой пост в декабре 1818 г. Этот государственный деятель, вернувшись из Аахена, хотел выполнить то моральное обязательство, которое союзные государи и в особенности русский император заставили его взять на себя, а именно изменить избирательный закон 1817 г., слишком, по их мнению, благоприятный для либеральной партии. Но предложение, сделанное им по этому поводу Людовику XVIII, не было принято. Король никогда особенно не любил царя; теперь, когда эвакуация французской территории была окончена, он думал, что может обойтись без его покровительства, и вполне доверился человеку, завидовавшему Ришелье и стремившемуся занять его место. Это был Деказ; он без труда отдалил короля от министра, которого обвинял в чрезмерном подчинении русской политике и в склонности ослабить свою прежнюю твёрдую политику по отношению к *крайним*. Поэтому, когда герцог подал прошение об отставке, Людовик XVIII принял её и составил кабинет, номинальным главой которого был генерал Дессоль¹, а действи-

¹ Дессоль (Жан-Жозеф-Поль-Огюстен, маркиз) родился в Ош в 1767 г.; служил в войсках революции; был начальником дивизии в 1799 г.; адъютант Моро в 1800 г.; попал во время Империи почти в немилость за свою привязанность к этому генералу; министр и генерал-майор национальной гвардии королевства в 1814 г.; пэр Франции, получил титул маркиза в 1817 г.; министр иностранных дел и председатель совета министров (29 декабря 1818 г.); скончался в Париже в 1828 г.

тельным руководителем с самого начала — Деказ¹. Так как последний упрекал Ришелье в чрезмерном стремлении угодить контрреволюции, то, естественно, он должен был примкнуть к противоположной партии. Благодаря ему не только остался в силе действующий избирательный закон², но на основании новых законов была обеспечена в довольно широкой мере и свобода печати³. Прежние слуги империи и даже республики начали снова появляться в довольно большом количестве на административных постах. Эта эволюция французского правительства, без сомнения, не могла не оскорблять царя, дававшего советы в совершенно ином направлении. Но в особенности рассердила его та почтительность и предупредительность, которые проявляло новое министерство по отношению к Великобритании — естественной сопернице России. Ришелье опирался на санкт-петербургский кабинет. Деказ же обращался за советами, а при случае — и за поддержкой, к лондонскому двору. Ещё недавно Поццоди-Борго, посол Александра I, был постоянным советником французского правительства и почти всегда его слушались. Теперь — представитель Англии сделался ближайшим доверенным французского кабинета. Поэтому русский император выказывал несколько раз начиная с 1819 г. своё неудовольствие; но это обстоятельство, повидимому, нисколько не заботило Людовика XVIII. Каподистрия, приехавший в Париж на несколько недель в августе месяце, так же как и Поццоди-Борго, не сумел поссорить короля с его фаворитом. Вскоре новые выборы, как и предшествующие, усилили ли-

¹ Деказ (Эли, герцог) родился в Сент-Мартен-де-Лей (Жиронда) в 1780 г.; адвокат, судья в сенском трибунале (1805), советник при кабинете голландского короля (1807), секретарь особых поручений императрицы-матери и советник при императорском дворе в Париже (1811); перешёл к Бурбонам в 1814 г.; префект полиции (7 июля 1815 г.); сильно покровительствуемый Людовиком XVIII, он был назначен министром полиции в сентябре следующего года; пожалован в графское достоинство в 1816 г.; пэр Франции в 1818 г.; министр внутренних дел (декабрь 1818 г.); председатель совета министров (20 ноября 1819 г.); свергнут «крайними» в феврале 1820 г.; пожалован в герцоги и сделан членом тайного совета; посол в Лондоне (1820—1821 гг.); перешёл на сторону Луи-Филиппа в 1830 г.

В министерстве 29 декабря 1818 г. портфели финансов, юстиции и военный были в руках Луи, де-Серра и Гувьон-Сен-Сира. В министерстве, образованном 20 ноября 1819 г., они перешли к Руа, де-Серру и Латур-Мобуру, а Паскье занял пост министра иностранных дел.

² Несмотря на предложение Бартелеми (20 февраля 1819 г.), потерпевшее неудачу в палате пэров в связи с назначением 73 новых пэров; вскоре после этого (в марте) оно было отклонено и палатой депутатов.

³ Эти законы представляли настоящий прогресс и были вотированы в апреле и мае 1819 г. Они освобождали журналы от цензуры и передавали в ведение суда присяжных преступления по делам печати.

беральную партию, которая насчитывала с этого времени 90 представителей в палате депутатов. К великому негодованию *крайних* и всего Священного союза, в депутаты был выбран член Конвента Грегуар. Враги свободы кричали, что ужасы 1793 г. не замедлят вернуться. Но Деказ не только не был отстранён, но вскоре был даже официально призван на пост председателя совета министров (ноябрь 1819 г.). Большинство изгнанников 1815 и 1816 гг. получило позволение вернуться во Францию. Некоторым из них было даже возвращено звание пэров; другие теперь впервые получили его.

Русский император потерял терпение. Не имея возможности заставить Людовика XVIII считаться с советами России, он решил припугнуть его и в случае надобности принудить. Он формально предложил монархам, принимавшим участие в четверном союзе от 20 ноября 1815 г., коллективно вмешаться во французские дела и убедить короля переменить политику. Хотел ли он довести дело до войны? — Вряд ли. Но если даже дело шло только об оказании морального давления на французское правительство, то и в этом случае политика России не имела никаких шансов быть одобренной другими великими державами. В частности Англия могла только потерять от свержения министерства Деказа. Поэтому она вежливо, но твёрдо отказалась следовать внушениям Александра I и удовольствовалась тем, что посоветовала оказавшемуся под угрозой кабинету сделать некоторые уступки консервативной партии. Австрия, без сомнения, сожалела об успехах либерализма в нашем отечестве и жаждала реакции. Но она, в особенности в этот момент (январь 1820 г.), не хотела ни отделиться от Англии, услуги которой ей были необходимы, ни поддерживать царя и вызвать министерский кризис, который мог вернуть герцога Ришелье на прежний пост. Берлинский двор смотрел в это время глазами Вены. Поэтому русское предложение не имело успеха. Но трагическое происшествие, случившееся как раз в это время, позволило царю отчасти вернуть себе прежнюю позицию, утраченную им при французском дворе. Убийство герцога Беррийского (13 февраля 1820 г.) вызвало в партии *крайних* и даже у многих членов королевской фамилии такое озлобление против Деказа, что старый и больной Людовик XVIII не был больше в силах поддерживать его. Всё же, не желая окончательно отдаться в руки графа д'Артуа и его ретроградной камарильи, король, отказавшись от своего фаворита, заменил его герцогом Ришелье, искренним, но умеренным роялистом, способным, по его мнению, бороться с одинаковой решимостью как

с правой, так и с левой оппозицией. Нечего говорить, что царь приветствовал это решение. Герцог дал ему к тому же полное удовлетворение по вопросу об избирательном законе¹ и старался снова укрепить узы, ещё недавно соединявшие правительства Франции и России и теперь несколько ослабевшие. Совершенно ясно, что Англия без удовольствия узнала о возвращении Ришелье и с этого времени старалась подрывать его авторитет и противодействовать его политике. Что касается Австрии, то, радуясь реакционным мерам, проводимым новым министром, она находила их недостаточными. Она желала видеть у власти *крайних*. Её представитель в Париже старался всеми силами ускорить их приход к власти. Тем временем Меттерних не переставал чрезвычайно ловко доказывать русскому императору, что министерство Ришелье не может гарантировать ему прочный и сильный союз, так как оппозиция *крайних*, с одной стороны, и либералов — с другой, не позволяет ему быть достаточно сильным и заботиться о чём-либо другом, кроме как о сохранении своего собственного положения; что боязнь скомпрометировать себя или перед правыми, или перед левыми никогда не позволит ему решительно принять чью-либо сторону в вопросах иностранной политики. Сам же Меттерних своими коварными советами поддерживал во французском министре ту нерешительность и робость, которые потом он использовал в качестве доводов против него перед царём. Таким образом он предупреждал возможность образования тесного союза, который благодаря взаимной привязанности Александра I и Ришелье мог бы установиться между французским и русским дворами.

VI

С.-петербургский кабинет тщетно старался в это время сделать возможным вмешательство Священного союза в дела Испании; в этом государстве он с 1815 г., как и во Франции, пользовался преобладающим влиянием, и ему ка-

¹ По закону «двойного голосования», принятому в июне 1820 г., созданы были избирательные коллегии двух родов; окружные коллегии, состоявшие из избирателей, плативших 300 франков прямых налогов и выбиравших 258 депутатов, и департаментские коллегии, выбиравшие 172 депутатов; в них участвовали только избиратели, платившие тысячу франков налогов. Последние голосовали в обеих коллегиях; от них, т. е. от аристократии, зависел теперь исход выборов. Кроме того, министерство Ришелье с марта месяца упразднило свободу личности и ограничило свободу печати.

залось, что революция обязательно подорвёт его. Со времени Венского конгресса Александр I всегда стремился привлечь к своей политике и мадридский и парижский кабинеты. Мы видели раньше, с каким жаром он принял сторону испанского правительства в его войне с американскими колониями. Но он не мог достигнуть того, чтобы Англия, а вслед за нею и другие великие державы присоединились к его проекту коллективного посредничества между Фердинандом VII и его заокеанскими подданными. Колонии, тайно поощряемые британским правительством, действовали настолько успешно, что к 1819 г. восстановление власти метрополии стало весьма мало вероятным¹. Испанский король, предоставленный своим собственным силам, т. е. почти не имея таковых, собрал с громадным трудом корпус в 20—25 тысяч человек, который должен был быть его последней картой в борьбе с инсургентами. Его войска, собранные около Кадиса на острове Леон, вынуждены были оставаться там около года, потому что не было перевозочных средств, чтобы доставить их в Америку. Эта длительная задержка дала возможность вождям конституционной партии, имевшей много сторонников в армии, поднять военное восстание, которое вспыхнуло 1 января 1820 г. под предводительством капитана Риго и из далёкой Андалузии вскоре перекинулось на все другие провинции государства. Не прошло и двух месяцев, как вся Испания, возмущённая деспотизмом Фердинанда, была охвачена восстанием, и 7 марта этот монарх, столь же трусливый перед лицом восставшей нации, сколь жесток он был перед покорной, принял, как того желали вожди этого движения, демократическую конституцию 1812 г. и включил в состав министерства патриотов; некоторые из них были перед тем им же самим изгнаны или заключены в тюрьму. С 9 июля собрались свободно избранные кортесы, и в следующие месяцы реакционный, опиравшийся на привилегии строй, который был восстановлен королём и его камарильей после 1814 г., был разрушен до основания.

При первом известии об этих событиях русский император, верный принципу, что всякое восстание незаконно и делает необходимым вмешательство Священного союза, предложил, чтобы пять великих держав объединились для восстановления порядка в Испании посредством дипломатических

¹ Парагвай в сущности стал независимым с 1811 г.; Штаты Лланы — с 1814 г.; Чили — с 1818 г.; Венесуэла и Новая Гренада в значительной мере тоже были независимы со времени победы, одержанной Боливаром при Бояке (7 августа 1819 г.). Испанцы держались, но с большим трудом, только в Перу и в Мексике.

переговоров, а если понадобится, то и военной силой. Это, сделанное в марте, предложение было возобновлено два месяца спустя и повторено ещё несколько раз до конца 1820 г. Царь настаивал на необходимости вмешательства каждый раз с тем большим жаром, что революционная опасность, как ему казалось, усиливалась на полуострове и грозила соседним странам. Если Англия мало поддерживала его во Франции, то она, разумеется, была совершенно не расположена в угоду ему препятствовать развитию революции в Испании, от которой именно она всецело выигрывала. Кэстльри ответил, не без основания, что указанная опасность, по его мнению, не может серьёзно угрожать спокойствию Европы; Священный же союз, без сомнения, принесёт больше вреда, чем пользы Фердинанду VII, если, действуя от его имени, заденет легко уязвимое, как известно, самолюбие испанской нации. Ведь именно таким образом монархическая коалиция в своё время скомпрометировала и погубила Людовика XVI. Английский министр умалчивал о том, что его правительство желало продления смуты на полуострове, так как было убеждено, и вполне основательно, что раздираемая борьбой партий Испания не будет в состоянии снова овладеть своими колониями; именно об этом он и думал. Прибавим, что если вмешательство Священного союза должно было бы привести к военной экзекуции, то последняя могла быть поручена только Франции; лондонский же двор тем менее готов был согласиться на это, что франко-русское влияние, к которому он так ревниво относился, могло бы с лёгкостью распространиться до Португалии, где в августе 1820 г. вспыхнула революция, похожая на испанскую по своему происхождению и по своей программе¹.

Боязнь усиления политического влияния французского правительства объясняется также и та недоброжелательность, с которой венский двор, а за ним и берлинский отклонили предложение императора Александра. Меттерних, конечно, громко осуждал испанскую и португальскую революции, но в конце концов он предпочитал лучше дать им немного развиться, чем позволить Людовику XVIII приобрести в результате их подавления преобладающее значение в Западной Европе. При этом он доказывал царю, что министерство Ришелье не отважится на военную экспедицию по ту

¹ Она была результатом военного восстания, поднятого полковником Сепульведа (в Опорто 24 августа 1820 г.). Овладев этим городом, бунтовщики двинулись на Лиссабон, который отворил им свои ворота, и принудили регентство обещать конституцию, основанную на тех же принципах, что и испанская.

сторону Пиренеев; это обстоятельство было ему тем более хорошо известно, что он сам коварно отговаривал французский кабинет от такой экспедиции. Последний, несмотря на желание снова укрепить франко-русское согласие, боялся вызвать своим явно реакционным вмешательством в дела Испании революционное восстание во Франции, где в это время (август 1820 г.) тайные общества доказывали свою жизнеспособность опасными заговорами¹. Словом, Священный союз, казалось, не был в состоянии подавить революционный дух ни в Испании, ни во Франции, так как ни в том, ни в другом из этих государств он не обнаруживал единства мнений и спаянности, необходимых для обеспечения успеха.

VII

Если Священному союзу удалось добиться больших успехов в Италии, где свободомыслящая партия проявляла в то время весьма энергичную деятельность, то это объясняется тем, что вмешательство в итальянские дела было осуществлено великой державой, исполненной решимости действовать и не встречавшей серьёзного противодействия со стороны других государств. Припомним, что трактаты 1815 г. вернули Австрии не только преобладающее, но почти что суверенное положение на Апеннинском полуострове². На этом полуострове, как и в Германии, шло глухое брожение среди нации, обманутой в своих надеждах коалицией, которая призвала её в 1814 г. к оружию. Отдельные мелкие деспоты, люди без разума и без чести, бывшие рабами Австрии и тиранами своих подданных, восстановили на всём пространстве от Альп до Адриатики и Мессинского пролива уже устаревшие учреждения, противоречившие духу времени. В Италии, как и в Испании, а пожалуй, ещё больше, чем в Испании, тайные общества были в почёте, а заговоры, умножаясь с каждым днём, свидетельствовали о пробуждении нации, считавшейся Меттернихом надолго усыпленной. Испанская зараза добралась прежде всего до неаполитанцев, и они первые подали пример восстания. 2 июля 1820 г. несколько полков, расположенных в Ноле и в Авеллино, провозгласили (как и на острове Леон) конституцию 1812 г. Старый король

¹ А именно военным заговором 19 августа, вождями которого были малоизвестные офицеры, но инициатива которого шла от очень влиятельных лиц и в частности от генерала Лафайета.

² См. выше, введение и главу I.

Фердинанд, дрожа от страха, ещё поспешнее, чем его племянник, принял её, отдал власть в руки карбонариев, облачился в их эмблемы и покаялся на библии уважать права своего народа. Но его коварство во всяком случае не уступало коварству испанского короля; и если последний, несмотря на данную клятву, тайно призвал на помощь Россию, то Фердинанд неаполитанский, также вопреки своей клятве, вскоре же стал непрестанно обращаться к Австрии.

Венский двор ни минуты не колебался; он не без основания полагал, что неаполитанская революция являлась исходной точкой национального восстания, которое могло скоро охватить всю страну до Альп и которое, очевидно, имело своей основной целью освобождение полуострова от всякой иностранной зависимости. Поэтому нужно было как можно скорее подавить его. В августе и сентябре австрийские войска стали наводнять Ломбардо-венетское королевство. Меттерних не скрывал того, как именно он хотел их использовать; он тем более открыто говорил о правах своего монарха, что король Обеих Сицилий по трактату 1815 г. обязался не давать своим подданным конституции без согласия Австрии. Но как решительно ни проводил своих планов министр Франца I, он всё-таки не рискнул приняться за дело, не удостоверившись предварительно в том, как относятся великие державы к подобному предприятию. Он серьёзно опасался, как бы французский двор, тесно связанный с Неаполем династическими узами и ревниво относившийся к австрийской гегемонии в Италии, не вздумал либо отнять у Австрии выгоды, проистекающие от исключительного права на вмешательство, предложив ей своё содействие, либо уничтожить возможность этого вмешательства, предложив себя в качестве посредника между королём Фердинандом и его подданными. На деле оказалось, что этот последний план и был принят министерством Ришелье. Французский кабинет, действительно, не решился предложить своё вооружённое содействие контрреволюции в Италии. Он боялся, что либеральная партия во Франции ответит на такую политику восстанием. Но он не мог поддерживать и нового неаполитанского правительства из страха, как бы «ультра-роялисты» не обвинили его в якобинстве. (Впрочем, он и сам не собирался это делать.) Кабинет Ришелье не мог, однако, остаться безучастным, ибо тогда и ультра-роялисты и либералы осыпали бы его упреками за то, что он лишает Францию всякого престижа и влияния. Поэтому он старался склонить неаполитанцев к такому добровольному изменению своей конституции, чтобы король мог принять его без зад-

ней мысли и чтобы царь признал её примиримой с его монархическими принципами. Подобный результат был бы для правительства Людовика XVIII большим и почётным успехом. Но именно поэтому австрийский кабинет стал изо всех сил противодействовать плану Ришелье. Чтобы не дать ему осуществиться, Меттерних не придумал ничего лучшего, как передать, для вида, итальянский вопрос на обсуждение союза пяти держав и просить у последнего полномочий действовать, в чём при данных обстоятельствах союз не мог ему отказать. Таким образом, он являлся бы исполнителем желаний Европы, и никакое правительство не осмелилось бы противодействовать его планам. Эта мысль и повела к созыву конгресса в Троппау, который открылся 25 октября 1820 г. На этот конгресс явились кроме полномочных представителей великих держав австрийский и русский императоры и прусский король.

Троппауский конгресс, продолжавшийся два месяца, был довольно серьёзным испытанием для дипломатического искусства австрийского министра. Но Меттерних привык лавировать между опасностями; если он не всегда умел заглядывать далеко вперёд, то во всяком случае он отличался удивительным искусством обходить затруднения, стоявшие перед ним в данный момент.

Из четырёх держав, приглашённых Австрией в Троппау, только со стороны Пруссии не ожидалось особенных препятствий. У Франции не было достаточной свободы действий, для того чтобы одной занять явно враждебную позицию против венского кабинета и решительно загородить ему путь. Но она могла стать между двумя остальными державами и воспользоваться их неизбежными разногласиями. Россия и Англия, в самом деле, явились на этот конгресс с трудно примиримыми планами. Император Александр I, всё больше и больше увлекавшийся своей любимой идеей, держался того мнения, что неаполитанский вопрос, как и всякий другой, подлежащий — теперь или в будущем — рассмотрению Европы, должен быть передан на обсуждение великого союза. В согласии с политическими принципами, которые он уже давно отстаивал, он находил как нельзя более справедливым, чтобы европейский концерт вмешался в неаполитанские дела и в случае необходимости силой уничтожил конституцию, явно навязанную монарху мятежниками. Но Александр I считал нужным воспользоваться этим случаем ещё и для того, чтобы провозгласить во всеуслышание право Священного союза, которого до тех пор никто не осмелился формулировать публично, осуществлять полицейскую власть

по всей Европе и неограниченно вмешиваться во внутренние дела всех государств всякий раз, когда, по мнению Священного союза, этого потребует соблюдение трактатов и поддержание морального порядка, вытекающего из них. Поэтому Александр I требовал прежде всего, чтобы конгресс признал это право как высший и неизменный закон в декларации, исключаяющей всякие сомнения. Полномочие же австрийской армии идти на Неаполь должно было быть только применением этого общего принципа. С другой стороны, так как он ещё отнюдь не был приверженцем абсолютной реакции в том виде, как её не переставал проповедывать ему Меттерних, и так как некоторые из его министров (в частности, Каподистрия, сопровождавший его в Троппау)¹ удерживали его в состоянии какого-то полулиберализма, то он не соглашался взять на себя роль притеснителя народов. Он хотел, чтобы Священный союз вооружился для защиты монархов против мятежа, но он заявлял вместе с тем, что Священный союз вовсе не заключён для того, чтобы подавлять вольности, добровольно дарованные монархом; если он в данном случае и соглашался на то, чтобы Австрия вооружёнными силами уничтожила конституцию, созданную в результате мятежа, то он ставил условием, чтобы король Фердинанд, когда он вернёт себе суверенную власть, даровал своим подданным умеренную конституцию.

Эта фантазия царя сильно мешала Меттерниху. Лично он не допускал возможности иного образа правления, кроме

¹ «Недавно, — писал Меттерних 8 августа 1820 г., — император Александр I признался в следующем: «С 1814 г. я ошибался относительно общественного настроения; то, что я считал правильным, — я сегодня нахожу ложным. Я делал много зла, но я стараюсь его исправить». Меттерних констатировал, что Каподистрия оказывает на Александра I большое влияние. «Новости, сообщённые мне Лебцельтерном, — читаем мы в его переписке (14 октября), — и превосходны, и неприятны. Превосходно настроение императора; неприятна та путаница, которую Каподистрия вносит во все мои предложения...» Когда русский министр прибыл в Троппау, Меттерних имел с ним продолжительные беседы. Он старался склонить его на свою сторону, не достиг этого и злился. «Он уже уехал! — писал он 29 октября. — Он преподнёс мне пространное рассуждение о гражданском обществе. Он говорил о его артериях и каналах, о его силах и слабостях, о его чувствительных струнах и о его составных частях... Чорт меня побери, если я не знал всего этого в двенадцать лет!.. Ограниченный ум есть не что иное, как ограниченная глупость...» Со своей стороны, Генц (в депеше 30 октября) утверждал, что царь хотя и сильно исправился, но всё же ещё не совсем отрёкся от своих либеральных идей. Что же касается Каподистрии, то Генц называл его извращённым умом. Он бредил «о более совершенном порядке вещей, осуществляемом при вполне развращённом поколении», и «ещё не исправился в такой мере, как его августейший монарх».

абсолютизма, и поэтому имел твёрдое намерение восстановить таковой в Неаполе. Что касается принципиальной декларации, предложенной Александром I, то он находил её ненужной и опасной; он считал, что она могла бы только возбудить революционные страсти во всей Европе. Кроме того, её существенным недостатком в глазах австрийского канцлера являлось то обстоятельство, что её категорически отвергала Англия. Политика британского кабинета была диаметрально противоположна политике царя. К слову сказать, она была и менее честна. Кэстльри, подобно своему шефу Ливерпулю и большинству своих товарищей, питал глубокую ненависть к революции. Он не собирался бороться с парламентским образом правления в Англии, но в то же время он не имел ни малейшего желанья вводить его в остальной Европе. В 1815 г. он без сожаления бросил на произвол судьбы сицилийскую конституцию 1812 г., бывшую делом рук Англии¹; что же касается неаполитанской конституции 1820 г., то он столь же открыто, как и Меттерних, порицал её. Он заявлял, что, по его мнению, высказанное Австрией желание восстановить *manu militari* — вооружённой рукой — порядок в Общих Сицилиях было согласно не только с трактатом 12 июня 1815 г., но также и с необходимостью подавить движение, компрометирующее законную власть императора Франца I в Италии: венскому двору угрожает непосредственная опасность; берясь за оружие, он только защищается. Неаполитанский вопрос представляет интерес для Вены, но только для неё... одной. Пусть Австрия сама расправляется со своими врагами; Англия не будет ставить этому никаких преград; если бы аналогичная опасность грозила Англии, британское правительство поступило бы точно так же. Австрии нет даже надобности просить у кого-либо разрешения; ни Великобритания, ни остальные державы не призваны дать ей таковое. Исходя из этих основных положений, Кэстльри протестовал против желанья провозгласить общим и неизменным законом принцип вмешательства, несколько не связанного, по его мнению, с сущностью пятерного союза. Пять главных европейских держав соединились для обеспечения территориального равновесия, установленного трактатами 1815 г.; что же касается морального равновесия и преобладания того или другого образа правления внутри государств, то этот вопрос не подлежит рассмотрению, по крайней мере в столь общей форме. Некоторые случаи предусмотрены; например принято

¹ Она была навязана королю Фердинанду лордом Бентингом, который в то время был настоящим диктатором Сицилии.

обязательство—не допускать возведения снова династии Наполеона на французский престол. Но вне этого конкретного случая право коллективного вмешательства не существует. Каждая держава сама является судьёй своих интересов и того положения, которое она должна занять по отношению к соседям, когда, по её мнению, их внешняя политика нарушает эти интересы. Но нельзя допустить, чтобы Священный союз а priori принял на себя обязательство поддерживать во всех возможных случаях и во всех странах именно данные политические теории против других теорий. Ни одна нация, достойная этого имени, не согласится на то, чтобы иностранцы вмешивались в её внутренние дела во имя отвлечённых принципов. Англия, например, никогда не позволит, чтобы у неё требовали отчёта в том, какими законами она управляется. Словом, Англия согласна на то, чтобы Австрия действовала в Неаполе на свой страх. Но она ни за что не согласится подписать декларацию, предложенную царём.

Позиция, занятая английскими министрами, была довольно ловким тактическим приёмом. Парламентский образ правления, которому они служили, и либерально-демократическая агитация, которой как раз в этот именно момент (в конце 1820 г.) сопровождалось восшествие на престол непопулярного Георга IV¹, заставляли их отклонить от себя всякую внешнюю солидарность с политикой, результатом которой был бы постоянный крестовый поход монархов против народов. Поэтому в теории они громко протестовали против идей Священного союза. К тому же они не могли согласиться с программой, на основании которой русский император не преминул бы сделать вывод о необходимости и правомерности военного вмешательства в испанские дела; этого они ни под каким видом не хотели допустить. Но в то же время им хотелось, чтобы Австрия устроила контрреволюцию в Неаполе, ибо, по их мнению, для Англии было очень важно не допустить возрождения французского влияния в Италии.

Столкновение этих русских и английских теорий ставило французских министров в очень затруднительное положение. Конституционные начала, официальными защитниками кото-

¹ Общественное мнение упрекало его в том, что он изменил друзьям своей молодости—вигам, и примкнул к партии тори, которую тогда ненавидел. Его беспутная жизнь уже давно навлекла на него презрение нации. К тому же он имел глупость возбудить против своей жены, королевы Каролины, скандальное судебное дело, которое ещё более увеличило ненависть к нему в больших городах и в особенности в Лондоне.

рых они являлись в силу хартии, запрещали им допустить неограниченное право вмешательства в том виде, как его отстаивал Александр I. Но вместе с тем они боялись обидеть царя своей оппозицией и сделать невозможным заключение франко-русского союза, к которому они так стремились. Они хотели воспрепятствовать полному уничтожению парламентского образа правления в Неаполе. Но для этого им нужно было содействие Англии, а его-то они и не имели.

Все эти несогласия во взглядах и интересах привели на конгрессе в Троппау к следующим результатам: Англия и Франция объявили (первая очень категорично, вторая в более неопределённых и смягчённых выражениях), что они не могут присоединиться к предложенной русским императором принципиальной декларации. Их представители, однако, продолжали присутствовать на совещаниях; но для того чтобы не обнаруживать несогласия, которое могло бы быть гибельным для Священного союза, было решено, что конгресс не будет публиковать официальных протоколов. Так как представители двух несогласных держав ничего не хотели подписывать, то только три державы из пяти (а именно: Австрия, Пруссия и Россия) принимали решения. Меттерних, для того чтобы добиться от царя *carte blanche* (свободы действий) в отношении неаполитанской конституции, выставил по поводу декларации несколько таких требований, которые заведомо должны были не понравиться Александру I. Он требовал, например, чтобы право вмешательства было установлено даже по отношению к тем государствам, в которых монархи добровольно сделали уступки революции (он имел в виду баденского, баварского и вюртембергского монархов, находившихся под покровительством Александра I). В конце концов русский император, несмотря на присутствие Каподистрии, подпал в Троппау, как и в Аахене, под реакционное влияние Меттерниха¹ и согласился на то, чтобы венский двор восстановил в Неаполе неограниченную монархию, поставив условием только проведение некоторых административных реформ. За эту цену Австрия сделалась уступчивее в вопросе о содержании декларации.

¹ Австрийский министр, изображая ему положение, создавшееся в Испании, Франции и Италии, в самых мрачных красках, указывал со свойственным ему преувеличением, что повсюду якобинская революция ведёт атаку против тронов. В особенности подействовал он на него тем, что изобразил незначительное военное восстание, только что имевшее место в С.-Петербурге, в виде угрожающего симптома общей агитации, проникшей, по его мнению, уже и в Россию.

Декларация, подписанная 13 ноября¹ представителями Австрии, России и Пруссии, была, с комментариями, объявлена Европе в русском циркуляре 8 декабря. Вот наиболее знаменательные места его:

«В тех случаях, когда в государствах, принимающих участие в европейском союзе, образ их внутреннего правления будет изменён путём восстания и когда это изменение будет представлять опасность для других членов союза,— эти государства будут исключены из числа участников на всё время, пока их состояние не будет представлять гарантии порядка и устойчивости.

Союзные державы не только будут заявлять открыто о таком исключении, но кроме того,— оставаясь верными провозглашённым ими принципам и уважению к власти законного правительства и его свободной воле,— они обязуются отказываться в признании перемен, происшедших незаконным путём.

Когда государства, в которых произойдут подобные перемены, будут угрожать другим близлежащим державам неминуемой опасностью и когда державы будут в состоянии оказать на них благотворное влияние,— союзники употребят для возвращения их в лоно союза сначала дружественные меры, а затем принудительную силу, поскольку применение таковой будет неизбежным».

Этот манифест, излагавший в столь грозных выражениях ту политику, которую общественное мнение с первого же дня приписывало Священному союзу, наделал в Европе очень много шума: стало ясно, что существует намерение предпринять противореволюционный крестовый поход и что три наиболее грозные державы соединились именно для того, чтобы обеспечить его исполнение. Но не остались незамеченными и протесты, которыми английское правительство сочло нужным ответить на эту принципиальную декларацию (19 декабря—16 января). Две ноты, которые Кэстльри посвятил опровержению троппауских доктрин, давали ясно понять, что британский кабинет питает непреодолимое отвращение к теории вмешательства. Даже французское министерство и то должно было объявить (в феврале 1821 г.), что король Людовик XVIII мог бы присоединиться к вышеупомянутому манифесту не иначе, как с оговоркой о своих парламентских обязательствах. Вся Европа знала, что, несмотря на протест, кабинет Ливерпуля не помешает делу контрреволюции в Неаполе и что герцог Ришелье, несмотря

¹ Во французском оригинале ошибка. Декларация была подписана не 13, а 19 ноября. — *Прим. ред.*

на своё тайное желание, также не будет ему серьёзно противодействовать; но во всяком случае стали поговаривать, что различие взглядов, обнаруженное при этом обмене дипломатическими нотами, рано или поздно приведёт европейский концерт к полному бессилию. В тот день, когда либеральная партия и в Париже, и в Лондоне придёт к власти, она будет говорить так же, как Кэстльри и как Ришелье, но при этом будет сообразовывать свои поступки со своими заявлениями, а серьёзного противодействия двух таких держав, как Англия и Франция, будет достаточно для сведения Священного союза на-нет.

VIII

Между тем Меттерних в точности проводил свою программу. В Троппау было решено перенести конгресс в Лайбах (Любляну), т. е. ближе к Италии, и пригласить неаполитанского короля приехать туда для переговоров с союзниками о способах восстановления порядка в его государстве. Неаполитанский парламент поступил бы благоразумно, если бы не позволил своему монарху, подготавливавшему измену, ехать на конгресс или же постарался показать неправоту Австрии, последовав советам Франции, которая убеждала его изменить конституцию 1820 г. в более монархическом духе. Он не сумел сделать ни того, ни другого. Конституция была объявлена не подлежащей изменениям, а королю дано было разрешение покинуть Неаполь после того, как он в двадцатый раз поклялся сохранить ей верность. Старик Фердинанд заплатил за это доверие тем, что, едва приехав в Ливорно (16 декабря), поспешил отказаться от всех своих обещаний и самым подлым образом стал просить вооружённой помощи Священного союза против своих подданных. В первой половине января он явился в Лайбах, где Меттерниху с большим трудом удалось убедить его, что если он не желает опозорить себя перед всей Европой, то он должен соблюдать в речах некоторую осторожность по отношению к неаполитанской конституционной партии, перед которой он ещё недавно заискивал. Для него составили в приличной форме письма, в которых он извещал своего сына, оставленного регентом Обеих Сицилий, о намерениях Священного союза и убеждал свой народ подчиниться его требованиям. После этого остальные итальянские монархи были для виду допущены на конгресс и все, за исключением лишь одного¹,

¹ Папский легат Спина объявил, что его монарх, *наместник бога мира*, не желает «принимать участия ни в каком деле, могу-

одобрили австрийскую программу. Австрия предложила, или, вернее, навязала, своему жалкому союзнику схему государственной организации (в феврале)¹, и тот, всё ещё дрожа от страха, медленно направился к своей столице с таким расчётом, чтобы австрийские солдаты прибыли туда гораздо раньше него.

Результат кампании с самого начала не вызывал сомнения. В начале марта экзекуционная армия приблизилась к неаполитанским границам; после короткой стычки она рассеяла у Риети 7 марта конституционные войска. Две недели спустя она вошла в Неаполь, где под её покровительством разразилась реакция ещё более жестокая, чем в 1799 г.² Конгресс был официально закрыт. Монархи и их министры условились снова собраться около сентября месяца следующего года, вероятно, во Флоренции, для обсуждения итальянских дел и для принятия необходимых мер. А пока они решили остаться в Лайбахе до полного восстановления порядка в Обеих Сицилиях. И в этот момент, ещё до окончания маленького неаполитанского похода, два новых очень важных известия почти одновременно опять возбудили и даже увеличили их беспокойство: с одной стороны, они узнали, что в Пьемонте военный заговор также приведёт к провозглашению конституции; с другой стороны, им сообщили, что князь Ипсиланти с вооружёнными силами проник в Дунайские княжества и призвал всех греков к восстанию против Турции.

И действительно, пьемонтские патриоты, столь же плохо управляемые Виктором-Эммануилом I, как и неаполитанцы — Фердинандом Бурбонским, сочли возможным воспользоваться тем временем, когда австрийская армия углублялась на юг полуострова, для того чтобы впервые провоз-

гласить у себя свободу. После отречения короля от власти, которую он передал своему брату Карлу-Феликсу, и во время отсутствия последнего Санта-Роза¹, Лизио и Колленьо², завладев 12 марта Алессандрией и Туринном, принудили регента Карла-Альберта, тайно склонявшегося к их партии, провозгласить испанскую конституцию 1812 г. Их единомышленники стали возбуждать умы в Центральной Италии, а несколько случаев народного мятежа, отмеченные немного позже по ту сторону Альп³, дали повод думать, что Франция тоже начинает подниматься. Без сомнения, Австрия была достаточно сильна для того, чтобы оказать сопротивление Турину одновременно с Неаполем. Но что будет, если в то время, как она употребит большую часть своих сил на подавление итальянского восстания, Оттоманская империя падёт под ударами партии, явно поощряемой Россией? Не будет ли это и для Австрии и для всей Европы началом кризиса, способного разрушить в течение немногих месяцев всё политическое здание, с таким трудом сооружённое в 1815 г.?

Нельзя было сомневаться в том, что царь и его министр Каподистрия были главными зачинщиками волнения, которое проявлялось в этот момент почти на всём Балканском полуострове; недаром Россия уже пять лет поддерживала с Турцией открытый спор относительно некоторых недостаточно ясных условий Бухарестского трактата. Было известно также, что за последние годы греческая *гетерия* получала в России сильное развитие; это развитие гетерии сопоставляли с поездкой Каподистрии на Ионические острова, предпринятой им в 1819 г., и с вызванными ею волнениями⁴;

и считает необходимым остаться нейтральным во избежание *внесанного нападения* со стороны неаполитанцев.

¹ Согласно этой программе король должен был учредить две *государственные консульты* (одну для неаполитанской территории, другую — для Сицилии), провинциальные советы, муниципальные советы и пр. Конечно, члены этих комиссий должны были быть назначаемы им самим. Какая бы то ни было мысль о парламентаризме и конституционных вольностях была устранена. На вопрос французского уполномоченного Ла-Ферронэ о том, возможно ли по возвращении Фердинанда в свои владения изменение предписанного ему образа правления, Меттерних холодно ответил, что это не будет допущено, так как итальянские державы «не потерпят создания учреждений, несовместимых с их спокойствием».

² После падения Партенопольской республики, основанной французами в 1799 г. Вызванная Лайбахским конгрессом реакция пролила потоки крови в Обеих Сицилиях. Ещё в 1822 г. было вынесено несколько сотен смертных приговоров.

¹ Санта-Роза (граф Санторре) родился в Савильяно в 1783 г.; офицер пьемонтской армии, супрефект Специи (1812); занял после 1815 г. важную должность в военном министерстве в Турине; главный зачинщик мартовского восстания 1821 г.; приговорён к смертной казни; скрывался в Испании, во Франции и затем в Англии; волонтёр греческой армии (1824); убит турками на острове Сфактерия 8 мая 1824 г.

² Колленьо (Джасинто-ди-Прована) родился в Турине 4 июня 1794 г.; артиллерийский офицер во время Империи; вернулся в Турин после 1814 г.; шталмейстер Карла-Альберта, в то время князя Савойско-Кариньянского; замешан в революции 1821 г.; волонтёр в Греции, затем в Португалии и Испании; профессор геологии в Бордо, затем во Флоренции (1841); военный министр в Ломбардии (1848); сардинский посланник в Париже (1852); умер 29 сентября 1856 г.

³ Особенно в Гренобле (18—20 марта 1821 г.).

⁴ Этот министр, получив от царя после Аахенского конгресса отпуск, поехал на Корфу. Его пребывание на этом острове, с одной стороны, возбудило немало надежд у греков и, с другой стороны, побудило население Ионических островов к сопротивлению английскому управлению, носившему в то время крайне притеснительный характер. Немного позже вспыхнуло народное восстание в Сент-Море.

известно было и то, что греческие эмиссары за два года до этого приезжали к царю с просьбой назначить им предводителя и подать сигнал к восстанию. Было очевидно, что Александр Ипсиланти, генерал-майор русской службы, уже в начале месяца 1820 г. уехавший в Кишинёв с целью организовать нападение на Оттоманскую империю, мог покинуть Бухарест и заняться военными приготовлениями не иначе, как с молчаливого, по меньшей мере, согласия императора. В первой его прокламации содержались знаменательные строки: «Если бы несколько отчаянных турок соединились набег на вашу территорию, то не пугайтесь, ибо мы ждем, когда придет наготове и покарает их».

В общем создавалось впечатление, что Александр I с глубоким макиавеллизмом собирался наложить свою руку на Оттоманскую империю, воспользовавшись тем моментом, когда державы, заинтересованные в том, чтобы помешать ему, будут всецело заняты движением на западе.

На деле же царь был менее вероломен, чем это можно было думать. В другое время он ничего не имел бы против предприятия, которое Ипсиланти собирался вызвать в Турецкой империи; но теперь он не мог отделаться от мысли, что последний рывок для своей экспедиции крайне неблагоприятный момент. Адаптировать к чувству лояльности Александра I было не бесполезно. Меттерних весьма легко добился от него порицания того необдуманного предприятия, которое само по себе могло казаться результатом весьма правильного расчета с обеих сторон или со стороны его министров; он убедительно напомнил, что было бы недостойно подвергать опасности всю Европу, раз он только что перед тем поклялся обеспечить ей мир; в частности, что это было бы особенно вероломно по отношению к Австрии, так как она именно теперь рисковала всеми своими силами для того, чтобы предотвратить в Европе революционную чуму. Дело же идет о предельном восстании не в одной только Пьемонте; Франция также эканцелярше революции и Министерство Ришелье неспособно удержать её от того, что само возникло в этом; ещё недавно в Лайбахе, несмотря на повторные настояния Фердинанда II, оно отказалось провести контрреволюцию в Испании именно потому, что всякая попытка такого рода приведёт в Париже и в провинциях к вышше, могущей оказаться губительной для предводителя Людовика XVII. Эта попытка чуждым не лежит ли ввиду такой опасности на великом коударомонолателе Священного союза, которая объявляет войну от всяких новых союзников, чтобы они не поддались влиянию, сильно подействовали на Александра I. Он объявил себя излеченным от всяких либераль-

ных фантазий; он поклялся употребить имеющиеся в его распоряжении грозные силы исключительно на борьбу с революционным чудовищем во всех его видах и где бы оно ни появлялось; он даже предложил отправить на помощь Австрии сто тысяч войска для действий в Италии и на Альпах. С другой стороны, для того чтобы доказать свою добросовестность, он объявил в дипломатических документах, получивших широкую огласку (март, апрель 1821 г.), что он не принимает никакого участия в предприятии Ипсиланти, осудил его как безрассудное и порицал греков, называя их мятежниками, взявшимися за оружие только из революционных побуждений и не заслуживающими с точки зрения монархов никакого сочувствия. Словом, видно было, что он готов на всё, лишь бы только снять с себя ответственность за события, которые в этот момент разыгрывались на Востоке.

Действуя и рассуждая так, не руководился ли он какой-либо задней мыслью? Дальнейшие события заставляют усомниться в этом. Царь в сущности не отказывался извлечь впоследствии выгоды из восточного кризиса и надеялся, что Австрия в награду за теперешнюю его уступчивость станет потом сговорчивее относительно Оттоманской империи. Венский двор, может быть, поддерживал в нём такое убеждение, а пока он поспешил использовать доброе расположение царя. Он, впрочем, не нуждался в предложенных Александром I ста тысячах солдат, уже готовых к походу. Пьемонтская революция была подавлена ещё скорее неаполитанской. Призванные Карлом-Феликсом австрийцы после незначительной битвы при Новаре (8 апреля) вошли в Турин; вскоре сардинскую территорию на довольно продолжительное время; другой договор разрешал им пребывание в Неаполе. Таким образом, вся Италия была подчинена их воле, и режим самовластия, являвшийся в глазах Меттерних идеалом правления, мог снова беспрепятственно утвердиться в этой стране.

Монархи и их министры покинули Лайбах в мае месяце 1821 г. Циркуляр, подписанный тремя державами, являвшимся отныне выразителями подлинного духа Священного союза, пространно объяснил Европе, что этот союз существует только для её блага; что во время последних событий он имел в виду исключительно соблюдение трактатов и общего мира и благополучие народов, что, впрочем, он всегда будет считать себя вправе вмешиваться для защиты законной власти против мятежников, ибо «полезные и необходимые изменения в законодательстве и управлении

государствами должны исходить только от доброй воли и из рассудительного и просвещённого побуждения тех, кого бог сделал ответственными за власть».

Таким образом, была открыто объявлена война принципам 1789 г., и может быть, три северные державы добились бы временного осуществления своей программы, если бы восточный кризис, — о первой стадии которого мы только что говорили и к дальнейшему изложению которого мы теперь приступим, — не вызвал разногласий между ними и не заставил их надолго отказаться от всякого совместного действия¹.

¹ Источники: *Blanchi*, Storia documentata della diplomazia Europea in Italia (1815—1861); — *Bignon*, Du Congrès de Troppau; — *Caftù*, Della Indipendenza italiana, t. II; — *Castlereagh*, Correspondence; — *Colletta*, Histoire du royaume de Naples depuis Charles VI jusqu'à Ferdinand IV (1734—1825), t. IV; — *Costa de Beauregard*, La Jeunesse du roi Charles-Albert; — *Cornwall Lewis*, Histoire gouvernementale de l'Angleterre depuis 1770 jusqu'à 1830; — *Deventer* (van), Cinquante années de l'histoire fédérale de l'Allemagne; — *Gentz* (F. de), Dépêches inédites, t. I; — *Gervinus*, Histoire du XIX siècle, t. IX, X, XI, XII, XVI et XVII; — *Gordon*, History of the Greek revolution; — *Hardenberg*, Mémoires; — *Hyde de Neuville*, Mémoires et Souvenirs, t. II; — *Hubbard* (G.), Histoire contemporaine de l'Espagne, t. II; — *Juchereau de Saint-Denis*, Histoire de l'empire ottoman; — *Lesur*, Annuaire historique, années 1818—1821; — *Metternich* (prince de), Mémoires, documents et écrits divers, t. III; — *Martignac* (de), Essai historique sur la révolution d'Espagne; — *Pradt* (de), L'Europe après le congrès d'Aix-la-Chapelle; — *Saint-Marc-Girardin*, Les Origines de la question d'Orient (Revue des Deux Mondes 1-er mai 1864); — *Soutzo* (Alexandre), Histoire de la révolution grecque; — *Vaulabelle* (Ach. de), Histoire des deux Restaurations, t. V; — *Viel-Castej* (baron de), Histoire de la Restauration, t. VII, VIII, IX, X, etc.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ОТ ЛАЙБАХА ДО ВЕРОНЫ

I. Пиренейский полуостров и вопрос о колониях в 1821 г. — II. Греческий вопрос и русские ноты. — III. Ганноверское свидание и Венская конференция. — IV. Распространение революции в Испании, Португалии и Америке. — V. Планы великих держав при открытии конгресса в Вероне. — VI. Веронский конгресс и испанские дела. — VII. Остальные вопросы, которые рассматривались в Вероне. — VIII. Моральное насилие над Францией; конец конгресса.

(1821—1822)

Две великие европейские державы — Франция и Англия — объявили себя в Лайбахе не согласными с политикой Священного союза; первая — весьма робко, вторая — с большей твёрдостью. Однако ни та, ни другая не решилась на фактическое противодействие этой политике. События, о которых мы будем говорить в настоящей главе, содействовали возвращению парижского кабинета на некоторое время к политике трёх северных монархов; но, с другой стороны, эти же события сделали окончательным и бесповоротным разрыв Великобритании с их политикой.

В середине и в конце 1821 г. Меттерних, несмотря на свои недавние удачи и на свойственную ему высокомерную уверенность¹, отнюдь не был спокоен и не скрывал от себя, что

¹ Можно себе составить некоторое представление о его высокомерии, перечитывая его переписку за 1821 г. (т. е. во время и после конгресса). «Я никогда не был более счастлив, — пишет он, — чем при настоящих обстоятельствах, потому что я достиг теперь разумного возраста и уверен, что не наделаю ошибок... Я сделался бесстрашным и боюсь ошибиться только насчёт того, что справедливо и полезно... Мои враги должны находить меня очень неудобным для себя... Впервые за тридцать лет начата открытая борьба со злом, которое до сих пор изображали слабому человечеству как первейшее из благ... Я принадлежу к тому разряду людей, которые живут не столько для настоящего, сколько для будущего... я постоянно думаю о будущем: я глубоко убеждён, что больше рискую ошибиться насчёт настоящего, чем насчёт будущего». «Может быть, — прибавляет он, — какой-нибудь порядоч-

общее спокойствие и в частности спокойствие монархов ещё весьма мало обеспечено. «Как много нам ещё остаётся сделать!» — пишет он в это время одному из доверенных лиц¹. И действительно, революция вовсе ещё не была побеждена. Австрия, правда, сдерживала её в Италии, но только ценой военной оккупации, которая приковывала к этой стране её лучшие войска и в связи с этим мешала ей действовать в других местностях. В Германии некоторые монархи ещё смело защищали парламентские учреждения, дарованные ими своим подданным. В некоторых местах возрождалось демократическое движение и движение в пользу национального объединения. Новые тайные общества (Меннербунд, Югендбунд и др.)² объединяли университетскую молодёжь во имя свободы. Иена, Дармштадт и Штутгарт снова становились центрами деятельной пропаганды, находившей поддержку в Швейцарии, где скрывались писатели и заговорщики, наиболее опасавшиеся Майнцской комиссии³. Смелые

ный человек отыщет моё имя и поведает в 2240 г. миру, что и в далёком прошлом жил человек, менее ограниченный, чем большинство его современников, вообразивших в своём тщеславном самообольщении, что они достигли апогея цивилизации...» К концу конгресса, радуясь своей победе, он писал: «Либералам придётся повопить; я заранее наступаю на ноги. Говорили, например, что мы не посеем напасть на неаполитанские «вольности» и что в противном случае мы будем разбиты. Жалкие люди! Революции приелись, и скоро мода на них пройдёт, как и мода защищать добродетель английской королевы Каролины.. Они станут *беспочвенными*, будут походить на заигрывание старых кокеток... Мы совершили работу, под которой подпишется, не краснея, всякий честный человек... Нами сделано хорошее и великое дело».

¹ «Произошло чрезвычайно благодетельное для нас событие. Оно даёт нам возможность продолжать нашу жизнь... Но мы ещё не вышли ни на один шаг за *пределы этой возможности*. Зло достигло колоссального развития. Общественное мнение совершенно развращено. Я сошлюсь хотя бы на настроение нашей собственной столицы. Уверяю вас, что в Вене, в Париже, в Берлине, Лондоне, во всей Германии и Италии, в России и в Америке наши победы изображаются как злодеяния, наши планы — как ошибки, а наши намерения — как преступное безумие. Очарование исчезло. Как много нам ещё остаётся сделать!» (Письмо графу Стадиону 21 апреля 1821 г.)

² Первое общество существовало до 1824 г. и имело три главных центра: Дармштадт, Эрфурт и Кур — в Швейцарии, где его поддерживали многочисленные немецкие эмигранты: Шнелль, Фелькер, братья Фоллен и др. Второе — было основано в Иене весной 1821 г. Шпревинцем из Ростока, только что приехавшим из Кура. Оно просуществовало только один год.

³ Майнцская комиссия, учреждённая в 1819 г., организовала настоящую инквизицию и произвела по всей Германии обширное расследование, результатом коего явились представленные в мае 1822 г. 32 специальных доклада (за которыми последовали два других к концу

экономисты (как, например, Лист) будоражили нацию, указывая ей на те выгоды, которые должны были быть результатом торгового союза; этим они подготавливали почву для Цоллферейна (таможенного союза). Во Франции министерство Ришелье всё это время с трудом отбивалось от нападок крайней правой и либералов; не внушавшее доверия обеим этим партиям, оно находилось под постоянной угрозой, что они объединятся для того, чтобы его свергнуть. Карбонаризм, вывезенный из Италии Дюжье и Жубером, развивался в Париже и в провинции с чудовищной быстротой; он начал проникать в армию и подготавливал восстания, явной целью которых было свержение Бурбонов.

Таким образом, опасность представлялась деятелям Священного союза весьма серьёзной. Но в сущности в тех странах, о которых мы только что говорили, пламя лишь начинало разгораться. Зато оно вспыхнуло с всепоглощающей, казалось, силой на двух крупных театрах событий. Разгоревшийся там пожар привлекал к себе в то время всеобщее внимание. Мы имеем в виду, с одной стороны, Пиренейский полуостров и его колонии в Новом Свете, а с другой — Балканский полуостров.

В Испании Фердинанд VII и его камарилья продолжали обманывать нацию; они злоупотребляли доверчиво-мирным настроением умеренной партии, с явной злонамеренностью губили при помощи интриг наиболее благоразумные министерства¹, не переставали тайком обращаться к Священному союзу с просьбами о помощи и даже подкупали шайки «апостоликов», которые в конце 1820 г. начали междоусобную войну в северных провинциях. Вообще они не останавливались ни перед какими средствами для того, чтобы по возможности вызвать раздражение у сторонников конституции и спровоцировать эксцессы. Инсургенты, приверженцы неограниченной монархии, находили помощь и покровительство в Байонне, где они сумели даже учредить своё «регентство»². Французское вмешательство казалось неминуемым (июль 1821 г.). Первым шагом в этом направлении явилось создание *санитарного кордона* из войсковых частей, число которых непрерывно увеличивалось; кордон этот официально предназначался для борьбы против занесения жёлтой лихорадки из Каталонии в департаменты, смежные с Пиренеями.

того же года). В общем она не сумела открыть ни одного настоящего заговора и занималась только тем, что затевала тенденциозные процессы.

¹ Министерство Аргуэля было уволено в марте 1821 г.; министерство Бардакиси вынуждено было выйти в отставку в декабре того же года.

² Главными вождями его были сначала Эгна и Кесада

Народное волнение и недовольство в Испании было очень сильно; доказательством тому служили февральские выборы 1822 г., окончившиеся победой партии «экзальтадос»¹. Президентом кортесов в скором времени сделался Риго, кумир радикальных клубов. В таком состоянии смуты Испания имела меньше чем когда-либо шансов привести американские колонии снова к повиновению. К тому же она была при конституционном правлении столь же мало расположена идти на компромиссы с колониями, как и при неограниченной королевской власти. Как и до 1820 г., она требовала, чтобы заокеанские колонии подчинились метрополии без всяких оговорок. Испания казалась, что, допуская колонии к участию в только что завоёванной ею политической свободе, она отнимает у них всякий повод к продолжению восстания. Но испано-американские государства желали полной независимости. Они противились требованиям кортесов тем более энергично, что за этими требованиями они не усматривали никаких серьёзных средств воздействия. Таким образом, Аргентинская республика, которая одно время, казалось, склонна была договориться с правительством Фердинанда VII, отказалась в 1821 г. от каких бы то ни было уступок. Парагвай под управлением Франсиа был уже совершенно недоступен какому-либо влиянию извне. Чили было окончательно освобождено усилиями Кокрэна и Сан-Мартина², которые теперь поднимали революцию в Нижнем Перу. Симон Боливар, Освободитель (el liberador), как его называли, одержал победу при Бояке³ и основал Колумбийскую конфедерацию. Затем, после перемирия, на которое были вынуждены согласиться испанские войска (октябрь 1820 г. — апрель 1821 г.), он обеспечил решительной победой при Карабобо (24 июня 1821 г.) торжество своего знамени; с этим знаменем его помощники вскоре победно прошли из Каракаса и Боготы до Кито и ещё дальше. Вплоть до Мексики, которую с грехом пополам держали в повиновении до конца 1820 г., не было такого места, где не образовалось бы революционного правительства. В Мексике церковная партия, раздражённая антиклерикальными поползновениями кортесов, присоединилась к патриотам и, выбрав своим главой

¹ Так называли вождей радикальной партии.

² Сан-Мартин (Хуан-Хосе) родился в Ла-Плате в 1778 г.; офицер испанской армии с 1808 г.; генерал аргентинской армии (1816); посланник в Чили в 1818 г., затем в Перу в 1821 г.; он значительно способствовал освобождению последнего. «Протектор» Перу (1821—1822); равно отказался от политической карьеры и провёл последние двадцать пять лет своей жизни в Англии и во Франции. Умер в Бульвар-сюр-Мер в 1850 г.

³ 7 августа 1819 г.

честолюбивого Итурбиде¹, заставила вице-короля О'Доноху² подписать в августе 1821 г. Кордовский трактат, утверждавший в принципе автономию страны.

Португальская монархия была потрясена не менее испанской. Лиссабонские кортесы, собравшись вскоре после революции 1820 г. (26 января 1821 г.), выказали себя более предприимчивыми и более смелыми, чем мадридские. Король Иоанн VI, живший уже тринадцать лет в Бразилии, в конце концов решил покинуть эту страну. Он вернулся в свою столицу в июле 1821 г. Престарелый, невежественный и слабый, он пассивно подчинялся требованиям своих подданных, давал, подобно Фердинанду VII, много клятв и соблюдал их не лучше своего соседа. Он поручил своему старшему сыну дону Педро³ управление Бразилией, огромной и богатой страной, население которой, более многочисленное, чем в метрополии, и столь же склонное к независимости, как и население испанских колоний, было охвачено волнением. Под влиянием дурных советов, которые ему давали агенты Священного союза, он тайно разрешил юному принцу пойти до известных пределов навстречу желаниям этой колонии. Он рассчитывал этим способом освободить её от влияния лиссабонских революционеров. Расчёт оказался наивным, а игра — опасной. Бразильская нация, начав бороться за свои права, не склонна была отказаться от них, а у Португалии не было силы принудить её к этому. Поэтому с конца 1821 г. колония

¹ Итурбиде (Августин) родился в Вальядолиде (Мексика) в 1783 г. Пятнадцати лет он вступил в ряды испанской армии, где начал отличаться с 1810 г. в сражениях с мексиканскими инсургентами, причём получил чин генерала. Заподозренный в честолюбивых замыслах, он был отрёпён от должности в 1816 г. Стал сам революционером и генералиссимусом мексиканских войск (сентябрь 1820 г.). Конгресс поставил его во главе исполнительной власти. Император Мексики (18 мая 1822 г.); свергнут и принуждён покинуть страну 11 мая 1823 г.; эмигрировал в Италию, потом в Швейцарию, Бельгию и снова в Италию. Расстрелян в Падилье (штат Тамаулипас) вследствие новой попытки завладеть Мексикой (19 июля 1824 г.).

² О'Доноху (Хуан) испанский генерал, назначен кадисскими кортесами в 1810 г. военным министром. В 1814 г. попал в немилость у короля Фердинанда VII. Вице-король Мексики (в 1820 г.); скончался вскоре после Кордовского трактата (8 октября 1821 г.).

³ Педро I (Антоний-Иосиф д'Алькантара), старший сын Иоанна VI Португальского. Родился в Лиссабоне 12 октября 1798 г. Женится в 1817 г. на эрцгерцогине Леопольдине, дочери австрийского императора Франца I, сестре Марии-Луизы; регент (1820); пожизненный протектор (13 мая 1822 г.), затем император Бразилии (12 октября 1822 г.). Наследник португальской короны (10 марта 1826 г.), от которой он отказался в пользу своей дочери, донны Марии (2 мая 1826 г.). Принуждён отказаться от бразильской короны 7 апреля 1831 г. Умер в Лиссабоне (24 сентября 1834 г.), употребив последние годы своей жизни на борьбу за права своей дочери против своего брата и узурпатора, дона Мигеля.

пошла по пути эмансипации гораздо далее, чем этого желал престарелый король. Португальские кортесы (ничуть не более благоразумные, чем испанские) сами толкали Бразилию на разрыв с метрополией своими высокомерными и бестактными требованиями. Дон Педро, в ответ на их требование вернуться в Европу (октябрь), охотно позволил учинить над собой насилие и остался в Рио-де-Жанейро (январь 1822 г.), где он вскоре должен был, по требованию страны, созвать учредительное собрание.

Священный союз (и в особенности Австрия, которая претендовала на управление им) не мог относиться спокойно к революции в Испании, Португалии и Америке. Но не с этой стороны опасность представлялась ему наиболее грозной и требующей принятия немедленных мер. Его успокаивало — по меньшей мере в отрицательном смысле — то обстоятельство, что единственная из великих европейских держав, по многим причинам заинтересованная в поощрении смуты, в данную минуту воздерживалась от этого. Мы говорим об Англии. Без сомнения, британское правительство желало эмансипации испанских и португальских колоний; но не нужно забывать, что министерство Ливерпуля, глубоко консервативное, косо смотрело на всякую революцию. Британский министр иностранных дел Кэстлри не менее Меттерниха был сторонником монархических и авторитарных принципов. Поэтому ему было трудно открыто поддерживать в Америке дело, которое он не одобрял и считал пагубным и с которым в Европе боролся всеми своими силами. Подобная запутанность положения принуждала его к бездействию и давала повод думать, что он ещё долго не предпримет никаких решительных шагов в американских делах.

II

С этой стороны, таким образом, пока ничего не угрожало. Наоборот, на востоке с поразительной быстротой разгорался пожар, повидимому, грозивший охватить всю Европу.

В Молдавии и Валахии повстанческое движение было прекращено довольно быстро. Александр Ипсиланти избавился от своего соперника Теодора Владимиреско, приказав расстрелять его. Но после того как царь отказался одобрить его действия, он был без труда оттеснён турецкими войсками к трансильванской границе. Ему пришлось перейти её, и австрийские власти немедленно схватили его и посадили в тюрьму¹ (июнь 1821 г.). С этого момента княжества были

¹ В Мункаче, где он содержался до 1827 г.

преданы огню и мечу и испытали на себе всю ярость турецкой солдатчины. Наоборот, в центре и на юге Балканского полуострова восстание распространялось всё с большей и большей силой. Пелопоннес, центральная Греция, острова, весь или почти весь эллинский мир откликнулись на призыв гетеристов. Смелые моряки Гидры, Псары и Специи сновали по всему Архипелагу и устрашали турецких адмиралов своей смелостью. На суше Наварин и Монеувасия оказались в руках инсургентов. Важная крепость Триполица была взята штурмом после шестимесячной осады (апрель — октябрь). Были учреждены три правящих сената: первый — в Морее (июнь), второй — в восточной Греции (сентябрь), третий — в западной Греции (ноябрь 1821 г.). Затем состоялось соединённое собрание депутатов всей нации; оно потребовало у Европы прав для народа, который слишком долго находился под гнётом; оно же начало готовить окончательную победу, организовав центральную власть (январь 1822 г.). Что же касается турецкого правительства, то оно по обыкновению было застигнуто врасплох. Ему недоставало денег. Оно принуждено было отправить довольно значительную часть своих войск за Дунай; кроме того, начиная с апреля 1820 г. большая часть его армии была занята борьбой с восставшим эпирским пашой¹, который, несмотря на понесённые потери, всё ещё не сдавался. Поэтому Порты почти нигде не могла справиться с эллинским восстанием, и шансы последнего стали увеличиваться с каждым днём.

Окончательная победа греков казалась тем более вероятной, а падение Оттоманской империи — тем более близким, что восставшие, повидимому, могли рассчитывать на получение в ближайшем будущем помощи извне. Великая держава, содействие которой было обещано восточным христианам Александром Ипсиланти, собиралась притти на помощь. Но, с другой стороны, государства, наиболее заинтересованные в сохранении в Константинополе status quo, начинали совещаться о том, как предупредить потрясения, которые должны были бы возникнуть в Европе вследствие такого осложнения.

Император Александр I, как мы знаем, в Лайбахе отказался от греков. Меттерних заявлял с присущей ему хвастливостью, что царя навсегда удалось отвлечь от Греции. Но

¹ Али из Тепеделена (Албания) родился около 1741 г.; попав на военную службу, он так отличился в турецкой армии, что сделан был пашой Янины в 1788 г.; главнокомандующий в Румелии с 1803 г.; с 1814 г. он начал вести себя как независимый монарх Эпира. Махмуд принуждён был в 1821 г. послать большое войско, чтобы осадить его столицу. Он сопротивлялся целый год и погиб вследствие измены.

в сущности австрийский министр вовсе не так уж окончательно убедил царя, чтобы таким советникам, как Каподистрии, Поццо-ди-Борго и Строганову, трудно было его переубедить; они открыто стали защищать перед царём инсургентов и склонять его к тому, чтобы воспользоваться случаем и осуществить, наконец, традиционную программу русской дипломатии. Вернувшись в Россию (в июне 1821 г.), царь мог заметить и в Варшаве и особенно в Петербурге, насколько греческий вопрос стал популярным. Вся империя была охвачена национально-религиозным увлечением; это было что-то вроде призыва к крестовому походу. Общественное мнение требовало, чтобы император заступился за православие, так долго находившееся под гнётом ислама, и освободил христианскую землю от мусульманского варварства. Разве русский император, говорили в те дни, не является на основании трактатов покровителем всего православного населения на Востоке, состоящего в подданстве Порты? Разве Порта не учиняет над этим населением в настоящем момент всевозможные зверства, разве это не позор для всего цивилизованного мира? Махмуд только что перед тем повесил у ворот дворца в первый день пасхи константинопольского патриарха в полном церковном облачении. Множество епископов по его приказанию подверглось той же участи. Фанатически настроенная толпа ежедневно избивала христиан в главных городах Оттоманской империи, безнаказанно грабила и совершала бесчисленное множество других зверств. Даже подданные царя, и те подвергались насилию и угрозам. Русские суда были задержаны в Босфоре. Нормальное управление не было восстановлено в княжествах; турки продолжали занимать и опустошать их. В первые же дни греческого восстания султан путём воззвания¹, наделавшего много шуму в магометанском мире, призвал всех своих мусульманских подданных к «священной войне» во имя пророка и корана. Разве не следовало немедленно ответить на этот вызов, брошенный христианству?

Это было не только мнение почти всего русского народа, но и самого Александра I, который с присущими ему непостоянством и горячностью скоро решил обратиться к Турецкой империи с открытым вызовом. К тому же он был убеждён, что после жертв, принесённых им в продолжение

¹ Хатти-шериф 31 марта — горячее воззвание, имевшее целью поддѣствовать на религиозные страсти турок, которым оно предписывало «отказаться от удовольствий общественной жизни, приобрести оружие и лошадей и вернуться к обычаям предков и к прежней воинственной жизни турецкого народа».

последних лет и, в частности, совсем недавно, во время Лайбахского конгресса, ради спокойствия Европы и сохранения великого союза, ни одно правительство не сможет найти серьёзных оснований для отказа ему в удовлетворении, которого он добивался и которое он считал столь законным. Он колебался недолго и 28 июня послал Порте через своего посла в Константинополе Строганова высокомерный ультиматум.

В этом документе, очень ловко составленном, русское правительство не ограничивалось перечислением частных недоразумений между Россией и Портой, но старалось доказать, что греческий вопрос интересует не только петербургский двор, что это — *европейская* проблема, что Турецкая империя не может быть сохранена без серьёзной опасности для общего спокойствия и равновесия, основанного на принципах Священного союза. Этим, казалось, оправдывались подозрения, которые в своё время возбудил Александр I, отказав Турции в гарантии Венского конгресса и подчеркнув, что только на христианские государства распространяется новое (международное) право, которому, по его словам, было положено основание актом 26 сентября 1815 г. «Блистательная Порта, — говорилось в ультиматуме, — ставит *христианские государства* в необходимость задать себе вопрос — могут ли они спокойно смотреть на уничтожение целого христианского народа, могут ли они терпеть подобные оскорбления религии и допускать существование государства, угрожающего нарушить мир, купленный Европой ценою стольких жертв...» Русское правительство, таким образом, заявляло Порте, что оно будет считать её находящейся в состоянии открытой вражды с христианским миром, если в течение восьми дней она формально не примет следующих условий: 1) восстановить церкви, разрушенные мусульманскими фанатиками или частично пострадавшие от их действий; 2) обеспечить христианской религии серьёзные гарантии и полную защиту; 3) в провинциях, приведённых в смятение войной, различать среди подданных виновных и невиновных и щадить тех, которые остались покорными или которые покорятся в назначенный срок; 4) восстановить в Дунайских княжествах предписанный трактатами режим и немедленно удалить турецкие войска. Чтобы ещё больше подчеркнуть свои намерения и увлечь Европу на путь своей политики, царь послал 4 июля четырём великим державам, на которые он смотрел, как на своих союзниц, ноту, в которой он старался доказать, что в его образе действий нет ни малейшей непоследовательности, а в его программе — никакой честолюбивой задней мысли; что он является на Балканском полуострове, как

и повсюду, решительным противником революции и поборником порядка и что совершенно естественно было бы поручить ему там, от имени Священного союза, борьбу с революцией и восстановление порядка, подобно тому как Австрия была уполномочена на аналогичные действия в Италии. Поэтому он задал решительный вопрос союзникам: 1) что они предпримут, если возникнет война между Россией и Портой, и 2) что они предложат взамен турецкого владычества, если во время этой войны оно будет уничтожено? Из этого предложения ясно видно, что Александр считал турецкое наследие подлежащим дележу. Ни он, ни его министры не скрывали, что целью ультиматума было вызвать немедленно войну, а также и того, что они предполагали тотчас же начать военные действия.

III

Велико было волнение Европы, когда она узнала, что вследствие резких возражений, которыми Диван ответил на московские требования, Строганов покинул Константинополь и что между Портой и Россией прерваны всякие дипломатические сношения (8 августа 1821 г.). Александр уже собирал свои войска в южных губерниях империи. Но, преследуя, как всегда, двойную цель — проведение личной политики и сохранение солидарности между великими державами, как это было предписано актом 26 сентября 1815 г., — он долго не решался открыть военные действия и приступить к исполнению решения, которое ещё не было произнесено Европой. К тому же две первоклассные великие державы, вместо того чтобы оказывать ему поддержку, наоборот, объединились в этот момент с целью помешать исполнению его планов. Австрия и Англия считали недопустимым, чтобы вопрос, быть или не быть Оттоманской империи, ставился на обсуждение, и всеми силами старались предупредить столкновение, которого можно было ожидать после ультиматума 28 июня. Кэстльри и Меттерних, прежде чем официально ответить на ноту 4 июля, в секретных письмах указали царю, что события на Востоке «представляют собой проявление принципов организованного мятежа, систематически распространявшихся по Европе и вызывавших взрыв каждый раз, когда власть ослабевала по той или иной причине»; что революционное дело достойно уважения в Греции не больше, чем в Италии; что нужно предоставить законной власти, т. е. Порте, заботу бороться с ним; что *неистовства и безумия турок* сами собой прекратятся, как только султан не будет иметь возможности подозревать своего соседа в потворстве мятежу; что участь греков, без сомнения, является

прискорбной, но что вряд ли можно надеяться на изменение её или избавление греков от их страданий при сохранении в то же время существующего строя Европы. Разве к тому же греки не являются зачинщиками? И разве турки делают что-нибудь другое кроме того, что они защищаются? Что же касается Александра I, то «вероятно, Провидение никогда не давало ему возможности явить миру и потомству более высокий образец применения на практике его принципов, как в данном случае, когда ему представляется возможность выказать по отношению к фанатичному и полуварварскому правительству ту степень умеренности и великодушия, которую могли внушить столь могущественному государю лишь высокая религиозность и искренняя приверженность к системе, установлению которой так сильно способствовало его императорское величество».

Это было почти что насмешкой, и царь уже собирался обидеться на эти иронические советы, приняв их за оскорбление. Но новые вести, дошедшие из Германии, вскоре возбудили в нём опасение, что венский и лондонский дворы могут не ограничиться в своей оппозиции одними колкостями. Действительно, в октябре король Георг IV, не посещавший со времени восшествия на престол своих ганноверских владений, явился туда под предлогом принятия от своих немецких подданных изъявлений их верноподданнических чувств; на самом же деле это было сделано для того, чтобы дать возможность Меттерниху, также приехавшему туда, лично переговорить о восточных делах с Кэстльри, сопровождавшим своего короля. Два министра заключили тесно связавшее их соглашение, по которому их монархи должны были приложить все усилия к сохранению мира между Россией и Турцией, противодействуя всему тому, что могло нарушить этот мир. Кроме того, они секретно договорились продолжать представлять царю революцию как главного и единственного врага, с которым надлежало бороться; в особенности же они должны были стараться испортить его отношения с министром Каподистрией, усилиям которого, не без основания, приписывали недавний поворот в политике царя. Заключив соглашение, Австрия и Англия послали ответ на ноту 4 июля в том смысле, что они не видят оснований излагать свои намерения относительно системы, которая могла бы заменить существующий на Востоке режим. Пусть Россия изложит свои намерения, но всякий проект раздробления Турецкой империи натолкнётся на единодушный протест европейских держав. Венский и лондонский кабинеты готовы предложить своё посредничество, чтобы побудить султана дать царю удовлетворение, на которое он имеет

право на основании существующих трактатов. Что же касается греков, то как бы ни было достойно сочувствия их положение, государственные люди, которым непозволительно «действовать по мотивам, подсказываемым не разумом, а сердцем», могут только выразить «пожелание, чтобы время и Провидение принесли этому народу то облегчение, которого они не могут доставить ему, не изменяя другим своим обязательствам» (октябрь — ноябрь 1821 г.).

Австро-английское соглашение быстро охладило воинственное настроение царя; боясь, чтобы указанные две державы не оказали фактического сопротивления, он счёл благоразумным временно отложить исполнение своих планов. К тому же его предложения не имели в Берлине и в Париже большего успеха, чем в Вене и в Лондоне. Пруссия в это время безоговорочно следовала австрийской политике; что же касается Франции, то, несмотря на соблазнительное предложение, сделанное ей Александром, в виде значительной доли в дележе турецкой добычи¹, она всё же не осмелилась пойти на это рискованное предприятие. Ришелье был слишком занят испанскими делами и боялся дать Англии повод признать независимость новых американских государств; поэтому он не решился броситься очертя голову в восточные дела. К тому же вскоре после этого парламентская коалиция, составленная при тайном содействии Австрии и Англии из крайних роялистов и либералов, принудила Ришелье оставить свой пост (декабрь 1821 г.), а его преемник, Виллель², приходу к власти которого так радовались Ливерпуль

¹ Александр, разговаривая с послом Франции Ла-Феррона 19 июля, сказал ему: «Выбирайте от Гибралтарского пролива до Дарданелл то, что вам нравится, и рассчитывайте не только на согласие, но даже и на искреннюю, существенную поддержку России... Необходимо как можно дальше отгеснить турок, чтобы все остальные могли устроить свои дела... В данный момент Франция должна иметь своей союзницей именно Россию».

² Виллель (Жан-Батист-Серафим-Жозеф, граф) родился в Тулузе 14 августа 1773 г. В молодости — морской офицер; женившись, поселился на острове Бурбон; член генерального совета Верхней Гаронны (куда он переселился в 1807 г.); выдвинулся в 1813—1814 гг. своей оппозицией Империи, своей преданностью Бурбонам и своими стремлениями восстановить старый режим; член «Бесподобной палаты» в 1815 г., в которой он обращал на себя внимание в рядах крайних роялистов не только своим реакционным пылом, но и своими способностями к разрешению сложных политических и финансовых вопросов; избран депутатом после ордонанса 5 сентября 1816 г.; министр без портфеля (1820), министр финансов (декабрь 1821 г.), председатель совета министров (1822); кабинет был свергнут в конце 1827 г. Пэр Франции (3 января 1828 г.), вернулся к частной жизни в 1830 г.; умер в Тулузе 13 марта 1854 г.

и Меттерних, был ещё менее согласен поддерживать политические планы императора Александра I. Если, в довершение всего, мы вспомним, что греческое Национальное собрание, открывшееся 1 января 1822 г., поспешило составить вполне демократическую конституцию¹ (13 января) и провозгласило полную независимость Греции (27 января), то нам станет понятным то странное охлаждение, которое с этого времени можно было наблюдать у царя по отношению к делу, пользовавшемуся ещё недавно его горячим сочувствием. С одной стороны, его отталкивала мысль о соглашении с революционерами путём одобрения решений, принятых в Эпидавре, а с другой стороны, верный политическим традициям, которым суждено было пережить его в России, он хотя и готов был расшатать Оттоманскую империю и покровительствовать христианским национальностям в создании их собственных государств на её развалинах, но имел в виду создание не самостоятельных государств, а вассальных, зависимых от России и неспособных освободиться от её протектората. Этим объясняется та лёгкость, с которой Александр I, попавший в неприятное положение и желавший выйти из него без унижения, согласился в конце 1821 г. на посредничество, неофициально предложенное ему Австрией и Англией. Это объясняет также, почему Порта, ещё в августе месяце имевшая серьёзные основания опасаться войны, могла 2 декабря 1821 г. и 28 февраля 1822 г. снова ответить на русские требования высокомерными нотами и всё-таки не вызвать объявления войны, хотя эти ноты не давали царю почти никакого удовлетворения². Меттерних вскоре заметил перемену, происшедшую в настроении русского императора; поэтому ему пришла мысль воспользоваться удобным случаем и польстить Александру I притворным согласием на его требования; вообще он обходился с русским царём, как с большим ребёнком, в ожидании того момента, когда ему больше не нужно будет щадить столь легко раздражавшееся самолюбие этого монарха. Он предложил поэтому (январь — февраль 1822 г.)

¹ Она провозглашала суверенитет народа, равенство всех греков перед законом, свободу религии; учреждала законодательный сенат из депутатов, избираемых на один год, и исполнительный совет из пяти членов, избираемых сенатом не из своей среды и также на один год. Исполнительный совет назначал со своей стороны министров, ответственных перед сенатом.

² Порта утверждала в неясных и двусмысленных выражениях, что она будто бы исполнена самых миролюбивых намерений, уступки же, которые у неё требовали, она обставляла целым рядом условий, а именно: восстановлением спокойствия в Империи и выдачей тех её подданных, которые бежали в Россию.

покончить в Вене на конференции, очень похожей на конгресс, с делом умиротворения Греции. Англия сначала немало удивилась подобной тактике. В 1822 г. ей было столь же невыгодно, как и в 1821 г., подчинять существование Турецкой империи решениям Священного союза. Но ей дали понять, что переговоры не будут вестись всерьёз, что нужно только выиграть время. Порта, освободившись от Али-паши, только что убитого (в феврале), может теперь направить все свои силы против греков; но ей требуется ещё несколько месяцев для того, чтобы сосредоточить их в центре Пелопоннеса, главном очаге восстания. До этого времени Англия и Австрия поделят между собой роли; первая из этих держав будет действовать в Константинополе таким образом, чтобы заставить Порту дать царю удовлетворение, которого он требовал на основании договоров, в частности относительно Дунайских княжеств; вторая должна будет выработать план умиротворения Греции путём общеевропейского соглашения. План этот, не заключавший в себе ничего существенно важного, мог стать ненужным или в случае победы турецких войск, или вследствие вполне вероятного отказа Порты допустить вмешательство Священного союза в отношения между ней и её подданными.

Комедия была разыграна как по-писанному. В марте русский посланник Татищев явился в Вену, где Меттерних старался задержать его возможно дольше предварительными переговорами. По возвращении в С.-Петербург Татищев застал царя весьма обрадованным известиями, полученными из Константинополя, где представителю Англии Стрэнгфорду¹ удалось, наконец, вырвать у Дивана обещание, что в ближайшее время в Молдавии и Валахии будут назначены два новых господаря (апрель — май 1822 г.). Александр I, уже явно охладевший к Каподистрии, поспешил снова отправить Татищева в Вену и обещал приехать туда лично в сентябре месяце, т. е. по дороге на Веронский конгресс, назначенный на этот месяц год тому назад² для окончательного урегулирования итальянских дел. Хитрый австрийский канцлер сумел под разными предлогами оттянуть начало совещаний до 28 июня. Затем они шли вяло

¹ Стрэнгфорд (Перси-Клинтон-Сидней-Смит, виконт), лорд Пенхерст родился в Ирландии 31 августа 1780 г. Секретарь посольства (1803) посланник в Лиссабоне (1806), потом в Стокгольме (1817); посол в Константинополе (1820); посол в С.-Петербурге (1825); пэр Англии (1825). был отправлен со специальной миссией к императору Бразилии (1828); скончался в Лондоне 29 марта 1855 г.

² Монархи, встретившиеся в Лайбахе, решили собраться на следующий год на новый конгресс и сначала избрали местом для него Флоренцию.

в течение двух месяцев (июля и августа) и привели, как и можно было ожидать, к совершенно отрицательному результату. Порта получила от Австрии и Англии официальное приглашение послать уполномоченного в Вену, но втихомолку те же державы посоветовали ей не делать этого, и потому она в конце концов ответила категорическим отказом¹. Казалось, что царь, проявлявший ещё недавно такую обидчивость в отношении Турции, должен был на сей раз окончательно разгневаться. Но когда обнаружилось, что он прибыл в Вену без Каподистрии, которого он только что перед тем (по крайней мере для вида) уволил в отставку², то все поняли, что его протест против злонамеренности турецкого правительства будет чисто формальным. Меттерних исполнился восторга и объявил, что Александр I окончательно стал в ряды защитников святого дела. Действительно, Александр, сделав Стрэнгфорду некоторые упрёки, казалось, отложил исполнение своей восточной программы на неопределённое время. Так по крайней мере давала основание думать нота 26 сентября, ибо он ставил в ней лишь три следующих условия для восстановления своего посольства в Константинополе: 1) Порта должна официально сообщить Александру I о назначении ею господарей; 2) возобновить торговые привилегии России в Оттоманской империи и, наконец, 3) принять ряд мер, свидетельствующих о восстановлении тех прав и преимуществ, нарушение которых вызвало восстание греческой нации:

IV

В сущности, самодержец вовсе не был таким сговорчивым, каким он хотел казаться. Натолкнувшись на противодействие в осуществлении своих планов на Востоке, он намеревался вернуться к ним несколько позднее. В данную минуту революция, за последние несколько месяцев всё более и более распространявшаяся на западе, казалась ему единственным врагом, с которым нужно было бороться. Пиренейский полуостров, всё шире охватываемый смутой, поглощал всё его внимание. Вооружённое вмешательство Священного союза казалось ему более чем когда-либо

¹ В этот момент она была тем менее сговорчива, что турецкая армия Драмали незадолго до этого сумела опустошить почти всю центральную Грецию и завладела Мореей; правительство повстанцев, вынужденное укрываться на кораблях, казалось доведённым до последней крайности.

² Этот министр, выйдя в отставку, удалился в Швейцарию, где и прожил несколько лет, не прекращая впрочем с Александром и позднее с его преемником дружественной переписки.

необходимым в этой части Европы. По его расчётам, эта мера была, хотя и косвенным, но верным средством добиться, наконец, содействия Франции, которого он искал так давно и которое должно было дать ему возможность осуществить свой великий план. Но это государство при Виллеле ещё меньше имело возможности присоединиться к его балканской политике, чем при Ришелье. С приходом к власти нового министра карбонаризм принял во Франции боевую и агрессивную форму, возбуждавшую серьёзные опасения у сторонников реставрированной монархии. Множество заговоров было открыто почти одновременно¹ в различных пунктах королевства. Все они имели целью вызвать восстание в армии, приверженность которой к Бурбонам с каждым днём становилась всё более и более проблематичной. Партия ультра-роялистов, стоявшая теперь у власти, производила *чистку* административного персонала, старалась лишить свободы печать², поощряла захватнические действия *конгрегации*³, но достигла только того, что с каждым днём непопулярность её всё более усиливалась. Законному престолу угрожала серьёзная опасность. Но движение, охватившее Францию, можно было бы легко подавить, если бы не помощь и поощрение, получаемые им благодаря соседству с мятежной Испанией. По мнению крайних правых, нужно было прежде всего именно в Испании подавить и уничтожить *якобинство*. Раз ему будет там нанесён решительный удар, партии *порядка* не трудно будет осуществить на севере от Пиренеев ту политику реакции, о которой она мечтает. Во Франции водворится снова внутреннее спокойствие, и она получит свободу действий и союзов. Таково было и мнение царя. Поэтому главным его желанием, когда он поехал на конгресс в Верону, было наказать Испанию, подобно тому как в 1821 г. была наказана Италия.

К тому же он надеялся этим нанести двойной удар, так как подобное вмешательство должно было оказаться очень

¹ Наиболее известные из них были военные заговоры в Бельфоре, Тулоне, Ла-Рошелли и Сомюре. Открытие их повлекло за собой громкие процессы и кровавые казни в 1822 г.

² По законам, вотиванным в феврале 1822 г., все проступки против конституционной власти короля и государственной религии, а также деяния, направленные к возбуждению ненависти и презрения к правительству или к отдельному классу граждан и т. п., были переданы в ведение исправительных судов; эти же законы подчиняли журналы разрешительной системе.

³ Так называли полурелигиозную, полуполитическую ассоциацию, членами которой были высшие представители духовенства и партии крайних правых; она действовала главным образом под влиянием ордена иезуитов и стремилась к восстановлению церковных и дворянских привилегий.

неприятным для Англии, виды которой на Америку были давно ему известны.

В Испании положение стало очень серьёзным с тех пор, как Фердинанд VII после неудавшейся попытки военного государственного переворота (7 июля 1822 г.) должен был примириться с образованием министерства из среды «*exaltados*». Этот король, раз двадцать нарушавший данные им клятвы, ещё чаще стал обращаться тайком с просьбами о помощи к руководителям Священного союза и в особенности к русскому императору, который в мае снова предложил великим державам предпринять крестовый поход против испанской революции. Междоусобная война приняла в баскских провинциях, в Наварре, в Арагоне и в Каталонии самые угрожающие размеры. *Апостолики* завладели в июне крепостью Урхель. Они учредили 14 сентября 1822 г. регентство; последнее, считая короля пленником, объявило недействительными все официальные акты, подписанные им после 7 марта 1820 г. Это самозванное правительство, официально не признанное ни одним из больших европейских дворов, получало, однако, от некоторых из них поощрение и различного рода помощь. Франция служила ему операционной базой. Оно к тому же рассчитывало, что и официальная помощь этого государства вскоре не заставит себя ждать. *Санитарный кордон*, уже год как установленный вдоль Пиренеев, начал превращаться в настоящую армию и принял знаменитое название *наблюдательного* корпуса. Зато Англия, не поощряя открыто конституционной партии, воздерживалась по отношению к ней от всякой враждебной манифестации. Состояние анархии, в котором пребывала Испания, было ей слишком выгодно, и потому она не торопилась положить ей конец. Действительно, колонии этой державы стали теперь благодаря гражданской войне, так ослабившей метрополию, почти совершенно свободными. Эквадор был освобождён Боливаром и его главным заместителем Сукре. Восстание распространялось и усиливалось в Перу; в Мексике Итурбиде, тайно покровительствуемый Великобританией, только что провозгласил себя императором¹. Соединённые Штаты после окончательной уступки Флориды Испанией (июль 1821 г.)² не считали нужным особенно церемо-

¹ 18 мая 1822 г.

² Вследствие денежных требований, восходивших к 1802 г., Соединённые Штаты, занявшие в первый раз Флориду в 1810 г., опять захватили её в 1818 г. Испания уступила им эту провинцию по договору 22 февраля 1819 г.; но она долго не ратифицировала и не исполняла его, так что названная территория была фактически передана вашингтонскому правительству только 17 июля 1821 г.

ниться с ней; они и раньше всегда поощряли восстание, — теперь же окончательно санкционировали его, официально признав независимость испано-американских государств (апрель 1822 г.). Англия, опасаясь, как бы они не отняли у неё богатых рынков, которых она домогалась в Новом Свете, в скором времени вынуждена была последовать этому примеру. А до этого она исподтишка эксплуатировала португальскую революцию, облегчая Бразилии её эмансипацию, от которой ожидала значительного укрепления своего влияния и увеличения своего богатства. В тот момент, когда лиссабонские кортесы приняли конституцию более радикальную, чем испанская (сентябрь — октябрь), дон Педро, провозглашённый 13 мая «конституционным защитником и постоянным покровителем Бразилии», воспользовался в качестве предлога тем, что его отец, по его словам, находился в плену, порвал всякую связь с метрополией и превратил огромную лузитанскую колонию в империю, главой которой он провозгласил самого себя.

Из всего этого видно, насколько восстановление монархического строя в Испании и Португалии должно было быть желательным для русского императора в момент открытия Веронского конгресса.

V

Этот съезд монархов и их министров был созван в половине октября 1822 г. Как и в Лайбахе, кроме русского царя сюда явились австрийский император и прусский король; кроме того, здесь присутствовала большая часть итальянских государей. Пять великих держав, претендовавших на право распоряжаться европейскими делами, были представлены, кроме того, руководителями их важнейших посольств¹. Итальянские дела, подавшие в предыдущем году повод к созыву этого съезда, были, разумеется, с первого же дня отодвинуты на второй план. Главным предметом

¹ На Веронском конгрессе присутствовали следующие монархи: австрийский и русский императоры; короли: прусский, сардинский и Обей Сицилий; великий герцог Тосканский, герцог Моденский, герцогиня Пармская. Из дипломатов присутствовали: от Австрии: Меттерних, Эстергази, Лебцельтерн, Зичи, Фикельмон, Бомбелль и Генц; от Франции: Монморанси, Шатобриан, Караман, Ла-Ферроназ, де-Серр, Рейневаль, Ла-Мезонфор; от Великобритании: Веллингтон, Стюарт (получивший титул лорда Лондондерри после недавно умершего старшего брата, лорда Кэстльри), Гордон, Стрэнгфорд, Фредерик Лэмб, Бургер; от Неаполя: Руффо; от Пруссии: Гарденберг, Бернсторф, Гацфельд; от Рима: кардинал Спино; от России: Нессельроде, Поццо-ди-Борго, Ливен, Татищев, Мочениго, Штакельберг, Италиинский, Убри; от Сардинии: Ла-Тур, и т. д.

обсуждения сделался испанский вопрос; в течение нескольких недель ничем другим серьёзно не занимались.

Русский император, по обыкновению весьма экзальтированный, заявлял, что прибыл на конгресс для того, чтобы обеспечить восстановление законной власти в Мадриде; что эту акцию, необходимую для спокойствия Европы, можно произвести только с помощью французских войск; что в случае необходимости он тоже окажет помощь своими собственными войсками, для того чтобы достигнуть столь желанного результата; что во всяком случае он не уедет из Вероны, не обеспечив вмешательства путём специального договора с союзниками; что скорее он доживёт в Вероне до седых волос, чем отправится в Россию, не дав Европе нового доказательства своего попечения о ней и верности своим принципам. Эта решительная и угрожающая постановка вопроса не могла не привести в замешательство французское правительство, так как Александр I намеревался обратиться Францию в покорного исполнителя высокой политики Священного союза. Виллель, осторожный администратор с твёрдым и не расположенным к сентиментальной политике умом, опасался, что такая экспедиция может посорить Францию с Англией; он уже предвидел, что лондонский кабинет ответит на эту экспедицию официальным признанием независимости испано-американских республик; брожение умов в армии заставляло его также опасаться, как бы вместо похода на Мадрид она не совершила того «пол-оборота» на Париж, который популярный поэт¹ советовал ей тогда сделать; наконец, заботясь о положении финансов, порученных его специальному попечению, он не решался ввергнуть едва оправившуюся от разгрома Францию в войну, которая, без сомнения, должна была оказаться более разорительной, чем почётной. Надо заметить, впрочем, что его коллега, министр иностранных дел Матье Монморанси², который должен был представлять Францию в Вероне, держался противоположного мнения и в качестве покорного орудия конгрегации явно склонялся

¹ Беранже.

² Монморанси (Матье-Фелисите де Монморанси-Лаваль, виконт, позднее герцог) родился в Париже в 1767 г.; соратник Лафайета во время американской войны; депутат от дворянства в Генеральных штатах (1789), где сначала выдвинулся своим либерализмом; адъютант маршала Люкнера (1791); эмигрировал в 1792 г., потом удалился в Копенгаген к госпоже Сталь; вернулся во Францию в 1795 г.; в 1814 г. превратился в ультра-роялиста; пэр Франции, влиятельный и преданный член конгрегации; министр иностранных дел в кабинете 14 декабря 1821 г.; замещён на этом посту Шатобрианом в декабре 1822 г., возведён в герцога (1822), потом министр, член тайного совета, гувернёр герцога Бордоского; умер в Париже в 1826 г.

на сторону русского царя. Потому председатель совета министров и счёл необходимым дать ему в помощники нашего посла в Лондоне Шатобриана¹, которого он считал надёжным человеком и который, что бы он ни говорил в своих мемуарах, не имел ещё никакого установившегося мнения по испанскому вопросу. В общем никто не знал, что будет делать Франция. Но нельзя было сомневаться относительно позиции, какую займёт на конгрессе Англия. Кэстльри и сам, конечно, оспаривал бы всякий проект вмешательства. Но этот министр незадолго перед тем умер². Его преемником был Джордж Каннинг, который давно уже приобрёл известность не только благодаря своему удивительному красноречию, но также и благодаря той выдающейся роли, которую он играл во главе английской дипломатии во времена Наполеона I; он тотчас же взял по отношению к Священному союзу гораздо более резкий и решительный тон, чем тот, которым разговаривал старый друг Меттерниха. Каннинг питал крайнее отвращение к австрийскому канцлеру и его политике и принадлежал к тем тори, которые, подобно его учителю Уильяму Питту, не стояли за систематическую борьбу с революцией; он считал, что пропаганда конституционных идей ни в каком случае не может представить опасность его родине, приобретшей, благодаря парламентскому режиму, такое огромное влияние во всём свете. Из этого не следует, что он был расположен подражать во имя этих идей донкихотству Александра I или систематическому упрямству, с которым Меттерних отстаивал монархические принципы. Будучи прежде всего англичанином, заботившимся исключительно о поддержании и усилении мощи своей страны, он главным образом дорожил возможностью при всяком удобном случае беспрепятственно служить её интересам. Поэтому он желал располагать свободой действий.

¹ Шатобриан (Франсуа-Рене, виконт) — знаменитый писатель, сочинения которого слишком хорошо известны, чтобы нужно было их здесь перечислять; родился близ Сен-Мало 4 сентября 1768 г.; подпоручик Наваррского полка (1787); эмигрировал в 1792 г.; рядовой в армии Конде (1792—1793); затем перебрался в Англию, возвратился во Францию после 18 брюмера; секретарь посольства в Риме, затем посланник в Валлисе; вышел в отставку после казни герцога Энгиенского (1804); назначен посланником в Швецию после первой Реставрации; бежал в Гент с Людовиком XVIII в 1815 г.; пэр Франции; посол в Берлине (1821), потом в Лондоне; министр иностранных дел (декабрь 1822 г.); в опале в 1824 г.; посол в Риме (1828—1829); вернулся к частной жизни при июльском правительстве; умер 4 июля 1848 г.

² Незадолго до того, после смерти своего отца, он получил титул маркиза Лондондерри. Он кончил жизнь самоубийством по причинам, оставшимся невыясненными, в замке Норт-Крэй-Плейс (графство Кент) 12 августа 1822 г.

Он уклонялся от всякого компромисса, который, подобно Священному союзу, мог бы парализовать свободу действий английской дипломатии, и как истый *оппортунист* сохранял за собой право применить свои принципы только там, тогда и в такой мере, как он найдёт уместным. В общем он полагал, что его стране выгоднее использовать движение за свободу, чем бороться против него; этим правилом он руководствовался в своей политике в дни достопамятного министерства, когда ему пришлось столкнуться со Священным союзом. Зная, что Меттерних и Александр I относятся к нему с подозрением, он не поехал в Верону, а отправил вместо себя Веллингтона, ярого консерватора, но в то же время твёрдого и верного выразителя британских интересов. Веллингтону даны были инструкции — отклонять от имени Англии всякое прямое или косвенное участие в предложенной царём военной экзекуции и не допустить вторжения войск Священного союза в пределы Португалии ввиду тех договоров, которые связывали эту страну с Великобританией; ничего не предпринимать для защиты конституций 1820 и 1822 гг. как в Лиссабоне, так и в Мадриде, но ясно показать, что если лондонский двор и не считает необходимым своё вмешательство для их защиты, то он всё-таки сохраняет свободу действий относительно американских колоний. Из этого видно, что Англия, — провяляя большие ловкости, чем великодушия, — была склонна не столько предупредить французское вмешательство в испанские дела или бороться против него, сколько сделать из него впоследствии предлог для осуществления своих торгашеских планов в Новом Свете. Что же касается двух великих немецких держав, то одна из них, Пруссия, шла на буксире Австрии; последняя, хотя и желала, чтобы вооружённая интервенция не осуществилась (Австрия боялась усиления французского влияния и возможности франко-русского союза), всё же готова была, на худой конец, примириться с ней, полагая, что она как-никак восстановит абсолютизм в Испании и что, с другой стороны, она является в данный момент единственным средством отвлечь царя от восточных дел.

VI

Как только открылся конгресс, Монморанси, прибывший из Вены, где Александр I успел уже ловко обойти его, нарушил инструкции, данные ему Виллелем и предписывавшие не делать никаких предложений по вопросу об Испании, держаться выжидательной политики и главным образом

не допускать, чтобы Францию к чему-нибудь принудили. Отвечая на коварный запрос Меттерниха, он огласил 20 октября перед представителями великих держав очень неосторожную ноту, в которой указывал, что испанская анархия ставит Францию в опасное положение; что война не только возможна, но и вероятна; что ей будет, без сомнения, предшествовать отозвание нашего посла из Мадрида; что, наконец, он желает знать, последуют ли августейшие союзники примеру Франции, если она решится на такую меру воздействия, и какой *моральной* и материальной помощи можно ожидать от них. Правда, он добавлял, что Франция хочет действовать за Пиренеями самостоятельно и что она желает выбрать по своему усмотрению момент для карательной экспедиции; небольшой наблюдательный корпус из войск Священного союза будет ей достаточной помощью. Но не отличавшийся особой ловкостью министр не сумел настоять на этой оговорке. Представители четырёх держав прочли ему свои ответы на заседании 31 октября. Англия ответила решительным отказом, Россия без оговорок присоединилась к воинственной программе Монморанси. Австрия и Пруссия давали обещание отозвать своих послов и ставили своё активное участие в экспедиции в зависимость от дальнейших переговоров. Но самая важная часть этих ответов трёх северных правительств заключалась в том, что они требовали выработки на самом конгрессе программы тех действий, которые должны были привести к разрыву с Испанией. Царь решительно настаивал на том, что контрреволюция должна совершиться в Испании так же, как ранее в Италии, т. е. по постановлению Священного союза. Меттерних также склонялся к тому, чтобы Франция не могла действовать вполне свободно, как она того хотела, а выступила бы в качестве исполнительницы возложенного на неё поручения. По его предложению, было решено, что четыре державы, в принципе согласившиеся на вмешательство, одновременно отправят своим послам в Испании ноты с требованием в самой решительной форме немедленно вернуть Фердинанду VII всю его суверенную власть; после отказа, который, как они предполагали, должен был последовать со стороны министерства Сан-Мигэля¹, послы должны были

¹ Сан-Мигэль (Эваристо) родился в Хихоне 26 октября 1785 г.; в плену во Франции во время Империи после того, как доблестно сражался за независимость Испании; назначен главным адъютантом Риго в 1820 г.; секретарь конституционной хунты; министр иностранных дел в кабинете, составленном Фердинандом VII после 7 июля 1822 г.; вышел в отставку (1823); ранен в сражении с французской армией; пленник во Франции (1823), затем бежал в Англию; возвратился

бы тотчас покинуть Мадрид; подразумевалось, что их отъезд будет сигналом для начала войны.

Монморанси, от всего сердца желавший, чтобы экспедиция состоялась, начал понимать, что он скомпрометировал своё правительство. К тому же Виллель не переставал напоминать ему о своих инструкциях и усиленно рекомендовал соблюдать осторожность. «Наша первая обязанность, — писал он, — заключается в том, чтобы действовать по нашему собственному почину, дабы нас не могли обвинить в том, что мы вызвали негодование монархов против Испании или что мы были вовлечены в войну вопреки нашему желанию, повинувшись решению иностранцев». Глава французской делегации ещё отбивался, хотя и слабо, от требований и предложений императора Александра I; он, например, объявил с некоторой гордостью, что его правительство никогда не допустит, чтобы русская армия прошла в Испанию через Францию. Царь стал настаивать ещё сильнее, советуя ему поспешить с экспедицией, вся честь которой должна была выпасть на долю Людовика XVIII.

Меттерних, следуя своей обычной политике, не упускал случая доказывать царю, что французское правительство не расположено действовать ему в угоду. Тогда Александр I начинал гневаться, распекал Монморанси и грозил ему. «Итак, вы не хотите ничего предпринимать? — сказал однажды последнему министр Нессельроде. — Хорошо, мы оставим вас с вашей Англией и посмотрим, как вы тогда себя будете чувствовать». Поццо-ди-Борго поговаривал о возвращении в Париж для организации там восстания крайних роялистов против кабинета Виллеля. Всего этого было более чем достаточно для того, чтобы заставить главного французского делегата исполнить все желания Священного союза. Ещё меньше нужно было для того, чтобы привлечь на свою сторону его помощника Шатобриана; тщеславный и падкий на лесть, он легко поддавался на заигрывания Александра I. Последнему стоило небольшого труда вскружить голову этому честолюбивому и увлекающемуся человеку. Александр I говорил Шатобриану о том, какие великие дела они могут совершить вдвоём, если Шатобриану удастся добиться власти, в чём царь готов ему помочь. Войдя в тесный союз с Испанией и Россией, Франция приобретёт в Европе

в Испанию (1824); назначен генерал-майором Марией-Христиной; депутат Овьедо; военный министр в кабинете Эспартеро; генерал-лейтенант в 1843 г.; президент совета для обороны Мадрида и военный министр в 1854 г.; немного спустя назначен маршалом, герцогом, испанским грандом первого класса, главным начальником и инспектором милиции; умер в Мадриде 29 мая 1862 г.

прежнее громадное влияние; она будет устраивать по своему усмотрению дела Нового Света, невзирая на британские происки; что касается восточного кризиса, то она предоставит полную свободу действий петербургскому двору, который за эту услугу позволит ей широко вознаграждать себя за потери, понесённые ею в 1814 и 1815 гг. Всё это, конечно, было высказано лишь намёками. Но Шатобриан уже заранее предвкушал блестящие результаты такой грандиозной политики. А в ожидании этого он слушал царя, восхищался им, притворялся, что верит в его полное бескорыстие, беспрестанно выставляемое напоказ¹, и был убеждён, что если он сделает испанскую войну неизбежной, то этого бедного Каннинга с его жалкими политическими расчётами постигнет полная неудача.

Составление нот, которые решено было отправить в Мадрид, потребовало нескольких недель. Наконец, они были зачитаны на конференции. Французская нота была наименее резкой: Виллель всё ещё старался спасти хотя бы некоторые шансы на сохранение мира. Напротив, Пруссия, Австрия и в особенности Россия представили ноты столь вызывающего характера, что отсылка их была равносильна объявлению войны. В тот же день четыре державы, высказывавшиеся за вмешательство, установили актом, представлявшим собою настоящий союзный договор, перечень случаев, в которых Франция имела право начать войну и требовать себе помощи. Случаи эти были следующие: 1) подстрекательство французских подданных к возмущению, исходящее от испанского правительства; 2) свержение Фердинанда VII или покушение на него самого, или на кого-нибудь из принцев его дома; 3) посягательство на право престолонаследия в Испании. Впрочем, Франции предоставлялось право открыть военные действия и по другим мотивам; в этих случаях Священный союз не обязывался помогать ей, но продолжал считать себя заинтересованным в восстановлении порядка на полуострове и в содействии этому дипломатическим путём. Наконец, французское правительство в ответ на принятые тремя союзниками по отношению к нему обязательства должно было согласиться действовать на началах взаимности, т. е. ставило себя в такое положение, что союзники имели полную возможность принудить его вое-

¹ «Что могло бы меня прельстить? — говорил Александр I Шатобриану. — Зачем увеличивать мою империю? Провидение дало мне в руки 800 тысяч солдат не для удовлетворения моего тщеславия, но для того, чтобы покровительствовать религии, нравственности, справедливости и установить те принципы порядка, на которых держится человеческое общество».

вать, если бы в последний момент оно стало от этого уклоняться.

Легко понять, что такое соглашение не могло быть одобрено Англией. Представители этой державы позаботились о том, чтобы занятая ими отрицательная позиция была ясно установлена и сделалась известна всей Европе. Меттерниху хотелось, чтобы Веллингтон взял обратно свою ноту 31 октября (для того чтобы не обнаруживать разлада, произошедшего внутри великого союза) или по крайней мере согласился не упоминать о ней в протоколах. Но «железный герцог» объявил, что он не желает допустить никаких сомнений или недоразумений относительно английской политики; поэтому он не только ничего не взял обратно, но даже препроводил конгрессу ещё две новые ноты — 19 и 22 ноября; первая из них указывала, что британское правительство не может согласиться на только что установленный *casus foederis* и продолжает считать задуманное вмешательство опасным и неосновательным предприятием; вторая подчёркивала твёрдое намерение Англии не следовать примеру прочих великих держав и не посылать кабинету Сан-Мигеля угрожающей ноты. Англия, говорилось в этом заявлении, держится принципа — никогда не вмешиваться во внутренние дела других государств. Её представитель останется в Мадриде и получит приказ «приложить все свои старания к тому, чтобы успокоить то возбуждение, которое, несомненно, будет вызвано сообщениями из других посольств». Несколько дней спустя (26 ноября) Веллингтон — после безрезультатных и довольно запутанных дебатов об испанских колониях в Америке — официально объявил о намерениях Каннинга, о которых уже давно можно было догадаться, а именно, что лондонский кабинет не может на неопределённо долгое время воздерживаться от признания независимости этих новых государств; что ему нет надобности исследовать юридическую сторону вопроса; что он до сих пор желает примирения упомянутых колоний с их метрополией, но что он должен прежде всего покровительствовать торговле английских подданных и поэтому оставляет за собой право принять по отношению к Новому Свету те решения, которые будут подсказаны ему обстоятельствами. Тон этот ясно показывал, что Англия очень мало заинтересована в Испании, но что она собирается извлечь выгоду из той ошибки, которую собиралась сделать Франция, пытаясь вооружённой силой восстановить там абсолютизм. Надо было быть немного наивным, каким и бывал иногда император Александр I, чтобы поверить, как это казалось в конце ноября 1822 г., что сент-жемский кабинет

расположен заключить союз с кортесами и защищать их против французского вторжения. Каннинг действительно как раз в это время вёл переговоры с Сан-Мигэлем; может быть, он даже подал ему надежду на добрые услуги Англии; но в сущности его целью было воспользоваться отчаянным положением испанского правительства и вырвать у него значительное вознаграждение за убытки, понесённые английской торговлей на Антильских островах. На самом же деле этот тонкий политик хотел оградить от французского влияния не Испанию, а Америку. Дальнейшие его действия вскоре должны были подтвердить это.

VII

22 ноября Монморанси уехал в Париж, где представил Людовику XVIII и Виллелю те условия, на которые он согласился в Вероне. В ожидании окончательного решения со стороны французского правительства конгресс обсуждал разные политические вопросы, конечно, менее волнующие, чем испанские дела, но всё-таки небезынтересные для Священного союза.

Правда, конгресс не мог прийти к соглашению ни по вопросу об испано-американских государствах, ни по вопросу относительно Бразилии, независимость которой, как это ни кажется на первый взгляд странным, почти открыто поддерживал Меттерних¹. Россия высказалась за принцип легитимизма ещё более решительно, чем прежде; Англия объявила, что она мало её интересуется ввиду известных обстоятельств; Австрия и Франция по разным мотивам лавировали между правом и фактом. Одним словом, в Вероне, как и в Аахене, не было принято никакого решения, и это новое промедление обеспечило окончательную победу революции в Америке.

Вопрос о торговле неграми, разрешения которого Англия добивалась с такой настойчивостью в течение нескольких лет, был, как и следовало ожидать, поставлен ею на Веронском конгрессе. Но немилость, в которой находилась эта великая держава у четырёх остальных, сделала бесплодными все её усилия добиться действительного уничтожения этой позорной торговли, которую она не переставала обличать².

¹ Это можно объяснить близким родством дона Педро с австрийским императором Францем I.

² Вопрос этот обсуждался уже в 1815 г. на международной конференции в Лондоне. Англия снова подняла его в 1818 г. в Аахене. В 1822 г., как и раньше, она хотела обуздать эту торговлю некоторыми существенными мерами и прежде всего установлением *права осмотра*

Державы снова ограничились одними фразами. В частности французское правительство отказалось подчиниться мерам надзора, контроля и репрессий, предложенным кабинетом Ливерпуля. В общем конгресс ответил на предложение Великобритании почти платонической декларацией относительно торговли неграми¹. В этой декларации говорилось, что монархи, лично присутствующие в Вероне или приславшие туда своих представителей, продолжая поддерживать принципы, высказанные ими ещё в 1815 г., решительно осуждают эту преступную торговлю, готовы содействовать всему тому, что обеспечило бы её уничтожение, и намерены приступить к добросовестному обсуждению всех мер, направленных к этой цели, лишь бы они были «согласны с правами и интересами их подданных». Из этого видно, что державы не слишком себя связывали и что потребуется ещё немало лет для того, чтобы Европа приняла действительные меры к уничтожению торговли неграми.

Восточный вопрос был также рассмотрен собравшимися в Вероне дипломатами в течение ноября 1822 г. Но ввиду тогдашнего настроения царя этот вопрос не мог вызвать слишком живых прений. Русское правительство, попрежнему оговаривая свои права и указывая на недоброжелательное отношение к нему Порты, удовольствовало повторением (в двух новых нотах)² тех — по виду весьма умеренных — требований, с которыми оно выступило в Вене 26 сентября. Оно более громко чем когда-либо заявляло о своём бескорыстии и соглашалось принять для решения своих споров с Турцией добрые услуги Австрии и Англии, которые, осыпая его похвалами, в то же время намеревались обмануть Россию. Что касается греков, то державы, казалось, были вполне солидарны в своём решении не одобрять их восстания и не оказывать им никакой помощи, даже моральной. Сам царь, без жалости относившийся теперь ко всему тому, что напоминало революционное движение, объявил их не достойными своей симпатии и уже не настаивал более на том, чтобы их уполномоченные, ожидавшие в роли просителей в Анконе, были выслушаны конгрессом. Греческое правительство, с большим трудом защищавшее Пелопоннес против турецких полчищ Драмали, сочло нужным отправить торжественное посольство для того, чтобы отстаивать своё дело перед собравшимися в Вероне монархами и министрами. Их делегаты должны были взывать к чувству солидарности между отдельными членами великой христианской семьи.

¹ 28 ноября 1822 г.

² От 9 и 27 ноября.

протестовать против проведения какой бы то ни было аналогии между греческой революцией, не могущей ни в каком отношении внушать беспокойство членам Священного союза, и революциями в Испании и Италии; наконец, просить, чтобы судьба их страны не была решена без участия её представителей. Но, несмотря на бесчисленные просьбы главы этой миссии, Андрея Метаксаса¹, несмотря на его обращение лично к папе, русскому императору и французскому уполномоченному Караману², конгресс всё-таки отказался принять его; через несколько недель полиция Папской области была вынуждена, из желания угодить Священному союзу, заставить его покинуть Анкону.

Итальянские дела заняли государственных деятелей, собравшихся в Вероне, на несколько недель. Все правительства этой страны были представлены на конгрессе; большая часть делегаций возглавлялась не только министрами, но и самими монархами. Впрочем, по решению заправил, вершивших европейскими делами, они были допущены только к обсуждению своих собственных дел. Каждое из этих маленьких государств Апеннинского полуострова, за исключением Папской области, трепетало перед венским двором и покорно переносило его покровительство даже тогда, когда его и не желало. Неаполитанский король сам просил о том, чтобы оккупация его территории австрийскими войсками была продлена до того времени, когда он сформирует хорошую армию, а это не могло произойти в близком будущем³. Сардинский король Карл-Феликс, к великому неудовольствию Франции, согласился оставить в Пьемонте до 1 октября 1823 г. гарнизоны, которые содержались там со времени Новары. Будь это возможно, он даже согласился бы лишить

17

¹ Метаксас (Андрей, граф) родился на острове Кефалонии в 1796 г.; командир корпуса греческой армии в 1821 г.; министр временного правительства в 1822 г.; член административной комиссии *Семи* (1832—1833), затем выполнял различные дипломатические поручения, министр финансов (1841); председатель совета министров (1843); генерал (1849); посланник в Константинополе (1850); умер в 1860 г.

² Караман (Луи-Шарль-Виктор Рикэ, маркиз, впоследствии герцог) родился в 1762 г.; по поручению Людовика XVI в 1789—1792 гг. неоднократно посылался с конфиденциальными миссиями; эмигрировал; был в течение 10 лет на прусской службе; находился в заключении, по приказанию Наполеона, при Консульстве и Империи; посол в Берлине (сентябрь 1814 г.); пэр Франции (1815), посол в Вене (1816—1828); присоединился к июльскому правительству (1830); участвовал добровольцем в экспедиции в Алжире против Константины (1836); умер в Париже в 1839 г.

³ К этому времени оккупационный отряд был сокращён с 52 тысяч человек до 35 тысяч.

права престолонаследия принца Кариньянского, Карла-Альберта, в пользу Франца IV, моденского герцога из австрийского дома¹. Но права Карла-Альберта, признанные Венским трактатом², открыто поддерживались Францией и Россией во имя легитимизма, и они в конце концов восторжествовали. Эти две державы разрушили, кроме того, тайные замыслы Меттерниха, уже давно задумавшего превратить Италию в федеративный союз, в котором гегемония, естественно, принадлежала бы Австрии. Меттерних предполагал начать выполнение своей программы с учреждения в Пьяченце «следственной комиссии», наподобие майнцской; власть её должна была распространяться на весь полуостров. Папский легат Спина, поддерживаемый в особенности представителями Франции, решительно протестовал против подобного учреждения, указывая, что всякое государство должно пользоваться полной свободой в борьбе с заговорами; что это даст лучшие результаты; что если на полуострове действительно и происходит некоторое революционное брожение, то его нельзя ослабить путём усиления в Италии австрийского влияния; что этим можно достигнуть только обратных результатов. «Австрия нас обвиняет в снисходительности к карбонариям, — писал кардинал. — Их число вовсе не так велико, как обычно думают. *Всё население Италии солидарно только в своей ненависти к Австрии и в жалобах на порабощение, в котором она держит Италию.* Эта ненависть объединяет людей самого разнообразного образа мыслей. А Австрия хочет заставить нас бороться с ними. Можем ли мы добросовестно делать это?» Эти энергичные слова охладили пыл Меттерниха и заставили его отложить пока выполнение своей программы. Временно ему пришлось удовлетвориться тем, что он отправил итальянским государством составленный Лебцельтерном официальный выговор за их беспечность по отношению к революционной опасности и обязал их представить конгрессу отчёт относительно мер, принятых ими с 1821 г. для борьбы с этой опасностью. В заключение он объявил им от имени трёх северных государств (Франция и Англия, как и в Лайбахе, отказались поддерживать его политику в Италии), что Священный союз продолжает им покровительствовать, так как он «преисполнен чувствами столь искренней и неослабевающей

¹ Он женился в 1812 г. на Марии-Беатрисе Савойской, дочери Виктора-Эммануила I.

² См. выше, стр. 94.

дружбы к итальянским дворам; дипломатические агенты трёх монархов должны и впредь являться выразителями этих чувств при дворах, при коих они аккредитованы»¹.

VIII

В то время как Веронский конгресс обсуждал все эти вопросы, представлявшие тогда второстепенный интерес, самый злободневный вопрос — о вмешательстве в испанские дела — рассматривался в Париже, где Виллелю и Монморанси оказалось очень трудным притти к соглашению. Первый министр Франции всё ещё желал избежать войны. Но в то же время он сознавал, что его коллега опирался на конгрегацию и что конгрегация желала войны во что бы то ни стало. Он жалким образом цеплялся за свой министерский пост и поэтому слишком уступал ультра-роялистам. Если он временами и решался порицать в «Journal des Débats» или в «Moniteur» политику интервенции, то вместе с тем он непрерывно противоречил самому себе, усиливая вдоль Пиренеев наблюдательный корпус и доставляя «апостоликам» всякую помощь для продолжения в Испании гражданской войны. Он от всего сердца желал, чтобы в Мадриде революционная партия обезоружила Священный союз, изменив конституцию 1820 г. в подлинно монархическом и консервативном духе. Но все его усилия остались бесплодными (как и при его предшественнике Ришелье). Отчаявшись в успехе этого дела, он старался выиграть время. Ему удалось 5 октября склонить Людовика XVIII к тому, чтобы обратиться к трём северным державам с просьбой задержать отправку нот в Мадрид. В тот же самый день был отправлен в Верону нарочный. Но ответ держав оказался в полном противоречии с желаниями французского министра.

Русский император более чем когда-либо желал войны, а Меттерних в свою очередь больше прежнего старался угодить ему. В Италии стало известно о бедствиях, постигших Урхельское регентство, которое было в ноябре изгнано из Испании и теперь укрылось во Франции². Александр I заявил, что нельзя допустить ни малейшего промедления.

¹ В то же самое время по отношению к Швейцарии три вышеупомянутые державы заняли угрожающую позицию, потребовав у этой республики изгнания или выдачи тех итальянских и немецких агитаторов, которым она великодушно предоставляла убежище, особенно с 1820 г.

² Оно было принуждено покинуть Урхель 10 ноября и прибыло в Тулузу 28 числа того же месяца.

Курьер Виллелю прибыл 11 декабря. 13-го числа Австрия, Пруссия и Россия в сухих выражениях заявили представителям Франции, что Людовик XVIII волен выбирать время и способ разрыва с Мадридом, но что немедленная отсылка нот от имени северных монархов решена; что нельзя создавать впечатление, будто конгресс ни к чему не привёл; что Священный союз не может отступать от своих постановлений. Шатобриан, заместитель Монморанси в Вероне, легко дал себя убедить, что честь Франции обязывает её действовать без промедления. Ему сделали только одну уступку: для сохранения хотя бы видимости свободы действий французское правительство имело право отозвать из Мадрида своего посла через некоторое время после отъезда других послов. В общем вопрос о войне был решён окончательно. Раздражение царя росло с часу на час; он открыто заявлял, что будет смотреть на Францию как на соучастницу Испании, заслуживающую соответственного обращения, если она не подчинится немедленно его требованиям. Шатобриан в свою очередь отправился в Париж (13 декабря), дав обещание окончательно преодолеть колебания Виллелю.

На следующий день (14 декабря) было объявлено о закрытии конгресса. Три северных монарха, объединившиеся, как и в Лайбахе, для того, чтобы обуздать и предать проклятию революции, не желали покинуть Верону, не доведя до всеобщего сведения свои последние решения и не сформулировав ещё раз своих принципов. Циркуляр, выпущенный ими перед отъездом из Вероны, прежде всего подчёркивал то бескорыстие и прямоту, с которыми они вели дело восстановления порядка в Италии. Затем в нём высказывалось порицание Греции: улучшение судьбы этой христианской нации является, несомненно, желательным, но восстание её — чисто революционное по своим принципам, форме и целям — заслуживает резкого осуждения. Испания, которую вскоре собирались образумить, изображалась как «печальный пример неминуемых последствий всякого посягательства против вечных законов морали». Во всяком случае Священный союз, желая только мира и благоденствия для народов, будет неуклонно и повсеместно преследовать тёмные и лживые крамольные партии, сеющие возмущение в Европе и в Америке. «Монархи, — читаем мы в циркуляре, — не сочтут оконченным своего дела до тех пор, пока не вырвут у них оружия, которое они могут обратить против спокойствия всего мира». Этот документ звучал не меньшей угрозой для некоторых государей, чем для отдельных народностей; европейские заправилы давали ясно понять некоторым монархам, что они не перестанут следить за ними

и диктовать им свою волю. В частности немецкие государи, на гибельные тенденции которых Меттерних неоднократно указывал, должны были почувствовать, что именно их имеют в виду следующие строки циркуляра: «Монархи хотят верить, что среди лиц, облечённых в какой бы то ни было форме верховной властью, они повсюду встретят верных союзников, уважающих не только букву, но и дух всех тех трактатов, которые составляют в настоящее время основу европейской системы». Этот новый манифест контрреволюции был продиктован венским двором. Последний надеялся, что, опираясь на поддержку России, Пруссии и Франции, он сможет быстро и беспрепятственно завершить дело, так хорошо начатое в 1819—1821 гг. Но теперь приходилось считаться с Англией, которая при Кэстльри ограничивалась в своих нападках на Священный союз пустыми словами, но которая при Каннинге собиралась нанести ему по существу смертельный удар¹.

¹ Источники: Bignon, Des Cabinets et des Peuples;— Chateaubriand, Le Congrès de Vérone;— Cornwall Lewis, Histoire gouvernementale de l'Angleterre depuis 1770 jusqu'à 1830;— Deventer (van), Cinquante années de l'histoire fédérale de l'Allemagne;— Gentz (F. de), Dépêches inédites, t. II;— Gervinus, Histoire du XIX siècle, t. IX, X, XI, XII, XIII, XVI, XVII;— Gordon, History of the Greek revolution;— Hyde de Neuville, Mémoires, et Souvenirs, t. II;— Hubbard, Histoire contemporaine de l'Espagne, t. II;— Juchereau de Saint-Denis, Histoire de l'empire ottoman;— Lesur, Annuaire historique, années 1821—1822;— Metternich (prince de), Mémoires, documents et écrits divers, t. III;— Pereira da Silva, Historia da fundação do Império brasileiro;— Soutzo (Al.), Histoire de la révolution grecque;— Vautabelle (Ach. de), Histoire des deux Restaurations, t. V. et VI;— Villèle (comte de), Mémoires;— Viel-Castel (baron de), Histoire de la Restauration, t. X et XI, etc.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЦАРЯ-ИДЕОЛОГА

I. Министерство Виллеля и испанские дела.— II. Реакционная политика 1823 и 1824 гг.— III. Торжество революции в Новом Свете.— IV. Усиление сочувствия к грекам в Англии.— V. Переговоры в Петербурге и смерть Александра I.

(1822—1825)

1

Результатом Вероянского конгресса была контрреволюционная политика 1823 и 1824 гг., последствия которой ощущались в значительной части Европы. Но ответом на эту политику вскоре явилась не менее энергичная деятельность противоположного характера, обязанная своим возникновением главным образом перемене в политике Англии.

Естественно, что реакция коснулась прежде всего Испании. Священный союз осудил эту страну и поручил исполнение своего приговора Людовику XVIII. Правда, в течение нескольких недель можно было ещё думать, что французский король уклонится от выполнения этого поручения. После возвращения Шатобриана, который привёз с собой ультиматум конгресса (20 декабря 1822 г.), Виллель снова приложил все усилия к тому, чтобы предупредить войну, которой он никогда не желал и ответственность за которую его пугала. Он добился того, что Монморанси вынужден был покинуть министерский пост (25 декабря). В то время как от Австрии, Пруссии и России поступили в Мадрид угрожающие ноты, а посланники этих трёх дворов, соответственно состоявшемуся между ними (9 января) соглашению, покинули Испанию, представитель Людовика XVIII, де-ла-Гард, вручил Сан-Мигэлю ноту, несомненно резкую, но всё же сравнительно миролюбивую, содержание которой не обуславливало немедленного отъезда этого дипломата. Примирение было ещё возможно; но, для того чтобы оно состоялось, необходимо было, чтобы испанское министерство в известной мере дало своё согласие на те изменения в конституции

1820 г., проведения которых желал Виллель. К несчастью, Сан-Мигэль и его приверженцы категорически отказались от всякой уступки, так как их патриотическое чувство было возмущено притязаниями Священного союза, а их упорство поддерживалось несбыточной надеждой на союз с Англией¹. Ответ их, неблагоразумно одобренный кортесами, был составлен в столь надменных и мало миролюбивых выражениях, что Людовик XVIII, подчас бывавший гордым, объявил себя оскорблённым. Де-ла-Гард вслед за другими должен был в свою очередь потребовать свои паспорта и покинул Мадрид 18 января 1823 г. Однако даже в этот момент Виллель имел намерение ограничиться дипломатическим разрывом. Но сильно раздражённый король под влиянием своих родственников и представителей крайней партии всё более склонялся в пользу войны. Глава кабинета не встретил поддержки в новом министре иностранных дел, так как это место после Монморанси занял Шатобриан, желавший похода в Испанию во что бы то ни стало. Виллелю доказывали, что если он не начнёт войны по ту сторону Пиренеев *в интересах* Священного союза, то ему придётся вести её *против* последнего на берегах Рейна (это было по меньшей мере сильным преувеличением). Доводом, окончательно рассеявшим его колебания, была угроза свергнуть его, категорически высказанная вождями партии ультра-роялистов, которым он был обязан своей властью. Перед подобным ультиматумом он уступил вопреки своим убеждениям. 28 января, при открытии палат, в тронной речи было, наконец, объявлено Франции, что поход решён окончательно и что 100 тысяч французов под начальством герцога Ангулемского должны в скором времени войти в Испанию.

Общественное мнение безуспешно протестовало против этого предприятия, так явно навязанного французскому правительству Священным союзом. Тщетны были указания на непоследовательность образа действий конституционного короля, употреблявшего свою армию для уничтожения конституции и восстановления абсолютизма у своих соседей. Тщетны были красноречивые выступления против похода во имя хартии, доказывавшие, что испанская реакционная

¹ Лондонский кабинет потребовал от кортесов снятия блокады с берегов Венесуэлы и значительного вознаграждения за убытки, понесённые в результате войны британскими подданными в Америке. Он добился почти всего, чего желал (декабрь 1822 г. — январь 1823 г.), но не дал взамен ничего, кроме обещания дипломатических добрых услуг. Он даже помешал Испании заключить союз с Португалией, так как последняя в случае соединения с этой державой могла подвергнуться нападению со стороны Франции, а лондонский кабинет не желал её защищать.

политика рикошетом неизбежно повлияет на судьбы последней. Манюэль был силой принуждён оставить (4 марта) своё место в палате; но нация не воодушевлялась; армия, несмотря на некоторые тайные подстрекательства¹, сохраняла повиновение, и в первых числах апреля передовые колонны французских войск перешли Пиренеи.

II

Мы не станем описывать кампанию 1823 г., которая ввиду значительного превосходства наших войск и той поддержки, которую они встречали у испанской апостолической партии, не оказалась слишком трудной ни для герцога Ангулемского, ни для его офицеров. Ограничимся указанием на её результаты. Уже в последних числах мая племянник Людовика XVIII находился в Мадриде, откуда министерство и кортесы бежали в Севилью, увезя с собой Фердинанда VII. Герцог Ангулемский учредил регентство², которое, несмотря на некоторые действия, заслуживающие похвалы, не замедлило ознаменовать свою деятельность ужасающими эксцессами, направленными против конституционной партии. Так как французы продолжали наступать, кортесы вынуждены были укрыться в Кадисе; поскольку король отказывался следовать за ними, они отрешили его временно от власти (11—15 июня). Наконец, конституционное правительство оказалось осаждённым французами (июль — август), а его генералы начали сдаваться в разных местах, почти не сражаясь. У правительства не оказалось союзников; Англия до самого конца помогала только на словах. В результате этого в сентябре пришлось отказаться от сопротивления, сделавшегося невозможным, и возвратить свободу Фердинанду VII, который дал ряд торжественных клятвенных обещаний об амнистии и был отведён во французский лагерь. Там, как и можно было ожидать, он тотчас же отрёкся от всех своих обещаний (1 октября). С этого дня в Испании разразилась

¹ Войска, расположенные вдоль Пиренеев, подвергались сильному влиянию карбонариев. Было открыто и ликвидировано несколько заговоров, имевших целью побудить войска восстать и обратиться против правительства Реставрации. Даже в самый последний момент, в апреле, когда французские войска переходили испанскую границу, они были встречены полковником Фавье и несколькими французскими эмигрантами, принадлежавшими, как и он, к либеральной партии; размахивая перед войсками трёхцветным знаменем, они пытались, правда, не вступая в бой, остановить французские войска.

² Оно носило название «Регентство королевства на время плена его величества короля Фердинанда VII» и состояло из герцогов де Инфантадо и де Монтемар, епископа д'Осма, барона д'Эролес и Кальдерона (с Каломарда в качестве секретаря).

безумная по своей жестокости реакция; страна покрылась эшафотами; Риго был при торжественной обстановке повешен в Мадриде. Снова началось, как и в 1814 г., царство произвола и деспотизма; всякие вольности были уничтожены. Король — развращённый, трусливый и невежественный, поддерживаемый фаворитами самого низкого сорта, — казалось, получил снова неограниченную власть лишь для того, чтобы обогреть всю Испанию кровью жертв своей мести. Французы и даже сам их главнокомандующий, который не лишён был гуманности и прямоты, краснели за то, что их появление в Испании сделало возможным этот монархический разгул. Герцог Ангулемский после напрасных усилий умерить террор *апостоликов* отправился обратно во Францию, исполненный отвращения. Но его войскам ещё долгое время пришлось оставаться по ту сторону Пиренеев, чтобы защищать недостойного государя, возвращённого их усилиями из Кадиса.

В Португалии реакция не стала дожидаться капитуляции кадисских кортесов. В этой стране была своя *апостолическая* партия, желавшая, подобно испанской, уничтожения конституции и восстановления абсолютизма. Она не преминула призвать к себе на помощь французов. Но, поскольку Англия заявила (нотой Каннинга от 31 марта и некоторыми другими), что она не позволит войскам Людовика XVIII проникнуть в страну, независимость коей была ею гарантирована, герцог Ангулемский принял все меры к тому, чтобы не нарушать нейтралитета португальской территории. Правда, британское правительство со своей стороны, чтобы не дать Франции повода напасть на Португалию, постаралось сделать невозможным тот союз, который лиссабонские кортесы пытались было заключить с мадридскими. В сущности британский кабинет был очень доволен, что ему удалось изолировать Португалию, так как это государство, с тех пор как оно получило конституцию, стало обнаруживать тенденции, враждебные Англии. Сент-жемский кабинет предполагал, что восторжествовавшая в Мадриде контрреволюция не замедлит в силу естественной заразительности распространиться и на Лиссабон. Он ничего не имел против этого, и его ожидания не замедлили оправдаться. Граф д'Амаранте, глава португальских абсолютистов, после первой неудачной попытки свергнуть конституционное правительство (март—апрель), видя, что французы проникли уже в Кастилию и Эстремадуру, снова взялся к концу мая за оружие; с согласия королевы Карлотты¹ и её сына дона Мигэля, кумира всей

¹ Супруга Иоанна VI и сестра Фердинанда VII.

партии, он поднял бо́льшую часть войск на борьбу за старый режим.

Король Иоанн VI отправился к инсургентам и несколько дней спустя с триумфом вошёл в Лиссабон, возвратив себе прежнюю неограниченную власть. Он также мало заботился о своих клятвах, как и Фердинанд VII, но, к счастью, оказался менее склонным к репрессиям и мести. Впрочем, его супругу и сына также окружила буйная и честолюбивая камарилья, которая, как мы увидим далее, сумела всё-таки внести смуту в королевство в 1823 и 1824 гг.

События, театром которых оказалась Пиренейский полуостров, неизбежно должны были рикошетом отозваться на Франции и создать угрозу её свободе. Крайние роялисты были вне себя от радости, думая, что наступает момент осуществления надежд эмиграции, так долго оставшихся тщетными. Чтобы угодить им, пришлось в декабре распустить палату депутатов и приступить к новым выборам. Так как эти выборы происходили под беспримерным в истории давлением со стороны правительства, то из состава нового Законодательного собрания оказались устранёнными почти все представители либеральной партии (февраль 1824 г.). Вскоре «вновь обретённая палата» («la chambre retrouvée»), как называл её Людовик XVIII, решительно принялась за дело. Законом о *септеннате* (семилетнем сроке полномочий) за ней было обеспечено достаточно времени для того, чтобы полностью осуществить контрреволюционную программу. Уже в это время поднимался вопрос о законе против святотатства, о вознаграждении эмигрантов за понесённые убытки и о ряде других мероприятий. Все они могли нравиться народу, среди которого ещё было много людей, переживших 1789 г. Высокомерие и дерзость конгрегации и крайних роялистов ещё более усилились, когда в сентябре 1824 г. на престол вступил Карл X. Известно, какими реакционными законами ознаменовалось начало царствования этого государя, безрассудно хвалившегося, что он ничего не забыл и ничему не научился со времени революции. Это обстоятельство, впрочем, не мешало Меттерниху бояться по временам, как бы Карл X не склонился на сторону либерализма¹.

¹ «Карл X, — писал он 23 октября 1824 г., — человек искренний, честный, любезный, рыцарски благородный и религиозный, но в то же время слабый, поддающийся всяким внушениям и вместе с тем очень упрямый и даже пылкий в предубеждениях, владеющих им в данный момент; всё это заставляет опасаться вредной для престижа власти непоследовательности в управлении и слабости в сопротивлении либеральному влиянию, которое наследник престола, повидному, оказывает

Трудно было, правда, вполне удовлетворить австрийского канцлера, этого жреца абсолютизма и застоя, не допускавшего ни малейшего разделения верховной власти между государями и их подданными. Мы видели выше, каковы были после Веронского конгресса планы и надежды этого министра относительно Германии. Теперь для него важно было прежде всего завершить дело реакции, начатое в Германском союзе в 1820 г. Он беспрестанно повторял императору, что наступило время обязать монархов Южной Германии, если не совершенно отменить у себя конституции, то по крайней мере изменить их и сделать безвредными путём упразднения гласности парламентских дебатов и усиления правительственного давления на выборы. Такова была программа, которую он по возвращении из Италии предложил баварскому королю (декабрь 1822 г.) и которую на Венской конференции в январе 1823 г. он пытался (правда, безуспешно) навязать представителям различных государств, заинтересованных в этом вопросе. Немного позднее он назначил на должность председателя союзного сейма вместо Буоль-Шауэнштейна, слишком мягкого и нерешительного, — графа Мюнх-Беллингаузена¹, как более дальновидного, смелого и властного дипломата. Последний самовластно руководил работами этого собрания, сообщая ему или скрывая от него по своему усмотрению положение дел, чрезмерно удлинняя или сокращая продолжительность происходивших в нём прений. В скором времени он всецело подчинил себе сейм. Впрочем, оппозиция государей, на которую с давних пор жаловался Меттерних, ещё не сказала к этому времени своего последнего слова. Король баварский, повидимому, всё ещё держался за свою конституцию; но самым упорным из германских государей оказался король Вильгельм вюртембергский, протест которого против постановлений Веронского конгресса произвёл в начале 1823 г. впечатление скандала при дворах неограниченных монархов. Этот государь ещё более обострил положение тем, что помешал сейму согла-

на своего отца». — Из другого письма австрийского министра (от 23 сентября 1824 г.) можно заключить, что он был не слишком высокого мнения об умственных способностях французского короля: «...Он смел и справедлив; если бы у него, вдобавок, было побольше твёрдости характера, то он мог бы блистать в среде посредственных монархов; я не царевыйца, но всё-таки позволю себе утверждать, что бывают монархи *посредственные*...»

¹ Граф Мюнх-Беллингаузен (Эдуард-Иоахим) родился в Вене в 1786 г.; губернатор Праги; затем состоял при Меттернихе, пользовавшемся его услугами в разных дипломатических переговорах; представитель Австрии на сейме во Франкфурте, где он председательствовал с 1823 по 1848 г.; после этого вернулся к частной жизни.

ситься без оговорок, как того хотел венский кабинет, на циркуляр 14 декабря 1822 г., а также и тем, что в лице своего уполномоченного Вангенгейма иногда защищал на сейме здравый смысл и справедливость против теории божественного права и непогрешимости монархов. Такой пример грозил стать заразительным. Но вскоре вести, приходившие из Испании и Португалии, значительно охладили либерализм германских князей. Австрия прекратила дипломатические сношения с Вюртембергом, побудила Россию и Пруссию поступить так же и в конце концов добилась отозвания Вангенгейма. Она устранила также всех уполномоченных, хоть сколько-нибудь выказывавших независимость убеждений и чувств по отношению к Австрии. Благодаря Мюнху с декабря 1823 г. гласность дебатов и работ сейма была почти уничтожена. Напротив, Майнцская комиссия, некоторое время бездействовавшая, возобновила свои розыски с удвоенной энергией, открыла и разоблачила, как раз во-время, несколько тайных обществ и опасных изданий и тем навела страх даже на тех государей, которые до того времени наиболее отрицательно относились к политике Священного союза. Эти монархи стали терять мужество; к тому же большинство из них (в том числе и сам король вюртембергский) часто находилось в конфликте со своими парламентами и уже находило конституционный режим несколько стеснительным для своих прерогатив. Они восхищались правильностью, с которой функционировал государственный механизм Пруссии, где Фридрих-Вильгельм после стольких обещаний учредил не народное представительство, а просто провинциальные ландтаги, имевшие в политических вопросах лишь совещательный голос (июнь 1823 г.). Этой переменной настроенности объясняется та сравнительная лёгкость, с которой Меттерних добился в 1824 г. от большей части германских государств принятия, по крайней мере в теории, своего плана реакции. После пребывания в Баварии, где он склонил на свою сторону короля Максимилиана¹, он отправился в свой замок Иоганнесберг, где в течение двух месяцев (июнь и июль 1824 г.) жил, можно сказать, как монарх, и завёл у себя настоящий двор. Здесь-то, на интимных собраниях, ходивших на Карлсбадскую и Венскую конференции, и были приняты те решения, которые Меттерних с давних пор пытался навязать Союзному сейму. Этот последний спустя

¹ Родился в 1756 г.; герцог де Пон в 1795 г.; преемник Максимилиана-Иосифа I, курфюрста Баварского; с 1799 г. союзник Наполеона, который сделал его баварским королём (1806); член Рейнского союза (1806); перешёл на сторону великой коалиции в 1813 г.; умер 13 октября 1825 г.

несколько дней (16 августа) принял их без сопротивления. Решения эти содержали в себе: 1) категорическое запрещение государям отказываться в пользу своих подданных от основных прерогатив и предложение ограничить гласность парламентских дебатов; 2) сохранение в силе того режима, который был введён в университетах с 1819 г.; 3) возобновление закона о печати, который в том же 1819 г. был издан только на пятилетний срок. Если прибавить к этому, что Майнцская комиссия продолжала действовать, причём нельзя было предвидеть, когда она закончит свои работы, то станет ясным, что Меттерних имел некоторое основание восхищаться результатами своих усилий и мог надеяться увидеть со временем Европу совершенно подчинённую тому режиму отеческого попечения и предупреждения, который был, по его мнению, идеалом государственного устройства.

III

Испанская война имела, кроме описанных последствий, ещё и другие. Если её результатом явилась реакция на Пиренейском полуострове, во Франции и в Германии, то, с другой стороны, она привела к окончательной победе революционных начал в Америке, где Каннинг в конце концов нанёс непоправимый удар Священному союзу.

Английский министр, повидимому, более хитрый и уж, конечно, более искусный, чем австрийский канцлер, открыто высказался ещё на Веронском конгрессе против вооружённого вмешательства в испанские дела и с негодованием протестовал против абсолютистских доктрин, в роли защитника которых столь неблагоприятно выступило французское правительство. Однажды, в начале 1823 г., в разговоре с графом де Марселлюс¹, французским поверенным в делах в Лондоне, он воскликнул: «Вы предпринимаете целый крестовый поход во имя политических учений! Разве вы не знаете, что

¹ Граф де Марселлюс (Мария-Луи-Жан-Андре-Шарль Демартен-дю-Тирак) — сын графа де Марселлюс, известного своими пылкими ультра-роялистскими убеждениями после 1815 г.; родился 19 января 1796 г.; секретарь посольства в Константинополе в 1815 г.; выполнял различные поручения на Востоке, откуда прислал во Францию статую Венеры Милосской (1820); первый секретарь посольства в Лондоне (1821); поверенный в делах в Лондоне (сентябрь 1822 г.); послан с чрезвычайной миссией в Мадрид (1824); затем в Лукку (1826—1829); приглашался на пост помощника министра иностранных дел в министерстве Полиньяка (этой должности он не принял); возвратился к частной жизни после июльской революции. Последние годы жизни посвятил литературной деятельности.

система теорий, имеющая своим источником монархический престол, нам ненавистна и что британская политическая система является именно результатом целого ряда побед, одержанных подданными над монархами... Свободный король! Разве вы знаете короля, заслуживающего быть свободным в подлинном смысле этого слова?.. По-настоящему свободен только деспот или узурпатор, это — бичи мира, ужасные кометы, сверкающие и потухающие в крови...» В другой раз он прибавил: «Если Фердинанд, подобно Иакову II, противится воле народа, то он заслуживает применения к нему английского метода. Обратите внимание: этот пример может пригодиться и для вас... Человек, достойный короны, найдётся...» Французское правительство не обратило внимания ни на уговоры, ни на пророчества, ни даже на прямое неудовольствие, высказанное лондонским кабинетом по получении известия, что поход окончательно решён. Но Каннинг, осуждавший с такой энергией политику Людовика XVIII, выражавший сочувствие испанским кортесам и несколько раз предлагавший им свои добрые услуги, вовсе, однако, не имел намерения силой противодействовать французскому вмешательству. Он порицал это вмешательство только потому, что действительно считал его несправедливым и нелепым. Но в глубине души он был очень рад происшедшему. Для его несколько двусмысленной политики было весьма кстати, чтобы французская армия распоряжалась в Испании, чтобы она прочно там водворилась и даже оставалась в этой стране в течение нескольких лет. Мы видели, что Каннинг весьма хладнокровно дал погибнуть кадисским кортесам, даже не разрешив кортесам лиссабонским объединиться с ними. Он хотел иметь право утверждать, что Испания более не является хозяином в своих владениях; что она находится под опекой Франции; что это последнее государство, приобретя господствующее влияние южнее Пиренеев, тем самым дало Англии право распространить своё влияние на испанские колонии в Америке, где восстановление метрополии могло бы быть только наруку Франции. Именно в этом направлении он неуклонно и повёл дело. Связь его политики с политикой министерства Виллеля была в течение 1823 и 1824 гг. совершенно очевидной. Правительство Георга IV, повидимому, старалось в точности сообразовать в этот период свои действия с политикой Людовика XVIII; в результате получалось, что в ответ на каждый успех, которого добивались французы в Испании, сент-джемский кабинет заявлял новое притязание и в конце концов добивался соответственного нового успеха в Центральной и Южной Америке.

Прежде всего в тот момент, когда герцог Ангулемский приготовился перейти Пиренеи, Каннинг нотой 31 марта 1823 г. объявил, что «независимость испанских колоний представляет совершившийся факт, но официальное признание этого факта зависит от *внешних обстоятельств* или от *внутренних успехов*, достигнутых соответствующими государствами в установлении нормально функционирующего правительства». Этими словами он хотел сказать, что если французы останутся на продолжительное время в Испании или если они попытаются наложить руку на испанские колонии, то Англия немедленно договорится с испано-американскими государствами и примет их под свою защиту. Под *внутренними успехами* Англия разумела укрепление консервативных начал. Она желала склонить колонии к монархическому, а не республиканскому образу правления, хотя бы только для того, чтобы изъять их, насколько возможно, из сферы влияния Соединённых Штатов. Англия, например, очень благосклонно относилась к Мексике с тех пор, как последняя превратилась в империю под властью Итурбиде. Само собой разумеется, что Каннинг, как светский человек, прекрасно умеющий приспособляться к обстоятельствам, имел твёрдое намерение в случае надобности признать и республики. В самом деле, если Англия не могла подчинить своему исключительному влиянию политическую и экономическую жизнь новых государств, то по крайней мере она не должна была допускать, чтобы это влияние было захвачено Вашингтонским правительством.

В середине 1823 г. в Лондоне узнали о падении Итурбиде, который, впрочем, и сам вскоре явился искать убежища в Великобритании. Мексика под влиянием Соединённых Штатов реорганизовала своё государственное устройство по типу федеративной республики. Каннинг, рассудив, насколько трудно будет помешать американцам захватить свою долю, предпочёл не бороться с ними, а вступить с ними в соглашение. К этому времени французы занимали уже почти всю Испанию. Вскоре они устроились в ней, как дома, и перестали даже и говорить о возвращении за Пиренеи. В этот самый момент Шатобриан, сделавшийся уже министром и преисполненный грандиозных, но фантастических проектов, выработанных им в Вероне совместно с царём, предложил разрешить на новом конгрессе при посредстве Священного союза вопрос об испанских колониях. Этим он довольно наивно дал в руки главы Форейн офис оружие, которым тот не преминул воспользоваться. Шатобриан мечтал о примирении Фердинанда VII с мятежными подданными — примирении, благодаря которому колонии превратились бы в авто-

номные королевства, управляемые принцами Бурбонского дома, в том числе и французскими. Подобное решение вопроса могло быть приведено в исполнение только силой, а силу могла предоставить в распоряжение Испании только Франция. Людовик XVIII получил бы таким путём поручение провести в жизнь в Америке, точно так же как и в Испании, постановления Священного союза.

Вся Англия пришла в ярость при этой мысли; сильно возмущались также и Соединённые Штаты. Поэтому Каннинг счёл необходимым предложить (в августе 1823 г.) Вашингтонскому кабинету, чтобы он совместно с лондонским двором оказал энергичное сопротивление планам, приписывавшимся Франции. Это предложение было принято с живейшим сочувствием. Впрочем, Англия первая подала пример, заявив в ноте, обошедшей всю Европу, что она немедленно признает независимость новых государств, если Испания получит *поддержку* своим попыткам насильственно подчинить их или если она пожелает возобновить те стеснения, которым она раньше подвергала торговлю. Спустя несколько дней (17 октября) лондонский двор приступил к осуществлению того решительного мероприятия, которым он грозил мадридскому кабинету, а именно, он назначил консулов в главные города Испанской Америки. Наконец, 2 декабря президент Соединённых Штатов Монро в торжественном послании Вашингтонскому конгрессу категорически установил принцип, сделавшийся впоследствии догматом для американцев и гласивший, что свободные правительства Нового Света отныне должны быть неприкосновенны для Европы и что она не имеет никакого права вмешиваться в их внутренние дела. «Мы должны заявить, — писал этот президент, — что будем смотреть на всякую их ¹ попытку распространить свою политическую систему на какую-нибудь страну, лежащую в этом полушарии, как на угрозу нашему спокойствию и нашей безопасности... Что касается тех правительств, которые провозгласили свою независимость и сумели сохранить её, — правительств, независимость которых мы признали по зрелом размышлении и согласно с принципами справедливости, — то мы не можем смотреть на вмешательство в их дела *какой бы то ни было* европейской державы, желающей стеснить их свободу или вообще оказать какое-либо влияние на их судьбу, иначе, как на проявление враждебного отношения к Соединённым Штатам. Мы заявили в момент признания независимости новых государств, что мы останемся нейтральными по отношению

¹ Он разумел членов Священного союза.

к их войне с Испанией, и мы остались верными нашему слову. Мы и впредь останемся верными ему, если только не произойдет такой перемены в обстоятельствах, которая, по мнению наших компетентных властей, сделает неизбежной *перемену* также и в нашей политике, — перемену, необходимую для нашей безопасности... Наша политика по отношению к Европе... состоит в том, чтобы никогда не вмешиваться во внутренние дела какой бы то ни было из держав этой части света и считать *фактически* существующие в ней правительства законными... Но когда речь заходит о наших личных чувствах, дело принимает совершенно другой оборот. В самом деле, если союзные державы пожелают провести свою политическую систему на том или другом из американских материков, то они не могут достигнуть своей цели, не угрожая нашему благосостоянию и нашему спокойствию. Ни одна из этих держав не может думать, что наши южноамериканские братья добровольно примут навязываемую им систему, если им только будет предоставлена в этом отношении полная свобода действий. И мы со своей стороны не можем остаться равнодушными свидетелями этого вмешательства, в какой бы форме оно ни проявилось...»

Эта энергичная декларация и соглашение между Англией и Соединёнными Штатами, результатом коего она являлась, должны были наглядно показать всякому здравомыслящему человеку, сколь бесплодной будет фантастическая политика Шатобриана. Каннинг чувствовал теперь свою силу, и, когда Фердинанд VII, подстрекаемый французским двором, предложил открыть в Париже переговоры для улаживания испано-американского вопроса (26 декабря 1823 г.), лондонский кабинет не ограничился простым отказом, но категорически заявил, что единственно возможное решение этого вопроса есть признание совершившегося факта. Английская торговля, заявлял Каннинг в своей ноте 30 января 1824 г., достигла в колониях такого развития, что для защиты её интересов оказалось необходимым назначение консулов... К тому же эти государства не смогут долго просуществовать, не став в строго определённые политические отношения с европейскими правительствами, поэтому нельзя более медлить с признанием независимости тех из них, которые фактически добились независимости. Английское правительство желает, чтобы мадридский кабинет первым провозгласил независимость колоний, «причём, однако, Англия не согласна связывать себе руки на неопределённое время». Её желание дать Испании возможность сделать первый шаг может через *несколько месяцев* отступить на задний план перед новыми, более важными соображениями.

Этими словами глава Форейн офис намекал на французскую оккупацию Испании, которая всё ещё продолжалась и которую Каннинг — попрежнему притворяясь — продолжал рассматривать как угрозу для Англии. Виллель, как умный человек, хорошо понимавший, на чём играет Каннинг, просил Людовика XVIII немедленно отозвать французские войска из-за Пиренеев, дабы отнять у Каннинга этот довод. Но положение правительства Фердинанда VII вследствие безумных реакционных выходов этого государя было столь непрочным, что указанная мера являлась в этот момент совершенно невозможной¹. 9 февраля 1824 г. французский посол в Мадриде Таларю² заключил с испанским министром О'Фалья³ договор, в силу которого французские войска вместо того, чтобы возвратиться во Францию, должны были остаться на полуострове до 1 июля того же года. Результатом этого соглашения было прежде всего то, что лондонский двор предоставил Итурбиде возможность возвратиться в Мексику, чтобы вернуть себе корону; затем на новое предложение относительно созыва конференции Каннинг ответил отказом ещё более решительным, чем в первый раз (май 1824 г.). «Англия, — заявил он, — будет действовать так, как найдёт нужным, не помня зла и не поддаваясь влиянию враждебных чувств, но также и не обращая внимания на мадридский двор...»

Полученное вскоре после этого известие, что эвакуация Испании в силу нового договора (от 30 июня) отложена до 1 января 1825 г., дало повод английскому министру сделать ещё один шаг вперёд. Старые тори, вроде Ливерпуля и Веллингтона, противившиеся, подобно Кэстльри, принципам революции и находившие поддержку в короле Георге IV, до этого момента упорно отвергали не только формальное признание независимости испано-американских республик, но даже и всякое соглашение, которое могло показаться равно-

¹ Старая конституционная партия отчаянной выходкой при Тарифе (август 1824 г.) показала вскоре после этого, что она ещё не отказалась от всякой надежды.

² Маркиз де Таларю родился в 1773 г., умер в Париже в 1850 г.; пэр Франции и посол при испанском дворе (1823—1824); министр (1827); возвратился к частной жизни после июльской революции.

³ Граф О'Фалья (Нарсисо де Эредия) родился в 1777 г.; секретарь посольства в Соединённых Штатах (1800); начальник канцелярии в министерстве иностранных дел (1808), вышел в отставку после вступления на престол Жозефа Бонапарта; призван Фердинандом VII на пост министра юстиции (1823), а затем — иностранных дел; посол в Лондоне (1827), затем в Париже (1828); министр внутренних дел (1832—1833); душеприказчик Фердинанда VII и член совета регентства (1833); председатель совета министров и министр иностранных дел (1837—1838); умер в 1843 г.

сильным таковому. В июле 1824 г. Каннинг — менее шепетильный или менее робкий — сумел заставить их сделать решительный шаг по тому пути, на который он с давних пор намеревался их увлечь. С аргентинской конфедерацией были начаты переговоры относительно заключения торгового трактата, который и был подписан в октябре следующего года; разумеется, этот договор обеспечил Англии значительные выгоды в бассейне Ла-Платы. После этого шага сделалось невозможным оттягивать на долгое время официальное признание независимости республик. И действительно, оно не заставило себя ждать. Известие о том, что предприятие Итурбиде потерпело полную неудачу в Мексике, где он был расстрелян по распоряжению федеральных властей (в июле), ещё более усилило тот страх, с которым английское правительство относилось к возрастающему влиянию Соединённых Штатов в Америке. К тому же Каннинг доказал и своим коллегам по министерству и самому королю, что испано-американские государства эмансипировались уже окончательно и что Великобритания не следует опасаться, что она скомпрометирует себя назначением туда своих представителей. Действительно, к этому времени на всём американском материке во власти испанцев находилась лишь незначительная часть Перу; да и оттуда новые победы Боливара и Сукре вскоре заставили их удалиться навсегда¹. У министров-тори и короля Георга IV исчезли всякие колебания, когда они узнали, что договором, заключённым 10 декабря, французская оккупация Испании продолжена на всё то время, пока она будет необходима для Фердинанда VII, т. е., другими словами, на неопределённый срок. Каннинг был тотчас же уполномочен сделать последний шаг. Тогда он объявил 1 января 1825 г. иностранным послам, аккредитованным при лондонском дворе, что он собирается назначить в испано-американские республики поверенных в делах, торжественно признать колонии независимыми государствами и заключить с ними торговые договоры. Эта новость никого в Европе не удивила: её давно уже ожидали. Не все державы последовали немедленно примеру Соединённых Штатов и Англии. Но если некоторые из них и заставили долго ждать признания с их стороны независимости испано-американских республик, то по крайней мере они усвоили по отношению к этим

¹ Призванный Перуанской республикой на помощь, Боливар послал сначала этому государству своего заместителя Сукре, а затем отправился сам в Лиму, где и был провозглашён диктатором (1 сентября 1823 г.). После битвы при Аякучо, выигранной Сукре 8 декабря 1824 г., испанцы удержали за собой в Перу только Кальяно, откуда вынуждены были удалиться 11 января 1826 г.

республикам такой *modus vivendi*, который был равносителен признанию.

При указанных обстоятельствах не могло уже быть и речи о задуманном было Александром I и Шатобрианом соглашении европейских держав по вопросам о судьбе Нового Света. Впрочем, Шатобриану помешал в его замыслах, может быть, не меньше, чем Каннинг, Фердинанд VII. Испанский король, несмотря на явное своё бессилие восстановить господство Испании по ту сторону Атлантического океана, упорно отвергал всякую мысль о том, чтобы предоставить возмущившимся колониям политическую автономию. Поэтому он счёл нужным содействовать падению Шатобриана, от которого Виллель был очень рад отделаться, так как он стеснял свободу его действий¹. С опалой этого министра рушились и его широковещательные планы. Таким образом, в начале 1825 г. Испанской Америке больше уже не грозила опасность со стороны какой-либо из европейских держав. Казалось даже, что она скоро совершенно обеспечит себя от всякого нового враждебного покушения со стороны Священного союза, если откликнется на призыв Боливара, который проектировал соединить в один огромный союз все только что образовавшиеся республики².

Если эмансипация испанских колоний горячо интересовала Каннинга, то не менее сильно желал он и независимости Бразилии, самой обширной и самой богатой из португальских колоний. И в этом отношении его искусная и твёрдая политика также увенчалась полным успехом. Если предшественник Каннинга, Кэстльри, считал нужным поддерживать дону Педро в его первых попытках к эмансипации, то легко понять, что сам Каннинг выказал ещё более симпатий этому государю. Он желал, чтобы первый император Бразилии прибегнул к покровительству Англии и не мог обойтись без её помощи. Втихомолку оказывая дону Педро всякого рода содействие (по возможности скрывая это), Каннинг помог ему изгнать из Бразилии португальские войска и обуздать сепаратистские стремления, угрожавшие распадом только что

¹ Шатобриан был довольно бесцеремонно отставлен в июне 1824 г.; с этого момента он перешёл на сторону либеральной оппозиции и стал вести в «*Journal des Débats*» резкую кампанию против кабинета Виллеля.

² *Освободитель*, державший уже под своей властью Колумбию, Перу и Боливию, пригласил (7 декабря 1824 г.) все американские правительства на конгресс, где он предполагал склонить их к заключению постоянного союза. Но не все государства отозвались на его призыв. Конгресс, открывшийся в Панаме 22 июня 1826 г., состоял только из представителей Мексики, Гватемалы, Колумбии и Перу. Он закончился совершенно безрезультатно. Аналогичные попытки повторялись впоследствии в различное время. Они имели столь же мало успеха.

возникшей империи. В 1823 г. упрочению ново-лузитанской монархии способствовали главным образом победы английского адмирала (Кокрэна). К тому же Каннингу было гораздо легче защищать против английских тори и Священного союза дело Бразилии, чем испано-американских республик. Он указывал, что в Новом Свете эта страна по консервативному духу её учреждений представляет счастливый контраст с соседними государствами, где безраздельно господствует революционный дух; что она составляет необходимый противовес этим государствам и гарантирует политическое равновесие и мир не только для Америки, но и для Европы. Он восхвалял необычную для юного возраста мудрость и твёрдость дона Педро, который не только не делал уступок *якобинцам*, но даже распустил в ноябре 1823 г. слишком бурное собрание депутатов, отказался принять навязываемую ему конституцию и сам даровал своим подданным основные законы (январь 1824 г.). Всё это не могло не понравиться русскому царю. Что касается австрийского императора, связанного с доном Педро узами близкого родства, то Каннингу не трудно было убедить его признать совершившийся факт. Притом Каннинг не упускал случая напомнить, что молодой бразильский государь является в то же время наследником португальской короны и что поэтому связь Бразилии с Португалией нельзя считать окончательно порванной. В сущности Каннинг действовал не совсем искренне, выставляя этот последний аргумент; его тайным желанием было — воспрепятствовать всякому, даже династическому, сближению между этими двумя государствами, и он рассчитывал помешать своему ставленнику получить впоследствии вторую корону.

В данный же момент ему было важно склонить Португалию к признанию независимости Бразилии; притом ему необходимо было достигнуть этой цели путём убеждения, так как Англия вовсе не желала портить свои отношения с государством, на которое она в течение более ста лет оказывала влияние, как нельзя более выгодное для её политики и торговли. Правда, это влияние несколько ослабело в период с 1820 по 1823 г., т. е. во время правления кортесов. Поэтому британское правительство и не поддерживало в Лиссабоне конституцию, как не поддерживало оно её и в Мадриде и в Кадисе. После реакции, наступившей в июне 1823 г., Иоанн VI, сделавшийся снова неограниченным монархом, возобновил дружественные отношения с лондонским двором. Но старик был нерешителен и слаб и, повидимому, тяготел к Франции не менее, чем к Англии. Этот жалкий король чувствовал себя очень непрочно на троне; кроме революции,

которая снова могла поколебать его положение, под его власть подкапывались также чистые *апостолики*, фанатики реакции. Эта партия, ещё более свирепая и ослеплённая, чем камарилья Фердинанда VII, упрекала Иоанна VI за его умеренность и мягкость. Руководимая королевой Карлоттой и вторым сыном короля, доном Мигэлем¹, человеком молодым, невежественным и ограниченным, но честолюбивым и жестоким, партия апостоликов мечтала о том, чтобы доставить власть этому принцу хотя бы путём государственного переворота или даже преступления. В феврале 1824 г. она организовала убийство герцога Луле, главного советника короля. В мае того же года она внезапно захватила Иоанна VI, намереваясь, повидимому, принудить его или отказаться от власти, или по крайней мере передать управление своему младшему сыну. Для того чтобы вернуть несчастному государю свободу, пришлось прибегнуть к серьёзному вмешательству дипломатического корпуса и в особенности французского и английского послов. Дон Мигэль был теперь в свою очередь схвачен, но он выпросил себе прощение и был изгнан в Австрию, откуда позже вернулся в Португалию на горе своей родине.

Если представитель Англии в Лиссабоне с такой энергией высказывался против этого юного принца, то это объясняется главным образом тем, что он знал его как ярого противника всякого соглашения с Бразилией. Но после освобождения Иоанна VI английскому посланнику пришлось бороться с его французским коллегой Гид-де-Невиллем²,

¹ Мигэль (дон Мариа-Эваристо) родился в Лиссабоне в 1802 г.; пытался произвести государственный переворот, результатом которого было его изгнание в 1824 г.; удалился в Вену; затем был назначен доном Педро регентом Португалии (1826); провозглашён апостоликами королём; принуждён бороться с конституционалистами, восставшими против него во имя донны Марии; низложен и изгнан в 1834 г.; поселился в Риме; женился в 1851 г. на принцессе Аделаиде де Левенштейн-Вергс-им-Розенберг, от которой в 1853 г. у него родился сын, названный также Мигэлем. Умирая (1866), он передал последнему свои притязания на португальскую корону.

² Барон Гид де Невиллль (Жан-Гильом) родился в Ла-Шарите-сюр-Луар в 1776 г., в семье английского происхождения; очень деятельный и энергичный член французской партии роялистов с 1792 по 1800 г.; по ошибке был замешан в процесс об адской машине (1800—1801); удалился в Соединённые Штаты (1805), где сдружился с генералом Моро; возвратился во Францию (1814); разделил участь Людовика XVIII, последовав за ним в Гент в 1815 г.; депутат Ньевра в «Бесподобной палате» депутатов; французский посланник в Соединённых Штатах (1816), затем в Португалии; морской министр (1828—1829); верный сторонник легитимизма после 1830 г.; вместе с Шатобрианом подвергся преследованию со стороны июльского правительства (1832); умер в Париже в 1857 г.; автор многих речей, разных политических брошюр и интересных воспоминаний «Mémoires et Souvenirs».

энергичным и предприимчивым человеком, влияние которого на старого короля, усилившееся вследствие только что оказанной при его содействии услуги, могло помешать планам Великобритании относительно дона Педро. В течение нескольких месяцев между уполномоченными парижского и лондонского дворов в Лиссабоне шла ожесточённая борьба за влияние. Гид-де-Невилль требовал, чтобы переговоры о примирении Португалии с Бразилией, уже давно начатые в Лондоне, были перенесены в Париж. Здесь эти переговоры происходили бы под руководством Франции, и, конечно, результат их более отвечал бы видам последней, т. е. более соответствовал принципу легитимизма. Некоторые министры Иоанна VI и особенно граф Памплона¹ высказали готовность содействовать планам французского посланника. Но другие, как, например, герцог Пальмелла², были сторонниками британской программы и желали, подобно Каннингу, чтобы португальско-бразильский вопрос был решён в Лондоне при посредничестве Георга IV и в смысле признания новой империи независимым государством. После целого ряда тайных интриг французский посланник, воспользовавшись боязливостью старого короля, предложил ему, чтобы

¹ Памплона (Манюэль-Игнасио-Мартин, Корте-Реаль, барон), граф де Сюрберра, родился в Ангра (остров Терсейра) в 1760 г.; в юности — офицер русской службы; полковник португальской армии (1801); начальник главного штаба в 1808 г.; на французской службе (1812); Людовик XVIII назначил его военным губернатором в департаментах Кот-д'Ор и Луара-и-Шер; вернулся в Португалию в 1821 г.; депутат в собрании кортесов, камергер короля Иоанна VI, государственный советник, военный министр (1821—1823); председатель совета министров и посол в Испании (1825—1827); в 1828 г. арестован; умер в тюрьме в Эльваше в 1832 г.

² Пальмелла (дон Педро де Соуза-Гольштейн) родился в Турине 12 мая 1781 г.; советник посольства Португалии (1802), затем посол в Риме; состоял в тесной дружбе с мадам де Сталь; вернулся в Португалию (1806), адъютант генерала Франта в армии Веллингтона; посланник в Кадисе (1810), затем в Лондоне; представитель Португалии на Венском конгрессе (1814); вызван в Бразилию и назначен Иоанном VI министром иностранных дел (1816); в отставке после революции 1820 г.; министр иностранных дел и председатель совета министров (1823); арестован по приказанию дона Мигэля в 1824 г.; министр внутренних дел (1824); посол в Лондоне (1825); президент конституционной хунты, борющейся против дона Мигэля (1828); глава регентства, учреждённого на острове Терсейре; назначен доном Педро, от имени донны Марии, министром иностранных и внутренних дел (3 марта 1832 г.); получил титул герцога (13 июня 1833 г.); председатель палаты пэров (1833—1834); председатель совета министров (24 сентября 1834 г.); свергнут в 1835 г.; снова назначен председателем совета министров и министром иностранных дел 7 февраля 1844 г., затем 20 мая 1846 г.; председатель палаты пэров (октябрь 1846 г.); умер в Лиссабоне 13 октября 1850 г.

на помощь Португалии была введена на её территорию часть войск, занимавших в это время Испанию.

Англия была возмущена. Каннинг категорически заявил, что он не потерпит подобного вмешательства и в случае надобности будет противодействовать ему силой. Затем он пригрозил Иоанну VI отзыванием английской эскадры, стоявшей на рейде около португальской столицы и составлявшей её охрану. Несчастный престарелый монарх тотчас же сдался. Гид-де-Невилль, скомпрометировавший своё правительство, был отозван Виллелем. Памплона впал в немилость; Пальмелла сделался всемогущим (январь 1825 г.) и был послан в Лондон для переговоров по бразильскому делу. С этого момента вопрос стал быстро близиться к разрешению в желательном для Каннинга смысле. Посредничество в этом деле, как и хотел Каннинг, было возложено на лондонский двор. Английский дипломат Чарльз Стюарт был послан в Лиссабон и получил 13 мая от Иоанна VI хартию, по которой этот государь отказывался от своих прав на Бразилию в пользу своего старшего сына. Отсюда Стюарт отправился в Рио-де-Жанейро, где и был подписан (29 августа) с соблюдением всех формальностей договор между прежней колонией и её метрополией. К концу года независимость Бразилии была признана не только Португалией, но и всей Европой. Указанное соглашение оставляло, правда, в состоянии неясности чреватый бурями вопрос о правах дона Педро на родительскую корону. Но Каннинг имел обыкновение бороться с несколькими трудностями не сразу, а поочерёдно, и этот вопрос не мог ни захватить его врасплох, ни утратить.

Пока ему было достаточно того, что он обеспечил в Америке огромные рынки для английской торговли, которая под влиянием нарождавшегося учения о свободной торговле¹ стала развиваться в небывалых до того времени размерах. В течение немногих лет он расширил, сверх всяких ожиданий, круг политических связей и влияния Великобри-

¹ Английское правительство, под влиянием Хескиссона (министра торговли с 1823 г.), предприняло борьбу с покровительственной системой, которой оно до тех пор строго придерживалось. С 1822 по 1825 г. оно добилось от парламента разрешения для судов дружественных держав привозить товары в порты Великобритании, отмены дифференциальных пошлин, взаимности в вопросе о праве судоходства. Благодаря Хескиссону были отменены пошлины на соль, кофе, табак и пряности; уравниены были в области торговли права Ирландии и Англии; установлена *подвижная шкала* пошлин на хлеб; полное запрещение ввоза было во многих случаях заменено пошлинами; наконец, английским колониям, которые до сих пор могли торговать только с Англией, было предоставлено право непосредственной торговли с колониями других держав.

тании. Но главная его заслуга заключалась в том, что, освятив договором результаты этой крупной революции, он нанёс чувствительный удар Священному союзу, и этот удар не был последним.

IV

Можно спросить себя, почему Каннинг, с 1822 г. решивший признать независимость новых американских государств, почти три года медлил с исполнением своего плана. Дело в том, что вначале, т. е. вплоть до конца 1824 г., этот политик, отличавшийся в одинаковой мере благоразумием и твёрдостью характера, мог опасаться, что русский император последует его примеру и воспользуется его вмешательством в дела Нового Света как предлогом для интервенции в Греции и таким образом приобретёт преобладающее влияние на Востоке. Но с конца 1824 г. он этого более не боялся; в этот промежуток времени благодаря ряду действий, — более искусных, чем прямодушных, — он получил возможность эксплуатировать в своих интересах революционные движения не только в Америке, но и на Востоке, где он сделался хозяином положения. Двойственная политика, которой держался в греко-турецком вопросе Каннинг, заслуживает несколько более подробного изложения. Этот министр, как Кэстльри и Питт, в течение всей своей жизни горячо стоял за сохранение Оттоманской империи. Поэтому он постоянно старался изобразить Англию в глазах Порты как естественную союзницу против России. Но в то же время этот гениальный оппортунист вынужден был постепенно изменить отношение Великобритании к греческому восстанию, которого считал необходимым придерживаться его предшественник. В самом деле, он видел, начиная с конца 1822 г., что греки, ещё недавно находившиеся в крайне бедственном положении, одержали верх над Драмали и на многих примерах доказали свой героизм и свою жизнеспособность; это приводило в восторг Европу и, казалось, предвещало им полную победу. Несмотря на свою кажущуюся слабость и явную анархию, этот маленький народ всё ещё сопротивлялся; этим он доказал, что достоин свободы и может завоевать её. Если в конце концов он должен был победить, то нельзя было допустить, чтобы он считал себя обязанным своим успехом державе, соперничавшей с Англией. Последняя, следовательно, была всячески заинтересована в том, чтобы при приближении решительного момента взять на себя руководство движением: во-первых, для того, чтобы отнять это руководство у России, а во-вторых, для использования его таким

образом, чтобы предотвратить крушение Турецкой империи и как можно лучше обеспечить английские интересы.

Такая перемена политики была неизбежна для парламентского министра, обязанного считаться не только с палатой общин и палатой лордов, но и с общественным мнением. Греческий вопрос, который англичане сначала игнорировали и высмеивали, начинал становиться популярным. Да и английские капиталисты уже в начале 1823 г. стали убеждаться, что Англия может извлечь и выгоду и славу из поддержки, своевременно оказанной Греции и способной обеспечить этому новому государству независимость и благосостояние. Они полагали (и Каннинг вместе с ними), что если они не рискнут своими капиталами, то французские банкиры, быть может, окажутся менее боязливыми. Действительно, греческое дело, поддержанное сначала Ришелье и оставленное затем на произвол судьбы Виллелем в первые дни его министерской карьеры в 1823 г., возбуждало теперь необыкновенное сочувствие во Франции. Повсюду организовывались комитеты для того, чтобы посылкой денег, оружия, провианта и волонтеров помочь этим людям, стремившимся возродить античную и христианскую Грецию, знамя которой объединяло все партии. Крайние роялисты и либералы с равным энтузиазмом приветствовали возрождение нации, располагавшей к себе одних — религиозным чувством, а других — революционным порывом. После Веронского конгресса посланник Метаксаса, Журдэн, приехал в Париж для того, чтобы заключить заём от имени греческого правительства. Англичане сочли нужным заполучить это предприятие в свои руки. Дело в том, что до Каннинга начинали доходить слухи о намерении французских филэллинов предложить инсургентам в качестве короля принца французского происхождения, например сына герцога Орлеанского¹. Англия не могла позволить опередить себя. Этим и объясняется поворот в её политике.

Если Каннинг во время Веронского конгресса и даже немного позже весьма сдержанно относился к греческому вопросу, то это происходило потому, что он не желал, чтобы

¹ Дело шло о герцоге Немурском, кандидатура которого была предложена в середине 1824 г. самому Маврокордато доктором Витали, агентом герцога Орлеанского. Немного позже (в апреле 1825 г.) кандидатура его была поддержана также генералом Рошем, которого послало в Навплию «Благотворительное общество для помощи грекам». Полковник Фавье, которому греки поручили важный командный пост, также занимался этим вопросом совместно со своим корреспондентом Себастиани, доверенным герцога Орлеанского. Я нашёл подтверждения этому в его бумагах, до сих пор не изданных, но предоставленных в моё распоряжение его семьёй.

судьба этого народа в каком бы то ни было смысле была разрешена Священным союзом. Притом, занятая испанскими делами, Англия не была настолько свободна в своих действиях, чтобы подвергать себя новым затруднениям на Востоке. Но уже в первые месяцы 1823 г. Каннинг явно переменял своё отношение к инсургентам. Губернатор Ионических островов, ещё недавно встречавший восставших пушечными выстрелами, стал почти открыто оказывать им поддержку¹. Стали устанавливаться всё более тесные связи и частые сношения между агентами английского правительства и некоторыми вождями греческой революции, в частности — с выдающимся дипломатом Маврокордато, который был убеждён, что его страна своим спасением будет обязана Англии². Блокада, установленная греческим правительством в различных пунктах греческого и турецкого побережья, была признана *de facto* британским кабинетом. Министерство Ливерпуля позволяло организовываться и открыто действовать в Эдинбурге, Лондоне и других местах влиятельным комитетам, которые тратили громадные средства на поддержку греческого восстания. Оно позволило полковнику Стэнгопу отправиться в Мисолонги; немного позднее оно разрешило лорду Байрону жить на острове Корфу (июль 1823 г.) и там, на досуге, организовать экспедицию, с которой он и отправился в январе 1824 г. в этот же город. В то же время в Лондоне был заключён первый заём в 800 тысяч фунтов стерлингов для Греции, которая уже привыкла относиться к Англии, как к единственной державе, расположен-

¹ В начале 1823 г. Мейтленд, губернатор Ионических островов, вошёл с начальниками инсургентов в Морею в переговоры, которые могли подать им надежду на посредничество Англии; в марте английское правительство признало *de facto* блокаду, объявленную греческим флотом. Оно открыто покровительствовало инсургентам и не противодействовало филэллинистским комитетам.

² Маврокордато (Александр) родился в 1791 г. в Фанаре (в Константинополе); происходил из древнего, славного и влиятельного греческого рода; был секретарём своего дяди, Иоанна Караджи, валахского господара (1812); глава восстания в западной Греции (1821); член национального собрания, где провёл Эпидаврскую конституцию; затем начальник исполнительного совета (13 января 1822 г.); защитник Мисолонги (1822—1823); секретарь исполнительной власти, затем в отставке; в оппозиции к Колокотронису; очень влиятелен в 1824—1825 гг. благодаря своим личным дипломатическим связям и уважению, которым пользовался в Англии; послан на Крит в правление Каподистрии; министр финансов в начале царствования Оттона (1832); затем представитель Греции в Мюнхене, Берлине, Лондоне; председатель палаты депутатов после восстания 1843 г.; председатель совета министров (24 марта 1844 г.); посланник в Париже (1848); снова приглашён на пост председателя совета министров (1854); в отставке (1856); умер на острове Эгине в 1865 г.

ной оказать ей серьёзную помощь. Греки, без сомнения, преувеличивали действительное расположение к ним британского правительства. Тем не менее верно, что благодаря помощи с запада, всю честь которой греки приписывали британскому правительству, они продолжали успешно бороться со своими притеснителями, несмотря на разногласия, доходившие по временам до междоусобной войны¹; верно также и то, что греки не обращали уже больше своих взоров в сторону России. Что же думал предпринять император Александр I? Действительно ли отрёкся он от греческой нации, надежды которой он некогда так горячо поддерживал? Конечно, нет. Но увеличивавшаяся с годами нерешительность, боязнь принести в жертву всё ещё дорогому для него делу существование Священного союза, страх перед революцией и заблуждения, постоянно поддерживаемые двусмысленной политикой Австрии, — всё это мешало ему до самой смерти принять окончательное решение.

На Веронском конгрессе царь желал не торопясь и по своему усмотрению разрешить испанский вопрос и подготовить на досуге столько раз откладывавшееся осуществление его планов относительно Востока. Он находился в постоянных сношениях с Каподистрией, который, удалившись в Женеву, направлял ему оттуда свои советы и постоянно поддерживал его враждебное отношение к Турции. Но царь считал необходимым выждать. Действительно, во время испанской экспедиции он не очень торопился заключить с Портой соглашение, которое совсем было подготовили русские ноты 16 сентября, 9 и 27 ноября 1822 г. Переговоры относительно отдельных его претензий продолжались ещё более года, несмотря на все усилия Австрии и Англии в Константинополе привести их возможно скорее к благополучному окончанию. Тактика этих двух держав сводилась в это время к тому, чтобы как можно скорее добиться возвращения русского посольства в Константинополь; они полагали, что благодаря такому явному примирению с Портой царь окажется в положении лица, публично отрекшегося от своей прежней политики, и этим почти утратит всякое влияние на греков. Но император Александр I, который понял этот расчёт, был очень мало расположен к тому, чтобы доставить им подобное удовольствие. Для сохранения своего влияния в Греции он настаивал на том, чтобы возвращение его посла в Константинополь последовало лишь после того, как он добьётся от Европы публичного изъявления готовности

¹ В частности в 1824 г., когда Колокотронис восстал против законного правительства, руководимого Кондуриотисом.

разрешить восточный вопрос. Но этого-то именно и не желали венский и лондонский дворы. Что же касается Турции, то хотя она и понимала, какие выгоды она получит от возвращения русского посольства, однако она сознавала, что вслед за этой уступкой царь непременно снова поднимет наболевший вопрос о *замирении*¹; поэтому она выказывала очень мало готовности довести до конца начатые с с.-петербургским кабинетом переговоры по частным вопросам. Только в конце февраля 1823 г. она сообщила царю о назначении новых господарей Молдавии и Валахии, и только в конце этого года она согласилась дать царю то удовлетворение по вопросу о торговле, которого он столько времени уже добивался². Впрочем, постоянно задерживая эвакуацию княжеств, на которой столько раз настаивала Россия, султан также медлил с окончательным примирением; в глубине души он не желал такового ещё больше, чем его противник.

Однако, как только кончилась испанская война, император Александр I опять выдвинул идею европейского соглашения по вопросу об умиротворении Греции; он даже выразил желание повидаться с австрийским императором, для того чтобы выработать с ним план действий; и вот оба государя встретились в Черновицах (октябрь 1823 г.), между тем как Нессельроде отправился для переговоров по тому же самому делу к Меттерниху во Львов, где тот находился в это время вследствие болезни.

На этих двух свиданиях было условлено, что Австрия и Англия приложат в Константинополе все усилия для прелотвращения русско-турецкой войны и что, с другой стороны, пять великих держав будут приглашены в С.-Петербург на конференцию, где постараются договориться о мерах к восстановлению мира на Востоке. Этот проект прикрывал собой новые козни Меттерниха. Министр относился к царю, как к большому ребёнку, которому нужно лстить, чтобы усыпить его внимание. Он считал, что открытое противодействие его капризам ни к чему не приведёт. Напротив, самое верное средство — делать вид, что соглашаешься с ним. Сблизившись с ним, можно будет под видом помощи тем легче

¹ То-есть об уступках, которые Турция должна была сделать грекам.

² Царь требовал, в частности, или сохранения выгодного для русского флага на Чёрном море права *симуляции* или свободы для различных государств торговать в этом море под своими собственными флагами. Царь протестовал также против некоторых запрещений и ограничений, от которых по вине турецкого правительства очень страдала русская торговля и возобновление которых в феврале 1824 г. было для неё особенно чувствительно.

противодействовать его замыслам. Самое существенное теперь, как и в начале кризиса, заключалось в том, чтобы занять царя всякими пустяками и таким образом заставить его потерять время. В тот же самый момент венский двор втайне прилагал все усилия к тому, чтобы заставить султана призвать на помощь против греков египетского пашу Мехмеда-Али¹, у которого, казалось, было более чем достаточно сил для того, чтобы в одну кампанию подавить восстание. Махмуд, несмотря на нежелание прибегать к помощи и подчиняться условиям своего вассала, могущество и надменность которого начинали уже беспокоить его, всё-таки покорился необходимости. Турецко-египетское соглашение было заключено в начале 1824 г. Через несколько месяцев греческая революция, без сомнения, должна была быть безвозвратно подавлена. Меттерних к тому же рассчитывал, что открытие конференции замедлится вследствие противодействия Англии и что, раз начавшись, она затянется на неопределённое время благодаря усилиям этой державы, на которую он сверх того втайне предполагал свалить ответственность за неудачу русской политики — неудачу, подготовленную в сущности им самим. Греки, думал он, тем временем будут раздавлены; вопрос о греческой автономии сделается праздным, и комедия будет разыграна.

Англия, казалось, готова была играть наруку канцлеру, когда она потребовала, чтобы перед открытием конференции Россия сообщила свой проект преобразования Греции. Это предложение скрывало в себе западню, в которую царь и попался. В секретной ноте, отправленной в январе 1824 г. и получившей спустя несколько месяцев — неизвестно каким образом — очень неприятную для него огласку, Александр объявлял, что, по его мнению, охваченная восстанием территория должна быть разделена на три части — Западную Грецию, Восточную Грецию и Морею, из которых каждая должна превратиться в вассальное по отношению к Турции княжество приблизительно на таких же условиях, как

¹ Мехмед-Али (по-арабски — Мохаммед-Али) родился в 1769 г. в Кавалле, с ранних лет сирота, воспитан губернатором Каваллы, на дочери которого женился; долгое время торговал табаком, затем был офицером в албанском корпусе; послан Портой в Египет (1799); губернатор Каира (1806), укрепил свою власть избиванием мамелюков (1811); облечён губернаторской властью в Верхнем Египте; утвердился на этом посту победами в Аравии (1812—1818), в Нубии, Кордофане, Сеннаре и т. д.; преобразователь Египта; затем паша Кандии (Крита) (1824) в награду за помощь, оказанную им Махмуду (1824—1828) против греков; победитель в Сирии (1831—1832); успешные действия его были остановлены в 1833 и 1841 гг. великими европейскими державами; в 1847 г. сошёл с ума; умер в 1849 г.

Молдавия и Валахия. Совершенно очевидно, что такое предложение должно было в одно и то же время рассердить султана, который всё ещё требовал от своих мятежных подданных полного подчинения, и вызвать раздражение в греческом народе, который с негодованием отвергал всякую мысль о раздроблении или о вассальной зависимости. Таким образом, русское правительство разоблачило свои эгоистические планы. Из этой программы явствовало, что оно, пожалуй, стремилось нанести удар Оттоманской империи или даже совершенно уничтожить её, но что в то же время оно не желало допустить образования на Балканском полуострове государства настолько свободного и сильного, чтобы оно могло существовать самостоятельно и обходиться без протектората России. Можно себе представить, какое выгодное для себя употребление сделали из этого документа английские дипломаты и в Навплии¹ и в Константинополе.

Впрочем, посылка русской ноты не слишком подвинула вперёд вопрос о конференции. Австрия и Англия продолжали утверждать, что открытию дипломатических совещаний должно предшествовать возвращение русского посольства в Константинополь. Порты же тянула с эвакуацией княжеств и на жалобы России отвечала бесконечными придирками и мелкими спорами. В мае, наконец, она, казалось, склонна была дать императору Александру некоторое удовлетворение². Последний объявил тогда, что он готов назначить посла (июнь); затем, полагая, что с его стороны всё сделано, он объявил конференцию открытой и для начала потребовал, чтобы пять держав заставили Порту и Грецию заключить перемирие и принять их коллективное посредничество. Но это предложение было принято только *ad referendum*: уполномоченные держав заявили, что им необходимо получить инструкции от своих дворов. Царь понял, что они хотят затянуть дело и что он не добьётся от них ничего, пока не согласится на новые уступки. 28 августа он официальной нотой объявил державам о назначении Рибоьера³

¹ Этот город с 1823 г. служил местом пребывания греческого правительства.

² Дело шло об отозвании начальников военной полиции, бешли-ага, состоявших на службе у господарей. Эта полиция, вопреки договорам, находилась в то время ещё под командой турецких офицеров.

³ Рибоьер (Александр) родился 21 апреля 1781 г. во французской семье, эмигрировавшей вследствие отмены Нантского эдикта; флигель-адъютант императора Павла I; исполнял разные дипломатические поручения (1806—1807); главный директор Коммерческого банка; посланник в Константинополе (1824—1827 и 1829—1831); посол в Берлине (1831—1839); член государственного совета и обер-камергер; умер в С.-Петербурге 5 июня 1865 г.

русским послом в Турции. Но, с другой стороны, верный своей нерешительности, он отложил до нового распоряжения отъезд этого дипломата.

Он надеялся, что эта полууступка хоть немного расположит к нему Австрию и Англию. Он с тем большим нетерпением ждал разрешения на конференции восточного вопроса, что Греция, казалось, находилась уже на краю гибели. Ибрагим-паша¹, сын Мехмед-Али, отправился из Египта с огромным флотом и армией. Со дня на день ожидали его высадки в Морее. Несчастливая страна, раздираемая борьбой партий, ставшая жертвой гражданской войны, казалось, не была в состоянии долго сопротивляться ему². Поэтому маленькое греческое государство с тревогой обращалось к тем державам, которые, как оно думало, расположены были оказать ему содействие, не требуя слишком дорогой цены за свою помощь. Такими державами, по мнению греков, являлись Франция и Англия. Кандидатура герцога Немурского на греческий престол, казалось, приобретала всё большие шансы. Этого было достаточно для того, чтобы Каннинг ещё более решительно изменил свою политику и ещё более открыто стал действовать в пользу восставших греков. Русский проект о разделении Греции на три части был оглашён в июне 1824 г.; греческое правительство сочло своей обязанностью выступить против него с энергичным протестом, przeprowadzonym в августе прежде всего лондонскому кабинету. Глава Форейн-офис не только очень благосклонно принял эту ноту, но ещё и ответил на неё официально (в ноябре); в своём ответе, не компрометируя себя и не принимая никаких обязательств, могущих ухудшить отношения между Англией и Портой, он тем не менее давал понять, что Англия не покинет греков в тот момент, когда её посредничество будет им абсолютно необходимо. Впрочем, самый факт открытых сношений с греческим правительством был уже равносителен признанию его в качестве воюющей стороны, а этого ещё не сделал ни один двор. Одновременно английский министр известил русский кабинет, что его родственник,

¹ Родился в Кавалле в 1792 г.; победитель вахабитов (1816—1818); назначен пашой в Мекку (1818); после удачных кампаний в Сеннаре, Дарфуре и Кордофоне послан в Грецию (1825); послан своим отцом для завоевания Сирии; победитель турок (1831—1832); губернатор Сирии (1841); умер в Каире в 1848 г.

² Новое восстание, во главе которого стоял Колокотронис, вспыхнуло против законного правительства в октябре и ноябре 1824 г.; оно заливало Пелопоннес потоками крови вплоть до января 1825 г.

Стрэтфорд-Каннинг¹, который должен был представлять Англию на с.-петербургской конференции и до сих пор откладывавший свой отъезд, действительно отправится в эту столицу, но что он не будет принимать участия в заседаниях вышеупомянутой конференции по греческому вопросу и ограничится переговорами о незначительном споре, касающемся Северной Америки. Каннинг писал, что, по полученным им как из Навплии, так и из Константинополя достоверным сведениям, коллективное посредничество держав будет энергично отклонено и Грецией и Турцией вследствие предложенного царём проекта примирения; таким образом, для того чтобы воюющие стороны приняли посредничество, пришлось бы прибегнуть к принуждению. Англия на это не согласна, а потому будет держаться в стороне и сохранит за собой свободу действий во всём, что касается восточного вопроса.

V

Узнав (в декабре 1824 г.) о том, что Англия отказывает ему в содействии и таким образом делает неосуществимым его планы, царь пришёл сначала в сильную ярость. Он объявил, что не будет более входить с лондонским двором в сношения по греческим делам, и не допускал к себе Стрэтфорд-Каннинга, который вскоре после того прибыл в С.-Петербург (январь 1825 г.). Но если несочувственное отношение к его планам со стороны английского кабинета приводило царя в такое сильное негодование, то ещё более доставляло оно неприятностей австрийскому императору и его первому министру. Меттерних, верный своей тактике, состоявшей в том, чтобы под видом помощи противодействовать царю и расстраивать его планы, отнюдь не ссорясь с ним, желал, чтобы Англия приняла участие в переговорах; он собирался свалить на неё в глазах Александра I ответственность за ту неудачу, которой, по его замыслу, должны были кончиться эти переговоры. Так как эта держава отказывалась явиться на конференцию, то Австрии приходилось высказаться определённо и открыто сказать: *нет*. Следова-

¹ Стрэтфорд-Каннинг (виконт Стрэтфорд Редклифф с 1832 г.), двоюродный брат Джорджа Каннинга, родился в 1788 г.; секретарь посольства в Константинополе в 1809 г.; посланник в Швейцарии (1814); представитель Англии на Венском конгрессе; посланник в Соединённых Штатах (1820—1823); послан с поручением в С.-Петербург (1824); посол в Константинополе с 1825 по 1828 г. и с 1841 по 1857 г., вёл переговоры об установлении границ Греции; кавалер ордена Подвязки (ноябрь 1869 г.); автор известных сочинений и речей о восточном кризисе (1875—1878); умер 14 августа 1880 г.

тельно, ей — и главным образом ей — русский император должен был приписать неудачу своих планов. Без сомнения, он тем более был бы возмущён таким поведением венского двора, что последний надавал ему много обещаний и внешне относился с большим сочувствием к его программе. Очевидно, Каннинг именно на это рассчитывал. Этот министр был очень доволен тем, что таким образом ему удавалось скомпрометировать перед царём Меттерниха, которого он ненавидел и который платил ему той же монетой. Эти два государственных деятеля представляли полную противоположность друг другу и по характеру и по наклонностям. Австрийский канцлер безуданно старался погубить своего соперника, выставляя его в глазах Георга IV, Ливерпуля и Веллингтона как злого гения, поджигателя, который вызовет европейский пожар. Каннинг, со своей стороны, видел в Меттернихе только плута, только «самого отъявленного мошенника во всём цивилизованном мире» — и не отказывал себе в удовольствии говорить и писать об этом¹. Понятно, какое удовольствие доставляла ему возможность не только расстроить его интриги, но и одурачить пред лицом всей Европы, как это он и сделал.

Австрия, в угоду царю делавшая вид, что она с нетерпением ждёт начала переговоров, более не могла противодействовать открытию конференции. Сопроисшествия происходили в С.-Петербурге с февраля по апрель 1825 г. Но они уже заранее были обречены на бесплодность. При открытии переговоров Россия выдвинула следующий план — потребовать заключения перемирия между Турцией и Грецией, предложить им коллективное посредничество и в случае отказа применить по отношению к ним «принудительные меры». Это равнялось тому, чтобы предложить Священному союзу вмешаться *mapa militari* в дела Балканского полуострова, как он в своё время поступил в Италии и Испании; только на сей раз исполнителем его предписаний явился бы, без сомнения, русский император. Какой ответ собирались дать державы на такое предложение? Царь отлично знал, что в данный момент Франция, если и примкнёт к его планам, то без особой поспешности. Шатобриан, столь сочувственно относившийся к этим планам, уже несколько месяцев не был министром. Виллель же, оставшийся председателем совета министров и при Карле X, не желал ссориться с Англией

¹ «Вы знаете, — писал он в 1825 г. лорду Грэнвиллю, — какого я мнения о Меттернихе: это самый большой мошенник и самый отъявленный плут не только на континенте, но, пожалуй, и во всём цивилизованном мире». Меттерних, со своей стороны, не лучше отзывался о Каннинге в своих письмах и пытался его очернить в глазах короля Георга IV,

и боялся вдобавок, как бы вследствие разрыва с Турцией Франция не потеряла своего значительного влияния на Мехмеда-Али, египетского пашу¹. Император Александр I понимал, что Виллель не желает себя компрометировать и что он выскажется по этому вопросу не раньше, чем будет получен ответ австрийского правительства на предложения русского двора. Царь имел затем полное основание предполагать, что берлинский двор, всегда солидарный с венским, поступит так же, как и этот последний. Он поэтому усиленно желал, чтобы император Франц согласился на его программу, и был тем более раздражён, когда от этого государя поступил отказ, сведший на-нет все его планы. Австрийский посол в С.-Петербурге Лебцельтерн заявил от имени своего государя, что этот последний не согласится на применение принудительных мер, предложенных царём. Так как русские дипломаты на этом настаивали, то австриец, не без коварства, высказал соображение, что единственной допустимой принудительной мерой может быть только официальное признание независимости Греции. Он прекрасно знал, что Александр I не желает такого оборота дела. Указанным предложением австрийский двор разоблачал тайные планы русской дипломатии и смертельно оскорблял русского царя. Одним словом, после шестинедельных переговоров благодаря такой политике венского двора результатом конференции было подписание (7 апреля 1825 г.) бесцветного и лишённого всякого значения протокола. В силу этого протокола державы обязывались только: 1) просить Порту *добровольно* согласиться дать своим возмущившимся подданным надлежащее удовлетворение; 2) в случае отказа предложить ей своё посредничество. Каждая держава должна была к тому же выступить в отдельности; ни о перемирии, ни о применении принудительных мер к той или другой воюющей стороне не было больше и речи. Александр I, возмущённый таким разрешением вопроса, объявил циркуляром 16 апреля, что он намерен предложить непосредственно государям, своим союзникам и друзьям, то вмешательство в дела Греции, которого он так страстно желал и которое являлось необходимым, с одной стороны, по чувству человечности, а с другой — ввиду революционной опасности. Но он

¹ Этому человеку в его молодости покровительствовал один марсельский купец. Он питал всегда расположение к нашей стране (Франции. — *Ред.*). Сделавшись властителем Египта, он, казалось, желал преобразовать его, по крайней мере в некоторых отношениях, по французскому образцу. Он всеми силами покровительствовал французской торговле, и большая часть инженеров, механиков, химиков, врачей, военных и моряков, благодаря которым он достиг такого могущества, была написана им из Франция.

не питал особых надежд на успех подобного шага. И действительно, эта попытка должна была в конце концов привести, как и его программа на конференции, к самой плачевной неудаче.

Требования и предложения четырёх дворов, как и следовало ожидать, были решительно отвергнуты Портой. Махмуд, более несговорчивый, чем когда бы то ни было, ответил, что не даст своим подданным ни вольностей, ни гарантий, пока они не изъявят полной покорности, а также никогда не допустит вмешательства в свои отношения с ними со стороны одной или нескольких иностранных держав. Султан был в это время ободрён блестящими успехами Ибрагима, который, высадившись в Морее (январь), успел взять Наварин (май 1825 г.), затем Триполицу и подошёл уже к воротам Навплии. Меттерних по тем же причинам перестал скрывать свои замыслы. Полагая, что греки окончательно погибли, он довольно открыто и очень неблагоразумно стал хвастать тем, что провёл царя, льстя его самолюбию притворным сочувствием его планам, и утверждал, что он вёл с ним переговоры лишь для того, чтобы дать ему возможность оправдать перед русским народом своё бездействие на Востоке; короче говоря, он заявлял, что заставил царя потерять дорогое и уже невозвратимое время. Он довёл свою дерзость и легкомыслие даже до того, что предложил (в июле) этому государю возобновить в С.-Петербурге заседания конференции. На это царь сухо отвечал (в августе и сентябре), что конференция закрыта и что он не возобновит её; что замирение Греции стоит теперь у него на втором плане; что он ничего не требует более от Европы; что он оставляет за собой право самому свести свои счёты с Турцией и отомстит за себя, если эта держава не даст ему, наконец, законного удовлетворения, которого он давно от неё добивается. Одновременно с.-петербургский кабинет уже в течение нескольких недель в очень резкой форме повторял свои жалобы на неисполнение Портой её обещаний относительно княжеств, где турецкие офицеры, так называемые бешли-ага, всё ещё незаконно пользовались властью. Он потребовал от имени сербов вольностей, обещанных им Бухарестским трактатом, и освобождения их депутатов, находившихся с 1821 г. в заключении в Константинополе. Угрожающий характер этих требований ещё усиливался становившимся всё более и более явным сосредоточением русских войск поблизости Прута, а также отъездом императора Александра I в южные губернии (сентябрь).

Казалось, таким образом, что козни Меттерниха должны были привести в ближайшем будущем к той русско-турецкой

войне, которой он так боялся и которую он с таким трудом предотвращал в течение четырёх с лишним лет. В то же самое время и в Греции интриги австрийского канцлера в конечном счёте потерпели неудачу.

Вопреки его ожиданиям греческое правительство всё ещё держалось. В тот момент, когда Ибрагим должен был нанести последний удар, он вдруг остановился. Навплия была пощажена; египетская армия в июле стала возвращаться к Триполице и Наварину. Заявление, сделанное английским офицером, коммодором Гамильтоном, без сомнения, уполномоченным своим правительством пригрозить вмешательством Великобритании, произвело в течение нескольких дней эту неожиданную перемену. Каннинг рассудил, что царь слишком раздражён и что греческое дело находится в слишком неблагоприятном положении: ввиду этого он счёл нужным немедленно высказаться от имени Великобритании. Он знал к тому же, что французская партия проявляла всё большую активность и что кандидатура герцога Немурского в этот момент серьёзно обсуждалась¹ в Греции. Одним словом, он поспешил заговорить и заговорил так решительно, что Навплия была спасена. Этот мастерский удар должен был в результате обеспечить Англии преобладающее влияние на греков. Небольшой народ всё ещё чувствовал себя в большой опасности. Столица Греции была, правда, спасена, но египтяне всё же владели почти всей Мореей; Миссолонги были осаждены турками, которые держали их в тесном кольце. Покровительство великой державы было более, чем когда-либо, необходимо. Движение в пользу подачи петиции, организованное, несомненно, английскими агентами, привело к тому, что в августе греки обратились к лондонскому двору с ходатайством официально принять их под своё покровительство и дать им короля. На принца Леопольда Саксен-Кобургского², долгое время уже находив-

¹ Фавье с давних пор, а генерал Рош с апреля поддерживали её изо всех сил; в июле довольно многочисленное собрание в Мегаре, где находились такие люди, как Колеттис, Димитрий Ипсиланти, Гурас и др., приняло эту кандидатуру.

² Леопольд I (Георг-Христиан-Фридрих), сын герцога Франца Саксен-Кобург-Заальфельдского, родился в Кобурге 15 декабря 1790 г.; генерал русской службы (1808), которую должен был оставить в 1810 г. по воле Наполеона и к которой снова вернулся в 1813 г.; натурализовался в Англии (27 марта 1816 г.), женился на принцессе Шарлотте, дочери принца Уэльского и наследнице английского престола (2 мая 1816 г.); овдовел, не имея детей (5 ноября 1817 г.); получил от Лондонской конференции 1830 г. предложение принять греческую корону, но отказался от неё; бельгийский король (1831); женился во второй раз 9 августа 1832 г. на принцессе Луизе Орлеанской, дочери Луи-Филиппа; умер в Лакенском замке 10 декабря 1865 г.

шегося в Англии и пользовавшегося там большой популярностью, стали почти открыто указывать как на будущего главу нового государства. Искусный дипломат, Каннинг достиг, таким образом, своей цели. Греция сама отдавалась ему в руки. Восточный вопрос уже не мог быть разрешён ни вопреки воле Англии, ни помимо неё. Казалось даже, что он будет разрешён в ближайшем будущем ею одной.

Всегда осторожный в своих действиях, лондонский двор уклонился от того, чтобы формально принять обращённую к нему просьбу. Это значило бы поссориться с Турцией, чего он ни в коем случае не желал. Но вместе с тем грекам не дали такого ответа, который мог бы их обескуражить. Им дали понять нотой, помеченной октябрём, что если Англия в данный момент не может внять их зову и изменить как по отношению к ним, так и по отношению к Турции свой благожелательный нейтралитет, то всё же она не перестаёт заботиться о них и не позволит ни одной державе навязать им решение, противоречащее их интересам.

Торжество Каннинга казалось полным, когда царь, раздражённый интригами Австрии, с досады стал искать сближения с британским правительством¹ и предложил ему принять на себя исключительное посредничество в греко-турецком вопросе. Пруссия, Франция и Австрия сочли своей обязанностью немного спустя обратиться к сент-джемскому кабинету с аналогичным предложением. Не желали ли эти державы таким образом заставить Англию скомпрометировать себя? В особенности не было ли такой скрытой мысли у императора Александра I? Не предполагал ли он в ближайшем будущем, а может быть и заранее, вознаградить себя, объявив войну туркам и завладев княжествами? Это предположение очень вероятно. Но Каннинг был настроен; все меры предосторожности были им приняты. Он дал понять, что если русские перейдут Прут, то англичане немедленно займут Морею и греческие острова.

Вся Европа находилась в состоянии напряжённого ожидания. Важное и совершенно неожиданное известие вдруг изменило настроение умов и общее направление европейской политики. 1 декабря 1825 г. император Александр I, здорове которого, несмотря на ещё молодые годы², было расстроено перенесёнными неудачами, после непродолжительной болезни скончался в Таганроге. Судя по тем событиям,

¹ Он поручил г-же Ливен, супруге своего посла в Лондоне, имевшей некоторое влияние на Каннинга, дать ему понять, что искреннее и плодотворное по своим результатам сближение между Англией и Россией не представляет ничего невозможного.

² Ему было всего 48 лет.

которые произошли под конец его царствования и которых он не мог предотвратить, можно было предвидеть, что Священный союз не долго просуществует после его смерти: уже при его жизни он начинал распадаться. К тому же благодаря своему непостоянству и своим всегдашним колебаниям Священный союз не дал ни одного из тех результатов, которые надеялся извлечь из него Александр I. Он желал, чтобы этот союз служил прочной гарантией политического равновесия в Европе, а в действительности это равновесие подвергалось в то время большей опасности, чем когда бы то ни было. Он прокламировал, что этот союз монархов доставит свободу народам, а в действительности он послужил только к их порабощению. Император Александр I сам своим честолюбием нарушил спокойствие Европы и сам сделался апостолом реакции; но он настолько мало сознавал это, что даже на смертном одре заявлял о своей верности духу Священного союза и либеральным¹ убеждениям своей молодости².

¹ Он говорил даже «республиканским».

² Источники: *Chateaubriand*, *Mémoires d'outre-tombe*; — *Cornewall Lewis*, *Histoire gouvernementale de l'Angleterre depuis 1770 jusqu'à 1830*; — *Deventer* (van), *Cinquante années de l'histoire fédérale de l'Allemagne*; — *Fabvier* (général), *Papiers de famille* (inédits); — *Gentz* (F. de), *Dépêches inédites*, t. II, et III; — *Gervinus*, *Histoire du XIX siècle*, t. IX, X, XI, XIV et XV; — *Gordon*, *History of the Greek revolution*; — *Hubbard* (G.), *Histoire contemporaine de l'Espagne*, t. II; — *Juchereau de Saint-Denis*, *Histoire de l'empire ottoman*; — *Lesur*, *Annuaire historique*, années 1822—1825; — *Marcellus* (comte de), *Souvenirs diplomatiques*; Id., *Correspondance intime de M. de Chateaubriand sur la politique de 1822 et 1823*; — *Metternich* (prince de), *Mémoires, documents et écrits divers*, t. IV; — *Poreira da Silva*, *Historia da fundacao do Imperio brasileiro*; — *Schnitzler* (J.-H.), *Histoire intime de la Russie sous les empereurs Alexandre I-er et Nicolas*, et particulièrement pendant la crise de 1825; — *Soutzo* (Al.), *Histoire de la révolution grecque*; — *Stapleton*, *George Canning and his times*; — *Vaulabelle*, *Histoire des deux Restaurations*, t. VI et VII; — *Viel-Castel* (baron de), *Histoire de la Restauration*, t. XII, XIII, XIV et XV, etc.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

КАННИНГ, НИКОЛАЙ I И ГРЕЦИЯ

I. Восшествие на престол императора Николая I. — II. Русский ультиматум, посольство Веллингтона и протокол 4 апреля. — III. Махмуд и Аккерманский договор. — IV. Каннинг и португальское престолонаследие. — V. Греческий вопрос и Лондонский трактат. — VI. На другой день после Наварина. — VII. Политика Веллингтона. — VIII. Русско-турецкая война. — IX. Происки и неудачи Меттерниха; берлинский двор и зарождение Таможенного союза. — X. Лондонская конференция и протокол 22 марта. — XI. Адрианопольский договор. — XII. Освобождение Греции. — XIII. Утопия Полиньяка.

(1825—1830)

I

После смерти Александра I в течение нескольких недель внимание Европы было отвлечено от Греции необычайными событиями, происходившими в России.

Александр не имел детей. Но после него осталось три брата, из которых старший, Константин¹, являлся наследником престола. Великий князь Константин, не лишённый природного ума, был человеком малообразованным и к тому же не вполне уравновешенным: то — любящий и добрый, то — жестокий и несдержанный, он напоминал Павла I, грубого и невежественного. После скандального развода он женился на польской графине Грудзинской и счёл нужным письменно отречься от всех своих прав на императорский престол (1820—1822). Но его отречение, принятое Александром I, оставалось тайной. Даже великий князь Николай Павлович², который по рождению имел право вступить на престол после брата, не знал о существовании акта,

¹ Константин Павлович, второй сын императора Павла I, родился в 1779 г.; воспитывался, как и старший его брат, под руководством швейцарца Лагарпа; занимал различные посты в русской армии с 1799 по 1814 г.; военный губернатор Польши (1815); восстание вынудило его убраться из Варшавы (ноябрь 1830 г.); умер от холеры 27 июля 1831 г.

² Третий сын Павла, родился в Гатчине 7 июля 1796 г.; женился 13 июля 1817 г. на принцессе Шарлотте, дочери прусского короля Фридриха-Вильгельма III; русский император (декабрь 1825 г.); умер 2 марта 1855 г.

передававшего ему корону. Когда смерть царя стала известной в С.-Петербурге, ему предъявили этот документ. Но он не счёл возможным воспользоваться отречением, до того времени остававшимся в секрете, и его первым действием было присягнуть самому и велеть присягать другим императору Константину (9 декабря). Этот последний (он уже давно проживал в Варшаве в качестве главнокомандующего польской армией), наоборот, провозгласил царём Николая I, который, со своей стороны, отказался принять императорский титул, пока старший брат торжественно не повторит своего отречения. Эта борьба великодуший чуть не имела трагической развязки. В течение уже многих лет и в России и в Польше существовали тайные общества¹, революционные стремления которых были до крайности возбуждены в последние, столь реакционные, годы правления Александра I. Эти общества вербовали себе членов главным образом среди русской военной знати, сильно желавшей играть политическую роль; они имели внушительные связи в обеих армиях — Западной и Южной. Их руководители — Пестель, Муравьёв, Рылеев, Тургенев, Уминский — намеревались не только восстановить значение парламентского режима в Польше, где он был положительно сведён на-нет², но и ввести его в России; некоторые из них поговаривали о республике; другие мечтали о федерации славянских народов. Пользуясь тем периодом времени, когда междоусобица, продолжавшаяся более трёх недель, парализовало государственную власть, некоторые из них попытались возмутить санкт-петербургский гарнизон во имя Константина в тот день, когда великий князь Николай Павлович, принявший, наконец, титул императора, приказал войскам принести ему присягу на верность (26 декабря). Но они успели склонить к этому только один полк. Новый царь поспешил на место бунта и, не будучи в состоянии успокоить мятежников, приказал стрелять в них картечью. Через несколько часов от этого смелого выступления не осталось и следа. Южные

¹ «Союз благоденствия», который сам себя распустил в 1821 г., вскоре возродился; он имел большой успех в Южной армии благодаря Пестелю, в Западной — благодаря Рылееву, Муравьёву, Оболенскому, Тургеневу и другим офицерам и, наконец, в С.-Петербурге. С другой стороны, в 1822 г. образовалось «Патриотическое общество», или «Косари», в Польше, во главе с Уминским; в 1823 г. — «Общество соединённых славян» во главе с Борисовым и др. Эти различные общества начали сплачиваться в 1823 и 1824 гг., и обнаружение некоторых их происков особенно омрачило последние дни императора Александра I.

² Сейму не было оставлено никакой свободы; он не собирался с 1820 по 1825 г.; публичность заседаний была уничтожена; русские назначались в громадном количестве в польскую администрацию.

заговорщики, которые в нескольких местах взялись за оружие, имели не больше успеха, чем петербургские. К концу января Николай I уже добился всеобщего признания и полного повиновения в империи. Энергия, которой были ознаменованы его первые шаги, показала Европе, что этот государь не будет особенно похож на своего предшественника и что он сумеет и желать и действовать. Последующая история его царствования показала правильность этого предсказания.

Наследнику Александра I было тридцать лет; он был мало знаком дипломатам, которые считали его всецело погружённым, подобно отцу, в мелочи казарменной жизни, и не предполагали, что он в непродолжительном времени станет играть одну из первых ролей в Европе. Меттерних, человек крайне хитрый, но беспрепятственно ошибавшийся, полагал, что Николай I посвятит все свои заботы реорганизации сильно пошатнувшихся финансов России, распущенной администрации и несколько ослабленной центральной власти. Это были, конечно, задачи, которыми Николай I не собирался пренебрегать. Он относился чрезвычайно ревниво к своей власти и обладал достаточной энергией, для того чтобы проявить своё самодержавие. Его чрезвычайно ясное мышление допускало только один способ управлять народами, а именно — командовать по-военному и не допускать, чтобы подданные делили с государем верховную власть или обсуждали его действия. Ему были совершенно чужды утопии и либеральные увлечения Александра I. В течение тридцати лет революция не имела в Европе более решительного и грозного противника, чем Николай I. Но заботы внутреннего управления не мешали ему помнить, что русский император должен и во-вне блюсти и защищать важные интересы. Восточный вопрос в особенности привлёк его внимание с первых же дней его царствования и был предметом его забот до самой смерти. Как и Александр, Николай I мечтал о том, чтобы разрушить Турецкую империю или по крайней мере ослабить её настолько, чтобы она была навсегда подчинена его политике. И притом его нельзя было отклонить от намеченной цели; в этом отношении он резко отличался от брата. Его невозможно было обмануть. Он имел то большое преимущество перед профессиональными дипломатами, что умел не хуже их в случае необходимости скрывать свои намерения, но, раз приняв или объявив своё решение, он последовательно проводил таковое или по крайней мере пытался проводить, и никакие хитрости со стороны этих дипломатов не могли помешать ему.

II

С самого начала своего царствования Николай I торжественно заявил, что он считает себя солидарным со своим предшественником относительно Оттоманской империи и что он намерен просто *продолжать* политику Александра. Но он прибавил, не без остроумия, что не хочет *повторять её с самого начала*. Этим заявлением он открыто указывал, что не будет колебаться, а пойдёт прямо к своей цели. Он говорил, что будет продолжать русскую политику с того её пункта, на котором она была оставлена его братом. А последний в момент своей смерти был в ссоре с Турцией и обнаруживал намерение добиться своего при помощи оружия, не спрашиваясь Европы. Поэтому Николай I, подобно брату, начал с объявления о своём желании покончить с Портой путём войны, если она не уступит его требованиям. При этом очень скоро выяснилось, что он не отступает, что угрозы в его устах не будут пустыми словами. Поэтому при разных европейских дворах прочитали не без ужаса ультиматум, который он велел вручить султану приблизительно через два месяца после восшествия на престол (17 марта 1826 г.). Этот акт, составленный в очень высокомерном тоне, ставил турецкому правительству три следующих условия: 1) княжества Молдавия и Валахия должны быть восстановлены в политическом, военном и гражданском отношении в том виде, как они существовали до 1821 г.; 2) сербские депутаты должны быть отпущены на свободу, а их страна должна получить учреждения, обещанные ей по Бухарестскому договору; 3) турецкие делегаты должны быть присланы на русскую границу для переговоров с представителями царя по вопросам, касающимся этого договора и являющимся предметом спора между обеими империями уже с 1816 г. Шестинедельный срок был дан Дивану для принятия этих условий. Если по истечении этого времени Порта будет ещё упорствовать, русский поверенный в делах покинет Константинополь, и «министрам его высочества легко представить себе последствия такого события».

Что касается греков, то новый император ничего о них не говорил в ультиматуме. Когда с ним заводили о них разговор, он выказывал полное безразличие. Он выражался о них не иначе, как с презрением. Это, говорил он, мятежники, революционеры, варвары, и он никогда не пожелает победы народу, восставшему против своего монарха, а тем более не сделает ничего, чтобы помочь в таком деле. Однако эти фразы не могли разуверить некоторых дипломатов и в особенности Каннинга, очень хорошо знавшего, что

царь, несмотря на все свои заявления, оказывал доверие друзьям греческого дела, вроде Сперанского¹, а также что он находился в близкой дружбе с Каподистрией (опала которого, впрочем, всегда была чисто фиктивной). Во всяком случае даже если предположить, что Николай I не станет непосредственно поддерживать греков, то всё же вступление русских в княжества неизбежно должно было заставить турок направить свои силы на Дунай и этим обеспечить грекам победу. Трудно было предполагать, чтобы Николай I, если военное счастье ему улыбнется, уклонился от роли вершителя судеб Балканского полуострова на всём его протяжении. Глава Форейн считал поэтому необходимым воспрепятствовать во что бы то ни стало той войне, которую, видимо, затевал Николай I; и во всяком случае он считал нужным заранее связать русского императора таким соглашением, которое не позволило бы ему впоследствии единолично и по собственному усмотрению разрешить греческий вопрос.

Конечно, Англия очень хотела бы разрешить этот вопрос без участия остальных держав, приняв на себя посредничество между обеими воюющими сторонами. Каннинг, с одной стороны боясь России, а с другой—опасаясь интриг Франции и орлеанистов (очень деятельно работавших в Греции в начале 1826 г.), поручил своему двоюродному брату Стрэтфорду отправиться на Восток и предложить Порте и правительству Навплии план примирения, наиболее отвечавший интересам лондонского кабинета. Эта программа соответствовала старой политике тори, одновременно боявшихся ослабления Оттоманской империи и создания нового морского государства на Средиземном море; согласно ей Греция, ограниченная приблизительно пределами Мореи и островов, должна была стать автономным государством, но связанным с Турцией узами вассальных отношений. Греки, с которыми Стрэтфорд встретился проездом, приняли эту программу или по крайней мере притворились склонными обратиться к английскому посредничеству (январь 1826 г.)².

¹ Сперанский (Михаил, граф) родился во Владимирской губернии в 1772 г.; профессор математики в С.-Петербургской духовной Академии (1797); статс-секретарь государственного совета (1801); получил от Александра I поручение реорганизовать министерство внутренних дел, товарищ министра юстиции (1808); тайный советник (1809); глава партии реформ; подвергся опале и изгнанию (1812); пензенский губернатор (1816); сибирский генерал-губернатор (1819); снова призван ко двору и назначен сенатором (1821); очень влиятелен при Николае I, поручившем ему редактировать Собрание законов и возведшем его в графское достоинство (1838); умер в 1838 г.

² Они действительно обратились к Англии официально за посредничеством в апреле этого года.

Их дела в этот момент были очень плохи. Ибрагим и Рещид-паша окружали Миссолонги. Героическое сопротивление этого города, оплота западной Греции, могло прекратиться со дня на день¹. Слабому правительству Навплии поэтому больше, чем когда-нибудь, нужно было считаться с желаниями Англии. Наоборот, в Константинополе английский посол, прибывший туда в феврале, не мог ничего добиться от Порты, которая возгордилась вследствие своих успехов и которую Австрия тайком всё время поощряла к сопротивлению. Турецкие министры осыпали Стрэтфорд-Каннинга горькими упреками за те шаги, которые он только что сделал в Греции. В сотый раз повторяли они, что султан никогда не допустит вмешательства третьей державы в его отношения с возмущившимися подданными. Кроме того, они меньше чем когда-либо были склонны подчиниться требованиям России.

Британский кабинет заранее предвидел это сопротивление. Поэтому, продолжая переговоры, о которых мы только что упоминали, он придумал средство устроить одновременно и царя и султана. В феврале месяце в С.-Петербург был послан Веллингтон под предлогом передать поздравление новому царю, а в действительности для того, чтобы договориться с ним о восточных делах. Военная слава и консервативные убеждения этого человека должны были особенно расположить к нему русского монарха; ему было поручено предложить добрые услуги Англии для улаживания спора России с Турцией и просить её согласия на британское посредничество между греками и Портой. Что касается первого пункта, то Николай I категорически отверг предложения почтенного лорда. Этот спор касался его, и только его одного, и он не желал, чтобы посредник лишил его тех выгод, которые он надеялся извлечь. Тогда Веллингтон с тем большей настойчивостью стал доказывать, в какой мере Англия заинтересована в греческом вопросе и в том, чтобы решение этого вопроса не было оставлено на произвол судьбы. Он дал очень ясно понять императору, что только под этим условием Великобритания может обещать ему свой нейтралитет в будущем столкновении с султаном; что в противном случае она сохранит за собой полную свободу действий на Востоке. При всей внешней резкости царь был не менее лукав, чем Каннинг. Если Англия боялась, как бы он не решил греческого вопроса без её содействия, то и он со своей стороны не менее опасался, чтобы эта держава

¹ Оно продолжалось до 22 апреля, но уже с начала года никто не сомневался, что город будет взят.

сама не уладила греческих дел, не спросив его. Но он искусно скрывал эти опасения и всё время делал вид, что ему совершенно безразлична судьба этих *бунтовщиков*. Благодаря довольно забавной перемене ролей в этот момент Россия, вызвавшая греческую революцию, заставляла Англию, некогда столь враждебную этому движению, упрашивать себя — не оставаться равнодушной к грекам. В конце концов царь дал себя убедить, и, таким образом, в С.-Петербурге было заключено соглашение, ставшее вскоре известным в Европе в виде протокола 4 апреля 1826 г.

Этот протокол, который был первым европейским дипломатическим актом, касавшимся освобождения Греции, постановлял, что Россия допустит посредничество Англии между греческим правительством и Портой; что она будет содействовать этому посредничеству по мере сил (о способах и средствах должно было состояться впоследствии особое соглашение); что эти две державы потребуют для Греции автономии; что Греция впредь должна будет только платить дань Турции; что она сама будет выбирать главу своего правительства, впрочем, утверждаемого Портой; что это соглашение будет сохранять силу, каковы бы ни были отношения России к Оттоманской империи; что каждая из договаривающихся сторон заранее отказывается от всяких территориальных, финансовых или коммерческих преимуществ, которые не будут объявлены общими для всех европейских государств после окончательного умиротворения Греции; наконец, что от великих держав потребуют гарантировать будущий порядок вещей, так как Англия ввиду особенного характера её учреждений не может взять на себя подобной обязанности.

Каннинг был весьма обрадован подписанием этого протокола: он думал, что этим он подчинял царя своей политике. Кроме того, он был убеждён, что Россию теперь удалось совершенно посорить с Австрией, что также представляло в его глазах немалую выгоду.

III

Соглашение 4 апреля было заключено в величайшей тайне. Правда, царь не мог удержаться от того, чтобы вскоре затем не разгласить его; но должно было пройти ещё несколько месяцев, прежде чем обе договаривающиеся стороны официально довели о нём до сведения Европы. Не следовало, разоблачая преждевременно этот договор или во всяком случае выдавая его за окончательный, ожесточать Порту, которая — поскольку ей нечего было терять — легко могла

отказаться от всяких переговоров с Россией и с отчаяния попытать счастья в войне. Удобнее было представить его сначала турецким министрам лишь как набросок, как неопределённую угрозу, как средство устрашения. Нужно было дать понять Порте, что в случае войны с царём ей нельзя рассчитывать на содействие Англии; следовало оставить её надежду, что если она проявит уступчивость по отношению к России, то вопрос о посредничестве в пользу Греции может отпасть. Меттерних, плохо осведомлённый о том, что произошло в С.-Петербурге, или просто не придававший этому большого значения, держался сам того мнения, что Турции нечего будет больше бояться с того момента, как она уладит дело с Россией. Поэтому, желая предотвратить войну, которая могла потрясти не только Балканский полуостров, но и Австрийскую империю и всю Центральную Европу, он выдвинул на первый план именно приведённый аргумент, стараясь склонить Порту на принятие царского ультиматума.

Его усилия не остались бесплодными: по истечении срока, назначенного Минчаки¹, рейс-эффенди известил последнего, что его высочество принимает основные пункты соглашения предложенного русским императором (12 мая 1826 г.). Сербские депутаты были отпущены на свободу; последние турецкие войска, находившиеся в княжествах, были отозваны и Диван обещал послать двух уполномоченных, чтобы выработать с представителями царя Воронцовым² и Рибоьером окончательный договор.

Эта поздняя, но полная покорность султана скрывала правда, задние мысли: Махмуд—человек бурных страстей—решился уступить на один момент, для того чтобы вскоре жестоко отомстить. Он слишком хорошо знал русскую настойчивость и потому не сомневался в том, что притязания С.-Петербурга на *умиротворение* Греции рано или поздно повторятся. Он хотел по крайней мере выиграть время и иметь возможность ввиду предстоящей решительной борьбы реорганизовать свои военные силы. А потому, приняв ультиматум царя, он тотчас издал декрет (28 мая 1826 г.) о преобразовании по европейскому образцу янычарской ми-

лиции, прежде столь надёжной, а теперь развращённой и выродившейся. В то же время он заранее учитывал те выгоды, которые мог доставить Турции надвигавшийся в этот момент конфликт между Россией и Персией, и, давая советы тегеранскому двору, несомненно, делал всё, что мог, чтобы этот конфликт стал неизбежным.

Но все эти расчёты оказались ошибочными. Провозглашённая военная реформа привела в первую очередь к восстановлению янычар, которых пришлось расстреливать картечью в Константинополе (15 июня); корпус янычар был затем немедленно упразднён во всей империи. В 24 часа эта армия грубых и недисциплинированных солдат, составлявшая в общем лучшее войско султана, была распущена и уничтожена. Султан, имевший до того времени плохую армию, оказался теперь совсем без армии. Он, правда, начал с большой энергией работать над созданием новой, но это не могло быть сделано в один день. С другой стороны, хотя война России с Персией и вспыхнула, как он того желал (июль 1826 г.), но первая из этих держав с самого начала добилась если не решительных побед, то во всяком случае преимуществ, позволявших ей надеяться на заключение славного и выгодного мира в следующем году.

Уполномоченные царя, пользуясь временным бессилием турецкого правительства, могли поэтому показать себя ещё более требовательными, чем они были бы на следующий день после предъявления ультиматума. Переговоры, происходившие на русской территории, в Аккермане, начиная с 1 августа, грозили затянуться вследствие невозможности, как говорили турецкие послы, принять поставленные им чрезмерные условия. Турки не соглашались прежде всего на те чрезмерные, по их мнению, торговые привилегии, которых требовала Россия; затем они объявляли необоснованным требование, выставленное этой державой, относительно сохранения за ней местностей по берегу Чёрного моря, которые она продолжала удерживать за собой со времени Бухарестского договора. В сентябре уполномоченные Николая вдруг заявили, что они ни в чём уступить не могут; что все указанные требования нужно целиком или принять, или отвергнуть и что они прекратят переговоры, если их предложения не будут приняты до 7 октября. Турки, лишённые всякой поддержки, должны были подчиниться, и в тот самый день, когда истекал срок, назначенный русскими, было подписано соглашение, заключения которого Александр I так долго, но тщетно добивался.

Аккерманской конвенцией категорически подтверждались главные постановления Бухарестского трактата. Точно так же

¹ Русский поверенный в делах в Константинополе.

² Воронцов (Михаил) родился в Москве в 1782 г.; занимал различные посты в армии при Александре I с 1801 по 1814 г.; поставлен во главе русского оккупационного корпуса во Франции (1815—1818), представитель России на Аахенском конгрессе (1818); губернатор Бессарабии и Новороссии; вёл вместе с Рибоьером переговоры в Аккермане (1826); преемник Меншикова в Дунайской армии (1828); главнокомандующий Кавказской армией (1844—1853); получил княжеский титул за взятие Дарго (1845); умер 18 ноября 1856 г.

подтверждались и привилегии Молдавии и Валахии, которые должны были быть санкционированы возобновлением султанского хатти-шерифа 1802 г. Россия соглашалась только на то, чтобы господари этих провинций выбирались из местных бояр, а не из греков-фанариотов¹, как это было раньше. Сербия должна была не позднее чем через восемнадцать месяцев получить так давно обещанную ей конституцию. Царь сохранял за собой в Азии всё, что занимали в этот момент его войска. Смешанная комиссия должна была разобрать жалобы подданных обоих договаривающихся государств. Порта должна была возместить русским подданным все убытки, понесённые ими от грабежей варварийских пиратов и в будущем воспрепятствовать этим последним причинять ущерб русским подданным. Русским предоставлялась полная свобода торговли в оттоманских портах и морях на совершенно равных основаниях с турками. Наконец, Порта обещала принимать во внимание ходатайства царя в пользу держав, которые ещё не имели права проводить свои торговые суда в Чёрное море.

Одновременно с главным было заключено два дополнительных соглашения. Первое касалось княжеств Молдавии и Валахии. Оно устанавливало, что господари будут впредь выбираться из бояр — уроженцев страны — на семилетний срок местными Диванами (впрочем, с последующим утверждением их Портой); они не могли быть смещаемы без согласия России; подати и повинности должны были устанавливаться местными властями по соглашению с обоими договаривающимися державами; «бешли» восстанавливались в том виде, как они существовали до 1821 г.; княжества получали полную свободу в торговом отношении; наконец, предоставлялась двухлетняя отсрочка для уплаты подати и повинностей, предписанных хатти-шерифом 1802 г., и т. д. и т. д. Второе же соглашение устанавливало, что турецкое правительство выработает сообща с сербскими депутатами меры, необходимые для обеспечения этой стране «свободы богослужения, выбора своих начальников, независимости внутреннего управления... соединения различных податей в одну, предоставления сербам управлять имениями, принадлежащими мусульманам (с условием доставлять доходы оных вместе с данью), свободы торговли, дозволения сербским купцам путешествовать по оттоманским областям с их собственными паспортами, учреждения больниц, школ, типогра-

¹ Название, которое давалось им по константинопольскому кварталу, населённому с XV века выдающимися греческими семьями. Среди этих семей султан до начала XIX в. выбирал обыкновенно господарей — в обход бояр, т. е. наиболее знатных людей Молдавии и Валахии.

фий и, наконец, запрещения мусульманам, кроме принадлежащих к гарнизонам, селиться в Сербии».

Из этого видно, что благодаря указанным привилегиям это княжество ставилось почти в одинаковое положение с Молдавией и Валахией.

Аккерманской конвенцией Каннинг помешал возникновению войны между Россией и Портой. Быть может, такой результат удовлетворил бы его на данный момент. В сущности он смотрел на протокол 4 апреля, как на паллиатив; находя его очень удобным для того, чтобы заставить царя считаться с собой при разрешении греческого вопроса, — он в то же время не желал, чтобы Николай I мог извлечь из этого соглашения личную выгоду и разделить с Великобританией честь разрешения указанного вопроса. Он озабочился тем, чтобы мероприятия, необходимые для осуществления протокола на практике, были определены лишь в последующих переговорах. Его намерение, как и намерение тори, разделявших с ним власть, заключалось в том, чтобы как можно дольше протянуть эти переговоры, предлагая царю лишь бесполезные или мало приемлемые меры. Он собирался этим путём выиграть время, рассчитывая, что ему, может быть, удастся отвлечь внимание С.-Петербурга и тем временем навязать в Константинополе и в Навплии посредничество одной только Англии. Только в сентябре сообщил он русскому кабинету своё предложение относительно мер, при помощи которых можно было бы привести в исполнение протокол. Но и в этот момент, предвидя, что Порта воспротивится вмешательству двух держав, он не указывал иной принудительной меры, кроме отозвания русского и английского послов, — да и то под условием, чтобы и остальные великие державы также приказали своим представителям покинуть Константинополь (он хорошо знал, что одна держава во всяком случае откажется сделать это). Если бы этого оказалось недостаточно, то он предлагал пригрозить признанием независимости Греции (но он прекрасно знал, что царь нелегко согласится на такое решение).

IV

У Каннинга был, впрочем, в это время ещё и другой мотив, побуждавший его затягивать разрешение греческого вопроса и устранять всякую возможность возникновения осложнений на Востоке в ближайшее время. Дело в том, что его внимание было обращено главным образом на Запад. На Пиренейском полуострове происходили важные

события, и Англии нужно было, чтобы её внимание не отвлеклось в другую сторону. Вспомним, что с начала 1825 г. она возвратила себе в Португалии то преобладающее влияние, которым она там прежде так долго пользовалась. Но со смертью Иоанна VI (10 марта 1826 г.) ей угрожала опасность лишиться этого влияния. Иоанн VI оставил после себя двух сыновей. Старший, дон Педро, казалось, должен был наследовать его престол. Но с тех пор как он сделался императором Бразилии, многие португальцы смотрели на него, как на изменника, или, во всяком случае, как на чужестранца, и утверждали, что все его права на престол перешли к его брату дону Мигэлю. А этот последний в качестве главы абсолютистской и апостолической партии находил поддержку у испанского короля Фердинанда VII, которому он приходился к тому же племянником. Фердинанд же царствовал только по милости французов и под защитой их штыков. Дон Мигэль, пользовавшийся, разумеется, симпатиями французских *ультра-роялистов*, мог, следовательно, встретить поддержку со стороны правительства Карла X. Кроме того, он, несомненно, мог рассчитывать также и на поддержку, по крайней мере моральную, австрийского двора, который уже два года задерживал его в Вене, прививая ему любовь к абсолютной монархии. Этих оснований было достаточно, для того чтобы Каннинг высказался против Мигэля, и он попытался либо удалить его от власти, либо не дать ему возможности осуществлять её, руководствуясь чувствами личной симпатии и антипатии. Англии, по мнению Каннинга, было выгодно пробудить в Португалии к жизни конституционную партию, которая неизбежно стала бы под её покровительство. Эта партия, естественно, должна была противопоставить дону Мигэлю дону Педро, тем более что дон Педро был с давних пор приверженцем британского правительства и находился под его покровительством. Из этого не следует, чтобы Каннинг желал соединения двух корон — португальской и бразильской — в одном лице. Он был слишком убеждённым англичанином, чтобы желать этого. А потому он придумал такую политическую комбинацию, которая должна была одновременно воспрепятствовать сближению двух указанных государств и торжеству антианглийской партии в Лиссабоне. Он намеревался побудить дону Педро, — очень хорошо понимавшего, что он не может царствовать сразу по обе стороны океана¹, — отречься от португальской короны в пользу своей дочери, юной

¹ Ни португальцы, ни, в особенности, бразильцы не согласились бы на это.

донны Марии, и завещать бразильскую корону своему сыну; донну Марию предполагалось выдать замуж за дону Мигэля, личное честолюбие которого было бы таким образом удовлетворено. Но чтобы отстранить от него апостолическую партию (а следовательно, Фердинанда VII и Карла X) и заставить его опираться на конституционную (и англофильскую) партию, предполагалось ввести в Португалии парламентский режим. В этом направлении дон Педро под влиянием английского агента, Чарльза Стюарта, действительно и попробовал повести дело в конце апреля и в первых числах мая 1826 г. Бразильский император начал с того, что пожаловал Португалии конституционную хартию, довольно похожую на хартию Людовика XVIII; затем он отрёкся от престола в пользу донны Марии с тем условием, что она выйдет замуж за дону Мигэля, а этот последний согласится признать конституцию и явится в Рио-де-Жанейро за получением инструкций от своего старшего брата.

Эту программу было легче составить, чем осуществить. Инфанта Изабелла¹, после смерти Иоанна VI сделавшаяся португальской королевой-регентшей, действительно велела провозгласить в июле конституцию и сама присягнула на верность ей. Но апостолическая партия, всё ещё руководимая Амаранте², воспротивилась этому, заявив, что дон Мигэль является законным наследником короны, и начала восстание для защиты его прав. Неоднократно разбитые в различных сражениях, они каждый раз находили себе убежище на испанской территории, где Фердинанд VII не только не интернировал их, но даже открыто снабжал их средствами для продолжения борьбы. Тщетно протестовала регентша. Фердинанд отказался принять её посланника, ответил лживыми объяснениями и вообще не дал никакого удовлетворения. Тщетны были также усилия английского посла в Мадриде, Чарльза Лэмба, требовавшего соблюдения начал международного права. Французский же посол маркиз де Мустье³, больше следовавший внушениям своих друзей

¹ Изабелла-Мария, дочь короля Иоанна VI, родилась 4 июля 1801 г.; отправлена в 1807 г. в Бразилию, откуда вернулась с отцом в 1821 г.; после его смерти она сделалась регентшей Португалии; замещённая в этом звании доном Мигэлем в 1828 г. она с тех пор не играла никакой политической роли.

² Который назывался теперь маркизом Шавес.

³ Мустье (Клемент-Эдуард, маркиз) родился в Кобленце 2 января 1779 г.; заключён в тюрьму во время террора; солдат под командой Фротте в Нормандии (1796); причислен к министерству иностранных дел (1800), секретарь посольства, поверенный в делах в Дрездене, посланник при дворе великого герцога Баденского, затем при дворе короля Вюртембергского (1800—1812); посланник в Ганновере (1820), затем

ультра-роялистов, чем мудрым указаниям Виллеля, советовавшего ему действовать солидарно с английским послом, тайне поощрял предосудительное поведение испанского короля по отношению к Изабелле Фердинанд, дрожавший от страха при одной мысли, что конституционная зараза проникнет в его владения, держал себя по отношению к Португалии почти так же, как французское правительство по отношению к Испании с 1820 до 1823 г. Разница заключалась только в том, что за лиссабонскими кортесами стояла Англия.

Правда, Каннинг не решался открыто вмешиваться в португальские дела, не будучи вполне уверен в том, что Священный союз не приобретёт благодаря этому новых сил для противодействия его политике. Он отправился в сентябре в Париж, добился от Виллеля нескольких благоприятных заявлений, но мог вместе с тем убедиться, что этот министр находится, как и в 1823 г., всецело под влиянием ультра-роялистов. Меттерних всё ещё удерживал в Вене донна Мигэля, который, несмотря на своё несколько позднее согласие признать португальскую конституцию и несмотря на обещание с донной Марией¹, не оставлял в сущности ни своих притязаний, ни своих надежд, прекрасно понимая, что венский двор никогда не оставит его без поддержки. Пруссия же в это время ещё следовала за австрийским двором и вообще не желала себя компрометировать. И, следовательно, только одна из великих держав одобряла и формально поддерживала планы Каннинга, и это была как раз та держава, глава которой проповедывал и осуществлял на практике самые крайние абсолютистские принципы. Мы имеем в виду Россию. Царь Николай I умел подчас быть, как и английский министр, *оппортунистом*. А потому, намеренно не обращая внимания на ненавистный ему парламентаризм, который англичане собирались защищать в Лиссабоне, он открыто заявлял, что на Пиренейском полуострове он одобряет политику британского правительства и готов ей содействовать: своему послу в Мадриде он давал инструкции, аналогичные с теми, которые получал и Лэмб, и неоднократно указывал, что Англия должна иметь преобладающее влияние в Португалии.

Но при этом он прибавлял, что Россия должна иметь аналогичное влияние в Османской империи. Эти слова ясно показывают, что он вовсе не был расположен давать что-

в Берне; депутат города Дуб (1824); заведующий политическим отделом министерства иностранных дел; посланник в Швейцарии, затем (1825) в Испании; отозван в 1826 г.; умер в Париже 5 января 1830 г.

¹ В октябре 1826 г.

нибудь даром и что он соглашался поддерживать до известной степени португальскую политику Каннинга не иначе, как за хорошее вознаграждение. Действительно, как раз в это время он ответил на английские предложения, касавшиеся приведения в исполнение протоколов, такой программой, которая показывала, что, подписывая соглашения 4 апреля, он вовсе не намерен был дать себя одурачить. Если, говорил он, две союзные державы собираются предложить своё посредничество Турции и Греции, то они должны быть готовы в случае надобности заставить их принять его и перейти от советов к угрозам и от угроз к действию. «Итти до конца» — такова была его программа. Английское министерство не сочло возможным отвергнуть её. Поэтому в Лондоне Каннинг и Ливен¹ решили, что протокол будет официально сообщён великим державам; в том случае, если эти державы не присоединятся к нему, Англия и Россия тем не менее проведут его постановления, не останавливаясь в случае необходимости перед применением силы, для того чтобы заставить Турцию и Грецию согласиться сначала на перемирие, а затем и на общие условия мира в том виде, как они были намечены 4 апреля (20, 22 ноября). Благодаря этой уступке Каннинг получил полную возможность вмешаться, даже с помощью военной силы, в дела Португалии, где как раз в это время (в конце ноября) выступление «апостоликов» — более серьёзное, чем предыдущие, и поддержанное, как и прежние, испанским правительством, — заставило королеву-регентшу обратиться на основании договоров к военной помощи Великобритании. Ввиду этого глава Форейн офис больше уже не колебался. После произнесённой им в палате общин речи (12 декабря), в которой он не побоялся напомнить, что Англии пришлось для того, чтобы создать противовес французскому влиянию, «призвать к жизни» испано-американские республики и что они способны вызвать революцию по всей Европе, — в

¹ Ливен (Христофор Андреевич, князь), генерал-лейтенант в 1807 г.; посланник России в Берлине (1810); посол в Лондоне с 1812 по 1834 г.; затем назначен воспитателем наследника цесаревича Александра; умер в Риме 19 января 1839 г. Его жена, княгиня Доротея Христофоровна Ливен (урождённая Бенкендорф), род. в 1786 г., вышла замуж в 1801 г.; фрейлина императрицы; приобрела благодаря своему уму и знакомству с политическими вопросами не только широкую известность, но и значительное влияние. Она имела сильное влияние в России на Александра I и Николая I, в Англии — на Кэстльри, Каннинга и Георга IV, во Франции (где она провела вторую половину царствования Луи-Филиппа) — на Гизо, для которого, говорят, она была политической нимфой Эгерней. После Февральской революции она удалилась в Лондон, но потом скоро вернулась в Париж, который покинула в 1854 г.; в следующем году вернулась в Париж и там же умерла 26 января 1857 г.

Лиссабон было отправлено десять тысяч англичан. Франция не протестовала, так как она знала, что таково было желание России. Виллель даже отозвал из Мадрида де Мустье, превысившего свои полномочия. Напуганная апостолическая партия рассеялась. Испанское правительство после нескольких военных демонстраций на португальской границе кончилось тем, что успокоилось, и конституционная партия казалась некоторое время хозяином положения в Лузитанской монархии.

V

В это время протокол 4 апреля, разосланный европейским государствам, делал своё дело, наталкиваясь, впрочем, кое-где на сопротивление. Австрия ответила на англо-русское сообщение 22 декабря, что державы не могут предложить своё посредничество в ответ на просьбу, исходящую от мятежников. По мнению Австрии, имелось только одно средство умиротворить Грецию, а именно, предоставить султану возможность свободно, по своей доброй воле дать Греции учреждения, которые должны были обеспечить ей благополучие. Прусское правительство, неизменно проникнутое легитимистскими принципами Священного союза, говорило приблизительно таким же языком. Что же касается Франции, то она высказалась совершенно иначе. Виллель и тут начал было колебаться. Но общественное мнение, всё более и более сочувствовавшее грекам, повлияло на него; к тому же ему необходимо было загладить какой-нибудь энергичной манифестацией своё жалкое поведение на Пиренейском полуострове. Кроме того, и Россия, не переставая, побуждала французское правительство вмешаться со своей стороны в дело урегулирования греческого вопроса и доказывала ему, сколь необходимо в интересах Франции помешать преобладанию британского влияния в Греции. Англия со своей стороны также старалась заинтересовать французское правительство в греческом вопросе, указывая, что Франция должна создать противовес России. Всё это объясняет, почему парижский кабинет не только не отверг протокола, но даже прямо предложил превратить его в союзный договор между Николаем I, Георгом IV и Карлом X с целью умиротворения Востока. Это предложение, естественно, было в принципе принято (январь 1827 г.), и теперь оставалось только договориться о подробностях совместных действий.

Несмотря на то, что звезда Меттерниха начинала заметно тускнеть, этот последний не признавал ещё себя побеждённым;

но обстоятельства всё менее и менее давали ему простор для проявления присущего ему таланта дипломатической изворотливости. Например, ему пришла мысль побудить Францию потребовать, чтобы державы, в случае образования особого греческого государства, по крайней мере гарантировали на будущее время целостность Оттоманской империи. Но Россия тотчас же оборвала подобные предложения, категорически заявив, что хотя она и не имеет в виду разрушать турецкую монархию, но во всяком случае далека от мысли принять на себя защиту этой последней. Тогда (март 1827 г.) австрийский канцлер сделал более скромное предложение об урегулировании греческого вопроса на конференции в Лондоне с участием представителей пяти великих держав. Это предложение имело некоторые шансы на успех, потому что тори школы Ливерпуля и Веллингтона подобно Меттерниху вовсе не желали освобождения Греции и были очень склонны к тому, чтобы затянуть дело новыми переговорами. Но, к несчастью для министра Франца I, в Англии как раз в это время во главе министерства был поставлен его личный враг. Апоплексический удар только что перед тем заставил лорда Ливерпуля подать в отставку, и после нескольких недель кризиса Каннинг сделался первым министром (10 апреля). Этот выдающийся государственный деятель всё более и более склонялся к партии вигов и начинал — под давлением общественного мнения — поддерживать повсюду в Европе принципы свободы; новое назначение развязывало ему руки тем более, что самые крайние тори прежнего министерства (Веллингтон, Эльдон, Батхэрст, Пиль и др.) отказались участвовать в его кабинете и вышли в отставку. Применение принудительных мер на Востоке нисколько не пугало человека такого смелого и вместе с тем гибкого ума, как Каннинг, и даже мысль о признании со временем полной независимости Греции отнюдь не могла заставить его отказаться от своей политики.

К тому же заключение тройственного договора становилось тем более вероятным, что каждая из заинтересованных в этом деле держав главным образом боялась усиления в Греции влияния двух остальных. В этот момент (апрель 1827 г.) Англия, казалось, косвенным путём забирала в свои руки военное руководство греческой революцией, заставив Национальное собрание в Гермоне назначить двух англичан, Чэрча и Кокрэна, генералиссимусом и адмиралом. Россия, наоборот, казалось, захватывала политическое руководство, побудив принять новую конституцию и избрать

Каподистрию на пост президента республики. Франция же теряла под ногами почву и поэтому особенно сильно старалась взять реванш.

В общем три державы единодушно желали ускорить вмешательство. Лондонский двор, долго льстивший себя надеждой, что ему одному, без участия других, удастся заставить Порту принять его предложение о посредничестве, ещё и в феврале месяце не достиг этой цели. В этот момент в Константинополь прибыл русский посол Рибопьер, и представители двух держав, подписавших протокол 4 апреля, сообщили турецкому правительству — сначала официально, а потом официально — содержание этого акта (февраль — март). Министры султана, постоянно находившие поддержку в коварной политике Вены, всячески медлили, уклонялись от ответа и старались выиграть время, чтобы турецкая армия Решиды успела взять Афины. Ввиду совершившегося уже падения Миссолонги сдача Афин, осаждённых с августа 1826 г., должна была оказаться, по мнению турок, смертельным ударом для восстания. Афины действительно капитулировали в июне, и тогда Порты в ответ на предъявленную ей за последние несколько недель четвёртое или пятое требование высказаться по поводу протокола надменно заявила, что султан никогда не допустит вмешательства иностранных государств в его отношения с собственными подданными.

Непосредственным результатом этого отказа должно было быть и действительно было заключение тройственного союза. В этот момент греки были так ослаблены, так пали духом, среди них царил такой раздор¹, что нельзя было больше терять ни минуты, если хотели притти им на помощь. Поэтому договор, так давно обсуждавшийся тремя державами, был, наконец, подписан в Лондоне 6 июля 1827 г. Начиная с этого дня греческий народ, вначале так презираемый и третируемый Священным союзом, но сумевший своим героизмом завоевать симпатии Европы, получал уверенность в том, что он будет жить и победит, так как большинство держав Священного союза сочло, наконец, нужным высказаться в его пользу. Составители договора мотивировали его прежде всего необходимостью для трёх договаривающихся держав покончить с положением вещей, вредно отзывающимся на их

¹ В отсутствие Каподистрии, не успевшего ещё прибыть в Грецию, временное правительство вызвало пренебрежительное отношение к себе со стороны всех партий и довело себя почти до полного бессилия. Члены его принуждены были спасаться в одном из фортвов Навплии, так как самый город был охвачен междоусобной войной.

торговле¹, а затем — соображениями гуманности и, наконец, призывом, с которым формально обратилось к двум из них греческое правительство. Общие условия будущего мирения почти совпадали с теми, которые были указаны в протоколе 4 апреля. Для осуществления же договора на практике секретная добавочная статья устанавливала, что сначала Порте будет отправлена нота с предложением коллективного посредничества трёх держав; в случае же отказа через месяц или даже через две недели последует вторая нота, в которой будет сообщено Дивану решение держав учредить консульства в важнейших греческих городах и силой оружия принудить обе воюющие стороны согласиться на перемирие, хотя бы в отношении действий на море; принятием этих принудительных мер державы, разумеется, не предполагают вызвать состояние войны ни с той, ни с другой стороной.

Эта конвенция — несомненная победа революционных начал — была тем более знаменательна, что она явилась результатом совместной работы трёх правительств, объединившихся в своё время совсем с другой целью. Она произвела во всей Европе огромное впечатление. Если некоторые сторонники Священного союза ещё не считали его окончательно мёртвым, то во всяком случае конвенция 1827 г. нанесла ему удар, который был для него роковым.

Лондонский договор был сообщён в первых числах августа греческому правительству, которое поспешило к нему присоединиться. Но Порты, всё ещё поддерживаемая Австрией в своих иллюзиях и своём высокомерии, заявила сначала, что не желает даже знакомиться с его содержанием (16 августа). Пришлось пригрозить ей (30 августа) теми принудительными мерами, к которым предполагали прибегнуть союзники. Но и угроза не образумила Порту, и в течение всего сентября она занималась мелочными спорами и жалобами вместо того, чтобы пойти хотя бы на малейшие уступки.

¹ Во вступлении к трактату говорилось: «...три монарха проникнуты сознанием необходимости положить конец кровавой борьбе, которая, подвергая греческие провинции и острова Архипелага всем бесчинствам анархии, создаёт с каждым днём всё новые препятствия для европейской торговли и благоприятствует развитию пиратства, не только причиняющего подданным высоких договаривающихся сторон значительные убытки, но ещё и требующего принятия обременительных мер надзора и репрессий; кроме того, короли Франции и Великобритании получили со стороны греков настойчивое приглашение предложить Порте своё посредничество. Ввиду всего этого указанные два монарха совместно с русским императором, одушевлённые желанием избежать пролития крови и предупредить бедствия, которые может повлечь за собой продолжение подобного положения вещей, постановили соединить свои усилія...» и т. д.

Ввиду этого три державы принуждены были начать приготовления к принудительным мерам. 4 сентября их послы в Константинополе обратились к соответствующим адмиралам, крейсировавшим с некоторого времени в Архипелаге, с инструкциями относительно мер, которые те должны принять против турецко-египетского флота. Им было предложено препятствовать всякой перевозке оттоманских войск и каким-либо действиям со стороны этих войск на побережье, которое в скором времени, по всей вероятности, должно было стать территорией нового греческого государства. С другой стороны, греческие войска должны были быть удалены из всех местностей, находившихся вне этих границ. Когда после этого начальник английской эскадры Кодрингтон¹, к которому вскоре присоединился французский адмирал де Риньи², сообщил Ибрагиму-паше в конце сентября о намерениях союзников, то последний, объединивший в Наваринской гавани под своим командованием египетский и турецкий флоты, согласился до получения распоряжений из Константинополя на двадцатидневное перемирие. Правда, вскоре после этого сын Мехмеда-Али счёл себя вправе ввиду некоторых действий греков в Коринфском заливе возобновить наступление. Но Кодрингтон заставил его вернуться в Наваринскую бухту и, соединив свою эскадру с французской и русской (под начальством адмирала Гейдена³), явился туда (18 октября) с целью предложить ему покинуть Грецию.

В этот момент сражение казалось неминуемым, но всё же дипломатов не покидала надежда, что мир между союзниками и Портой может ещё быть сохранён. В частности Меттерних, больше чем когда-нибудь верил, что ему удастся предупредить войну. И действительно, как раз в это время произошло событие первостепенной важности, которое, каза-

¹ Кодрингтон (сэр Эдуард) родился в 1770 г.; контр-адмирал в 1814 г.; вице-адмирал в 1821 г.; отозван из Греции торийским министерством в 1828 г.; член парламента, где он поддерживал либеральную партию, с 1834 до 1840 г.; камергер королевы Викторнии (1846) и адмирал; умер в Лондоне в 1851 г.

² Де Риньи (Адри-Готье, граф) родился в городе Туль в 1782 г.; пятнадцати лет поступил на морскую службу; лейтенант в 1809 г.; капитан (1816); начальник французской эскадры в Леванте (1822); контр-адмирал в 1825 г.; вице-адмирал после Наваринского боя; морской министр (1831—1834); министр иностранных дел (1834) и снова — морской (в том же году); посол в Неаполе; умер в Париже в 1835 г.

³ Гейден (граф) родился в 1772 г. в Голландии; рано поступил там на морскую службу; перешёл около 1795 г. на русскую службу; контр-адмирал в 1817 г.; вице-адмирал после Наваринского боя, впоследствии начальник флота в Ревеле и помощник начальника морского генерального штаба.

лось, способно было в ближайшем будущем вернуть ему его былую удачу. Каннинг, которому было всего 57 лет, умер 8 августа от непосильных трудов после нескольких дней болезни. Один из его товарищей по кабинету, некто Годерич¹, человек малозначительный, занял пост первого лорда казначейства. Он не мог помешать старой партии тори вновь приобрести влияние в министерстве, в которое она ввела Веллингтона. Австрийский канцлер думал поэтому, что после исчезновения «зловредного метеора» (как он называл Каннинга)² британский кабинет будет менее, чем прежний, склонен к политике авантюры и мало-помалу предаст забвению трактат 6 июля. Он рассчитывал также, что осложнения, могущие возникнуть на Западе, в состоянии будут отвлечь внимание Европы от восточного вопроса: апостольская партия начинала в этот самый момент (август, сентябрь) восстание в Каталонии во имя наследника Фердинанда VII, дона Карлоса³, против самого Фердинанда, недостаточно твёрдо, по их мнению, осуществлявшего свою самодержавную власть. С другой стороны, дон Мигэль, признанный в конце концов Англией по просьбе Австрии

¹ Годерич (Фредерик-Джон-Робинсон, виконт Годерич, потом граф Рипон) родился в Лондоне в 1782 г.; член палаты общин (1806); секретарь посольства в Вене (1807); помощник статс-секретаря по военным делам (1809); казначей морского ведомства (1811); вице-президент торгового департамента (1812); главный поборник закона 1815 г. о хлебных пошлинах, сделавшего его чрезвычайно непопулярным; присоединился к программе Каннинга, сделавшего его канцлером казначейства в 1822 г.; статс-секретарь колоний (1827); первый лорд казначейства (глава правительства) после смерти Каннинга; вышел в отставку (14 декабря 1827 г.); статс-секретарь колоний в министерстве Грея (1830); получил титул графа Рипон и стал хранителем малой государственной печати (1832); вновь сблизился с тори начиная с 1834 г.; председатель торгового департамента в кабинете Пляя (1841); председатель контроля по делам Индии (1842—1846); умер в Пэтней-Хис (в графстве Сэррей) в 1859 г.

² «Мы сидели за столом, — читаем мы в одном письме Генда («Briefe an Pilat», В. II, S. 224), — когда пришло важное известие о смерти Каннинга. Вы представляете себе происшедшее волнение; собравшиеся поднялись со своих мест, не кончив обеда... Со всякой точки зрения эта смерть должна быть рассматриваема, как милость свыше».

³ Карлос (Карлос-Мария-Исидор-Бурбон, дон) второй сын Карла IV и брат Фердинанда VII, родился в 1788 г.; заключён Наполеоном вместе со старшим братом в Валансэ в 1808 г.; вернулся в Испанию в 1814 г.; глава абсолютистской и апостольской партий, поддерживавшей его притязания на престол после смерти Фердинанда VII (1833); принуждён покинуть Испанию после шестилетней борьбы (1839); поселён Луи-Филиппом в Бурже; известен под именем графа де Молина с 1844 г., когда он отказался от своих притязаний в пользу своего старшего сына — Карлоса графа де Монтемолин; удалился в Австрию (1847); умер в Триесте в 1855 г.

и Франции, собирався в качестве регента Португалии отправиться в Лиссабон, где его появление должно было, конечно, вызвать новые волнения. Наконец, в Париже министерство Виллеля доживало последние свои минуты, предвидя своё поражение на предстоящих выборах. Меттерних полагал поэтому, что ему будет нетрудно благодаря всем этим осложнениям лишний раз помешать осуществлению честолюбивых замыслов России на Востоке. Ещё в октябре 1827 г. он носился с мыслью заставить Диван обратиться к Австрии с просьбой о посредничестве в его сношениях с союзниками. Оттоманские министры легко на это согласились. Поэтому Меттерних, ещё недавно пребывавший в состоянии беспомощности, начинал думать, что ему суждено ещё раз сыграть роль вершителя судеб Европы.

Наваринские пушки должны были скоро рассеять эту иллюзию, весьма наивную для такого дипломата, как Меттерних.

VI

20 октября 1827 г. адмиралы трёх союзных держав в общем сражении, которое они предвидели, но которое не ими было вызвано, почти совершенно уничтожили турецко-египетский флот. Чтобы спасти несколько уцелевших кораблей, Ибрагим должен был принять на себя обязательство не использовать их против греков.

Известие об этой важной битве должно было прежде всего возбудить чрезвычайные надежды и притязания у греческого правительства. Уверившись в том, что им нечего бояться своих врагов, по крайней мере на море, греки поспешили усилить свои наступательные действия и расширить свои операции. Так, например, под начальством Фавье¹ они двинулись против острова Хиоса (ноябрь). В то же самое время под начальством Чэрча они предприняли решительную попытку снова овладеть Акарнанией и Этолией. Немного спустя они возобновили свои усилия захватить Крит. Их политические вожди не без основания считали, что чем больше территории они захватят в свои руки, тем больше

¹ Барон Фавье (Шарль) родился в Понт-а-Муссон в 1782 г.; воспитанник политехнического училища (1802), затем артиллерийский офицер адъютант маршала Мармона (1811); полковник и барон с 1813 г.; замешан в нескольких либеральных заговорах против Реставрации (1820—1822); поступил на службу Греции (1824), регулярными войсками которой командовал начиная с 1825 г.; вернулся во Францию (1829); генерал-майор (1830); генерал-лейтенант (1839); пэр Франции (1845); послан с официальным поручением в Копенгаген (1849); депутат в Законодательном собрании (1849—1851); умер в Париже в 1855 г.

им удастся удержать и что в их интересах, чтобы в момент, когда придётся устанавливать границы нового государства, дипломатам пришлось считаться с совершившимися фактами.

Что же касается Порты, то Наваринское сражение не только не сделало её более сговорчивой, но, наоборот, уничтожило у неё даже последний остаток здравого смысла и благоразумия. Махмуд был человек энергичный, но жестокий и взбалмошный; он часто менял министров и, как истый восточный деспот, требовал от своих слуг не столько таланта, сколько умения потворствовать его страстям. Менее чем когда бы то ни было расположенный примириться с греками и принять посредничество союзников, уничтоживших его флот, он приказал реис-эффенди потребовать от трёх держав, подписавших Лондонский договор, самого полного удовлетворения за оскорбления и убытки, причинённые Порте. Послы Франции, Англии и России, конечно, ответили на это требование категорическим отказом (10 ноября) и в течение нескольких недель тщетно убеждали турецких министров принять предложения тройственного союза. Единственно, чего они могли от них добиться, это обещания, что на «предварительное изъявление покорности» со стороны мятежников султан милостиво ответит амнистией; что он возобновит порядок вещей, уничтоженный в 1821 г.; что Греция будет обеспечена «кроткая и справедливая» администрация. На большее турки сейчас не шли. Если государь пожелает впоследствии дать больше, то это в его власти; но никто не может его к этому принудить. Решившись на последнее средство, представители трёх дворов потребовали обратно свои верительные грамоты и, несмотря на старания турецких министров удержать их, покинули Константинополь 8 декабря. Тотчас после этого султан и в столице и в провинциях стал разжигать, в особенности против России, жестокость и фанатизм мусульман. Последние набросились на христиан; подданные царя, находившиеся в Турции, подверглись преследованию, заключению в тюрьмы, всевозможным обидам; их товары были захвачены или разграблены. В то же самое время Порта подговорила персидского шаха, вынужденного вследствие больших неудач, понесённых им в кампанию 1827 г., заключить невыгодный мир с императором Николаем I¹, отказаться от ратификации

¹ Русские дошли до Эривани и взяли этот город 13 октября. Затем был заключён договор (2—3 ноября), по которому Фетх-Али-шах уступал им ханства Эриванское и Нахичеванское, обязывался уплатить 20 миллионов рублей и т. д.

договора и снова взяться за оружие. Наконец, султан созвал в Константинополь «айанов», или начальников округов, из всех почти оттоманских провинций и обратился к ним 18 декабря с горячим манифестом, в котором открыто обвинял Россию в том, что она с 1821 г. постоянно поддерживала инсургентов в его империи. Он заявлял в этом акте, что был гнусным образом обманут в Аккермане, так как царь уверил его, что не станет более вмешиваться в греческий вопрос; что он был вынужден в 1826 г. подчиниться унижительным условиям, скрыть своё неудовольствие и отложить свою месть, но что теперь пришло, наконец, время отомстить за поруганную честь ислама. Поэтому он обращался с призывом к «правоверным». Он выражал надежду, что они вспомнят славу своих предков и затмят её славою своих собственных подвигов.

Этот документ, столь неосторожный и неблагоприятный, не предназначался для гласности. Европа в течение нескольких недель не знала о его существовании. Но в конце 1827 г. царь был уже достаточно осведомлён о намерениях султана по отношению к себе для того, чтобы не дать себя предупредить. Лондонский договор был подтверждён и возобновлён 12 декабря. Русский император попытался во имя этого соглашения склонить своих союзников к целому ряду мер, гораздо более энергичных, чем те средства принуждения, которые были одобрены ранее, и брался быть главным исполнителем этих мер. А именно, в ноте 6 января 1828 г. он предложил: 1) занять Молдавию и Валахию русскими войсками; 2) воспользоваться союзным флотом для блокады Константинополя и Александрии, а также для освобождения и защиты Морей; 3) поддержать Каподистрию, президента греческой республики, оказав ему значительную денежную помощь; 4) поручить послам трёх держав, прежде аккредитованным в Константинополе, собраться на Корфу и открыть там переговоры с целью облегчить заключение мира.

VII

Из этого видно, какие выгоды русский император надеялся извлечь из тройственного союза. Вынужденный иметь дело со столь смелым, решительным и агрессивным государем, Меттерних попрежнему тратил свои силы на жалкие плутни и с каждым днём всё более и более терял своё политическое влияние. Само собой разумеется, что после Наваринского сражения он не осмеливался более говорить о посредничестве Австрии. Он даже в конце 1827 г. безза-

стенчиво отрицал, что эта идея исходила от него. Он по обыкновению рассыпался в изъявлениях преданности русскому правительству. Царь, который ему не верил, потребовал, чтобы он, в доказательство своей искренности, воспользовался своим влиянием на Турцию и добился от неё уступок союзным державам. Меттерних поспешил исполнить это требование, но сделал это таким образом и продолжал вести двойную игру так искусно, что султан остался попрежнему несговорчивым. В феврале 1828 г. австрийский канцлер всё ещё предлагал трём союзным дворам в качестве базы для окончательного соглашения не что иное, как свой вечный план: поставить судьбу Греции в зависимость от предварительного изъявления покорности и от тех учреждений, которые будут добровольно дарованы ей султаном.

В этот момент, впрочем, у хитрого дипломата вновь зародилась надежда. Ему теперь казалось, что не трудно будет расстроить тройственный союз. В самом деле, в Англии снова произошла смена министерства (8 января 1828 г.). Веллингтон стал первым лордом казначейства. Вместе с ним вернулись к власти Батхэрст¹ и Пиль². Некоторые из друзей Каннинга вышли из состава кабинета; остальные вскоре последовали за ними. Глава нового кабинета некогда подписал протокол 4 апреля, имевший целью связать Россию. А между тем оказывалось, что эта держава не только не встретила затруднений в своей политике на Востоке, но даже заставила Англию действовать заодно с ней; она, повидимому, готовилась и впредь увлекать её за собой. Веллингтон и его друзья сильно беспокоились. Они не питали никакой симпатии к Греции. Возникновение этого нового государства представлялось для них событием, вдвойне неблагоприятным для их страны: во-первых, потому, что это ослабило бы Турецкую

¹ Граф Батхэрст (Генри) родился в 1762 г.; член комиссии по делам Индии в 1793 г.; министр колоний (1809); вышел в отставку в 1827 г.; председатель совета в кабинете Веллингтона (1828—1830); умер в 1834 г.

² Пиль (Роберт) родился в Чэмбей-холле, около Бэри (графство Ланкастер) 5 февраля 1788 г.; член палаты общин (1809), где он не замедлил обратить на себя внимание партии тори, которая стала возлагать на него большие надежды; помощник министра внутренних дел (1810); секретарь по делам Ирландии (1812); автор билля о возобновлении платежей звонкой монетой (1819); министр внутренних дел (1822); вышел в отставку, когда Каннинг занял пост премьер-министра (1827); министр внутренних дел в кабинете Веллингтона (1828—1830); выказывал сочувствие делу эмансипации католиков (1829); глава партии тори с 1830 г.; первый лорд казначейства (глава правительства) (1834—1835); снова призван на пост главы министерства (сентябрь 1841 г.); провёл отмену хлебных законов; свергнут в июне 1846 г.; умер в Лондоне 2 июля 1850 г.

империю, а во-вторых, потому, что от этого несколько пострадало бы морское могущество Великобритании на Средиземном море. Они сожалели о Наваринском сражении, они устами Георга IV публично назвали это сражение «злосчастным происшествием». Поэтому их живейшим желанием в данный момент было — затормозить, парализовать воинственные стремления царя.

Но как это сделать? Австрия подстрекала их, но не давала обещания вступить с Англией в союз. Их дело было бы выиграно, если бы они могли склонить на свою сторону Францию и отвлечь её от союза с царём. К несчастью для них, в то самое время, когда Веллингтон сделался первым министром, Виллель, всегда питавший некоторую слабость к Англии, принуждён был уступить своё место Мартиньяку¹ (4 января 1828 г.), а этот государственный деятель, точно так же как и его коллеги², открыто выражал свои симпатии к Греции и России. Британский кабинет не останавливался ни перед чем в стремлении привлечь на свою сторону правительство Карла X. Он выказывал особую уступчивость по отношению к Франции во всём, что касалось дел на Пиренейском полуострове. Он позволил дону Мигэлю высадиться в Лиссабоне и взять в свои руки управление государством (в феврале 1828 г.). Он отозвал (в апреле) из Португалии войска, посланные туда Каннингом, и вопреки заявлениям этого министра согласился на то, чтобы после их удаления некоторые французские полки в течение ещё нескольких месяцев оставались в Испании. Вскоре дон Мигэль, которому удаление англичан развязало руки, открыто нарушил договор, в силу которого он пользовался властью, распустил конституционные кортесы, созвал прежние португальские штаты (2 мая), установил во всей стране господство террора, добился от собрания, составленного из его креатур, устранения от престола как донны Марии, так и дона Педро, отменил хартию, дарованную бразильским императором, вопреки данной им присяге овладел короной (июль) и, не

¹ Виконт де Мартиньяк (Жан-Батист-Сильвер-Гей) родился в Бордо в 1776 г., секретарь Сийёса в 1798 г.; затем адвокат в Бордо, генеральный адвокат при королевском суде этого города (1816); затем генеральный прокурор в Лиможе; депутат с 1821 г.; очень влиятельный в палате благодаря своему красноречию; член государственного совета в 1822 г.; гражданский комиссар при испанской экспедиции (1823); министр внутренних дел (январь 1828 г. — август 1829 г.); защитник Полиньяка перед судом пэров после июльской революции; умер в 1832 г.

² В новом кабинете портфель министра иностранных дел был предоставлен Ла-Ферронэ, бывшему послу в Петербурге, личному другу Александра I и Николая I.

беспокоясь о том, что Европа почти единогласно¹ отказалась признать его королём, стал управлять деспотически, дав волю произволу апостолической партии. Английское правительство, которое восемнадцать месяцев назад относилось столь враждебно к его притязаниям и его партии, теперь хотя и не одобряло его поступков, однако не стесняло свободы его действий и не воспротивилось этой узурпации. В сущности Веллингтон довольно мало заботился о том, будет или не будет в Португалии конституция. Но ему важно было приобрести расположение французского правительства.

Правда, все его старания оказались совершенно напрасными. Если триумф дона Мигэля мог быть приятен Карлу X и его камарилье, то Мартиньяк и его коллеги, искренне преданные конституционным принципам, были мало склонны разделить эту радость. Они гораздо более своих предшественников стремились служить делу свободы и удовлетворять требования общественного мнения; вместе с тем они хотели поднять престиж Франции; поэтому они имели твёрдое намерение не оставлять Грецию на произвол судьбы. Они стремились освободить этот маленький народ и не желали, чтобы Англия помешала этому освобождению или чтобы вся честь его выпала на долю одной России. Впрочем, санкт-петербургский кабинет начал делать им очень соблазнительные предложения, результатом которых могло быть для Франции серьёзное вознаграждение за потери, понесённые ею в 1814 и 1815 гг.

VIII

Таким образом, министерство Мартиньяка твёрдо стояло за союз с Россией. Оно требовало только того, чтобы в противовес преобладающему влиянию царя на Востоке Франции было позволено послать оккупационный корпус в Морею. Это предложение не могло понравиться лондонскому кабинету. Но он не имел никакой возможности отвергнуть его, так как, с одной стороны, сам понимал необходимость создания такого противовеса, а с другой стороны (желая избежать даже малейших признаков враждебного отношения к Турции), не осмеливался выступить с предложением об отправке в Пелопоннес английских солдат. Лондонский кабинет не мог отклонить требование французского правительства ещё и потому, что в конце февраля русский

¹ Единственные правительства, представители которых не покинули Лиссабона после захвата Мигэлем короны, были правительства Испании, Папской области и Соединённых Штатов.

император, вопреки своей прежней программе от 6 января, выказал твёрдую решимость начать войну с Турцией, не считаясь с тем, что скажут или предпримут его союзники. Он знал теперь о манифесте Махмуда к «айянам». Он указывал, что такой манифест представляет собой объявление войны, что Аккерманская конвенция явно нарушена, что он с оружием в руках будет защищать свои погрязшие права, а также что он на свой риск и страх постарается привести в исполнение Лондонский трактат, раз остальные две державы, заключившие с ним этот договор, не расположены вместе с ним добиваться его осуществления. Было известно, что у этого человека слово не расходилось с делом.

Было также известно, что теперь он имел возможность обратиться против турок все силы своей империи. Война с Персией была уже окончена. Фетх-Али-шах¹ после непродолжительной зимней кампании, кончившейся для него новой неудачей, принуждён был заключить в Туркманчае (22 февраля 1828 г.) мир, условия которого были ему продиктованы ещё три месяца тому назад. Русские войска могли теперь немедленно направиться к Дунаю и одновременно произвести нападение с тыла на Малую Азию. Британский кабинет, не находя поддержки у Франции, должен был примириться с этим и в начале марта стал требовать от царя отказа от свободы действий только в Средиземном море, где — по его словам — каждый из трёх союзных флотов должен был действовать только в соответствии с Лондонским трактатом и коллективными постановлениями трёх договаривающихся сторон.

В это время Меттерних, доведённый до отчаяния уклончивыми и пренебрежительными ответами на его февральские предложения, стал изобретать новые средства, чтобы выиграть время. Но ему положительно не везло. Так, в конце марта 1828 г. он не нашёл ничего лучшего, как предложить признать независимость Греции. В данный момент, как и в 1824 г., это было с его стороны хитростью, шитой белыми нитками. Он хорошо знал, что такое разрешение вопроса будет отвергнуто царём. На это он и надеялся. Но мог ли он рассчитывать, что император Николай I согласится начать

¹ Фетх-Али-шах родился в 1762 г., стал в 1797 г. государем Персии после своего дяди Ага-Мохаммеда; вскоре начал войну с русскими, которые отняли у него Грузию (1803); принимал (1805—1807) послов Наполеона, который, подав ему надежду на союз, отказался от него в Тильзите; должен был уступить царю Дагестан по Гюлистанскому трактату (1813); вступил с Портой в войну (1821—1822), не имевшую серьёзных последствий, и умер в 1834 г. после неудачной войны с русскими.

переговоры относительно подобного проекта, раз он исходит из Вены? Он должен был знать и, конечно, знал, что этот государь уже давно относится к нему с недоверием. Теперь для того, чтобы рассеять недоверие царя и снова расположить его к австрийской политике, он счёл нужным отправить в С.-Петербург специального посла графа Зичи, которому было поручено убедить императора Николая I, что он идёт по ложному пути, что в Европе существует только один враг, с которым нужно бороться, а именно — революция, что пора вернуться на путь, указанный Священным союзом; этому пути Австрия всегда оставалась верна.

Зичи сразу заметил, что Николай чрезвычайно возмущён поведением Меттерниха за последнее время. Неужели, спрашивал этот государь, венский двор собирается обуздать революцию именно путём признания независимости Греции? Со своей стороны, что бы ни говорили другие, он всегда останется самым горячим сторонником и самой прочной опорой Священного союза; он останется верным своим монархическим принципам, и, если австрийский император будет нуждаться в его содействии, он всегда готов помочь ему. Что же касается греков, то он презирает и ненавидит их, он видит в них только мятежников; он вовсе не желает их полного освобождения. У него нет никаких честолюбивых стремлений, он не желает ни увеличения своих владений, ни каких бы то ни было завоеваний. Но он должен отомстить за честь своей короны и защитить те интересы своей империи, которым грозит опасность со стороны турок. Он будет вести войну, и, когда дело дойдёт до заключения мира, он сумеет принять надлежащие меры для того, чтобы сделать вполне бесспорным законное право России на преобладающее влияние в Турецкой империи¹.

Всё это не было пустыми угрозами. Через несколько дней после разговора с Зичи русский император разослал европейским дворам манифест о войне с Турцией (26 апреля). Он обещал, правда (29 апреля), в виде уступки лондонскому двору, что до нового распоряжения начальник русского флота в Средиземном море будет действовать только по соглашению с французским и английским адмиралами. Но на суше враждебные действия начались почти тотчас же, так как 7 мая русские войска перешли Прут.

Британское правительство, которое так желало удержать царя, принуждено было уступить и предоставить ему свободу

¹ Эти строки представляют собой краткое изложение разговора Николая I с Зичи 21 апреля 1828 г.

действий. Веллингтону не оставалось ничего другого, как заявить себя удовлетворённым последними сообщениями русского правительства (июнь 1828 г.); он возобновил в Лондоне 2 июля совещания трёх союзных дворов, прерванные им за несколько месяцев до этого, и согласился на переговоры на острове Корфу, которые и начались 9 августа. Проявив такую уступчивость по отношению к императору Николаю I, он не мог оказаться менее уступчивым по отношению к Карлу X. Он должен был поэтому позволить (по соглашению от 19 июля), чтобы отряд французских войск был отправлен из Тулона для оккупации Морей. Впрочем, он очень хотел бы, чтобы это соглашение оказалось бесполезным. Английское правительство усиленно стремилось отнять у Франции честь изгнания египтян из Пелопоннеса и лишить её тех выгод, которые, несомненно, должно было ей доставить присутствие её войск в Греции; поэтому английский кабинет стал вести деятельные переговоры и с Ибрагимом и с Мехмедом-Али, намереваясь мирным путём добиться возвращения полуострова грекам. Он действительно достиг этого результата 6 августа (по конвенции, заключённой в Александрии). Но прежде чем об этом соглашении стало известно в Париже и Лондоне, генерал Мезон¹ уже отплыл из Тулона. Французские войска вскоре высадились в Морее и почти без выстрела заняли в течение сентября и октября эту часть Греции, уступленную им египтянами и турками.

Когда султан увидел, что русские, с одной стороны, во главе с царём дошли уже до середины Болгарии, а с другой — под начальством Паскевича² занимают Армению, он счёл необходимым сбавить тон. С июля по сентябрь его министры прилагали все усилия к тому, чтобы рас-

¹ Мезон (Никола-Жозеф) родился в 1771 г. в Эпине (департамент Сены и Уазы); волонтёр в 1792 г.; бригадный генерал при Аустерлице (1805); дивизионный генерал в 1812 г.; послан во главе северной армии для защиты Бельгии в 1814 г.; получил титул маркиза от Людовика XVIII в 1817 г.; маршал Франции после экспедиции в Морю (1828); министр иностранных дел (1830); затем посол в Вене, в С.-Петербурге (1833); военный министр (1835); умер в 1840 г.

² Паскевич, Иван Фёдорович, родился в Могилёве в 1782 г.; паж императора Павла I, затем флигель-адъютант Александра I, генерал-майор в 1810 г.; генерал-лейтенант в 1813 г.; главнокомандующий Кавказской армией (1826), победитель персов; главнокомандующий русской армией в Азии, где одержал крупные победы над турками (1828—1829); послан усмирить возмущившуюся Польшу (1831), получил титул князя Варшавского; наместник в Польше; главнокомандующий армией, посланной на помощь австрийцам для усмирения Венгрии в 1849 г.; неудачно командовал Дунайской армией в 1854 г.; умер в Варшаве 29 января 1856 г.

строить тройственный союз, приглашая Францию и Англию вернуть своих послов в Константинополь и выказывая готовность вступить с этими двумя державами в переговоры относительно примирения с Грецией. Но Веллингтон опасался, что если он примет это предложение, то царь сочтёт себя свободным от всех обязательств, принятых им на себя по Лондонскому договору, и со своими победоносными войсками произведёт страшные потрясения на Востоке. Меттерних также боялся такого исхода. Поэтому предложения Турции не имели в данный момент успеха, и тройственный союз продолжал своё существование.

IX

Правда, вскоре положение вещей должно было, повидимому, измениться. Веллингтон (и вместе с ним почти вся Европа) думал, что русский император, при том громадном военном и финансовом превосходстве, которое ему приписывали, легко в одну кампанию покончит с турками. На деле же вышло не совсем так. Бесспорно, русские весьма удачно действовали в Азии. Но в Европе, где, собственно, должен был быть нанесён решительный удар, их постигло сильное разочарование. Их плохо снабжённая и находившаяся под плохим командованием армия с большим трудом взяла Варну, но не могла справиться с лагерем под Шумлой, где расположились для защиты балканских перевалов новые, обученные по европейскому образцу турецкие войска; она вынуждена была, кроме того, после громадных потерь снять осаду с Силистрии и произвести в октябре и ноябре очень тяжёлое отступление по направлению к Дунайским княжествам; это отступление Меттерних поспешил, не без преувеличения, сравнить с отступлением Наполеона в 1812 г.

Такая перемена пободрила австрийского министра. Пока русские вели свои дела удачно, он был далёк от того, чтобы грозить им. Но когда стал замечать перемену к худшему, он осмелел. Он издал от имени императора приказ о производстве рекрутского набора и смотров войск. Теперь он уже не довольствовался тем, что поощрял турок в их сопротивлении, доставляя им полезные сведения и распространяя по всей Европе слухи о гибели России. Теперь он уже начал заговаривать о том, чтобы образовать против России мощную коалицию. Но с кем? И кто явился бы застрельщиком? Англия могла сражаться только на море. Франция открыто заявляла, что она возьмёт сторону царя и, что заставит Австрию обратиться в сторону Италии и Рейна, если

только последняя сделает попытку начать военные действия против Польши¹.

При таком положении дела венский двор мог рискнуть только в том случае, если бы он был уверен в содействии Пруссии. Но именно эта держава начинала отдаляться от Австрии. Король Фридрих-Вильгельм III был тесно связан с царём Николаем I. Он выдал за него замуж одну из своих дочерей. Второй его сын, принц Вильгельм², был близким другом этого монарха и впоследствии даже женился на его родственнице³. Вообще берлинский двор, постепенно успокаивавшийся относительно революционной опасности, так испугавшей его в 1819 и 1820 гг., с некоторого времени стал проделывать эволюцию, которая должна была позволить ему поставить себя по отношению к Австрии сперва в независимое, а впоследствии — и во враждебное положение. Гарденберг, в последние годы своей жизни всецело подчинившийся Меттерниху, умер в 1822 г. Его место заняли другие министры, тактика которых заключалась в том, чтобы отнюдь не противодействовать реакционным предложениям Австрии в отношении Германии, извлекать из них при случае выгоду, но всегда предоставлять инициативу этих мероприятий Австрии и как бы по необходимости следовать за ней, сохраняя возможность в один прекрасный день свалить всю вину на неё⁴. Мало-помалу немцы стали поддаваться этому

¹ Так заявил канцлеру в довольно ясных выражениях французский посол в России герцог Мортемар при проезде через Вену в конце 1823 г.

² Впоследствии прусский король и германский император; родился в 1797 г., умер в 1888 г.

³ Принцесса Веймарская Августа, впоследствии германская императрица.

⁴ «Необходимо, — читаем мы в секретной докладной записке, написанной в 1822 г., повидимому, Эйхгорном, — во всех случаях предоставлять Австрии всю инициативу, которой она столь домогается. Согласно неизменной политике средних и малых государств их недовольство будет всегда направлено против того государства, которое будет требовать себе первенства; и, может быть, единственный способ восстановить влияние Пруссии в Германии заключается в том, чтобы создать для этого недовольства какой-либо другой объект, кроме Пруссии. Последняя же может принять на себя пассивную роль и при известных обстоятельствах делать вид, будто она только следует за австрийской политикой... Чем более она будет принимать этот вид пассивности, тем скорее, наверно, присоединится к ней большинство государств конфедерации, если с разрывом австро-прусского союза прекратится совокупное давление, которое он оказывает на Германию. Пруссии нужно будет приобрести решающее влияние на немецкую нацию, как государству чисто немецкому и действительно представляющему собой Германию... Пруссия должна избрать из себя государство, хотя и не склоняющееся к народным формам управления, но всё-таки следующее в управлении наиболее либеральным принципам, поощряющее всегда и всюду науки и просвещение, обладаю-

обману. Они стали считать берлинский двор либеральным по сравнению с венским. Они восхищались безупречным порядком прусской администрации и тем благополучием, которое доставил своим владениям Фридрих-Вильгельм. Как и перед 1815 г., они начинали обращать взоры на государство, по существу своему протестантское и немецкое (каким не была Австрия), заинтересованное в том, чтобы доставить им бесценное благо национального единства, и способное защитить их. Никто не сомневался в том, что национальное единство было ещё очень далеко. Но не могло ли это государство — в ожидании такого единства и для того чтобы помочь его осуществлению — обеспечить Германии таможенное и торговое единство, которого тщетно добивалась с 1820 г. у сейма Германская торговая ассоциация?¹ Не Пруссия ли, ввиду её известной географической раздроблённости, должна была выиграть более всякого другого государства конфедерации от такой реформы, которая за несколько лет увеличила бы в четыре раза сельскохозяйственное и промышленное значение Германии, уничтожив внутри государства стеснительные преграды и застраховав страну от иноземного экономического вторжения? Разве берлинский двор не выигрывал более, чем какой-либо другой, от такого объединения интересов, которое должно было дать в результате единство мыслей и учреждений? Всё это пока ещё, повидимому, не очень сильно беспокоило и занимало Вену. Но это начинали понимать на берегах Шпрее².

еще наиболее твёрдой, деятельной и просвещённой администрацией и, наконец, открывающее всякому таланту путь к наиболее подходящей для него деятельности».

¹ Германская ассоциация торговли и промышленности основана во Франкфурте в апреле 1819 г. по мысли известного экономиста Фридриха Листа; её ходатайства об установлении таможенного союза, встреченные на Карлсбадской и Венской (1819, 1820) конференциях пренебрежительно и оставленные без внимания, вызвали в Германии национальное движение, первыми признаками которого явились торговые съезды в Дармштадте (сентябрь 1820 г.), Готе (1821), Раштадте (1823), Штутгарте (1825); эти съезды не произвели впечатления на Франкфуртский сейм, но послужили основанием для переговоров между Вюртембергом и Баварией и возбудили впоследствии внимание Пруссии.

² Внутренние таможи были уничтожены в Пруссии с 16 июля 1816 г. Впоследствии Фридрих-Вильгельм указом от 26 мая 1818 г. отменил все ограничения и установил в принципе свободу торговли (если не считать пошлин на предметы потребления и транзитных сборов в 40—60%, взимавшихся главным образом с иностранных мануфактурных изделий). Так как прусская промышленность приобрела уже значительное развитие, то она без опасности для себя могла допустить до известной степени иностранный ввоз; таким образом, она открыла себе на основе взаимности иностранные рынки. Сверх того, новый тариф служил для берлинского правительства способом поправить свои

Соревнуйся с Баварией и Вюртембергом, заключившими между собой таможенный союз¹, прусское правительство начало уже вовлекать в подобные соглашения некоторые второстепенные, пограничные с ним, государства². Затем оно сблизилось с мюнхенским и штутгартским дворами, заставив их специальным соглашением примкнуть к своей экономической политике; оно прилагало также все усилия к тому, чтобы расстроить Тюрингенское соглашение³, род контр-лиги, организованной некоторыми северными германскими государствами против Пруссии. Одним словом, таможенный союз зарождался; и зарождался он по мысли и под покровительством Пруссии. Нетрудно понять, что в этот момент берлинский кабинет был очень мало расположен подвергать опасности своё детище и не соглашался пуститься на рискованное предприятие, выгодное только Австрии, т. е. державе, которую он в сущности ненавидел и влияние которой старался вытеснить из Германии.

Таким образом, коалиция, о которой мечтал в конце 1828 г. Меттерних, не состоялась. Но всё-таки России одно время угрожала опасность быть покинутой двумя её союзниками. После того как царь принуждён был отступить, Веллингтон, видимо, менее, чем прежде, стал бояться возможных с его стороны эксцессов, в случае если Австрия и Франция вернут себе свободу действий. Раздосадованный блокадой, которую русский император установил по собственному своему почину в Дарданеллах, глава британского кабинета старался больше, чем когда-либо, расположить к себе французское правительство. Принимая, например, у себя молодую донну

финансы. Этот тариф был пересмотрен и улучшен в 1821 г. настолько, что привёл в восхищение Хескиссона. Пруссия, кроме того, извлекала значительные выгоды из своего закона о мореплавании (20 июля 1822 г.). Наконец, учреждение провинциальных советов (1823) и окружных советов (1825) немало способствовало упрочению её материального благосостояния.

¹ Трактат о торговле и таможнях, заключённый между этими двумя государствами 12 апреля 1827 г., привёл 18 января 1828 г. к образованию настоящего *таможенного союза*; к нему присоединились 26 сентября того же года два княжества Гогенцоллерн.

² Великое герцогство Гессен-Дармштадтское — трактатом 14 февраля 1828 г. и княжества Ангальт-Кётен и Ангальт-Дессау — 17 июня того же года.

³ Тюрингенское соглашение, которое, впрочем, не было основано, подобно двум первым, на принципе таможенного объединения, охватывало Бремен, Франкфурт, Брауншвейг, Ганновер, Гессен-Гомбург, Нассау, Ольденбург, княжество Рейс, курфюршество Гессен, королевство Саксонское, великие герцогства и герцогства Саксонские и княжества Шварцбургские.

Марию со всеми почестями, полагающимися королеве¹, он одновременно проявлял странную снисходительность к дону Мигэлю, что, впрочем, ничуть не тронуло Мартиньяка; затем он согласился, чтобы французская бригада впредь до нового распоряжения продолжала занимать Пелопоннес, что уже гораздо больше понравилось этому министру. Но, несмотря на всё это, он не мог добиться, чтобы Франция открыто порвала с Россией. Правда, принятый 16 ноября Лондонской конференцией протокол гласил, что эта держава присоединится к Англии и снова отправит в Константинополь посла с поручением вести переговоры об умиротворении Греции. Но это постановление сопровождалось оговоркой, что оно будет исполнено только с одобрения царя, которого должен был поставить в известность Ливен. Нетрудно было предвидеть, что царь выставит со своей стороны условия и, таким образом, сведёт на-нет планы Веллингтона.

X

Возникает вопрос, каким образом Меттерних, потерпев столько неудач, мог ещё надеяться на то, что ему удастся затормозить или отдалить хотя бы даже частичное освобождение Греции. Но этот государственный человек не легко терял веру в себя. Как раз в это самое время (в декабре 1828 г.) он выдвигает мысль о созыве конгресса, на который можно было бы возложить дело умиротворения Востока. Одновременно он работает сообща с Веллингтоном над тем, чтобы заместить во французском министерстве Ла-Ферронэ² послом в Лондоне князем Полиньяком, так как надеется, что последний, будучи монархистом в его вкусе, окажется более уступчивым в греческом вопросе. Но этот маленький заговор не удался (в феврале 1829 г.). С другой стороны, очень встревоженный ирландским движением, бывшим в этот момент в самом разгаре³ и не позволявшим Веллингтону подвергать свою политику новым осложнениям, британский кабинет счёл необходимым воздержаться от всякого

¹ Она прибыла в Англию в сентябре 1828 г. и пробыла там несколько месяцев.

² Ла-Ферронэ (Пьер-Луи-Огюст Феррон, граф) родился в Сен-Мало в 1777 г.; эмигрировал во время революции; адъютант герцога Беррийского; послан графом Прованским в 1812 г. с поручением к Александру I; вернулся во Францию в 1814 г.; генерал-майор, пэр Франции; посланник в Дании (1817); посол в России (1819); министр иностранных дел в кабинете Мартиньяка (1828); посол в Риме (февраль 1830 г.); уволен в отставку после июльской революции; умер в 1842 г.

³ В этот момент вопрос об *эмансипации католиков* волновал не только парламент, но и вообще всё королевство.

противодействия русской политике. Ввиду всего этого австрийский канцлер, не особенно заботясь о сохранении своего достоинства, принёс повинную, отказался от проекта созвать конгресс и отправил в Петербург своего лучшего ученика, Фикельмона, для того чтобы принести царю новые заверения в преданности, на что Николай I и его приближённые ответили с весьма презрительной иронией (февраль—март 1829 г.).

Санкт-Петербургский кабинет не отказывался присоединиться к протоколу 16 ноября, но требовал, чтобы ещё до отправки в Константинополь французского и английского послов Лондонская конференция (на которой он был представлен) окончательно выработала программу умиротворения. Пришлось согласиться на это, и протокол 22 марта 1829 г., в большей своей части отвечавший русским предложениям, явился инструкцией для дипломатов, отправлявшихся на Восток.

В силу этого соглашения (основные его статьи были подробно рассмотрены на Корфу и Поросе Каподистрией и представителями трёх держав) греческое государство должно было включить в себя Морею, Киклады и континентальную Грецию вплоть до заливов Артского и Волосского; Греция должна была стать конституционной монархией и управляться христианским государем, не находящимся в родстве с правящими дворами Франции, Англии и России. На первый раз глава этого государства назначался с согласия Порты тремя союзными державами; Греция обязывалась платить султану ежегодную дань в размере 1500 тысяч пиастров и вознаградить турецких собственников за их недвижимости, причём сами они должны были покинуть её территорию.

Правда, Англия внесла в протокол оговорку, которая делала получение согласия навплийского правительства весьма затруднительным. Действительно, в угоду ей было постановлено, что вплоть до окончательного разрешения греческого вопроса греческие войска будут занимать только Морею и острова, т. е. только те территории, которые им раньше были гарантированы. Каподистрия не преминул заявить протест (май 1829 г.) против такого требования, так как он знал, что оно не будет поддержано ни Францией, ни Россией, и не только не очистил ни одного пункта, занятого его войсками, но даже продвинул дальше к северу свои силы, чтобы увеличить, если возможно, новое государство. Что касается до турецкого правительства, то оно приняло с большим почётом в июне послы Франции и Англии, но высказало очень мало желания подчиниться какому бы то ни было посредничеству и дать своё согласие на протокол.

XI

Этот бесконечный конфликт интересов и честолюбий мог быть прекращён, очевидно, только войной. Кампания 1828 г. не дала решительных результатов. Полную противоположность ей составила кампания 1829 г. В Азии Паскевич дошёл до Эрзерума и завладел им. Но наиболее тяжкие удары были нанесены Порте в Европе. Используя диверсию, совершённую греками, реорганизованная русская армия, получив подкрепления, снова появилась в Болгарии, разбила турок при Кулевче (июнь), заняла Силистрию и, с изумительной смелостью преодолев в один переход Балканы, появилась 20 августа под Адрианополем; этой армией командовал Дибич¹, который спустя несколько дней продвинул свои аванпосты почти до Константинополя.

Дибич действовал с большим риском, ставя всё на карту; дело в том, что, находясь в самом сердце неприятельской страны, он мог располагать на фронте всего 20 тысячами солдат; приближавшийся к нему форсированными переходами скутарийский паша мог напасть на него с фланга. Император Николай I, зная, что он подвергается опасности, и желая покончить с разорительной войной, обратился за посредничеством к своему тестю, прусскому королю (июнь 1829 г.). Последний отправил в Константинополь одного из своих генералов — Мюффлинга², предписав ему ускорить заключение мира. Пока Дибич находился ещё далеко, султан продолжал быть несговорчивым. Но, когда в Константинополе узнали о приближении русских, Махмуд и министры, видимо, потеряли голову. Впрочем, даже во французском и английском посольствах не сохранили присутствия духа: никто не понимал, что несколько дней

¹ Дибич Забалканский (Иван Иванович, граф) родился в Гросслиссе (Силезия) в 1785 г.; весьма молодым поступил на русскую службу; начальник главного штаба Витгенштейна в 1812 г., Баркляя-де-Толли — в 1813 г.; после Лейпцигской битвы — генерал-лейтенант; назначен генерал-адъютантом (1815); генерал от инфантерии с 1820 г.; составитель плана турецкой кампании в 1828 г.; назначен главнокомандующим вместо Витгенштейна (18 марта 1829 г.); фельдмаршал (1829); главнокомандующий армией, назначенной действовать в Польше для подавления восстания (1830); умер от холеры в Пултуске 9 июня 1831 г.

² Мюффлинг (Фридрих-Фердинанд-Карл, барон) родился в Галле в 1775 г.; генерал-квартирмейстер силезской армии в 1813 г.; губернатор Парижа, назначенный союзниками в 1815 г.; представитель Пруссии на Аахенском конгрессе (1818); начальник генерального штаба прусской армии (1820); командир 7-го армейского корпуса (1832); губернатор Берлина (1837); председатель государственного совета (1841); генерал-фельдмаршал (1847); автор значительных военных исторических трудов; умер в 1851 г.

спокойного сопротивления наверняка приведут царскую армию к полной гибели. Все хотели немедленного заключения мира, какой бы ценой ни пришлось его купить, Мюффлинг отправился обратно, но другой прусский агент, Ройер, был экстренно отправлен к Дибичу, и при его посредничестве были подписаны 14 сентября Адрианопольский договор и конвенции, имевшие целью пояснить договор и обеспечить его исполнение.

Самый договор обуславливал, что царь возвратит султану все свои европейские завоевания, кроме островов в устье Дуная, но сохранит в Азии помимо пунктов, уступленных уже по Аккерманской конвенции, Анапу, Потю, Ахалцих, Ацхур и Ахалкалаки. Были подтверждены ещё раз и гарантированы права Молдавии, Валахии и Сербии. Порты предоставляла свободный проход через Дарданеллы и Босфор русским судам, а также судам всех держав, с коими она находилась в состоянии мира. Русским подданным была предоставлена полная свобода торговли по всей Османской империи и право плавания по Чёрному морю. Султан обязывался уплатить царю 11 500 тысяч дукатов (137 миллионов франков) в возмещение убытков частных лиц и военных расходов; в обеспечение этой суммы Болгария и Дунайские княжества должны были остаться временно оккупированными. Наконец, Порты безоговорочно присоединилась к трактату 6 июля и протоколу 22 марта относительно Греции. К главному договору о мире были присоединены конвенция об уплате контрибуции и договор относительно Молдавии и Валахии. Этот последний среди ряда других нововведений заключал в себе постановление, что господа будут назначаться пожизненно, а не на семь лет, и что турецкие укрепления на левом берегу Дуная будут уступлены княжествам и срыты.

Заключённый мир был самой блестящей победой, какую только могла одержать Россия в то время на Востоке. Высокомерная и решительная политика Николая I дала свои плоды. Лишившись Молдавии, Валахии, Сербии и Греции, которые при своём новом режиме, несомненно, должны были притти впоследствии к полной независимости, Османская империя являлась безоружной и со всех сторон открытой русскому вмешательству. Вследствие выговоренной контрибуции, совершенно очевидно превышавшей платёжеспособность Турции, последняя всецело зависела от милости царя. В Азии царь приобрёл теперь позиции, облегчавшие наступление. Пользуясь свободой мореплавания по Чёрному морю и проливам, особыми торговыми преимуществами, влиянием на вассальные государства и своими притязаниями на про-

текторат над всеми христианскими подданными Турецкой империи, царь эксплуатировал её, парализовал её действия и мог во всякий момент найти повод для ссоры. Таким образом, он без большого труда и без особой опасности для себя господствовал над Турцией столь же полно, как если бы открыто утвердился в Константинополе. Он изображал из себя человека умеренного в своих требованиях и в то же время сделался повелителем Востока. Османская империя, как писал немного позже Нессельроде, могла теперь существовать только под протекторатом России и должна была подчиняться только её желаниям; а обязательства, которые она только что заключила, заставят теперь Турцию в течение долгого времени чувствовать, в какое положение поставили её победители, и сознавать неизбежность своей гибели при всякой попытке отказать им в послушании.

XII

Турецкое правительство осознало — но слишком поздно, — какую ошибку оно сделало, поспешив с заключением мира. В конце сентября skutарийский паша вышел со своими войсками из Филиппополя и мог бы разгромить армию Дибича. Последний, сильно обеспокоенный таким положением вещей, приложил все усилия к тому, чтобы изобразить султану вышеупомянутого пашу как друга янычар, пришедшего отомстить за них и продиктовать свою волю султану. Махмуд поверил этому и предпочёл покорно исполнять Адрианопольский договор, чем подчиниться желаниям одного из своих подданных. С давних пор обещанная сербам автономия была, наконец, дарована хатти-шерифом 29 ноября 1829 г. Привилегии Молдавии и Валахии были подтверждены. Все турецкие рынки были открыты русским подданным. Порты проявила некоторое упорство (да и то в очень робкой форме) лишь по греческому вопросу и по вопросу об уплате военной контрибуции. По последнему пункту Порты в результате настойчивых просьб добилась от победителя весьма значительной уступки. После переговоров, происходивших в С.-Петербурге и продолжавшихся всю зиму, царь, с высокомерной снисходительностью сюзерена к своему вассалу, согласился сбавить с военной контрибуции 3 миллиона червонцев, приказал своим войскам очистить Румелию и Болгарию и объявил, что, начиная с октября месяца, т. е. с того времени, когда Порты должна была уплатить первый взнос, он сохранит за собой в качестве залога лишь крепость Силистрию (10 апреля 1830 г.). Царь прекрасно понимал,

что это не составляет для него никакого риска. Он знал, что Турция ещё долго не в состоянии будет вернуть себе свободу и что русские войска благодаря беззащитности Дунайских княжеств и свободе перехода через Дунай в любое время смогут дойти по крайней мере до Балкан. Кроме того, было условлено, что в ответ на такие жертвы со стороны царя султан даст безусловное согласие на постановления Лондонской конференции по греческому вопросу; а постановления эти лишь в деталях отличались от протокола 22 марта.

Греки, фактически получившие полную свободу, не соглашались уже больше на ту вассальную зависимость, с которой притворно мирились во время наиболее тяжёлых испытаний последних годов. Они домогались теперь независимости безусловной, и домогались её с тем большей настойчивостью, что две из трёх держав, связанных Лондонским трактатом, поддерживали их требования. Действительно, и Франция и в особенности Англия не хотели, чтобы в Греции был установлен такой же режим, как в княжествах, и чтобы Россия могла извлекать выгоду из бедственного состояния Турецкой империи и вызывать новые осложнения, вмешиваясь в дела внутреннего управления нового государства, подобно тому как она это делала по отношению к Молдавии и Валахии. Поэтому конференция, снова открывшая свои заседания в октябре 1829 г., постановила уничтожить всякую связь греческого правительства с Портой. Россия в данном случае не протестовала, так как, учитывая последние события, она полагала, что за ней вполне обеспечено главенствующее положение не только в Константинополе, но и в Навплии. Русское правительство даже выразило желание (с целью ещё более ослабить Турцию и создать затруднения для Англии, боявшейся потерять Ионические острова), чтобы вновь созданное государство простиралось от восточного побережья до Арктического залива, как это было обещано Греции протоколом 22 марта. Но Великобритания не согласилась на это. Поэтому решено было, что Греция будет состоять только из полуострова Мореи, островов Кикладских и земель, расположенных между устьями рек Сперхия и Аспропотамоса (Акарнания не вошла в состав Греции). Относительно образа правления оставалось в силе прежнее решение — объявить Грецию монархией, и из значительного числа представленных державами кандидатов Лондонская конференция выбрала принца Леопольда Саксен-Кобургского, которого греки ещё пять лет тому назад просили занять греческий трон. Все эти постановления вошли в про-

токолы, подписанные державами 3 февраля 1830 г.¹ В этот момент греческий вопрос казался улаженным.

Однако дипломатам пришлось ещё немало потрудиться, чтобы разрешить его окончательно. В самом деле, Леопольд, первоначально, повидимому, желавший занять греческий трон², теперь был мало расположен к этому.

Это был человек весьма умный, дальновидный и с установившимися взглядами. Он был женат на принцессе Шарлотте, единственной дочери английского принца-регента (впоследствии Георга IV). Овдовев в 1817 г. и не имея детей, он не покинул Великобритании, где он получал большое содержание и где он приобрёл среди партии вигов значительное влияние. Внушая опасение партии тори, сильно желавшей отправить его куда-нибудь на Восток, он в то же время был в весьма натянутых отношениях со своим тестем, который его ненавидел. Но этот последний на 69-м году своей жизни заболел (в январе 1830 г.) и был близок к смерти. После него престол должен был перейти к его брату герцогу Кларенскому³, тоже уже старому и больному человеку. Ввиду того, что и этот принц не имел прямого наследника, английская корона после него должна была перейти к его племяннице, малолетней Виктории⁴. Последняя приходилась племянницей и ему и Леопольду. Так как в это время Виктории было только 11 лет, то, несомненно, понадобилось бы установить регентство, которое германский принц и надеялся получить. Вот почему он не принял греческой короны сразу, а выдвинул свои условия. Он потребовал у конференции (11 февраля), чтобы, во-первых, независимость Греции была «гарантирована» державами; во-вторых, чтобы новое государство было увеличено присоединением к нему некоторых островов Архипелага и расширением его северных

¹ Протоколов было три: в первом из них Греция объявлялась независимым государством и устанавливались её границы; во втором принцу Леопольду предлагался трон; наконец, в последнем протоколе обещивалась, по требованию Франции, свобода вероисповеданий и в частности свобода исповедания католической религии в новом государстве.

² В 1829 г. Леопольд послал в Грецию в качестве агента, который должен был поддерживать его кандидатуру, брата барона Штокмара, бывшего у него доверенным лицом. Мемуары последнего весьма ценны для изучения истории Леопольда и королевы Виктории.

³ Родился в 1765 г.; вступил на английский престол 28 июня 1830 г. под именем Вильгельма IV. Умер 20 июня 1837 г.

⁴ Виктория-Александрина, дочь герцога Кентского и внука Георга III, родилась 24 мая 1819 г. Английская королева с 20 июня 1837 г.; 10 февраля 1840 г. вышла замуж за принца Альберта Саксен-Кобургского; в 1876 г. была провозглашена императрицей Индии. (Умерла в 1901 г.). Её мать, Мария-Луиза-Виктория Саксен-Кобургская (родилась в 1785 г., умерла в 1861 г.), была сестрой Леопольда.

границ; в-третьих, чтобы Греции была обеспечена денежная помощь, в которой она сильно нуждалась; в-четвёртых, наконец, чтобы у неё не была сразу отнята военная помощь тройственного союза.

Конференция ответила ему протоколом от 20 февраля, в котором соглашалась на три условия: независимость Греции и необходимый для вновь созданного государства заём в 60 миллионов будут гарантированы; французские войска, занимающие Морею, останутся там ещё на год; но границы, установленные конвенцией 3 февраля, не будут изменены; державы только постараются в порядке добрых услуг добиться у султана предоставления некоторых свобод и особого управления для островов Самоса и Кандии (Крита). Не выказывая большого энтузиазма, принц Леопольд объявил себя удовлетворённым, и конференция решила (26 февраля), что её постановления с указанными изменениями будут сообщены навплийскому и константинопольскому правительствам. Порта, прежде столь несговорчивая, теперь (24 апреля) с величайшей покорностью присоединилась к решениям конференции. Совершенно иначе отнеслась к этому Греция. Каподистрия, тайно подстрекаемый Россией (эта последняя не желала видеть на троне английского кандидата) и сильно озабоченный — хотя он и говорил обратное — тем, чтобы сохранить за собой власть, употребил все свои усилия, чтобы отбить у Леопольда охоту ехать в Грецию. Со времени своего прибытия в Навплию (в январе 1828 г.) бывший министр Александра I пользовался там настоящей диктаторской властью. Он приостановил действие греческой конституции 1827 г. и управлял страной единолично, без чьего-либо контроля, если не считать сената, всецело ему преданного¹. Для Каподистрии не представило никакого труда получить от сената ответ, согласный с его тайными намерениями. Мнение, высказанное под его влиянием сенатом (10 апреля), было с внешней стороны полно почтительности по отношению к конференции и к принцу Леопольду. Но по содержанию оно отнюдь не являлось безусловным одобрением последних протоколов. В этом документе в сущности указывалось, что греческий народ имеет право требовать, чтобы с ним советовались при решении его

¹ Вместо пангелленциона, учреждённого Каподистрией в 1828 г. (все члены его были назначены им самим), национальное собрание, собравшееся в Аргосе в июле 1829 г., учредило сенат в составе 27 членов, из коих 21 должны были быть назначены Каподистрией из 60 кандидатов, представляемых собранием; он мог по своему усмотрению выбрать шесть остальных кандидатов, а также лиц для замещения освобождавшихся вакансий.

судьбы и что конституция должна быть свободно обсуждена его представителями; что новое государство не может довольствоваться границами, предоставленными ему конвенцией 3 февраля; наконец, что приглашённый управлять страной принц должен принять православие; если он уже не исповедует православной веры. Таков был ответ сената. Что касается самого Каподистрии, то он старался показать, что одобряет выбор конференции, и просил Леопольда (22 апреля) поскорее приехать в Грецию. Но он в таких мрачных красках изображал перед герцогом бедность и анархию этой несчастной страны, своеволие и варварство его будущих подданных и разочарование, вызванное у них решением держав относительно границ Греции, что принц, и раньше не особенно склонный рисковать своей репутацией, имея дело с подобным народом, на этот раз, не колеблясь, отказался от короны. Необходимо заметить, что болезненное состояние Георга IV ухудшалось с каждым днём. Поэтому Леопольд сообщил конференции, что он не может принять её предложения, и, несмотря на настоятельные просьбы, торжественно отказался от предложенной ему короны (21 мая). Таким образом, дипломаты вынуждены были предложить её кому-нибудь другому. Но в течение нескольких месяцев они никак не могли притти между собой к соглашению относительно выбора нового кандидата; в августе 1830 г. греческая нация, не особенно к тому же довольная Каподистрией и его политическими кознями, продолжала ожидать от конференции монарха.

XIII

Итак, греческий вопрос всё ещё грозной тучей висел над европейским горизонтом. Восток всё ещё был причиной беспокойств для европейских правительств и в особенности для Австрии и Англии. И тревога, внушаемая им европейским державам, имела тем большее основание, что некоторые из правительств как раз в это время строили в связи с этим вопросом дерзкие и опасные проекты, при осуществлении коих пришлось бы разрушить почти до основания политическое здание, воздвигнутое Венским конгрессом. Князь Полиньяк¹, появление которого у власти было встречено с такой

¹ Полиньяк (Жюль-Огюст-Арман-Мари, князь) родился в Версале в 1780 г.; крёстный сын Марии-Антуанетты; в 1789 г. увезён из Франции своей эмигрировавшей семьёй; замешан в деле Кадуцала (1804) и долгое время содержался в тюрьме по приказу Наполеона; по поручению Людовика XVIII исполнял дипломатические обязанности при папе (1814), сделавшем его римским князем; пэр Франции (1816); посол

радостью Меттернихом и Веллингтоном, сделался 8 августа 1829 г. первым министром Карла X; но оказалось, что его внешняя политика далеко не удовлетворяла и вовсе не успокаивала обоих государственных деятелей. Этот человек, одно имя которого звучало вызовом для либералов и сторонников хартии, надеялся с помощью грандиозных внешне-политических комбинаций установить во внутреннем управлении Франции с давних пор ожидаемый его друзьями режим произвола и реакции. Будучи сторонником тесного сближения России и Франции, он в сентябре 1829 г. добился от своих товарищей по министерству и от своего монарха принятия такого плана, благодаря которому Карл X и Николай I, пользуясь восточным кризисом, могли бы перекрестить почти всю карту Европы. Согласно этому плану, турки изгнались окончательно с Балканского полуострова. Россия приобретала Молдавию и Валахию. Австрия получала Сербию, Боснию, Герцеговину и турецкую Далмацию. Остальная часть полуострова, с Константинополем, Грецией и островами, должна была составить новое государство, управление которым возлагалось на нидерландского короля. Самое же Нидерландское королевство переставало существовать. Нидерландские земли должны были перейти к Пруссии, которая получала, кроме того, Саксонию, но зато отказывалась от принадлежавших ей земель по левому берегу Рейна. Бельгия с Люксембургом составляли долю Франции, получавшей ещё небольшие провинции, отнятые у неё трактатом 20 ноября 1815 г. Рейнские провинции Пруссии отдавались саксонскому королю. Бавария вследствие некоторого увеличения своей территории не должна была больше состоять из двух разрозненных частей. Англии предлагались голландские колонии. Наконец, варварийские государства должны были стать независимыми.

Этот грандиозный и несбыточный проект был сообщён Николаю I уже после заключения Адрианопольского мира. Прекращение военных действий на Востоке несколько не мешало Полиньяку в течение зимы 1829 и 1830 гг. продолжать разработку основных пунктов только что изложенного нами проекта. Он завёл секретные переговоры, но тайна их малопомалу стала просачиваться. Без сомнения, никакого окончательного решения не было принято ни Францией, ни Рос-

в Лондоне (1823—1829); министр иностранных дел (8 августа) и председатель совета министров (17 ноября 1829 г.); главный виновник *ордонансов*, приведших к июльской революции; осуждён на вечное заключение в тюрьму палатой пэров (декабрь 1830 г.); помилован в 1837 г.; умер в Сен-Жермен-ан-Лэ (1847).

сией. Нельзя даже предположить, чтобы они могли в скором времени притти к соглашению по вышеуказанному проекту, в особенности — чтобы они могли приступить к его исполнению. Но можно с уверенностью утверждать, что между Россией и Францией царствовало полное согласие. Особенно бросалась в глаза в первые месяцы 1830 г. снисходительность, проявленная санкт-петербургским кабинетом по отношению к французской экспедиции, которую Полиньяк, в ожидании чего-нибудь более заманчивого, отправил против алжирского дея¹. Карлу X и его министрам было необходимо стяжать себе некоторую военную славу, перед тем как бросить июльскими ордонансами вызов революции. Позтому, ссылаясь на оскорбление, полученное одним из французских консулов в 1827 г. и оставшееся без возмездия, они готовились при помощи огромных вооружений завоевать Алжир. Тщетно Англия ради султана, вассалом² которого был дей, и в своих собственных интересах пробовала задержать это предприятие. Её возражения и предостережения не мешали отправке экспедиции (май 1830 г.). Несколько недель спустя было получено известие, что французы завладели Алжиром (июль). Лондонский двор обратился не без некоторого высокомерия с запросом, собираются ли французы там оставаться. Поскольку Карл X не был расположен выпустить из рук добычу, отношения между Францией и Англией сделались весьма натянутыми, и можно было думать, что обе эти державы находятся накануне серьёзного столкновения.

Из всего этого следует, что с некоторого времени и в особенности к середине 1830 г. распадение Священного союза стало совершившимся фактом. Из пяти великих держав, которые некогда под покровительством Александра I заключили братский союз, в данную минуту согласными между собой оставались только две: Франция и Россия. И та и другая находились во вражде с Англией и Австрией. Отношения этой последней державы к Пруссии были полны недоразумений. Австрия была совершенно изолирована. Меттерних, собиравшийся по своему усмотрению вершить дела Европы или, вернее, мешать ей двигаться вперёд, утратил почти весь

¹ Алжирский дей Хусейн в ответ на денежные требования, восходившие ещё к эпохе Империи и Консульства, в порыве гнева ударил веером по лицу французского консула Девала (1827). Французское правительство, не будучи в состоянии получить надлежащее удовлетворение, подвергло Алжир продолжительной блокаде.

² Франция уже давно не признавала этой вассальной зависимости, утверждая, что она сама своими силами имеет право добиться удовлетворения, так как не может получить его другим путём.

свой авторитет и всё своё влияние. Материальное равновесие, основанное на трактатах 1815 г., было менее прочно и больше чем когда-либо подвергалось опасности. Что касается равновесия морального, то неоднократно нарушаемое и раньше, оно вскоре получило окончательный удар от революции 1830 г. Дух свободы, так жестоко подавленный в период 1820—1823 гг., повсюду возрождался и, очевидно, готовил своё отмщение. Провозглашение независимости южноамериканских республик и Греции служило всем нациям и всем угнетённым народам примером для подражания. Польша собиралась добиваться своих прав. Германия начала сознавать свои интересы и свою силу. Бельгия волновалась. В Англии демократия роптала¹. В Италии стали снова устраиваться заговоры. В Португалии абсолютизм и конституционный режим, прикрываясь именами дона Мигэля и донны Марии, оспаривали власть друг у друга. Аналогичная борьба происходила и в Испании вследствие мероприятия Фердинанда VII². Наконец, Франция, являвшаяся уже 40 лет главным очагом революции, собиралась ответить на ордонансы Карла X победоносным восстанием; и вся Европа точно ждала его для того, чтобы восстать в свою очередь³.

¹ В Великобритании в это время злобой дня был вопрос об избирательной реформе, т. е. о расширении того олигархического ценза, который отстаивала торийская партия, лишая всю страну политической свободы.

² По поводу права наследования см. ниже, главу IX.

³ Источники: *Basleydier*, Histoire de l'empereur Nicolas; — *Chateaubriand*, Mémoires d'outre-tombe; — *Cornwall*, Lewis, Histoire gouvernementale de l'Angleterre depuis 1770 jusqu'à 1830; — *Canitz-Dallwitz* (C.-E.-W., baron de), Denkschriften, t. I; — *Deventer* (van), Cinquante années de l'histoire fédérale de l'Allemagne; — *Fabvier* (général), Papiers de famille (inédits); — *Gentz* (F. de), Dépêches inédites, t. III; — *Gervinus*, Histoire du XIX-e siècle t. XVI, XVII, XVIII; — *Gordon*, History of the Greek revolution; — *Hervé* (Ed.), La Crise irlandaise depuis la fin du XVIII siècle; — *Hubbard*, Histoire contemporaine de l'Espagne, t. II; — *Juchereau de Saint-Denis*, Histoire de l'empire ottoman; — *Lesur*, Annuaire historique, années 1825—1830; — *Metternich* (prince de), Mémoires, documents et écrits divers, t. IV, V; — *Plantet* (Eugène), Correspondance des deys d'Alger avec la cour de France (1579—1833); — *Saint-René Taillandier*, La Serbie; — *Schnitzler*, Histoire intime de la Russie; — *Soutzo* (Al.), Histoire de la révolution grecque; — *Stapleton*, George Canning and his times; — *Thiersch*, De l'Etat actuel de la Grèce; — *Vaulabelle* (Ach. de), Histoire des deux Restaurations, t. VII et VIII; — *Vittele* (comte de), Mémoires; — *Viel-Castel* (baron de), Histoire de la Restauration, t. XV—XX; — *Wellington*, Civil and political correspondence; id., Speeches in Parliament; — *Worms* (Emile), L'Allemagne économique ou histoire du Zollverein allemand, etc.

РЕВОЛЮЦИЯ И ПОЛИТИКА «ЗОЛОТОЙ СЕРЕДИНЫ»

I. Признание июльской монархии со стороны Европы. — II. Революция в Бельгии и Лондонская конференция. — III. Варшава и Брюссель. — IV. Итальянский кризис в 1831 г. — V. Казимир Перье и меморандум 21 мая. — VI. Леопольд I, бельгийский король. — VII. Обречённая Польша. — VIII. Французы и Бельгия, договор 24 статей. — IX. Анконское дело. — X. Россия и Восток в начале 1832 г.

(1830—1832)

I

За июльскими днями 1830 г., историю которых нам нет необходимости здесь излагать, последовал революционный кризис, заставивший всю монархическую Европу бояться полного крушения того порядка вещей, который был установлен в 1815 г. Влияние этого кризиса, как мы увидим далее, стало ослабевать только с марта 1831 г.

Первое время можно было думать, что Франция, ниспровергнув династию, дважды насильно навязанную ей путём вторжения в её пределы, не только потребует восстановления прежних своих границ, но ещё и призовет все угнетённые нации отомстить за себя и образовать «Священный союз народов». Воспоминание о её славе, так же как и о её поражениях, демократическая горячка, которой она была охвачена, либеральный космополитизм, наиболее убеждённым проповедником которого был её кумир Лафайет¹, — всё это,

¹ Маркиз де Лафайет (Мари-Жан-Поль-Рош-Ив-Жильберт де Мотье) родился в Шаваньяк-д'Овернь (Верхняя Луара) 6 сентября 1757 г.; был одним из офицеров Вашингтона во время войны за независимость Америки (1777—1782); член собрания нотаблей в 1787 г.; депутат от дворянства в Генеральных штатах (1789), где он был одним из зачинщиков революции; главный начальник национальной гвардии (июль 1789 г.), вышел в отставку (1791); назначен командующим северной армией (1792); скомпрометировал себя тем, что был в оппозиции к передовой партии; отрешён от должности и подвергся обвинению, что заставило его бежать (август 1792 г.); арестован коалицией и находился в заключении с 1792 по 1797 г.; после 18 брюмера возвратился во Францию, где выказал враждебное отношение к Империи; член палаты представителей (1815), где он сильно содействовал окончательному падению Наполеона; член палаты депутатов с 1818 по 1824 г. и с 1828 по 1830 г.; главный вдохновитель оппозиции и заговоров либеральной партии в эпоху Реставрации; член, или, вернее, глава, муниципальной комиссии

казалось, побуждало её стать во главе крестового похода, перед которым должны были пасть все троны. При дворах неограниченных государей царил тревога, и в состоянии растерянности, которое преобладало в первые дни, старый прусский король воскликнул: «Если французы не пойдут дальше Рейна, я не тронусь с места!»

Государи успокоились наполовину, узнав, что развитие революционного движения в Париже замедлилось, что республика, по крайней мере в данный момент, не торжествует и что на место свергнутого короля встал новый монарх. Легитимизм пал вместе с Карлом X. Но уже посреди баррикад снова возрождалась консервативная политика, выдвинувшая Луи-Филиппа. Этот умный и хитрый честолюбец, так терпеливо сумевший выждать нужный момент и с помощью преданной ему партии¹ так ловко захвативший корону, вовсе не был расположен бросать вызов старой Европе во имя революции. Этот государь, возведённый на престол мятежом и отрекшийся затем от него, уже по самому характеру своему был склонен к миру. Притом власть его, вдвойне незаконно захваченная, не основывалась ни на божественном, ни на народном праве; он не был также связан ни с Священным союзом, ни с революцией, так как не мог сослаться ни на династическое право наследственности, ни на волю народа. Вследствие всего этого он не видел для себя никакой выгоды в войне. Наоборот, он был убеждён, что война во всяком случае будет для него гибельна. Он говорил себе, что, потерпев поражение, он, наверно, будет низложен монархами, а добившись победы, будет увлечён слишком далеко демократами. Впрочем, король и не надеялся на победу. Поэтому, вместо того чтобы храбриться и грозить Европе, он с первых же дней своего царствования думал только о том, как бы задобрить её. Конечно, ему трудно было приобрести её полное доверие. Ведь в то время, как он заявлял старым дворам о своём уважении к акту 1815 г., ему приходилось, по крайней мере на первое время, заигрывать внутри государства с народной партией, восстание которой сослужило ему большую службу и лозунгом которой было: «реванш». Если он подавал правую руку Талейрану², человеку 1814 г., то он был обязан протянуть левую Лафайету, человеку

во время июльских дней 1830 г., когда он пользовался чем-то вроде диктаторской власти; главный начальник всей национальной гвардии королевства; вышел в отставку (декабрь 1830 г.) и с этих пор снова сделался главой оппозиции; умер в Париже 20 марта 1834 г.

¹ Главными вождями её были Лаффит, Казимир Перье, Себастиани и, конечно, Талейран.

² Талейран, бывший в то время его самым близким доверенным лицом, оказал ему неоценимую услугу, склонив на его сторону дипломатов.

1789 г. Его первое министерство¹ уже тем, что в нём участвовали такие люди, как Казимир Перье, Дюпен, Моле, Гизо, герцог Бройль и Себастиани, казалось, гарантировало соблюдение так называемой *политики сопротивления*; но, с другой стороны, в состав его входили представители и *политики движения* вроде Дюпон де л'Эра, Лаффита, Биньона. Какой бы из этих двух противоположных программ ни отдавал в душе предпочтение король-гражданин, он должен был поневоле лавировать между той и другой. Европа относилась к нему с недоверием, как к одному из солдат революции, а Франция — как к пособнику контрреволюции; таким образом, он осуждён был всю свою жизнь вести двойную игру и никогда не мог приобрести ни с той, ни с другой стороны полного доверия.

Со дня вступления на престол главным предметом его забот было добиться признания законности установленного им правительства. К большому счастью для него Европа не могла поступить с ним так, как с Наполеоном в 1815 г., т. е. объявить его вне закона. Не было более Венского конгресса, на котором можно было выносить приговоры; не было более и армий, вполне готовых выступить против Франции. Нужно также добавить, что герцог Орлеанский далеко не внушал такого страха, как Бонапарт. Впрочем, как бы ни были (с августа 1830 г.) государственные люди вроде Меттерниха² расположены организовать коалицию против «короля баррикад», они должны были признать, что приглашение великих держав даже против революционной Франции было уже невозможно. Для того, чтобы великий союз мог снова образоваться, ему недоставало одного существенного элемента, который он имел всё время с 1793 по 1815 г. и который, как это было хорошо известно, главным образом и доставил ему победу. Мы говорим об Англии, которая не только не осуждала июльских событий, а, напротив, приветствовала их как торжество своей политики. Несмотря на испытываемый страх перед демократией, тори, в руках которых находилась тогда власть, встретили с удовольствием падение Карла X, так как его тесный союз с Россией и проекты территориальных изменений уже несколько лет, как угрожали самым важным интересам Англии. Незадолго перед тем покорение Алжира окончательно поссорило тори с этим государем. Поэтому они вполне были расположены пойти

¹ Составленное 11 августа 1830 г.

² Из его переписки видно, что его первой мыслью в этот момент было — создать соглашение великих держав Севера против революционной Франции; он обращался по этому поводу с предложением к Нессельроде.

на сговор с его преемником, который, конечно, не мог думать о том, чтобы изменить карту Европы. Виги были того же мнения и, кроме того, из партийных соображений приветствовали народную революцию, пример которой служил благоприятным предзнаменованием для их собственного дела¹. Таким образом, Луи-Филиппу нечего было бояться, что его первые шаги к сближению с Англией будут недружелюбно встречены сент-джемским кабинетом.

С самого начала своего царствования новый французский король положил в основу своей политики «сердечное согласие» с Англией. Поэтому в ожидании того момента, когда перемена обстоятельств позволит ему приобрести дружбу старых абсолютистских дворов, он особенно заботился о союзе с Англией и готов был пожертвовать всем, чтобы только сделать его возможным. Министерство Веллингтона с неудовольствием смотрело на завоевание Алжира. Июльское правительство дало ему понять, что в данный момент оно не может эвакуировать этот город, не рискуя стать окончательно непопулярным. Но оно не утверждало, что удержит его за собой; оно поспешило отозвать половину или две трети экспедиционного корпуса и по истечении нескольких недель, повидимому, отказалось от всякой серьёзной попытки распространять свои завоевания². Эту осторожность во всём, что касалось Африки, оно соблюдало затем в течение ещё трёх или четырёх лет, т. е. вплоть до того времени, когда узы, связывавшие его с Англией, стали ослабевать. Излишне добавлять, что Луи-Филипп, извещая лондонский двор о своём вступлении на престол, заявил, что акты 1815 г. и установленное ими территориальное положение не подвергнутся с его стороны никаким посягательствам. Но лучшим залогом дружбы, который он мог дать Великобритании, было назначение представителем Франции в Лондоне человека, который принимал важнейшее участие в трудах Венского конгресса и имя которого, с давних пор ненавистное русскому правительству, казалось символом англо-французского союза. Мы говорим о Талейране. Этот дипломат, которого Европа не забыла, несмотря на его продолжительную опалу, и который, оставаясь в тени, был главным руководителем интриги, доставившей престол новому королю, сделался

¹ Действительно, в конце 1830 г. Веллингтон был свергнут, и лорд Грей, глава вигов, составил новое министерство.

² Генерал Клозель, заменивший Бурмона в его должности (сентябрь 1830 г.), должен был вернуться во Францию после своей блестящей, но, в конечном счёте, бесплодной экспедиции в Медеа (январь 1831 г.). Его ближайшие преемники — Бертезен, Савари, Вуароль — не могли по недостатку средств предпринять что-либо значительное (1831—1834).

в этот момент самым близким и влиятельным советником Луи-Филиппа. Если бы он хотел, он был бы назначен главой министерства. Но он полагал, что он будет полезнее июльской монархии в Лондоне, где сохранил ещё свой прежний политический престиж, чем в Париже, где с давних пор общественное мнение относилось к нему враждебно, вследствие его двусмысленного поведения и содействия, оказанного им Реставрации. Таким образом, в конце августа он был назначен — согласно своему желанию — на должность посла, что доставило живейшее удовлетворение английскому правительству; Луи-Филипп, официально признанный 1 сентября лондонским двором, мог без особой тревоги ждать ответа остальных держав на извещение о своём вступлении на престол. Легко можно себе представить, что кабинеты трёх великих держав Севера не были расположены завязывать особенно дружественные отношения с новой монархией. Но что могли они сделать? Июльские события захватили их врасплох. Англия не была с ними заодно. К тому же один из этих кабинетов — именно австрийский, — несмотря на свою ненависть к революции, не был в сущности особенно огорчён падением Карла X, так как политика этого государя в последние годы внушала ему серьёзные опасения. Наконец, Луи-Филипп казался столь покорным, столь слабым, столь внушающим доверие! В искусно составленных письмах он объявлял, что не желал революции; напротив, он сожалел о том, что она произошла; обстоятельства возложили на него тяжёлую обязанность занять престол своего двоюродного брата: разве не важно было восстановить порядок во Франции, воспрепятствовать его нарушению в Европе и добиться уважения к договорам 1815 г. — основе спокойствия всего мира? Новая монархия не представляет никакой опасности для существующего порядка вещей; наоборот, она служит ему охраной. Меттерних и император Франц I приняли к сведению эти прекрасные заверения. Старый, неуверенный в своих силах прусский король, который в течение нескольких дней дрожал за свои рейнские провинции, не разделяя воинственного пыла окружавших его царедворцев; он объявил себя удовлетворённым, как только Луи-Филипп дал, а затем подтвердил обещание, что Франция не будет стремиться ни к какому расширению своей территории. Таким образом, дворы венский и берлинский тоже признали совершившийся факт и обещали июльскому правительству поддерживать с ним дружественные отношения, при обязательном условии строгого соблюдения существующих договоров. Что касается Санкт-Петербургского кабинета, то он, понятно, был менее всех остальных расположен примириться с

последними событиями. В лице Карла Х император Николай терял союзника, на содействие которого он мог спокойно рассчитывать; в Луи-Филиппе, друге Англии, он мог видеть для себя только врага. Его монархическая щепетильность, усугублённая тем ущербом, который был нанесён его интересам, возмущалась при мысли вступить в сношения с узурпатором и тем самым примириться с мятежом. Но как мог он один объявить войну вероломному государю, раз Австрия и Пруссия отнеслись к нему благосклонно? Император Николай I, несмотря на свою горячность, обладал умом политика. Он счёл поэтому нужным подождать. Он тоже объявил, что признаёт короля французов. Правда, это было сделано в выражениях в высшей степени высокомерных и невежливых. В самом деле, назвав революцию, доставившую престол Луи-Филиппу, «событием весьма плачевным», он прибавлял, что не считает нужным высказывать своё мнение относительно мотивов, побудивших этого государя принять корону; в заключение он напоминал Луи-Филиппу, что Россия попрежнему находится в тесном единении со «своими союзниками» (т. е. с Пруссией и Австрией) с целью заставить уважать договоры 1815 г. Но преемник Карла X не был горд, и если, по существу, его самолюбие и было оскорблено таким высокомерным тоном, то он всё же старался не показывать этого.

После того как главные державы подали пример, другим государствам ничего не оставалось, как последовать за ними. В течение сентября и октября 1830 г. июльское правительство было последовательно признано всеми государствами Европы, за исключением португальского короля дона Мигэля, которого и Франция со своей стороны не признавала законным монархом¹, и герцога Моденского, категорически отказавшегося вступить в сношения с властью, порождённой революцией. Но Франция не нуждалась в дружбе этих двух государей. Испанский король Фердинанд VII в течение нескольких недель также, казалось, был мало расположен пожать руку, которую ему протягивали. Но когда триумфальный кабинет сделал вид, что намерен оказать поддержку Мине, Вальдесу и другим вождям конституционной партии, готовившимся перейти Пиреней², то он немедленно прекратил свои бессильные попытки сопротивления.

¹ Июльское правительство, естественно, выказывало сочувствие конституционному движению, представителями которого были в Португалии сторонники донны Марии. Дон Мигэль со своей стороны поощрял интриги французских легитимистов. Некоторые из последних, а именно Бурлон, предложили ему свои услуги.

² Они были изгнаны с 1823 г. Через некоторое время они действительно проникли в Испанию, но их попытки, лишённые поддержки французского правительства, потерпели полную неудачу.

II

Таким образом, монархическая Европа принимала миролюбивые заверения Луи-Филиппа, не желая подвергать сомнению их искренность. Но это не могло доставить ей особенно большого успокоения, так как она не была уверена, что французский король будет в состоянии исполнить свои обязательства. Возникал вопрос, не будет ли он вскоре увлечён или свергнут сторонниками революционной пропаганды и не угрожает ли, несмотря на все его уверения, опасность скорого и полного разрушения политическому зданию, с таким трудом воздвигнутому Венским конгрессом.

И в самом деле, события, последовавшие за июльскими днями, были таковы, что могли только усилить тревогу, возбуждённую этими последними среди друзей Священного союза. Побуждаемые такими людьми, как Лафайет, Моген, Ламарк, а также парижской прессой и клубами, открыто обещавшими всем угнетённым поддержку освобождённой Франции, народности, не признанные в 1815 г., взялись за оружие и потребовали себе прав. 25 августа революция, в течение нескольких месяцев назревавшая в Бельгии, вспыхнула там с такой силой, что в самое короткое время охватила всю страну. Бельгийский народ насильно, вопреки его интересам, языку и религии, соединённый дипломатами в 1815 г. с Голландией, потребовал после брюссельского восстания только административной автономии. Спустя несколько недель, когда были пролиты потоки крови для защиты бельгийской столицы против нидерландской армии (23—26 сентября), бельгийцы учредили у себя временное правительство, которое с 4 октября стало действовать совершенно независимо и поспешило созвать народное собрание. В то же самое время восстание быстро распространилось по Германии вплоть до Аахена и Кёльна, перешло Рейн, заставило герцога Брауншвейгского бежать из своих владений, вынудило великого герцога Гессен-Кассельского, короля саксонского и ещё нескольких государей обещать своим подданным конституции и снова пробудило в университетах дух «Тугендбунда» и «Буршеншафта».

Конечно, двум большим германским дворам не приходилось опасаться, что немецкий народ бросится в объятия Франции¹. Поэтому они ограничились на первое время тем, что побудили сейм издать (21 октября) распоряжение о мерах внутреннего порядка, которые казались им достаточными

¹ В это время вожди национальной и демократической партий в Германии относились к «наследственному врагу» не менее недружелюбно, чем абсолютистские министры Вены и Берлина.

для того, чтобы предупредить новые волнения, сдерживать прессу и защитить государей против притязаний со стороны их подданных¹. Но в Бельгии революция, находясь в тяжёлом положении, очень легко могла призвать на помощь июльское правительство. Брюссель был ведь раньше французским городом, и он ничего не имел против того, чтобы стать им снова. Если бы это осуществилось — если бы Франция, разрушив прочный барьер, воздвигнутый вдоль её северной границы коалицией 1814 г., могла снова угрожать Англии из Антверпена, Германии — из Маастрихта и Люксембурга, — то куда девалось бы то политическое равновесие, необходимым условием которого служило бессилие Франции? Вот что составляло в течение нескольких месяцев предмет серьёзных забот не только для венского и берлинского, но и для лондонского и санкт-петербургского дворов, точно так же как и для всего Германского союза.

После решительной битвы при Брюсселе нидерландский король, убедившись, что собственными силами ему не усмирить Бельгии, обратился официально за поддержкой к четырём великим державам, обеспечившим ему в 1814 г. обладание этой страной. Но он совершенно ошибся в своих расчётах получить требуемую помощь. Россия находилась слишком далеко и не имела возможности немедленно помочь ему. Австрия была занята наблюдением за Италией, где революция, как она справедливо предполагала, не замедлит вскоре испытать свои силы. Одна Пруссия могла свободно располагать своей армией. Она тотчас и предложила воспользоваться ею. Но едва её посланник в Париже, барон Вертер, сообщил французскому правительству о намерениях своего короля, как граф Моле², французский министр иностранных

¹ Резолюция сейма от 21 октября гласила, что все союзные правительства должны помогать друг другу против революции по непосредственному требованию того из них, кто подвергнется опасности, что они должны держать в готовности свои войска, усилить надзор за печатью и не проявлять по отношению к новым веяниям «неуместной снисходительности, опасной для всего Германского союза и несовместимой с обязанностями их как членов конфедерации».

² Граф Моле (Луи-Матье) родился в Париже 23 января 1780 г., был докладчиком при государственном совете (1806); префектом департамента Кот-д'Ор (1807); членом государственного совета и главным директором путей сообщений (1809); верховным судьёй (или министром юстиции) в 1813 г.; перешёл на сторону Бурбонов в 1814 г.; назначен Наполеоном в период Ста дней пэром Франции; пожалован тем же титулом и восстановлен в звании члена государственного совета во время второй Реставрации (1815); был морским министром в кабине Рихелье (1817—1818); министром иностранных дел с 11 августа 1830 г.; вышел в отставку 2 ноября следующего года; стал председателем совета министров и министром иностранных дел 6 сентября 1836 г.; свергнут парламентской коалицией (8 марта 1839 г.); избран

дел, решительно воспротивился проекту Фридриха-Вильгельма. Этот государственный деятель заявил, что если прусские войска перейдут границы Бельгии, то и французские войска немедленно вступят в эту страну. Когда его спросили: по какому праву, — он ответил, что это будет сделано во имя принципа невмешательства — теории очень растяжимой, — в силу которой французское правительство считало себя вправе препятствовать другим державам распорядиться в ущерб интересам Франции в соседних с нею странах, где она не желала мириться с устранением своего влияния. Может быть, относительно такой постановки вопроса можно было спорить. Но фактически Пруссия в этот момент не чувствовала на своей стороне перевеса сил. Она уступила.

Граф Моле не принадлежал к партии движения. Но, подобно Луи-Филиппу, он был рад раздроблению Нидерландского королевства и полагал, что честь и интересы Франции обязывают её не допускать возвращения Бельгии под прежнее иго. Впрочем, ни он, ни французский король не говорили бы таким решительным тоном, если бы не были уверены в поддержке британского правительства. Конечно, Веллингтон, для которого Нидерландское королевство было любимым детищем, не без огорчения и не без опасения смотрел на брюссельскую революцию. Но ни он, ни его друзья не скрывали от себя того факта, что возобновление союза Бельгии с Голландией было делом очень трудным, чтобы не сказать — невозможным. К тому же они очень заботились о том, чтобы отвлечь Францию от союза с Россией, вследствие чего считали нужным сделать ей некоторые уступки. Поэтому с начала октября они в глубине души были склонны дать своё согласие на отделение Бельгии. Они ставили только одно условие, а именно, чтобы эта страна — ни прямо, ни косвенно — не подпала под господство Франции. Талейран поспешил успокоить их, заявив, что Луи-Филипп отказывается от всякого намерения присоединить Бельгию к своим владениям или возвести на её престол одного из своих сыновей; что он согласен предоставить решение её участи дипломатическому соглашению пяти великих держав; что он воздержится от всякой пропаганды в этой стране и что, наконец, он не станет противиться тому,

членом Французской академии (1840); приглашён Луи-Филиппом 23 февраля 1848 г. составить кабинет, которого он, однако, не успел сформировать; был членом Законодательного собрания (1849—1851), где он был одним из вождей реакции; возвратился к частной жизни после государственного переворота 2 декабря 1851 г.; умер в замке Шамлатре 25 ноября 1855 г.

чтобы королём нового государства сделался принц из дома Нассау¹. Результатом этих обязательств был вежливый, но решительный отказ, которым Англия ответила нидерландскому королю на его просьбу о помощи.

Предоставить пяти великим державам решение будущей судьбы Бельгии — это, конечно, не значило оставаться верным принципу невмешательства. Это значило почти то же, что обратиться к Священному союзу. Но Талейран и Луи-Филипп не гнались за тем, чтобы быть всегда последовательными. Выгода и удобный случай были единственными принципами их политики. Итак, Франция и Англия оказывались действующими заодно. Что касается Австрии, Пруссии и России, то они приняли предложение о созыве конференции, так как это служило для них средством выиграть время.

Послы этих трёх держав и июльского правительства, аккредитованные при английском дворе, не замедлили собраться в Лондоне под председательством лорда Эбердина², главы Форейн офис. Решено было, что они не будут действовать в качестве суверенного конгресса, а что их решения получают силу только после утверждения со стороны соответствующих дворов. Первый их протокол, помеченный 4 ноября, заключал в себе предложение перемирия, с которым решено было обратиться одновременно и к нидерландскому королю и к временному правительству в Брюсселе. Два агента — один француз, а другой англичанин³ — были тотчас же посланы конференцией в Бельгию. Таким образом, на восставший народ смотрели уже как на воюющую сторону и обращались с ним соответствующим образом. Законность восстания была, таким образом, косвенно признана.

Перемена министерства, происшедшая вскоре после этого в Англии, ещё более ободрила бельгийцев. Веллингтон, упорно сопротивлявшийся избирательной реформе, которой

¹ Протокол 15 октября 1830 г., подписанный князем Талейраном и лордом Эбердином.

² Граф Эбердин (Джордж-Гамильтон-Гордон) родился в Эдинбурге 28 января 1784 г., известен сначала под именем лорда Халдо; выбранный пэр Шотландии (1807); посол в Вене (1813); послан с поручением в Неаполь к Мюрату; наследственный пэр (июнь 1814 г.); канцлер Ланкастерского герцогства (январь 1828 г.), затем министр иностранных дел в торийском кабинете герцога Веллингтона (июнь 1828 г.); вышел в отставку вместе со своими коллегами (ноябрь 1830 г.); министр колоний в первом кабинете Пилля (1834—1835) и министр иностранных дел во втором (1841—1846); первый лорд казначейства (глава правительства) (декабрь 1852 г. — февраль 1855 г.); умер 14 декабря 1860 г.

³ Брессон и Картрайт.

требовала страна, сделался к этому времени столь же непопулярным в Лондоне, как Полиньяк в Париже. Поэтому лорду Грею¹, главе вигов, давно уже обещавших эту реформу, не стоило большого труда свергнуть Веллингтона, тем более что и сам король Вильгельм IV очень желал передать управление делами Грею. Надо думать, что и Талейран сыграл некоторую роль в кризисе, вызвавшем падение торийского кабинета. Он не без основания полагал, что внутренние затруднения надолго лишат министерство Грея свободы действий во внешней политике. К тому же члены нового кабинета были все без исключения либералами и без всякой задней мысли приветствовали июльскую революцию; Талейран, может быть, также надеялся, что новый кабинет отнесётся поэтому к планам французского правительства относительно Бельгии более благосклонно, чем предшествовавшее министерство. В сущности Луи-Филипп совсем не был по отношению к Бельгии столь бескорыстным, каким он себя изображал. Но впоследствии оказалось, что виги были не намного больше, чем тори, склонны содействовать его тайным честолюбивым замыслам. Преемником лорда Эбердина был лорд Пальмерстон². Узкий и завистливый патриотизм этого государственного деятеля вскоре сделал очень сомнительными как сердечность, так и прочность англо-французского согласия.

Между тем бельгийцы, сдерживаемые дотоле Веллингтоном, поспешили разорвать последние узы, связывавшие их с Голландией. Не прошло и двух дней после смены британского кабинета, как национальный конгресс, собравшийся в Брюсселе 10 ноября, торжественно провозгласил независимость страны (18 ноября). Спустя ещё два дня конгресс,

¹ Граф Грей (Чарльз Гоуик) родился в Фаллодоне (Нортумберленд) в 1764 г.; член палаты общин (1786), где с самого начала занял видное место среди либеральной партии; первый лорд адмиралтейства, затем министр иностранных дел (1806); вышел в отставку (1807); пэр Англии (1807); глава партии вигов в верхней палате, противник Ливерпуля и даже Каннинга; первый лорд казначейства (глава правительства) (ноябрь 1830 г.); вынужден оставить должность в 1834 г.; умер в 1845 г.

² Висконт Пальмерстон (Генри-Джон-Темпл) родился в Бродленде (в графстве Саутгемптон) 20 октября 1784 г.; член палаты общин тори; лорд адмиралтейства (1807); военный министр с 1809 по 1828 г.; перешёл на сторону вигов и получил в кабинете лорда Грея портфель министра иностранных дел (1830), который должен был оставить в ноябре 1834 г.; снова занимал этот пост с апреля 1835 г. по 1841 г. и с июля 1846 г. до декабря 1851 г.; министр внутренних дел в кабинете Эбердина (1852); первый лорд казначейства (март 1855 г. — февраль 1858 г.); призван в июне 1859 г. на пост главы кабинета, на котором оставался до самой смерти, последовавшей 18 октября 1865 г.

чтобы не лишиться расположения великих держав, постановил, что правительство нового государства будет организовано в форме конституционной монархии. Но 22 ноября он навсегда устранил от престола принцев из Нассауского дома. Понятно, что тюльрийский кабинет, готовивший втайне кандидатуру герцога Немурского, второго сына Луи-Филиппа, безусловно, одобрил подобную меру.

Но если счастье, повидимому, улыбалось Луи-Филиппу, то это послужило поводом к тому, что державы Севера, не перестававшие наблюдать за ним, снова заняли угрожающую позицию. Вена, Берлин и Санкт-Петербург обвиняли его одновременно в бессилии и недобросовестности. Меттерних указывал на Францию, как на *очаг революции*. «Противопоставим, — писал он¹, — союз между правительствами и народом, в истинном смысле этого слова, тому ложному братству, которое враги порядка и мира пытаются всюду и везде установить между верховной революционной властью и пролетариями». Что же касается принципа невмешательства, то он с негодованием заявлял, что никогда не допустит его применения. «Это, — читаем мы в одном из его писем², — разбойники, отрицающие полицию, и поджигатели, протестующие против пожарных». Послы, прусский, австрийский и русский, с неудовольствием констатировали, что в Париже революционное волнение отнюдь не утихало. Возмущение 18 октября³ послужило для них одним из доказательств. Другим доказательством являлся состав кабинета 2 ноября. Партия сопротивления удалась от дел. У власти осталась одна партия движения; во главе её стоял Лаффит⁴, который, без сомнения, не желал войны, но, тем не менее,

¹ 21 октября в депеше, адресованной князю Эстергази, австрийскому послу в Лондоне.

² Адресованном, подобно предыдущему, Эстергази и помеченном также 21 октября.

³ В этот день толпа бросилась к Пале-Роялю и Венсенскому замку, где содержались в заключении прежние министры Карла X (Полиньяк и др.), и потребовала их смерти.

⁴ Лаффит (Жак) родился в Байонне 24 октября 1767 г.; бухгалтер банкира Перрего (1788); сделался его компаньоном (1800), затем премьерником; был управляющим государственным банком (1809), председателем коммерческого суда в департаменте Сены (1813), директором государственного банка (25 апреля 1814 г.); член палаты депутатов, где он заседал без перерыва с 1816 по 1830 г. и где он стал одним из наиболее влиятельных вождей либеральной партии; назначен Луи-Филиппом, который был в значительной степени обязан ему своим вступлением на престол, министром без портфеля (11 августа 1830 г.), затем министром финансов и председателем совета министров (2 ноября 1830 г.); в отставке с 13 марта 1831 г.; с тех пор оставался в палате депутатов в рядах радикальной оппозиции до самой смерти, последовавшей 26 мая 1844 г.

открыто заявлял, что не боится её и усердно готовится к ней. Вскоре стало известно, что в Центральной и Восточной Европе происходят внушающие беспокойство передвижения войск. Пруссия собирала свои силы вдоль Рейна и Мозеля, Австрия посылала к границам Швейцарии и в Италию свои лучшие полки. Русский император издал распоряжения относительно новых наборов и мобилизовал армию, расположенную в Польше. Заключён был союз трёх абсолютистских держав, и, когда Лаффит заявил 1 декабря с трибуны, что не боится его, Союз спустя несколько дней ответил дипломатическим циркуляром, в котором решительно утверждал, что имеет право поддерживать оружием порядок в Европе и уничтожать во всякой стране общего врага, т. е. революцию.

Таким образом, к концу 1830 г. в Европе, казалось, готова была вспыхнуть всеобщая война. Чтобы спасти Францию от грозившей ей беды, необходимо было новое неожиданное событие. Таковым явилось восстание в русской Польше.

III

Эта несчастная страна, автономия которой весьма мало соблюдалась в царствование Александра I, а при императоре Николае I превратилась почти в пустое слово, желала, чтобы её конституция стала действительностью, и требовала, чтобы прежняя Польша была, насколько возможно, восстановлена неоднократно уже обещанным ей присоединением Литвы и некоторых других областей. Июльская революция возбудила в Варшаве необыкновенный энтузиазм и радость. Патриоты, поощряемые французской пропагандой, снова принялись составлять заговоры. В глубокой тайне было подготовлено всеобщее восстание. Оно должно было вспыхнуть в феврале 1831 г. Но ввиду мер, принятых царём и его союзниками против Франции, поляки решили не ждать долее и обессилить коалицию, отвлекая геройской диверсией в свою сторону её главные военные силы, т. е. русскую армию. В ночь с 29 на 30 ноября Варшава восстала. Главнокомандующий польской армией, великий князь Константин Павлович, брат Николая I, был вынужден спастись бегством. Генерал Хлопицкий, завоевавший симпатии своих соотечественников своей прежней славной службой в армии Наполеона, был провозглашён диктатором (5 декабря). В несколько дней вся Польша была уже на ногах, и к концу 1830 г. на её территории не оставалось более ни одного русского солдата.

С этого времени действия нового Священного союза оказались парализованными. Царь надолго должен был отказаться от других целей, кроме Варшавы; не покорив её, нельзя было и думать о движении на запад. Прусский король и австрийский император не решались начать войну без него. К тому же значительная часть их сил была им необходима для того, чтобы воспрепятствовать распространению восстания на те части Польши, которые достались им во время раздела. Таким образом, судьба продолжала благоприятствовать Франции. Возникало опасение, что она может употребить во зло своё выгодное положение. Поэтому представлялось настоятельно необходимым убогатворить её и обезоружить новыми уступками. Без сомнения, с этой именно целью Лондонская конференция, до тех пор избегавшая высказаться относительно будущего положения Бельгии, в принципе формально признала протоколом 20 декабря независимость этой страны и спустя короткое время (9 января 1831 г.) принудила нидерландского короля принять то перемирие, которое она ему вначале только рекомендовала.

Казалось, что после всего происшедшего Луи-Филипп должен был обнаружить больше смелости, чем в первые дни своего царствования. Но этот государь не принадлежал к числу тех, которым удача кружит голову. Притом о последних событиях ещё так мало знали и их значение было ещё настолько не выяснено, что он всё ещё полагал, что ему грозит опасность со стороны коалиции. К тому же как раз в это время (в конце декабря) он избавился от Лафайета, вместе с которым вышел в отставку и Дюпон-де-л'Эр; а спустя несколько дней (в январе) он отправил в С.-Петербург в качестве посла герцога Мортемара¹, пользовавшегося расположением царя; герцог должен был уверить послед-

¹ Герцог Мортемар (Казимир-Луи-Викторьен де Рошешуар) родился в Париже 20 марта 1787 г.; увезён из Франции своим эмигрировавшим семейством (1791); возвратился во Францию (1801); драгунский подпоручик (10 февраля 1806 г.); ординарец Наполеона I (12 февраля 1811 г.); перешёл на сторону Людовика XVIII, который назначил его пэром Франции и капитаном; полковник швейцарской королевской гвардии (1814); генерал-майор национальной гвардии Парижа (14 октября 1815 г.); генерал-майор (22 ноября 1815 г.); посол в России (март 1828 г.); генерал-лейтенант (23 октября 1828 г.); получил слишком поздно от Карла X поручение сформировать министерство, чтобы заменить кабинет Полиньяка (29 июля 1830 г.); примкнул к Луи-Филиппу; посол в С.-Петербурге (1831—1833); перешёл в 1849 г. на сторону Луи-Наполеона, который назначил его командиром дивизии; сенатор (27 марта 1852 г.); умер в Нофле, близ Монфор-л'Аморн, 1 января 1875 г.

него, что поляки не получат от французского короля никакой поддержки. Такого рода уступчивость придала смелости северным дворам. К тому же неуместная осторожность Хлопицкого дала возможность русскому императору снова овладеть положением. Польский диктатор, вместо того чтобы итти в Литву, которая ожидала его, готовая восстать, потерял несколько недель на переговоры с царём. Последний, разумеется, отказался итти на уступки. Когда об этом узнали в Варшаве (15 января), Хлопицкий подал в отставку. В Польшу вскоре вступила русская армия, которая успела сформироваться и теперь грозно двигалась по направлению к Висле.

Между тем Лондонская конференция сыграла злую шутку с Францией двумя протоколами — от 20 и 27 января 1831 г. Первый из них заключал в себе крайне важное для Европы постановление, что Бельгия будет нейтральным государством; затем по этому протоколу Люксембург, на который Бельгия предъявляла притязания как на одну из составных частей своей территории, попрежнему должен был остаться в руках нидерландского короля; последнему присуждалась также Маастрихт и устье Шельды. Согласно второму протоколу государственный долг Нидерландов должен был быть разделён, и новое государство должно было принять на себя 16/31 его общей суммы. Эти два постановления, против которых Брюссельский конгресс поспешил заявить протест (30 января), представляли двойной удар для Франции, которая всё более и более обнаруживала желание подчинить себе Бельгию. Известно было, что, несмотря на официально сделанное Луи-Филиппом и затем несколько раз повторенное им заявление о том, что он не примет короны для герцога Немурского, кандидатура этого принца всё же втайне поддерживалась в Брюсселе французскими агентами. Французский министр иностранных дел, чтобы обеспечить успех этой агитации, заявил, что не соглашается с последними протоколами Лондонской конференции (1 февраля). В то же время он дал понять, что Бельгии придётся отказаться от французской дружбы, если она признает своим государем герцога Лейхтенбергского¹, сына Евгения Богарне, избрание которого французское правительство рассматривало бы как бонапартистскую угрозу по своему адресу. Наоборот, северные державы старались выказать расположение этому

¹ Герцог Лейхтенбергский (Август-Карл-Евгений-Наполеон), князь Эйхштедтский, родился в Милане 9 декабря 1810 г.; кандидат на бельгийский престол в 1831 г.; вступил в брак 26 января 1835 г. с португальской королевой донной Марией; умер в Лиссабоне 28 марта 1835 г.

кандидату, без сомнения, не столько затем, чтобы доставить ему победу, сколько затем, чтобы принудить его противника взять обратно свою кандидатуру. В день выборов велась очень ожесточённая борьба. В конце концов после второй баллотировки конгресс провозгласил королём герцога Немурского. Но он одержал верх большинством только одного голоса¹. Столь незначительное большинство расстроило замыслы Луи-Филиппа. Раньше он тайно давал понять бельгийцам, что если успех его сына будет блестящим, то он уступит их настояниям, а конференция не осмелится отменить почти единодушное решение нации. Но совершенно очевидно, что он не мог воспользоваться избранием столь спорным и сомнительным. Результатом всех этих происков было то, что конференция новым протоколом (7 февраля) высказалась одновременно как против герцога Немурского, так и против герцога Лейхтенбергского. Французский король торжественно отклонил (17 февраля) корону, предложенную его сыну бельгийцами; а последним пришлось в ожидании лучшего избрать регента². Но три северные державы и Англия проявили столь мало признательности Луи-Филиппу за этот отказ, что их представители сочли даже нужным объявить протоколы 20 и 27 января окончательными и стали грозить Бельгии насильственными мерами, если она не примет их в определённый срок. Одновременно Пруссия двинула свои войска по направлению к Маасу, а союзному сейму во Франкфурте предложено было мобилизовать армию, под предлогом защиты Люксембурга, одной из составных частей Германского союза³.

IV

Великая европейская война, предотвращённая в декабре, казалась, таким образом, более неизбежной, чем когда-либо. В Париже толпа пребывала в возбуждённом состоянии, а Лаффит, в руках которого попрежнему находилась власть, хотя и не разделял увлечений журналов и народных обществ, но, повидимому, не был расположен и уступать. Сме-

¹ Он получил 96 голосов против 74, поданных в пользу герцога Лейхтенбергского, и 21 — в пользу эрцгерцога Карла.

² В лице Сюрле-де-Шокье, председателя конгресса, который принял власть 25 февраля.

³ По требованию нидерландского короля сейм в заседании 18 марта решил мобилизовать для этого государя отряд в 24 тысячи человек, готовый выступить в поход, чтобы восстановить его власть в великом герцогстве.

лость французского министра поддерживалась не только решительным образом действий бельгийцев, но и тем мужественным сопротивлением, которое оказывали своим врагам поляки. Несмотря на огромное численное превосходство, русские терпели неудачи около Варшавы¹. С другой стороны, в Германии попрежнему шло глухое брожение; несмотря на postponement сейма, некоторые из немецких государей вынуждены были разделить власть с представителями своих подданных².

Швейцария, где уже в течение нескольких месяцев велась борьба против аристократических учреждений, навязанных ей в 1814 г., выказала намерение в случае надобности защищать оружием свой нейтралитет³ и, несмотря на настоятельные требования и угрозы Австрии, отказывалась распустить свои войска.

Но больше всего смелости придавало Лаффиту и парижским пропагандистам положение дел в Италии, где революция, давно уже ожидавшаяся, подняла, наконец, своё знамя.

Несмотря на реакцию 1821 г., карбонарии никогда не прекращали своей агитационной деятельности по ту сторону Альп. Стоявшая за национальное объединение демократическая партия — пока ещё немногочисленная, так как народные массы ещё не следовали за ней, — была, однако, достаточно сильна для того, чтобы поднять всю страну. На этот раз восстание вспыхнуло не в Неаполе и не в Турине, а в маленьких центральных герцогствах и в Папской области,

¹ Разбитые первый раз при Вавре (19—20 февраля), они отчасти выиграли сражение при Грохове (25 февраля); затем они потерпели новые крупные неудачи при Вавре, Дембе и Игане (31 марта, 1 и 10 апреля).

² Такого рода перемены произошли или готовились произойти главным образом в Ганновере, Брауншвейге, курфюршестве Гессенском и в Саксонии.

³ «Союзное собрание... заявляет... что оно приняло твёрдое решение, в случае войны между соседними державами, соблюдать строгий нейтралитет. Оно имеет на это право... и это право было ему гарантировано... Собрание заявляет также, что для защиты этого права оно употребит все средства, какие только будут находиться в его распоряжении. Желая мира, но не боясь и тяжёлой борьбы, надеясь на бога своих отцов, члены союза со спокойствием и твёрдостью будут ожидать дальнейших событий. Они соединят все свои усилия для того, чтобы защищать неприкосновенность территории, независимость нации и старинную свободу. При настоящих трудных обстоятельствах собрание вернет судьбу государства патриотизму, мужеству и твёрдости всех швейцарцев, которых оно призвёт к оружию с единственной целью защищать границы от всякого внешнего нападения, с какой бы стороны оно ни последовало...» (Декларация, принятая Союзным собранием в заседании 25 декабря 1830 г.).

т. е. в тех частях Италии, где управление было наиболее неудовлетворительно. В тот самый момент, когда кардиналы, в течение почти двух месяцев заседавшие на конклаве в Риме, избрали, наконец (2 февраля), преемника папе Пию VIII в лице Григория XVI¹, патриоты восстали одновременно в Модене, Болонье, Анконе, Парме и т. д. (3, 10 февраля). Герцог Франц д'Эсте и эрцгерцоги Мария-Луиза принуждены были обратиться в бегство. Эмилия, Романья и легатства в несколько дней оказались предоставленными собственной своей участи, и временное правительство, установленное в Болонье, расширило вскоре свою победоносную пропаганду вплоть до ворот Рима.

Итальянцы, подобно полякам, рассчитывали на помощь Франции, так как её олицетворял в их глазах Лафайет, весьма неблагоприятно обнадёживавший повсюду восставшие народы. Но французские знамена были ещё далеко, а близка была австрийская армия, постепенно сосредоточившаяся за последние месяцы между Венецией и Миланом и ожидавшая только знака со стороны Меттерниха, чтобы перейти По. При первом известии о волнении на Апеннинском полуострове венский кабинет заявил о своём решительном намерении вмешаться с оружием в руках для защиты интересов государей, находившихся в опасности. Французское министерство немедленно выступило с протестом против подобного намерения. Лаффит заявил, что если Австрия имеет бесспорное право подавлять восстания в Ломбардо-Венецианском королевстве, которое ей принадлежит, и что если, строго говоря, можно признать за ней такое же право и в герцогствах Пармском и Моденском, возвращение которых было ей обещано, то ни в коем случае недопустимо, чтобы она играла роль полицейского и в Папской области, т. е. в территории, независимость которой признана договорами. Если она позволит себе такое злоупотребление, то принцип невмешательства заставит Францию, не менее заинтересованную в делах Италии, воспротивиться подобному насилию хотя бы даже и силой. Маршалу Мезону, французскому послу в Вене, пришлось объясняться по этому вопросу с австрийским канцлером. Но он не сумел напугать его. Меттерних ответил решительно, что австрийские войска вступят не только в Модену и Парму, но и в Болонью

¹ Пий VIII (Франсуа-Ксавье Кастильони) родился в 1761 г.; преемник Льва XII с марта 1829 г., умер в ноябре 1830 г. Григорий XVI (Мавро Капеллари) родился в Беллуно в 1765 г., был сначала монахом; кардинал и начальник коллегии миссионеров в 1826 г., получил тиару в 1831 г., умер в 1846 г.

и Анкону; что папа сам призывает их; что, если Франция хочет войны, Австрия будет воевать, но не отступит от своего¹. Маршал считал открытие военных действий неизбежным и тотчас же известил французское министерство, чтобы оно готовилось к войне. В то же время он счёл себя вправе предложить генералу Гильемино, представителю Франции в Константинополе, убедить султана вооружиться и отомстить России, союзнице Австрии, за унижение Турции в Адрианополе.

Таким образом, в первых числах марта 1831 г. почти вся Европа, казалось, должна была обратиться в огромное поле сражений, на котором революция, представленная главным образом Францией, должна была вступить в борьбу с новым Священным союзом. Однако и на этот раз пожар был предотвращён. Мир имел в Тюильри верного стража в лице Луи-Филиппа. *Король баррикад* решительно не желал следовать за *партией движения* в её смелых предпринятиях; он давно уже замыслил отделаться от компрометирующих его друзей, из-за которых Франция постоянно находилась под угрозой междоусобной или внешней войны. Лаффит был ему теперь в тягость почти так же, как прежде был Лафайет. Этот министр, неспособный водворить порядок даже в Париже², потерял к тому же всякий авторитет в палате депутатов; таким образом, Луи-Филиппу не стоило никакого труда отделаться от кабинета, которого не желал и парламент. 13 марта 1831 г. Лаффит вынужден был уступить пост

¹ «Если Франция желает войны (писал он ещё 16 марта к Аппоньи, австрийскому послу в Париже), пусть она объявит её Европе, пусть попытается распространить революцию там, где мы её подавляем уже одним своим появлением, издали...» С другой стороны, Меттерних пытался напугать июльское правительство, указывая ему, что торжество революции было бы в то же время торжеством династии Бонапартов, которая, по его словам, проявляла активную деятельность в Италии, ожидая возможности возвратиться во Францию. Он указывал, что Луи-Филипп должен быть ему благодарен за то, что он не выставляет против него Наполеона II (герцога Рейхштадтского), но что, будучи вынужден обстоятельствами, венский двор может не всегда остаться столь сдержанным. «Неужели никому в Париже, — читаем мы в одном из его писем к Аппоньи, — не пришло в голову, насколько они должны быть благодарны нам за наше безукоризненное поведение по отношению к Наполеону II? Прошу извинения за это указание, но оно может приобрести некоторое значение, если в самом деле Луи-Филипп захочет играть роль завоевателя или руководителя революционной пропаганды. Атакованные в нашем последнем убежище, вынужденные сражаться за наше существование, — мы не будем такими ангелами, чтобы не стрелять из всех наших батарей».

² В Париже имели место мятежные выступления: 21 декабря по поводу процесса министров Карла X и 14 февраля, кончившиеся разгромом архиепископского дома.

председателя совета министров Казимиру Перье¹; партия сопротивления стала у власти, и ей теперь предстояло проявить себя на деле.

V

Казимир Перье, человек энергичный и даже очень резкий по своему характеру, держался почти такой же политической программы, как и Луи-Филипп; но он имел твёрдое намерение действительно привести её в исполнение и в случае необходимости прибегнуть для этого даже к силе. Внутри государства он желал установить порядок и совершенно не был расположен идти на компромиссы с мятежниками. Во внешней политике он искренно желал мира. Трактаты 1815 г., по его мнению, давали в общем серьёзную гарантию мира для Европы. Он не требовал для Франции никакого расширения владений. Он желал только, чтобы она оставалась свободной и сохранила своё влияние как на Бельгию, освобождение которой было ей столь выгодно, так и на Италию, где она не могла допустить исключительного преобладания Австрии. Он желал немногого и этим должен был успокаивающе действовать на иностранные дворы, враждебные июльскому правительству. Но он всегда готов был настаивать на своём и этим внушал им сильное беспокойство. Его умеренность, соединённая с решительностью, вскоре создала ему огромное влияние в Европе. С ним привыкли считаться тем более, что он, чрезвычайно ревниво относясь к своей власти, не разделял её ни с кем, даже с самим королём, и не позволял Луи-Филиппу лично вмешиваться в политику ответственного министерства, как это делалось при Лаффите².

Новый председатель совета министров начал свою деятельность с того, что в замечательной по своей решимости речи в палате депутатов (18 марта) заявил, что, не будучи враждебным делу угнетённых народов, добивающихся неза-

¹ Казимир Перье родился в Гренобле 21 октября 1777 г.; сапёрный офицер в республиканской армии, затем глава крупного банкирского дома в Париже (1802); член палаты депутатов (1817), где до 1830 г. он принадлежал к либеральной оппозиции; министр без портфеля (11 августа 1830 г.); в отставке (2 ноября 1830 г.); затем председатель палаты депутатов; председатель совета министров и министр внутренних дел (13 марта 1831 г.); умер в Париже 16 мая 1832 г. Другие члены сформированного им кабинета: Себастиани (иностранных дел); Луи (финансов), Барт (юстиции); Мочталиве (народного просвещения и вероисповеданий); д'Аргу (торговли и общественных работ); Султ (военный); де-Риньи (морской и колоний).

² И как это делалось позже, в особенности во вторую половину царствования Луи-Филиппа, когда он непосредственно переписывался с французскими послами и иностранными министрами.

висимости, он вовсе не считает себя обязанным идти к ним на помощь, если этого не требуют собственные интересы его страны. «Кровь Франции, — воскликнул он, — принадлежит только ей». Этим он высказал — только в более благородной форме — мысль Дюпена, выраженную им в словах: «Каждый за себя, каждый у себя». Это была политика эгоистическая и узкая; но ей при всём том нельзя было отказать в благоразумии. Оппозиция возмущалась, но министр не обращал на это никакого внимания и в своих отношениях с иностранными державами строго держался этой программы.

Что касается Италии, то Казимир Перье прежде всего отказался смотреть на вступление австрийских войск в Папскую область как на *casus belli*. Но он не скрыл от венского двора, что он находит этот приём ненормальным и что Франция не может допустить повторения его. Он указал также, что лучшим средством для предупреждения такой возможности и, следовательно, конфликта между обеими державами будет — добиться для подданных папы некоторых административных реформ, которые позволяли бы надеяться, что волнения в центральной Италии больше не повторятся. Вследствие этого он предложил, чтобы пять великих держав приложили свои соединённые усилия к тому, чтобы побудить папу Григория XVI согласиться на некоторые реформы. Меттерних в глубине души вовсе не желал, чтобы Папская область находилась под хорошим управлением; ему не могло нравиться то обстоятельство, что папа от времени до времени нуждался в австрийских штыках для поддержания своей власти. Но он не мог это открыто заявить. Дворам же — берлинскому, санкт-петербургскому и лондонскому, почти так же как и венскому, — было бы неприятно всякое распространение благодаря вышеупомянутым реформам французского влияния по ту сторону Альп. Но предложение Казимира Перье было составлено так умно, что невозможно было открыто противодействовать ему. Поэтому державы для вида сочувственно приняли это предложение, и 21 мая 1831 г. их представители одновременно с французским послом обратились к кардиналу Бернетти¹, государственному

¹ Бернетти (Фома) родился в Фермо в 1779 г.; секретарь апелляционного суда в Риме; подвергся некоторому преследованию со стороны Наполеона во время пребывания Пия VII в плену; получил от этого папы (1816) поручение реорганизовать военное управление; представитель Святейшего престола в С.-Петербурге, затем легат в Равенне и Болонье; кардинал в 1827 г.; государственный секретарь в 1828 г., первый секретарь при Григории XVI (1831); уволен в отставку в 1835 г. по требованию Австрии и назначен вице-канцлером римской церкви; советник Пия IX (1846), за которым он последовал в Гаэту в 1848 г.; умер в своем родном городе в 1852 г.

секретарю папы, с *меморандумом*, в котором просили его святейшество даровать, наконец, своим подданным некоторые гарантии порядка и свободы путём образования муниципальных учреждений и провинциальных советов, установления серьёзного контроля над финансами и, наконец, пересмотра кодексов и реформы судов. Римский двор не проявил никакого недовольства. Он заявил, что подвергнет рассмотрению предложенные ему вопросы. Он даже опубликовал несколько времени спустя (5 июля, 5 и 31 октября, 4 и 5 ноября) ряд эдиктов, которыми, по его утверждению, он удовлетворял пожелания пяти великих дворов. Реформы, на которые он согласился, были, правда, почти смехотворны и ни в каком отношении не могли удовлетворить население легатств. Но французская дипломатия добилась более серьёзного результата, а именно — эвакуации Папской области, произведённой австрийцами в июле по требованию кабинета Перье.

VI

К этому времени итальянские дела уже перестали волновать политический мир. В течение нескольких месяцев внимание государственных людей было занято главным образом Бельгией, дела которой оставались без движения и будущность которой казалась чреватой бурными событиями.

Казимир Перье, желая избежать всякого бесполезного или опасного конфликта, в начале апреля присоединился от имени Франции к протоколам 20 и 27 января. Нидерландский король принял их уже задолго до этого, так как он находил их выгодными для себя. Но Брюссельский конгресс продолжал их отвергать и возмущался тем насильем, которое хотел применить к Бельгии европейский концерт. Новый ультиматум был послан конгрессу 10 мая. К чему должно было привести дальнейшее его сопротивление? А всё-таки он продолжал сопротивляться, и, к общему удивлению, Лондонская конференция не только не заставила его подчиниться условиям, которые он считал неприемлемыми, но даже вскоре предложила ему значительно лучшие условия. Чтобы понять эту перемену курса, необходимо вспомнить, что январские протоколы, неблагоприятные для Бельгии, были редактированы в то время, когда можно было опасаться установления слишком тесной связи между этой страной и Францией. Но июльское правительство, которое не осмелилось ни дать королю новому государству, ни с твёрдостью поддержать его территориальные и финансовые претензии, в течение нескольких месяцев успело наполовину потерять своё влияние в Брюсселе. Англия сочла этот момент очень удобным для

того, чтобы привлечь на свою сторону бельгийский народ. Когда герцоги Немурский и Лейхтенбергский были устранены от трона, она осторожно выдвинула своего кандидата, уже давно державшегося ею в запасе. Кандидатура принца Леопольда Саксен-Кобургского, которого в 1830 г. собирались сделать греческим королём, имела тем большой успех, что его избрание, по словам отстаивавших эту кандидатуру британских агентов, обеспечивало Бельгии пересмотр январских протоколов. Действительно, Пальмерстон добился от конференции 21 мая новой декларации, гласившей, что в случае избрания на престол Леопольда пять держав обещают начать переговоры с нидерландским королём о том, чтобы предоставить Бельгии за надлежащее вознаграждение обладание великим герцогством Люксембургским, без нарушения, однако, его связи с Германским союзом. Австрия, Пруссия и Россия присоединились на этот раз к Англии для того, чтобы поставить в смешное положение Францию. Что касается последней, выказывавшей столь сильное желание оставаться в дружбе с Англией, то она не могла представить никакого убедительного довода против избрания принца Саксен-Кобургского. Поэтому она согласилась, не выказывая своего неудовольствия. К тому же ей молча дали понять, что этот будущий бельгийский король вступит в брак с дочерью Луи-Филиппа. Благодаря этому браку британская дипломатия не одержала полной победы в Брюсселе.

Ввиду намерений, высказанных конференцией 21 мая, бельгийцы сделали бы большую ошибку, если бы отвергли Леопольда. Поэтому 4 июня конгресс огромным большинством голосов¹ избрал его на престол. Тотчас к нему была отправлена депутация, для того чтобы официально предложить ему корону. Принц ответил, что примет корону, как только державы выработают проект договора, окончательно устанавливающий условия существования нового государства, и конгресс даст своё согласие на эти условия. Пальмерстон, спешивший покончить с этим делом, торопил конференцию, и вскоре под его влиянием было принято соглашение, известное в истории под наименованием *договора в 18 статьях*. Это соглашение, положенное в основу переговоров между правительствами Брюсселя и Гааги, не выделяло формально Люксембурга из состава Бельгии; оно твёрдо предоставляло Бельгии в Маастрихте то, что не принадлежало Голландии в 1790 г. В торговом отношении новому королевству предоставлялись все льготы, заключавшиеся в правилах, установленных Венским конгрессом относительно плавания по рекам;

¹ Он получил 152 голоса из 196 поданных.

в данном случае эти принципы применялись также и к плаванию по каналам. Наконец, Бельгии давали надежду на значительное облегчение денежных обязательств, возложенных на неё протоколом 27 января.

В тот самый день, когда было подписано это соглашение (26 июня), Леопольд объявил себя удовлетворённым и заявил, что он примет корону, если Брюссельский конгресс не воспротивится трактату. Но восемнадцать статей не могли быть приняты этим собранием без возражений. Бельгийцы повторяли, что Маастрихт им необходим для обороны, что они не могут допустить раздела ни этого города, ни его территории; что Люксембург принадлежит им и что несправедливо требовать от них вознаграждения за возврат их собственности; наконец, что независимость их страны — политическая, торговая и сельскохозяйственная — не может быть обеспечена, если Нидерланды не уступят им зеландскую Фландрию¹. На конгрессе происходили горячие споры. В конце концов проект договора был принят в Брюсселе 9 июля. Но этого, может быть, и не случилось бы, если бы Англия не прибегла к дипломатическому маневру. Связь двух революций — польской и бельгийской — даёт нам возможность если не одобрить, то во всяком случае объяснить этот последний маневр.

VII

Национальное правительство в Варшаве в течение нескольких месяцев выдерживало геройскую, но неравную борьбу; после нескольких славных, но не имевших решающего значения успехов оно потерпело при Остроленке (26 мая) трудно поправимое поражение. Его попытки поднять восстание на Волыни и в Литве потерпели неудачу. В июне Паскевич, сменивший Дибича, принял командование над русской армией, усиленной огромными подкреплениями. Немного спустя он уже был готов перейти Вислу и взять Варшаву с тыла. В борьбе с врагом, средства которого казались неистощимыми, несчастная Польша была предоставлена своим собственным силам. По соглашению с с.-петербургским двором Австрия и Пруссия строго охраняли свои восточные границы и никого не пропускали. Берлинский двор не ограничивался таким отрицательным содействием, а всячески помогал Паскевичу в его операциях. Находясь в таком безвыходном

¹ То-есть часть фламандского побережья (подле которого лежит остров Вальхерен), господствующую над устьем Шельды и в конце концов оставшуюся за Нидерландами.

положении, поляки обратились с мольбой к Франции. Граф Валевский¹ вслед за столь многими другими явился просить помощи у июльского правительства. Луи-Филипп и Казимир Перье совершенно не желали компрометировать себя из-за Польши. Но общество и в Париже и во всей Франции принимало такое участие в судьбах этой храброй нации, что они должны были по крайней мере сделать вид, что следуют за общественным мнением. У них явилась мысль о посредничестве между царём и его возмущившимися подданными, и они предложили этот план на усмотрение Меттерниха, прося у него содействия. Австрийский канцлер в глубине души не был бы огорчён, если бы Польша не погибла. Но он точно так же не желал себя компрометировать и вследствие этого выразил желание, чтобы Англия также взялась за это дело. Казалось, что британское правительство должно было поспешить воспользоваться удобным случаем для усиления замешательства и тревоги в России. Ничего такого, однако, не произошло. Лондонский двор, напротив, старался не раздражать царя, так как последний, встретив препятствия в Польше, мог в этот момент взять блестящий реванш на другом театре действий. В самом деле, Турция всё ещё находилась, так сказать, под пятой России. Николай I всё ещё занимал княжества. В его власти было поколебать и даже уничтожить Оттоманскую империю. С другой стороны, нельзя было забывать и того, что Греция не имела ещё короля и что она всё ещё находилась под управлением Каподистрии, т. е. царского ставленника. Этот государственный деятель сделался на родине чрезвычайно непопулярным вследствие его самовластия. Против него вспыхнуло серьёзное восстание в Морее и на островах

¹ Граф Валевский (Александр-Флориан-Жозеф Колонна), сын графини Валевской, одной из фавориток Наполеона I; родился в замке Валевы 4 мая 1810 г.; послан правительством польских повстанцев в Лондон и Париж (1831), принял французское подданство; офицер армии в Африке; в отставке с 1837 г.; редактор «*Messenger de Chambres*», автор нескольких брошюр и театральных пьес, не имевших успеха, несмотря на старания его друзей; послан Тьером с дипломатической миссией в Египет (1840); атташе при французской миссии в Буэнос-Айресе; свой человек в Елисейском дворце во время Второй республики; посланник во Флоренции (1849), затем в Неаполе, в Мадриде; посол в Лондоне (1851); сенатор (26 апреля 1855 г.); министр иностранных дел (1855); председатель Парижского конгресса (1856); был заменён на министерском посту Тувенелем (январь 1860 г.) и назначен членом тайного совета; статс-секретарь (24 ноября 1860 г.), в отставке в июне 1863 г.; председатель Законодательного собрания (1865); во вражде с Руэром, вследствие чего в конце концов должен был отказаться от своей должности (1867); умр в Страсбурге 27 октября 1868 г.

(апрель 1831 г.). Он тотчас же призвал на помощь русский флот. От царя, таким образом, зависело снова вызвать смуту на всём Востоке, и это, без сомнения, произошло бы, если бы Англия сделала вид, что покровительствует полякам, над которыми он уже готов был восторгаться. Вследствие этого понятно, что предложенная Францией¹ идея посредничества имела в действительности мало шансов быть принятой британским правительством. Но, с другой стороны, бельгийцы, повидимому, упорно настаивали на том, чтобы это предложение имело серьёзные последствия. Им казалось, что Польша должна стать их оплотом; они боялись, что царь, справившись с Варшавой, почувствует себя свободным и, возобновив тройственный северный союз, подаст сигнал к противореволюционному крестовому походу, первой жертвой которого окажется Бельгия. Лондонский кабинет со своей стороны чрезвычайно желал, чтобы брюссельское правительство перестало сопротивляться принятию трактата в 18 статей. Пальмерстон, не отличавшийся особенной разборчивостью в средствах, вышел из затруднительного положения тем, что, с одной стороны, замедлил с официальным ответом на предложение Франции, а с другой — поручил Понсонби², своему представителю в Брюсселе, подать бельгийцам надежду на присоединение Великобритании к проекту посредничества, если только бельгийцы примут трактат. Результатом этого маневра было принятие конгрессом (9 июля) восемнадцати статей; несколько дней спустя Пальмерстон ответил решительным и категорическим отказом на предложение французского правительства. Польша была окончательно осуждена на гибель.

VIII

Леопольд не имел более никаких оснований оставаться в Лондоне. Поэтому он поспешил покинуть этот город и вступить в управление своим государством; 21 июля он был уже в Брюсселе, где после принесения им присяги конституции конгресс торжественно признал его королём. Но почти тотчас же произошло осложнение, которого новый государь, конечно, не ожидал. Нидерландский король от-

крыто заявил протест против проекта восемнадцати статей (12 июля). Франция и Англия не предполагали, чтобы он был намерен противиться этому проекту силой оружия. Но Вильгельм I, которого втайне подстрекали северные дворы и которому особенно много помогала в его военных приготовлениях Пруссия, уже несколько месяцев как был готов к войне. 1 августа он вдруг отказался от навязанного ему перемирия, и его войска вторглись в Бельгию. Леопольд поспешно отправился туда, где грозила наибольшая опасность. Но его силы так уступали силам противника, что он не мог долго выдерживать борьбу. В несколько дней голландцы овладели Гассельтом, Лувеном и были уже в нескольких милях от Брюсселя. Бельгийское правительство считало себя погибшим. Одна Франция могла спасти его; поэтому оно, не колеблясь, обратилось к ней с просьбой о помощи.

В расчёты Казимира Перье вовсе не входило, чтобы новое государство погибло¹. Это был человек дела, которого не пугала мысль о военном предприятии. Незадолго перед тем, чтобы добиться удовлетворения за обиды, нанесённые несколькими французским гражданам, он послал эскадру к устью Тахо, овладел фарватером этой реки и, не беспокоясь о возможности протеста со стороны Англии, угрозой бомбардировать Лиссабон принудил узурпатора дона Мигэля подписать унижительное соглашение (14 июля). Так как положение дел не позволяло медлить, то Казимир Перье по первому призыву Леопольда стал действовать на свой страх. По его распоряжению 50 тысяч французских солдат вступили в Бельгию под начальством маршала Жерара, который 12 августа занял Брюссель. Ввиду подобной демонстрации голландцы должны были отступить. Они даже не пытались бороться и, не сделав ни одного выстрела, поспешно отступили на свою территорию 20 августа; за исключением Антверпена, которого они никогда не теряли, в их руках не оставалось более ни одного пункта бельгийской территории.

Это смелое предприятие Казимира Перье вызвало неудовольствие со стороны северных держав, а также и Англии. Французское правительство должно было объяснить конференции, что оно не имело времени войти с ней в соглашение относительно Бельгии, так как было вынуждено действовать с крайней поспешностью. Оно не замедлило также заявить, что Жерар и его отряд будут отозваны; и действительно,

¹ В ноте, отправленной Талейраном Пальмерстону 20 июня 1831 г.
² Виконт Понсонби (Джон) родился в 1770 г.; член палаты лордов (1806), где он принадлежал к партии вигов; посланник в Буэнос-Айресе (1826), в Бразилии (1828), в Бельгии (1830), в Неаполе (1832); посол в Константинополе с 1832 по 1841 г., в Вене с 1846 по 1851 г.; умер в Брайтоне в 1855 г.

¹ Во Франции произошёл министерский кризис (конец июля), и Казимир Перье подал в отставку; но непосредственная угроза серьёзных осложнений со стороны Бельгии побудила его снова принять власть.

очень скоро это было исполнено. Но хотя французы и очистили Бельгию, эта страна не могла не смотреть на них, как на спасителей, как на естественных своих покровителей. Престиж июльского правительства в Брюсселе был восстановлен во всём его блеске. Новая монархия намеревалась организовать свою армию и финансы под покровительством Франции. Под влиянием этой же державы, повидимому, должно было определиться и направление её политики.

Лондонский кабинет не старался скрыть своё неудовольствие. Пальмерстон тотчас же стал выказывать меньше сочувствия к стремлениям бельгийцев, чем за несколько недель перед тем, и под предлогом, что нидерландский король никогда не согласится на договор 18 статей и что, без сомнения, трудно будет принудить его к этому, вскоре предложил конференции изменить своё решение. Представители Австрии, Пруссии и России, довольные возможностью причинить неприятность Франции, не имели намерения противоречить ему. Таким образом, ему удалось склонить пребывавших в Лондоне дипломатов подписать 15 октября новое соглашение, гораздо менее выгодное для Бельгии, чем предыдущее. Этот проект договора, называемый проектом Двадцати четырёх статей, предоставлял Бельгии только часть Люксембурга и оставлял столицу этого государства в руках нидерландского короля. Последний в награду за то, что отказывался от этой провинции, получал значительную часть Лимбурга; кроме того, он удерживал за собой Маастрихт, Венло и левый берег Шельды. Сообщая о своём решении брюссельскому двору, конференция указала: 1) новые статьи будут иметь всю силу и значение формального соглашения между бельгийским правительством и пятью великими державами; 2) эти державы гарантируют их исполнение; 3) после принятия их обеими сторонами они дословно войдут в договор, который будет заключён непосредственно между Бельгией и Голландией; 4) этот договор точно так же будет гарантирован великими державами; 5) статьи, о которых идёт речь, образуют одно целое и не допускают разделения и, наконец, 6) они представляют собой соглашение, не подлежащее изменению, на основании его державы решили принудить обе спорящие стороны притти к примирению; державы обязываются добиться согласия Голландии, хотя бы она стала даже сопротивляться, и они употребят все средства, находящиеся в их распоряжении, для того чтобы предупредить возобновление враждебных действий между Леопольдом и Вильгельмом.

Брюссельский парламент сначала с большим неудовольствием встретил договор 24 статей. Но обстоятельства

не позволяли ему отвергнуть его. Англия представляла его как своего рода ультиматум. Франция, повидимому, собиралась принять его, так как ей обещано было срытие главных бельгийских крепостей, построенных вдоль северной границы в силу договоров 1815 г.¹ Что касается северных дворов, то следовало опасаться, что они найдут даже этот договор слишком выгодным для Бельгии; поэтому ссориться с ними было бы несвоевременно. Польша, оставленная без поддержки Францией и Великобританией, незадолго перед тем вынуждена была покориться. Варшава находилась в руках русских с 7 сентября. Ничто, казалось, не мешало тройственному союзу сформироваться вновь и направить свои удары на запад. Поэтому Бельгия подчинилась приговору конференции, и 15 ноября её представитель в Лондоне Ван-де-Вейер² подписал договор, в силу которого пять великих держав в награду за согласие бельгийского правительства гарантировали ему исполнение Двадцати четырёх статей и заверили его в своём дружественном расположении к королю Леопольду.

Заключительный параграф этого акта гласил, что в течение двух месяцев он будет ратифицирован договаривающимися сторонами. Но не следует забывать, что члены конференции не были облечены полномочиями от своих правительств. Англия и Бельгия считали договор окончательным; первая — потому, что он был её созданием, а вторая — потому, что боялась отказом от него поставить себя в неудобное положение. Но Франция колебалась ратифицировать этот договор, считая его недостаточно выгодным для брюссельского двора; северные же державы, казалось, склонны были отвергнуть его по диаметрально противоположным соображениям.

IX

Июльское правительство уступило первым и в январе 1832 г. пришло к полному соглашению с лондонским кабинетом относительно Двадцати четырёх статей. Но оно

¹ Действительно, протокол, подписанный 16 ноября, требовал срытия крепостей: Менен, Ат, Монс, Филиппвиль и Мариенбург.

² Ван-де-Вейер (Сильвен) родился в Лувене в 1803 г.; адвокат в Брюсселе, затем хранитель библиотеки этого города; редактор «Courrier des Pays-Bas» до 1830 г.; член временного правительства Бельгии (сентябрь 1830 г.); министр иностранных дел во время регентства Сюрле-де-Шокье (1831); назначен Леопольдом посланником в Лондон, откуда вернулся в 1845 г., чтобы занять пост премьера в бельгийском кабинете; снова возвратился туда в 1846 г. и оставался там до 1867 г.; умер в 1874 г.

сделало эту уступку не даром. Действительно; Казимир Перье добился того, что Англия одобрила его планы относительно Италии; а исполнение этих последних должно было, с другой стороны, побудить Австрию прекратить свою оппозицию вышеупомянутому договору. Глава тюильрийского кабинета предполагал послать французские войска в Папскую область, и так как он не мог — опасаясь крупных осложнений — отправить их через Пьемонт¹, то должен был выбрать путь морем. Всякое же морское предприятие Франции обычно венно вызывало опасения со стороны Англии. Но так как в данный момент интересы обеих держав были тесно связаны и так как умеренность кабинета Перье внушала полное доверие, то лондонский двор не стал противиться указанному проекту.

Реформы, о которых с такой помпой возвестил папский престол в своём ответе на меморандум 21 мая, были очень незначительны. А на практике папские министры свели их почти к нулю. Казимир Перье считал себя обманутым, а он этого не любил. К тому же папское правительство выказало намерение послать в легатства регулярные войска, для того чтобы обезоружить гражданскую гвардию, служившую в то время для этих провинций единственной гарантией против произвола абсолютной власти; предвидя сопротивление, папа заранее обеспечил себе содействие австрийских войск. На этот раз Казимир Перье решил, что Франция не может без унижения для себя и ущерба для своих интересов позволить венскому двору распоряжаться единолично в Италии. Поэтому в начале января 1832 г. он через французского посланника в Риме Сент-Олера² предложил папе разрешить Франции — как католической державе, преданной папскому престолу, — содействовать подобно Австрии восстановлению порядка в его области в случае, если бы этот порядок был нарушен. Римский двор ответил решительным отказом, давая понять, что вмешательство Франции послужит для итальянцев поощрением к революции, между тем

¹ Карл-Альберт наследовал 27 апреля 1831 г. сардинский престол после Карла-Феликса, находившегося в союзе с Австрией и пользовавшегося её покровительством. Каковы бы ни были его действительные чувства, он выказывал в то время почти безусловное повиновение венскому двору.

² Граф Сент-Олер (Луи-Клер де Бопуаль) родился в Сен-Меаре (Дордонь) в 1778 г.; камергер Наполеона в 1809 г.; префект департамента Мааса (1813); затем после Реставрации префект департамента Верхней Гаронны (1814); член палаты депутатов, где он с 1815 по 1829 г. занимал место в рядах конституционной партии; пэр Франции (1829), посол в Риме (1831), в Вене (1833—1841), в Лондоне (1841—1847); член французской академии с 1841 г.; умер в Париже в 1854 г.

как вмешательство Австрии окажет совершенно обратное действие. В то же самое время Перье сообщил о своём намерении Меттерниху, который всеми силами протестовал, не доходя всё же, как в предыдущем году, до угрозы войной.

Но французский министр не отказался от своего намерения и не позволил себя запугать. К концу января вступление папских войск в легатства повлекло за собой новые волнения, как эгого и можно было ожидать. Почти тотчас же австрийская армия появилась в Болонье. Но не успела она пробыть там несколько дней, как Казимир Перье смело привёл в исполнение свою угрозу: 22 февраля французский полк неожиданно высадился перед Анконой, разбил её ворота и овладел этим городом; папские войска отступили без сопротивления.

Римский двор тотчас же громко запротестовал. Кардинал Бернетти заявил, что подобного посягательства не видано было со времени сарацин. Меттерних называл энергичный поступок французского министра нападением из засады и разбоем. Послы северных дворов обратились к Казимиру Перье с запросом о том, существует ли ещё в Европе публичное право. «Публичное право в Европе, — ответил он гордо, — защищаю я; неужели вы думаете, что легко соблюдать договоры и мир? Необходимо, чтобы была соблюдена также и честь Франции; она-то и предписывает мне то, что я делаю. Я имею право на доверие Европы, и я рассчитываю на него». Перед такой твёрдостью в конце концов преклонились все. Австрийский двор продолжал поносить Францию, но не осмелился потребовать эвакуации Анконы; даже римский двор, и тот принуждён был безропотно смотреть на то, как над стенами этого города развевалось знамя *революции*; конвенцией 16 апреля было постановлено, что французские войска останутся там до тех пор, пока австрийские не будут удалены из легатств.

X

Меттерних отлично понимал, не сознаваясь, впрочем, в этом, что в данный момент судьба Италии находилась в руках Франции и что стоило новому гарнизону Анконы дать сигнал, как революция охватила бы в несколько дней всю страну от Альп до Мессинского пролива и даже далее. Поэтому он счёл за лучшее не доводить июльское правительство до крайности упорным сопротивлением договору 24 статей. Может быть, несмотря на всё, он продолжал бы упорно отвергать это соглашение, если бы вместе с ним продолжала противиться и Пруссия. Но когда берлинский

двор решил отказаться от сопротивления, то и он со своей стороны уступил: 18 апреля договор, окончательно признававший бельгийское государство, был утверждён одновременно от имени Франца I и Фридриха-Вильгельма III¹.

Если прусское правительство несмотря на тесные узы, связывавшие его с нидерландским двором², в конце концов оставило его без поддержки, то это объясняется тем, что пример такой перемены политики был подан Россией. Император Николай I, расположенный более всякого другого государя оказывать покровительство нидерландскому королю, старший сын которого был его зятем, сам послал в феврале одного из своих советников, князя Орлова³, к этому государю с поручением склонить его на уступки; затем, так как голландское правительство продолжало упорно требовать важных изменений в договоре⁴, он дал ему понять, что не одобряет его требований и не может более оказывать ему поддержку (конец марта 1832 г.)⁵.

¹ Обе великие германские державы согласились, правда, на договор с некоторыми незначительными оговорками, которыми они и воспользовались впоследствии для того, чтобы вызвать новые затруднения; об этом см. в следующей главе.

² Не следует упускать из виду, что Вильгельм I, нидерландский король, был по матери двоюродным внуком Фридриха Великого и что он был женат на сестре прусского короля Фридриха-Вильгельма III.

³ Князь Орлов (Алексей Фёдорович) родился в Москве в 1786 г.; адъютант великого князя Константина Павловича; командир лейб-гвардии конного полка во время восстания декабристов, в подавлении которого принимал деятельное участие (декабрь 1825 г.); командовал дивизией в войне против турок, затем назначен для переговоров о мире в Адрианополе (сентябрь 1829 г.); чрезвычайный посол в Константинополе (1830); отправлен с поручениями в Польшу (1830—1831), затем послан в Лондон для переговоров по бельгийским делам (1832); поставлен во главе армии, отправленной царём на помощь султану; главный автор договора в Ункиар-Искелесси (1833); назначен последовательно генералом от кавалерии, членом государственного совета, шефом жандармов (1844), начальником тайной полиции; принимал участие в Берлинской и Ольмюцкой конференциях в 1853 г.; был послан в Вену в начале 1854 г. с секретным поручением своего государя, но не имел успеха; представитель России на Парижском конгрессе 1856 г.; получил титул князя; был назначен председателем государственного совета; умер в С.-Петербурге в 1861 г.

⁴ А именно: 1) изменения статьи, относящейся к плаванью по внутренним водам и к праву проведения судов и установки бакеюв на Шельде; 2) отмены проекта дороги или канала в Лимбурге для бельгийцев; 3) капитализации части долга, возложенного на Бельгию; 4) соглашения относительно ликвидации дел синдиката для погашения долгов, соответственно с прежними предложениями голландского кабинета; 5) расширения территории в Лимбурге; 6) дальнейших переговоров по вопросу о Люксембурге.

⁵ Договор 24 статей был ратифицирован русским правительством в начале мая.

Уступчивость царя по отношению к планам Англии и Франции была бы непонятна, в особенности после его победы над поляками, если бы она не находила себе объяснения в восточном вопросе, который в этот момент более, чем когда бы то ни было, занимал с.-петербургский кабинет. После капитуляции Варшавы Николаем принуждён был обратить своё внимание сначала на Грецию, а затем на Турцию, где, казалось, готовились совершиться новые грозные события. В первом из этих двух государств его влияние подверглось опасности вследствие смерти Каподистрии, убитого в Навплии братьями Мавромихалис 9 октября 1831 г. Брат убитого¹ попытался было наследовать его власть. Но большая часть Греции встала против него, и он вынужден был оставить свой пост 10 апреля 1832 г. Русский император в течение нескольких месяцев был занят переговорами, с одной стороны, с Францией и Англией, а с другой — с Портой по вопросу о том, чтобы дать Греции короля и путём расширения её территориальных пределов обеспечить себе её признательность. В описываемый нами момент это дело было близко к благополучному окончанию. Протокол 7 мая 1832 г., подписанный в Лондоне, предоставлял греческую корону юному Оттону Баварскому² и обещал ему гарантии, ранее предложенные Леопольду. Этот протокол давал ему также надежду на то, что пределы его государства, ограниченного пока устьем Аспропотамоса, будут расширены до Артского залива³. С этой стороны политический горизонт, казалось, наконец, прояснился. Но он омрачался всё более и более со стороны Турции, где султану, совершенно обессилевшему в бесплодных попытках провести реформы, грозила опасность со стороны самого могущественного из его вассалов. Египетский паша, Мехмед-Али, обманутый в своей надежде получить управление Мореей, попытался вознаградить себя завоеванием Сирии⁴. Его сын Ибрагим проник с войском в эту страну; с декабря 1831 г. он осаждал Сен-Жан-д'Акр. Эта крепость была накануне падения; и царь, сберегая свои силы, чтобы взять на себя защиту Махмуда, ставшего, так

¹ Иоани-Мария-Августин, граф Каподистрия, умер в 1842 г.

² Сын короля Людвига Баварского; родился 1 июня 1815 г.; греческий король с 1832 г.; низвергнут в 1862 г.; умер в Бамберге 26 июля 1867 г., не оставив детей от брака с принцессой Амалией Ольденбургской.

³ Действительно, Порта согласилась на эту уступку 16 сентября за вознаграждение в 12 миллионов пиастров.

⁴ Он утверждал, что имел основание жаловаться на пашу Сен-Жан-д'Акра, и, несмотря на протест султана, намеревался сам отомстить за себя.

сказать, его вассалом, был, понятно, очень мало расположен к тому, чтобы вызывать новые осложнения на Западе.

Словом, к середине 1832 г. Европа, на короткое время приведённая в замешательство июльским переворотом, почти успокоилась. Договоры 1815 г. подверглись большим изменениям. За Францией было признано право самостоятельно распоряжаться собой. Бельгия была освобождена и объявлена нейтральной. В Италии теперь уже не распоряжалась исключительно одна Австрия. Но Польше не удалось сломать свои оковы. Были попытки восстановить Священный союз, но они оказались неудачными. Революции помешало то самое государство, которое готово было вызвать её в 1830 г. Равновесие, кое-как установившееся между державами, казалось, имело своим главным защитником того энергичного министра, которому Луи-Филипп против воли принуждён был с марта 1831 г. подчиняться. Таково было положение дел в тот момент, когда умер (16 мая) Казимир Перье, унесённый эпидемией холеры, свирепствовавшей тогда в Париже¹.

¹ *Источники:* *Anonyme*, das Koenigsthum in Belgien; — *Aramiński* (S.), Histoire de la révolution polonaise; — *Balleydier* Histoire de l'empereur Nicolas; — *Bavay* (de), Histoire de la révolution belge de 1830; — *Belliard* (général) Mémoires; — *Blanc* (L.), Histoire de dix ans, t. I, II, III; — *Bollaert* (W.), The wars of succession of Portugal and Spain; — *Broglié* (duc de), Souvenirs; — *Bulwer*, Life of Palmerston; — *Canitz-Dallwitz* (baron de), Denkschriften, t. I; — *Cantú*, della Indipendenza italiana, t. II; — *Capéfigue*, l'Europe depuis l'avènement du roi Louis-Philippe, t. I—VI; — *Carné* (L. de), la Belgique, sa révolution et sa nationalité (Revue des Deux Mondes, 15 mai, I-er et 15 juin 1836); — *Deventer* (van), Cinquante années de l'histoire fédérale de l'Allemagne; — *Gervinus*, Histoire du XIX-e siècle, t. XIX, XX, XXI, XXII; — *Guizot*, Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps, t. II; — *Haussonville* (comte d') Histoire de la politique extérieure du gouvernement français (1830—1848), t. I; — *Hillebrand*, (K.), Geschichte Frankreichs (1830—1870), t. I; — *Hubbard*, Histoire contemporaine de l'Espagne, t. II; — *Lelwel* (J.), Histoire de Pologne; — *Lesur*, Annuaire historique, années 1830—1832; — *Lytton-Bulwer*, Essai sur Talleyrand; — *Metternich* (prince de), Mémoires, documents et écrits divers, t. V; — *Mierostawski*, Histoire de Pologne; — *Montalivet* (comte de), la Politique conservatrice de Casimir Périer (Revue des Deux Mondes, I-er février 1882); — *Nothomb*, Essai historique et politique de la révolution de Belgique; — *Rochechouart* (comte de), Souvenirs; — *Salvandy* (de), Seize mois, ou la révolution et les révolutionnaires; — *Saint-René Taillandier*, le roi Léopold et la reine Victoria; — *Thiersch*, de l'Etat actuel de la Grèce; — *Thureau-Dangin*, Histoire de la monarchie de Juillet, t. I et II; — *Wellington*, Civil and political Correspondence; id., Speeches in Parliament, etc.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

«СЕРДЕЧНОЕ СОГЛАСИЕ»

II. Западные государства и северные дворы в 1832 г. — II. Бельгийские дела; трактат 22 октября и осада Антверпена. — III. Восточный вопрос: Махмуд, Мехмед-Али и Николай I; Кутахский и Ункиар-Искелесский договоры. — IV. Политика Священного союза: Теплиц и Мюнхенгретц. — V. Меттерних и контрреволюция. — VI. Португалия, Испания и четверной союз.

(1832—1834)

I

Контрреволюция, представленная тремя великими северными державами, некоторое время находила поддержку у Казимира Перье, который вместе с тем умел сдерживать её. После него она снова стала более беспокойной и более дерзкой.

Едва этот государственный деятель сошёл со сцены, как и само июльское правительство чуть не было сметено двойным кризисом. Герцогиня Беррийская, высадившись в Провансе, проследовала оттуда в Вандею и там подняла в конце мая 1832 г. восстание легитимистов во имя своего сына (как претендента на французский престол). Несколько дней спустя республиканская партия, уже показавшая свою смелость и энергию в разных восстаниях, взялась в Париже за оружие и выдерживала на улицах столицы настоящие сражения с войсками *короля-буржуа* (5—6 июня). Правда, это двойное восстание было достаточно быстро подавлено. Однако в результате получилось моральное смятение, которое ещё в течение нескольких месяцев давало себя чувствовать во Франции, и это долго мешало найти преемника Казимиру Перье. Пост председателя совета министров был предложен Талейрану, потом Дюпену. И тот и другой отказались. Оставаясь вплоть до октября без руководителя, министерство, лишённое своего главы, было беспомощным внутри страны и не пользовалось авторитетом за границей. Англия, содействием которой так дорожил Луи-Филипп, тоже страдала от внутреннего недуга, стеснявшего её

свободу действий. Лорд Грей после борьбы, взволновавшей всю страну, провёл наконец свой билль об избирательной реформе (4 июня)¹; а теперь ему угрожала ирландская агитация, более грозная, чем когда-либо; казалось, что она ещё долго будет парализовать его политику².

Зато Пруссия, Россия и Австрия, всё укрепляясь, заняли по отношению к Европе угрожающее положение. Они собрались с силами. Русский император, разгромив Польшу, грубо руссифицировал эту несчастную страну, нигде не встречая отпора. Император австрийский и король прусский не только со всей строгостью поддерживали в своих владениях порядок, т. е. всеобщее молчание и покорность, но ещё оказывали сильное давление и на Франкфуртский сейм, который по их наущению издал две серии декретов (28 июня — 5 июля). Одни должны были свести на-нет во всей Германии парламентские права и подчинить конституции и парламенты надзору федеральной власти; другие должны были возобновить и даже усилить репрессивные меры, принятые в 1819 г. относительно прессы и университетов; не допускать образования никаких обществ, никаких народных манифестаций и, зорко выслеживая, предупреждать и подавлять всякие происки иностранных пропагандистов³.

¹ Этот билль заменил господствовавшую до того времени в Англии позорную олигархию сравнительно справедливой избирательной системой, способной внушить бодрость британской демократии. С одной стороны, билль устанавливал некоторое соответствие между числом представителей и количеством населения в городах, местечках и графствах; с другой (и это был большой шаг вперёд) — устанавливал следующий избирательный ценз: «Впредь избирателем мог быть в городах всякий нанятель дома с наёмной платой в 10 фунтов стерлингов (250 фр.), имеющий в этом городе постоянное место жительства; в графствах избирателями становились, кроме фригольдеров (земельных собственников) с доходом в 40 фунтов стерлингов копнгольдеры и держатели 60-летней аренды на тех же условиях (10 фунтов стерлингов дохода). Лица, которые имели аренду на 20 лет или на сроки по усмотрению собственника (tenant at will), становились избирателями только в том случае, если платили аренду в 50 ф. ст.». Итак, Англия была ещё далека от всеобщей подачи голосов. Но это был первый шаг к той цели, к которой она с тех пор непрерывно приближалась.

² Эмансипация католиков, вотированная в 1829 г. после навсегда памятной парламентской борьбы, не удовлетворила ирландцев, находившихся с давних времён под ужасным гнётом. Они желали тогда, как и теперь, аграрной эмансипации и национальной автономии. Защитником их интересов являлся выдающийся агитатор О'Коннель, который ещё долго оставался самым стойким борцом за поправные права ирландцев.

³ Некоторые немецкие государи должны были в 1830 г. дать своим подданным конституции. Другие с трудом боролись против возраставшей смелости своих парламентов. Идея германского объединения приобретала всё большую популярность и громко проповедывалась на бурных собраниях, например в Гамбхе (27 мая 1832 г.). Постановления сейма

II

Не одни только три могущественных северных государя чувствовали себя смелее ввиду затруднений, испытываемых Англией и Францией. Нидерландский король тоже приободрился: он ещё не признал бельгийской революции и всё ещё рассчитывал добиться пересмотра Двадцати четырёх статей. Против этого договора гаагский двор выдвинул много возражений. В особенности не соглашался он предоставить Бельгии те средства сообщения — водные и сухопутные, — которые Лондонская конференция обещала новому государству за счёт Голландии; или, если и соглашался, то на очень тяжёлых условиях. Он требовал, чтобы часть долга, переложённая на брюссельское правительство, была уплачена сразу всей суммой, а не в виде ренты. Он не был также удовлетворён предоставленной ему частью территории Лимбурга. Уступая желанию гаагского двора, северные державы ратифицировали Двадцать четыре статьи лишь с оговоркой относительно изменений, которые должны были быть внесены путём непосредственного соглашения между Брюсселем и Гаагой. Старый король Вильгельм соглашался вступить в переговоры с Леопольдом только после того, как конференция в новом договоре формально санкционирует своё решение. Это требование не было удовлетворено Лондоном, и после нескольких месяцев сопротивления гаагский двор выказал, наконец, готовность вступить в переговоры с Брюсселем. Но бельгийский двор уже давно настаивал на том,

от 28 июня имели следующее содержание: 1) германские государи связаны конституциями лишь в том смысле, что они должны обращаться к содействию палат только для осуществления некоторых вполне определённых прав (т. е. народный суверенитет в корне отвергался); правительства должны отклонить петиции представительных учреждений, если они будут противоречить этому правилу; 2) отказ палат от вотирования налогов есть начало бунта; сейм обязывался силой подавлять таковой, даже если к нему не обращались за содействием; 3) внутреннее законодательство каждого отдельного государства не должно итти вразрез с целями Союза или препятствовать исполнению союзных обязанностей; 4) сейм назначит (сначала на 6 лет) комиссию для наблюдения за парламентскими прениями; 5) правительства союзных государств обязуются принять меры против всяких нападков парламентов против Союза; 6) исключительное право толковать союзный договор и венский заключительный акт принадлежит сейму. — Резолюция 5 июля говорила о предупреждении и подавлении революционных происков. Она возобновляла и, в частности, даде значительно усиливала репрессивные меры, уже принятые раньше сеймом по отношению к прессе, политическим союзам, народным празднествам и собраниям, мятежным эмблемам, университетам, а также постановления, касавшиеся полиции и военной помощи, которую обязаны были оказывать друг другу союзные государства, и т. д.

стороны, он мог заявить в Европе, что французы предприняли поход на Шельду не в качестве бельгийских союзников и не в качестве зачинщиков революции, а исполняя дипломатическое поручение от имени всей Европы и в её интересах; с другой стороны, англичане понимали, что бельгийцы долго не простят французам унижения, которому они должны были подвергнуться, и этот расчёт был не лишён основания.

Лондонский и парижский кабинеты силились доказать северным державам, что договор 22 октября не угрожал европейскому равновесию. Это им не вполне удалось. Особенно недовольна была Пруссия, что вскоре вылилось в угрожающие приготовления, направленные против Франции. Престарелый король Фридрих-Вильгельм, человек довольно мирного характера, поддался одно время влиянию военной партии; ссылаясь на то, что Бельгия была объявлена нейтральной, он собрался было воспрепятствовать операциям французской армии в этой стране. В начале ноября он открыто двинул свои войска к Маасу, и маршал Сульц должен был на всякий случай принять серьёзные меры к отпору. Но берлинский двор в 1832 г., так же как и в 1830 г., не хотел начинать без союзников войну, которая могла стоить ему Рейнской провинции. Помощь России и Австрии казалась ему теперь более необходимой, чем когда-нибудь. Но, так же как и в 1830 г., ему не удалось её получить.

Царь, может быть, очень желал померяться силами с Францией. Но его армия могла выступить только через 6 месяцев, как он об этом и сообщил Фридриху-Вильгельму. Что касается австрийского императора, то, разумеется, он не питал особенно нежных чувств к Луи-Филиппу. Не имея уже для устрашения под рукой герцога Рейхштадтского, который незадолго перед тем умер¹, он приютил в Чехии Карла X и его семью, предоставив им все удобства для устройства заговоров против июльской монархии². Но, с другой стороны, Австрия не имела особенного желания поощрять честолюбивые замыслы Пруссии, которая как раз в это время приобретала всё большее влияние в Германии благодаря таможенным договорам, из которых в скором времени

¹ 22 июля 1832 г., двадцати одного года.

² Градчин, резиденция, предоставленная в Праге в распоряжение экс-короля австрийским императором, сделался местом политического паломничества французских легитимистов; до самой смерти Карла X они постоянно посещали своих принцев для переговоров о том, как бы свергнуть Луи-Филиппа и возвести на престол Генриха V. Относительно этих интриг см. Мемуары Меттерниха, т. V и VI. (*Metternich, Mémoires, documents...*)

должен был вырасти Таможенный союз (Цоллферейн)¹. Поэтому венский двор, заявляя о своей безграничной преданности берлинскому двору и о своём желании доказать это на деле, ответил всё же, что в настоящий момент большая часть его войск занята наблюдением за Италией и Швейцарией и не может участвовать в наступательных операциях в Бельгии; однако, если война будет угрожать территории Германского союза, Австрия присоединится к Пруссии.

Лично Фридрих-Вильгельм искал только покоя. Поэтому он не стал ничего предпринимать, и договор 22 октября был выполнен, не встретив противодействия со стороны великих держав. В то время как англо-французский флот блокировал нидерландские берега, маршал Жерар около 15 ноября проник во главе прекрасной армии в Бельгию; он осадил Антверпен. После 24 дней упорного сопротивления крепость сдалась (23 декабря), и кампания была закончена. Верный своим обещаниям тюрингский кабинет тотчас отозвал свои войска, которые возвратились во Францию в январе 1833 г. Обе западные державы проявили после победы большую сдержанность, тогда как могли быть очень бесцеремонными. Они снова вступили в переговоры с нидерландским королём. Неудачи не сделали последнего особенно

¹ Цоллферейн был учреждён 22 марта 1833 г. договором, объединявшим общим таможенным законодательством следующие девять государств: Пруссию, Ангальт-Бернбург, Ангальт-Дессау, Гессен, Баварию, Вюртемберг, Гогенцоллерн-Гехинген, Гогенцоллерн-Зигмаринген, Гессен-Дармштадт. К этому договору 30 марта 1833 г. присоединилось королевство Саксонское, а 11 мая того же года — те государства, которые раньше образовали Тюрингский союз (Саксен-Веймар, Саксен-Мейнинген, Саксен-Кобург-Гота, Шварцбург-Рудольштадт, Шварцбург-Зондерсгаузен, Рейс-Шлейц, Рейс-Грейц и т. д.). Союзный договор содержал следующие три основные положения: одинаковые ввозные пошлины на границах, свобода внутренней торговли, общность таможенных доходов. «Характерной особенностью законодательной власти было требование полного единогласия в решениях. Большинство никогда не делало закона. В совещаниях Цоллферейна царил полное равенство». Уполномоченные союзных государств ежегодно собирались по очереди в какой-нибудь столице; они должны были составлять годовой отчёт, судить о всех случаях нарушения договора, разбирать споры, обсуждать предлагаемые нововведения и т. д. К союзу скоро присоединились: Гессен-Гомбург, Баден, Нассау (1835), Франкфурт-на-Майне (1836), Липпе-Детмольд, Брауншвейг, княжество Вальдек (1841), Люксембург (1842). Несколько государств, образовавших «Штейерферейн», т. е. *Налоговый союз* (Ганновер, Ольденбург, Шаумбург-Липпе), дольше не присоединялись к Цоллферейну, точно так же как города Бремен, Гамбург, Любек и два герцогства Мекленбургских. Заключённый сроком на 12 лет, Цоллферейн был продолжен на такой же срок в 1841 и 1853 гг. Австрия, как мы увидим дальше, начиная с 1848 г. тщетно старалась войти в союз. С 1866 г. и в особенности с 1871 г. таможенный союз предусматривался самой конституцией новой Германии.

сговорчивым, так как он умудрился, пользуясь всякими проволочками и формальностями, оттянуть ещё на несколько месяцев исполнение того, к чему принуждали его обе державы. Наконец, видя, что никто не приходит к нему на помощь, он дал своё согласие на договор, который был подписан 21 мая 1833 г. в Лондоне и устанавливал между Бельгией и Нидерландами *modus vivendi* в духе Двадцати четырёх статей. Англия и Франция сняли блокаду, возвратили пленных и секвестрованные корабли; за это нидерландский король открыл бельгийцам торговые пути по Шельде и Маасу и обязался уважать нейтралитет нового государства, о чём должно было быть заключено непосредственное соглашение между ним и Леопольдом. Без сомнения, он предполагал оттянуть это соглашение новыми придирами, и действительно ещё в течение 5 лет он отказывался от официального его заключения. Но фактически Бельгия после акта 21 мая уже не подвергалась никаким посягательствам со стороны своего прежнего повелителя.

III

Мотивы, изложенные выше, не были единственными, почему Австрия и Россия отклонили предложения Пруссии, когда последняя хотела увлечь их по направлению к Маасу. Восток снова отвлёк внимание Вены и в особенности С.-Петербурга от Запада. Вскоре вся Европа перестала обращать внимание на Бельгию, и взоры дипломатов перенеслись с Антверпена на Константинополь.

Оттоманской империи более, чем когда-либо, угрожало крушение. Но на этот раз опасность надвигалась не со стороны Греции. Это маленькое государство имело теперь своего короля¹ и в настоящий момент только и думало о том, как бы залечить раны, причинённые двенадцатью годами внешней и внутренней войны, создав у себя правильно функционирующее управление. На этот раз возмущение против Махмуда поднялось из самых недр ислама: Мехмед-Али, повелитель Египта и Аравии, стал завоевывать Сирию и, казалось, не собирался на этом остановиться. 27 мая 1832 г. его сын Ибрагим овладел крепостью Сен-Жан-д'Акр, а немного спустя — Дамаском; затем (в июле), разбив турок при Хомсе и Бейлане, он не замедлил пройти ущелья Тавра.

¹ Молодой Оттон прибыл в Грецию 6 февраля 1833 г., но до его совершеннолетия регентом должен был состоять баварский министр фон Армансперг. Несколько месяцев спустя французские войска очистили Морею.

Султан поставил его вместе со всеми его приверженцами вне закона. Но это ничуть не остановило Ибрагима. Конец 1832 г. застаёт его уже в самом сердце Малой Азии. 21 декабря он разбил наголову при Конии великого визиря Решид-Мехмеда¹. Казалось, уже ничто не могло остановить его движения на Босфор. К тому же мусульманские народности и не оказывали ему сопротивления. Ибрагим, подобно своему отцу, постоянно заявлял о своей преданности трону османов. Он говорил, что идёт не разрушать его, а укреплять. Даже в самом Константинополе многие турки стали на его сторону. В глазах правоверных Махмуд был в некотором роде *глуром*: он ведь постоянно нарушал закон пророка и своими дерзкими новшествами навёл на империю несчастья последних лет. Сторонники янычар не могли простить ему уничтожения этой древней милиции; уже два года, как они волновались в различных провинциях, особенно в Боснии и Герцеговине. Короче, Ибрагиму, мстителю за Коран, нечего было бояться сопротивления Стамбула. Но зато Махмуд не сомневался, что, как только мятежник войдёт в столицу, он низложит его и убьёт, чтобы править самому от имени какого-нибудь другого принца Оттоманской династии. Ещё до сражения при Конии султан считал себя погибшим. Жажда власти и привязанность к жизни заглушили в нём всякое другое чувство: он стал униженно просить помощи у великих держав. Не все одинаково спешили помочь ему.

Ввиду положения, занятого Россией на Востоке после Адрианопольского мира, она, как и следовало ожидать, ответила на просьбу Порты безусловным согласием. Царю было выгодно, чтобы султан чувствовал себя в полной зависимости от него и как бы признавал себя его вассалом. И, напротив, ему было бы крайне неприятно, если бы Турецкая империя, возрождённая Мехмедом и Ибрагимом, могла обойтись без его помощи и возвратила себе прежнюю независимость по отношению к России. Николай I поспешил отправить к Махмуду в Константинополь одного из своих адъютантов, Муравьёва, поручив последнему предложить султану помощь и армией и флотом. Этот генерал имел также поручение отправиться в Александрию и постараться образумить египетского пашу; и действительно, он отбыл туда в первых числах января 1833 г.

Пруссия, которая охотно отстранялась от восточного вопроса, не желала компрометировать себя опрометчивыми

¹ Решид был раньше сераскиром (военачальником) в Румелии; в 1821 г. взял Мисолонги, а в 1827 г. Афины.

обязательствами. Австрия теперь, как и до 1830 г., боялась успехов России в Чёрном море и в Константинополе. Но она теперь больше всего опасалась революции и потому не решалась явно перечить царю, так как помощь последнего казалась ей необходимой для борьбы с революционным движением. Австрия решила поэтому лавировать и выжидать. Англия, интересы которой, как известно, диаметрально расходились с интересами России, была неспособна предпринять в этот момент что-либо влествие событий в Ирландии. К тому же незадолго перед тем она получила от императора Николая положительное заверение¹, что он не нарушит на Востоке равновесия, установленного договорами. Следует добавить, что лондонский кабинет имел и другую причину быть сдержанным. Он не вполне доверял Франции, которая под предлогом *сердечного согласия*, установленного между Лондоном и Парижем с 1830 г., могла завлечь Англию дальше, чем это было для неё желательно. Ей казалось, что Луи-Филипп хитрил, и она хотела ясно разобраться в его истинных намерениях, прежде чем следовать за ним.

Тюильрийский кабинет был в большой нерешительности; это бросало на него тень двуличности и подрывало к нему доверие. Ему приходилось выбирать между тремя решениями: вступить в тесное соглашение с царём по примеру Карла X, взять на свой страх защиту дела Махмуда, стать открыто на сторону Мехмед-Али. Но первое значило порвать с Англией, чего совсем не хотел тюильрийский кабинет; последнее значило нажать врага в лице Англии, всегда ревниво оберегавшей своё влияние на Востоке, и riskовать войной с Россией. Оставалось принять второе решение: поддержать султана в угоду лондонскому двору и таким образом не дать ему очутиться под протекторатом царя. Но с другой стороны, тюильрийский двор вовсе не желал, чтобы Мехмед-Али лишился всех плодов своих побед. Египетский паша уже давно имел у себя французов и в администрации и в армии. Франция считала, что он находится под её покровительством; он был очень популярен в Париже. Если бы Франция не поддержала пашу, то парламент, пресса и общество не простили бы этого июльскому правительству. Из этого ясно, в каком затруднении находилось министерство 11 октября. Не удивительно, что ему не удалось выйти вполне с честью из этого положения.

¹ Министерство Грея послало около середины 1832 г. лорда Дергема в С.-Петербург, для того чтобы ознакомиться со взглядами Николая I на восточный вопрос.

После отозвания Гильемино¹ тюильрийский кабинет имел в Константинополе только поверенного в делах, Варенна². Не имея ни авторитета, ни полномочий посла, Варенн счёл, однако, своим долгом в противовес русскому влиянию предложить Порте свои услуги и взялся повлиять на Ибрагима и Мехмед-Али. Он написал им письма: победителя при Конии он от имени Франции приглашал приостановить наступление; египетскому паше он рекомендовал согласиться на те условия, которые должен был ему предложить уполномоченный султана Халил-паша. Эти условия заключались в том, что египетскому паше предлагали четыре южных пашалыка Сирии (Сен-Жан-д'Акр, Наплузу, Сайду, Иерусалим); но Мехмед-Али требовал себе всю Сирию, а также округ Аданы (в Малой Азии) и даже часть бассейна Тигра и Евфрата. Французский консул в Александрии поддерживал его притязания, очевидно, с ведома своего правительства. Поэтому Мехмед мог думать, или делать вид, что думает, что поведение Варенна вызвано дипломатическими соображениями, а не выражает истинного отношения июльского правительства к Египту. В результате он отверг предложения Порты, между тем как Ибрагим, не смущаясь заявлениями Варенна, продвинулся в Малой Азии до Кутахи.

Узнав, что египетская армия отказалась приостановить наступление, Махмуд пришёл в такой ужас, что без дальнейших размышлений, прямо обратился за помощью к русскому флоту (конец января 1833 г.). Русский посол Бутенев объявил, что через несколько дней севастопольская эскадра появится перед Константинополем. Тем временем Муравьёв возвратился из Александрии. Эта миссия ему до некоторой степени удалась; Мехмед дал, наконец, Ибрагиму приказание остановиться. Это было новым успехом для русской политики. Но если египтяне не угрожают Босфору, зачем

¹ Гильемино (Арман-Шарль, граф) родился в Дюнкерке 2 мая 1774 г.; подпоручик в армии Дюмурье в 1792 г.; адъютант Моро в 1798 г.; после заговора Кадуалы был уволен в отставку; возвращён на службу в 1805 г.; бригадный генерал в 1808 г.; дивизионный генерал в 1813 г.; при Реставрации назначен членом комиссии для защиты королевства (1818) и хранителем военного архива (1822); начальник главного штаба при армии герцога Ангулемского в Испании (1823); пэр Франции (9 октября 1823 г.); посол в Константинополе (1824), откуда он был отозван 2 ноября 1831 г.; умер в Бадене 14 марта 1840 г.

² Варенн (Жак-Эдуард, барон Бюриньо) родился в Шалон-сюр-Сон в 1795 г.; при Реставрации секретарь посольства, посланник в Португалию во время июльской монархии; депутат от департамента Шалон-сюр-Сон с 1842 до 1846 г.; исключён из состава дипломатического корпуса в 1848 г.; посланник в Берлине (1852); отозван и назначен сенатором в 1853 г.; умер в Кремелоне в сентябре 1873 г.

вызывать туда царский флот? По просьбе Франции, поддержанной Англией и Австрией, султан потребовал, чтобы русский флот остался в Крыму. Но — по вине ли Бутенева или по другой какой причине — соответствующий приказ не дошёл во-время до места назначения, и 20 февраля флот Николая I бросил якорь перед дворцом султана.

В этот момент в Константинополь прибыл адмирал Руссэна¹, которого кабинет 11 октября только что аккредитовал в качестве посла при турецком султани. Это был человек смелый, очень гордый и близко принимавший к сердцу достоинство своей страны. Его раздражал вид русского флага. Он попросил и даже потребовал его удаления. Махмуд и его министры, не без здравого смысла, ответили ему, что если он окажется достаточно сильным для того, чтобы заставить Ибрагима и Мехмеда принять условия, которые тщетно предлагал им в Египте Халил, то его желание будет немедленно удовлетворено. Адмирал, недолго думая, объявил, что всё принимает на себя (24 февраля), и на следующий день написал старому паше и его сыну письма в повелительном тоне, приглашая их умерить свои требования и помириться на четырёх округах южной Сирии.

Руссэна писал и говорил, как истый француз. Без сомнения, он и действовал бы так же, если бы для поддержки своих притязаний располагал флотом, как у Лиссабона. К несчастью, у него не было никаких средств принуждения. Луи-Филипп ни за что не желал воевать. Мехмед-Али, который прекрасно догадывался об этом, не обратил никакого внимания на заявления французского посла. Впрочем, в Александрии французский консул Мимо² продолжал, по крайней мере в своих конфиденциальных переговорах с пашой, говорить совершенно в другом тоне, чем говорил в Константинополе французский адмирал. Ввиду всего этого ответ, который получил последний от паши, совершенно

¹ Руссэна (Альбин-Рейн, барон) родился в Дижоне 21 апреля 1781 г.; в 12 лет простой юнга; капитан в 1814 г., контр-адмирал в 1822 г.; член Академии наук (25 января 1830 г.); командовал эскадрой, форсировавшей устье реки Тахо 14 июля 1831 г.; вице-адмирал (26 июля 1831 г.); цэр Франции (11 октября 1832 г.); посол в Константинополе с 14 октября 1832 г. по 18 сентября 1839 г.; морской министр (с 1 марта по 29 октября 1840 г.); адмирал с 30 октября 1840 г.; снова морской министр с 7 февраля 1843 г.; уволен в отставку 24 июля того же года; умер в Париже 21 февраля 1854 г.

² Мимо (Жан-Франсуа) родился в Мерю (департамент Уазы) в 1774 г.; генеральный секретарь министерства иностранных дел Итальянского королевства (1805); французский консул в Кальяри (1814), в Картагене (1817), в Венеции (1826), в Александрии (1829); генеральный консул там же (1830). автор довольно многочисленных исторических и литературных трудов; умер 31 января 1847 г.

не соответствовал необдуманному обязательству, принятым им по отношению к Порте. Мятежный вассал продолжал настаивать на всех требованиях, предъявленных им раньше своему суверену.

Неудача Руссэна вызвала у султана новый приступ ужаса: он не только не отверг помощь русского флота, но попросил усилить его и прислать десантный отряд (20 марта). Две недели спустя 10—12 тысяч царских солдат прибыли в Константинополь и Скутари. Впрочем, это был только авангард. Настоящая армия формировалась в Дунайских княжествах, и понадобилось бы всего несколько недель для того, чтобы перевести её на Босфор. На этот раз Австрия и Англия, до сих пор державшиеся спокойно, забили тревогу и без лишнего торга решили помочь Франции. Представители трёх держав, не дожидаясь даже прибытия русских войск, энергично и дружно потребовали от Махмуда, чтобы он сделал своему вассалу уступки, достаточные для того, чтобы успокоить его. Надо было возможно скорее помирить султана с пашой и таким образом добиться удаления русских войск. Турецкий монарх тем более не стал противиться этим настояниям, что и Россия ничего не имела против значительного увеличения владений Мехмед-Али. Санкт-петербургскому кабинету даже было выгодно, чтобы Порта принесла новые жертвы. В самом деле, чем более она ослабевала бы и чем более угрожающим становилось бы её положение, тем сильнее росла бы у неё потребность или отомстить за себя, или защищать своё существование и тем больше она нуждалась бы в помощи царя. Словом, теперь уже вся Европа советовала Махмуду не упорствовать; в конце марта он уступил. Французу Варенну было поручено вместе с турецким чиновником начать с Ибрагимом переговоры о мире. Дело не представляло никакой трудности. Всё было окончено довольно быстро. В конце апреля мир был в принципе заключён. Он был объявлен официально в первых числах мая двумя хатти-шерифами султана: с Мехмед-Али снималось всякое осуждение; ему сверх его прежних владений отдавалась вся Сирия и округ Адана. Малая Азия оставалась, таким образом, под ударом египетского оружия; паша, более могущественный, чем его государь, мог считать своё восстание удавшимся. Но надо заметить, что Махмуд не был добросовестен, и даже в тот самый момент, когда, казалось, он покорялся своей печальной судьбе, турецкий султан уже давал себе слово в недалёком будущем взять реванш.

В конце мая Ибрагим начал отступление. Через шесть недель его войска были водворены в пределы владений, предоставленных его отцу или ему самому. Россия не имела

более никакого предлога занимать Босфор и оба его берега. Когда ей предложили отозвать свой флот и свою армию, она сделала вид, что самым добросовестным образом подчиняется этому требованию и к 10 июля совершенно очистила занимаемую ею турецкую территорию. Но скоро выяснилось, почему она была так сговорчива. За два дня до этого Орлов, близкий советник царя, заключил с Портой секретный Ункиар-Искелесский договор, который ставил Турцию в полную вассальную зависимость от Российской империи.

Этим договором обе стороны заявляли о заключении ими на восемь лет оборонительного союза против всех своих врагов: внешних и внутренних; при этом каждый из союзников давал обещание в случае нужды предоставить все свои силы в распоряжение другого. Если вспомнить, какие опасности угрожали Турецкой империи и как легко могла Россия смутить её покой, то станет ясным, что при желании царь всегда мог снова произвести вооружённую интервенцию в Константинополе. Со своей же стороны царь отнюдь не намеревался открыть турецкому флоту и армии доступ на свою территорию. В дополнительной статье говорилось, что даже в том случае, если бы Россия была вправе потребовать помощи своей союзницы, последняя была бы освобождена от обязанности предоставить её. У султана просили помощи чисто отрицательного порядка, но исключительно ценной с точки зрения царя: султан должен был только закрыть Дарданеллы для всех врагов России. Действительно, подобного рода обязательство делало русское государство почти неуязвимым. Если Россия и могла ждать в недалёком будущем нападения, то только со стороны Англии или Франции. С суши эти державы не могли напасть на неё, потому что им надо было бы пройти через Германию. На Балтийском море военные операции были возможны лишь в течение небольшой части года; только со стороны Чёрного моря можно было нанести России чувствительные удары. Если с этой стороны России не приходилось ничего опасаться, то она могла позволить себе всё, что угодно, по крайней мере против Запада; равновесия в Европе отныне не существовало.

Парижский и лондонский дворы не замедлили узнать об Ункиар-Искелесском договоре. Разумеется, они всполошились. Объяснения были затребованы как у России, так и у Турции. Ни та, ни другая не дали вполне удовлетворительных ответов. Англия и Франция послали в Архипелаг сильные эскадры. В продолжение нескольких месяцев в дипломатических кругах полагали, что не исключена возможность разрыва и войны между этими державами и Россией.

IV

Австрия была обеспокоена не менее, чем две западные державы. Но её положение было ещё более затруднительным, так как она не желала ссориться с С.-Петербургом. Меттерних начиная с 1830 г. заметно сближался с царём. И теперь, когда он собирался восстановить в Европе — главным образом при помощи России — Священный союз монархов, мысль порвать с царём пугала его. Во всяком случае верный своей тактике — выиграть время и откладывать решение трудных вопросов, — он и в данный момент желал только, чтобы царь не воспользовался немедленно Ункиар-Искелесским договором и уполномочил его успокоить Европу относительно своих намерений. Для того чтобы склонить его на такие уступки, он и заставил своего монарха пригласить русского императора на свидание, где он собирался, кроме того, приобщить его к великому делу контрреволюции. Не трудно догадаться, что последняя часть программы была в его глазах наиболее важной. Меттерних настаивал на том, чтобы три великие абсолютные монархии перед лицом всей Европы дали доказательство полного своего единения и твёрдой решимости воскресить славные дни Троппау и Лайбаха. Присоединение Пруссии к своей политике он считал не менее важным, чем присоединение самой России. И действительно, берлинский двор, казалось, готов был ускользнуть из-под австрийского влияния. Экономическая эволюция, начало которой мы отметили выше, была уже закончена. Благодаря новым договорам Цоллфереин стал совершившимся фактом. Опираясь на материальные интересы, Пруссия сделалась теперь вершительницей судеб почти всей Германии. Народ и союзные правительства не могли не оценить огромных выгод этого союза. Не сумев угадать значение этого экономического фактора и использовать его к выгоде Австрии, Меттерних не скрывал теперь от себя, что берлинский двор может захватить в свои руки гегемонию во всём германском мире, что он явно к этому стремится¹. Но, чтобы остановить

¹ Это показывает его доклад австрийскому императору (июнь 1833 г.) по поводу Цоллфереина. Приведём из этого доклада следующие строки: «Ряд государств, до сих пор независимых, принимает по отношению к своему более могущественному соседу обязательство, в силу которого они обещают в одной из важнейших отраслей государственных налогов сообразоваться с его законами, подчиняться его административным распоряжениям и его контролю. Равноправие между членами союза... уничтожается... и заменяется отношениями клиентов к патрону или опекаемых к опекуну. Внутри большого союза образуется малый союз — Status in Statu, который... возьмёт себе за правило рассматривать союзные планы и пожелания как нечто второстепенное и считаться

растущее влияние Пруссии, он не сумел придумать ничего лучшего, как пригласить эту державу снова выразить свою солидарность с венским двором по вопросу о контрреволюции. Он упускал из виду, что Пруссия, не мешая развитию реакционных мер, из которых она надеялась извлечь пользу для себя, постарается свалить на венский двор почти всю ответственность перед немецкой нацией, а в случае опасности не станет по-настоящему поддерживать Австрию.

Фридрих-Вильгельм так же, как и Николай I, был приглашён Францем I. Он прибыл в Теплиц в сопровождении двух своих советников: Бернсторфа¹ и Ансильона² и пробыл там с 7 по 16 августа. Ждали и русского императора,

с ними лишь в той мере, в какой они будут согласоваться с его собственными видами. Со временем государства, вошедшие в новый союз, мало-помалу сольются в одно более или менее компактное целое; это совершится под активным влиянием Пруссии и благодаря тем общим интересам, которые непременно создадутся. По всякому вопросу, который будет поднят на сейме, все члены союза будут высказываться и голосовать одинаково... Менее чем другая держава, она (Пруссия) поступится своим влиянием... так как её древние традиции, внутренняя сила и непоколебимая верность своим принципам призывают её к гегемонии в Германии, если бы последняя могла осуществиться. Поэтому Пруссия... непременно воспользуется приманкой материальных выгод для того, чтобы ослабить австрийское влияние при дворах, следующих её системе, чтобы сделать отношения к нам более холодными, чтобы заставить их обращать свои взоры с надеждой или страхом только на Берлин и, наконец, чтобы сделать Австрию тем, чем с точки зрения торговли она и теперь уже является по отношению ко всем этим государствам и чем с таким упорством и жаром изображают её прусские писатели, а именно — иностранным государством». Лучше сказать было трудно. Но почему Меттерних, постоянно хвастающийся своей прозорливостью, не предупредил столь грозных событий уже в 1815 или в 1820 г.?

¹ Бернсторф (Христиан, граф) родился в Копенгагене в 1769 г.; посланник Дании в Берлине, потом в Стокгольме; министр иностранных дел от 1797 до 1810 г.; посланник в Париже (1811); представитель Дании на Венском конгрессе (1814—1815); в 1818 г. перешёл на службу к прусскому королю, который назначил его министром иностранных дел, был представителем Пруссии на конгрессах в Аахене, Карлсбаде, Лайбахе, Вероне. Он был замещён Ансильоном в 1831 г. и умер в Берлине в июне 1835 г.

² Ансильон (Жан-Пьер-Фредерик) родился в Берлине 28 апреля 1766 г. Он принадлежал к французской семье, эмигрировавшей после отмены Нантского эдикта. Профессор Военной академии, потом член Королевской академии в Берлине, прусский историограф, руководил с 1806 г. воспитанием наследного принца и его двоюродного брата, Фридриха-Вильгельма-Людвига; автор исторических и философских трудов, снискавших ему большую известность; после 1815 г. служит в департаменте иностранных дел Пруссии в качестве советника посольства, потом — как директор политического департамента (1825); в 1830 г. был товарищем министра при Бернсторфе, которого сменил в июне 1831 г.; умер 19 апреля 1837 г.

но этот государь, замешкавшись в пути, мог прибыть в Чехию только в следующем месяце. К этому времени прусский король уже уехал, но его старший сын занял его место на новых совещаниях, происходивших в Мюнхенгреце 10—20 сентября и являвшихся естественным дополнением предыдущих.

Результатом всех этих переговоров между государями и министрами был ряд протоколов, содержание и значение которых мы сейчас изложим.

Что касается восточного вопроса, то Австрия и Россия обязывались поддерживать в Турции царствующую династию и объявляли, что они не потерпят никакой перемены, которая грозила бы независимости суверенной власти в Османской империи, путём ли установления регентства или перемены династии. Во всех тех случаях, когда заинтересованные стороны могли бы требовать исполнения Ункиар-Искелесского трактата, царь обязывался принимать моральное посредничество Австрии. Этот государь заявлял к тому же, что у него нет никаких честолюбивых замыслов и что он ничуть не стремится к увеличению своих владений за счёт Турции. Правда, он допускал, что настанет день, когда придётся, может быть, произвести раздел этой империи; но он давал обещание действовать в этом случае только в согласии с великими державами.

Польша, недавно ещё столь беспокойная и до сих пор ещё не умиротворённая, также, разумеется, привлекала внимание государей и дипломатов, собравшихся в Мюнхенгреце. Три великие державы, в своё время завладевшие этой страной, порешили между собой, что они гарантируют друг другу мирное обладание теми польскими провинциями, которые им достались при разделе Польши.

Был поднят также и бельгийский вопрос. Прусский наследный принц был весьма склонен к войне и в частности очень желал ссоры с Францией. Но его не послушались. Было постановлено, что независимость и нейтралитет нового государства останутся неприкосновенными; что великие державы немедленно уладят неразрешённые ещё недоразумения между Леопольдом и Вильгельмом; что, наконец, они возьмутся за оружие только в том случае, если разрешение бельгийского вопроса будет противоречить интересам Германского союза (который не желал поступиться своими правами на Люксембург); в этом последнем случае война должна была бы быть общей, и царь должен был бы доставить Пруссии по крайней мере 120 тысяч солдат.

Что касается Германии, то Меттерних старался показать в Теплице полную недостаточность декретов, изданных

сеймом в 1832 г. для обуздания революции. Пропаганда сторонников национального объединения и демократов более, чем когда-нибудь, волнует умы в Германии. Университеты продолжают свои разговоры. Политические общества, вроде «Молодой Германии», не поддаются устрашению. Парижские комитеты поддерживают брожение издалека. Дух возмущения веет по всей немецкой земле. Совсем ещё недавно (3 апреля) во Франкфурте вспыхнуло восстание, и сейм чуть было не разогнали; двум великим германским державам пришлось занять этот город своими войсками, для того чтобы предупредить более серьёзные беспорядки. Таковы проявления того зла, на источник которого австрийский канцлер всё время не переставал указывать. По его мнению, этим источником был парламентаризм, который он отвергал, отказываясь признавать даже его наиболее законные требования. Меттерних не допускал того, чтобы в случае несогласия между государем и палатой депутатов воля монарха не становилась неизбежно законом. Но в особенности порицал он право палат отказывать в разрешении на взимание налогов и возмущался при мысли, что правительство по недостатку денег должно будет покориться воле собрания. Прусский король, разделяя в сущности его взгляды, не мешал ему действовать. Ввиду этого в Теплице было решено, что в будущем году будет созвана в Вене конференция, на которой делегаты германских государей обсудят меры пресечения того зла, которое угрожало Германии. Это решение было без изменений утверждено в Мюнхенгреце.

Не ограничиваясь одной Германией, Меттерних хотел задушить, уничтожить или по крайней мере задержать революцию во всей Европе. Бельгия, Швейцария¹ и в особенности Франция со времени июльских дней представляли собой ряд убежищ, куда стекались все политические эмигранты и где космополиты-демократы без усталости готовили новые средства борьбы с установленными властями. Не являлись ли вполне законным учредить против крестового похода Анархии крестовый поход Порядка? В этом не сомневались ни Меттерних, ни большая часть государственных деятелей и монархов, собравшихся в Мюнхенгреце. Особенно протестовали сторонники Священного союза против принципа *невмешательства*. Для борьбы с ним они даже сочли нуж-

¹ В этой стране аристократия, желавшая сохранить свои привилегии, подвергалась резким нападкам со стороны радикально-демократической партии особенно с 1830 г.; последняя провозглашала в своей программе гражданское и политическое равенство; осуществления этой программы в главных частях она уже добилась (1831—1832) в кантонах: Золотурн, Фрейбург, Цюрих, Санкт-Галлен, Тургау и Базель.

ным связать себя формальным трактатом. Этот трактат провозглашал право каждого государя призвать на помощь Австрию, Пруссию и Россию или кого-либо другого в том случае, если ему будут угрожать *внутренние смуты* или внешние опасности; упомянутые государства могли, *сообразно собственным интересам и удобствам*, удовлетворить или отвергнуть просьбу. Трактат присовокуплял, что в случае, если какая-нибудь держава станет мешать такой помощи, то она будет объявлена общим врагом союзников, и последние примут самые решительные меры для *обуздания такой дерзости*. Почти таким же языком говорил в своё время Священный союз в Аахене и Вероне.

V

Инициатором и вдохновителем всех мюнхенгреских постановлений был Меттерних. Ему же надлежало, по возможности, обеспечить их исполнение. Что касается восточного вопроса, то австрийский канцлер довольно ловко маневрировал до конца 1833 г., стараясь предупредить разрыв между Россией и великими западными державами по поводу Ункиар-Искелесского договора. Он всеми силами старался доказать Англии и Франции, что в данный момент царь не угрожает независимости Оттоманской империи и что во всяком случае, если понадобится, он защитит её своим посредничеством. С другой стороны, он повёл дело так, что русский император заключил с Портой в январе 1834 г. конвенцию, по которой Дунайские княжества, занятые с 1828 г. русскими войсками, должны были быть, наконец, эвакуированы¹. Парижский и лондонский дворы перестали вооружаться, отозвали свои эскадры и сочли возможным возложить на дипломатию заботу об обуздании московского честолюбия. В Польше Меттерних должен был лишь охранять от всякого посягательства *status quo*. В данный момент это не представляло особой трудности. Что касается бельгийского вопроса, то австрийский министр убеждал нидерландского короля не медлить с его разрешением; однако

¹ Эта конвенция от 29 января 1834 г. освобождала Порту от части контрибуции, которую та ещё не выплатила, разрешала в пользу России вопрос об азиатских границах, обещала в скором времени эвакуацию Молдавии и Валахии и постановляла, что султан немедленно назначит государей в эти провинции, а Россия будет ещё восемь лет держать гарнизон в Силистрии. Действительно, господа были назначены в сентябре; немного позже русские войска очистили Дунайские княжества.

ни он, ни прусские, ни русские министры вовсе не были расположены принуждать его силой, и, как мы отмечали выше, переговоры между Брюсселем и Гаагой тянулись ещё очень долгое время. Германские дела были устроены так, как это было решено на Венской конференции. Делегаты немецких государей, собравшись в столице Австрии в январе 1834 г., составили в июне длинный протокол, нечто вроде контрреволюционного кодекса; этот документ был составлен по предложению и, можно сказать, под диктовку Меттерниха; главные его пункты немного спустя были приняты союзом в качестве законов. В частности было постановлено, что сейм будет облечён властью приводить в исполнение свои постановления и будет выносить их безапелляционно во всех тех случаях, когда какое-нибудь немецкое правительство вследствие несогласий с парламентом обратится к его третейскому суду, будь то по вопросу о толковании конституционного закона, или по вопросу о пределах сотрудничества, предоставленного палатам в деле осуществления монархом *некоторых определённых прав*, или же по вопросу об отказе в *денежных средствах, необходимых для управления*¹. С этого времени германские конституции должны были стать мёртвой буквой.

Меттерних без большого труда осуществил в Германии контрреволюцию. Во имя прав, гарантированных союзным государством трактатами 1815 г., западные державы протестовали для виду, как они ужé и прежде не раз это делали. Но Австрия и её союзники не обратили на это никакого внимания. Лондонский и парижский дворы не настаивали. В конце концов их не очень интересовал вопрос о немецких свободах. Но эти державы не могли допустить того, чтобы мюнхенгрецкий Священный союз стал повсюду в Европе угрожать конституционному знамени и присваивать себе право верховного надзора. Поэтому они решительно заявили, что не только не будут поддерживать политику северных дворов, но даже в случае нужды воспротивятся ей. Франция, особенно чувствительно затронутая в своих интересах и в своём достоинстве, дала понять Меттерниху энергичной нотой герцога де Бройля, что она окажет вооружённое сопротивление всякой попытке новой лиги вмешаться в дела Бельгии, Швейцарии и Пьемонта, находящихся в *сфере влияния Франции*. В то же время она заявляла, что не допустит, чтобы вся Италия, как это видимо проектировал Меттерних,

¹ Закон, принятый сеймом, о *третейском суде* (30 октября 1834 г.). — См. закон 13 ноября 1834 г., который подчинил университеты режиму ещё более строгому, чем в 1819 и 1832 гг.

обратилась в военную федерацию под гегемонией Австрии. Венский двор не на шутку рассердился, в свою очередь отвел упрёками и стал осыпать эпиграммами королевство баррикад и правительство *золотой середины*. Но в результате он уклонился от конфликта. Австрия боялась, что в случае войны союзники, и в особенности Пруссия, не пойдут за ней, ибо берлинский кабинет нехотя присоединился к союзу и был очень недоволен Мюнхенгрецским соглашением относительно права вмешательства¹.

VI

Обе великие конституционные державы выступили в Европе на борьбу с абсолютизмом не только на словах, но и на деле. Драматические события, происходившие в это время на Пиренейском полуострове, позволили им укрепить или даже насадить конституционный режим в тех двух странах, где вследствие противодействия Священного союза свобода не смогла ещё привиться.

Читателям известны те революции, которым подвергалась Португалия, начиная с 1820 г. С 1828 г. в Лиссабоне царствовал посредством террора узурпатор дон Мигэль. Но если апостолики были за него, то партия либералов была за его племянницу донну Марию, законную королеву; самые энергичные из её приверженцев учредили в 1830 г. на острове Терсейра особое регентство. В следующем году император Педро, отказавшись (7 апреля 1831 г.) от бразильской короны ввиду событий, которые мы не собираемся здесь излагать, прибыл в Европу, для того чтобы поддержать права своей дочери. В Лондоне министерство вигов приняло его весьма сердечно и не только потому, что он служил делу свободы, но ещё и потому, что он уже давно доказал свою

¹ Ансильон не желал присутствовать на Мюнхенгрецкой конференции. Пруссия некоторое время медлила с формальным утверждением протокола. Только 15 октября 1833 г. она дала своё согласие, и то лишь по настоянию Нессельроде и Фикельмона, которые были посланы в Берлин венским и с.-петербургским дворами специально для этой цели. Меттерних желал ещё более скомпрометировать Берлин. Он потребовал, чтобы трактат относительно права вмешательства был сообщён Франции со всей торжественностью, специальной нотой. Пруссия согласилась только на то, чтобы текст акта был сообщён секретно. Меттерних выражал некоторое недовольство по адресу Ансильона, который, по его словам, был только профессором и ничего не смыслил в практической политической деятельности. Он находил его *робким и одержимым боязнью скомпрометировать себя*. «Он хотел, — едко замечал австрийский канцлер, — играть роль контролёра мюнхенгрецских договоров».

покорность по отношению к Англии. В Париже Луи-Филипп, верный союзник Великобритании, принял его тем более радушно, что он был недоволен доном Мигэлем за покровительство, оказываемое французским легитимистам. Поэтому бывший император оказался в состоянии беспрепятственно организовать в Бель-Иль-ан-Мер экспедицию, во главе которой он и отправился на Терсейру (февраль 1832 г.). Несколько месяцев спустя он высадился в Португалии, овладел Оporto (июль) и победоносно отражал все усилия дон Мигэля выбить его из этой важной позиции.

Однако до конца 1832 г. узурпатор мог, без особенного ущерба для себя, бороться против своего брата. Этим он был обязан поддержке абсолютистски настроенного мадридского двора, который неофициально всякими способами помогал ему продолжать войну и временами даже заявлял о своём намерении заключить с ним формальный союз. Но начиная с 1833 г. эта помощь начала ослабевать; причиной тому были дворцовые интриги, имевшие крайне тяжёлые последствия не только для Португалии, но и для Испании.

Преждевременно состарившись и чувствуя близость смерти, Фердинанд VII уже несколько лет был озабочен судьбой своего наследства. Состоя в четвёртом браке — с Марией-Христиной¹, принцессой Обеих Сицилий, — он имел только двух дочерей от этого последнего брака; старшая, Изабелла, родилась в 1830 г. За ней он и хотел обеспечить корону. Прежде в Испании женщинам дозволялось наследовать трон. Однако со времени Филиппа V (1713) в этой стране был введён салический закон, опираясь на который дон Карлос, брат царствующего государя, заранее предъявлял свои права на корону. Правда, Фердинанд VII 5 апреля 1830 г. опубликовал *прагматическую санкцию*, восстанавливая этим актом старинные обычаи государства. Но дон Карлос заявил протест. Он был кумиром и надеждой *апостолической* партии, уже давно сгоравшей от нетерпения увидеть его на престоле.

¹ Вторая дочь Франциска I, короля Обеих Сицилий. Эта принцесса родилась в Неаполе 27 апреля 1806 г. Она приходилась сестрой Марии-Каролине, герцогине Беррийской. Выйдя замуж за Фердинанда VII 29 декабря 1829 г., она сделалась после смерти мужа регентшей Испании (1833), выдержала против дон Карлоса долгую войну, была свергнута Эспартеро и принуждена была уехать во Францию (1840); возвратилась в Испанию в 1843 г.; торжественно вступила в брак с камергером Муньосом, от которого имела несколько детей и который получил титул герцога Риансареса. Мария-Христина, несмотря на этот брак, продолжала пользоваться большим влиянием до конца правления Изабеллы (1868); в 1854 г. Мария-Христина снова поселилась во Франции. Она умерла в Сент-Адресе, около Гавра, 23 августа 1878 г.

Зато другая партия, которая снова начала поднимать голову, высказалась за Изабеллу и её мать Марию-Христину, считывая, что последняя должна будет опираться на либералов, для того чтобы восторжествовать над доном Карлосом. И так, война за наследство, намечавшаяся в Испании, должна была, так же как и в Португалии, осложниться борьбой принципов и борьбой знамён.

В сентябре 1832 г. Фердинанд VII чуть было не умер; его главный министр Каломарде¹, преданный всей душой дону Карлосу, воспользовался ослаблением умственных способностей короля, для того чтобы заставить его уничтожить прагматическую санкцию. Но вскоре после этого, оправившись от болезни, король уступил настояниям Марии-Христины и формально возобновил акт 5 апреля 1830 г. Каломарде попал в немилость, и кормило правления перешло в руки Зеа-Бермудеса², государственного мужа, мало склонного к идеям конституционной свободы, но зато чрезвычайно умеренного; он подвергался ожесточённым нападениям со стороны партии карлистов, и это заставило его сблизиться с либералами (октябрь — ноябрь 1832 г.). Была провозглашена амнистия. Печать получила некоторую свободу. Большинство деятелей 1823 г. могло возвратиться в Испанию; им казалось, что теперь для них не исключена возможность вернуться к власти легальным путём. Перемена политики в Мадриде должна была иметь, и действительно имела, своим последствием ухудшение положения дон Мигэля в Португалии. Зеа-Бермудес, без сомнения, мало был расположен поддерживать дон Педро, но ему не хотелось также компрометировать себя и покровительством узурпатору, политическое соглашение которого с доном Карлосом было тем более тесно, что их связывали близкие родственные узы³. Поэтому в первые месяцы 1833 г. конститу-

¹ Каломарде или Каломарда (Франсиско-Талео) родился в Вильеле (в Арагонии) в 1775 г.; первый секретарь фаворита Лардизабала (1814); потом секретарь Кастильского совета; министр юстиции и главный советник Фердинанда VII после восстановления абсолютизма, с 1824 до 1832 г.; умер в Тулузе (1842), куда удалился после восшествия на престол Изабеллы II.

² Зеа-Бермудес (Франсиско) родился в Малаге в 1772 г.; поверенный в делах в С.-Петербурге с 1809 до 1820 г.; посол в Константинополе (1820); потом в Лондоне (1823); призван в качестве министра иностранных дел в совет Фердинанда VII, где был представителем умеренной партии (июнь 1824 г. — октябрь 1825 г.); посол в Дрездене (1825) и затем снова в Лондоне (1828), откуда возвратился в Мадрид (1832), чтобы стать во главе правительства, каковой пост сохранил до января 1834 г.; назначен сенатором в 1845 г.; умер в Париже в 1850 г.

³ Дон Мигэль так же, как и дон Педро, приходился племянником дону Карлосу и Фердинанду VII.

ционное движение делало быстрые успехи в лузитанской монархии. Тщетно некоторые французские легитимисты с громкими именами и большими заслугами (как маршал Бурмон и генерал Клуэ) старались помочь дону Мигэлю. Против них сражались другие французы, как, например, генерал Солиньяк, которому июльское правительство разрешило поступить на службу в конституционную армию. Флот дона Педро под начальством англичанина Нэпира¹ вскоре одержал решительную победу при мысе Сан-Висенте. Несколько дней спустя (24 июля) флот вошёл в лиссабонскую гавань; сам экс-император вступил в столицу 28 июля, а 3 сентября была устроена торжественная встреча молодой королеве. Дон Мигэль с приверженцами удержался только в нескольких глухих горных кантонах.

Но после смерти Фердинанда VII, 29 сентября, он снова воспрянул. Испанское наследство, наконец, открылось. Согласно воле покойного короля, Мария-Христина объявила королевой свою старшую дочь, а себя — регентшей. Дон Карлос со своей стороны заявил о своих правах и обратился с воззванием к кортесам старой монархии², одновременно призвав своих друзей к восстанию. Наварра, баскские провинции и часть Арагонии стали на его сторону; в конце 1833 г. партия *апостоликов*, опираясь на Пиренеи, открыла военные действия с энергией, предвещавшей долгую борьбу.

¹ Нэпир (сэр Чарльз) родился в Шотландии 6 марта 1786 г.; поступил во флот тринадцатилет; мичман в 1802 г.; в 1809 г. получил за блестящую службу на Антильских островах чин капитана; затем он отличился (1811—1813) у берегов Испании и в армии Веллингтона; принимал видное участие в войне против Соединённых Штатов (в 1813 и 1814 г.); получил орден Подвязки (1815) и был временно зачислен в резерв. Призванный снова на службу, отправлен командовать эскадрой, крейсировавшей около берегов Португалии; назначен доном Педро начальником его флота (1833) и после победы донны Марии назначен вице-адмиралом португальского флота. Возвратившись в Англию, принял в 1839 г. командование эскадрой на Средиземном море (в качестве второго начальника); своими блестящими операциями в конце 1840 г. у берегов Египта и Сирии он заставил Мехмеда-Али покориться Порте. Вскоре после этого Нэпир, сделавшись адъютантом королевы, был выбран в палату общин (1841), где занял место на скамьях виггов. Контр-адмирал с синим флагом в 1846 г.; командовал военно-морскими силами в Ламанше; вице-адмирал в 1853 г.; во время Восточной войны командовал английским флотом в Балтийском море, где, однако, не совершил тех подвигов, о которых довольно нескромно распространялся (1854—1855). Адмирал с белым флагом (июнь 1855 г.); был ещё два раза выбран в парламент (1855—1857) и умер близ Лондона 6 ноября 1860 г.

² Кортесы «*por estamentos*» (по сословиям), нечто вроде французских прежних Генеральных штатов.

Большая часть Испании стояла за Изабеллу и Марию-Христину. Само собой разумеется, что оба правительства, лиссабонское и мадридское, признали друг друга немедленно. В свою очередь дон Карлос был признан доном Мигэлем и отправился вскоре в Португалию на свидание с ним. Что касается великих держав, то довольно легко было предвидеть, на чью сторону станет каждая из них. Россия и Пруссия стояли на стороне вождей апостоликов и абсолютистов. Правда, они не решались открыто высказаться в их пользу. Но они всё-таки не признавали ни королевы Изабеллы, ни Марии. Император австрийский признал законность прав последней, потому что Мария приходилась ему внучкой¹; но он желал бы видеть её самодержавной государыней. По отношению к Изабелле он воздерживался от решения, следуя примеру своих союзников — России и Пруссии. Оставались Англия и Франция, намерения которых отнюдь не совпадали.

Лондонский двор, не колеблясь, высказался за Марию-Христину и её дочь. Он полагал, что Испания благодаря отмене салического закона перестанет быть владением Бурбонского дома. Как только королева выйдет замуж за человека, расположенного к Великобритании, влияние последней тотчас же вытеснит Францию из Мадрида. Казалось бы, что ввиду этого июльское правительство не должно было особенно торопиться с признанием королевы Изабеллы. Но Луи-Филипп, не говоря уже о том, что он питал тайную надежду выдать её замуж за подходящего человека, не мог не видеть в доне Карлосе личного врага, всячески поддерживаемого легитимистами. Таким образом, и он стал на сторону регентства. Министерство 11 октября хотело даже, чтобы он не ограничивался пассивным признанием и косвенной подачей помощи. В конце 1833 г. серьёзно обсуждался в министерстве проект отправки французской армии по ту сторону Пиренеев, чтобы обеспечить победу Изабеллы. Июльское правительство видело в этом предприятии средство поднять свой военный престиж, а главное — верный способ обеспечить себе преобладающее влияние в Мадриде. Луи-Филипп был согласен на это, так как предполагал, что появление французских войск в Испании не только подчинит

¹ Она родилась в Рио-де-Жанейро 4 апреля 1819 г. от брака дона Педро с эрцгерцогиней Леопольдиной. Сделавшись португальской королевой, она вышла замуж 27 января 1835 г. за герцога Лейхтенбургского, который вскоре умер (27 марта); 9 апреля 1836 г. она вторично вышла замуж за герцога Фердинанда Саксен-Кобургского. После очень беспокойного царствования она умерла в Лиссабоне 15 ноября 1853 г.

страну его влиянию, но будет также сдерживать в Мадриде революционеров. Он боялся, чтобы испанская демократия не воскресила конституции 1820 или 1812 гг., что было бы, по его мнению, дурным примером для Франции.

Однако он не был способен двинуть свою армию, не сообщив своих планов великим державам и в особенности Англии. Австрия, Россия и Пруссия, как и можно было предполагать, высказались против экспедиции. Может быть, июльское правительство и решилось бы поступить вопреки их воле, если бы оно могло заручиться согласием лондонского кабинета. Но английские министры, и в особенности Пальмерстон, ни за что не хотели, чтобы французское знамя снова появилось в Испании. Ввиду всего этого кабинет 11 октября должен был в угоду лондонскому двору ограничиться тем, что расставил несколько полков в качестве наблюдательного отряда вдоль линии Пиренейских гор.

Английское правительство не ограничивалось тем, что не пускало в Испанию войск своего союзника. Оно стремилось ослабить влияние Франции в Мадриде ещё и тем, что льстило либеральной партии, которая становилась всё более сильной и которую июльское правительство недолюбливало. Луи-Филипп желал, чтобы Зеа-Бермудес оставался у власти. Но этот министр и не думал поднимать речь о конституции или о созыве кортесов. Вследствие этого он скоро утратил всякую популярность. Лондонский кабинет немало содействовал его падению (15 января 1834 г.) и приходу к власти Мартинес-де-ла-Роса¹, изгнанника 1823 г., который хотя и придерживался весьма умеренных принципов, но всё-таки намеревался воскресить в своей стране парламентаризм. Английские

¹ Мартинес-де-ла-Роса (Франсиско) родился в Гренаде в 1789 г.; в 19 лет был профессором практической философии; был послан Кадисской хунтой в Англию с поручением; возвратился в 1811 г.; был секретарём комиссии по вопросу о свободе печати, потом членом кортесов (1813—1814); посажен в тюрьму и затем отправлен Фердинандом VII в ссылку; освобождён революцией 1820 г.; немного спустя выбран в депутаты кортесов и призван на пост председателя совета министров. Эмигрировал после реакции 1823 г.; устроился во Францию, где прожил 8 лет, занимаясь главным образом литературным трудом; возвратился в Испанию (1831) и снова стал во главе министерства (январь 1834 г.); автор *королевского статута* (1834); должен был подать в отставку в июне 1835 г.; назначен послом в Париже (1839), затем в Риме (1842); член консервативного кабинета, образованного Нарваэсом и вышедшего в отставку в феврале 1846 г.; вторично посол во Францию (1847—1851); председатель второй палаты кортесов; первый государственный секретарь в министерстве Армеро—Мон (октябрь 1857 г.); председатель государственного совета (июль 1858 г.) и снова председатель палаты (1861); умер в 1862 г. Как литератор он не менее известен, чем как политический оратор и государственный деятель.

интриги шли ещё далее. Великобритания предложила новому министру союз, который тот не решился отклонить. В то же самое время Пальмерстон делал аналогичные предложения лиссабонскому двору; последний принял их с полной готовностью. Прошло несколько недель, и результатом этих тайных переговоров явился трактат, подписанный в Лондоне в первых числах апреля 1834 г.; фактически он ставил весь Пиренейский полуостров под протекторат Англии. Эта конвенция, заключённая с целью изгнать дона Мигэля и дона Карлоса, постановляла, что регентша Испании предоставит один корпус в распоряжение дона Педро, а английская эскадра должна будет помогать операциям и тем ускорит окончание войны.

Всё это держалось в таком секрете, что даже Талейран, французский посол в Лондоне, ничего не мог узнать, несмотря на всю свою ловкость. Когда всё было кончено, Пальмерстон сообщил ему о трактате. Старый дипломат был глубоко оскорблён, но не подал, однако, виду и потребовал, чтобы Францию приняли в качестве четвертого союзника. Принципиально в этом ему не могли отказать. Таким образом, был подписан *четверной союз* (22 апреля). Но благодаря британским проискам участие французов сводилось почти к нулю. В самом деле, вот в каких случаях оно предусматривалось и допускалось: «Когда, по мнению высоких договаривающихся сторон, помощь Франции будет необходима для достижения поставленной цели, его величество французский король обязуется поступать так, как *будет постановлено с общего согласия между ним и тремя августейшими союзниками*». Июльское правительство считало заключение этого акта триумфом своей политики, а на самом деле оно было несколько одурачено.

Во всяком случае действие договора было быстрым и решительным, по крайней мере относительно Португалии. Не прошло и месяца, как дон Мигэль и дон Карлос, окружённые со всех сторон, должны были сдать в Эворе. Они были немедленно удалены с полуострова.

Первому из них не суждено было вернуться из своего изгнания; но не такова была судьба второго. Скоро стало известно, что дон Карлос бежал из Англии и, обманув французскую полицию, через Париж достиг Пиренеев; его появление в стране басков вызвало общий энтузиазм среди его приверженцев. В конце июля 1834 г. дон Карлос владел уже большей частью северной Испании; он именовал себя королём, назначал министров, аккредитовал посланников при великих северных дворах. Всё это заставило четверной союз снова взяться за оружие. Трактат 22 апреля был не только

подтверждён, но даже пополнен новыми статьями, в силу которых английское и французское правительства обязывались: во-первых — снабжать мадридское правительство припасами и оружием, а также в случае надобности послать эскадру; во-вторых — запретить всякую доставку помощи инсургентам через Пиренеи. Лиссабонский двор был уполномочен оказать военную помощь Марии-Христине. В этом соглашении, как и в предыдущем, Франции было отведено весьма скромное место.

Таким образом, четверной союз, который, казалось, собирався начать крестовый поход во имя конституционных начал и должен был служить противовесом мюнхенгребской лиге абсолютистов, не сумел нарушить прочное единение северных союзников. Этот договор, который некоторые публицисты считали доказательством тесного единения между Англией и Францией, наоборот, свидетельствовал о начавшемся охлаждении между двумя союзницами. Зависть одной и недоброжелательство другой только усиливали это охлаждение. Северные державы, догадывавшиеся об этом, были заинтересованы в неладах между Францией и Англией и всячески старались поддерживать их, как это мы покажем ниже¹.

¹ Источники: *Blanc* (L.), *Histoire de dix ans*, t. V; III et IV; — *Bollaert* (W.), *The wars of succession of Portugal and Spain*; — *Bulwer*, *Life of Palmerston*, t. II et III; — *Canitz-Dallwitz* (baron de), *Denkschriften*, t. I; — *Capéfigue*, *l'Europe depuis l'avènement du roi Louis-Philippe*, t. VI et VII; — *Carné* (L. de), *la Belgique, sa révolution et sa nationalité* (*Revue des Deux Mondes*, 15 juin 1836); — *Deventer* (van), *Cinquante années de l'histoire fédérale de l'Allemagne*; — *Guizot*, *Mémoires*, t. II, III et IV; — *Haussonville* (comte d'), *Histoire de la politique extérieure du gouvernement français*, t. I; — *Hillebrand* (K.), *Geschichte Frankreichs*, t. I; — *Hubbard*, *Histoire contemporaine de l'Espagne*, t. II et III; — *Lesur*, *Annuaire historique, années 1832—1834*; — *Lytton-Bulwer*, *Essai sur Talleyrand*; — *Menière*, *la Captivité de Mme la duchesse de Berry*; — *Metternich* (prince de), *Mémoires, documents et écrits divers*, t. V; — *Mirabeau* (comtesse de), *le Prince de Talleyrand et la maison d'Orléans*; — *Mourlez* (P.), *Histoire de Méhémet-Ali*; — *Rochechouart* (comte de), *Souvenirs*; — *Thureau-Dangin*, *Histoire de la monarchie de Juillet*, t. II; — *Worms* (E.), *l'Allemagne économique ou histoire du Zollverein allemand*, etc.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ЭВОЛЮЦИЯ ЛУИ-ФИЛИППА

I. Последний поворот политики Талейрана. — II. Луи-Филипп и венский двор в 1834 и 1835 гг. — III. Антифранцузская политика Пальмерстона. — IV. Министерство Тьера и австрийский брак. — V. Моле, Меттерних и Мельбурн. — VI. Бельгийский вопрос; анконский вопрос.

(1834—1839)

I

Промежуточные пять лет между заключением четверного союза и восточным кризисом 1839 г. представляют в истории европейской дипломатии смутный и мало интересный период, без единого выдающегося события. С нашей современной точки зрения эта переходная эпоха кажется интересной только в том отношении, что она медленно и без шума подготовила значительную эволюцию в политике великих держав. В самом деле, именно в этот период стал постепенно ослабевать тот англо-французский союз, который с 1830 г. служил противовесом северной коалиции и держал в страхе всю Европу; под конец этого периода он совсем распадается и уступает место новым комбинациям сил.

Государственный деятель, бывший главным инициатором этого союза, а именно Талейран, сам начал советовать с конца 1834 г. отказаться от него. Этот дипломат, скрывавший под видом притворного безразличия и флегмы весьма уязвимое самолюбие и тщеславие, был очень обижен Пальмерстоном, который, не довольствуясь тем, что почти одурачил его¹, начал открыто хвастать этим и говорил о Талейране с крайне оскорбительной непочтительностью. Правда, кабинет вигов, в который входил этот министр, был свергнут. Но Пиль и Веллингтон, занявшие места Мельбурна и Пальмерстона², не простили Талейрану того, что он способствовал

¹ См. выше, стр. 357.

² Вопрос о церковной реформе в Ирландии повлек за собой в июле 1834 г. отставку лорда Грея; немного позднее он был причиной отставки и лорда Мельбурна, который занимал после него пост первого лорда казначейства (главы правительства); его преемником на этом посту был Роберт Пиль, представитель партии тори (ноябрь—декабрь 1834 г.).

в 1830 г. их падению. Поэтому французский посол счёл необходимым просить в ноябре 1834 г. о своём отозвании. Все старания Луи-Филиппа убедить его остаться на посту оказались напрасными. Он вернулся во Францию в начале 1835 г. Но, вернувшись к частной жизни, он не счёл нужным настолько устраниваться от политики, чтобы не поддерживать советами своё любимое детище, июльскую монархию. Поэтому он не переставал начиная с этого времени указывать правительству, что настала пора изменить курс его политики. Союз с Англией, говорил он, был необходим в 1830 г., потому что в тот момент Франция — при её неустойчивом и угрожаемом положении — не находила других союзников. Но теперь, когда новая монархия стала сильной и крепкой, она может выбирать. Ничто не обязывает её долгие оставаться на буксире у державы, которая завидовала ей и обычно соединялась с ней не столько для того, чтобы помогать ей, сколько для того, чтобы парализовать её. С другой стороны, не было ли для неё крайне важным укрепить дружбу с теми великими континентальными державами, которые до сих пор относились к ней так холодно? Династию нельзя укрепить путём братания с революцией. Если Луи-Филипп желает перестать быть во мнении Европы *выскочкой*, ему необходимо искать опоры у *легитимных* монархий.

II

Талейран ломился в открытые двери. Предложенная старым дипломатом политика во всём соответствовала вкусу и желаниям короля, который уже давно склонялся к ней. Как и Талейран, Луи-Филипп находил, что союз с Англией начинает обходиться слишком дорого. С другой стороны, он в душе сознавал всю хрупкость государственного здания 1830 г. — не то республиканского, не то королевского — и, решаясь связать свою судьбу с демократией, предпочитал сблизиться со старыми монархиями. Его заветным желанием было добиться такого положения, чтобы самодержавные монархи, обращаясь к нему, называли его «братом». Луи-Филиппу казалось, что если ему удастся проникнуть в их семью, то первоначальное июльское клеймо будет снято с него, и он тоже станет законным королём, уверенным в завтрашнем дне. Эти его стремления толкнули его на путь тайной дипломатии, в которую он, не заботясь о парламентских порядках¹, вплетал, почти всегда без ведома своих

¹ См. *Metternich, Mémoires, documents et écrits divers, V et VI.*

министров, не только свои собственные интересы, но и интересы Франции. После нескольких министерских кризисов королю снова навязали в качестве министра иностранных дел и даже председателя совета министров (в марте 1835 г.) герцога де Бройля¹. Его доктринёрское высокомерие стесняло короля, и последний, действуя за кулисами, даже вызвал его падение. Но если в присутствии этого государственного деятеля, очень мало склонного уступать Священному союзу, Луи-Филипп и был обязан сдерживаться, то он вознаграждал себя тайной перепиской с различными иностранными министрами, в особенности с Меттернихом, который с некоторого времени сделался как бы его ближайшим наперсником. Из трёх великих северных держав ему больше всего хотелось сблизиться с Австрией. Россия плохо принимала его заигрывания. Царь не прощал июльской монархии её баррикадного происхождения; он считал её ответственной за те выражения симпатии, которые в течение четырёх лет расточались всей Францией по адресу несчастной Польши. И поэтому от царя можно было ожидать только плохого. Пруссия же, управляемая миролюбивым стариком Фридрихом-Вильгельмом III, без сомнения, была менее упорна. Поэтому Луи-Филипп старался её всячески обласкать. Но в ней он видел только паллиатив или только добавление к более важному союзу. Его заветной мыслью, как и у Талейрана, было — обеспечить Франции дружбу с Австрией, первоклассной державой, к тому же, казалось, склонной действовать в согласии с ним. Меттерних не обескураживал Луи-Филиппа. Он очень хорошо понимал, какую выгоду представляло для его правительства разлучить Францию с Англией и вовлечь её на путь контрреволюции. С одной стороны, он не переставал внушать своему царственному корреспонденту, что лондонский кабинет ведёт и всегда будет вести с ним фальшивую игру. С другой стороны, он то и дело уговаривал его решительно вступить на *монархический*

¹ Бройль (Ашиль-Леон-Виктор-Шарль, герцог), внук маршала Бройля (умершего в 1804 г.), родился в Париже 28 ноября 1785 г.; аудитор при государственном совете; исполнял несколько раз дипломатические поручения во время Империи; пэр Франции в июне 1814 г.; женился в 1816 г. на дочери г-жи Сталь; влиятельный член доктринёрской партии во время Реставрации; министр народного просвещения и вероисповеданий (11 августа 1830 г.); уволен с этого поста 2 ноября; министр иностранных дел с 11 ноября 1832 г. до 4 апреля 1834 г.; председатель совета министров и снова министр иностранных дел с марта 1835 г. до февраля 1836 г.; посол в Лондоне (1847—1848); представитель департамента Эр в Законодательном собрании (1849—1851); арестован 2 декабря; член Французской академии (1855); умер в Париже 25 января 1870 г.

путь, т. е. самому *управлять* (а не только *царствовать*, как гласила знаменитая формула Тьера). Он указывал королю, что последний должен руководить своими министрами и требовать от них повиновения; что он должен избавиться, насколько возможно, от *парламентаризма*, предупредить всякую новую агитацию твёрдым законодательством, отказаться от поощрения новых вейний за пределами Франции и лойяльно присоединиться к северным державам, чтобы сдерживать революции в Европе.

Луи-Филипп был далёк от мысли возражать против подобной программы: он обещал всё, что требовал канцлер. Ему было слишком важно снискать расположение канцлера и потому он не позволял себе противоречить ему. Дело в том, что французский король мечтал о браке между герцогом Орлеанским, своим старшим сыном и наследником, и австрийской эрцгерцогиней¹. С 1834 г. он не раз поднимал разговор о посылке молодого принца в Вену и не очень скрывал свои намерения относительно заключения брака. Правда, Меттерних находил, что *король баррикад* действовал уж слишком поспешно. В сущности он не допускал и мысли о таком браке, называл это «дипломатической неприятностью» и говорил, что она ошеломила его². Что касается поездки в Вену, то он старался учтиво отложить её в долгий ящик. Для этого он каждодневно находил новые предлоги. Сначала император должен был отлучиться и не мог доставить себе удовольствие видеть герцога. Потом его величество внезапно заболел; как же может он достойным образом чествовать герцога? Затем император умер (март 1835 г.): не следует ли сначала выждать траур по нём, прежде чем устраивать празднества? Одним словом, изобретательный министр очень хотел, чтобы Луи-Филипп отказался от «дикой» мысли породниться с Габсбургами. Но французский король был очень упорным, и его трудно было обескуражить.

¹ Герцог Орлеанский (Фердинанд-Филипп-Луи-Шарль-Анри) родился в Палермо 3 сентября 1810 г.; носил до 1830 г. титул герцога Шартрского; умер от несчастного случая во время поездки в Нейи 13 июля 1842 г. Эрцгерцогиня Мария-Терезия, на которой отец хотел (1834—1836) его женить, приходилась племянницей австрийскому императору; она была дочерью эрцгерцога Карла, который некогда с честью командовал австрийскими войсками и прожил до 1847 г.

² «Верить в возможность брака с нами, — писал он по поводу Луи-Филиппа, — это значит ещё раз ошибаться. У нас было слишком много печальных опытов, чтобы воспоминания о них могли скоро изгладиться, и я не знаю такой эрцгерцогини, которая бы согласилась на третью попытку».

Австрийский канцлер, как говорили, надеялся, что от этого проекта откажутся; в Вене, прибавлял он, не любят попадать в смешное положение.

Он полагал, что, прежде чем уступить его желаниям, венский двор хочет испытать его преданность монархическим принципам, и он счёл необходимым дать новые доказательства этому. В предыдущем году он заставил принять строгий закон о союзах и энергично подавил два республиканских восстания; в Лионе и в Париже¹. Теперь он заставил палату пэров торжественно осудить обвиняемых в апрельских событиях². Он воспользовался общественным негодованием, которое было вызвано покушением Фиески (28 июля 1835 г.), для того чтобы на основании сентябрьских законов³ сильно ограничить свободу печати и судебные гарантии для обвиняемых в политических преступлениях. С другой стороны, он воздерживался от протеста против решений, носивших угрожающий для народов характер и принятых в Теплице в конце сентября новым австрийским императором⁴ вместе с прусским королём и русским императором. Эти три монарха, мало согласные в некоторых делах (например, в восточном вопросе), пришли легко к соглашению относительно Германии, которая при их содействии была ещё сильнее зажата в тиски сеймом⁵, относительно Швейцарии, которую они хотели принудить к изгнанию эмигрантов, и относительно бедной Краковской республики, которую они

¹ Лионское восстание было наиболее серьёзным; оно продолжалось от 9 до 13 апреля; в Париже восстание происходило 13 и 14 апреля. Около того же времени (16 апреля) была попытка военного восстания в Люневиле.

² Процесс продолжался с февраля до декабря 1835 г. После бурных прений большинство обвиняемых отказалось защищаться. Наиболее известные из них в конце концов бежали из тюрьмы. Остальных приговорили к тюремному заключению или к ссылке.

³ Первый из них разрешил увеличить число судов для разбора дел обвиняемых в мятеже; второй сделал подачу голосов в суде присяжных закрытой и уменьшил большинство, необходимое для осуждения, с 8 до 7; третий наказывал тюремным заключением и денежным штрафом от 10 тысяч до 50 тысяч франков всякое оскорбление личности короля и всякие нападки на основы правления; он запрещал журналам даже говорить о короле и вводил для театральных пьес и рисунков предварительную цензуру.

⁴ Фердинанд I родился в Вене 19 апреля 1793 г.; отрёкся от престола 2 декабря 1848 г.; умер в Праге 29 июня 1875 г.

⁵ Сейм запретил в конце 1835 г. продажу разных популярных изданий, в частности произведения «Молодой Германии». 28 апреля 1836 г. он вынес постановление, что в разных государствах, входящих в состав Союза, отчёты о деятельности палат могут быть публикуемы только по официальным документам и газетам. 18 августа 1836 г. он постановил, что всякое покушение на существование, неприкосновенность и безопасность Союза или кого-нибудь из его членов будет судимо и каряемо по действующим в каждом государстве законом о посягательстве на государственный строй; он установил также принцип взаимной выдачи лиц, обвиняемых в таких преступлениях.

хотели заставить сделать то же самое. Знал ли Луи-Филипп также о том, что в случае если он будет убит или низвергнут, три северные державы заранее решили не признавать в качестве его преемника никого другого, кроме герцога Бордоского? Мы этого не знаем. Известно только то, что теплические совещания, приведшие в плохое настроение герцога де Бройля, не помешали королю возобновить и усилить свои заискивания у венского двора.

III

По мере того, как Луи-Филипп сближался с континентальными державами, Англия удалялась от него и, не порывая с ним открыто, повидимому, начинала противодействовать французской политике. Правда, партия тори лишь на короткое время осталась у власти. В апреле 1835 г. их заменили виги, и казалось, что они как и прежде, должны были относиться к июльской монархии гораздо лучше своих противников. Но если их номинальным главой был ленивый скептик Мельбурн¹, то в действительности они находились под непреодолимым влиянием лорда Пальмерстона. Снова приглашённый руководить британской дипломатией, он, казалось, был — больше, чем его учитель Каннинг, и почти так же, как и Питт, примеру которого он следовал, — убеждён в том, что существенная задача каждого английского министерства состоит именно в противодействии Франции. У этого дерзкого и сварливого государственного деятеля вся политика сводилась к узкому, завистливому патриотизму, всегда настороженному и неразборчивому в средствах. Его энергия была не менее опасна, чем его пронизательность. Противники называли его сорви-голова. Но на деле он был не менее осторожен, чем дерзок, и его кажущаяся безрассудность была результатом расчёта, почти всегда оправдываемого успехом.

Когда он присоединился к июльскому правительству, для того чтобы поддержать королеву Изабеллу, он сделал это,

¹ Мельбурн (Уильям Лэмб, виконт) родился в Лондоне 15 марта 1779 г.; член палаты общин (1805), где он заседал на скамьях вигов; государственный секретарь по ирландским делам в министерстве Каннинга (1827); член палаты лордов (1828); министр внутренних дел в кабинете Грея (1830); первый лорд казначейства (глава правительства) (14 июля 1834 г.); ушёл в отставку в ноябре того же года; приглашён снова стать во главе министерства (апрель 1835 г.); на этом посту он оставался до сентября 1841 г.; умер в Брокет-Холле 24 ноября 1848 г.

как мы видели выше, не столько для того, чтобы обеспечить успех королевы, сколько для того, чтобы вытеснить или парализовать французское влияние в Испании.

События, ареной которых была Испания в интересующую нас эпоху, а также заигрывания Луи-Филиппа с северными державами не могли помешать его политике. В начале 1835 г. Пиренейский полуостров был весь в огне; дон Карлос, не признанный, но фактически поддерживаемый Австрией, Пруссией и Россией, быстро подвигался вперёд. В мае его войска занимали почти всю страну между Пиренеями и Эбро. Испуганная Мария-Христина обратилась за помощью к Франции. Но вмешательство в дела Испании вовсе не улыбалось Луи-Филиппу, который больше всего боялся поссориться с венским двором. Однако министры вынудили его сделать сент-жемскому кабинету, в согласии с договором четверного союза, предложение относительно отправки французской армии в Испанию. К большому удовольствию Луи-Филиппа, Пальмерстон наотрез отверг это предложение и согласился только на допущение иностранного африканского легиона на службу Марии-Христине¹. Но если король был очень рад этому отказу, то кабинет чувствовал себя сильно оскорблённым. Бройль и его товарищи отлично понимали, что если лондонский двор не хотел им разрешить открыто поддерживать испанское министерство, во главе которого в то время стоял Торено², то только потому, что Торено, по его мнению, находился в полном подчинении у Франции. Скоро, впрочем, кабинет Торено пал вследствие британских интриг. В сентябре Мария-Христина должна была передать председательство в совете министров главе передовой партии Мендизабалу³, кратуре Пальмерстона, и с

¹ По конвенции от 28 июля 1835 г. отряд английских волонтеров уже несколько месяцев перед тем был предоставлен в распоряжение мадридского правительства.

² Горено (Хосе-Мария, виконт Матарроский, впоследствии граф) родился в Овьедо в 1786 г.; боролся за независимость в 1808 г.; послан с дипломатическим поручением в Англию, затем депутат кадисских кортесов (1811), где он играл весьма важную роль; после возвращения Фердинанда VII был вынужден покинуть Испанию, куда вернулся благодаря революции 1820 г.; член кортесов с 1820 до 1823 г.; снова изгнан, жил эмигрантом во Франции с 1823 до 1833 г.; назначен Марией-Христиной министром финансов (1834), затем председателем совета министров; кабинет свергнут в 1835 г.; умер во Франции в 1843 г.; автор известной книги «История восстания, войны и революции в Испании с 1808 до 1814 г.».

³ Мендизабаль (дон Хуан-Альварес) родился в Кадисе около 1790 г.; в молодости своей занимался банковыми операциями; оказывал большую помощь конституционному правительству с 1820 до 1823 г.; после этого должен был покинуть Испанию и поселился в Лондоне, где открыл

этих пор английская дипломатия почти неограниченно рас-
поряжалась в Мадриде.

В то же самое время английский министр иностранных дел тревожным взором следил за успехами французского оружия в Африке и всячески старался положить им конец. Припомним, что для успокоения Великобритании Луи-Филипп в первые годы своего царствования счёл необходимым приостановить завоевание Алжира, едва начатое Карлом X; между тем это завоевание должно было стать предметом славы для новой королевской династии. За время с 1830 по 1834 г. французы заняли несколько изолированных пунктов на побережье этой страны, как, например, Бон, Оран, Арзев. Но не было сделано ни одной попытки предпринять серьёзную экспедицию в глубь страны, где два грозных врага, Ахмед-бей в Константине и, в особенности, Абд-эль-Кадер в Маскаре успели за это время возбудить в местном населении фанатизм и организовать сильное сопротивление. Только в 1834 г. французское правительство, начавшее освобождаться от британского влияния, открыто заявило о своём желании подчинить весь Алжир своей власти¹. Но окончательный успех в африканской войне, получившей тогда поистине важное значение, должен был быть куплен ценою немалых испытаний и разочарований. Абд-эль-Кадер², властитель одной трети Алжира, был в постоянных сношениях с Марокко и с Гибралтаром; он ещё раньше и долгое время впоследствии получал от Англии не только моральную поддержку, но и материальные средства для продолжения борьбы, которая вначале склонялась в его пользу. Благодаря

большой торговый дом. Оказал в качестве финансиста большие услуги дону Педро в 1827 г. и Марии-Христине в 1833 г. Торено назначил его министром финансов (1835), вскоре после этого он занял пост председателя совета министров; несмотря на свои хвастливые обещания, не сумел положить конец междоусобной войне; был свергнут 15 мая 1836 г.; ещё два раза был министром финансов (1836—1837 и 1841—1843); после падения Эспартеро провёл несколько лет за границей, затем вернулся и умер в Мадриде в 1853 г.

¹ После достопамятных прений в палате депутатов (апрель—май 1834 г.). Немного времени спустя, в июле, эта страна была обращена в генерал-губернаторство; первым, занимавшим должность генерал-губернатора, был генерал Друз-д'Эрлон.

² Главный предводитель арабов в Алжире, в особенности после 1833 г.; замечателен тем, что оказывал долгое сопротивление французскому оружию. Он родился поблизости от Маскары в 1808 г. Захвачен в плен Ламорисьером в декабре 1847 г., поселён во Франции; отпущен под честное слово в 1852 г.; уехал в Бруссу, в Малой Азии, откуда затем (1855) переселился в Дамаск; он отважно защищал христиан во время резни, происходившей там в 1860 г.; отказался принять участие в алжирском восстании 1871 г.; умер 24 мая 1883 г.

этой скрытой, но сильной поддержке он разбил, например, в июне 1835 г. генерала Трезеля на берегах Макты, а шесть месяцев спустя, очень мало ослабленный потерей Маскары и Тлемсена, окружил на побережье небольшой отряд генерала д'Арланжа.

Если в Алжире Пальмерстон снабжал эмира средствами для борьбы против нас, то уж, конечно, он не упускал в Константинополе случая изображать нас как ложных друзей, которые, притворяясь ревностными сторонниками Оттоманской империи, стремятся только к тому, чтобы ограбить и ослабить её. Его представитель Понсонби был ещё бдльшим — если это было возможно — галлофобом, чем он сам; он не переставал подговаривать турецких министров протестовать против того, что французы всё больше овладевают территориями, которую Порта считала своей колонией. Нередко он ставил этим нашего посла адмирала Руссэна в большое затруднение. Британская дипломатия не упускала также случая указывать на наше расположение к непокорному паше Мехмеду-Али, который, не довольствуясь тем, что отнял у своего монарха лучшие провинции империи, требовал теперь себе наследственного права над ними. Махмуд же скорее был расположен отнять их у него, и для того, чтобы облегчить Махмуду эту задачу, Англия помогала ему вызвать среди населения Ливана возмущение против хедива. Британский кабинет принимал по отношению к султану позу чистосердечного защитника, не преследующего никаких материальных выгод, и авторитет его в Константинополе рос с каждым днём. Лорд Дергем¹, посланный с особым поручением в конце 1835 г., приехал с предложением посредничества своего правительства Порте, всё ещё находившейся со времени заключения Адрианопольского мира под гнётом русских требований. Предложение было принято, и немного позже (март 1836 г.) английскому уполномоченному удалось заключить в С.-Петербурге соглашение, по которому царь простил султану часть его долга и обязался по получении оставшейся суммы вывести в течение года свои войска из Силистрии.

Может показаться странным, почему с.-петербургский

¹ Дергем (Джон-Джордж Лэмбтон, граф) родился в Дергеме 12 апреля 1792 г.; с 1813 г. избран в палату общин, где он тотчас занял влиятельное положение среди радикальной партии; член палаты лордов в 1828 г.; лорд хранитель печати в кабинете, сформированном его тестем, лордом Греем, в 1830 г.; вышел в отставку в марте 1833 г.; дважды был посылаем со специальными поручениями в Россию (1832 и 1835); генерал-губернатор Канады (1838); умер на острове Уайт 28 июля 1840 г.

кабинет проявил такую уступчивость по отношению к лондонскому двору. Конечно, соперничество между Англией и Россией продолжало существовать, и всегда оно имело достаточные основания. Как раз в это самое время обе державы усиленно интриговали в Азии, власть над которой они оспаривали тогда и поныне оспаривают друг у друга¹. Но в Европе они считали нужным пока что прекратить свои разногласия и соединить свои силы против правительства, в котором они видели общего врага. Россия с неменьшим недоверием, чем Англия, относилась к требованиям, предъявленным при поддержке Франции Мехмедом-Али.

Следует добавить, что Николай I по причинам, изложенным выше, видел в Луи-Филиппе своего личного врага и обращался с ним, как с таковым. Он не стеснялся даже оскорблять его. С одной стороны, он очень настойчиво требовал от него уплаты долгов, сделанных некогда Наполеоном в великом герцогстве Варшавском, а с другой — весьма решительно выслал из Варшавы (в декабре 1835 г.) французского генерального консула под тем предлогом, что иностранному дипломатическому агенту нечего делать в Польше, т. е. стране, уже лишённой автономии. Он продолжал более чем холодно относиться к нашим послам и как раз незадолго до описываемых событий, найдя, что его представитель в Париже, Поццо-ди-Борго, слишком привязан к Франции, отправил его в Лондон. Если политика Меттерниха клонилась к тому, чтобы посорить Англию с июльским правительством, то царь поставил себе задачей привлечь на свою сторону британский кабинет и усилить разногласия, существовавшие между ним и правительством Луи-Филиппа. Не приходится поэтому удивляться тем уступкам, которые он сделал Англии в пользу Турции. Она как раз в это время добивалась у него некоторых преимуществ в области торговли; он предоставил их без колебания. Англия, впрочем, не оставалась в долгу и, чтобы досадить Франции, не протестовала, например, против усиливающегося влияния России в Греции.

¹ После продолжительных войн Англия завершила завоевание Индии покорением маратхов в 1818 г., в 1825 г. она заняла значительную часть Бирманского побережья, в 1826 г. завладела Малаккой; десять лет спустя она захватила Сингапур; немного позже (1839) она подняла свой флаг в Адене. Что касается России, то она, не довольствуясь своими последними победами над Персией (1813, 1822), добивалась успехов на юге Кавказа, откуда с 1834 г. она пыталась изгнать Шамиля; с другой стороны, она деятельно колонизировала Сибирь и распространяла свою власть между Каспийским и Аральским морями и даже по долинам Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи. Она хотела вовлечь в союз нового персидского шаха, Мухаммеда и побудить его к нападению на Герат.

IV

Англия тайно противодействовала повсюду Луи-Филиппу, и это обстоятельство должно побудить последнего упорно держаться своей австрофильской политики. Он тем менее был расположен порвать с Австрией, что с февраля 1836 г. опять избавился от того министра, которого он недолюбливал и который склонен был противодействовать его тайной дипломатии. Герцог де Бройль только что перед тем оставил свой пост вследствие одного парламентского инцидента, в создании которого король, вероятно, принимал некоторое участие¹. Вместо де Бройля, которого Меттерних, как известно, не мог переносить, на должность председателя совета министров был приглашён совсем ещё молодой Тьер². Правда, глава нового кабинета был в глубине души

¹ При голосовании в палате депутатов по вопросу о конверсии ренты министр финансов Гюманн, поощряемый, как не без основания подозревали, Луи-Филиппом, выступил против председателя совета министров.

² Тьер (Луи-Адольф) родился в Марселе 15 апреля 1797 г.; приехал в Париж в 1821 г., где он тотчас же стал известен как талантливый журналист; издавал в 1823—1827 гг. свою *«Историю французской революции»*; основал с Арманом Каррелем и Минье (1 января 1830 г.) журнал *«National»*; в значительной мере способствовал восшествию Луи-Филиппа на престол; сделан в августе 1830 г. членом государственного совета, генеральным секретарём, затем (ноябрь 1830 г.) помощником государственного секретаря в министерстве финансов; выборщиками департамента Э (Aix) был избран в палату депутатов; вышел из состава кабинета вместе с Лаффином (март 1831 г.) но вступил в него обратно 11 октября 1832 г. в качестве министра внутренних дел; немного спустя (в декабре) променял этот портфель на портфель министра торговли и общественных работ; в апреле 1834 г. снова стал министром внутренних дел и оставался им до февраля 1836 г.; избран в члены Французской академии 13 декабря 1834 г. Был председателем совета министров и министром иностранных дел с 22 февраля по 6 сентября 1836 г.; в этих званиях снова появился у власти 1 марта 1840 г. После того как 29 октября того же года его должности перешли к маршалу Сульфу и Гизо, он до конца правления Луи-Филиппа был вождём левого центра в палате и начал в 1845 г. издание своей *«Истории Консульства и Империи»*, которую он закончил только в 1860 г. В ночь с 23 на 24 февраля 1848 г. он опять был приглашён в министры, но уже не мог справиться с революцией. Избранный четырьмя департаментами в Учредительное собрание (4 июня 1848 г.), переизбранный затем в Законодательное собрание (от департамента Нижней Сены в 1849 г.), он стал во главе монархических партий, безрассудные выходы которых сделали возможным государственный переворот 2 декабря 1851 г. Проведя 12 лет жизни в качестве частного лица, он в мае 1863 г. опять вернулся к политической деятельности в качестве депутата от департамента Сены; в 1869 г. был снова выбран и в последние годы Империи являлся наиболее влиятельным вождём оппозиции. Получил специальное дипломатическое поручение от правительства *Национальной обороны* (сентябрь—октябрь 1870 г.); был избран двадцатью семью департаментами в Национальное собрание (февраль

приверженцем революции. Но это был, по словам Меттерниха, *революционер* практического склада, понимавший назначение правительства и его нужды, умевший в случае надобности нарушать свои принципы и бывший в общем гораздо более сговорчивым, чем *доктринер-идеолог*¹ вроде Бройля. Очень дорожа властью, он собирался осуществлять её единолично, так как нёс за неё ответственность. Но ввиду того, что в данный момент он разделял политические убеждения Луи-Филиппа, он должен был меньше своего предшественника страдать от вмешательства короля в свою дипломатию. Под влиянием Талейрана, который был его учителем и часто ещё оказывался его вдохновителем, Тьер в это время был открытым сторонником австрийского союза. Правда, в отличие от короля он был им не из личных интересов. Им руководили чисто патриотические соображения. Он надеялся оказать услугу своей родине и считал возможным использовать помощь Австрии, быть может, даже обмануть её; последнее он сделал бы без всякого зазрения совести. В этом государственном деятеле было немного от Пальмерстона, и его мораль, как и мораль английского министра, не признавала других правил, кроме собственного патриотизма. К тому же, возможно, он находил, по примеру Пальмерстона, большое удовольствие в интригах и хитростях. Впрочем, в то время он был ещё слишком неопытен и всю свою жизнь слишком горяч для того, чтобы соперничать по части хитрости с таким дипломатом, как Меттерних. Он ошибался в расчёте, когда намеревался провести австрийского канцлера; в конце концов обманутым оказался он сам.

Подобно Луи-Филиппу, у Тьера¹ была навязчивая мысль добиться для герцога Орлеанского руки эрцгерцогини Марии-Терезии. Поэтому в первое время своего управления министерством он всячески угождал венскому двору, который нужно было уговорить и который всё ещё притворялся глухим. Тьер начал с того, что допустил почти без протеста и во всяком случае без противодействия грубое нарушение трактатов 1815 г., совершённое перед лицом Европы теми самыми державами, которые обычно больше всего настаивали на строгом их соблюдении. Вольный город Краков, независимость которого была гарантирована на Венском конгрессе, только что перед тем, 17 февраля 1836 г., подвергся со сто-

1871 г.); стал главой исполнительной власти (17 февраля), затем президентом республики (31 августа 1871 г.); свергнутый монархической коалицией 24 мая 1873 г., он был, повидимому, накануне возвращения к власти, когда скоропостижно скончался в Сен-Жермен-ан-Лэ 3 сентября 1877 г.

¹ Выражение Меттерниха.

роны трёх северных держав настоящей военной экзекуции. На основании Теплицкого соглашения австрийский император, прусский король и русский император ввели свои войска в этот несчастный город под тем предлогом, что он служит убежищем для агитаторов, удаления которых они требовали. Хотя французское правительство и не одобрило этого поступка, но во всяком случае оно допустило его.

Эмигранты были грубо изгнаны из Кракова. Милиция города была распушена, вольности его отменены, сенат и управление реорганизованы по распоряжению, исходившему от трёх держав. *Порядок* — как его понимали в Вене и С.-Петербурге — был в нём уже давно водворён, а австрийские войска всё ещё не уходили. Они удалились оттуда только через 5 лет, в 1841 г.

Без сомнения, общественное мнение во Франции не требовало от Луи-Филиппа вооружённой мести за краковские события. Но оно желало, чтобы на переход Священного союза снова в наступление июльское правительство ответило шумной манифестацией в пользу конституционных начал на таком театре действий, где Франции было легко вмешаться. Как раз в этот момент Испания предоставила Франции удобный случай развернуть своё знамя. Мадридское правительство было в отчаянном положении. Шайки карлистов появлялись уже в самом сердце Кастилии; денег и войска нехватало. Англия обеспокоилась и сама стала добиваться французского вмешательства, которого она не допустила в предыдущем году. Быть может, она добивалась этого только в надежде на отказ, что позволило бы ей затем позорить Францию в Испании. Как бы то ни было, но Луи-Филипп, всегда опасавшийся осложнений, могущих явиться следствием подобного предприятия, и склонный угождать Австрии, оказался ещё менее, чем в 1835 г., расположен послать свою армию по ту сторону Пиренеев. В министерстве Бройля Тьер был решительным сторонником экспедиции в Испанию; но теперь он не советовал предпринимать её и не желал поддерживать Мендизабаль, друга англичан. Одним словом, британское предложение было наотрез отвергнуто (18 марта 1836 г.). Немного позже (в мае) благодаря интригам, в которых отчасти участвовал французский посол Рейневаль, Мендизабаль был свергнут, и с министерством Истуриса¹ восстановилось опять французское влияние

¹ Истурис (Ксавье) родился в Кадисе в 1790 г.; член кортесов с 1812 по 1814 г., затем с 1822 по 1823 г.; был приговорён к смертной казни после восстановления абсолютизма, эмигрировал в Англию; вызван обратно в Испанию (1834); председатель кортесов (1835); председатель совета министров и министр иностранных дел (15 мая 1836 г.);

в Мадриде. К тому же июльское правительство предложило в целях окончания войны женить старшего сына дона Карлоса на молодой королеве Изабелле. Пальмерстон, крайне раздражённый против Франции, поклялся отомстить ей за это (эту клятву он блестяще сдержал несколько лет спустя). Но Луи-Филипп и его министр радовались своим маневрам и не сомневались в том, что Австрия вскоре вознаградит их за эти услуги.

Меттерних, однако, не торопился с этим. Он требовал новых доказательств дружбы. Теперь он говорил об Анконе, где уже четыре года как развевалось французское трёхцветное знамя, и выражал живейшее желание, чтобы наши войска покинули эту крепость. Тьер не говорил «нет» и давал ему понять, что Франция не откажет Австрии в удовлетворении этого желания, если состоится намеченный брак. Правда, он говорил это очень неискренне, ибо даже если бы брак и состоялся, он готов был, несмотря на конвенцию 21 апреля 1832 г., по которой французы обязались покинуть Анкону, как только австрийцы покинут легатства, изыскивать всякие новые предлоги для продолжения оккупации этой крепости. Меттерних предвидел эти хитрости и поэтому уклонился от решительного ответа по вопросу об эрцгерцогине, руки которой июльское правительство, впрочем, официально ещё не просило.

Тьер потерял, наконец, терпение и решил форсировать переговоры. Его самолюбие было задето. Он ручался перед Луи-Филиппом в том, что добьётся руки эрцгерцогини, и даже успел излишне похвастать кое-где в этом смысле. Он считал, что один смелый шаг сразу решит дело и что личное и официальное предложение герцога Орлеанского положит конец колебаниям Вены. Поэтому он склонил короля к тому, чтобы молодой принц вместе со своим братом, герцогом Немурским, отправился в Германию и после торжественного посещения берлинского двора (с целью, без сомнения, внушить венскому кабинету опасение, что между Францией и Пруссией может установиться тесная дружба) поехал представиться венскому двору, где старший сын Луи-Филиппа должен был, наконец, рискнуть сделать предложение. Исполнение программы шло сначала очень хорошо. Оба брата были с почестями приняты в Пруссии, где весьма

вынужден бежать вследствие революции в Гранхе (август 1836 г.); амнистирован (1837); снова был председателем кортесов в 1839 г. и премьером в апреле 1846 г.; свергнут в декабре того же года; испанский посол в Лондоне (1848, 1850), в С.-Петербурге (1856); снова стал председателем совета министров и министром иностранных дел (январь 1858 г.); был послом во Франции (1863—1864); умер 16 апреля 1871 г.

оценили их приветливость и не скупилась на выражения уважения и симпатии к ним — по крайней мере официальные. В Вене и в Шенбрунне приём и чествования были ещё более учтивыми. Тогда герцог Орлеанский решил навестить эрцгерцога Карла и изложил цель своего приезда. Последний охотно дал бы своё согласие, но ему необходимо было иметь согласие императора. А тот ещё больше, чем его отец, держался правила не принимать никаких решений, не посоветовавшись с канцлером. Меттерних не желал этого брака прежде всего потому, что он боялся вызвать этим недовольство прусского короля и в особенности царя; затем потому, что не верил в устойчивость июльской монархии; наконец, потому, что не хотел усилить влияние эрцгерцога Карла, далеко не принадлежавшего к числу его друзей. Поэтому в результате его разговора с монархом герцог Орлеанский получил категорический отказ. Бедный принц проявил большую выдержку и совершенно хладнокровно, как настоящий дипломат, заявил, что *он очарован оказанным ему приёмом*. Тем не менее он был очень оскорблён. Что же касается Тьера, то и он был глубоко уязвлён нанесённой ему обидой.

Не совсем так смотрел на дело Луи-Филипп. Даже после этой неудачи он упорно продолжал верить в возможность женитьбы и стал предлагать австрийскому двору новые уступки с целью добиться руки эрцгерцогини. В этот момент (июнь — июль 1836 г.) венский кабинет настойчиво требовал у швейцарского союза изгнания политических эмигрантов, для которых Швейцария служила убежищем и которые, по мнению Меттерниха, только и занимались тем, что составляли заговоры против безопасности монархий. До сих пор, в особенности во время министерства де Бройля, французское правительство хотя и протестовало против указанных политических происков, но всё-таки поддерживало швейцарскую республику во имя принципа невмешательства. Теперь же, напротив, оно сочло необходимым подобно австрийскому правительству взять по отношению к Швейцарии угрожающий тон и припугнуть её. Уже в течение некоторого времени Швейцария была подвергнута блокаде со стороны Германии; французское министерство объявило ей, что если она не примет, наконец, решительных мер против эмигрантов, то Франция также прекратит всякие сношения с Швейцарией. Герцог Монтебелло¹, тогдашний

¹ Монтебелло (Наполеон Ланн, герцог), сын маршала Ланна, родился в Париже 30 июля 1801 г.; Людовик XVIII назначил его пером Франции в 1815 г.; поступил на дипломатическую службу во время июльской монархии; посланник в Швейцарии (1836), затем в Неаполе (1838); министр иностранных дел (с 1 апреля по 12 мая 1839 г.); снова послан-

представитель Франции в Швейцарии, заговорил таким вызывающим тоном, что вся Гельвеция в негодовании возмутилась и потребовала его отозвания. Она возмутилась ещё больше, когда узнала о тайных действиях Луи-Филиппа, содержавшего в Швейцарии без ведома своего министра шпионов и агентов-подстрекателей (вроде полицейского агента Консейля, арестованного в Берне в августе 1836 г.). Но ей пришлось уступить силе, и бернский сейм вынужден был принять (23 августа) закон, почти обеспечивавший иностранным правительствам изгнание эмигрантов, имена которых они пожелают указать союзным властям.

Луи-Филипп, как мы видим, не затаил никакой злобы против Австрии. Но его новые уступки этому двору остались столь же мало вознаграждёнными, как и прежние. Почти одновременно с этим, для того чтобы покончить с проектом женитьбы герцога Орлеанского на эрцгерцогине Марии-Терезии, Меттерних повёл переговоры о выдаче её замуж за неаполитанского короля¹. Что же касается брака молодой королевы Изабеллы со старшим сыном дона Карлоса, т. е. плана, давно лелеянного Луи-Филиппом, то австрийский министр, очевидно полагая, что ему нет больше надобности поддерживать хорошие отношения с Францией, поставил для него совершенно невыполнимые условия. Французское правительство желало, чтобы дон Карлос отказался от своих притязаний и вместе со своим сыном признал законность правления Изабеллы и конституцию. Но после долгих и, без сомнения, намеренных проволочек Меттерних заявил от имени трёх северных держав, что наследник претендента на престол должен вступить в брак *как король*, т. е. не отказываясь ни от одного из своих личных прав.

По получении этого известия Тьер, менее склонный выносить обиды, чем Луи-Филипп, окончательно потерял всякое терпение. Он не хотел быть посмешищем для Европы и, полагая, что Австрия уже слишком много раз обманывала Францию, объявил о своём намерении занять положение, более достойное Франции. Он полагал, что июльская монархия ни в каком случае не должна бросать дело Изабеллы и Марии-Христины на произвол судьбы. Он готов был под-

ник в Неаполе; морской министр (1847—1848); представитель департамента Марны в Законодательном собрании (1849—1851); посол в С.-Петербурге (1858—1864); сенатор (1864); вернулся к частной жизни после революции 4 сентября 1870 г.; умер в Париже 19 июля 1874 г.

¹ Этот брак состоялся в ноябре месяце и был тем более оскорбительным для Луи-Филиппа, что неаполитанский король приходился ему племянником и что французский король незадолго перед тем хотел женить его на одной из своих дочерей.

держивать их в случае необходимости силою оружия, не обращая внимания ни на Англию, ни на Австрию. Вмешательство в испанские дела казалось ему в этот момент тем более необходимым, что кабинету Истуриса, покровительствуемому Францией, грозила большая опасность. Карлисты всё ещё занимали северную часть полуострова. Один из их предводителей, Гомес, проник со своими отрядами в самую Андалузию. Передовая же партия, приписывая продолжение междоусобной войны всецело *королевскому статусу* и консервативной политике кабинета, стала во многих городах волноваться и требовать введения конституции 1812 г. Демократическое движение повсюду находило поддержку английских агентов. Тьеру это было неизвестно. Именно поэтому он и желал, чтобы Франция по возможности скорее предоставила в распоряжение Марии-Христины достаточные силы и выручила её из грозившей ей двойной опасности. Чтобы избежать переговоров с лондонским кабинетом относительно отправки французской армии, он предполагал увеличить путём фиктивной записи добровольцев иностранный легион, уже год тому назад предоставленный в распоряжение Марии-Христины, и довести его наличный состав до внушительных размеров. Таким образом в июле и августе он сгруппировал у подножья Пиренеев от двенадцати до пятнадцати тысяч человек (без сомнения, этот отряд был бы затем ещё увеличен) и на свой страх вызвал из Африки генерала Бюжо командовать ими. Но эта затея очень не понравилась Луи-Филиппу; он ни за что не хотел вмешиваться в испанские дела и потому, не будучи в состоянии переубедить министра, стал искать ему заместителя. Как раз в этот момент пришла в Париж весть о новой революции в Гранхе. В ночь с 12 на 13 августа в Испании произошло военное восстание. Дворец Марии-Христины был захвачен; конституция 1812 г. была — по крайней мере в принципе — восстановлена; были созданы новые кортесы, чтобы привести её в соответствие с настоящим положением и нуждами Испании. Наконец, Калатрава¹, предводитель партии «эксальтадос» (крайних), заменил Истуриса на посту министра-президента. Английский посол, разумеется, ничему не мешал: он почти открыто выражал своё удовольствие. Эти события дали Луи-Филиппу новые аргументы против проекта вмешательства. Франция не могла,

¹ Калатрава (Хосе-Мария) родился в Мадриде в 1781 г.; член кадисских кортесов (1810); изгнан затем Фердинандом VII; вернулся в Испанию после революции 1820 г.; министр внутренних дел (1822); снова в изгнании с 1823 по 1830 г.; председатель совета министров в течение нескольких месяцев в 1837 г.; сенатор (1843); умер в 1846 г.

говорил он, идти на помощь испанской демагогии. Напрасно Тьер доказывал ему, что присутствие французских войск не только не поощрит развития демагогии, но даже будет сдерживать её; что наилучшим средством устранить её было бы возможно скорейшее подавление карлизма и что не следует допускать упрочения на полуострове британского влияния. Король не только не уступил, но, напротив, потребовал уменьшения, а затем и роспуска того отряда, который был собран у Пиренеев. Не будучи в состоянии осуществить свой план, Тьер вместе со своими коллегами подал в отставку. 6 сентября 1836 г. его заместил граф Моле в качестве председателя совета и министра иностранных дел.

V

Кабинет Моле, два с половиной года управлявший Францией, держался политики правого центра, которая была так по душе Луи-Филиппу; во внешних делах она сводилась главным образом к тому, чтобы действовать заодно с великими континентальными державами (в особенности с Австрией и Пруссией). Король и его новый министр всегда пребывали в полном согласии относительно направления, которого должна была держаться наша дипломатия. Переписка между Меттернихом и Луи-Филиппом продолжалась в самой дружественной форме. Моле очень нравился Меттерниху. Это и неудивительно: он столько же, сколько и сам французский король, склонен был слушаться венского двора.

Новый кабинет с самого начала показал, до какой степени он готов угождать австрийской политике. Войска Фердинанда I всё ещё занимали Краков; действие конституции было всё ещё приостановлено в этой злосчастной республике. Моле не счёл себя обязанным протестовать против этого насилия более энергично, чем Тьер. В отношении к Швейцарии он всецело следовал своему предшественнику. Швейцарские федеральные власти с негодованием указывали на тёмные происки Консейля и, видимо, собирались потребовать от Франции удовлетворения, по крайней мере дипломатическим путём. Наущаемый Меттернихом, Моле снова пригрозил конфедерации разорительной блокадой, даже собрал вдоль Юрских гор войска и заявил о своём намерении пустить их в ход (сентябрь — октябрь 1836 г.). Раздражение против июльской монархии достигло тогда в Швейцарии своей высшей точки. Этим объясняется, между прочим, почему молодой Луи-Бонапарт, — считавший себя с момента смерти герцога Рейхштадтского наследником

Наполеона, — мог в полной безопасности затеять в Швейцарии свою страсбургскую экспедицию, имевшую, впрочем, столь печальный исход (30 октября)¹.

В конце концов швейцарская республика должна была отказаться от всех своих требований и примириться с двойным контролем: Австрии и Франции. В своих отношениях к Испании Моле столь же усердно старался заслужить похвалы Меттерниха: он категорически заявил Марии-Христине, что ей нечего рассчитывать на вмешательство французской армии. Что же касается дона Карлоса, то Моле конфиденциально сообщил канцлеру, что он согласится признать его испанским королём, если тот добьётся какого-либо решительного успеха (1836—1837).

Французское правительство старалось снискать расположение не одного только венского двора. Оно обхаживало также и берлинский двор, оказывало ему услуги и при посредстве прусских министров Ансильона и Вертера поддерживало старого короля Фридриха-Вильгельма III, желавшего умереть в мире, сохранив доброжелательные (по крайней мере, на вид) отношения с июльской монархией. После неудачной попытки устроить брак с австрийской эрцгерцогиней Луи-Филипп задумал использовать свои хорошие отношения к Пруссии для того, чтобы составить своему старшему сыну партию, менее блестящую, чем та, о которой он мечтал, но всё-таки почтенную и достойную его. Прусский король, без сомнения, не дал бы герцогу Орлеанскому руки какой-нибудь из своих дочерей. Но он готов был поддержать французского короля в вопросе о браке с какой-нибудь второстепенной принцессой, состоявшей с ним в довольно близком родстве. И действительно, благодаря его стараниям и несмотря на русские интриги и протест великого герцога Мекленбург-Шверинского, старшему сыну Луи-Филиппа удалось добиться руки сестры этого монарха, близкой родственницы прусского короля²; брак этот состоялся 30 мая 1837 г.

¹ Луи-Бонапарт, правивший впоследствии Францией под именем Наполеона III, был третьим сыном Луи-Бонапарта, брата Наполеона, и Горгензии Богарне. Он родился в Париже 20 апреля 1808 г. Из его двух братьев, старший умер совсем молодым в 1807 г.; второй (тот, с которым он принимал участие в восстании в Романье) тоже умер бездетным вскоре после восстания (1831). Он был арестован за попытку поднять восстание в страсбургском гарнизоне. Июльское правительство имело наивность отпустить его на волю и отправило в Америку, откуда он, как мы увидим дальше, немедленно вернулся в Европу и стал подготавливать новый заговор.

² Елена-Луиза-Елизавета Мекленбург-Шверинская родилась в Людвигслусте 24 января 1814 г. От брака её с герцогом Орлеанским у неё

Фридрих-Вильгельм надеялся посредством этого брака установить более тесные и выгодные для своего правительства отношения с правительством Луи-Филиппа. Он полагал также, что этот брак значительно усилит его влияние в Германии и поможет ему в борьбе с Австрией.

Уверения в дружбе, полученные кабинетом Моле из Вены и Берлина, несколько ободрили июльское правительство и сделали его более смелым по отношению к Англии. Если в Испании оно ограничивалось выражением своего недовольства и осторожным подкапыванием под министерство Калатравы, то в Алжире оно проявляло гораздо больше предприимчивости. После поражения при Константине (ноябрь 1836 г.) и громадных уступок, сделанных Абд-эль-Кадеру по договору в Тафне (май 1837 г.), оно предприняло в конце 1837 г. в Алжире крупную военную операцию. Константина была вторично осаждена и, наконец, взята приступом (13 октября); вместе с ней немедленно подпала под нашу власть и вся прилежащая к ней провинция. Турецкое правительство собралось было послать через Тунис подкрепления, но французская эскадра загрозила Дарданеллы и заставила Порту отказаться от своего намерения. Одновременно Франция, всё ещё сохранявшая преобладающее влияние в Египте, более энергично, чем когда-либо, побуждала Мехмеда-Али добиваться наследственного владения всем Египтом и соседними провинциями.

Само собой разумеется, что политика Луи-Филиппа раздражала Англию и что Пальмерстон со своей стороны не дремал. В Испании британское правительство всеми силами поддерживало Калатраву, снабжало Марию-Христину всякого рода подкреплениями и поддерживало кортесы, которые в июне 1837 г. вотировали конституцию, без сомнения менее демократическую, чем конституция 1812 г., но во всяком случае резко противоречившую принципам крайних консерваторов и советам французского посла Латур-Мобура¹. На поведение британского кабинета несколько не повлияли ни смерть короля Вильгельма IV (20 июня 1837 г.), ни восшествие на престол королевы Виктории. Лорд Мельбурн, к которому эта молодая королева питала и доверие и привязанность, остался первым министром; фактиче-

было два сына: граф Парижский, родившийся 24 августа 1838 г., и герцог Шартрский, родившийся 9 ноября 1840 г. Она умерла в Ричмонде, в Англии, 18 мая 1858 г.

¹ Латур-Мобур (Арман-Шарль-Септим де Фей, граф) родился в Пасси в 1801 г.; поверенный в делах в Вене в 1830 г.; посланник в Брюсселе (1832); посол в Мадриде (1836); в Риме (1837); пэр Франции (1841); умер в 1845 г.

ски власть осуществлялась Пальмерстоном, более чем когда-либо могущественным. Поэтому влияние Англии в Мадриде не только не ослабевало, но даже усиливалось; авторитет же Франции, напротив, с каждым днём падал. Вскоре Мария-Христина принуждена была призвать к власти и облечь чуть ли не диктаторскими полномочиями (август 1837 г.) генерала, открыто покровительствуемого лондонским двором. Эспартеро (так звали этого генерала)¹ забрал в свои руки административную власть и одновременно стал главнокомандующим вооружёнными силами. С этого момента междоусобная война, носившая дотоле неопределённый характер, приняла благоприятный для конституционного дела оборот. Бискайское побережье, через которое дон Карлос прежде получал постоянную поддержку от трёх северных держав, строго охранялось теперь английским флотом. Кампания 1838 г. была очень благоприятна для сторонников Марии-Христины, повсюду оттеснивших карлистов; в начале 1839 г. беспорядок и уныние, овладевшие войсками претендента, позволяли надеяться на близкую и решительную победу конституционной партии. Но такой исход должен был, повидимому, принести гораздо большие выгоды Англии, чем Франции, и Пальмерстон надеялся при помощи Эспартеро ещё надолго удержать Испанию в зависимости от Англии.

Противодействие британского кабинета июльской монархии не ограничивалось одним только Пиренейским полуостровом. Оно распространялось на всю Европу и даже на Новый Свет. Когда в начале 1838 г. министерство Моле обратилось к правительствам Ла-Платы и Мексики с совершенно справедливыми жалобами по поводу насилий и грабежей, учинённых над некоторыми из наших соотечественников, Англия, трепетавшая при мысли, что мы соединимся с канадцами, находившимися в этот момент в открытом восстании², причинила нам в Буэнос-Айресе и в Мексико столько

¹ Эспартеро (Бальдомеро) родился в Гранатуле (в ла Манче) 27 февраля 1792 г.; назначен Марией-Христиной генерал-губернатором в Бискайе в 1834 г.; главнокомандующий северной армией, вице-король Наварры и наместник Баскских провинций (1837); член учредительных кортесов 1837 г.; назначен грандом первого класса и получил титул герцога де ла Витория после его решительных побед над карлистами (1839); регент Испании (8 мая 1841 г.); низложен Нарваэсом и вынужден эмигрировать в Англию (июль 1843 г.); председатель совета министров (1854—1856); перешёл на сторону короля Амедея, давшего ему титул князя Вергара (январь 1872 г.); умер в Логроньо 9 января 1879 г.

² Это восстание, вызванное недовольством канадцев французского происхождения, вспыхнуло в октябре 1837 г. Поддерживаемое Соединёнными Штатами, доставлявшими волонтеров, оно было подавлено только к концу 1838 г.

затруднений, что лучшая часть наших морских сил вынуждена была целый год простоять в устье Рио-де-ла-Платы и поблизости от Вера-Круса¹. В Европе же кабинет Мельбурна громче, чем когда-либо говорил о сердечном согласии с Францией. Он принял с необыкновенными почестями маршала Сульта, представлявшего Луи-Филиппа на коронации королевы Виктории (июль 1833 г.); но через несколько месяцев он, не без намерения, позволил Луи-Бонапарту, изгнанному из Швейцарии по воле министерства Моле², поселиться в Лондоне, где ему было гораздо легче, чем в Арненберге или в Берне, устраивать заговоры против июльского правительства. Наконец, на востоке его неустанная вражда каждый день наносила всё более и более чувствительные удары французской политике. Лорд Понсонби, например, побудил Порту не только протестовать против взятия Константины, но ещё и потребовать посредством торжественного акта (август 1838 г.) признания Луи-Филиппом оттоманского сюзеренитета над Алжиром. В то же самое время другой британский агент, сэр Булвер³, склонил Махмуда к заключению с лондонским двором торгового трактата, не только распространявшего на Англию почти все выгоды, которыми пользовалась в Турецкой империи Россия, но и дававшего ей возможность уничтожить или по крайней мере значительно ослабить Мехмеда-Али. За египетским пашой строго следили. Пальмерстон сообщил ему,

¹ Мексиканское правительство отказалось удовлетворить нанесённый французским купцам ущерб; в связи с этим контр-адмирал Боден и принц Жуанвиль, командовавшие французской эскадрой, подвергли бомбардировке Сан-Хуан-д'Ульоа (27 ноября 1838 г.). Мексиканский кабинет дал удовлетворение Парижскому кабинету договором 9 марта 1839 г. В том же 1838 г. после неоднократных жалоб на насилие, учинённое над её подданными диктатором Аргентинской республики Росасом, Франция объявила блокаду Ла-Платы; эта блокада продержалась до 1849 г.

² Он появился там опять в 1837 г. Моле, сильно подстрекаемый Меттернихом, потребовал от швейцарского правительства его изгнания, прибегнув даже к угрозам; некоторое время оно отказывалось исполнить это требование, но затем дало понять принцу Наполеону, что ему необходимо удалиться. Тогда он уехал в Лондон (20 сентября 1838 г.).

³ Булвер (сэр Генри Литтон, барон Даллинг и Булвер) родился в 1804 г.; атташе посольства в Берлине (1827), затем в Вене и Гааге; послан с особым поручением в Брюссель в 1830 г.; член палаты общин в 1831—1832 гг. и с 1834 по 1837 г.; секретарь посольства в Брюсселе (1835), затем в Константинополе (1837) и в Париже (1839); посланник в Испании (1843—1848), в Соединённых Штатах (1849—1852) и в Тоскане (1852—1855); затем уполномоченный в Турцию и в Дунайских княжествах; посол в Константинополе (1858); получил звание пэра (1872); умер в Неаполе 23 мая 1872 г.

что Великобритания будет поддерживать султана, если он поднимет оружие против последнего. В то же самое время Англия готовилась занять Аден в ожидании возможности наложить свою руку и на Суэцкий перешеек.

VI

Из предыдущего видно, что англо-французский союз если и не был ещё официально расторгнут, то существовал только на бумаге. Июльское правительство могло ожидать для себя от Англии только неприятностей. Известно, с другой стороны, как недоброжелательно продолжало относиться к нему русское правительство. Для успешной борьбы с этими двумя могущественными державами, всё более и более склонявшимися к союзу против Франции, министерство Моле рассчитывало на помощь Пруссии и Австрии. Но это была странная иллюзия; в описываемую эпоху эти оба двора выражали своими суровыми требованиями совсем не такие чувства к Франции, на какие она считала себя вправе рассчитывать.

Выше¹ мы видели, что согласно конвенции 21 мая 1833 г. нидерландский король обязался воздерживаться от всяких неприязненных действий против Бельгии. Но в этой конвенции ещё не имелось официального признания независимости этой страны в границах, определённых для неё договором 24 статей. Почти пять лет тянул он переговоры и, казалось, ждал такого политического события, которое дало бы ему возможность отвоевать потерянное, как вдруг в марте 1838 г. Европа узнала, что он заявил о согласии дать, наконец, свою подпись. Эта запоздалая уступчивость была, без сомнения, внушена ему прусским правительством, которое до сих пор поощряло его к сопротивлению, а теперь стало торопить с окончательным разрешением бельгийского вопроса. Берлинский двор только что перед тем вызвал своим ревностным протестом и грубым насилием по отношению к католическому духовенству² сильное волнение

¹ См. стр. 338.

² Фридрих-Вильгельм III, ревностный сторонник *евангелической церкви*, которую он основал в 1817 г., уже давно мечтал об обращении в протестанство всех своих католических подданных. Такого результата он рассчитывал добиться в особенности путём *смешанных браков*. Резкое противодействие, оказанное кёльнским архиепископом Дросте-Вишерингом подобным бракам, повлекло за собой заключение его в тюрьму (20 ноября 1837 г.) и другие довольно жестокие меры. Это вызвало протест со стороны папы и народное волнение, быстро распространившееся вплоть до польских провинций королевства,

в прирейнской Пруссии, где, как известно, преобладают католики. От Кёльна до Трира и Аахена население стало волноваться под влиянием этой угрозы его вероисповеданию. Фридрих-Вильгельм и его министры стали опасаться, что недовольство может перейти в восстание и что прирейнское население может присоединиться к бельгийцам, которые, будучи тоже ревностными католиками, без всякого зазрения совести воспользуются случаем расширить своё государство за счёт враждебной им державы. Нидерландский король, видя, что от Пруссии нечего больше ожидать, безропотно подписал «Двадцать четыре статьи». Но теперь, по легко понятным соображениям, Бельгия стала отвергать этот договор. Брюссельский парламент, находившийся в состоянии крайнего возбуждения, питал некоторую надежду на возможность вызвать революцию в Рейнской провинции и захватить её. Об этом громко не говорили, но парламент заявил, что он не имеет права передать нидерландскому королю те части Люксембурга и Лимбурга, от которых по договору Леопольд должен был отказаться. Там было бельгийское население, желавшее остаться таковым; можно ли было оставить его на произвол судьбы? Кроме того, брюссельское правительство требовало, чтобы его долг Голландии был значительно уменьшен ввиду последовавшего увеличения его военных расходов, вызванных долгими колебаниями гаагского двора. Оно отлично знало, что парижский двор будет его поддерживать. И в самом деле, Луи-Филипп, как и Моле, под давлением общественного мнения никогда не перестававшего протестовать во Франции против договора 24 статей, повидимому, были склонны поддержать Бельгию.

Пять великих держав снова открыли в июне 1838 г. Лондонскую конференцию. И тогда французское правительство очень скоро убедилось, что оно было и остаётся единственным защитником бельгийских притязаний. Англия, заключив ноябрьский договор 1831 г. с целью противодействовать Франции, была менее чем когда-либо расположена изменить своё решение в угоду ей. Царь ненавидел бельгийцев и не мог простить Леопольду того, что он доверил важные военные посты изгнанным в 1831 г. польским офицерам. Прусский король старался не только сохранить свою прирейнскую провинцию, но и обезопасить её от франко-бельгийского влияния, отняв у Бельгии Маастрихт и Люксембург. Наконец, австрийский двор был солидарен с берлин-

где с католическим духовенством обращались также очень плохо. Это волнение продолжалось до 1840 г., т. е. до восшествия на престол Фридриха-Вильгельма IV, который оказался гораздо более миролюбивым, чем его предшественник.

ским и поддерживал права Германского союза на спорные территории. Ввиду подобной оппозиции Луи-Филипп и Моле, как и много раз прежде, уступили, и после шестимесечных переговоров конференция закончила свои работы протоколом 11 декабря, по которому Бельгия, правда, получила значительное уменьшение долга, но зато окончательно должна была отказаться от спорных провинций. Часть Люксембурга, уступленная нидерландскому королю, и часть Лимбурга, предоставленная ему в вознаграждение за уступленные провинции, были торжественно признаны составными частями Германского союза. Французское правительство, несмотря на всё своё неудовольствие, ратифицировало этот договор в январе 1839 г., и 19 апреля король Леопольд после парламентской бури, в течение нескольких недель волновавшей Брюссель, принуждён был подписать его¹.

Неудача, постигшая Луи-Филиппа в бельгийском вопросе, произвела сильное впечатление во Франции. Противники июльской монархии в чрезвычайно резкой форме упрекали его по этому поводу, обвиняя в том, что он допустил унижение национального флага. Но с ещё большим ожесточением и, пожалуй, с ещё меньшим основанием они нападали на него по поводу эвакуации Анконы, имевшей место приблизительно в то же время (декабрь 1838 г.). В этом деле Луи-Филипп, по справедливости рассуждая, едва ли был виноват. Июльская Франция одобрила занятие этой крепости. Она с гордостью смотрела на то, что её флаг развевался в Италии — как явный протест против австрийской гегемонии и духа Священного союза. Она надеялась, что флаг этот долго ещё будет развеваться там. Но вполне понятно, что венский двор и папа приняли все меры к тому, чтобы удалить его. К тому же Меттерних, незадолго до того сопровождавший императора Фердинанда в Милан и ознакомившийся с положением дел на полуострове, пришёл к выводу, что Австрия достаточно сильна в Италии и может без всяких затруднений эвакуировать легатства. Тогда он вдруг объявил (в октябре 1838 г.) французскому правительству о своём намерении отвести обратно за По те войска, которые ещё находились в этих провинциях. Июльская монархия, связанная апрельской конвенцией 1832 г., не могла отказаться от выполнения её, не нарушая своего слова. И она лояльно выполнила своё обещание. Но она

¹ Три трактата, подписанные в Лондоне в тот же день (19 апреля 1839 г.), окончательно разрешили бельгийский вопрос: первый был заключён между Бельгией и Нидерландами; второй — между Бельгией и пятью великими державами; третий являлся актом присоединения Германского союза к достигнутым соглашениям.

не скрывала от себя, что эвакуация Анконы сильно походила на отступление и что враги Франции легко могли избразить дело таким образом, что она покидает Италию только в угоду австрийскому правительству. Желая смягчить позорный характер этого отступления, Моле стал добиваться, чтобы папа даровал своим подданным какие-нибудь либеральные реформы или же выразил благодарность французскому правительству. Но Григорий XVI по наущению австрийского двора отказал ему и в том и в другом. Из этого видно, что Луи-Филипп и его министры извлекли из своих заискиваний в Вене столь же мало выгод, как и от своей предупредительности в Берлине.

Вскоре после этого министерство Моле пало (март 1839 г.) вследствие непопулярности, которую создала ему его внешняя политика. Сам Луи-Филипп тоже лишился доверия всех партий, так что в продолжение почти двух месяцев не мог составить прочный кабинет. Только восстание 12 мая 1839 г.¹ дало ему, наконец, возможность сформировать под председательством маршала Сульта² хоть какой-то кабинет. Да и тот был обречён на очень непродолжительное существование, ибо в нём не участвовали вожди парламентской коалиции, свергшей Моле³. Он должен был поэтому рано или поздно встретить в их лице ярых противников. Новому кабинету, с самого начала пришлось бороться с очень большими трудностями. Восточный вопрос,

¹ Этим движением, организованным республиканским *Обществом времен года*, руководили отважные заговорщики, которые потом снова появятся на сцене в 1848 г. (Барбес, Бланки, Мартин Бернар). Оно было, впрочем, подавлено в несколько часов.

² Султ (Никола-Жан де Дьё) родился в Сент-Аман-ла-Бастид (департамент Тарн) 29 марта 1769 г.; волонтёр (1785), унтер-офицер (1790), бригадный генерал (1794), дивизионный генерал (1799), маршал империи (1804), герцог Далматинский (1807); известен своим участием в аустерлицкой, иенской, эйлауской и других победах и искусным командованием в Испании и на юге Франции в 1808—1814 гг.; военный министр с 4 декабря 1814 г. по 11 марта 1815 г.; во время «Ста дней» перешёл на сторону Наполеона, был его штабным генералом при Ватерлоо; изгнан 12 января 1816 г.; амнистирован в 1819 г.; назначен пером Франции Карлом X, что не помешало ему приветствовать Луи-Филиппа после июльских дней; был военным министром (1830) и председателем совета министров с 11 октября 1832 г. до 18 июля 1834 г.; был снова приглашён стать во главе министерства и получил портфель министра иностранных дел (12 мая 1839 г.—1 марта 1840 г.); назначенный в третий раз (29 октября 1840 г.) председателем совета министров с портфелем военного министра, он покинул этот пост 11 ноября 1845 г.; уволен в отставку 10 сентября 1847 г.; назначен Луи-Филиппом главным маршалом (*maréchal général*) (1847); умер в замке Сульберг, возле Сент-Аман-ла-Бастид, 26 ноября 1851 г.

³ Гизо, Тьер, Берьё, Моген, Дювержье-де-Горани.

уже давно волновавший Европу, разворачивался теперь во всё своём объёме, и Франция, с давних пор находившаяся в ссоре с северными державами, а теперь порвавшая и с Англией, очевидно, обрекала себя на полное одиночество и бессилие¹.

¹ *Источники*: Blanc (L.), *Histoire de dix ans*, t. IV et V; — Berryer, *Discours parlementaires*; — Bulwer, *Life of Palmerston*, t. III; — Canitz-Dallwitz (baron de), *Denkschriften*, t. I; — Capetigue, *l'Europe depuis l'avènement du roi Louis-Philippe*, t. VIII, IX et X; — Greville, *Les quinze premières années du règne de la reine Victoria*; — Guizot, *Mémoires*, t. IV. — Haussouville (comte d'), *Histoire de la politique extérieure du gouvernement français*, t. I; — Hillebrand (K.), *Geschichte Frankreichs*, t. I et II; — Hubbard, *Histoire contemporaine de l'Espagne*, t. III et IV; — Ideville (H. d'), *Le maréchal Bugeaud*, t. II; — Lefebvre (Armand), *Mahmoud et Méhémet-Ali (Revue des Deux Mondes, 15 mai 1839)*; — *Lefebvre de Bécour, Des démêlés de la France avec la Suisse (Revue des Deux Mondes, 1-er novembre 1836)*; — *Lettres sur les affaires étrangères (Revue des Deux Mondes, 1838—1839)*; — Lesur, *Annuaire historique, années 1834—1839*; — Loève-Veimars, *Lettres du nord et du midi de l'Europe; Rapports de la France avec les grands et les petits Etats (Revue des Deux Mondes, 1837—1840)*; — Mac-Carthy, *Histoire contemporaine de l'Angleterre depuis l'avènement de la reine Victoria*, t. I; — Mazade (Ch. de), *Monsieur Thiers*; — Metternich (prince de), *Mémoires, documents et écrits divers*, t. V et VI; — Saint-René Taillandier, *Le roi Léopold et la reine Victoria*; — Thiers, *Discours parlementaires*; — Thureau-Dangin, *Histoire de la monarchie de Juillet*, t. II et III, etc.

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ

НАПОЛЕОН МИРА

I. Восточный кризис и проекты созыва конференции. — II. Абдул-Меджид и нота 27 июля 1839 г. — III. Сближение России с Англией. — IV. Тьер и Пальмерстон; трактат 15 июля. — V. Война или мир? — VI. Кабинет 29 октября; трудное начало политической деятельности Гизо. — VII. Конец кризиса; конвенция о проливах.

(1839—1841)

I

Преждевременно одряхлевший султан Махмуд не хотел умереть, не отомстив Мехмеду-Али. Не довольствуясь возбуждением восстания против него среди населения Сирии, он уже в течение нескольких лет готовился к тому, чтобы открыто напасть на него, и стягивал для этой цели грозную армию в долину Евфрата. Паша был готов отразить нападение турецких полчищ, выдвигал встречное обвинение против своего сюзерена и, не довольствуясь счастливым жребием, выпавшим на его долю, с каждым днём всё настойчивее требовал для своего потомства наследственных прав на созданную им обширную империю. Великие державы старались сдерживать двух противников, опасаясь, как бы новое столкновение на Востоке не оказало косвенного влияния на европейские дела. Мехмед-Али не отказывался подождать; но совершенно иначе обстояло дело с Махмудом, который не поколебался открыть военные действия, так как был убеждён в успехе. 21 апреля 1839 г. авангард его армии под начальством Хафиза-паши переправился через Евфрат. Несколько недель спустя вся армия была уже в Сирии, и султан, объявив (17 июня) своего вассала изменником и бунтовщиком, торжественно опубликовал манифест с войне.

При первом же известии о конфликте дипломаты переполошились. Они начали с того, что было для каждого из них наиболее важным делом. Для России самым важным было произвести интервенцию в Константинополе, для остальной Европы — помешать ей в этом. Ункиар-Искелесский договор

был ещё в силе, и русский царь охотно воспользовался бы им, чтобы навязать Турции своё исключительное покровительство. Но другие государства и в особенности Англия не могли предоставить Николаю I свободу действий. Уже в мае Пальмерстон, крайне встревоженный всем происшедшим, забыл на время свои антипатии к Франции и предложил ей немедленно вступить в соглашение с Англией, чтобы воспрепятствовать действиям России. Два союзных государства должны были стянуть свой флот к Дарданеллам и пройти через пролив, как только около Константинополя покажутся русские корабли, хотя бы при этом пришлось употребить силу даже против самих турок. Это давало Луи-Филиппу прекрасный повод для возобновления «сердечного согласия». Принимая предложение англичан, он достиг сразу двух результатов: с одной стороны, он мог дать отпор царю, своему врагу; а с другой — мог, несомненно, добиться для Мехмеда-Али некоторых уступок, в которых Пальмерстон в данный момент не мог ему отказать. Но если июльское правительство и согласилось послать эскадру в Архипелаг, оно всё же не присоединилось к энергичному предложению британского кабинета; последний не решился действовать без участия Франции, но затаил глубокую злобу против июльского правительства. Тюильрийский двор желал прежде всего избежать войны, а решительный шаг, на который его толкали англичане, мог, по его мнению, спровоцировать её. К тому же он не доверял Англии. Ввиду всего этого он счёл благоразумным следовать советам, которые исходили не из Лондона, а из Вены. Нельзя было сделать более грубой ошибки.

Меттерних предложил в мае 1839 г. созвать в Вене конференцию из представителей пяти великих держав; эта конференция должна была обсудить вопрос о замене исключительного русского протектората над Турцией коллективной европейской гарантией. Франция, повидимому, должна была от этого в некоторых отношениях выиграть. Но, с другой стороны, разве не было очевидно, что подобная конференция не ограничится обсуждением вопроса о проливах, а возьмёт на себя роль посредника между султаном и египетским пашой и неминуемо унизит или ослабит Мехмеда-Али, чтобы тем лучше укрепить Оттоманскую империю? Между тем июльское правительство, хотя и безусловно стремилось устранить на Босфоре русское влияние, в то же время желало, и страстно желало, чтобы паша осуществил свою программу и максимально утвердил и расширил свою власть на Востоке. Вся Франция в то время разделяла эти чувства. Наделавший много шума доклад Жуффруа в палате

депутатов и прения по поводу этого доклада (24 июня—1 июля) показали, что Франция должна принять участие в конференции и открыто присоединиться к Европе, чтобы дать отпор честолюбивым планам русского царя, и что в то же время долг чести обязывает её поддержать Мехмеда-Али и обеспечить успех его дела. Всё это было высказано таким вызывающим и воинственным тоном, что у правительств, заинтересованных, как и Франция, в восстановлении и сохранении равновесия на Востоке, должны были снова пробудиться серьёзные опасения. Создавалось впечатление, что Франция — как бы в отместку за слишком осторожную политику последних лет — предписывает июльской монархии захватить всё в свои руки и начать диктовать законы Европе. Во Франции почти всеми умами владела затаённая мысль о реванше за 1815 г. Считали, что настал удобный момент попытаться сделать то, чего не решился сделать в 1830 г. Луи-Филипп, и хотели принудить его к этому. Но была занята неправильная позиция. Следовало предвидеть, прежде чем ставить восточный вопрос на обсуждение пяти великих держав, что три из них (Россия, Англия и Австрия), одинаково враждебно настроенные против Мехмеда-Али, войдут в соглашение, направленное против него (и, значит, против Франции), хотя бы ценой крупных взаимных уступок; что Пруссия из страха за Рейнскую область не только не помешает им, но и сама охотно присоединится к ним. А если против Франции снова образуется Шомонский союз, то можно ли было надеяться, что такой человек, как Луи-Филипп, сумеет устоять против него?

Предложение Меттерниха было встречено в С.-Петербурге гораздо менее сочувственно, чем в Париже. Царь не желал признать авторитета конференции, созываемой, повидимому, главным образом для того, чтобы лишить его гегемонии на Востоке. Правда, он сознавал, что, принимая приглашение на эту конференцию, он будет сильно способствовать унижению Франции. Но ему хотелось достигнуть этого результата, не подчиняясь открыто коллективным требованиям Европы. Он начинал думать, что ценой некоторых жертв — притом временных — он, без сомнения, сумеет обеспечить себе содействие британского кабинета, в то время враждебно настроенного против июльского правительства, и таким образом достигнет двойной выгоды: сделает невозможным создание коалиции, направленной против него, и нанесёт чувствительный удар Луи-Филиппу. Ввиду этого он отнёсся несочувственно к проекту созыва конференции и, наоборот, стал готовить посредством значительных уступок частное соглашение между Англией и Россией.

II

Таково было положение дел в тот момент, когда, подобно громовому удару, разнеслись ужасные вести, полученные с Востока. 24 июня сын Мехмеда-Али, Ибрагим-паша, атаковал при Незибе, в Сирии, турецкую армию и нанёс ей полное поражение. Шесть дней спустя, даже не получив известия о поражении, Махмуд скончался в Константинополе, оставив власть своему шестнадцатилетнему сыну Абдул-Меджиду¹; 4 июля капудан-паша² Ахмед из личных счётов с великим визирем Хозревом дезертировал со всем оттоманским флотом. Это последнее событие казалось тем более важным, что Франция, повидимому, была замешана в нём. Дело в том, что июльское правительство точно так же, как и в 1833 г., всё время выставляло на показ умиротворяющее влияние, будто бы оказываемое им на египетского пашу. Посланный маршалом Сультом в Александрию офицер привёз 27 июня Ибрагиму от имени Мехмеда приказ прекратить движение вперёд; и незибский победитель беспрекословно повиновался. Но в то же время французский адмирал Лаланд, занимавший со своей эскадрой выход из Дарданелл, не только не сделал никакой попытки задержать Ахмеда, но, получив сведения о его плане, помог ему обмануть англичан и беспрепятственно передать все свои корабли Мехмеду-Али. Таким образом, у Турции не оставалось более ни армии, ни флота; а её грозному противнику, повидимому, было гарантировано прямое содействие великой державы. Диван поспешил предложить победителю наследственную власть в Египте. Но старый паша желал большего, и турецкие министры уже собирались уступить по всем пунктам, как вдруг Меттерних придумал средство, позволившее им выиграть время. 27 июля по инициативе австрийского канцлера была спешно составлена и вручена турецкому правительству нота, подписанная послами пяти великих держав. Она гласила: «Нижеподписавшиеся имеют честь известить Блистательную Порту во исполнение инструкций, полученных ими от своих правительств, что солидарность пяти великих держав по восточному вопросу является обеспеченной и что поэтому им поручено просить Блистательную Порту воздержаться от принятия без их содействия каких бы то ни было окончательных решений и выжидать результатов того интереса, который эти державы проявляют к Порте».

¹ Родился 20 апреля 1823 г. в Константинополе, где и умер 25 июня 1861 г.

² Начальник флота в Турецкой империи. — *Прим. ред.*

Этим знаменитым актом Турция была поставлена пока что под коллективное покровительство Европы. Какое бы то ни было соглашение непосредственно между султаном и его вассалом становилось невозможным. Что у Австрии первой явилась такая мысль — представляется весьма естественным; что Англия поспешила подписаться под актом, — вполне понятно; что Пруссия, мало заинтересованная в этом вопросе, дала своё согласие, дабы не порывать с европейским концертом, — тоже понятно; что Россия в данный момент не противилась, — этому не приходится особенно удивляться, ибо, каковы бы ни были её задние мысли и тайные намерения, ей было необходимо немедленно остановить Мехмеда-Али. Но вызывает удивление, почему Франция без колебания соединилась со своими врагами в тот момент, когда они навязывали свою волю её друзьям. Объяснить эту ошибку можно только указанием на усвоенную июльской дипломатией привычку вести на Востоке двусмысленную политику, оказавшуюся в конце концов столь роковой для этой дипломатии. Луи-Филипп и его министры стояли за то, что Франция не должна отделяться от европейского концерта. К тому же им казалось невинным и неопасным то соглашение, в котором они вступали с остальными великими державами. Египетский паша только что перед тем одержал блестящую победу, и они искренне считали его непобедимым. По их мнению, никакая конференция не могла помешать ему сохранить за собой завоёванные территории и добиться той наследственной власти, из-за которой он начал войну. К тому же они считали неблагоприятным вступать в открытую борьбу со всей Европой, так как были уверены, что рано или поздно она признает совершившийся факт и даст полное удовлетворение Мехмеду-Али, которому они покровительствовали. Как мы увидим дальше, это было с их стороны странным заблуждением, и они за него дорого заплатились.

III

Первым результатом знаменитой ноты было то, что Англия, не имея более повода опасаться исключительного влияния России в Константинополе, направила своё внимание на Александрию и всецело посвятила себя борьбе с Мехмедом-Али, т. е. с Францией. Пальмерстон старался свести на-нет могущество пашы. Но, не надеясь на полный успех, он старался по крайней мере ограничить его власть пределами Египта. Он едва соглашался на то, чтобы паше была предоставлена наследственная власть в этой провинции.

Ввиду этого он выступил с формальным предложением (в августе 1839 г.) обратиться к Мехмеду-Али с категорическим ультиматумом в указанном смысле и употребить против него, если он не уступит, самые серьёзные меры принуждения. Три северные державы, не задумываясь, приняли эту программу. Но Франция ответила на неё (в августе — сентябре) такими претензиями, которые привели в ужас главу Форейн офис. В самом деле, кабинет Султана не удовольствовался тем, что протестовал против понуждения Мехмеда к отступлению; он открыто поддерживал его домогательства и требовал от его имени признания наследственности его власти не только над Египтом, но и над всеми другими его владениями. Переписка между лондонским и парижским дворами сразу приняла весьма недружелюбный характер, а газеты с обеих сторон своими резкостями ещё подлили масла в огонь.

Русский император не без злорачества наблюдал за усилением этого разногласия. Ему казалось, что наступило удобное время начать непосредственные переговоры с Англией, окончательно поссорить её с Францией и с ней вдвоём разрешить восточный вопрос, не заботясь об остальной Европе. 15 сентября прибыл в Лондон русский дипломат барон Бруннов¹, которому было поручено сообщить министерству Мельбурна основные принципы соглашения, задуманного его государем. Переговоры между Пальмерстоном и им начались тотчас же. Посланец царя объявил, что его государь вполне разделяет взгляды английского правительства относительно будущего положения пашы и способен заставить его согласиться на такое положение. Кроме того, он предлагал не возобновлять Ункиар-Искелесского трактата, срок которого истекал через два года. Но он желал, чтобы, в случае если Порте понадобится помощь, лишь одной России было дозволено оказывать таковую на Чёрном море и в проливах; остальные же державы обязывались бы поддерживать Россию, если в том окажется надобность, своими флотами за пределами Дарданелл; при этом, конечно, в случае военного вмешательства в пользу султана царь действовал

¹ Бруннов (Филипп Иванович, барон) родился в Дрездене 31 августа 1797 г. в аристократической курляндской семье; секретарь посольства в Лондоне с 1820 по 1823 г.; советник посольства в Константинополе при Орлове, в Гааге, потом в Лондоне; статский советник (1830), посланник в Вюртемберге (1839); немного времени спустя послан со специальной миссией в Англию; русский посол в Лондоне с 1840 по 1854 г.; посланник при Германском союзе (1855); представитель России на Парижском конгрессе (1856); посланник в Берлине (10 февраля 1857 г.); посол в Лондоне с 1858 по 1874 г.; умер в Дармштадте в апреле 1875 г.

бы не от своего имени, а от имени всей Европы и по её полномочию.

Пальмерстон так сильно желал унижить Францию, что безоговорок принял бы предложение, сделанное Брунновым. Но вместе с ним в министерстве находились политики, более уравновешенные, вроде Голланда, Рэсселя и Кларендона, которые, с одной стороны, жалели об охлаждении, происшедшем между западными государствами, а с другой — считали, что союз с Россией, предложенный царём на таких условиях, обойдётся чересчур дорого. Посланцу императора Николая I в общем не удалось заключить тот договор, ради которого он приехал, и в октябре он отправился в Петербург за новыми инструкциями. В этот момент кабинет Сульта имел возможность, не роняя своего достоинства, примириться с министерством Мельбуерна. Последний, несмотря на противодействие Пальмерстона, шёл на уступки. Он предложил оставить паше наследственную власть не только над Египтом, но также и над Акским пашалыком¹. На это стоило согласиться. Меттерних и Вертер от имени Австрии и Пруссии советовали в октябре и декабре 1839 г. Луи-Филиппу принять это предложение. Но в этот момент ни сам Луи-Филипп, ни его министры не рискнули бы последовать подобному совету. Во Франции раздражение против Англии было ещё чересчур сильно. Наше оскорблённое самолюбие не могло простить Англии захвата в свои руки управления всеми делами в Испании, где через посредство Эспартеро Англия руководила действиями Марии-Христины². Кроме того, мы обвиняли Англию, и не без оснований, в сговоре с Абд-эль-Кадером, который как раз в это время (ноябрь) снова взялся за оружие в Алжире. Кабинет Сульта, как и Луи-Филипп, сознавал свою непопулярность и не хотел увеличивать её. К тому же он не допускал мысли, чтобы Англия когда-либо могла притти к соглашению с Россией по восточному вопросу. Он продолжал придерживаться убеждения, что Мехмед-Али не уступит силе. Луи-Филипп с своей стороны надеялся на дружбу Австрии и Пруссии, ради которой он так много пожертвовал, и не допускал, что они могут изменить ему в решительный момент. По всем этим причи-

¹ За исключением города Акра.

² Дон Карлос, оставленный главным из своих приверженцев, Марсто, вынужден был в сентябре бежать во Францию; июльское правительство интернировало его в Бурже. Карлистская партия, состоявшая теперь не более чем из нескольких тысяч человек, боролась только ради чести, под начальством Кабреры, и занимала лишь несколько отдельных пунктов в Арагонии и Каталонии, откуда Эспартеро вскоре их прогнал (1839—1840).

нам французское правительство и продолжало поддерживать свою прежнюю египетскую программу. Тьер, который в это время готовился снова стать во главе министерства, произнёс в палате депутатов (в январе 1840 г.) сильно на шумевшую речь, в которой он, без сомнения, более пылко, чем искренне, заявлял, что является сторонником дружбы с Англией; но при этом он утверждал, что Франция не может отказаться в поддержке Мехмеду-Али, не поступаясь своим достоинством как великой державы и без ущерба своим наиболее важным интересам. Из этих слов с полной ясностью вытекало, что, по его мнению, правительство сделало ошибку, связав себе руки нотой 27 июля, и что ему следовало бы вернуть себе свободу действий, не прибегая, однако, к демонстративному отказу от своей подписи. Между тем стало известно, что Бруннов возвратился в Лондон и предложил от имени своего императора важную уступку, касающуюся проливов¹. Но Франция, видимо, была совершенно ослеплена. Она хотела получить или всё, или ничего. По крайней мере таков был смысл очень надменной ноты, отправленной маршалом Сультом Пальмерстону (26 января). Несколько дней спустя правительство сочло нужным заменить в Лондоне своего посла Себастиани², слишком, по его мнению, мягкого и нерешительного, новым послом — Гизо, который казался более решительным и держался в то время египетской программы (5 февраля). Инструкции, данные этому представителю Франции, предписывали ему энергичнее, чем прежде, поддерживать претензии Мехмеда-Али (19 февраля). Наконец, после нового министерского кризиса

¹ Николай I действительно соглашался на то, чтобы русский флот не закрывал Босфора и Дарданелл для других европейских эскадр в случае, если бы султану потребовалась помощь на море.

² Себастиани (Франсуа-Орас-Бастьен, граф) родился в Порте д'Ампуньяно 10 ноября 1772 г.; младший лейтенант пехоты в августе 1789 г.; начальник бригады в 1799 г.; соучастник 18 брюмера; послан первым консулом с дипломатическими и военными поручениями на Восток (1802); бригадный генерал (1803); дивизионный генерал после Аустерлица (21 декабря 1805 г.); посол в Константинополе (2 мая 1806 г.); отозван в июне 1807 г.; командующий 4-м корпусом в Испании (1808—1811); получал важные поручения во время русской, германской и французской кампаний (1812, 1813, 1814); член палаты представителей в 1815 г., палаты депутатов — с 1819 до 1824 г.; избран снова в 1826 г.; назначен Луи-Филиппом (у которого долго был одним из доверенных лиц) морским министром 11 августа 1830 г.; министр иностранных дел с 17 ноября 1830 г. по 11 октября 1832 г.; министр без портфеля (22 марта 1833 г. — 1 апреля 1834 г.); посол в Неаполе (апрель — август 1834 г.), потом в Лондоне (7 января 1835 г. — 5 февраля 1840 г.); маршал Франции (21 октября 1840 г.); умер в Париже 20 июля 1851 г.

Тьер¹ снова был назначен председателем совета министров (1 марта 1840 г.) и тотчас же взял по отношению к Луи-Филиппу, а также по отношению к Европе тон борца за честь Франции.

IV

Этот государственный человек имел у себя на совести неудачи и промахи 1836 г. Его патриотизм, искренний и горячий, страдал от той политической пассивности, которой слишком долго придерживалось правительство Франции. Не желая брать на себя инициативу крестового похода против договоров 1815 г., он тем не менее ненавидел их, по крайней мере постольку, поскольку они являлись унижительными для Франции, и этого он не скрывал. Он мечтал возродить престиж трёхцветного знамени. Он почти не старался более скрывать свои революционные и наполеоновские замыслы, к которым всегда имел склонность. Как и вся вообще нация, он жаждал военной славы. Быть может, он даже слишком явно это выказывал. Было бы, конечно, более благоразумным успокаивать, а не раздувать до крайних пределов то патриотическое возбуждение, взрыв которого мог в этот момент не столько помочь, сколько повредить Франции. Как бы то ни было, но глава нового министерства приложил все усилия к тому, чтобы доставить общественному мнению то удовлетворение, которого оно требовало. Сильно оживилась война в Алжире. Франция снова приобрела влияние в Испании, где Тьер открыто стал на сторону Марии-Христины, начавшей отдаляться от Эспартеро. Вся Франция рукоплескала ему, и это было справедливо. Национальное возбуждение дошло до крайних своих пределов, когда правительство объявило с целью отвлечь умы от некоторых парламентских осложнений, что английское правительство по его требованию согласилось возвратить Франции останки Наполеона I (12 мая). Легенда о великом императоре, неблагоприятно раздуваемая талантливыми поэтами, сбита с толку даже такого положительного и практичного человека, как Луи-Филипп. Он полагал возможным без ущерба для своей династии оживить и довести до крайнего возбуждения культ Наполеона. Он даже видел в этом некоторую выгоду для себя и своих близких. Будущее должно было показать, что

¹ Он принял, как и в 1836 г., портфель министра иностранных дел. Его коллегами были следующие лица: Вивьен (министр юстиции и вероисповеданий), Делан-Кюбьер (военный), Руссен (морской и колоний), Кузен (народного просвещения), Пеле (финансов), Гуэн (торговли) и Жобер (земледелия и общественных работ).

он ошибался. Король, так миролюбиво и решительно уклонявшийся от войны и даже от серьёзных столкновений, казалось, не понимал того, что «возвращение праха» (retour des cendres), как тогда говорили, неминуемо должно было крайне взволновать нацию, и без того уже достаточно возбуждённую, а такое состояние не могло не вызвать недовольства у Европы. И действительно, при известии, что бранные останки славного пленника будут перевезены с острова Св. Елены в столицу Франции и будут погребены «на берегах Сены, среди французского народа, который он так любил», Франция пришла в чрезвычайное возбуждение; ей показалось, что трактаты 1815 г. уже уничтожены. Она опять заговорила о победах, завоеваниях и естественных границах. Европа стала снова подозревать её. Случилось именно то, на что надеялся Пальмерстон, когда он столь мягко и уступчиво сдался на неблагоприятную просьбу французского правительства.

Тьер не отрекался от тех тёплых выражений, в которых он говорил незадолго до своего назначения о дружбе с Англией. И до и после этого назначения он выказывал горячее желание действовать в согласии с британским правительством; он думал усыпить внимание Пальмерстона любезными словами и некоторыми маловажными услугами¹. Глава Форейн офис платил ему тем же. На самом же деле эти два государственных деятеля не питали никакого доверия друг к другу. Каждый из них старался ввести в заблуждение другого относительно своих намерений. Рано или поздно, но египетский вопрос должен был вызвать между ними полный разрыв. В этом отношении ни Пальмерстон, ни Тьер не вели честной игры. Министр Луи-Филиппа отнюдь не отказывался от договора 27 июля, несмотря на то, что все знали, как мало он им был доволен. Он постоянно повторял, что Франция не отделится от четырёх других великих держав при решении восточного вопроса. После возвращения Бруннова в Англию британское правительство, придя почти к полному соглашению с Россией по существенным вопросам, пригласило берлинский, венский и парижский кабинеты на общее совещание в Лондоне (оно предпочитало, понятно, заключить договор со всей Европой, чем связывать себя исключительно с царём). Гизо, следуя инструкциям своего шефа, принял деятельное участие в работе новой конференции. Но фактически он делал это больше для того, чтобы

¹ По поводу споров, впрочем, весьма незначительных, которые Англия имела тогда с правительствами Португалии, Соединённых Штатов, Ла-Платы и королевства Обеих Сицилий.

помешать делу, чем для того, чтобы ускорить его ход. Тьер сознавал, что переговоры в Лондоне не принесут ничего хорошего для Мехмеда-Али. Поэтому он стремился лишь к тому, чтобы выиграть время и затянуть переговоры до того момента, когда, благодаря осторожно подготовленному им непосредственному соглашению между египетским пашой и султаном, ему удастся поставить Европу перед совершившимся фактом и таким образом, принудить её к уступчивости. Напрасно Пальмерстон выказывал нетерпение и торопил совещание. Французский посол ежедневно выдумывал новые основания для отсрочек. Он указывал, например, что нельзя ничего сделать без представителя Порты, который очень медлил своим прибытием. Когда же турецкий уполномоченный явился, то Австрия и Пруссия, которые торопились покончить дело и, казалось, были готовы содействовать соглашению между Францией, с одной стороны, и Россией и Англией — с другой, предложили июльскому правительству своё посредничество; они, по их словам, надеялись, что сумеют убедить султана отдать паше Египет в наследственное, а Сирию — в пожизненное владение. Но Гизо имел предписание не давать окончательного ответа, так что за два месяца (апрель — май) переговоры не подвинулись вперёд ни на один шаг. В свою очередь и Пальмерстон счёл нужным обратиться к Франции с новыми предложениями: он предлагал кроме наследственного права на управление Египтом предоставить паше в пожизненное владение и Акрский пашалык. Это было его последнее слово, и он настоятельно просил, чтобы парижский кабинет высказался, наконец, или за, или против. Но именно этого Тьер и не хотел делать. Приближался уже конец июня, а он всё ещё советовал Гизо не давать объяснений. Почему? — Да потому, что он с часу на час ожидал известий о договоре между пашой и султаном, который в величайшей тайне готовили на Востоке его агенты. Благодаря этим пронкам личный враг Мехмеда-Али великий визирь Хозрев был отрешён от должности (май 1840 г.). Паша тотчас же выказал готовность примириться со своим повелителем и пойти на некоторые уступки; один из его советников отправился в Константинополь, и там под руководством французского посла Понтюа были начаты между этим лицом и реис-эффенди переговоры, которые, казалось, должны были привести в непродолжительном времени к благоприятному для Мехмеда, а следовательно, и для июльского правительства результату. Тьер же в Париже держал в своих руках все нити этой интриги, искусно, по его мнению, законспирированной, и советовал Гизо ничего не открывать до того дня, когда он мог

бы торжественно огласить на конференции полный успех его тайной политики.

К несчастью, этот секрет был уже давно раскрыт. Понсонби в Константинополе и Аппоньи¹ в Париже не стоило большого труда всё разузнать. Пальмерстон же, который не любил оставаться в дураках, со своей стороны втайне готовил своё мщение. Его представитель при Порте не только изо всех сил, и не без успеха, старался замедлить заключение мира между султаном и его вассалом, но в то же самое время (в июне — июле), не жалея ни денег, ни всевозможных обещаний, вызвал в Сирии грозное восстание против Мехмеда-Али. Но злобная деятельность Пальмерстона против Франции развивалась главным образом в Лондоне. Уже давно, продолжая для вида переговоры с июльским правительством, он имел твёрдое намерение разрешить египетский вопрос не только без него, но даже против его воли. Что же ему нужно было для этого сделать? Сговориться с Россией? Но это уже было сделано. Увлечь за собой Австрию и Пруссию? Это было не так трудно. Эти два государства были обижены тем, что Франция пренебрегла их добрыми услугами. Английский министр объяснил им, что Франция их обманывала, как обманывала и другие две державы, и что она собиралась единолично повелевать Европой. В особенности он указывал на крайнее патриотическое возбуждение среди французов, готовых отречься от договоров 1815 г., кинуться на Германию и перевернуть всю Европу. Этого было достаточно для того, чтобы вызвать сильное раздражение у пруссаков. В это время в Берлине умер (7 июня) старый и миролюбивый Фридрих-Вильгельм III; его наследник Фридрих-Вильгельм IV² был заклятым врагом французов. Ему легко было внушить мысль о четверном соглашении, которое возобновило бы в известной степени великую коалицию 1814 г. против Франции. Что же касается Австрии, то она была менее расположена заключить предложенную сделку, так как она больше всего боялась войны, но она не желала оставаться вне союза, потому что, вступив в него, надеялась, с одной стороны, унижить Францию, а с другой — помешать при случае своим союзникам довести дело до полного разрыва.

Свои замыслы о четверном союзе Пальмерстон держал в большом секрете. Но как бы таинственно ни велись его

¹ Аппоньи (Антон-Рудольф, граф) родился в 1782 г. в родовитой венгерской семье, посланник Австрии в Тоскане, потом посол в Риме; посол в Париже с 1824 по 1849 г.

² Старший сын Фридриха-Вильгельма III и королевы Луизы; родился 15 октября 1795 г., умер 1 января 1861 г.

происки, они в конце концов не ускользнули от тревожной бдительности французского посла, который в конце июня и начале июля сообщил о своих тревогах Тьеру. Правда, Гизо не допускал возможности, что северные державы и Англия подпишут свой договор, не познакомив его предварительно с содержанием этого договора и не пригласив его присоединиться к ним. К тому же он не считал заключение подобного соглашения слишком близким. Что же касается его шефа, то последний всё время ждал окончательных известий из Александрии или из Константинополя. Пальмерстон же не хотел ждать. Время было дорого; его союзник Хозрев-паша не был уже больше великим визирем; Мехмед с часу на час мог помириться с Портой. Глава Форейн офис представил (4 июля) своим коллегам по кабинету текст конвенций, выработанных им с тремя северными державами. Некоторые из его коллег, правда, горячо протестовали против оскорбления, которое собирались нанести Франции, и выразили опасение, как бы это соглашение не привело к крупному столкновению. Но Пальмерстон с обычной уверенностью брал на себя ответственность за все последствия. Он утверждал, что Луи-Филипп ни в коем случае не начнёт войны, что Мехмед-Али не будет сопротивляться; затем он пригрозил своей отставкой. Словом, после кризиса, продолжавшегося несколько дней, его смелость восторжествовала. Конвенции были подписаны 15 июля.

Первая из них, а из неё вытекали и все остальные, указывала, что договаривающиеся стороны намерены исполнить просьбу султана и принять вместе с ним меры, необходимые для поддержания целостности и независимости Оттоманской империи; если египетский паша не согласится на предложения, которые ему будут сделаны, то они предпримут военную экзекуцию; с другой стороны, они ставили под свою коллективную охрану Константинопольский и Дарданелльский проливы. Затем излагался ультиматум, который через султана должен был быть отправлен Мехмеду-Али. Паше предлагалось очистить Кандию (Крит), святыне места, Адану и север Сирии. Взамен этого ему предлагали наследственную власть над Египтом и пожизненную — над Акрским пашалыком. Если же он по истечении десяти дней не примет этих условий, то получит только Египет; а если он будет упорствовать ещё 10 дней сверх этого срока, то ему ничего не гарантируют. Наконец, вопреки всем дипломатическим обычаям, особым протоколом устанавливалось, что державы приступят к выполнению договора, не дожидаясь его ратификации.

V

Трактат 15 июля, исключавший Францию из европейского концерта и заставлявший её в качестве пассивного и бес сильного зрителя присутствовать при гибели своего союзника, был подписан державами за два дня до того, как о нем узнал Гизо. Только 17-го числа Пальмерстон потрудился известить его. Да и то он прочитал ему не весь текст и скрыл от него *особый протокол*, быстрое исполнение которого он обеспечил ещё 13 июля, послав нарочного к адмиралу Стопфорду¹. Посол Луи-Филиппа выказал большую твёрдость и равнодушие в присутствии главы Форейн офис, с трудом удерживавшего свою горделивую радость. Но на самом деле Гизо был потрясён, да и было от чего.

При известии о том, что произошло в Лондоне, Тьер не мог сдержать своего негодования. Его гнев проявился с неудержимой воинственностью, впрочем, не столько в депешах, сколько в разговорах и в общем настроении. Он собирался обмануть Пальмерстона, а на деле тот насмеялся над ним. Его самолюбие жестоко страдало. А его искреннее патристическое чувство возмущалось при мысли, что его родину обманули, осмеяли и поставили в угрожаемое положение. Поэтому он решил принять все меры для того, чтобы иметь возможность, не теряя времени, смыть нанесённое Франции оскорбление. Впрочем, у него ещё оставалась твёрдая надежда на окончательный успех, который широко вознаградил бы его за понесённую неудачу. Не будучи осведомлён, что военная экзекуция, предполагавшаяся против Мехмеда-Али начнётся немедленно, и, кроме того, думая — как и все во Франции, — что паша непобедим и легко справится с четверным союзом, он полагал, что имеет впереди ещё несколько месяцев для переговоров и подготовки к военным действиям. Его план заключался в том, чтобы дотянуть до весны 1841 г., когда, по его расчётам, Франция будет в состоянии померяться силами с новой коалицией. Ему казалось почти несомненным, что четверной союз к тому времени сам собой распадётся перед сопротивлением паши и перед осложнениями, которые могут отсюда возникнуть; что, опасаясь войны с Францией, Австрия и Пруссия откажутся от участия в союзе. Если же этого не случится и если успехи Мехмеда заставят Англию и Россию обратить часть своих сил против паши, т. е. на Восток, то Франция решительно вмешается и с непреодолимой силой устремится через Рейн и через Альпы.

¹ Он крейсировал со своей эскадрой в неаполитанских водах.

Было ясно, что Тьер твёрдо решил не отступать перед возможностью войны, не веря, впрочем, в её неизбежность и не желая её. Что касается Луи-Филиппа, то он был настроен ещё более воинственно, чем его министр, если судить об его истинных намерениях по его речам после событий 15 июля. При известии о договоре король выказал очень сильное раздражение. «В продолжение десяти лет, — воскликнул он, — я ставлю преграды революции, рискуя своей популярностью, спокойствием и даже жизнью. Они мне обязаны европейским миром, прочностью своих тронов, — и вот их благодарность! Неужели они решительно добиваются того, чтобы я надел красный колпак?» Его гнев в особенности разразился против Австрии и Пруссии, по отношению к которым он делал всё, чтобы завоевать их расположение. «Вы неблагодарны, — запальчиво говорил он представителям этих двух держав. — Вы хотите войны, и вы будете её иметь; я спущу на вас тигра, если это только понадобится. Он меня знает, и я умею обращаться с ним. Посмотрим, будет ли он так почтителен с вами, как со мною». Эти вспышки патриотизма не были сплошным притворством. Луи-Филипп очень живо чувствовал обиду, нанесённую ему в Лондоне четырьмя союзными державами. Но тем не менее он твёрдо решил не делать ни одного выстрела и не ставить на карту будущность основанной им монархии, приняв вызов, брошенный ему коалицией. Он считал политически правильным (по его собственным словам, сказанным в небольшом обществе) кричать *громче самого Тьера*, чтобы не сделаться *самым непопулярным человеком* и чтобы запугать, если возможно, обе немецкие великие державы. Он желал расторжения четверного союза, он даже надеялся на таковое, так как тоже верил в возможность продолжительного сопротивления со стороны Мехмеда-Али. Но что бы ни произошло, он отнюдь не намеревался нарушить европейский мир. «Для вашего личного сведения, — говорил он конфиденциально своему послу в Вене Сент-Олеру, — я хочу вам сказать, что не позволю моему маленькому министру завлечь меня слишком далеко. В сущности он хочет войны, а я не хочу; когда у меня не будет других средств, я порву лучше с ним, чем с Европой».

А пока что король поддакивал своему *маленькому министру*, и это было крайне необходимо, потому что общественное мнение Франции было доведено до такой степени возбуждения, что если бы глава государства в этот момент выказал миролюбивые намерения, он, без сомнения, был бы немедленно свергнут с престола. Во всех театрах раздава-

лось пение Марсельезы. Все газеты, даже наиболее умеренные, призывали нацию к защите своих прав. Во всех частях королевства кипело негодование против трактатов 1815 г. и против нового Священного союза. Похождения и несчастья Наполеона были забыты. Помнили только о его славе. Возбуждение, носившее в одно и то же время революционный и цезаристский характер, было так велико, что молодой Луи Бонапарт, живший изгнанником в Лондоне, счёл момент удобным для того, чтобы вторично попытаться восстановить Империю. Английское правительство не могло не знать об его проектах и приготовлениях. Но в такой момент оно мало заботилось о том, чтобы предотвратить предприятие, которое, не имея ни малейшего шанса на успех, должно было всё-таки сильно встревожить и потрясти июльскую монархию. 6 августа принц в сопровождении нескольких искателей приключений возобновил в Булони безумное предприятие, которое так плохо удалось ему в Страсбурге в 1836 г. Как и тогда, его арестовали, но на этот раз правительство не сочло нужным выпустить его на свободу¹. Как ни смешна казалась его последняя попытка, она в сильной степени увеличила беспокойство короля: Луи-Филипп, продолжая открыто льстить народным страстям, счёл в то же время нужным тотчас же, не поднимая большого шума, просить коалицию, чтобы она положила конец изоляции Франции, созданной Лондонским договором.

Для этого он обратился за помощью к своему зятю Леопольду бельгийскому, всё ещё пользовавшемуся большим влиянием в Лондоне и в особенности при дворе королевы Виктории²; он сделал — через его посредство — официозное предложение снова допустить Францию в концерт великих держав для решения восточного вопроса. Леопольд защищал интересы Луи-Филиппа с тем большим пылом, что он сильно боялся за своё маленькое королевство, которому грозило присоединение к революционной Франции в случае европейского конфликта. Английская королева и её супруг, а также некоторые из английских министров, повидимому, благосклонно отнеслись к его предложениям. Но Пальмерстон не согласился уступить, а его влияние на британский кабинет и на три северные державы было так велико, что он без особого труда сумел настоять на своём. В меморан-

¹ Луи Бонапарт был предан суду палаты пэров, осуждён 6 октября на вечное заключение в Гамскую крепость. Он пробыл там до 1846 г., когда ему удалось бежать.

² Леопольд приходился дядей молодой королеве и незадолго до того просватал её (февраль 1840 г.) за одного из своих племянников, принца Альберта Саксен-Кобургского.

думе от 31 августа он уведомил французское правительство, что его отнюдь не лишают возможности вступить в европейский концерт, но что во всяком случае трактат 15 июля будет в точности приведён в исполнение. Такой ответ был новой насмешкой, только усилившей обиду, которую так болезненно ощущала июльская монархия.

Раздражённое этим насмешливым ответом, министерство Тьера было теперь менее чем когда-либо расположено отступить перед войной. 29 июля глава кабинета добился от короля приказа призвать под знамёна внушительное количество резервов. Он создал новые полки и чрезвычайно усилил работу оружейных заводов. Он усиливал флот и привёл все крепости в состояние обороны. 13 сентября он решился самостоятельно в отсутствие палат открыть кредит на 100 миллионов франков, чтобы приступить к сооружению укреплений Парижа. В то же самое время он выработал для предъявления четверному союзу такой текст ультиматума, который, по его мысли, должен был вызвать войну. Один из его агентов, граф Валуевский, посланный в конце июля в Египет, добился (25 августа) того, что Мехмед-Али ограничился требованием наследственного владения Египтом и пожизненного — Сирией. Затем он уехал (30 августа) в Константинополь, где должен был всеми силами поддерживать новые предложения паши. Тьер же постарался подчеркнуть важность уступок, на которые соглашались Франция и её протекже. Но одновременно он заявлял, что на дальнейшие уступки не пойдёт. «Если ваше правительство, — сказал он 18 сентября английскому поверенному в делах Булверу, — хочет действовать заодно с нами и убедить султана и другие державы принять эти условия, то между нами снова установится *сердечное согласие*. В противном случае мы будем вынуждены поддержать Мехмеда-Али, который под нашим влиянием согласился на такие уступки». «Вы, конечно, понимаете, мой друг, — прибавил он, смотря собеседнику в глаза, — всю важность того, что я вам сказал».

Такие заявления не могли не встревожить большинство членов британского кабинета. Коллеги Пальмерстона смотрели с отвращением на тесное сближение с Россией, этим исконным врагом Великобритании, — сближение, имевшее целью изолировать Францию. Они желали почётногo сближения с тюильрийским двором. Поэтому в последних числах сентября внутри кабинета произошли жаркие прения относительно предложенной июльским правительством мировой сделки. Глава Форейн офис не желал сколько-нибудь отступить от своей программы. Он утверждал с непоколебимой

уверенностью, что Мехмед-Али не устоит против союзных сил, а Лун-Филипп ни в коем случае не будет воевать. Последующие события не замедлили оправдать его слова.

В тот самый момент, когда коллеги почти принуждали его несколько изменить политику по отношению к Франции и манеру обращения с ней, с Востока прибыли два известия, приведшие Пальмерстона в восторг и уничтожившие последнюю надежду на примирение. Как раз когда турецкий агент отвозил Мехмеду-Али требования султана и ещё до возвращения его с ответом паши в Константинополь, англо-австрийская эскадра блокировала берега Сирии. 14 сентября наиболее укрепленный пункт в этой стране, Бейрут, был бомбардирован адмиралом Нэпиром и эвакуирован войсками Ибрагима. Три дня спустя Диван, вместо того чтобы согласиться на предложения Валуевского, объявил по настоянию Понсонби пашу лишённым всех прав на Египет.

Пальмерстон ликовал. Его политика одерживала верх по всем пунктам и не только на Востоке. Одновременно стало известно, что Испания окончательно подчинилась Великобритании. Мария-Христина только что перед тем отказалась от регентства, не выдержав борьбы с Эспартеро, в течение многих лет подрывавшим её авторитет; и в то время, когда она уезжала во Францию, этот генерал, хорошо известный своим англофильством, добился передачи ему от имени молодой Изабеллы руководства испанскими делами¹. Глава Форейн офис стал на некоторое время в Англии всеобщим кумиром; он возбудил её гордость до самых крайних пределов и в известной мере удовлетворил её традиционную национальную ненависть.

Во Франции известия о событиях в Бейруте и Константинополе вызвали всеобщий взрыв негодования. Ни страна, ни само правительство не были подготовлены к такому быстрому и бесцеремонному выполнению Лондонского договора. Во всех концах королевства только и говорили что о мести. Со всех сторон требовали войны. Тьер, не желавший немедленного открытия военных действий, всё более и более склонялся к тому, чтобы объявить войну в самом начале весны.

¹ После событий 1 сентября Мария-Христина была принуждена пригласить на пост председателя совета министров Эспартеро (16 сентября), который (29 сентября) торжественно вступил в Мадрид; 10 октября она принуждена была отказаться от власти и немного спустя покинула Испанию в то время, как герцог де ла Витория и его коллеги по новому министерству временно захватили в свои руки регентство.

Но он руководствовался странными иллюзиями. Например, вопреки событиям в Сирии, он всё ещё думал, что Мехмед-Али даст ему возможность дальнейшим своим сопротивлением закончить приготовления. Кроме того, он надеялся по своему усмотрению локализовать войну. У него был план ограничиться нападением на Италию, которую, как ему казалось, легко было революционизировать и поднять против Австрии. Он думал, что Пруссия отнесётся к этому равнодушно. Но думать так мог только тот, кто совершенно не знал этого государства, его короля и вообще Германии, которая в это время поднялась, как один человек, и, дрожа от ненависти, готовилась ринуться, как в 1813 г., на *наследственного врага*. По всей территории Германского союза были слышны только призывные крики к войне. От Вены до Берлина, от Гамбурга до Мюнхена декламировали с диким увлечением стихотворение Беккера «Немецкий Рейн». Вождения, оставшиеся неудовлетворёнными в 1815 г., заявляли теперь о себе, требуя в качестве добычи Эльзас и Лотарингию. Чувство германского единства, ненадолго усыпленное, снова разгоралось со страшной силой. С непреодолимой силой пришёл в движение поток, который уже нельзя было остановить вплоть до 1870 г.

Этого обстоятельства не принял в соображение Тьер, а вместе с ним вся, или почти вся, Франция. Что произошло бы, если бы тогда была объявлена война, которой требовала Франция? Совершенно неизвестно. Всякие утверждения по этому вопросу были бы бесполезны и необоснованы. Но во всяком случае налицо имелись серьёзные обстоятельства, мешавшие вспыхнуть европейскому конфликту, который казался тогда неизбежным.

Дело в том, что Луи-Филипп во что бы то ни стало желал сохранить мир. Более спокойный и проницательный, чем Тьер, он после бомбардировки Бейрута не питал больше никаких иллюзий относительно силы сопротивления Мехмеда-Али. Поэтому он твёрдо решил не компрометировать себя из-за паши. В первых числах октября он самым решительным образом отказался подписать предложенные его министром декларации, способные привести Францию к войне. Тогда Тьер, не задумываясь, подал в отставку. Его умоляли взять её обратно, указывая, что ввиду возбуждения умов во Франции его отставка может иметь роковые последствия для июльской монархии. Он согласился остаться, отозвал с Востока французскую эскадру, которая не могла находиться там рядом с английской, не подвергаясь возможности случайного конфликта, вроде имевшего место у Наварина; затем он составил 8 октября ноту, где

под *casus belli* подводился лишь тот случай, когда четверной союз попытается отнять у Мехмеда-Али Египет. Это было равносильно отказу от *casus belli* вообще, так как Австрия, не менее Луи-Филиппа желавшая избежать войны, заявила, что, по её мнению, вынесенное в отношении паши решение лишить его прав должно служить только угрозой, не подлежащей исполнению; то же самое подтвердил и Пальмерстон под давлением своих коллег и Меттерниха.

Однако сохранение мира было совсем уж не так обеспечено, как это можно было бы ожидать после указанной ноты. У Тьера была своя задняя мысль. Опираясь на общественное мнение, он не терял надежды, что ему удастся одержать верх над Луи-Филиппом. Он говорил и громко повторял, что Франция обязана выговорить в пользу Мехмеда-Али более выгодные условия, чем те, которые были предложены ему 15 июля. Он с лихорадочной поспешностью продолжал начатое вооружение и отнюдь не сбавлял принятого им два месяца тому назад воинственного тона. Луи-Филипп, уже давно побуждаемый Меттернихом выказывать свои миролюбивые чувства путём отстранения от дел такого министра¹, ожидал лишь благоприятного случая для того, чтобы отделаться от Тьера. Такой повод дало ему новое покушение², жертвой которого Луи-Филипп чуть не сделался 15 октября; это покушение, как всегда бывает в подобных случаях, временно вернуло ему популярность. С этого времени падение Тьера было окончательно решено в Тюильри. Несколько дней спустя председатель совета министров представил Луи-Филиппу составленный им проект

¹ В своих конфиденциальных депешах к Аппоньи, часто сообщавшихся, по крайней мере вкратце, Луи-Филиппу, канцлер не переставал твердить, что Тьер представляет собой ту партию, которая погубит июльскую монархию... «Король имеет свою партию, — писал он 20 августа, а министр — свою. Как может Франция внушать доверие при таких условиях? Армия, которой распоряжается г. Тьер (*заметьте, я не говорю: королю*), есть армия Революции; и куда заведёт она июльское правительство и Францию, если бы даже она и имела успех за границей? Разрушать может быть приятно только маниакам...» «Иностранные державы (читаем мы в другой депеше Меттерниха 23 октября) отнюдь не собираются усвоить эту систему смерти и разрушения и ещё менее расположены позволить навязать её себе. Если бы Европе ещё нужен был урок для правильной оценки баррикад 1830 г., то приход к власти г. Тьера дал ей таковой. Франция смотрит на Европу, как на *оброчную статью*; Европа же не разделяет такого воззрения и поэтому возмущается и будет возмущаться ещё больше, когда посягательства Франции примут более обнажённую форму».

² Покушение Дермеса.

речи, которую тот должен был произнести при открытии палат¹; Луи-Филипп нашёл тон её слишком воинственным и потребовал замены её столь бесцветным текстом, что Тьер со своей стороны запротестовал. Король не уступал; глава министерства и все его коллеги тотчас же подали в отставку, которая на этот раз была принята. Девять дней спустя (29 октября) был сформирован новый кабинет. Председателем его был Сульт, но действительным политическим главой с самого же начала сделался Гизо², назначенный министром иностранных дел.

VI

Это было консервативное и миролюбивое министерство, именно такое, о каком мечтал Луи-Филипп и какое с давних пор советовал ему сформировать Меттерних. Но как долго оно могло продержаться? Все думали, что недолго, потому что с самого начала оно не пользовалось популярностью; да и задача, которую ему надо было выполнить, была очень неблагоприятна. Ему предстояло примирить Францию с Европой. Но могло ли оно исполнить это, не роняя достоинства

¹ Созванных 28 октября.

² Гизо (Франсуа-Пьер-Гильом) родился в Ниме 4 октября 1787 г., в старинной протестантской семье; воспитывался в Женеве с 1794 г., с 1805 г. завязал сношения в Париже с вожаками роялистской партии, профессор истории в Сорбонне (1812); главный секретарь министерства внутренних дел (апрель 1814 г.); эмигрировал в Гент во время «Ста дней»; главный секретарь министерства юстиции (1815—1816); докладчик в Государственном совете (1816), затем член Государственного совета (1817); в опале (1820) как один из главарей партии доктринёров; основатель и деятельный член общества «Aide toi, le ciel t'aidera», автор политических и исторических трудов, слишком известных и потому здесь не перечисляемых; они принесли ему большую славу уже в эпоху Реставрации; в 1828 г. приглашён обратно в Государственный совет и Сорбонну, где за несколько лет перед тем его курс был запрещён; министр внутренних дел (11 августа 1830 г.); подал в отставку в ноябре следующего года; министр народного просвещения с 11 октября 1832 г. по 22 февраля 1836 г., затем с 6 сентября 1836 г. по 15 апреля 1837 г.; поссорился с Моле и сверг его в 1839 г. при помощи знаменитой коалиции, посол в Лондоне (февраль 1840 г.); министр иностранных дел с 29 октября 1840 г. по 23 февраля 1848 г. (и председатель совета министров с 19 сентября 1847 г.); удалился в Англию (1848), откуда возвратился в следующем году; неудачный кандидат в Законодательное собрание (1849 г.); умер в Валь-Рише 12 сентября 1874 г., посвятив последнюю часть жизни значительным трудам по истории и религиозной морали, а также академической работе (он был принят в Академию моральных и политических наук с 1832 г., в Академию надписей и изящной словесности — с 1833 г. и во Французскую академию — с 1836 г.).

страны, после Лондонского трактата и всего, что потом произошло? Подобно Луи-Филиппу, Гизо имел твёрдое намерение сохранить мир. Но он не соглашался купить его ценой унижительного и безоговорочного подчинения прихотям четверного союза. Без сомнения, приходилось уступить коалиции, раз было решено, что войны не будет. Но разве нельзя было до некоторой степени соблюсти приличия и дать известное удовлетворение самолюбию французов? В этом отношении новое французское министерство питало сначала кое-какие надежды. Оно полагало, что, учитывая те гарантии порядка и спокойствия, которые оно само по себе представляло для монархической Европы, четыре союзных двора, быть может, сделают ему больше уступок, чем прежнему кабинету. Не желая поставить себя в неловкое положение официальным обращением, Гизо начал стороной узнавать через короля Леопольда, не сочтёт ли теперь коалиция возможным облегчить ему дело успокоения Франции и возвращения её в число членов европейского концерта, несколько изменив ультиматум 15 июля в более благоприятном для Мехмеда-Али смысле. Его осторожное обращение было бы не дурно встречено в Лондоне, если бы Пальмерстон, влияние которого в делах высокой дипломатии в это время было безгранично, не отказался грубым образом от всяких уступок. «Мы не можем, — писал он, — подвергать опасности интересы Европы ни из страха перед Тьером, ни из угрождения Луи-Филиппу или Гизо. Если мы уступим, то французский народ может подумать, что мы уступаем его угрозам, а вовсе не просьбам Луи-Филиппа. Я ещё прибавлю, что наши дела в Сирии идут великолепно и что нужно быть на самом деле ребёнком, чтобы прекратить свою деятельность в тот момент, когда достаточно небольшой настойчивости для полного успеха во всех отношениях... Единственный способ держать таких людей в должном почтении заключается в том, чтобы дать им ясно понять, что им ни на шаг не уступят и что имеется возможность силою отразить их силу...»¹ Глава Форейн офис не признавал за французским правительством права рассуждать «о выполнении договора, в заключении которого оно не участвовало», и заявлял, что не боится ни его гнева, ни его угроз. «Трудно представить себе, — читаем мы в одной из его депеш, — в чём могут заключаться опасные последствия, которые, по мнению г. Гизо, должны произойти вследствие неучастия Франции в данном деле умиротворения».

¹ Делепша лорда Пальмерстона английскому послу в Париже лорду Гранвиллю.

Не вся Англия одобряла обидную грубость Пальмерстона. Но почти в тот самый момент, когда сотоварищи его собирались склонить его на некоторые уступки по отношению к июльскому правительству, с Востока пришли известия, вполне оправдывавшие его надменные предсказания и доставившие ему лёгкую победу над сторонниками соглашения, предложенного королём Леопольдом. А именно, в это время стало известно, что вся Сирия уже не находится во власти Мехмеда-Али. Почти все города на побережье сдались в течение октября англо-австрийской эскадре, а Сен-Жан-д'Акр, главная твердыня страны, капитулировал 2 ноября. В центральной же части страны Мехмед-Али не мог удержаться вследствие восстания, раздуваемого английскими агентами. Пальмерстон, совсем не расположенный щадить старого пашу, протеже Франции, теперь стал поговаривать о том, чтобы лишить его и последней точки опоры, т. е. Египта; казалась, он решил до конца использовать свою силу, чтобы отнять у паши даже эти последние его владения.

При таком положении дел французское министерство, при всём его желании сохранить мир, не могло оставаться безучастным. Гизо объявил в ноте 16 ноября, что Франция, исключённая четверным союзом из европейского концерта, будет выжидать того момента, когда ей можно будет вступить в него, не жертвуя ни своим достоинством, ни своими правами, но что до тех пор она сохранит полную свободу действий. Несколько дней спустя, подвергаясь в палате депутатов жестоким нападкам со стороны Тьера и его сторонников, упрекавших его в желании сохранить мир какою бы то ни было ценой, Гизо должен был открыто подтвердить, что он остаётся верен ноте 8 октября (25—28 ноября). Франция не потерпит, говорил он, чтобы Мехмед-Али был лишён Египта. И в доказательство серьёзности своих заявлений кабинет Сульта продолжал начатые его предшественником вооружения. Таким образом, общеевропейский конфликт вовсе не был ещё окончательно предотвращён.

В Германии народное возбуждение было ещё более велико, чем во Франции. 8 ноября Меттерних писал Аппоньи: «Господин Тьер любит, чтобы его сравнивали с Наполеоном; если хотите, то, поскольку дело идёт о Германии, это сходство является полным, и пальма первенства принадлежит Тьеру. Ему достаточно было небольшого промежутка времени для того, чтобы довести эту страну до такого состояния, до какого довели её 10 лет гнёта при императоре. Вся Германия готова воевать, и это будет война народа с народом... Все одинаково готовы бороться со вторжением революционных полчищ...» Несколько дней спустя (24 ноября),

повторяя, что национальное чувство *возбуждено в Германии не менее, чем в 1813 и 1814 гг.*, он предписал послу «не скрывать от французского правительства, что если в весьма короткий срок положение вещей не изменится в смысле предоставления необходимых гарантий моральной и материальной безопасности, *Австрия и Пруссия не будут в состоянии воспрепятствовать принятию мер, которые Германский союз сочтёт нужным принять для обеспечения своей безопасности*». Берлинский кабинет высказался в том же смысле. Прусский и австрийский дворы делали вид, что опасаются, как бы Луи-Филипп не был вовлечён в войну силой народного движения, которому он, по их мнению, не будет в состоянии противодействовать. Они, казалось, боялись, что 15 декабря, в день торжественного прибытия останков Наполеона в Париж, произойдёт патриотический взрыв, гибельный для европейского мира¹. Они не оставили министерство Сульта в неизвестности относительно того, что на только что состоявшейся конференции в Вене они договорились по поводу военных мер на случай войны с Францией. Но Гизо, при всём своём старании рассеять их опасения, не мог согласиться на просимую ими гарантию мира, т. е. на немедленное разоружение. Как он им основательно указывал, поведение Англии было настолько вызывающим, что июльское правительство не могло, не подвергая себя опасности и позору, согласиться на подобную меру. В данный момент предложение отступить на шаг должно было быть сделано не Франции, а Англии.

Действительно, опьянённый своими успехами, Пальмерстон держал себя более вызывающе, чем когда-либо. Его требования начинали переходить все границы разумного. Об этом можно судить по поступкам, которые позволял себе его главный агент в Константинополе Понсонби. После взятия Сен-Жан-д'Акра адмирал Нэпир, рискуя вызвать столкновение между Францией и Англией, не задумываясь, двинулся к Александрии и пригрозил ей немедленной бомбардировкой, если Мехмед-Али не изъявит, наконец, покорности. Паша подчинился, и тотчас же была заключена (25 ноября) конвенция, согласно которой Мехмед обязывался очистить Сирию, возвратить турецкий флот, а четверной союз давал обещание прекратить всякие враждебные действия и выхлопотать паше наследственное владение Египтом. Но едва только в Константинополе узнали об этой сделке, которая могла бы положить конец кризису, как Пон-

¹ Эта церемония была произведена в назначенный день и не вызвала ни малейшего волнения.

сонби принял все меры к тому, чтобы свести её на-нет. И это ему вполне удалось. Благодаря его проискам министры султана заявили, что его светлость не признает александрийского компромисса и намерен предоставить возмущившемуся вассалу только пожизненные права.

VII

Таковы были известия, докатившиеся до Парижа и Лондона в первых числах января 1841 г. Понятно, Пальмерстон одобрил турецкий ответ. Таким образом, снова стал на очередь вопрос об умиротворении Востока. Европейский кризис, вызванный лондонским договором, казалось, обострился ещё более, чем прежде. Как ни велико было желание французского правительства уклониться от столкновения, оно не могло разоружиться, не покрыв себя позором и не обрекая себя, может быть, на гибель. Поэтому оно продолжало держать свои войска на военном положении и внесло в палату депутатов проект закона относительно укреплений Парижа, который был принят подавляющим большинством голосов после прений, прошедших с большим успехом (21 января — 1 февраля)¹. Решительный образ действий Франции не мог не обеспокоить две великие немецкие державы, которым, несмотря на их угрозы и высокомерные замашки, было не по себе. В особенности старалась уклониться от войны Австрия. Луи-Филипп и Гизо догадывались об этом. Если они и делали вид, что готовятся к войне, то это было с их стороны только маневром, чтобы заставить венский двор оказать всяческое давление на Англию и тем сделать войну невозможной. Желая прежде всего сохранить в Европе *status quo*, Меттерних склонялся к тому, чтобы уладить дело путём переговоров с кабинетом 29 октября. При содействии этого столь консервативного и миролюбивого министерства он надеялся окончательно вовлечь Францию в орбиту австрийской политики. А пока он счёл благоразумным со своей стороны протянуть ей руку и оказать услуги, чтобы таким образом предупредить новые осложнения в Европе. Раз Австрия уклонялась от войны, Пруссия, конечно, не решалась рисковать одна: в её интересах было действовать совместно с этой державой, чтобы устранить на Рейне всякую возможность войны. Два великих немецких двора стали, таким образом, в январе 1841 г. искренне работать над делом умиротворе-

¹ Этот закон был затем рассмотрен в палате пэров и принят ею (23 марта — 1 апреля 1841 г.).

ния Востока. Необходимо было решить египетский вопрос для того, чтобы Франция согласилась выйти из того угрожающего настороженно-выжидательного положения, в котором она замкнулась; как в Берлине, так и в Вене с нетерпением стали ожидать, когда же, наконец, она вернётся в европейский концерт.

Ввиду всего этого, несмотря на скрытую оппозицию России и явное неблагожелательство Пальмерстона, Австрия и Пруссия вскоре склонили четверной союз на такое соглашение, которое было приемлемо для кабинета 29 октября. Действительно, благодаря этим двум державам союз выработал 31 января ноту, приглашавшую Порту «не только отменить постановление об удалении Мехмеда-Али с его поста, но, кроме того, дать ему обещание, что его потомки по прямой нисходящей линии будут назначаться султаном пашами Египта».

Для июльского правительства это было довольно слабым успехом. Но это был всё-таки успех. Оно могло теперь без позора примириться с четырьмя великими державами, которые склоняли его к этому. Правда, принятие такого предложения после тяжкого оскорбления, нанесённого Франции 15 июля, не свидетельствовало бы об особенно гордой политике. Раздражение против *Священного союза*, заключённого в Лондоне, было всё ещё велико во Франции. Общественное мнение желало, чтобы правительство продолжало придерживаться по отношению к Европе той холодной и обособленной политики, которую, казалось бы, предписывало ему его оскорблённое достоинство. Но, с другой стороны, Гизо, хорошо осведомлённый своими агентами, боялся, как бы упорный отказ не вызвал раздражения у союзников Лондона и чтобы перед лицом добровольно обособившейся и враждебной Франции они не превратили случайную и временную лигу 15 июля в постоянный союз. Он не хотел возрождения Шюмонского договора. После долгих размышлений он не счёл возможным отклонить предложения, пересланные ему поверенным в делах Франции в Англии Буркенэ¹, и уполномочил этого дипломата вступить в переговоры по поводу заключения *пятерного договора*. Впрочем, он категорически предписал ему не начинать переговоров иначе, как на следую-

¹ Буркенэ (Франсуа-Адольф, барон) родился в Париже в 1800 г. Первый секретарь посольства в 1828 г.; послан с поручением (1834) в Лондон, затем там же посланник; посол в Константинополе с 1843 по 1848 г.; посланник (1853), потом посол в Вене; второй уполномоченный Франции на Парижском конгрессе (1856); сенатор (1857); уполномоченный Франции на Цюрихском конгрессе (1859); умер 26 декабря 1869 г.

ших условиях: 1) инициатива договора будет исходить не от Франции, а от других держав; 2) Мехмеду-Али будет обеспечено наследственное владение Египтом; 3) трактат 15 июля, которым Франция не желает заниматься, будет считаться исчерпанным и не подлежащим обсуждению; 4) прекращение действия этого договора будет объявлено французскому правительству официальной нотой; 5) наконец, вопрос о разоружении, так волнующий Францию, не будет вовсе поднят. Если эти пункты будут приняты, июльское правительство заключит с *четырьмя* державами конвенцию относительно Востока. Но оно желало, чтобы эта конвенция имела существенное значение; чтобы были оговорены не только закрытие проливов (бывшее исконным правом султана), но и самостоятельность и неприкосновенность Оттоманской империи, гарантия для сирийских христиан, свобода или нейтралитет дорог в Азии через Суэц и Евфрат и т. д.

На этой основе, предложенной Гизо, были начаты в Лондоне в январе 1841 г. переговоры. Буркенэ вёл их довольно быстро, и через несколько недель было достигнуто почти полное согласие. Предварительные условия Франции в общем были приняты. В первых числах марта июльское правительство добилось составления протокола о завершении и прекращении действия договора 15 июля; одновременно был предложен на подписание и проект конвенции пяти держав. Правда, эта конвенция не имела той полноты и значения, которые хотел придать ей Гизо. Россия решительно отказалась гарантировать неприкосновенность и самостоятельность Оттоманской империи. Англия и слышать не хотела о путях в Азии или о сирийских христианах. Словом, проект свёлся к декларации, что Константинопольский и Дарданельский проливы останутся под абсолютным суверенитетом Турции и будут закрыты для военных судов всех других держав.

Хотя указанный проект и не соответствовал полностью его желаниям, Гизо всё-таки собирался уже его подписать, как вдруг пришедшие из Константинополя важные известия, казалось, снова сделали сомнительным умиротворение Востока (19 марта). Хатти-шерифом 13 февраля султан даровал Мехмеду-Али наследственное право над Египтом. Но по наущению английского посла он обставил этот акт такими условиями и оговорками, что наследственное право стало почти призрачным. А именно, он собирался утверждать каждый раз по своему выбору одного из наследников Мехмеда-Али и требовал, чтобы порядок сбора налогов в Египте определялся Портой, чтобы четвёртая часть собранных налогов поступала в турецкую казну, чтобы паша сократил свою

армию до 18 тысяч человек и чтобы он не мог назначать ни одного офицера в чине выше капитана. Словом, Мехмед-Али отверг подобное предложение, и Франция объявила, что не может подписать конвенцию о проливах до тех пор, пока ему не будет дано удовлетворение.

Кризис возобновился, таким образом, ещё раз вследствие агрессивного упорства Англии. На этот раз Меттерних, жаждавший мира, чуть было не потерял терпения. Он тотчас же очень энергично вмешался в дело (29 марта), сумел добиться отставки реис-эффенди (Решид-паши, ставленника Понсонби) и назначения на его место Рифаат-паши, значительно более миролюбивого политика, и получил, наконец, хатти-шериф, который мог удовлетворить Мехмеда-Али: наследственность устанавливалась по порядку первородства; паша мог назначать офицеров до чина полковника включительно; наконец, он должен был платить в виде дани определённую, установленную с обоюдного согласия сумму. Парижский и лондонский дворы были извещены об этом соглашении в мае месяце. Казалось, что после этого ничто не могло помешать официальному примирению пяти держав. Но несговорчивый Пальмерстон сумел создать новые затруднения; теперь (в конце мая) он начал говорить о мерах принуждения против Мехмеда-Али, в случае если он не удовлетворится последними уступками султана. Недовольство Австрии и Пруссии, казалось, ничуть не беспокоило Пальмерстона. Наконец, в конце июня было получено известие, что 10-го числа египетский паша торжественно согласился на условия последнего хатти-шерифа. У Пальмерстона больше не было основания затягивать кризис. Вся Европа требовала, чтобы он положил ему конец. Однако, если бы дело зависело от него одного, кризис бы не прекратился. Глава Форейн офис никогда не верил, что Франция решится на войну; он установил, что эта держава начала втихомолку разоружаться; он видел, что она очень занята в Алжире, где ей приходилось держать большую армию и где она, видимо, решила покончить с Абд-эль-Кадером, что ему совсем не нравилось¹. Ввиду всего этого он был бы крайне рад, если бы ему удалось досадить Франции новыми кознями. Но его вызывающая и придиричавая политика уже подорвала его кредит. Австрия и Пруссия противодействовали ему; Россия поддерживала его более чем слабо. Кабинет,

¹ Генерал Бюжо был назначен генерал-губернатором Алжира в декабре 1840 г. Именно с этого момента и началось систематическое завоевание этой страны. Оно было закончено ранее конца царствования Луи-Филиппа.

в котором он принимал участие и который он поставил в неловкое положение своим упрямым намерением нарушить покой Европы, был, к тому же, накануне падения¹. Поэтому он уступил, хотя и неохотно, и 13 июля были подписаны два давно уже подготовлявшихся дипломатических акта: один — Австрией, Великобританией, Пруссией и Россией; а другой — этими же четырьмя державами, но с участием Франции. Первый из них разрешал египетский вопрос; второй — гарантировал нейтралитет проливов.

Кризис окончился. Европа, в течение двух лет находившаяся между войной и миром, наконец, избежала той всеобщей войны, которая, без сомнения, поставила бы под угрозу всю работу Венского конгресса. Но, по правде говоря, равновесие, с таким трудом восстановленное, далеко не было прочным. На политическом горизонте появлялись ещё более грозные тучи, чем перед 1840 г. Что бы ни говорили дипломаты, восточный вопрос не был разрешён. Пролиты были закрыты только на бумаге. Турция менее чем когда-либо в состоянии была заставить своей авторитет. Россия понимала, что если, действуя совместно с Англией, она и способствовала некоторому унижению Франции, то по существу она всё-таки оказалась одураченной. Она потеряла то, что приобрела когда-то по Ункиар-Искелесскому трактату. Николай I хотел теперь вернуть потерянное. Но ему необходимо было для этого порвать со своей недавней союзницей — Великобританией. Это было неизбежно. Крымская война уже содержалась в зародыше в конвенции о проливах. Относительно Египта тоже ничего не было решено окончательно: Мехмед-Али, без сомнения, вынужден был отступить; но британским проискам не удалось полностью отнять у него его владения. Уменьшённая в своих размерах, его империя обладала теперь гарантиями, недостававшими ей до кризиса. Франция имела теперь возможность пробить брешь в английской политике и в Александрии, и в Алжире, и даже в Мадриде, где снова возродилось её влияние. Правда, она выходила из только что описанного нами дипломатического конфликта униженной и нравственно расшатанной — отчасти по своей вине. Она снова возбудила недоверие Европы неуместными вызовами и безрезультатными угрозами. Грубо отвергнутая, она сумела с заднего крыльца вернуться в концерт великих держав, но очутилась в нём под крайне обидным надзором, как и после 1815 г.; её пра-

¹ Он несколько раз оставался в парламенте в меньшинстве. Нижняя палата была распущена, и всё позволяло думать, что на ближайших выборах тори одержат победу.

вительство совершенно потеряло доверие нации, и с этих пор стала неизбежной та революция, которая должна была положить конец правлению Луи-Филиппа. Июльская монархия скомпрометировала себя тем более бесповоротно, что она решительно склонилась к союзу с Австрией, так как не могла открыто на почётных условиях снова сблизиться с Англией; тем самым она переходила к реакционной политике и обрекала себя на окончательную утрату популярности. Британское же правительство, которое, наоборот, играло в течение последнего кризиса первенствующую роль и уже не было вынуждено ухаживать за Россией, входило мало-помалу в роль покровительницы революции в Европе. Наконец, одним из явных результатов кризиса 1840 г. было национальное движение в пользу объединения Германии, которое через несколько лет приобрело непреодолимую силу¹.

¹ Источники: *Blans* (L.), *Histoire de dix ans*, t. V; — *Berryer*, *Discours parlementaires*; — *Butwer*, *Life of Palmerston*, t. II et III; — *Cadavène* (de) et *Barrault* (E.), *Deux années de l'histoire de l'Orient*, 1839—1840; — *Canitz-Dallwitz* (baron de), *Denkschriften*, t. I et II; — *Capefigue*, *L'Europe depuis l'avènement du roi Louis Philippe*, t. X; — *Correspondence relative to the affairs of the Levant*; — *Duvergier de Hauranne*, de l'Etat actuel de l'Angleterre (*Revue des Deux Mondes*, 1-er septembre 1840); de l'Alliance anglo-française et de l'ouverture du parlement anglais (*Revue des Deux Mondes*, 15 février 1841); de la dernière Session du parlement et du nouveau ministère (*Revue des Deux Mondes*, 1-er août 1841); de la Convention du 13 juillet 1841 et de la situation actuelle de la France; *Question d'Orient* (*Revue des Deux Mondes*, 1-er septembre 1841); — *Faucher* (L.), *la Question d'Orient d'après les documents anglais* (*Revue des Deux Mondes*, 15 novembre, 1-er et 15 décembre 1841); — *Greville* (Ch.), *Mémoires*, t. I et II; — *Guizot*, *Mémoires*, t. V et VI; — *Haussonville* (comte d'), *Histoire de la politique extérieure du gouvernement français*, (comte d'), *Histoire de la politique extérieure de France*, t. I; — *Hillebrand*, *Geschichte Frankreichs*, t. II; — *Heine* (H.), *Lutèce*; — t. I; — *Juchereau de Hubbard*, *Histoire contemporaine de l'Espagne*, t. IV; — *Juchereau de Saint-Deñis*, *Histoire de l'empire ottoman*; — *Lavergne* (L. de), *Annuaire d'Espagne* (*Revue des Deux Mondes*, 1840—1841); — *Lesur*, *Annuaire historique*, années 1839—1841); — *Mac-Carthy*, *Histoire contemporaine de l'Angleterre*, t. I; — *Martin* (Théodore), *le Prince Albert de Saxe-Cobourg*, époux de la reine Victoria, t. I; — *Mazade* (Ch. de), *Monsieur Thiers*; — *Merruau* (P.), *l'Égypte contemporaine*; — *Metternich* (prince de), *Mémoires*, documents et écrits divers, t. VI et VII; — *Mouriez*, *Histoire de Méhémet-Ali*; — *Napier*, *Guerre de Syrie*; — *Peel* (Robert), *Mémoires*; — *Ranke* (L. von), *aus dem Briefwechsel Friedrich-Wilhelms IV mit Bunsen*; — *Regnault* (E.), *Histoire de huit ans*, t. I; — *Saint-Rene Taillandier*, *le Roi Léopold et la reine Victoria*; — *Senior*, *Conversations with M. Thiers, M. Guizot and other distinguished persons*; — *Thiers*, *Discours parlementaires*; — *Thouvenel* (Ed.), *Progrès de la Russie dans l'Asie centrale* (*Revue des Deux Mondes*, 15 décembre 1841); — *Thureau-Dangin*, *Histoire de la monarchie de Juillet*, t. III et IV, etc.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ТРУДНОСТИ ПРИМИРЕНИЯ

I. Во что превратилось «сердечное согласие». — II. Право осмотра в 1841 и 1842 гг. — III. Неудача франко-бельгийского таможенного союза. — IV. Французские и английские интриги в Испании; падение Эспартеро. — V. Колониальная политика Луи-Филиппа. — VI. Успехи его дипломатии в Испании и в Греции. — VII. Инциденты в Марокко и на острове Танти. — VIII. Урегулирование права осмотра. — IX. Вопрос об испанских браках. — X. Июльская монархия, венский двор и контрреволюция.

(1841—1845)

I

На следующий день после только что изложенных нами событий англо-французское согласие — главная опора политического равновесия и всеобщего мира с 1830 г. — было нарушено. Вопросом первостепенной важности стал вопрос о том, удастся ли восстановить это согласие. Усилия лондонского и парижского дворов, направленные к возобновлению прежних дружественных отношений, и обстоятельства, помешавшие этому, являются единственными моментами, придающими некоторый интерес дипломатической истории Европы с конца 1841 и до последних дней 1845 г.

Вследствие враждебного отношения Англии положение Луи-Филиппа сделалось весьма шатким. Поэтому, не отказываясь от союза с Австрией, бывшего для него с давних пор излюбленной мечтой и представлявшегося ему теперь последним средством спасения, он считал крайне необходимым вернуть себе дружбу государства, которое, идя рука об руку с Францией, легко могло держать в повиновении всю Европу. Французский король и его министр Гизо совершенно ясно представляли себе все те нежелательные последствия, которые должны были бы быть результатом открытой дружбы с венским двором. Главная опасность заключалась в том, что эта дружба создавала впечатление полного сговора с контрреволюцией. Ничего подобного не приходилось опасаться при союзе с Англией. Но для этого требовалось, чтобы лондонский двор согласился на предложения, которые

собиралось ему сделать французское правительство, чтобы, изменив свою политику, он придал ей консервативный и миролюбивый характер, который соответствовал бы политике нового французского кабинета. Пока Пальмерстон оставался во главе министерства иностранных дел, сближение, столь желательное для июльского правительства, было невозможно. Но несколько дней спустя после заключения конвенции о проливах, этот «сорви-голова» на некоторое время сошёл со сцены. После общих выборов, давших партии тори значительное большинство, 30 августа 1841 г. кабинет Мельбурна вышел в отставку, и 3 сентября того же года в Лондоне был образован кабинет, в котором Роберт Пиль был первым лордом казначейства, а пост главы Форейн-офис занял лорд Эбердин. Последний — человек сдержанный и миролюбивый — был сторонником англо-французского сближения в той же степени, в какой Пальмерстон был его противником. Его шеф — более резкий и менее расположенный к Франции — тем не менее был готов порвать с привычными для кабинета Мельбурна методами провокации и систематического недоверия по отношению к Франции. Объединённые общностью взглядов в вопросах внутренней политики и стремлением к миру, оба кабинета, лондонский и парижский, казалось бы, должны были легко притти между собой к соглашению по всем вопросам и во всяком случае искренне желали этого. Но такая задача оказалась им не под силу. Три северных двора, заинтересованных в том, чтобы не допустить такого примирения, естественно, всячески старались помешать ему. Кроме того, у Луи-Филиппа, с одной стороны, и у английского королевского дома — с другой, были свои личные планы и намерения, которые не совпадали и потому весьма затрудняли установление сердечного согласия между обоими правительствами. Необходимо добавить, что и с точки зрения национальных интересов между Францией и Великобританией в этот момент существовали глубокие разногласия по многим вопросам, вследствие чего надежда на их примирение представлялась призрачной. Но главным препятствием к примирению, которого желали министры, являлось владевшее обоими народами чувство обиды, до крайности обострённое последними событиями, чувство, которое не в состоянии были обуздать или усыпить хладнокровие и ловкость дипломатов. Обе нации стояли лицом к лицу, возбуждённые, держа в руках своё знамя, и с недоверием следили одна за другой. Каждую уступку своей сопернице Англия рассматривала как непростительную глупость, Франция — как трусость и даже измену.

II

Луи-Филипп и Гизо, не отдавая себе в достаточной мере отчёта в таком настроении умов, сочли нужным в конце 1841 г. доказать британскому правительству миролюбие своих намерений, заключив трактат, который в иное время общественное мнение, конечно, не поставило бы им в упрёк, но который теперь оно склонно было рассматривать как преступление. Известно, что Англия — отчасти из человеколюбия, отчасти из собственного интереса — уже много лет добивалась уничтожения торговли неграми. Для того чтобы провести на практике постановления Венского конгресса, направленные против этого отвратительного промысла, британское правительство завязало с главнейшими морскими державами Старого и Нового Света переговоры, добиваясь установления строгого надзора вокруг берегов Африки, главного места торговли. Надзор этот предполагал право осмотра кораблей, подозреваемых в перевозке рабов. Некоторые восторженные государства с большей или меньшей готовностью подчинились этому требованию. Присоединение Франции к трактату являлось весьма необходимым для Англии; после довольно долгого сопротивления парижский кабинет согласился на предложение британского правительства. Это произошло вскоре после 1830 г., т. е. тогда, когда июльская монархия охотно шла на жертвы ради союза с Англией. Двумя договорами, заключёнными между Францией и Великобританией 30 ноября 1831 г. и 22 марта 1833 г., стороны обоюдно признали друг за другом право осмотра кораблей в той части африканского побережья, которая особенно нуждалась в надзоре, и установили правила для такого осмотра. В силу указанных конвенций число английских крейсеров могло в два раза превосходить число крейсеров французских. Преимущество, предоставленное английскому флоту, вызвало лишь очень слабый протест со стороны общественного мнения Франции. Совсем иначе отнеслось оно к трактату 20 декабря 1841 г. После продолжительных переговоров, прерванных кризисом 1840 г., в Лондоне было заключено соглашение между пятью европейскими великими державами с целью обеспечить уничтожение торговли неграми, что до того времени не вполне было достигнуто. Соглашение это расширяло зону осмотра до берегов Европы и Америки и уничтожало установленное раньше ограничение количества английских крейсеров. Австрия, Пруссия и Россия, будучи мало заинтересованы в этом вопросе, не усматривали для себя никаких неудобств в подобной уступке. Что же касается тюильрийского каби-

нета, то ему хотелось этим угодить министерству Пиля, благосклонности которого он добивался, а также доказать новым трактатом пяти держав, что Франция действительно принята обратно в число членов европейского концерта.

Но и в Париже, и в провинции общественное мнение усмотрело в уступчивости Гизо лишь постыдную капитуляцию перед Англией, лишь преступное отречение от своих прав и своего национального достоинства. Нападки, посылавшиеся по адресу правительства по поводу заключения трактата 20 декабря, носили одинаково резкий характер как в палате, так и в прессе. Этот акт подвергся открытому порицанию в палате депутатов в январе 1842 г.; и когда несколько времени спустя (19 февраля) наступил срок обмена ратификациями, Гизо, к величайшему неудовольствию англичан, принуждён был попросить отсрочки. Три северные державы уже подписали протокол; оставалось получить лишь подпись Франции. Луи-Филипп и его министры надеялись, что со временем общественное мнение не будет так упорно отвергать их политику. Они рассчитывали главным образом на парламентские выборы, которые произошли в июле. Но хотя эти выборы и обеспечили за Гизо решительное консервативное большинство, всё же новая палата не склонна была поддерживать его политику по отношению к Англии. Если к этому прибавить, что именно в это время (13 июля) умер, тридцати двух лет от роду, герцог Орлеанский, наследник французского престола, что с этого момента все надежды монархии переносились на четырёхлетнего ребёнка и что наимечавшийся принц-регент¹ был в высшей степени непопулярен, то станет понятным, почему тюильрийский кабинет не счёл возможным настаивать на сохранении в силе конвенции, столь нежелательной для Франции. Поэтому по просьбе французского правительства протокол был оставлен без последствий (9 ноября 1842 г.). Англия сочла себя чуть ли не оскорблённой. Её неудовольствие ещё более увеличилось после парламентских прений,

¹ Герцог Немурский (Луи-Шарль-Филипп-Рафаэль Орлеанский), второй сын Луи-Филиппа, родился в Париже 25 октября 1814 г.; кандидат на греческий престол (1824—1825) и на бельгийский (1830—1831); генерал-майор (1834); генерал-лейтенант (11 ноября 1837 г.) после нескольких кампаний в Африке; женился 27 апреля 1840 г. на принцессе Виктории Саксен-Кобургской; удалился в Англию после февральской революции 1848 г.; вернулся во Францию после революции 4 сентября 1870 г. Герцог Немурский имел двух сыновей: графа 'д'Э (родился 29 апреля 1842 г.), женившегося на принцессе из императорского бразильского дома, и герцога д'Алансон (родился 12 июля 1844 г.), женившегося 28 сентября 1868 г. на баварской принцессе.

происходивших в Бурбонском дворце в январе 1843 г. и поведших к тому, что Гизо принуждён был дать обещание отказаться даже от договоров 1831 и 1833 гг.

III

После того как Франция показала, что она не очень склонна действовать в угоду Англии, не приходится удивляться, что Великобритания со своей стороны старалась досадить соседке. В это время июльское правительство вело переговоры с Бельгией относительно заключения таможенного союза по образцу германского. Цоллферейн, организованный Пруссией в 1833 г., был только что перед тем возобновлён (1841); благодаря внесённым в него дополнениям он стал функционировать свободнее и продуктивнее; договоры, заключённые с различными державами¹, ещё усилили его значение и обеспечили ему такое влияние во всей Европе, что его стали опасаться. Цоллферейн стеснял, можно сказать, душил Бельгию. Не желая быть им поглощённой, она склонна была искать во Франции естественный рынок сбыта для своей мощной промышленности. Переговоры между Брюсселем и Парижем завязались легко. Они, без сомнения, быстро привели бы к заключению договора, соответствовавшего интересам обоих государств, если бы в этом случае Англии не вздумалось снова поднять против Франции всю Европу. В конце 1842 г. министерство Пиля, действовавшее тоже под давлением общественного мнения, заявило тюильрийскому кабинету, что оно не может допустить заключения франко-бельгийского союза. Бельгия, заявляя английский кабинет, была объявлена нейтральным государством; её торговый союз с первоклассной державой явился бы скрытым протекторатом; она рискует фактически потерять свою независимость; заключение с ней такого договора противоречит духу трактатов. Три северные державы в ответ на призыв Великобритании не замедлили поддержать её доводы, проявив при этом энергию, граничившую почти с угрозой. Тщетно французское правительство старалось доказать, что то, что не запрещено Пруссии по ту сторону Рейна, должно быть разрешено Франции по эту сторону Рейна. Не имея за собой достаточно силы, Франция вынуждена была уступить. А поскольку проект франко-бельгийского союза не всеми одоб-

¹ В особенности с Турцией (22 октября 1840 г.), Англией (2 марта 1841 г.), Нидерландами (8 февраля 1842 г.); с этого времени Люксембург вошёл в состав Цоллферейна.

рялся даже в самой Франции¹, Гизо счёл нужным оставить его без последствий; начиная с 1843 г. о нём больше не было речи.

Отказываясь от трактата 20 декабря, с одной стороны, и от франко-бельгийского союза — с другой, лондонский и парижский кабинеты делали тем друг другу весьма значительные уступки. Они готовы были пойти и на большее. Но, тем не менее их «сердечное согласие», в том виде как его добивались Эбердин и Гизо, не удалось с самого начала. Оба министра питали лично друг к другу большую симпатию. Но интересы их государств находились между собой в явном противоречии по вопросам, значительно более важным, чем те, о которых мы только что говорили. А так как оба они были честными людьми, то их политические стремления неизбежно должны были вступить в конфликт между собой.

IV

Из всех политических вопросов наибольшие разногласия между ними, несомненно, вызывал испанский вопрос. Как известно, Англия с давних пор старалась распространить на весь Пиренейский полуостров своё преобладающее влияние, которым она пользовалась в Португалии. Но в Мадриде она сталкивалась с Францией. Последняя как раз в этот момент с триумфом отвоевала себе позиции, утраченные было вследствие неправильной политики Луи-Филиппа. Эспартеро, изгнав Марию-Христину и оставив в стране молодую королеву Изабеллу, с 8 мая 1841 г. управлял государством в качестве регента. Хотя он принадлежал к партии прогрессистов, однако Эбердин, как и Пальмерстон, поддерживал его всеми своими силами, потихоньку, впрочем, толкая его на путь реакции и заставляя его как можно дороже платить Великобритании за оказываемую помощь². Наоборот, французское правительство изо всех сил добивалось свержения Эспартеро, хотя и отрицало это. Мария-Христина встретила в Париже у Луи-Филиппа, приходивше-

¹ Промышленники северных департаментов, боявшиеся конкуренции бельгийской продукции, в октябре и ноябре 1842 г. весьма активно агитировали против таможенного договора с Бельгией.

² Эбердин получил от Эспартеро значительные торговые преимущества, и если Испания не уступила Англии две свои колонии — Фернандо-По и Аннобон — в награду за оказанную ею помощь в войне с карлистами, то это зависело не от Эспартеро.

гося ей родным дядей, самый радушный и сердечный приём. Она предлагала ему выдать свою дочь Изабеллу за герцога Омальского¹, в то время как Эспартеро настаивал на браке этой принцессы с германским принцем, находившимся под покровительством Англии. Поэтому разговоры, затеваемые против регента маленькой кучкой испанских эмигрантов, окружавших королеву, почти открыто поощрялись французским королём. Два восстания, с которыми Эспартеро пришлось бороться в сентябре и октябре 1841 г., были организованы в Париже. Июльское правительство незадолго перед тем аккредитовало, в угоду лондонскому кабинету, посла² при мадридском дворе, но затем не замедлило отозвать его обратно (январь 1842 г.). С этого времени сторонники Марии-Христины («христинос») не переставали интриговать и затевать новые смуты. «Экзальтадос» (крайние), возмущённые самовластными поступками регента и его уступчивостью по отношению к Англии, также обратились против него. Восстание в Барселоне в конце 1842 г. ему удалось подавить только ценою большого кровопролития. Вследствие всего этого победитель карлистов, который ещё недавно был кумиром Испании, скоро стал самым непопулярным человеком в стране. В январе 1843 г. ему пришлось распустить кортесы, а затем, после жестокого кризиса, явившегося для него зловеющим предзнаменованием, он счёл нужным вторично распустить

¹ Герцог Омальский (Анри-Эжен-Филипп-Луи Орлеанский), четвёртый сын Луи-Филиппа, родился в Париже 16 января 1822 г.; унаследовал имущественное положение принцев Конде после смерти последнего принца из этого дома (1830); зачислен в армию в 1839 г.; генерал-майор (октябрь 1842 г.), после нескольких африканских кампаний; генерал-лейтенант (октябрь 1843 г.) после взятия смалы (ставки) Абд-эль-Кадера, женился 25 ноября 1844 г. на принцессе Марии-Каролине-Августе Бурбонской, дочери герцога Салернского; после новых алжирских кампаний назначен генерал-губернатором Алжира (1847); после февральской революции удалился в Англию, где посвятил свой досуг военным и историческим исследованиям, из которых наиболее значительным является его «История принцев Конде»; вернулся во Францию после революции 1870 г.; представитель департамента Уазы в Национальном собрании (февраль 1871 г.); восстановлен в чине дивизионного генерала (март 1872 г.); председатель военного совета, осудившего маршала Базена (октябрь — декабрь 1873 г.); командующий 7-м армейским корпусом (1873—1879); избран членом Французской академии 30 декабря 1871 г.; вычеркнут из списка военнослужащих в силу закона 1886 г.; вскоре затем был изгнан с французской территории; впоследствии получил разрешение вернуться.

² Граф Сальванди. — Так как регент требовал, чтобы верительные грамоты посла были представлены не королеве Изабелле, а ему лично, то этот дипломат не мог занять официально своего поста и по истечении нескольких недель уехал обратно в Париж.

народных представителей (26 мая). Тогда почти вся Испания восстала. Генерал Нарваэс¹, доверенное лицо и представитель Марии-Христины, прибыл из Парижа, беспрепятственно вступил в Мадрид и, не застав в нём Эспартеро, усмирившего в это время восстание в Андалузии, вскоре двинулся против него. Последний был быстро отеснен к морю, сел на корабль (29 июля) и отправился, как и следовало ожидать, искать убежища в Англию. Эта новая революция была очевидным триумфом Франции, но торжество её ещё больше озлобило Великобританию.

V

В это же время самолюбие и зависть Англии были ещё более сильно задеты успехами французской колониальной политики, которую июльское правительство сначала проводило в весьма осторожной форме, но в осуществлении которой оно теперь, повидимому, не желало себя больше стеснять. Английская нация воспринимала это особенно болезненно, потому что именно в это время успехи её собственной колониальной политики были крайне скромны. Правда, по Кантонскому договору² (29 августа 1842 г.) Англия получила некоторые преимущества в Китае³. Но она нисколько не скрывала от себя того обстоятельства, что эти выгоды

¹ Нарваэс (Рамон-Мария) родился в Лохе (Андалузия) в 1800 г.; служил офицером в конституционной армии в период 1820—1823 гг.; находился в вынужденной отставке в течение последних десяти лет царствования Фердинанда VII. В 1834 г. он перешёл на сторону Марии-Христины и Изабеллы, отличился в войне против карлистов, сделался наместником Старой Кастилии, должен был удалиться во Францию (1840) вследствие соперничества с Эспартеро, которого он сверг в 1843 г.; в следующем году был назначен председателем совета министров с титулом герцога Валенсийского (май 1844 г.); провёл реакционную конституцию 1845 г., был свергнут 10 февраля 1846 г., некоторое время пробыл в Париже в качестве посла, затем был снова поставлен во главе министерства, но продержался весьма недолго (4 октября 1847 г.); снова занял пост главы кабинета в 1849 г. и оставался на нём в течение двух лет; впоследствии был представителем Испании в Вене, затем в Париже и ещё три раза исполнял обязанности премьер-министра (1856—1857, 1864—1865, 1866—1868); на этом посту он и умер 23 апреля 1868 г.

² Во французском тексте ошибка. Следует читать Нанкинский договор. — *Прим. ред.*

³ Англия получала: 105 миллионов контрибуции, остров Гонконг и свободный доступ для торговых судов в порты Нинбо, Фучжоу, Амой и другие. Это последнее преимущество, вместе со многими другими, было обеспечено за Францией без войны договором, заключённым в Вампоа (24 октября 1844 г.).

достались ей слишком дорогой ценой и были совершенно ничтожны по сравнению с тягостями выдержанной ею двухлетней войны. С другой стороны, она потерпела (в январе 1842 г.) жестокое поражение в Афганистане, которым она собиралась завладеть для того, чтобы защитить Индию от посягательств России; и хотя вскоре Англии и удалось восстановить честь поруганного знамени, но, скрепя сердце, в интересах мудрой политики ей пришлось отказаться от завладения этой страной. Между тем, Франция с удивительной быстротой развивала свои военные предприятия и повсюду добивалась значительных успехов. В том же 1842 г. она завладела Майоттой и Носси-Бе, откуда можно было прекрасно наблюдать за Мадагаскаром; на западном берегу Африки она основала поселения: Гран Бассам, Ассини и Габон. В Океании, где Франция уже с давних пор нуждалась в удобных стоянках для своих кораблей, она завладела Маркисскими островами и заставила королеву Помаре, владельницу островов Товарищества¹, признать над собой французский протекторат. Все эти мелкие успехи Англия на худой конец ещё могла бы простить Франции. Но она никак не могла привыкнуть хладнокровно смотреть на распространявшееся с каждым днём владычество французов в Алжире. Луи-Филипп с целью успокоить Англию сначала делал вид, что не придаёт никакого значения завоеванию Алжира, а англичане первоначально считали, что колонизация его не по силам для Франции. Завоевание этого края, так сильно затянущееся и всё ещё не выходящее из первоначальной стадии (несмотря на некоторые отдельные успехи французского оружия), приняло решительный характер только во время кризиса 1840 г., когда французское правительство перестало считаться с лондонским двором. Генерал Бюжо², назначен-

¹ В силу договора, заключённого в Папезте (столице острова Танни), 9 сентября 1842 г.

² Бюжо-де-ла-Пиконнери (Томас-Робер) родился в Лиможе 15 октября 1784 г.; капрал в битве при Аустерлице; полковник в 1814 г.; разжалован в эпоху Второй реставрации; генерал-майор (1831); в этом же году был избран депутатом; был повторно избираем вплоть до 1846 г.; получил поручение стеречь герцогиню Беррийскую в крепости Бле (1833); произведён в генерал-лейтенанты (1836) после удачной кампании против Абд-эль-Кадера; снова послан в Африку (1837), где он подписал Тафиский договор; генерал-губернатор Алжира (29 декабря 1840 г.), где он закончил завоевание и начал колонизацию; маршал Франции (31 июля 1843 г.); получил титул герцога Исли после битвы при Исли (1844); замещён в управлении Алжиром герцогом Омальским (сентябрь 1847 г.); главнокомандующий альпийской армией (20 декабря 1848 г.); представитель департамента Нижней Шаранты в Законодательном собрании (май 1849 г.); умер в Париже 10 июня 1849 г.

ный генерал-губернатором и снабжённый армией в количестве, соответствовавшем важности возложенной на него задачи¹, применил в 1841 г. тот способ ведения войны, которого французы уже давно должны были бы придерживаться в войне против арабов. Абд-эль-Кадер, разбитый в нескольких сражениях, принуждён был искать убежища в Марокко (1842). Если благодаря помощи этого государства, а также Англии, непрерывно доставлявшей ему средства для продолжения борьбы, он и оказался в состоянии снова перейти к наступлению, то взятие смалы герцогом Омальским (16 мая 1843 г.) и другие не менее славные успехи французского оружия вынудили его во второй раз покинуть алжирскую территорию. Вся эта страна была, таким образом, подчинена нашему оружию. Отсюда французское влияние распространялось до Туниса, бей которого, несмотря на протесты Порты, добивался нашего покровительства². Наконец, Франция, видимо, не желала больше терпеть, чтобы Марокко служило убежищем и операционной базой для Абд-эль-Кадера. В то же время Англия, раздражённая нашими успехами, демонстративно выказывала внимание этому государству, потворство которому позволяло ей возобновить алжирскую войну и затянуть её на неопределённое время.

VI

Министерство Пиля, которому во внутренних делах пришлось бороться с большими трудностями³, боялось разрыва с Францией. Оно желало добиться того, чтобы эта держава

¹ В 1841 г. под его начальством была сосредоточена армия в 64 тысячи человек; позднее у него было 100 тысяч человек и даже более.

² В 1835 и 1837 гг. июльская монархия воспротивилась попыткам Порты подчинить своему непосредственному влиянию тунисского бей, с давних пор пользовавшегося автономией.

³ С одной стороны, Манчестерская лига сторонников свободной торговли, основанная в 1838 г. Кобденом и получившая большое значение, всё настойчивее требовала отмены запретительных и покровительственных пошлин в области хлебной торговли; с другой стороны, чартисты (получившие такое название от Народной хартии, знаменитой петиции парламенту, поданной в 1838 г.) требовали: всеобщего избирательного права, тайной подачи голосов, ежегодно избираемой палаты, уничтожения ценза для пассивного избирательного права, жалования депутатам, пропорционального представительства населения. 2 мая 1842 г. они подали в палату общин петицию с 3317702 подписями. Наконец, несчастные ирландцы решительно требовали отмены десятины, уплачиваемой ими англиканскому духовенству, расширения избирательного права и установления прочной аренды. Их выдающийся агитатор О'Коннель

путём добровольных уступок успокоила недоверчивость британского народа. Поэтому лондонский кабинет считал весьма уместным в политическом отношении визит, только что сделанный королевой Викторией Луи-Филиппу (в начале сентября 1843 г.). Юная королева была принята в замке Э с радушием, свидетельствовавшим на первый взгляд о самых отеческих чувствах. Французский король, весьма польщённый этим визитом, который как бы свидетельствовал о полном восстановлении англо-французского согласия, всячески старался поддержать такое впечатление. Но Эбердин, сопровождавший свою королеву и имевший в Э весьма серьёзные беседы с Гизо, добился от последнего только вежливых фраз и неопределённых уверений в дружбе. Не согласится ли Франция на сохранение трактатов 1831 и 1833 г.? Будет ли Луи-Филипп добиваться увеличения своего влияния в Испании при помощи политики браков, внушавшей Великобритании подозрение, что за этим скрываются какие-то задние мысли? Будет ли оставлено в покое Марокко? — Таковы были вопросы, которые непрестанно выдвигались и на которые французский министр иностранных дел старался дать удовлетворительные ответы, не будучи, однако, в состоянии окончательно рассеять сомнения своего собеседника.

В конечном итоге посещение замка Э мало удовлетворило британский кабинет. Если бы он действительно добился от французского министерства того, чего желал, то он, конечно, не допустил бы легитимистской демонстрации, которую вскоре после этого (в ноябре) устроил герцог Бордоский; под именем графа Шамбора, ставшим с тех пор историческим, герцог отправился в Лондон, куда главари его партии явились с тем, чтобы весьма шумно приветствовать его в качестве короля. Луи-Филипп выказал, может быть, более чем следовало, своё неудовольствие по поводу этого «паломничества в Бельгрэв Скуэр»¹. Дипломатическая некорректность, допущенная английским правительством, глубоко задела его. Не в его характере было ответить немедленным разрывом. Но, продолжая благоразумно оставаться в ладу с лондонским двором, он с некоторого времени, видимо, намеревался отстаивать свои интересы с большей настойчивостью, чем раньше.

призывал их к восстанию (1843). Привлечённый к ответственности, он был присуждён, после долгих и шумевших прений к заключению в тюрьму и к штрафу в 50 тысяч франков (30 мая 1845 г.); это было плохим средством для умиротворения острова-брата.

¹ Бельгрэв Скуэр — аристократический район Лондона. — Прим. ред.

Прежде всего кабинет 29 октября, который до этого времени всё ещё колебался, формально потребовал (в декабре) открытия переговоров по вопросу о пересмотре трактатов 1831 и 1833 г. Эбердин, очень рассерженный этим требованием, тем не менее скрыл свою досаду. Роберт Пиль, настроенный менее примирительно, открыто высказал своё неудовольствие. Необходимо заметить, что в то же самое время французское правительство дало ему достаточно много других поводов к недовольству. В Испании, например, Луи-Филипп и его министры способствовали поражению англофильской партии тем, что помогли Нарваэсу свергнуть кабинет Олозага, который являлся ещё в известной мере представителем «эксальтадос» (ноябрь — декабрь 1843 г.)¹, и настаивали на возвращении Марии-Христины. Тщетно Эбердин указывал тюильрийскому двору, что Англия будет весьма признательна Франции, если отъезд этой королевы несколько задержится. Последней позволили беспрепятственно покинуть Париж в феврале 1844 г.; месяц спустя она была уже в Мадриде; в апреле она удалила министерство Гонсалес-Браво, казавшееся ей подозрительным ввиду его революционных связей, несмотря на то, что ему она была обязана своим возвращением; Нарваэс был снова призван к власти; этот генерал открыто преследовал двоякую

¹ Среди противников Эспартеро немедленно после победы произошёл раскол. Одни из них (Лопес, Олозага, Кортана) являлись представителями прогрессивной партии, тогда как другие (генералы Нарваэс, О'Доннель, Конча) принадлежали к партии консервативной и требовали возвращения Марии-Христины. Обе партии оспаривали друг у друга влияние на юную королеву, которая, хотя и была недавно провозглашена совершеннолетней, но была ею лишь номинально. Нарваэс, пользовавшийся личным расположением Изабеллы, заставил Лопеса выйти в отставку (ноябрь 1843 г.). Чтобы избавиться от Олозага, его преемника на посту председателя совета министров, Нарваэс и его сторонники возвели на него клевету, будто бы он ночью 28 ноября 1843 г. силой заставил королеву, водя её руку, подписать декрет о роспуске кортесов. Министру пришлось бежать, и занявший его место Гонсалес-Браво не замедлил призвать обратно королеву-мать (декабрь 1843 г.). — Олозага (Салюстиано) родился в Логроньо в 1803 г., изгнан в царствование Фердинанда VII; в 1834 г. был избран в кортесы, где быстро занял выдающееся положение; был послом во Франции в 1840—1843 гг. Возвратившись в Испанию после четырёхлетней опалы (1847), он был заключён в тюрьму, затем приговорён к ссылке; был опять избран в кортесы в 1848 г., но подвергся новым преследованиям: в 1854 г. был снова назначен послом в Париже; принимал деятельное участие в составлении испанской конституции 1855 г.; в 1856 г. удалился от дел; опять приобрёл громадное влияние после революции 1868 г., когда снова представлял свою страну во Франции; в 1869 г. был председателем кортесов, затем снова послом во Франции до июня 1873 г.; умер 26 сентября того же года в Энгине.

цель: во-первых, изменить в ультраконсервативном духе конституцию 1837 г., созданную под английским влиянием, и, во-вторых, по возможности скорее выдать замуж — соответственно указаниям французского двора — королеву Изабеллу и младшую её сестру Луизу¹.

На другом конце Европы авторитет Англии также был скомпрометирован происками июльского правительства. Греция, получив короля в 1833 г., не имела ещё конституции. Оттон Баварский, весьма плохо управлявший страной, упорно отказывался дать ей парламентарную свободу, которую она настойчиво требовала. Вспыхнувшая 15 сентября 1843 г. народная и военная революция заставила его уступить. Это событие, до известной степени вызванное Англией², вопреки желанию Франции и невзирая на осуждение России, должно было, как сначала казалось, обеспечить за английским правительством преобладающее влияние в Греции. И действительно, когда, наконец, конституция вступила в силу (в марте 1844 г.), управление государственными делами было вверено Маврокордато, открытому стороннику лондонского двора. Но этот министр с момента своего появления у власти встретил сильную оппозицию и скоро был доведён до полного бессилия приверженцами французской партии во главе с Колеттисом³, прибывшим из Парижа⁴ и пользовавшимся со времени войны за независимость громадной популярностью в Греции. Его сильно поддерживал представитель Луи-Филиппа, Пискатори⁵, человек весьма энергичный и уважаемый греками. По прошествии несколь-

¹ Инфанта Луиза-Фернанда родилась в 1832 г.

² Представителем её в Афинах был в это время сэр Эдмонд Лайонс, дипломат школы Пальмерстона. Он пользовался услугами прогрессивной партии, поддерживая её точно так же, как его коллеги Вильерс и Астон поддерживали прогрессистов в Испании.

³ Колеттис (Иоанн) родился недалеко от Янины в 1788 г.; был одним из выдающихся руководителей греческого восстания с 1821 г.; член Эпидаврского конгресса (1822), министр внутренних дел; экзарх Эвбеи, член исполнительного совета (1824), впоследствии — пангелленнона (1828); член временного греческого правительства после смерти Каподистрии (1831); в царствование Оттона (1833) председатель совета министров и министр внутренних дел; после продолжительного пребывания в качестве представителя Греции во Франции был снова назначен главой министерства с портфелем министра иностранных дел; на этом посту он и умер 12 сентября 1847 г.

⁴ Где он прожил в качестве посланника Греции с 1835 по 1843 г.

⁵ Пискатори (Теобальд-Эмиль-Аркамбаль) родился в Париже в 1799 г.; в эпоху Реставрации сражался за независимость Греции; в 1832 г. был избран в палату депутатов, где был сторонником консервативной политики; в 1842 г. не был переизбран, затем был назначен

ких месяцев Маврокордато вынужден был сложить свои полномочия, и его соперник, Колеттис, стал во главе министерства (август 1844 г.); на этом посту, несмотря на открытую вражду Англии¹, он удержался до самой смерти.

VII

Дипломатические успехи Франции в Испании и Греции глубоко задели Великобританию, но особенно раздражали её успехи французского оружия в Африке. Июльское правительство, стараясь избежать разрыва с лондонским двором, обязалось не предпринимать наступления против Марокко и не завоёвывать этой страны ни в целом, ни по частям, даже если бы оказалось необходимым воевать с ней. Но, подвергшись нападению, оно, очевидно, не могло допустить срамления французского знамени. А как раз весной 1844 г. Марокко, население которого было доведено до крайнего фанатизма Абд-эль-Кадером, проповедывавшим священную войну, открыто выступило с оружием в руках против Франции. Мароккский султан Мулэй-Абд-эль-Рахман предпочёл уступить требованиям своих подданных, сознавая, что в случае сопротивления он будет низложен с престола. 30 мая его войска атаковали (впрочем, безуспешно) французские аванпосты при Лалла-Марния. После этого французское правительство естественно не могло больше колебаться. Но оно не сразу отомстило за нанесённое ему оскорбление. В то время, как маршал Бюжо сосредоточивал свои войска на границе по ту сторону Тафны, принц Жуанвиль² с сильной

французским посланником в Греции (1844); пэр Франции (1846); посол в Испании (1847); член Законодательного собрания (1849—1851), где заседал на скамьях противореспубликанского большинства; удалился от дел после 2 декабря и умер в 1870 г.

¹ Сэр Эдмонд Лайонс, тогдашний представитель Англии в Афинах, беспрестанно, начиная с конца 1844 г., строил козни министерству Колеттиса. Британское правительство, не довольствуясь возбуждением анархии и разбоев в греческом государстве, дошло до того, что путём подстрекательства заставило Турцию сосредоточить свои войска на греческой границе. Последнее обстоятельство чуть не привело в 1845—1846 гг. к конфликту между Грецией и Турцией.

² Жуанвиль (Франсуа-Фердинанд-Филипп-Луи-Мари, принц Орлеанский), третий сын Луи-Филиппа, родился в Нейи 14 октября 1818 г.; лейтенант в 1836 г.; капитан в 1838 г., после бомбардировки Сан-Хуан д'Ульоа; в 1840 г. получил поручение перевезти с острова св. Елены останки Наполеона; 1 мая 1843 г. вступил в брак с принцессой Францеской Браганцской, сестрой бразильского императора дона Педро II;

эскадрой занял позицию против Танжера (9 июля) и обратился к мароккскому султану с ультиматумом, составленным в весьма умеренных выражениях. И только после целого месяца тщетных переговоров (Англия, покровительствующая Марокко и очень обеспокоенная событиями, хотела ещё больше затянуть их) оба командующие французскими вооружёнными силами решили нанести удар. 6 августа крепость Танжер была бомбардирована принцем Жуанвилем; 15 числа крепость Могадор подверглась той же участи; а Бюжо тем временем разбил наголову марокканскую армию на берегах реки Исли (14 августа). Таковы были успехи французского оружия; месть Франции, хотя и запоздалая, произвела всё же ошеломляющее впечатление.

Победы принца и маршала были, конечно, встречены в Париже с величайшей радостью и гордостью; в Лондоне же они возбудили неопишное негодование. Необходимо, однако, заметить, что Англия, несмотря на своё раздражение и подозрительность, не могла найти в мароккском инциденте никаких оснований для ссоры с Францией. Правительство Луи-Филиппа не нападало на Абд-эль-Рахмана; оно подвергло его только справедливым репрессалиям. Оно, повидимому, не только не думало о завоевании Марокко, но Жуанвиль даже не занял ни Танжера, ни Могадора, а Бюжо, несмотря на свою победу, не продвигался в глубь страны. Англии поэтому нужен был другой предлог, чтобы излить своё неудовольствие. Она нашла таковой в одном весьма незначительном дипломатическом инциденте, на который в другое время она не обратила бы никакого внимания, но который в данный момент она была весьма склонна раздуть до необычайных размеров.

Французский протекторат над Таити, установленный в сентябре 1842 г., почти тотчас наткнулся на глухое сопротив-

назначен контр-адмиралом в 1843 г., вице-адмиралом в следующем году, после марокканской экспедиции; удалился в Англию после февральской революции; вернулся во Францию в сентябре 1870 г. и предложил свои услуги правительству Национальной обороны, которое заставило его покинуть Францию; несмотря на это, он вскоре снова возвратился и, под именем полковника Лютерода, принимал участие в операциях луарской армии; снова был изгнан в январе 1871 г.; 8 февраля того же года был избран в Национальное собрание, в котором и заседал с декабря месяца; в 1872 г. восстановлен в чине вице-адмирала; в июле 1886 г. вычеркнут из списка служащих во флоте. Принц Жуанвиль имел двух детей: принцессу Франческу-Марию-Амелию (родившуюся 14 августа 1844 г. и вышедшую замуж за своего двоюродного брата герцога Шартрского) и герцога де Пентьевр (Пьер-Филипп-Жан-Мари Орлеанский), родившегося 4 ноября 1845 г.

ление со стороны одного англичанина по имени Притчарда, давно уже поселившегося на этом острове и исполнявшего там обязанности миссионера и британского консула, что не мешало ему быть также аптекарем и заниматься всякого рода коммерческими делами. Этот проницательный человек приобрёл такое влияние на королеву Помаре, что та по истечении некоторого времени стала игнорировать договор, заключённый ею с адмиралом Дюпти-Туаром. Поэтому последний, возвратившись после продолжительной отлучки на Таити, счёл себя вправе изложить эту королеву и объявить французским владением весь архипелаг островов Товарищества (ноябрь 1843 г.). Правда, июльское правительство, всегда старавшееся избегать конфликтов с Англией, в феврале 1844 г. осудило это мероприятие. Но на Таити, где ещё не знали об этом обстоятельстве, французские агенты захватили власть. Ввиду вспыхнувшего среди туземцев восстания, явно подстрекаемого Притчардом, комендант Папете решил арестовать этого человека; последний несколько месяцев перед тем сложил с себя звание английского консула и более уже не пользовался правом личной неприкосновенности в качестве дипломатического агента; в начале марта он был изгнан с острова. Известие об этих маловажных происшествиях пришло в Англию в конце июля, почти одновременно с приездом самого Притчарда. Британский патриотизм был в этот момент доведён до белого каления. Его преподобие встретили как мученика. Люди сбегались толпами, чтобы взглянуть на него и послушать его, и в скором времени при содействии ревностных приверженцев англиканской церкви раздражение народа против Франции и её правительства достигло своего апогея; почтенный Роберт Пиль не устыдился заявить в палате общин, что Англии нанесено *грубое* оскорбление и что ей необходимо получить удовлетворение. Само собой разумеется, что общественное мнение во Франции не отнеслось спокойно к подобным провокациям и угрозам Англии. В Лондоне и Париже ожесточение непрерывно нарастало, обе стороны вели себя вызывающе, бравидуя друг перед другом. Словом, в конце августа казалось, что *«сердечное согласие»* окончится объявлением войны.

Луи-Филипп более чем когда-либо был сторонником мира. Он вовсе не был расположен воевать из-за «печальных глупостей», как он называл инцидент на острове Таити. Его упрекали, и не без некоторого основания, за поспешность, с которой он уступил в этом деле требованиям Англии. Может быть, он проявил бы больше устойчивости и гордости, если бы одно недавнее событие не заставило

его опасаться — как зловещего предзнаменования — сближения между Великобританией и Россией. Дело в том, что в июне месяце в Лондон с визитом к королеве Виктории с большой помпой прибыл русский император. Этот монарх, продолжавший выказывать июльскому правительству не только неприязнь, но и презрение, всеми силами старался убедить Великобританию и её правительство в своих дружественных чувствах. Его ненависть к июльской Франции, несомненно, больше чем когда-либо усиливала его желание помешать искреннему сближению между этой державой и лондонским двором. Но, кроме этого, он имел ещё и другие намерения. Как впоследствии стало известно, главной целью его посещения королевы Виктории было желание подготовить тесное соглашение между Россией и Англией для урегулирования восточного вопроса помимо Франции. По его мнению, вместо бесконечных споров из-за господства в Азии, которая никогда не могла сделаться исключительным достоянием ни той, ни другой стороны, для обеих держав было бы гораздо более целесообразным полностью поделить её между собой. Спустя некоторое время граф Нессельроде¹ вручил Эбердину весьма секретный меморандум, в котором в завуалированных выражениях намечался раздел Турецкой империи, как решение одинаково выгодное для обоих дворов. Это предложение, которое, как мы увидим ниже², Николай ещё раз сделал Англии в 1853 г., не имело никаких шансов получить одобрение со стороны Форейн офис, и действительно, оно имело своим результатом скорее охлаждение отношений, чем сближение между английским и русским правительствами.

Но Луи-Филипп, не знавший истинной цели царского визита в Виндзор, мог думать, что ему угрожает новый англо-русский союз. Он знал по опыту, как дорого ему обошлось соглашение лондонского и с.-петербургского кабинетов в 1840 г. Он ни за что не хотел, чтобы оно возобновилось. Отсюда становится понятной его чрезмерная по-

¹ Нессельроде (Карл Васильевич, граф) родился 14 декабря 1780 г.; в период 1802—1807 гг. служил атташе при различных посольствах, затем в государственной канцелярии и, наконец, в министерстве иностранных дел, где снискал доверие и дружбу императора Александра I; главный уполномоченный России во время важных переговоров 1813 и 1814 гг. и на Венском конгрессе (1814—1815); руководил с 1816 г. иностранной политикой России сначала вместе с Каподистрией, а потом — один, непрерывно с 1822 по 1856 г.; умер 22 марта 1862 г.

² См. том II, глава III.

корность по отношению к британскому кабинету в такой момент, когда в качестве победителя и опираясь на своё право он мог говорить и громко, и настойчиво. Как бы то ни было, но Франция с изумлением, смешанным с негодованием, смотрела на то, как он шёл навстречу британским требованиям. 29 августа Луи-Филипп через Гизо официально выразил своё сожаление по поводу обращения, которому подвергся Притчард; 2 сентября он предложил последнему денежное вознаграждение, что являлось новым триумфом для английской гордости; наконец, 10-го числа того же месяца по его приказанию был подписан Танжерский мирный договор с побеждённым мароккским султаном; условия этого договора были совершенно тождественными с теми, которые были предложены ему ещё до поражения. Франция не отняла ни одного города у этого монарха; она не потребовала от него ни одного сантима в качестве возмещения за военные убытки; относительно заявленного ею требования об изгнании Абд-эль-Кадера она удовольствовалась обещаниями, следить за исполнением которых она была не в состоянии и которые поэтому так и остались неисполненными. Политика 29 октября, как мы видим, приводила к весьма жалким результатам. Луи-Филипп и Гизо ещё раз уронили достоинство своей страны. Они окончательно погубили свою популярность. И всё это совершенно напрасно, потому что англо-французское согласие было менее прочно, чем когда-либо.

VIII

Для того чтобы восстановить в пределах возможного англо-французское согласие, Луи-Филипп отправился в октябре в Лондон и Виндзор, где ему особенно хотелось показаться, потому что там недавно принимали русского императора. Этот шаг после стольких неудач рассматривался во Франции как новое унижение, и общественное мнение сурово осудило государя, так скоро забывающего обиды. Англия, несмотря на то, что визит французского короля льстил её самолюбию, не проявила ни малейшей признательности. Правда, между королевой Викторией и её высоким гостем, с одной стороны, и между Эбердином и Гизо — с другой, произошёл обмен уверений в дружбе; но это не могло ослабить политические разногласия между лондонским и парижским дворами, становившиеся с каждым днём всё серьезнее.

В числе вопросов, по которым обеим державам было особенно трудно притти к соглашению, всё ещё стоял вопрос о праве осмотра кораблей. Во Франции и газеты, и палаты, и большая часть населения настойчиво требовали отмены договоров 1831 и 1833 гг. В Англии не могли простить июльскому правительству его отказа от ратификации конвенции 20 декабря 1841 г.; тем большее недовольство вызывало его намерение отменить старые два трактата. Луи-Филипп, поставленный в безвыходное положение, не мог больше отступать. После печальной истории с Таити Франция нуждалась, и притом безотлагательно, хотя бы в самом небольшом удовлетворении чувства самолюбия; даже «притчардисты»¹ признавали необходимость этого. Поэтому французское министерство сочло своей обязанностью в конце 1844 г. ускорить уже начавшиеся переговоры относительно указанных трактатов. В своё время оно начало эти переговоры неохотно, а кабинет Пиля своим нерасположением и умышленной медлительностью, казалось, хотел тянуть их до бесконечности. Теперь Гизо торопился закончить их. В конце концов английское правительство, не желая, с одной стороны, воевать с Францией, а с другой — не желая отказаться от своего требования запрещения торговли неграми (что было возможно только по соглашению с французским правительством), согласилось — правда, весьма неохотно — на изменения, предложенные тюильрийским двором. После долгих переговоров два комиссара, по одному от каждой из договаривающихся сторон, съехались в Лондоне (март 1845 г.) с целью выработать условия новой конвенции. Представителем Франции был герцог де Бройль, а Англии — доктор Лушингтон. Последний оказывал отчаянное сопротивление. Но на этот раз июльское правительство не шло на уступки. Результатом переговоров, закончившихся 29 мая 1845 г., явилось соглашение, по которому: 1) зона надзора была ограничена западным берегом Африки; 2) Франция и Англия должны были содержать в означенной зоне одинаковое число крейсеров, по 26 судов каждая; 3) взаимное право осмотра было отменено²; 4) наконец, трактаты 1831 и 1833 гг., фактически приостановленные в своём действии, подлежали полной отмене, если к концу действия нового соглашения, т. е. по истечении

¹ Так были прозваны депутаты и журналисты, поддерживавшие в этом деле правительство.

² Каждая из держав могла осматривать только суда, плавающие под её флагом или под флагом государства, заключившего с ней договор о праве осмотра.

десятилетнего срока, они не будут формально восстановлены в силе. Таков был в общих чертах компромисс двух держав. Но английская нация сочла его позорным для себя, и её правителям пришлось приложить усилия к тому, чтобы доставить ей — в пику Франции — моральные компенсации, которых она властно требовала.

IX

Тогда взоры британского правительства обратились к Испании. К величайшему неудовольствию англичан, июльское правительство всё ещё пользовалось в Мадриде почти неограниченным влиянием. Благодаря ему Мария-Христина сделалась всесильной. Её креатура — Нарваэс добился от кортесов, несмотря на тайные происки британских дипломатов, согласия на новую конституцию, которая была совершенно аналогична с французской, пересмотренной хартией 1830 г.¹ В данный момент первостепенную важность представлял вопрос о том, за кого выдать замуж юную королеву Изабеллу и её сестру, инфанту Луизу-Фернанду. Вся Европа интересовалась этим вопросом. Но понятно, что особенно озабочены им были кабинеты лондонский и парижский. Луи-Филипп в течение многих лет непрерывно занимался им. Мария-Христина несколько раз предлагала ему устроить брак старшей её дочери с герцогом Омальским. Но каковы бы ни были тайные желания Луи-Филиппа, он вынужден был отказаться, не желая возбуждать подозрений в Англии. Поэтому он уже давно заявил и потом неоднократно повторял, что, не желая нарушать европейского равновесия, он отказывается от мысли посадить своего сына на испанский престол. Но зато он требовал, чтобы будущий супруг Изабеллы был непременно избран из числа принцев Бурбонского дома. Он рассчитывал, что этим путём французское правительство, тесно связанное с Бурбонами испанскими, неаполитанскими и дуккскими, сохранит за собой господствующее влияние по ту сторону Пиренеев. Для него не было тайной, что английский королевский дом со своей стороны также имел претендента — молодого Леопольда Саксен-Кобургского², которому его двоюродный брат, принц Альберт³, муж королевы Викторини, очень хотел

¹ Она вошла в силу 23 мая 1845 г.

² Леопольд родился 31 января 1824 г., умер 20 мая 1884 г.

³ Альберт (Франц-Август-Карл-Эммануил Саксен-Кобург-Готский, принц), второй сын герцога Эрнста I Саксен-Кобург-Готского, родился

устроить хорошую партию. Британский кабинет тем более был расположен поддерживать этого кандидата, что брат Леопольда, принц Фердинанд¹, женился незадолго перед тем на португальской королеве; таким образом английское влияние, без сомнения, стало бы одинаково могущественным как в Мадриде, так и в Лиссабоне. Правда, министерство Пиля официально не поддерживало кандидатуры принца Леопольда. На предложения Луи-Филиппа, сделанные в 1842 г. по вопросу о браках², оно поспешило уверить его, что не оставит Францию без поддержки и будет действовать согласно с желаниями французского короля в пользу графа Трапани³, брата неаполитанского короля. Но оно настаивало на праве испанской королевы свободно выбрать себе супруга; этим оно косвенно протестовало против ограничительного принципа, сформулированного тюильрийским двором. Это был приличный способ сохранить за собой свободу действий. С тех пор произошло немало событий. В Испании усилилось влияние Франции. Но Луи-Филипп был ещё очень далёк от своей окончательной цели. Его матримониальная политика встречала скрытое противодействие не одной только Англии. Австрия также имела свои планы и до 1845 г. весьма деятельно стремилась к их осуществлению. Меттерних в 1843 и в 1844 гг., как и раньше, придерживался того мнения, что лучшим средством умиротворения Испании был бы брачный союз тех двух домов, которые всё ещё оспаривали друг у друга право на престол. Его программа состояла в том, чтобы дон Карлос отказался от прав на престол в пользу своего сына и чтобы последний женился на королеве Изабелле. Этим путём Меттерних хотел обеспечить торжество принципу легитимизма. Кроме того, его комбинация имела с его точки зрения ещё то преимущество, что она устраняла кандидатуру графа Трапани (венский двор не желал, чтобы нахо-

дившийся от него в зависимости неаполитанский дом приобрёл слишком высокие связи). Комбинация Меттерниха нравилась России. Но она была неприемлема для Франции и Англии; было более чем ясно, что сын дона Карлоса и Изабелла, поскольку каждый из них сохранял свои личные права, будут представителями двух противоположных партий и двух непримиримых между собой систем управления, так что их брак, как некогда проект брачного союза между доном Мигэлем и донной Марией, явится для Испании поводом для новой междоусобной войны.

Луи-Филипп, не высказываясь открыто против программы Меттерниха, с которым он не хотел портить отношений, не мешал ему вести переговоры с доном Карлосом, находившимся в это время в Бурже¹, а сам старался главным образом привлечь на свою сторону Англию. Во время свидания в Виндзоре ему было нетрудно добиться того, чтобы британский кабинет высказался против австрийского проекта. В двадцатый раз он предложил графа Трапани, а кабинет Пиля, также в двадцатый раз, обещал свою поддержку. Одновременно Луи Филипп, чтобы доказать своё бескорыстие, сообщил о предстоящем в скором времени браке герцога Омальского с неаполитанской принцессой². Но у него был ещё один сын, герцог Монпансье, для которого он с поистине отеческой настойчивостью добивался руки инфанты Луизы-Фернанды. Поэтому английские министры, открыто заявляя ему о своём расположении, в глубине души не верили ему и вовсе не были расположены служить его политике.

И действительно, они так плохо его поддерживали, что французское правительство вскоре убедилось, что, несмотря на лихорадочную деятельность, с которой оно отстаивало интересы графа Трапани (в конце 1844 и начале 1845 г.), его кандидат с каждым днём всё более и более терял под собой почву. Бедный граф, ученик неузвитов, даже и не бывав в Испании, вскоре сделался там по милости британских агентов объектом всяких насмешек и был совершенно непопулярен. Не отказываясь окончательно от своего прежнего плана, Луи-Филипп вынужден был обратить свои взоры в сторону герцогов Кадисского и Севильского, двоюродных

в Розенау 26 августа 1819 г.; женился 10 февраля 1840 г. на английской королеве Виктории; фельдмаршал Англии; член тайного совета и т. д.; умер 14 декабря 1861 г.

¹ Фердинанд родился 29 октября 1819 г.; женился 9 апреля 1836 г. на донне Марии; умер 15 декабря 1885 г.

² Через посредство специального агента, по имени Пажо, который из Лондона отправился в Вену и Берлин, чтобы добиться одобрения этих предложений.

³ Трапани (Франсиско де Паула, граф Бурбонский), сын короля Обенх Сицилий Франциска I, родился в Неаполе 13 августа 1827 г.; женился 10 апреля 1850 г. на Марии-Изабелле, эрцгерцогине Австрийско-Тосканской, от которой имел двух дочерей; одна из них вышла замуж за графа Казертского, другая — за графа Андрея Замойского.

¹ Он оставался там до 1847 г.; с этого времени ему было позволено поселиться в Австрии. В 1844 г. он отказался от престола в пользу своего старшего сына Карлоса графа де Монтемолин и сам носил титул графа де Молина.

² Этот брак в действительности состоялся несколько времени спустя (25 ноября 1844 г.).

братьев Изабеллы¹. Но королева-мать их не любила; Англия в свою очередь старалась привлечь их на свою сторону. К тому же Мария-Христина относилась отрицательно ко всякому браку, от которого ни её дочь, ни она сама не получали никаких специальных выгод. Ей необходима была поддержка великой державы. Она желала выдать Изабеллу за одного из сыновей Луи-Филиппа. В противном случае она склонялась в пользу Леопольда Кобургского, потому что при содействии последнего ей по крайней мере была обеспечена поддержка Англии.

Английские министры, не высказываясь открыто, держали сторону германского претендента. Королева Виктория, летом 1845 г. вместе со своим супругом и в сопровождении двора отправилась навестить герцога Саксен-Кобургского. На обратном пути (в августе) она была весьма торжественно принята на берегах Рейна прусским королём, который воспользовался случаем, чтобы укрепить тесный союз между Германией и Англией. В присутствии королевы он публично произнёс речь, весьма оскорбительную для Франции². Весьма обеспокоенный Луи-Филипп ещё раз унижил себя: он упросил юную королеву вторично посетить его в замке Э и счёл себя крайне очастливленным, когда королева согласилась оказать ему эту милость (сентябрь 1845 г.). Виктория приехала по обыкновению в сопровождении Эбердина. Старый король, ещё более чем на предшествовавшем свидании, выказал себя скромным и отечески сердечным. По его словам, интересы Франции и Англии были совершенно тождественны. Ещё никогда согласие между обеими державами не было более желательным и столь легко осуществимым. В самом деле, что нужно сделать в испанском вопросе? Нужно только, чтобы Великобритания помогла устроить брак Изабеллы с одним из Бурбонов и чтобы она не противилась браку герцога Монпансье

¹ Оба герцога, подобно Изабелле, приходились внуками испанскому королю Карлу IV; старший из них Франсиско да Асис, Мария-Фердинанд, герцог Кадисский, родился 13 мая 1822 г.; он женился на королеве 10 октября 1846 г., последовал за ней в изгнание в 1868 г. и впоследствии разошёлся с ней Младший его брат, Энрике, герцог Севильский, родился 17 апреля 1823 г., умер 12 марта 1870 г.

² «Господа, — сказал он в своем тосте за здоровье королевы, — наполните ваши кубки до краёв. Дело идёт об одном слове, которое приятным эхом отдаётся в английских и германских сердцах. Недавно оно звучало как символ счастливого братства по оружию на поле сражения, где с таким трудом была одержана победа, сегодня оно снова звучит после тридцатилетнего мира, явившегося плодом тяжёлых трудов нашей эпохи, здесь, в этих германских провинциях, на берегах славной реки Рейна. Это слово — Виктория».

с инфантой. Луи-Филипп, впрочем, соглашался отложить этот последний до того момента, когда испанская королева не только сама выйдет замуж, но ещё и сделается матерью. Английские министры почтительно выслушивали его заверения, уверяли его в своей солидарности с его политикой, но в глубине души продолжали сомневаться в искренности его слов и не менее самого французского короля собирались играть двойную игру. Во всяком случае вскоре после празднеств в замке Э, в октябре—декабре 1845 г. они удвоили свои старания в пользу Кобурга. Этот принц приехал сам в Лондон, повидимому за инструкциями, и тотчас же отправился в Лиссабон, откуда он должен был, по слухам, переехать в Испанию и там ускорить своим появлением разрешение брачного вопроса в направлении, желательном для лондонского двора. Французское правительство громко протестовало по поводу недопустимости подобного образа действий. Оно с большим трудом добилось того, что Леопольд остался в Португалии. Но оно не могло долее заблуждаться относительно истинных намерений Великобритании. Французскому правительству пришлось признать, что *сердечное согласие*, действительно, являлось *фантасмагорией*, неосуществимой мечтой, как это часто утверждал Меттерних. И если Гизо не удалось возобновить англо-французского согласия в то время, когда во главе Форейн офис стоял миролюбивый и спокойный Эбердин, то мог ли он надеяться на успех, когда во главе этого ведомства снова станет беспокойный и задорный Пальмерстон? В конце 1845 г., по некоторым характерным признакам, можно было предсказать близкое падение министерства Пиля, которое, уступив до известной степени либеральному течению общественного мнения, не снискало доверия вигов и одновременно лишилось поддержки тори. Будущее английское министерство, по всем признакам, должно было явиться решительным врагом Франции, занять явно враждебную позицию по отношению к её политике и, чтобы отвлечь от неё демократические элементы, начать покровительствовать делу революции во всей Европе.

X

Поскольку Франция лишилась поддержки Англии, ей нужно было поскорее найти нового союзника. Луи-Филипп всегда тяготел к союзу с Австрией; мы видели выше¹, как много уступок он сделал в период 1834—1840 гг. для того, чтобы добиться этого союза. Гизо не менее Луи-Филиппа был расположен снова войти в соглашение с Австрией. Подобно своему государю, он находился в переписке с Меттернихом и тяготел к той политике «сопротивления» и контрреволюции, представителем которой в Европе всё ещё оставался австрийский канцлер. Французский кабинет чувствовал, что либеральная оппозиция усиливается; Одилон Барро², Тьер, Дювержье де Горанн³ вели с ним в палате депутатов ожесточённую борьбу, требуя той парламентской реформы, которой всеми силами противилось министерство⁴; с другой стороны, Ледрю-Роллен⁵ и др. вели

¹ Глава десятая.

² Барро (Одилон) родился в Вилльфоре (департамент Лозер) в 1791 г.; в эпоху Реставрации был уже знаменитым адвокатом; член муниципальной комиссии во время июльских дней; префект департамента Сена с августа по декабрь 1830 г.; член палаты депутатов, в которой заседал с 1838 по 1848 г. и где он стал лидером династической левой; перешёл на сторону республики в 1848 г.; председатель совета министров с декабря 1848 г. по октябрь 1849 г.; государственный переворот 2 декабря вынудил его уйти с политической арены; потерпел неудачу на выборах 1863 г.; председатель внепарламентской комиссии о децентрализации (февраль 1870 г.); вице-председатель государственного совета (июль 1872 г.); умер в Буживале 6 августа 1873 г.; автор «Мемуаров», изданных в 1875 и 1876 гг.

³ Дювержье де Горанн (Проспер) родился в Руане в 1798 г.; редактор газеты «Globe» в эпоху Реставрации; член палаты депутатов, где, с 1831 по 1848 г., он был весьма энергичным и решительным помощником Тьера, представитель департамента Шер в Учредительном собрании (1848—1849); после государственного переворота был сослан на основании декрета от 9 января 1852 г.; возвратился во Францию в 1853 г.; избран членом Французской академии (май 1870 г.); безуспешно выдвигал свою кандидатуру в сенат (1876); автор известной работы «Histoire du gouvernement parlementaire en France».

⁴ Странники парламентской реформы требовали, главным образом, чтобы в палату депутатов не могли избираться чиновники и чтобы состав избирателей был увеличен посредством понижения ценза до 100 франков и предоставления избирательного права представителям умственного труда.

⁵ Ледрю-Роллен (Александр-Огюст) родился в Париже 2 февраля 1808 г.; был уже знаменитым адвокатом и юристом, когда его избрали представителем Мана в палату депутатов, где до 1848 г. был самым красноречивым оратором крайней левой; член временного правительства (24 февраля 1848 г.), затем исполнительной комиссии (май—июнь 1848 г.), народный представитель в Учредительном собрании (1848—1849), а затем в Законодательном собрании (1849); вынужден был бежать после событий 13 июня 1849 г.; удалился в Англию, откуда возвратился

кампанию, требуя всеобщего избирательного права и установления республики. Наконец, третьи¹, возглавлявшие рабочие организации, уже грозили Франции социальной революцией. В то же самое время долго сдерживаемый ультра-монтанизм стал открыто поднимать своё знамя и под влиянием иезуитов старался захватить в свои руки народное образование. Июльское правительство, не желая ссориться с церковью, вежливо просило у папы некоторых незначительных уступок. Но французский посланник Росси² получил от папы только пустые обещания. Поэтому Луи-Филипп и его министры с каждым днём всё более и более склонялись на сторону союза с такой державой, которая (как, например, Австрия), с одной стороны, поддержала бы их в борьбе с демократией, а с другой — помогла бы им сломить упорство римского двора³.

Что касается Австрии, то она в это время также искала сближения с Францией. Меттерних чувствовал, как вся Европа начинает содрогаться от революционного движения, которое так долго подавляли и которое должно было вызвать такой ужасный взрыв в 1848 г. Это движение всюду вокруг него поднимало голову и принимало угрожающие формы. Некогда безгласная Венгрия, связанная по рукам и по ногам, всё более и более настойчиво требовала себе автономии и свободы. Славяне в Чехии стремились к возрождению своей нации. Поляки снова затевали заговоры. За пределами Австрии, но в сфере её политического влияния Германия под воздействием кризиса 1840 г. требовала единого национального правительства. Пруссия, уже доставившая ей торговое единство, стала обнадёживать её и относительно единства политического. Парламентаризм, насильственно сдерживаемый за последние годы, стал снова

только в 1870 г.; в течение долгого времени отказывался выставить свою кандидатуру в Национальное собрание, но в конце концов попал туда в качестве депутата от Воклюзы (март 1874 г.); умер в Фонтен-о-Роз 31 декабря 1874 г.

¹ Наиболее значительными школами социалистов были школа Луи Блана и школа Прудона.

² Росси (Пеллегрини) родился в Карраре в 1787 г.; профессор права в Болонском университете до 1815 г.; в Женевском университете в 1819 г.; представитель этого кантона на Люцернском сейме (1832); натурализовался во Франции; профессор в Коллеж де Франс (1833); член Института (1836); пэр Франции (1838); член совета народного образования (1840); посол в Риме (1845—1848); первый министр Пия IX (сентябрь 1848 г.); убит в Риме 15 ноября 1848 г.

³ Не следует забывать, что папа Григорий XVI был ставленником, Австрии, пользовавшейся тогда преобладающим влиянием при папском дворе.

оживать в различных государствах Союза. То там, то здесь загоралось движение народных масс, как, например, в Саксонии, где в августе 1845 г. возникли серьёзные беспорядки. В Берлине мечтательный, но честолюбивый Фридрих-Вильгельм IV, несмотря на свои симпатии к феодализму, вполне сознавал всю выгоду, которую он мог бы извлечь из указанного брожения умов в германском мире. Поэтому по совету весьма близко стоявших к нему Бунзена¹ и Радовица², он, вопреки предостережениям Меттерниха, готовился дать своим подданным конституцию. На юго-западной границе Германии, в Швейцарии, только что вспыхнула междоусобная война (март 1845 г.). Протестантские кантоны восстали против католических и желали заставить их изгнать иезуитов. Громадное большинство швейцарского народа требовало федеральной реформы в духе демократии и объединения. Наконец, Италия, находившаяся в контакте со всеми этими возбуждёнными нациями, также поднималась и с нескрываемым нетерпением ждала того дня, когда она будет избавлена от *варваров*. Вполне понятно, что окружённый со всех сторон опасностями Меттерних с беспокойством обращал свои взоры в сторону Франции. Если эта держава свяжет себя тесным союзом с Австрией, то революция, взятая в тиски с двух сторон перворазрядными державами и имеющая против себя ещё третью (Россию), которая следит за ней издали, вряд ли разразится и победит. Поэтому венский двор не пренебрегал ничем, лишь бы только склонить на свою сторону июльское правительство. Но он ошибался в своих расчётах и тоже был во власти *фантасмаго*

¹ Бунзен (Христиан-Карл-Иосия) родился в Корбахе 25 августа 1791 г.; первоначально был известен как учёный археолог; в 1818 г. по протекции своего учителя Нибура был назначен секретарём посольства в Риме, где последовательно исполнял обязанности поверенного в делах (1824) и прусского министра-резидента (1827); связанной узами тесной дружбы с королевским принцем (впоследствии королём Фридрихом-Вильгельмом IV), он был отозван из Рима (1838) и назначен посланником в Берне, затем послом в Лондоне (1841); впал в немилость в 1854 г.; умер в Боне в 1860 г.

² Радовиц (Иосиф) родился в Бланкенбурге в 1797 г.; в 1812 г. был офицером в вестфальской артиллерии; в 1823 г. от курфюрста Гессенского перешёл на службу к прусскому королю; в 1830 г. был назначен начальником главного штаба артиллерии; был одним из близких друзей королевского принца; полномочный министр в Карлсруэ (1842), генерал-майор в 1845 г.; член франкфуртского парламента в 1848 г.; в 1849 и 1850 гг. был главным вдохновителем политики Малого союза; 27 сентября 1850 г. был приглашён в министры иностранных дел; некоторое время спустя (ноябрь) лишился поддержки своего государя. После Ольмюцской конвенции всецело занялся военными трудами; умер в 1853 г.

рии. Несмотря на всё своё желание, королевство 1830 г. не имело возможности пойти на соглашение со Священным союзом, воплощённым в австрийской династии. Слишком много взаимного недоверия, слишком много задних мыслей таили обе стороны. Меттерних и Гизо не могли оказать друг другу безусловную помощь. Открыто протянув друг другу руки они могли только скомпрометировать себя и в конце концов погубить один другого¹.

¹ *Источники*: Affaires d'Espagne (Revue des Deux Mondes, 1-er novembre 1844); — Azeglio (M. d'), les derniers événements de la Romagne; — Barrot (Ad.), Question anglo-chinoise (Revue des Deux Mondes, 1842); — Berrger, Discours parlementaires; — Canitz-Dallwitz (baron de), Denkschriften, t. II; — Carné (L. de), des Intérêts de la France dans l'Océanie (Revue des Deux Mondes, 15 avril 1843); — Durrieu (X.), Le Maroc en 1844 (Revue des Deux Mondes, 1-er octobre 1844); — Duvergier de Hauranne, du Royaume-Uni et du ministère Peel en 1843 (Revue des Deux Mondes, 15 décembre 1843); des Rapports actuels de la France et de l'Angleterre et du rétablissement de l'alliance (Revue des Deux Mondes, 15 juin 1845); de l'état des partis en Angleterre et des deux dernières sessions du Parlement (Revue des Deux Mondes, 1-er novembre 1845); — Faucher (L.), de la dernière crise ministérielle en Angleterre (Revue des Deux Mondes, 1-er janvier 1846); — Ferrari, la Révolution et les révolutionnaires en Italie (Revue des Deux Mondes, 15 novembre 1844, 1-er janvier 1845); — Forcade (E.), de la situation de la France vis-à-vis de l'Angleterre, à propos de l'Océanie (Revue des Deux Mondes, 15 septembre 1844); — Greville (Ch.), les Quinze premières années du règne de la reine Victoria; — Guizot, Mémoires t. VI et VII; Sir Robert Peel; — Haussenville (comte d'), Histoire de la politique extérieure du gouvernement français t. II; — Hervé (Ed.), la Crise irlandaise depuis la fin du XVIII siècle; — Hubbard, Histoire contemporaine de l'Espagne, t. IV et V; — Ideville (H. d'), le Maréchal Bugeaud, t. III; — Lavergne (L. de), Affaires d'Espagne (Revue des Deux Mondes, 1841—1843); — Lemoine (J.), Situation de Liban, les Druses et les Maronites (Revue des Deux Mondes, 1-er mai 1842); le Parti russe en Grèce (Revue des Deux Mondes, 15 octobre 1843); — Lesur (continué par Fouquier et Desprez), Annuaire historique, années 1841—1845; — Mac Carthy, Histoire contemporaine de l'Angleterre, t. I; — Martin (Th.), le prince Albert, t. I; — Mathieu de la Redorte, de la Convention du 29 mai 1845 sur le droit de visite (Revue des Deux Mondes, 1-er mai 1846); — Mazade (Ch. de), l'Espagne moderne; — Metternich (prince de), Mémoires, documents et écrits divers, t. VII; — Peel (Robert), Mémoires; — Ranke, aus dem Briefwechsel, etc.; — Regnault (E.), Histoire de huit ans, t. II et III; — Robert (C.), le Monde gréco-slave (Revue des Deux Mondes, 1842—1846); — Rousset (C.), Conquête de l'Algérie, t. I; — Saint-René Taillandier, le roi Léopold et la reine Victoria, la Serbie; — Taylord et Mackay, Sir Robert Peel, sa vie et son temps; — Thiers, Discours parlementaires; — Thureau-Dangin, Histoire de la monarchie de Juillet, t. V, etc.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ПОСЛЕДНЕЕ УСИЛИЕ МЕТТЕРНИХА

I. Европа и Польша в 1846 г. — II. Испанские браки. — III. Насилие над Краковом. — IV. Неопределённая позиция северных держав. — V. Венский кабинет и революционные партии в Австрии, Германии, Швейцарии и Италии. — VI. Взгляды Гизо и Меттерниха. — VII. Ненадёжное ссгрудничество. — VIII. Революционная тактика Пальмерстона. — IX. Бессилие политики предупреждения.

(1845—1848)

I

Разрыв между Францией и Англией в начале 1846 г. не был ещё окончательным. Но он казался настолько близким, что три северные державы уже сочли возможным учесть вытекающие отсюда выгоды. Действительно, как раз с этого времени они стали явно стремиться к тому, чтобы уничтожить одно небольшое государство, независимость которого была торжественно гарантирована трактатами 1815 г. и упразднение которого было бы невозможно, если бы между лондонским и парижским кабинетами попрежнему царило согласие.

Краковская республика, последний обломок старой Польши, давно уже (и в особенности после 1830 г.) вызывала беспокойство у Пруссии, Австрии, а особенно у России. При первом же ослаблении англо-французского союза (в 1836 г.) несчастный город был занят войсками трёх держав и оставлен ими лишь в 1841 г. Сделавшись снова наполовину свободным, он продолжал, как и раньше, служить убежищем для известного числа эмигрантов, не терявших, несмотря на печальные воспоминания 1831 г., надежды на восстановление польского отечества. Хотя у них не было почти никаких средств для борьбы, тем не менее северные монархи во главе с русским царём делали вид, что сильно опасаются их заговоров. И вот с конца 1845 г. они предпринимают ряд военных мер для того, чтобы по первому сигналу иметь возможность занять Краков, откуда, по данным их полиции, возмущение должно было распространиться

на соседние провинции. Действительно, начиная с 19 февраля 1846 г., т. е. с того дня, на который (польскими) патриотами было назначено начало восстания, в Галиции стало наблюдаться некоторое брожение. Но оно было вызвано главным образом макиавеллистическими приёмами австрийского правительства, которое уже давно раздувало в этой местности ненависть крестьян к дворянам. Ему ничего не стоило организовать в Галиции в нужный момент восстание крестьян, жертвами которого пали в значительной части повстанцы и их родственники, принадлежавшие в подавляющем большинстве к дворянскому сословию. Страшная резня, устроенная по наущению и за счёт венского двора¹, привела в ужас австрийскую Польшу и возмутила Европу. Восстание было в несколько дней потоплено в крови. В прусской Польше движение было без труда приостановлено массовыми арестами. В русской Польше порядок вовсе не нарушался. Но три союзные державы, не дожидаясь конца этих событий, поспешили завладеть Краковом. Город был занят ими 18 февраля и очищен 22 февраля, но затем с начала марта они окончательно стали обращаться с ним, как с завоёванной крепостью. Вскоре после этого с-петербургский кабинет предложил созвать конференцию, которая и состоялась в апреле 1846 г. в Берлине; на ней представители северных держав² без участия других обсуждали новые условия существования Кракова. Россия настаивала на присоединении его к Галиции, но требовала, чтобы Австрия предоставила обеим союзницам некоторые территориальные компенсации. Венский двор соглашался на это; одна Пруссия делала некоторые возражения; совещания конференции были прерваны, но затем, через несколько недель, они возобновились в Вене, где протекали в довольно таинственной обстановке и затянулись ещё на несколько месяцев.

В сущности осуществление соглашения, предложенного царём, задерживалось вовсе не из-за колебаний Пруссии, а из опасения, как бы Франция и Англия, сговорившись, не предупредили столь скандального нарушения трактатов 1815 г. В конце марта Гизо, несмотря на всё своё нежелание

¹ Австрийское правительство назначило премию в 10 флоринов за голову повстанца. В одном Гарновском округе было убито 1458 человек. Один головорез, по имени Яков Шеля, собственной рукой умертвивший 17 членов одного семейства и наводивший панику на весь округ, получил вскоре после этого не только похвалу, но и денежную награду от имени императора.

² От России — генерал Берг, от Австрии — граф Фикельмон, от Пруссии — барон Каниц (прусский министр иностранных дел).

ссориться с Австрией, должен был, под давлением общественного мнения обратиться к Меттерниху с нотой. В этой ноте он выражал уверенность, что занятие Кракова является лишь временной мерой. Эбердин сделал со своей стороны то же самое. Виги в Англии, так же как французские либералы и радикалы, были возмущены посягательством, которое замыслили северные державы. У Пальмерстона, выступавшего в палате общин, вырвалась фраза, что — *если Венский трактат не хорош на Висле, то он, значит, не годится и на Рейне и на По*. Неограниченные монархи не торопились с окончательным решением вопроса. Они даже заявили о полном бескорыстии своих намерений и старались внушить западным кабинетам надежду, что рано или поздно несчастная республика будет предоставлена самой себе. На деле же они, просто-напросто, выжидали, для того чтобы окончательно стереть её с карты Европы в тот момент, когда оборвутся последние узы дружбы, связывавшие июльскую монархию с Англией. Им пришлось ждать не особенно долго. Падение министерства Пиля и вопрос об испанских браках дали им в этом отношении полное удовлетворение. Правда, эти события привели в конце концов, как мы увидим ниже, и к другим результатам, которых северные державы вовсе не предвидели: в конечном итоге они привели не к восстановлению Священного союза, а к победоносному взрыву революции почти во всей Европе.

II

Торийский кабинет, сумевший не без труда провести в парламенте отмену хлебных законов¹, но потерявший в этой борьбе последние остатки своего авторитета, должен был 29 июня 1846 г. выйти в отставку. Через несколько дней у кормила правления стали виги во главе с лордом Джоном Расселем². Лорд Пальмерстон получил портфель

¹ После долгих и бурных прений (27 февраля — 16 мая) билль об отмене хлебных законов (Cogn-bill) был принят палатой общин и палатой лордов 25 июня. Но билль о принуждении (coercion), предложенный министерством с целью предупредить вспышку новых волнений в Ирландии, был отвергнут палатой общин (25 июня), вследствие чего Роберт Пиль и его коллеги подали в отставку (29 июня).

² Рассель (Джон), родившийся в Лондоне 18 августа 1792 г., происходил из знатной семьи, представители которой с XVII столетия принадлежали к партии вигов; с июля 1813 г. — член палаты общин; генеральный казначей флота в министерстве Грея (1830); главный автор проекта избирательной реформы, принятой в 1832 г.; лидер либеральной

статс-секретаря по иностранным делам. Снова появилась на горизонте эта личность, заняв ещё более вызывающую, более беспокойную и, несмотря на недавние свои заявления¹, более, чем когда-либо, враждебную по отношению к Франции позицию. Луи-Филипп продолжал относиться к нему с большой подозрительностью; Гизо, которого он так жестоко одурачил в 1840 г., питал к нему попрежнему упорную и глубокую ненависть. Два правительства говорили, таким образом, на разных языках; каждый более или менее серьёзный повод к разногласию мог тотчас же вызвать окончательный разрыв. К сожалению, такой повод был налицо, и ни Пальмерстон, ни Гизо нисколько не заботились о его устранении.

Мы уже говорили о дружеском компромиссе, заключённом на словах между французским королём и королевой Англии в замке Э в сентябре 1845 г., по вопросу об испанских браках. Луи-Филипп обещал повременить с браком герцога Монпансье и инфанты Луизы-Фернанды до того времени, когда королева Изабелла не только выйдет замуж, но и станет матерью. Виктория со своей стороны дала слово не поддерживать притязаний своего родственника, принца Леопольда Саксен-Кобургского. Возможно, что это обещание было дано ею искренне. Но государственные люди, являвшиеся её представителями, не все отличались такой же искренностью. Во всяком случае английский посол в Мадриде сэр Генри Булвер, видимо, нисколько не считался с соглашением, существовавшим между обоими монархами, и продолжал бороться в Испании с политикой французского правительства по вопросу о браке. Благодаря ему кандидатура Трапани, которой так дорожил Луи-Филипп, была окончательно устранена, чему способствовало падение Нарваэса

партии с 1831 г.; статс-секретарь сначала министерства внутренних дел (1835), потом министерства колоний (1839) в кабинете Мельбурна, первый лорд казначейства (глава правительства) (июль 1846 г. — февраль 1852 г.), министр иностранных дел (декабрь 1852 г.), министр без портфеля (февраль 1853 г.); позже председатель совета (июль 1854 г.); наконец, министр колоний (1855) в кабинете Эбердина. Представитель Великобритании на венских конференциях (1855); в отставке с июля 1856 г.; вновь призван к управлению иностранными делами (5 июля 1859 г.) в министерстве, сформированном лордом Пальмерстоном; стал снова премьером после смерти этого государственного деятеля (октябрь 1865 г.); в июле 1866 г. его министерство было свергнуто партией тори; умер в мае 1878 г.

¹ Во время одного из своих пребываний в Париже (в апреле) он, желая облегчить себе возвращение в министерство, неоднократно подчёркивал своё расположение к июльской монархии.

(10 февраля 1846 г.)¹, который долго и энергично поддерживал Трапани. Наоборот, кандидатура Кобурга стала выдвигаться на первый план и притом с такой настойчивостью, что тюильрийский кабинет не мог не взволноваться. В меморандуме от 27 февраля Гизо заявил Эбердину, что в случае если брак этого принца с Изабеллой станет неминуемым или вероятным, — его правительство перестанет считать себя связанным обязательствами, взятыми им на себя по договору в Э в прошлом году. Английский министр старался его успокоить. Но немного спустя (в мае) в Париже стало известно, что Мария-Христина, желая возможно скорее обеспечить своей старшей дочери выгодную партию, обратилась, под явным влиянием Булвера, к Саксен-Кобургскому дому с весьма многозначительными предложениями. Гизо протестовал вторично; глава Форейн офис поспешил для вида отречься от солидарности со своим послом, которого он, впрочем, не отозвал. В свою очередь и Луи-Филипп и его министр тоже вели двойную игру. Так, с июня месяца они, продолжая любезничать с Англией, стали проводить новую комбинацию, которая, по их мнению, должна была в случае успеха окончательно подорвать в Испании кредит Великобритании. Благодаря им во главе правления в Мадриде стал Истурис, горячо преданный Франции. Этот государственный деятель враждебно относился к кандидатуре принца Саксен-Кобургского. Мария-Христина была уже готова отказаться от последней; надо думать, что когда она одно время делала вид, будто поощряет эту кандидатуру, то это было с её стороны лишь маневром, рассчитанным на то, чтобы уколоть самолюбие Луи-Филиппа: она страстно желала обеспечить себе союз с ним и покровительство с его стороны. Таким образом, немецкий кандидат был устранён; сын дон Карлоса (Монтемолин) и Трапани не имели никаких шансов, а принц Луккский² успел уже жениться. Оставались лишь два лица, которых французское правительство согла-

¹ Нарваэс был отставлен после одной из дворцовых интриг, не прекращавшихся во всё время царствования Изабеллы II; через некоторое время (19 марта) он снова добился поста премьер-министра. Но его надменность и жестокость помешали ему долго удержаться у власти, и уже 7 апреля он был заменён Истурисом.

² Этот принц был тоже одно время в числе кандидатов, намеченных в супруги испанской королевы. Он приходился через свою бабу (прежнюю королеву Этрурии) правнуком Карлу IV. Он женился в 1845 г. на Луизе-Марии-Терезии Бурбонской, сестре графа Шамбора. Когда его отец, Карл-Людовик Бурбонский, отказался в 1848 г. от пармской короны (которая досталась ему, согласно трактату 1815 г., вместо луккской после смерти экс-императрицы Марии-Луизы, в 1847 г.), он сделался герцогом Пармским под именем Карла III и погиб от руки убийцы в 1854 г. (Он родился в 1823 г.)

силось признать претендентами на руку Изабеллы. Это были её двоюродные братья — дон Франсиско да Ассис, герцог Кадисский и дон Энрике, герцог Севильский. Однако молодая королева питала полное отвращение к ним обоим и особенно к первому, ограниченному фанатику тщедушного вида и, вдобавок, по слухам, страдавшему бессилием. Луи-Филипп и его министр были только против герцога Севильского, так как он находился до известной степени под покровительством Англии и, кроме того, незадолго перед тем был отправлен в ссылку за поддержку прогрессивной партии. Французский план состоял теперь в том, чтобы сочетать браком герцога Кадисского с Изабеллой, а немного погодя — или, если возможно, то и одновременно — Монпансье с инфантой. Предполагалось, что королева останется бездетной, и тогда испанский престол должен был перейти к Орлеанскому дому. Во всяком случае можно было быть вполне уверенным, что Франсиско да Ассис не будет иметь ни малейшего влияния на свою жену и что Испания, при содействии Марии-Христины и Монпансье, останется в полном распоряжении у июльской монархии.

Таково было положение дела; ни Англия, ни Франция ещё не раскрывали своих карт, когда Пальмерстон стал снова во главе Форейн офис. Тюильрийский кабинет немедленно забил тревогу и не без основания. 19 июля Пальмерстон послал Булверу депешу, сообщив о её содержании графу Жарнаку, французскому поверенному в делах в Лондоне¹, только тогда, когда она была уже отправлена. В этой депеше говорилось, что Великобритания считает наиболее желательным претендентом на руку Изабеллы принца Леопольда Кобургского. Кроме того, депеша подвергала весьма суровой критике внутреннюю политику испанского правительства, которому, по мнению Пальмерстона, надлежало незамедлительно напомнить о необходимости уважать конституционные принципы. Это была двойная атака против тюильрийского кабинета, имевшего господствующее влияние в Мадриде и не соглашавшегося на немецкого кандидата.

¹ Жарнак (Филипп-Фердинанд-Огюст де Роган-Шабо, граф) родился в Ирландии 2 июня 1815 г.; причислен в качестве секретаря к французскому посольству в Лондоне (1837); в 1841 г. назначен генеральным консулом в Александрии; возвратившись оттуда в Англию, он женился (1844) и исполнял до 1848 г. обязанности секретаря посольства и поверенного в делах; после 24 февраля он подал в отставку и не служил во время Второй республики и Второй империи, посвящая свободное время литературе, причём писал романы и исторические этюды. 28 августа 1874 г. он был назначен французским послом в Лондоне, где и умер 22 марта 1875 г.

Луи-Филипп и Гизо, напуганные возможностью проиграть дело при наличии противника, не особенно разборчивого в средствах, не остановились сами перед небольшой перепалкой.

В течение нескольких недель Европа была свидетельницей настоящей дипломатической комедии. В конце июля французское министерство обратилось к британскому кабинету с нотой, в которой попрежнему высказывалось против притязаний принца Кобургского, но заявляло, что оно в равной мере не будет противиться браку королевы Изабеллы с герцогом Кадисским или с герцогом Севильским; о герцоге Монпансье и инфанте не было при этом сказано ни слова. Пальмерстон не торопился с ответом, считая нужным выиграть время, а пока что Булвер прилагал в Мадриде все усилия (правда, тщетные) к тому, чтобы отстоять кандидатуру сначала принца Леопольда, а потом герцога Севильского. Только 28 августа он высказал своё мнение по поводу последнего сообщения Гизо. В своей ноте он решительно заявлял, что предпочитает дону Энрике. Но в этот момент игра уже кончилась: Франция ещё накануне вышла из неё победительницей. Деятельный и предприимчивый Брессон¹, французский посол в Мадриде, в начале июля добился у Марии-Христины² окончательного обещания в пользу герцогов Кадисского и Монпансье³. Оба брака должны были состояться одновременно: королева-мать опасалась, как бы бракосочетание старшей дочери с доном Франсиско да Ассис не вызвало беспорядков, если бы его отпраздновали отдельно. Луи-Филипп, не желавший открыто задевать Англию, сначала возражал против одновременно-

¹ Брессон (Шарль, граф) родился в Париже в 1798 г.; был с молодых лет зачислен в дипломатический корпус, играл с 1830 г. важную роль в переговорах относительно Бельгии; немного позже назначен посланником при берлинском дворе и затем послом в Мадриде; посланный в той же должности в Неаполь, он кончил в 1847 г. жизнь самоубийством из-за семейных неприятностей.

² Королева ненавидела Пальмерстона за то, что он поддерживал против неё Эспартеро; когда виги очутились у власти, её горячим желанием стало освободиться от влияния Англии.

³ Монпансье (Антуан-Мари-Филипп-Луи Орлеанский, герцог), пятый сын Луи-Филиппа, родился в Нейи 31 июля 1824 г.; до и после брака он совершил несколько путешествий по Африке; после февральской революции жил в Англии и Голландии. Затем поселился в Испании, где получил чин капитан-генерала (1859). После падения Изабеллы (1868) выдвинута была его кандидатура на испанский престол, но безуспешно. Он убит на дуэли герцога Севильского в марте 1870 г.; умер в Сан-Лукаре в феврале 1890 г., оставив сына (женившегося в 1886 г. на инфанте Эвлялии, дочери Изабеллы II) и дочь, которая с 1864 г. состояла в браке с графом Парижским.

сти двух свадеб. Но после английской депеши 19 июля он понял, что терять время нельзя. Мария-Христина, упорно настаивавшая на своём требовании, могла легко в случае отказа обратиться к принцу Кобургскому. Поэтому французский король, в глубине души восхищённый тем, что ему удалось устроить великолепную семейную комбинацию, в конце концов уступил. Франко-испанские переговоры велись Брессоном в течение нескольких недель в величайшей тайне. Наконец, 27 августа королева Изабелла неожиданно сообщила своим министрам о своём решении выйти замуж за герцога Кадисского и выдать свою сестру за принца Монпансье, причём обе свадьбы должны были состояться в один и тот же день.

Пальмерстон, получив в первых числах сентября известие о такой неожиданной развязке, пришёл в ярость. Гизо тщетно извинялся, притворялся, пытался дать понять, что свадьбы не состоятся одновременно. Британский кабинет быстро понял всё значение мадридского соглашения. Обманутый Пальмерстон заявил, что оскорбление, нанесённое Англии, не скоро будет забыто. Он ссылаясь на нарушение Утрехтского договора 1713 г., согласно которому ни один Бурбон не имел права носить одновременно две короны, французскую и испанскую. Но те возможные последствия брака Монпансье, которыми Пальмерстон пугал Европу, представлялись в этот момент столь сомнительными и отдалёнными, что вся его аргументация не могла ни встревожить Европу, ни сколько-нибудь обеспокоить июльскую монархию. Он доказывал мадридскому кабинету, что Испания отказалась от своей независимости и стала вассалом Франции; Истурис с достоинством отвечал, что Испания сама знает, как защищать свои права и свою честь. Одним словом, договор, состоявшийся между Брессоном и Марией-Христиной, остался без изменений, и обе свадьбы были отпразднованы одновременно — 10 октября 1846 г.

Для Луи-Филиппа это было довольно значительным успехом в его династической политике. Для Гизо это было торжеством его самолюбия. Но июльская монархия как таковая политически ничего не выиграла. Дальнейшее изложение покажет нам, как дорого она должна была заплатить за свой кратковременный успех. «Сердечное согласие», которое до последнего времени так выставлялось на показ и Францией, и Англией, отныне отходило в область предания.

Королева Виктория была глубоко возмущена, а её супруг, родственник принца Леопольда, конечно, не пытался её

успокоить; она горько жаловалась на Луи-Филиппа за то, что он её обманул. В первый раз, говорила она, французский король не сдержал своего слова. Тщетно Луи-Филипп заставил королеву Марию-Амелию написать Виктории, тщетно через посредство своей дочери, королевы бельгийской, представил он ей в ноябре весьма искусно составленные оправдания. Виктория сохранила к нему чувство неприязни до самых последних дней его царствования. Что же касается Пальмерстона, то нетрудно понять, что с этих пор он с удвоенной злобой преследовал июльскую монархию, падению которой он, хотя и косвенно, но в весьма широкой мере, способствовал. Дипломатические отношения между Францией и Англией становятся с конца 1846 г. более чем холодными. Если в 1847 г. и проявлялось в некоторых второстепенных вопросах (например, относительно Португалии и Ла-Платы) согласие между двумя державами, то оно вызывалось лишь силою вещей; Великобритания своим далеко не любезным отношением показывала, сколь тягостно для неё такое согласие. А своими происками в Греции и в Испании¹ она давала понять, как желательно ей было ослабление французского влияния. Но в особенности она отомстила Луи-Филиппу тем, что покровительствовала революционной партии, уже расшатывавшей Францию и угрожавшей июльской монархии.

III

Разлад, посеянный между Францией и Англией испанскими браками, прежде всего, как это и следовало ожидать, придал смелости трём северным державам, которые с этого времени уже не колеблясь приступают к выполнению своей

¹ Англия в самых резких выражениях требовала уплаты денег, которые Греция ей была должна с 1832 г. Благодаря интригам Англии греко-турецкие разногласия, о которых мы говорили выше, сразу обострились и дошли до того, что Порта обратилась к греческому правительству с чрезвычайно грозным ультиматумом, и 1 апреля 1847 г. дипломатические отношения между обоими государствами были прерваны. Эти раздоры стали утихать только после смерти Колееттиса (12 сентября того же года). В Испании лондонский кабинет покровительствовал фавориту Серрано, который с начала мая 1847 г. приобрёл столь явное компротетизирующее влияние на молодую королеву, что доп Франсиско да Ассис покинул дворец и заговорил о разводе. Но Франция вмешалась и без особого труда отговорила оскорбленного супруга от намерения пойти на скандал. Ей удалось в скором времени помочь Нарваэсу вернуться к власти (октябрь), а тот добился удаления Серрано.

программы относительно Кракова. И действительно, спустя несколько дней после мадридских торжеств они заключают в Вене договор, по которому названный город — со всей его территорией в 23 квадратных мили, с населением в 136 тысяч жителей — был присоединён к Австрии, уступавшей взамен этого России и Пруссии некоторые части Галиции. Так завершилось уничтожение Польши; от некогда большого государства не оставалось больше ни клочка. Общественное мнение всей Европы и в особенности Франции и Англии с справедливой суровостью осудило виновников этого преступления, тем более одиозного, что жертва не могла сопротивляться. Трактаты 1815 г. были открыто попорчены именно теми тремя державами, которые больше всех ратовали за их заключение и обыкновенно настойчивее других ссылались на них. Но ни парижский, ни лондонский дворы, участвовавшие в их подписании, не имели в этот момент никакого желания объединиться для того, чтобы заставить уважать эти трактаты.

Гизо, весьма озабоченный тем, чтобы не поссориться с Австрией, счёл всё же нужным — так как вся Франция требовала от него протеста — обратиться к Пальмерстону с предложением выразить совместно трём северным дворам недовольство Франции и Англии. Но глава Форейн офис предпочитал, чтобы Гизо скомпрометировал себя один. Он поэтому ответил, что Великобритания со своей стороны уже заявила протест и что каждая из обеих держав должна сохранять свободу действий. Действительно, в ответ на ноту Меттерниха 6 ноября, в которой тот излагал мотивы присоединения Кракова, Пальмерстон обратился (23 ноября) к венскому кабинету с холодной и многословной депешей, из которой явствовало, что он не намерен попытаться предпринять что-либо в пользу несчастной республики. Для того чтобы избавиться себя от необходимости принимать угрожающий тон, он притворялся в депеше, будто верит, что присоединение Кракова является пока лишь проектом, а не совершившимся фактом. Поэтому он ограничивался тем, что советовал северным державам отказаться от своего намерения и доказывал: 1) что существование столь малого государства не может грозить серьёзной опасностью ни одной из них и 2) что во всяком случае правительства, подписавшие Венский трактат, имели право на то, чтобы их мнение было выслушано.

Протест Гизо, отправленный 3 декабря, был откровеннее и был выдержан в более приподнятом тоне. Французский министр приводил весьма серьёзные доказательства одиозности только что совершённого политического насилия.

«После долгих и грозных волнений, потрясавших Европу до самого основания, — писал он, — порядок в ней укрепляется и поддерживается ныне исключительно уважением к договорам и всем правам, кои ими признаны. Ни одна держава не может освободить себя от этой обязанности, не развязывая тем самым руки остальным...» Но за этими решительными словами следовали другие, в которых французский дипломат давал понять, что его протест имеет чисто платонический характер: «Франция, — писал он, — ещё не забыла, каких мучительных жертв потребовали от неё трактаты 1815 г. Она могла бы обрадоваться такому действию, которое по принципу справедливой взаимности разрешает и ей считаться впредь только со своими разумно понятыми интересами, а между тем именно она призывает к добросовестному соблюдению трактатов 1815 г. те державы, которые извлекли из него наибольшую выгоду!». Таким образом, Гизо, подобно Пальмерстону, осуждая насилие, совершённое над Краковом, делал это только ради очистки совести, и Меттерних прекрасно понимал, что ему нечего бояться; но, чтобы соблюсти все правила вежливости, он постарался ещё раз (4 января 1847 г.) изложить с некоторыми вариациями те неубедительные доводы, которые он уже приводил в ноте 6 ноября. Этим инцидент был исчерпан, и в дипломатическом мире перестали интересоваться Краковом.

IV

Поссорившись из-за испанских браков, оба западных двора заботились в то время не столько об интересах поляков, сколько о том, чтобы снискать благоволение трёх великих северных держав. В течение нескольких месяцев британский кабинет снова и снова доказывал Европе, что Франция нарушила в свою пользу европейское равновесие; июльская монархия защищалась против этого обвинения, как могла. Эта ссора могла повести далеко, но Австрия, Пруссия и Россия отказались от вмешательства в неё. Для того чтобы избежать всяких объяснений по поводу предложений Пальмерстона, Меттерних решил прибегнуть к довольно остроумной отговорке; за неё тотчас же ухватились и берлинский и с.-петербургский кабинеты. Он просто-напросто заявил, что ему нечего отвечать; так как австрийское правительство никогда не признавало Изабеллу испанской королевой, не поддерживало с ней политических сношений, то оно не имеет никаких оснований обращаться к ней с какими-либо представлениями по вопросу о её браке или браке её сестры.

Эта отговорка, конечно, очень неискренняя, означала в сущности одобрение французской политики. Она до крайней степени ухудшила дурное настроение Пальмерстона, который с этого времени в своей ненависти перестал делать различие между Веной и Парижем. Наоборот, июльская монархия открыто радовалась расположению, хотя и относительному, которое ей вызывали северные державы. В свою очередь и три последние были весьма рады привлечь своей предпрительностью июльскую монархию на свою сторону, втянуть её бесповоротно в круг своей политики и сделать, таким образом, невозможным её примирение с Англией. Такова была в частности тактика Австрии, которая (как мы увидим ниже) была гораздо более, чем Пруссия и Россия, заинтересована в том, чтобы обеспечить себе содействие Франции.

V

Дело в том, что Австрии более непосредственно, чем другим державам, угрожала политическая лихорадка, которая в то время охватила почти всю Европу. Несмотря на свой обычный оптимизм, Меттерних чувствовал, что всё здание 1815 г. — дело его рук — колеблется в самом своём основании, и он с ужасом думал о том, что если оно рухнет, то прежде всего раздавит австрийскую монархию. *Свобода, национальность* — таков был двойной лозунг революции. Народы начинали теперь борьбу за эти принципы, столь грубо погранные Венским конгрессом и Священным союзом. Всюду демократия организовывалась для низвержения абсолютизма и монархии. Повсюду угнетённые или раздробленные капризом дипломатов народности стали подниматься, сочетая стремления к политическому единству с борьбой за независимость. И ни одному правительству надвигавшаяся буря не грозила такими серьёзными потерями, как Австрии. Внутри она была накануне полного разложения; вовне страны, входившие до сих пор в круг её влияния, готовы были ускользнуть из-под него.

У подданных Габсбургской монархии, несмотря на всё их терпение и покорность, стала являться мысль о том, что режим произвола, благодетельное значение которого так превозносил Меттерних, уже отжил своё время. Равенство перед законом, свобода печати, парламентские гарантии — все эти требования предъявлялись в Вене, в Праге и Будапеште, пока ещё робко, но достаточно громко, чтобы встревожить канцлера. Четыре или пять национальностей,

составлявших в своей совокупности австрийское государство, волновались всё больше и больше и настойчиво требовали автономии. Особенно громкие жалобы раздавались в течение 1846 и 1847 гг. в Чехии и в Венгрии, требования которых непрерывно возрастали¹.

Германия, которую венский двор привёл в состояние бесилия тем, что оставил её в раздробленном состоянии, и над которой он так долго властвовал, диктуя свои законы во Франкфуртском союзном сейме, была теперь полна сознания своей скрытой мощи и предчувствия своего богатого политического будущего. Либеральное течение, которое Меттерних так часто останавливал в различных государствах Германского союза с 1840 г., повсюду снова ожило. Теперь оно было настолько сильно, что прусский король, вместо того чтобы пытаться задержать его, решил следовать за ним, чтобы иметь возможность руководить им: 3 февраля 1847 г. он даровал своим подданным хартию². Кризис 1840 г. дал также решительный толчок пропаганде национального единства, которая с большим шумом велась в печати, в университетах и в народных обществах. Германия, разбогатевшая благодаря Цоллферейну, мечтала о создании такого центрального правительства, которое, обладая военной силой, могло бы путём завоеваний обеспечить ей богатое будущее. Ей грезились успешные войны и аннексии; некоторые галлофобы уже требовали — во имя германского отечества — присоединения Эльзаса и Лотарингии. Но в данный момент внимание широких кругов нации привлекал

¹ В Верхней и Нижней Австрии, в Штирии, Каринтии и других провинциях уже несколько лет наблюдалось известное брожение; крестьяне требовали, как и в Галиции, освобождения от десятины и барщины и добивались большей свободы для местных ландтагов. В Чехии ландтаг отверг в 1847 г. всякое увеличение налогов и очень твёрдо заявил, что старая конституция страны не утратила силы за давностью. В Венгрии заседания сейма принимали всё более и более бурный характер; тут уж говорили не о конституционной свободе и не об отмене феодальной системы, а громко требовали автономии страны.

² Этим он привёл в полное отчаяние Меттерниха, который в течение нескольких лет (как показывает его переписка) не переставал отговаривать короля от этого шага. Впрочем, хартия, пожалованная монархом, отнюдь не намеревавшимся отказываться от своего суверенитета, представляла собой довольно незначительную уступку. Она устанавливала сословное представительство — простое соединение провинциальных ландтагов, разделенных на две палаты, в которых должны были быть представлены, главным образом, дворянство и крупное землевладение. Это собрание во всех вопросах (кроме вопросов о займах, о новых налогах и об увеличении старых налогов в мирное время) являлось совещательным органом; вопрос о министерской ответственности, конечно, даже и не поднимался.

главным образом вопрос о Шлезвиге и Гольштейне. Агитация в пользу присоединения этих датских владений к Германии особенно усилилась после декларации короля Христиана VIII (8 июля 1846 г.), имевшей, повидимому, целью упрочить связь этих провинций с копенгагенским правительством¹.

В районе Альп Швейцария, хотя и признанная с 1815 г. нейтральной, находилась в течение тридцати лет почти в такой же зависимости от Австрии, как и Германия. Благодаря очень мало централизованной конституции, навязанной ей Венским конгрессом, она не обладала ни достаточной внутренней спаянностью, ни силой сопротивления. Это было беспомощное соединение двадцати двух крохотных республик, независимых друг от друга, не имевших ни столицы, ни федеральной власти, ни общей армии, ни высшего судебного учреждения. С 1830 г. огромное большинство швейцарского народа, естественно, сосредоточивало свои усилия на том, чтобы свергнуть власть местных олигархий и исправить федеративный пакт в духе демократии и централизации. Во многих кантонах революция уже совершилась, но центральные кантоны, где в силу религиозных и политических причин особенно преобладало австрийское влияние, оказывали сильное сопротивление новым идеям. Это было семь католических кантонов: Люцерн, Швиц, Ури, Унтервальден, Цуг, Фрейбург и Валлис. Они только что призвали к себе иезуитов и с оружием в руках защищали их от *вольных отрядов*, организованных в протестантских кантонах с целью добиться изгнания иезуитов (март 1845 г.). Предвидя новый натиск, эти кантоны заключили тесный союз и образовали «Зондербунд», вооружённую лигу, являвшуюся государством в государстве и самым фактом своего существования противоречившую общей швейцарской конфедерации. Теперь *радикалам* (так назывались приверженцы реформы) необходимо было так или иначе расстроить этот союз, для того чтобы затем изгнать иезуитов и создать для Швейцарии новую конституцию. Но для этой цели они должны были прежде всего обеспечить себе большинство в федеральном сейме, в котором голосование происходило по кантонам. В результате новой вспышки местных революций в Берне и Женеве (январь — октябрь 1846 г.) и потом в Сан-Галлене (май 1847 г.) власть перешла в этих кантонах к *радикалам*. С этого момента юридически победа была уже наперёд обеспечена противникам Зондербунда. Полковник

¹ По вопросу о датских герцогствах см. том II, гл. I и 2.

Оксенбейн, командовавший вольными отрядами в 1845 г., стоял теперь во главе Vorort'a¹; сейм должен был собраться под его председательством в начале июля 1847 г.; нетрудно было предугадать его решения.

Но если Австрию беспокоили события, готовившиеся в Швейцарии, то ещё больше оснований для тревог доставляла ей Италия, которая стала театром волнений, предвещавших близкую революцию. Здесь возбуждение достигло крайней степени и не ограничивалось, как в 1820 и 1831 гг., отдельными пунктами, а наблюдалось повсеместно и, следовательно, представляло большую опасность. От Альп до Адриатики, от глухих местностей Сицилии и до берегов По одно и то же чувство ненависти к иностранцам объединяло все сердца. Изгнание *варваров*, т. е. австрийцев, было общим желанием. Италия, которую Меттерних презрительно называл географическим понятием, чувствовала себя созревшей для независимости и даже для объединения. Но если свобода будет достигнута, то в каком виде совершится объединение? Присмет ли оно форму федерации, как надеялось большинство, или монархии, как начинали желать наиболее осторожные умы, или же оно совершится в форме демократической республики со столицей Римом, как мечтал выдающийся революционер Маццини², не перестававший и в изгнании руководить грандиозным национальным заговором? Решение этих задач откладывалось на будущее время. Пока же огромное большинство населения Италии воодушевлялось доктринами Бальбо, Азелио и Джоберти³ и требовало

¹ Швейцарский сейм собирался по очереди в трёх ведущих кантонах — Берне, Цюрихе и Люцерне. Кантон, в котором заседал сейм, назывался форортом (Vorort). — *Прим. ред.*

² Маццини родился в Генуе 22 июня 1805 г. и с 1830 г. почти всю свою жизнь посвятил заговорщической деятельности в пользу Италии; он хотел видеть её единой и свободной. Он вынужден был бежать сначала в Марсель (1831), потом в Швейцарию (1834) и, наконец, в Англию, где был душой бесчисленных заговоров и приобрёл скрытое, но тем более опасное влияние не только на родине, но и во всей Европе. В 1848 г. он поспешил в Милан, а потом во Флоренцию; в качестве триумвира защищал в 1849 г. против французских войск только что созданную им римскую республику. Его партия потерпела поражение, и он снова бежал в Лондон, где возобновил свою пропаганду. Вскоре он опять появился в Италии, где в 1853 и 1857 гг. вызвал новые восстания. Он принимал широкое участие в событиях, имевших место на его родине с 1859 по 1870 г. Умер в Пизе 11 марта 1872 г. Его многочисленные сочинения и переписка представляют собой почти полную историю итальянской революции.

³ *Бальбо* (Чезаре) родился в Турине в 1789 г.; поверенный в делах Сардинского королевства в Мадриде в 1818 г.; майор инфантерии в Пьемонте (1819); жертва реакции в 1821 г.; автор книги «Надежды Италии», получившей в 1844 г. огромное распространение; председатель

от своих монархов, чтобы и они отождествили себя с народом, влили в него новые силы, даровав ему свободу, и потом во имя свободы сплотились против общего врага. Взоры всей Италии прежде всего обращались, конечно, к папе; его высокий сан давал ему бесспорное право взять в свои руки знамя свободы. Если сам папский престол смело подаст пример, то ему должны будут последовать все остальные монархи Италии! Как раз в это время (1 июня 1846 г.) скончался престарелый Григорий XVI, ставленник Австрии. Вся итальянская нация приветствовала избрание его преемника (16 июня) как зарю своего возрождения. Это был Пий IX¹ — кроткий и великодушный пастырь, крайне неуступчивый, когда дело касалось того, что он считал правами церкви, и вместе с тем довольно либеральный в вопросах светской администрации и очень заботившийся о своей популярности. Его главные недостатки — нерешительность и непостоянство — ещё не успели тогда сказаться в полной мере. Впоследствии, обманувшись несколько раз в своих расчётах, он с необычайной резкостью стал высказываться против принципа либеральных правительств. Но в данный момент он, казалось, был всецело предан делу мирной революции. Он начал своё правление политической амнистией (16 июня) и не расколаживал новаторов. Он обещал своим подданным конституционные реформы, которых они в течение пятнадцати лет тщетно просили у его предшественника. Когда же он стал крайне медлить с осуществлением реформ (ничего или почти ничего не было сделано в течение шести месяцев), то эти колебания приписывали затруднениям, чинимым ему реакционной кликой, окружавшей его при ватиканском дворе. Вера в него не гасла; толпы всегда теснились на его

сардинского кабинета министров (март—июль 1848 г.); умер в 1853 г. — *Азелио* Массимо Тапарелли (маркиз) родился в Турине (1801), приобрёл особенную известность с 1840 г. благодаря патриотическим сочинениям; служил делу Италии в 1848 г. в качестве адъютанта генерала Дурандо; назначен 11 мая 1849 г. председателем совета министров и сардинским министром иностранных дел; в 1852 г. был заменён Кавуром; посол в Лондоне, позднее префект Милана; умер в 1865 г. — *Джоберти* (аббат Винченцо) родился в Турине 5 апреля 1801 г.; автор книги «О нравственном и политическом первенстве Италии», сделавшей его в 1843 г. чрезвычайно популярным. Сардинский министр народного просвещения (июль 1848 г.), позже — председатель совета министров и министр иностранных дел (декабрь 1848 г. — март 1849 г.); посланник в Париже в 1849 г.; вскоре после этого возвратился к частной жизни; умер в Париже 26 октября 1852 г.

¹ Джованни-Мария, граф Мастаин-Феррети, родился в Синигалье 13 мая 1792 г.; с 1827 г. был архиепископом Сполетским, потом (с 1832 г.) епископом Имольским; кардинал с 1840 г. и папа под именем Пия IX; умер в Риме 7 февраля 1878 г.

пути, с энтузиазмом приветствовали его. «Смелее, святой отец!—кричала публика, когда он выезжал.—Доверься своему народу!». Это побудило его издать несколько либеральных декретов: например, он учредил (в Папской области) гражданскую гвардию (май 1847 г.). Когда он стал медлить с её окончательной организацией, гвардия организовалась сама (июль), и папа, несмотря на некоторые свои опасения, санкционировал довольно снисходительно такое самоуправство. Следуя примеру первосвященника, многие другие итальянские государи стали уступать желаниям своих подданных; и если неаполитанский король и герцог Моденский ещё отказывались итти на уступки, то великий герцог Тосканский¹, несмотря на своё австрийское происхождение, открывал уже двери свободе печати, а король сардинский Карл-Альберт после пятнадцати лет абсолютизма, казалось, начинал вспоминать, что во времена юности он одно время шёл рука об руку с карбонариями². Он впервые стал понимать, что Савойская династия может сыграть в итальянской революции большую роль, приняв на себя руководство военной стороной дела, тогда как папа может руководить революцией только в нравственном отношении. Идея федерации, казалось, уже была близка к осуществлению. Три двора — римский, флорентинский и туринский договаривались о таможенном союзе, который, казалось, должен был в недалёком будущем привести к образованию политической лиги, способной развить плодотворную деятельность.

VI

Из вышеизложенного видно, что на Австрию со всех сторон надвигались опасности; а между тем ей не из кого было выбрать союзников. Англия, руководимая Пальмерстоном, скорее склонна была вредить ей, чем оказывать содействие. От России в данный момент нельзя было ожидать никакой помощи. Конечно, император Николай был бы готов поднять оружие против революции, даже в пользу венского двора: это он доказал в 1849 г. Но в данный момент он ещё не верил в неизбежность катастрофы; наличие же некоторых затруднений для австрийской политики, способных отвлечь её внимание на Запад, было для него только выгодно, так как

¹ Леопольд II, племянник австрийского императора Франца I, родился во Флоренции 3 октября 1797 г.; с 1824 г.—великий герцог Тосканский; низложен в 1859 г.; умер в Риме 29 января 1870 г.

² См. выше, глава IV.

развязывало ему руки на Востоке. Что же касается берлинского двора, то он не интересовался Италией; Австрия могла рассчитывать на его помощь только против Швейцарии¹. Но с уверенностью можно было ожидать, что в самой Германии Пруссия окажется её противником; объединение Германии могло совершиться лишь под руководством Пруссии, и Фридрих-Вильгельм на это рассчитывал.

Оставалась одна Франция. Меттерних всеми силами старался привлечь её правительство на свою сторону; да и само оно было более, чем когда-либо, склонно к соглашению с Австрией. Революция пугала Луи-Филиппа и его министра Гизо не меньше, чем императора Фердинанда и Меттерниха. Июльское правительство, окончательно забыв своё происхождение, отвернулось от демократии и, опираясь на так называемое полноправное население (*pays legal*), т. е. на олигархию в 200 тысяч человек, имевших выборный ценз, со слепым упорством отвергало, несмотря на все советы его наиболее просвещённых приверженцев (Тьера, Одилона Барро, Ремюза², Дювержье-де-Горанна и др.), предложенную ему парламентскую реформу³, как нельзя более безобидную. Если бы по другую сторону Рейна и Альп разгорелось тлевшее там пламя революции, Франция тоже запылала бы. Поэтому нужно было помочь Меттерниху предупредить пожар или помочь потушить его, когда он начнётся. Гизо и его монарх особенно склонны были бороться повсюду с революцией ещё и потому, что она могла повести к созданию нескольких объединённых или почти объединённых государств; из них по крайней мере два (Германия и Италия) по своему географическому положению, силе и враждебному настроению (которого с большой вероятностью рано или поздно надо было ожидать) могли только явиться для Франции источником затруднений, опасности и её ослабления. Вследствие

¹ Король Пруссии был князем Невшателя.

² Ремюза (Шарль-Франсуа-Мари, граф) родился в Париже 14 марта 1797 г. Известный ещё до 1830 г. в качестве журналиста и философа, он был в конце этого года выбран в палату депутатов, где занял место сначала среди доктринёров; помощник министра внутренних дел (1836); с 1837 г.—сторонник политики Тьера; министр внутренних дел (1840) в кабинете 1 марта; член Учредительного собрания (1848—1849) а затем (1849—1851) Законодательного собрания. После государственного переворота он на короткое время покинул Францию. Во время Империи посвящал свой досуг значительным работам по истории и философии. 2 августа 1871 г. был приглашен Тьером занять пост министра иностранных дел, на котором он оставался до 24 мая 1873 г.; через некоторое время (октябрь) он был избран в Национальное собрание. Умер в Париже 5 января 1875 г.

³ См. стр. 440

этого глава французского кабинета заявлял, что в отношении принципов и общей линии поведения он вполне солидарен с Меттернихом, который, зная о честолюбии Гизо, осыпал его похвалами, называя его выдающимся государственным деятелем. «Мы, — писал он канцлеру¹, — находимся на весьма отдалённых друг от друга точках, но всё же на одной и той же плоскости. Во главе всех вопросов вы ставите социальный; я также весьма озабочен им... Смею думать, что мы оба боремся ради сохранения или исправления современного строя; в этом заключается наш союз... Только при содействии Франции и её консервативной политики можно с успехом бороться против анархии и революции... Я почитаю за большое счастье ваше доброе мнение обо мне и надеюсь, что если наша дружба найдёт достаточно долгое применение на практике, то это послужит к укреплению вашего доверия ко мне».

Но для того чтобы сердечное согласие между правительствами Франции и Австрии, свидетельством которого служит приведённое письмо, проявилось на деле, недостаточно было одного желания итти нога в ногу; нужно было, чтобы никакие посторонние обстоятельства не мешали им в этом. Если каждое из правительств не имело полной свободы действия и не могло без всяких оговорок помогать другому в общем деле, то согласие между ними было непрочно. Вместо того чтобы помогать друг другу и взаимно укреплять свои позиции, они роковым образом вынуждены были подозревать, ослаблять и даже парализовать друг друга. А так как революция, поощряемая их бессилием, кроме того, открыто поддерживалась великой державой, которой не приходилось ничего опасаться, то взрыв, который они хотели предупредить или временно задержать, должен был произойти в самом близком будущем. Так и случилось.

VII

В германских делах Австрия не могла принять явной поддержки Франции. Меттерних предупредил Гизо, что если Франция начнёт открыто выступать против свободы и объединения Германии, то этим она лишь увеличит патриотический энтузиазм немцев; они станут с подозрением относиться к Австрии, и революционное движение ещё больше разрастётся. Поэтому канцлер ждал от Франции только тайной поддержки. Он ручался за успех лишь в том случае, если

ему предоставят действовать единолично. Но французское правительство неохотно мирилось с той второстепенной ролью, которая ему отводилась. Гизо иногда подозревал Меттерниха в неискренности. Поэтому он мало поддерживал или даже совсем не поддерживал канцлера. Австрия, представленная собственным силам, с каждым днём теряла под ногами почву; несмотря на все принятые Меттернихом меры предосторожности, немцы упрекали его в заговоре, в союзе с наследственным врагом, т. е. с Францией, против общей родины.

В Швейцарии Гизо поддерживал вместе с Меттернихом Зондербунд и иезуитов. Оба они отрицали право Швейцарского союза изменять без согласия великих держав ту конституцию, которая ему была навязана в 1815 г. Накануне того дня, когда бернский сейм собирался принять исполненные решения постановления, австрийский канцлер предложил Франции образумить Швейцарию путём коллективного вмешательства, подобного тому, жертвой которого недавно стал Краков. Но для такого предприятия у Гизо в отличие от Меттерниха не было достаточной свободы действий. Он должен был считаться с оппозицией в парламенте, с прессой, с общественным мнением, которые и без того сильно упрекали его за уступки венскому двору и никогда бы не позволили открыто вступить в союз с Веной для того, чтобы задушить свободу Швейцарии. Поэтому Гизо решился на хитрость и тайно предложил Меттерниху комбинацию более остроумную, чем честную: пусть Австрия введёт свои войска в Швейцарию с целью произвести там контрреволюцию; тогда палата депутатов, очевидно, потребует, чтобы в противовес им были отправлены французские войска; когда же обе армии оккупируют Швейцарию, они общими усилиями сделают то, что нужно. Но Меттерних, который меньше всего страдал наивностью, заподозрил Гизо в желании обмануть его или по крайней мере сохранить для себя возможность противодействовать австрийской политике, если без этого ему нельзя будет сохранить доверие палаты. «Если Франция, — писал он Аппоньи, — введёт свои войска в Швейцарию потому, что Австрия ввела туда свои, то цели их будут различны. Франция выступит в роли защитницы независимости федерации и в роли врага ретроградных идей Австрии. Французское правительство может сколько угодно отрицать это, никто ему не поверит: уже само появление его войск в Швейцарии будет большой поддержкой для радикальной партии. Мы не пойдём на эту удочку». Вместо двусмысленного плана Гизо Меттерних предложил отправить ноту в том смысле, что обе державы *не позволят* швейцар-

¹ В мае 1847 г.

скому сейму посягнуть на свободу кантонов и изменить конституцию 1815 г. Такая декларация, конечно, должна была привести к войне. Поэтому французский кабинет, опасаясь зайти слишком далеко, предложил, чтобы пять великих держав, включая и Англию, отправили Швейцарии ноту одинакового содержания, столь же настойчивую, но менее грозную. Согласие лондонского кабинета представлялось Гизо особенно желательным ввиду упреков, которым он подвергался за то, что он якобы пожертвовал союзом с Англией ради династических интересов. Но Пальмерстон, не отказываясь окончательно, не говорил ни да, ни нет; он требовал разъяснений, придирался к выражениям, одним словом, всячески затягивал дело. Все эти дипломатические проволочки ободрили швейцарских радикалов. 5 июля собрался в Берне союзный сейм; 20-го было постановлено распустить Зондербунд; несколько дней спустя последовало постановление об изгнании иезуитов. После этого оставалось только приступить к репрессивным мерам.

Не только в Швейцарии, но и в Италии, и главным образом в Италии, Гизо и Меттерних нейтрализовали друг друга. Вполне согласные в том, что Италия должна сохранить территориальное деление, навязанное ей трактатами 1815 г., они не были солидарны в такой же степени в стремлении помешать ей установить у себя свободный политический строй. И министр Луи-Филиппа и австрийский канцлер одинаково порицали народные революции. Гизо не хотел торжества демократии в Италии и не желал установления на Апеннинском полуострове парламентского строя в полном объёме. Но его личное положение заставляло его советовать государям мелких итальянских монархий добровольно провести у себя административные реформы, согласные с духом времени; Меттерних же всеми силами старался удержать их от этого¹. Когда порою австрийский канцлер занимал почти угрожающую позицию по отношению к некоторым из них, Гизо приходилось (по крайней мере для вида) выступать в их защиту. Через 15 лет после Казимира Перье Франция не могла допустить, чтобы Австрия единолично распоряжалась в Италии. Пий IX, нерешительный и трус-

¹ Не останавливаясь порою перед довольно ясными угрозами. «Если король, — писал он в 1846 г. относительно Карла-Альберта, — принял решение, если он хочет революции, пусть он открыто выскажется, и тогда мы примем соответствующие меры». В одной из депеш (25 мая 1847 г.) мы читаем: «...следует просить папу и великого герцога (Тосканского), чтобы они действительно управляли своими странами...» И в другой депеше (от 6 августа): «ничто не может нас остановить в исполнении того, что нам повелевает наш долг».

ливый, попросил у Луи-Филиппа ружей для своей гражданской гвардии, и король французов снабдил его ими. В августе 1847 г. венский двор, не на шутку испуганный организацией этой милиции и последними смутами в Риме, приказал австрийским войскам занять папский город Феррару¹. И можно было опасаться, что дело этим не ограничится. Папа поспешил протестовать и запросил июльское правительство, может ли он рассчитывать на его поддержку. Росси заверил, что Франция готова с оружием в руках поддержать его, и принц Жуанвиль появился (в сентябре) с большой эскадрой у берегов римского государства. Это, конечно, была только демонстрация. Гизо не желал войны, а Меттерних ещё того менее. Но канцлер понял, что уступчивость Гизо не может выходить за известные пределы, и потому обещал очистить Феррару². Меттерних желал, чтобы за это Росси и другие представители Франции перестали настаивать на реформах. Он с большим неудовольствием следил за тем, как Пий IX созвал (в октябре) собрание нотаблей, казавшееся ему провозвестником парламента. Он не прочь был объявить папу еретиком за его либеральничание и склонность к популярности³. Не без тайной горечи канцлер доказывал Гизо, что революции нельзя уступать; что предоставить итальянцам полусвободу — значит дать им возможность завоевать полную свободу; и что в тот день, когда они получат право предписывать законы своим государям, они начнут национальный поход против трактатов 1815 г. Французский министр, встревоженный агитацией на полуострове, разраставшейся с каждым днём, начинал приходить к тому же заключению. Но открыто показать это он не мог. В Италии, как и в Швейцарии, политика контрреволюции, о проведении которой первым министрам Австрии и Франции так хотелось бы договориться, была обречена на полную неудачу.

¹ Вопреки трактатам 1815 г., которые позволяли Австрии иметь только гарнизон в цитадели.

² Австрийские войска окончательно очистили город в декабре 1847 г.

³ «Либеральничавший папа, — писал он в то время, — вызывает духов, с которыми он не будет в состоянии справиться... Самое большое несчастье для общества заключается в том, что партия духовного и материального распутства ходит с криком «Viva Pio popo» («Да здравствует Пий IX») и с флагом главы католицизма».

VIII

В то время как венский и парижский кабинеты взаимно уничтожали результаты своих усилий, революционное движение, которое фактически им не удалось задержать, нашло решительную поддержку со стороны великой державы, заинтересованной в том, чтобы отомстить им обоим. Пальмерстон, очень мало расположенный покровительствовать радикализму в Соединённом королевстве¹, без зазрения совести поощрял его развитие за пределами Англии из ненависти к Меттерниху и особенно к Гизо. В Германии он оказывал радикалам слабую поддержку, потому ли что Франция не пользовалась там значительным влиянием, или потому, что в осуществлении германского единства он усматривал больше неудобств, чем пользы для своей страны. Но в Швейцарии и Италии его политика была хотя и не открыто, но всё же упорно направлена к тому, чтобы обеспечить радикализму скорую победу. И достигнутые успехи отвечали его усилиям.

Что касается швейцарских дел, то глава Форейн офис вёл двойную игру и, не стесняясь, обманывал Гизо, который в предыдущем году обманул его самого. В то время как протестантские кантоны готовились к проведению в жизнь федеральных постановлений, предписанных бернским союзным собранием, он всеми силами старался затянуть переговоры относительно *тождественной ноты*, предложенной французским кабинетом; а затем вместо своей подписи он предложил только добрые услуги со стороны Англии, дружественное посредничество между федеральным правительством и Зондербундом. Франция и Австрия, мало доверяя его беспристрастию, не сочли возможным принять его предложение. Тем не менее он послал (в сентябре) в Швейцарию одного из своих коллег по министерству, лорда Минто², который под видом посредничества оказал сильную поддержку Оксенбейну и его друзьям. Прибытие этого важного лица, которое, казалось, олицетворяло собой саму Англию, побу-

¹ Пальмерстон и его коллеги по кабинету всеми силами старались подавить чартистское движение и ирландскую агитацию.

² Граф Минто (Джилберт-Эллиот-Мэррей-Кининмонд) родился в Лионе 16 ноября 1782 г.; член палаты общин в 1806 г., палаты лордов в 1814 г.; посланник в Берлине (1832); первый лорд адмиралтейства в кабинете Мельбурна (1835—1841) и в кабинете Пила (1841—1846); лорд хранитель печати в министерстве, главой которого был Джон Рэссель, его зять (1846—1852); послан со специальным поручением в Швейцарию и Италию (сентябрь 1847 г. — май 1848 г.); умер в Лондоне 31 июля 1859 г.

дило швейцарских радикалов не откладывать выполнение своих угроз. Они хорошо понимали, что Австрия, занятая наблюдением за Италией, не осмелится открыть враждебные действия против них иначе, как при поддержке Франции; что Франция выступит против них только в том случае, если будет иметь возможность рассчитывать на сочувствие Великобритании, и что моральная поддержка этой последней державы совершенно обеспечена конфедерации. Поэтому союзное собрание было созвано снова и 24 октября издало распоряжение о мобилизации большой армии, которая должна была под начальством генерала Дюфура¹ выступить против Зондербунда. 29 октября семь католических кантонов прекратили сношения с собранием и заявили о своём намерении защищаться до последней возможности. Через неделю война была формально объявлена союзными властями, и 10 ноября начались военные действия.

Венский и парижский кабинеты, не дожидаясь этого дня, заговорили о вмешательстве европейских держав. Но они уже и раньше потеряли много времени на переговоры; в решительный же момент Пальмерстон собирался заставить их потерять ещё больше времени. Как раз в тот момент, когда собиралась вспыхнуть война, хитрый министр, чтобы лучше их обмануть, внушил им мысль о коллективном посредничестве, которое пять великих держав могли бы предложить Зондербунду и его противникам. Гизо попался на эту удочку и 4 ноября разослал европейским дворам ноту, сводившуюся к следующему:

1) воюющие стороны должны сложить оружие,

2) они должны подчиниться решению пяти держав, принятому на конференции, место для которой будет определено впоследствии.

Это предложение, столь согласное с духом Священного союза, было немедленно принято Австрией и Пруссией. На согласие царя, по словам его представителей в Париже и Лондоне, можно было вполне рассчитывать. Но Англия расстроила всё дело.

Тактика Пальмерстона в этот момент больше, чем когда-либо, состояла в том, чтобы выиграть время. Он хотел дать

¹ Дюфур (Гильом-Анри) родился в Констанце в 1787 г.; назначен швейцарским союзным собранием вскоре после 1830 г. генерал-квартирмейстером; одержал победу над Зондербундом в 1847 г.; послан в 1857 г. к Наполеону III с конфиденциальным поручением относительно невшательского дела; председатель международной конференции, результатом которой было соглашение 22 августа 1864 г. относительно обращения с ранеными во время войны (Женевская конвенция); умер 14 июля 1875 г.

Оксенбейну время уничтожить Зондербунд. Он тайно торопил и его и генерала Дюфура начать военные действия и покончить с католическими кантонами. В ожидании же этого результата он умышленно затягивал переговоры и употреблял всевозможные средства для отсрочки. Только по истечении 10 дней (16 ноября) он послал Гизо ответ. Не соглашаясь с его нотой, он направил ему свой контрпроект, по которому конференция должна была состояться в Лондоне, а для умиротворения Швейцарии предлагались следующие условия: 1) уничтожение Зондербунда и 2) изгнание иезуитов. Французское правительство протестовало против этих требований. Французскому послу в Лондоне пришлось начать новые переговоры с Пальмерстоном, который спорил и придирался к мелочам. В конце концов державы согласились на двусмысленный, полный противоречий текст ноты, причём Австрия и Англия сделали важные оговорки в диаметрально противоположном смысле. Но это произошло только 26 ноября, а к тому времени Зондербунд уже был повсюду разбит. 29-го числа последний из семи католических кантонов изъявил покорность. Только 30 ноября Оксенбейн получил ноту, в которой державы предлагали Швейцарии своё посредничество; он ответил, что не желает с ней считаться. Впрочем, она была ему представлена только от имени Франции, Австрии и Пруссии. Когда эти державы пригласили Англию последовать их примеру, Пальмерстон холодно ответил, что уже слишком поздно, так как швейцарский вопрос уже разрешён оружием и посредничество теперь не имеет смысла. Революция решительно восторжествовала в Швейцарии, и британский кабинет наслаждался возможностью досадить в свою очередь виновникам испанских браков.

Но этим его месть не ограничилась. В октябре лорд Минто прибыл в Италию. С давних пор английские агенты на всём полуострове старались дискредитировать французское правительство, утверждая, что оно втайне продано Австрии и контрреволюции. Они указывали итальянским патриотам, что только одна держава в Европе искренне расположена к ним и что этой державой является Англия; что её моральная поддержка всегда будет им обеспечена; что в случае надобности им будет оказана с её стороны и материальная помощь. Прибытие лорда Минто казалось лучшей гарантией подобных обещаний. Он отправился прежде всего в Турин. Ободрённый этим визитом, Карл-Альберт настолько осмелел, что опубликовал 30 октября важное распоряжение об административной реформе, которое казалось провозвестником парламентской конституции; 3 ноября он подписал предварительный договор о таможенном союзе, который должен

был соединить Пьемонт с Тосканой и Папской областью; его военные приготовления принимали всё более явный характер; Италия начинала приветствовать его как будущего вождя национального крестового похода против Австрии. Затем представитель Пальмерстона явился в Рим, где народ встретил его как освободителя и шумно приветствовал его. В этот момент популярность папы была сведена почти к нулю. Открывая *государственный совет* (*consulte d'Etat*), т. е. собрание нотаблей, созванное за несколько недель перед тем (15 ноября), Пий IX счёл своей обязанностью в резких выражениях напомнить о своих правах неограниченного монарха и заявить, что собрание будет иметь чисто совещательное значение, а также — что папа, блюститель священной власти, не допустит её ослабления. В ноябре и декабре наиболее умеренные сторонники реформ и в особенности французский посол тщетно старались добиться от него согласия на удовлетворение самого горячего желания его подданных — секуляризацию административной власти. С трудом удалось им добиться передачи одного министерства (военного) в руки светского должностного лица. Ввиду этого настроение умов в Риме становилось всё более и более возбуждённым. Англичанам не трудно было убедить итальянцев, что Франция действует заодно с Австрией и собирается погубить революционное движение. Вся центральная Италия находилась в состоянии брожения. Мятежи в больших городах стали повторяться всё чаще и чаще. В декабре 1847 г. и январе 1848 г. волнение охватило Ломбардо-Венецианское королевство. Напрасно Австрия увеличивала в этой стране военные силы. Напрасно она наводняла своими войсками даже герцогства Моденское и Пармское. Этим она только усиливала раздражение итальянского народа. Милан, Венеция, Павия, Падуя, несмотря на полицию и пушки, начинали волноваться. Революция готова была вспыхнуть каждую минуту. Нужен был только толчок; этот толчок был дан южной Италией. Из Рима лорд Минто отправился в Неаполитанское королевство. Там он нашёл почву, прекрасно подготовленную для возмущения благодаря нелепому и жестокому деспотизму Фердинанда II, который только что перед тем расстрелял картечью толпу своих подданных¹. Подстрекаете-

¹ Этот государь родился в Палермо 12 января 1810 г.; вступил на престол 8 ноября 1830 г. после смерти своего отца, Франциска I, сына и преемника Фердинанда I (умершего в 1825 г.). Невежественный, подозрительный, слабый, жестокий и вероломный, он имел все недостатки двух ближайших своих предшественников. Его царствование было временем террора. Заговоры и попытки к восстанию подавлялись им

мая Англией Сицилия восстала 12 января 1848 г.; войска, посланные королём для того, чтобы подавить возмущение в Палермо, были разбиты; всё население острова взялось за оружие; революция победоносно перешла Мессинский пролив и достигла Неаполя. Трусливый (подобно своему отцу и деду) Фердинанд испугался восстания, пошёл на уступки и назначил 27 января либеральных министров; спустя два дня он обещал конституцию и 11 февраля обнародовал её. Это событие было с восторгом встречено всей Италией. С этого момента на всём полуострове монархи почувствовали, что им придётся уступить. Леопольд тосканский не стал ждать, пока восстание достигнет стен его дворца. 15 февраля он также дал конституцию. Карл-Альберт и Пий IX ещё колебались, но их образ действий показывал, что и они готовы уступить общему течению. Первый акт итальянской революции, казалось, готов был закончиться.

IX

Чем можно было в данный момент остановить движение? Венский и парижский кабинеты, единодушно осудившие это движение, должны были с таким же единодушием подавить его. Но в этот решительный момент они не сумели действовать совместно и не решились выступить каждый в отдельности. Меттерних, который и прежде с трудом сдерживал движение в Милане и Венеции, боялся вывести войска из этих двух областей. Ещё более опасался он того, что Франция, которой он всё время не доверял, даст ему выступить во имя контрреволюции лишь для того, чтобы затем иметь повод вмешаться во имя свободы и повторить, но уже в больших размерах, анконскую историю. Он хотел склонить её к одновременному и совместному вмешательству. Что же касается Гизо, то он не скрывал от себя, что политические скандалы, которые скомпрометировали его правительство в 1847 г.¹, кампания банкетов, которую уже не-

с поистине дикой жестокостью. Стоит только вспомнить казнь братьев Бандиера и их соучастников, которых он хладнокровно приказал расстрелять в 1844 г. из-за совершенно незначительной попытки к восстанию. Благодаря грубым насилиям, совершённым им в конце 1847 г. и начале 1848 г., он получил прозвище «бомбы»; с тех пор так называли его итальянские патриоты. Он умер в Неаполе 22 мая 1859 г.

¹ Именно: процесс, по которому два прежних министра июльской монархии, Тест и Кюбьер, были осуждены за подкупы, а также дело об убийстве дочери маршала Себастьяни, герцогини де Прален, её мужем, пером Франциш

сколько месяцев с таким успехом вела оппозиция, и дебаты о тронной речи (январь—февраль 1848 г.)¹, во время которых его политика подверглась столь энергичному порицанию, — грозили серьёзной опасностью для июльской монархии. Он отлично понимал, что если революция восторжествует в Италии и Швейцарии, то она не замедлит перебраться и во Францию и послужит заразительным примером для Парижа. Ему настоятельно необходимо было восстановить *порядок* на полуострове. Но как добиться этого? Надо было отправить несколько полков в Рим. Ибо, по его мнению, пока Папская область не во власти *радикализма*, можно ещё помешать дальнейшему распространению итальянской революции. И вот в январе он сосредоточивает войска в Порт-Вандр и в Тулоне. Но под каким предлогом посадить их на суда? Нельзя было и думать о том, чтобы открыто соединить их с австрийской армией. Гизо не видит другого способа выйти из затруднительного положения, кроме возобновления несколько макиавеллистского предложения, какое было сделано им в 1847 г. относительно Швейцарии. Но, как и прежде, князь-канцлер боялся попасть в западню. Французский министр, несмотря на угрожающую опасность, всё-таки не осмеливался взять на себя инициативу экспедиции. И, таким образом, вплоть до 24 февраля, венский и парижский кабинеты не предприняли ничего серьёзного против итальянской революции.

В то же самое время они изощрялись в бесплодных попытках вернуть свои потерянные позиции в Швейцарии. Австрия, Франция и Пруссия отправили (12 января) Швей-

¹ Агитация, поднятая реформаторскими и демократическими банкетами с 1 июля 1847 г., сильно раздражала Луи-Филиппа. В речи, произнесённой им 22 декабря при открытии палаты депутатов, он считал нужным пожаловаться на *враждебные* или *слепые*, по его мнению, страсти, которые вызывали эту агитацию. Он заявил о своём решительном намерении противиться народным увлечениям. 8 февраля 1848 г. министр внутренних дел Дюшатель сделал с трибуны следующее заявление: «Если думают, что правительство, исполняя свой долг, уступит перед манифестациями, каковы бы они ни были, то в этом жестоко ошибаются; оно не сделает никаких уступок». Несколько дней спустя, почти накануне революции, Гизо заявлял тоном, не допускающим возражения, что *день всеобщей подачи голосов* не наступит никогда. Вследствие этого оппозиция, даже умеренная, приняла самый угрожающий тон. Одилон Барро бросил министрам в лицо такое обвинение: «Полиньяк и Пейронне никогда не поступали хуже вас». Правительство обвиняли в том, что оно во внешней политике держит сторону Священного союза, и Тьер в своей знаменитой речи воскликнул, что лично он *всегда будет стоять на стороне Революции*.

царскому союзу угрожающую ноту, в которой они требовали представить на их третейский суд уже решённые вопросы о Зондербунде и иезуитах, а также вопрос о федеральной реформе. Генералы Коллоредо и Радовиц едут из Берлина в Вену, из Вены — в Париж. Тремя дворами был уже составлен план военных операций для занятия Швейцарии. Но нельзя было быть вполне уверенным в том, что в последний момент Луи-Филипп согласится действовать. С другой стороны, венский кабинет, для того чтобы заручиться содействием берлинского двора, должен был отнестись с вниманием к его предложениям относительно федеральной реформы в Германии, которая так долго задерживалась; и как ни желал Меттерних обмануть в этом отношении прусский двор, он с ужасом видел, что ему вскоре придётся начать переговоры, результатом которых могла явиться победоносная германская революция.

Все планы старого дипломата были, впрочем, расстроены событием, которое он не раз предсказывал, но которого он не ожидал так скоро. Луи-Филипп, возведённый на престол благодаря народному восстанию, был неожиданно низвергнут таким же восстанием. Демократический банкет, неосмотрительно запрещённый министерством, вызвал в Париже волнение, которое вследствие одного трагического инцидента¹ перешло вечером 23 февраля в грозное восстание. Национальная гвардия, до сих пор остававшаяся верной июльской монархии, покинула её на произвол судьбы. Обезумевший король потерял голову, без сопротивления отказался 24-го числа от короны в пользу малолетнего внука²,

¹ Толпа, собравшаяся для манифестации на бульваре Капуцинов, перед зданием министерства иностранных дел, была встречена почти в упор залпом со стороны отряда, охранявшего министерство. Было убито и ранено 52 человека.

² Граф Парижский (Луи-Филипп-Альбер Орлеанский) родился в Париже 24 августа 1838 г. Увезён после февральской революции сначала в Англию, затем в Германию; принимал участие в качестве волонтера армии северян в гражданской войне в Соединённых Штатах (1861—1862); женился 30 мая 1864 г. на своей двоюродной сестре Изабелле Орлеанской, дочери герцога Монпансье; вернулся из изгнания в 1871 г.; 5 августа 1873 г. приветствовал в качестве «единственного представителя монархического принципа во Франции» графа Шамбора, после смерти которого (1883) выступил претендентом на корону, и в 1886 г. был изгнан из Франции, так же как и его старший сын Луи-Филипп-Робер, герцог Орлеанский (родился 6 февраля 1869 г.) Этот последний, нарушив закон об изгнании в феврале 1890 г., был осуждён на 2 года тюремного заключения, но был помилован в июне того же года.

которого никто не желал признавать государем, и бежал вместе со всеми своими приближёнными. Временное правительство провозгласило в здании ратуши республику. С этого момента швейцарские дела не могли более занимать дипломатов. Всем престолом грозила опасность. Демократическая и национальная политика, с которой государи с таким трудом боролись в течение тридцати с лишним лет, преодолела все преграды и открывала Европе новые пути. Эпоха Священного союза кончилась, начиналась эпоха Революции¹.

¹ Источники: *Berryer* Discours parlementaires; — *Canitz-Dallwitz*, Denkschriften, t. II; — *Chevalier* (Michel), des Rapports de la France et de l'Angleterre à la fin de 1847 (Revue des Deux Mondes, 1-er février 1848); — *Circourt* (Ad. de), des Révolutions et des partis de la Confédération helvétique (Revue des Deux Mondes, 15 mars 1847); — *Créteineau-Joly*, Histoire du Sonderbund, — *Daendliker*, Histoire du peuple suisse; — *Deventer* (van), Cinquante années de l'histoire fédérale de l'Allemagne; — *Fouquier*, Annuaire historique, années 1845—1848; — *Faucher* (L.), la Ligue anglaise en 1846 (Revue des Deux Mondes, 15 février 1846); — *Guizot*, Mémoires, t. VII et VIII; — *Haussonville* (comte d'), Histoire de la politique extérieure du gouvernement français, t. II; — *Hervé* (Ed.), la Crise irlandaise depuis la fin du XVIII siècle; — *Hubbard*, Histoire contemporaine de l'Espagne, t. V; — *Mac Carthy*, Histoire contemporaine de l'Angleterre, t. I; — *Martin* (Th), le prince Albert, t. I; — *Mazade* (Ch. de), l'Espagne moderne; — *Mazzini* (A.), de l'Italie dans ses rapports avec la liberté et la civilisation moderne; — *Metternich* (prince de), Mémoires, documents et écrits divers, t. VII; — *Peel* (R.), Mémoires; — Question (la) des jésuites en Suisse (Revue des Deux Mondes, 15 février, 1-er mars 1847); — *Ranke*, aus dem Briefwechsel etc.; — *Regnault* (E.), Histoire de huit ans, t. III; — *Saint-René Taillandier*, Le roi Leopold et la reine Victoria; — Sonderbund (le) et le radicalisme suisse (Revue des Deux Mondes, 15 août, 1847); — *Taylor et Mackay*, Sir Robert Peel, sa vie et son temps; — *Thiers*, Discours parlementaires; — *Thomas* (Alex.), Question danoise (Revue des Deux Mondes, 15 sept. 1846); — *Id.*, L'Allemagne du présent (Revue des Deux Mondes, 1846—1847); — *Zeller*, Pie IX et Victor-Emmanuel; etc.